ИМПЕРСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Анатолий Уткин

АМЕРИКАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

МОСКВА
ЭКСМО
«АЛГОРИТМ» 2003

ББК 66.4 (2Рос)
У 84
Общественно-редакционный совет:
Аннинский Л.А., Кара-Мурза С.Г., Латышев И.А.,
Николаев С.В., Палиевский П.В.,Панарин А.С,
Поляков Ю.М., Сироткин В.Г., Третьяков В.Т.,
Ульяшов П.С, Уткин А.И.
Оформление художника Е. Пермякова
Уткин А.И.
У 84 Американская империя. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. —
736 с.
ISBN 5-699-04476-0

Еще наш гений А.С. Пушкин задавался вопросом: станет ли в будущем САСШ оплотом демократии или мировым жандармом (правда, в другой терминологии, но суть та же). США явили миру феноменальный пример великой промышленной державы, но и страны, отмеченной страстью к «желтому дьяволу» и бездуховностью. Сегодня США действительно предстают сверхдержавой, навязывающей всему миру свой порядок, свое мироустройство, свою идеологию. Какое поведение выстраивать в этой ситуации России — вот в чем вопрос.

ББК 66.4 (2Рос)
ISBN 5-699-04476-0
© А. Уткин, 2003
© ООО «Алгоритм-Книга», 2003
© ООО «Издательство «Эксмо», 2003

ВВЕДЕНИЕ

> Всегда можно быть уверенным в том, что Америка пойдет правильным курсом. После того, как исчерпает все альтернативы.
> *У. Черчилль, 1944*

В 476 году пала Римская империя, к 1902 году выходом из «блестящей изоляции» обозначилось начало конца глобальной Британской империи, и только столетием спустя, начав, *вопреки всем правилам мирового общежития*, вторжение в междуречье Тигра и Евфрата, мировым феноменом стала Американская империя — система международных отношений, характерная прежде всего тем, что основные решения, касающиеся общей эволюции человечества, принимаются в Вашингтоне.

Для многих такой поворот мировой истории стал неожиданным — вопреки самым популярным предсказаниям, крушение Советского Союза не вызвало распада могущественной западной коалиции, не вытолкнуло на первый план исторического действия экономический национализм, не послужило началом процесса группирования западных держав в попытке уравновесить мощь Соединенных Штатов. Напротив, смена флага над Кремлем самым очевидным образом открыла дорогу тому, что проще и точнее других терминов определяется понятием *гегемонии* в международных отношениях североамериканского колосса.

Сдерживавшая на протяжении четырех с лишним десятилетий Америку вторая сверхдержава — Советский Союз, оказавшись в руках советских борцов за

благополучие «у нас и во всем мире», начал терять мировое влияние в 1989 г. с ослаблением позиций в Центральной и Восточной Европе. Затем советские позиции начали ослабевать в Латинской Америке, Африке, Азии и на Ближнем Востоке. В результате «не только угроза американской территории, но какая бы то ни была форма угрозы влиянию США в Латинской Америке и Европе была ликвидирована на все обозримое время. С исчезновением поддерживающей их сверх-

5

державы недружественные к США арабские режимы перестали представлять собой угрозу Израилю. Это создало Соединенным Штатам возможности глобального доминирования, не имеющие параллелей в мировой истории»[1].

С крушением Востока окончился полувековой период баланса сил на мировой арене. У оставшейся в «одиночестве» главной победительницы в «холодной войне» Америки появились беспрецедентные инструменты воздействия на мир, в котором ей уже не противостоял коммунистический блок. Именно в это время американцы заново осмотрели мировой горизонт и увидели, что — в отсутствие какого бы то ни было цивилизованного международного консенсуса — перед Америкой открываются невероятные, немыслимые прежде, фантастические материальные, политические и культурные новые, немыслимые прежде возможности. Они увидели, что даже те, кто боялся Америки и противостоял ей, либертарианцы справа и остатки новых левых, множество голосов от Парижа до Багдада и Пекина определяют будущие международные отношения исходя почти полностью из преобладания американской мощи — и особенно исходя из факта преобладания военной мощи США. «Момент однополярности» превратился в десятилетие однополярности и, при минимальных усилиях и мудрости, может продлиться намного дольше. (Даже историк из Йельского университета Пол Кеннеди, боявшийся в середине 1980-х годов «имперского перенапряжения», поверил в «чудо»[2].)

Десятилетие после крушения СССР существовала своего рода инерция. Только на развалинах Международного торгового центра в Нью-Йорке в сентябре 2001 г. преисполненные скорби и желания мщения американцы окончательно осознали, что у Америки *нет противовеса*, нет сдерживающего начала на этой планете, что геополитический контрбаланс окончательно ушел в прошлое, в то время как наследовавшая этому противовесу российская держава поспешила войти в возглавленную Соединенными Штатами коалицию. В конвульсиях и в понятном желании отомстить злу американское общество как «консенсусный гегемон» очевидно, зримо и определенно обратилось к «сиренам» имперской опеки над *всем* миром.

К власти вместе с президентом Дж. Бушем-мл. пришла плеяда политиков, начинавших свой путь на вершине власти при пре-

[1] *Lieven A.* The Secret Policeman's Ball: the United States, Russia and the international order after 11 September («International Affairs», v. 78, 2, 2002, pp. 245-246).

[2] *Donnelly Th.* The Past as Prologue: An Imperial Manual («Foreign Affairs», July/August 2002, p. 87).

6

зиденте Рейгане и объединенных ныне *одной, но главной идеей:* история не простит современному руководству страны преступной мягкотелости и нерешительности в тот удивительный момент, когда Соединенные Штаты получили твердый шанс надолго закрепить свое лидерство в мире и обеспечить своей стране все блага мирового развития на американских условиях. Обозревая карту мира в мае 2001 г., государственный секретарь Колин Пауэлл с удовлетворением отметил, что «противостояния синих и красных на ней больше нет. Той карты, что мучила меня много лет, больше не существует»[1]. Будущее действительно смотрелось розовым. И даже трагический Сентябрь помог

строителям империи. Министр обороны Д. Рамсфелд прямо заявил, что события 11 сентября 2001 г. «создали возможности, подобные тем, которые были созданы Второй мировой войной, — возможности перестроить мир»[2]. Операция против Афганистана вначале была названа «Операция «Безграничная Справедливость» — возразили религиозные круги, посчитавшие, что подобная функция может принадлежать только богу.

История, география и экономика дали Вашингтону шанс, который прежде имели лишь Рим и Лондон. Впрочем, и такое сравнение недостаточно. «Никогда не существовало ничего подобного, не было никогда подобного соотношения сил, никогда. Пакс Британника жил экономно. Британская армия была меньше европейских, и даже королевский военно-морской флот равнялся всего лишь двум следующим за ним флотам, вместе взятым, — ныне *все*, взятые вместе, военно-морские флоты не сравняются с американским. Наполеоновская Франция и Испания Филиппа Второго имели могущественных врагов и являлись частью многополярной системы. Империя Карла Великого была всего лишь Западной Европой. Римская империя распространила свои владения дальше, но параллельно с ней существовала еще одна великая империя — Персидская и огромный Китай.

Обычно аналогия с блистательными и всемогущими римлянами и британцами бывает лестной. Но не в данном случае. История при анализе американского имперского подъема едва ли будет хорошей советчицей — такой степени преобладания одной страны над окружающим миром не существовало со времен античного Рима. Параллели с подъемом Франции (конца семнадцатого и начала девятнадцатого веков) и Британии в девятна-

[1] *Colin L.* Powell. Remarks at Council of Americas 32st Washington Conference. Washington, D.C., May 7, 2001.

[2] Secretary Rumsfeld Interview with the New York Times. October 12, 2001.

дцатом веке хромают в том плане, что обе эти страны были все же частью единой европейской констелляции сил. Париж и Лондон были *первыми среди равных*. Чего о современном Вашингтоне не скажешь — даже совокупная мощь потенциальных конкурентов *не дает потенциальным конкурентам шансов равного противостояния*. Короче говоря, современную американскую империю *не с чем сравнивать*»[1]. В пик могущества Pax Britannica — между крушением Наполеона и франко-прусской войной (т. е. между 1815 и 1870 гг.) на Британию приходилось лишь 24 процента совокупного валового продукта шести мировых великих держав; и даже в этот период население и армии Франции и России превосходили ее численно.

Для периода 1945—1990 гг. всегда существовала *гипотетическая* возможность того, что Советский Союз сумеет использовать свое превосходящее положение в Евразии. Сегодня же ситуация иная — у Соединенных Штатов есть все, кроме достойных их мощи конкурентов. «Никогда еще в мировой истории не существовало такой системы суверенных государств, в которой *одно* государство владело бы столь неоспоримым превосходством» [2]. Издатель английского журнала «Экономист» У. Эммотт заключает: «Впервые у Америки есть и возможности и мотивация для перестройки всего мира»[3].

Более того, у Америки имеется *инструмент* построения такого мира, в котором американское преобладание приобретает надежный фундамент. Речь идет о факторе привлекательности демократических институтов и о системе воздействия на экономическое развитие мира, создающих достаточно прочную основу для продолжительного доминирования единственной сверхдержавы. Вместо того чтобы попросту восстановить классический баланс сил, как это сделала Великобритания в 1815 г. и сами Соединенные Штаты в 1919 и 1945 гг.

(когда победители «постарались ограничить применение силы, успокоить слабых потенциальных соперников, закрепить взаимосвязи посредством создания различного типа обязывающих институтов»[4]), гегемон XXI века стремится замкнуть другие страны в *систему* ориентации на

' *Donnelly Th.* The Past as Prologue: An Imperial Manual («Foreign Affairs», July/August 2002, p. 87).

[2] *Brooks S.* and *Wohlworth W.* American Primacy in Perspective («Foreign Affairs», July/August 2002, p. 26).

[3] «The Economist», June 29, 2002, p. 3.

[4] *Ikenberry J.* After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton: Princeton University Press, 2000, p. 8.

8

формируемую в Вашингтоне политику, которая понижает вероятие того, что несогласные с существующим порядком бросят вызов существующему не устраивающему их состоянию международных дел. Метрополия «стремится создать легитимный порядок, создающий обязывающие институты, которые ослабляют действие фактора неравномерности распределения мощи, сдерживает автономные действия в мировой политике, открывает внутренние процессы для внешней оценки и обеспечивает успокаивающее «право голоса» слабым членам мирового сообщества»[1].

Искомый механизм поддержания единовластия — требование распространения демократических институтов (вне всякого внимания к степени релевантности и осуществимости их прогрессивного утверждения). Транспарентность демократических государств, вечная борьба системы «сдержек и противовесов» делают практически невероятным посягательство этих стран на усилия по радикальному изменению мирового *статус-кво*, по замене имперской системы. Американские теоретики сознательно полагаются на «неразделимую взаимосвязь между демократической формой правления и стабильным порядком, основанным на гегемонии... Вот почему Соединенные Штаты были таким яростным экспортером демократии на протяжении прошедшего столетия — и особенно после окончания «холодной войны»[2]. Хладнокровное калькулирование *национальных интересов* породило прежде маскируемую откровенность. Ведущие американские теоретики международных отношений признают, что «американские действия на внешней арене мотивируются не моральными ценностями, а *материальными* интересами, американская поддержка демократии является не «идеалистическим» крестовым походом, а имеет «материалистические» цели»[3].

Новое время породило новые термины: «либерализм национальной безопасности» (Г. Нау); «либеральная великая стратегия» (Дж. Айкенбери); «американская культура национальной безопасности» (Т. Смит.) Такие современные интерпретаторы внешней политики, как С. Смит, У. Робинсон, Б. Гилз, характеризуя имперский характер складывающейся мировой системы,

[1] *Patrick S.* More Power to You: Strategic Restraint, Democracy Promotion, and American Primacy («International Studies Review», Spring 2002, p. 118).

[2] *Patrick S.* More Power to You: Strategic Restraint, Democracy Promotion, and American Primacy («International Studies Review», Spring 2002, p. 120).

[3] *Cox M., Ikenberry J.* and *Inogouchi T.* (eds.) American Democracy Promotion: Impulses, Strategies, and Impacts. Oxford: Oxford University Press, 2000.

9

отвергают как наивное представление о том, что «распространение демократии было целью (и даже *единственной* целью) внешней политики США... Вашингтон стремится экспортировать в качестве универсальной *этноцентричную*, а не исключительно либеральную модель»[1]. Побудительным мотивом внешней политики США является не моральный импульс распространения представительного правления, а «экономические императивы капиталистической

элиты, которая желает консолидировать свою гегемонию над мировой экономикой. Не желая подвергать опасности неолиберальную экономическую глобализацию, американцы распространяют в развивающихся странах *демократию низкой интенсивности* (или «полиархию») посредством защиты сотрудничающих с Западом элит, формирования общественных институтов, которые обеспечивают молчание подчиненных классов и создают преграду на пути реформ, имеющих целью большую степень равенства»[2].

Получил новое рождение силовой фактор, пользующийся рычагом демократических преобразований. Как формулирует английский политолог А. Ливен, «комбинация экспансии американского геополитического влияния, поддержка военных интервенций и в высшей степени селективное продвижение демократических ценностей сделали Соединенные Штаты исключительно грозным врагом любого государства, в котором они готовы увидеть противника»[3].

Геополитическая практика дала яркие примеры этого постулата. Едва выйдя из «холодной войны», американцы в 1994—1995 годах повели за собой войска миротворцев в Боснии; в 1999 г. Вашингтон мобилизовал еще одну массированную экспедицию на Балканах — на этот раз против Сербии; в ответ на исламский фундаменталистский террор Вашингтон создал феноменальную по численности «антитеррористическую коалицию» (144 страны мира). Последовавшие за окончанием «холодной войны» годы характерны большим числом вооруженных американских интервенций, чем за весь полувековой период «холодной войны». Америка энергично воспользовалась своим могуществом и в других сферах международной жизни — установление торговых правил,

[1] *Cox M., Ikenberry J.* and *Inogouchi T.* (eds.) American Democracy Promotion: Impulses, Strategies and Impacts. Oxford: Oxford University Press, 2000, p. 66.

[2] *Patrick S.* More Power to You: Strategic Restraint, Democracy Promotion, and American Primacy («International Studies Review», Spring 2002, p. 122).

[3] *Lieven A.* The Secret Policeman's Ball: the United States, Russia and the international order after 11 September («International Affairs», v. 78, 2, 2002, p. 247).

10

противостояние финансовым кризисам, международное посредничество, защита гражданских прав.

И когда президент Буш призывает на бой ради нового мира, он имеет в виду «упорядоченный мир, дружественный по отношению к американским компаниям, близкий американским ценностям, увековечивающий статус Америки как единственной сверхдержавы»[1]. Уже создается блистательная проекция. «Франция владела семнадцатым столетием, Британия — девятнадцатым, а Америка, — пишет главный редактор журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» М. Закерман, — двадцатым. И будет владеть и двадцать первым веком»[2].

Подобное отношение Америки к внешнему миру «имеет глубокие корни в американском опыте, в американском понимании истории, экономики, в американском понимании источников порядка»[3]. Это отношение приобрело черты, которые одобрили бы теоретики и певцы имперской мощи, такие, как поэт Редьярд Киплинг, политик Теодор Рузвельт и капитан Альфред Мэхэн: Соединенным Штатам не следует отказываться от бремени всемирного могущества, им следует твердо и надолго взять на себя руководство хаотически развивающимся миром, навести *имперский* порядок, заставить отступить все силы, руководствующиеся иными ценностями. В общем и целом идеологи мирового курса президента Дж. Буша-мл. вырабатывали его в русле *интервенционистского подхода* , пусть и со значительными оговорками. Идеологи XXI столетия сделали жесткий вывод из актов громкого терроризма: «Опыт показывает, что выбор неимпериалистического подхода *ненадежен*»[4].

Банкротство коммунизма и коллапс ряда азиатских стран, претендовавших на роль конкурента либеральной идейной модели в 90-е годы, необычайно укрепил

«американский фундаментализм». Скажем, конгрессмен Дж. Кемп провозгласил «наступление 1776 года для всего мира». Потомки пилигримов восприняли миссию серьезно: «Представление об американской исключительности вдохновляет современный американский подход к внеш-

[1] *Bacevich A.* New Rome, New Jerusalem («Wilson Quarterly», Summer 2002, p. 54).

[2] *Zuckerman M.* A Second American Century («Foreign Affairs», May/ June 1998, p. 31).

[3] *Ikenberry J.* After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton: Princeton University Press, 2000, p. 172.

[4] *Mallaby S.* The Reluctant Imperialist. Terrorism, failed States, and the Case for American Empire («Foreign Affairs», March/April 2002, p. 3).

11

ней политике, который направлен на всемирное распространение американского либерально-демократического опыта посредством морального убеждения и политической кооптации — когда это возможно, или посредством насилия, если это необходимо»[1]. Термины имеют относительную ценность, и все же. Америка не была империей, когда цели ее были ограниченными, а фокус внимания был направлен на внутреннюю арену. Ничего подобного нельзя сказать о державе, чьи вооруженные силы расположились в 45 странах, которая контролирует Мировой океан и космическое пространство, тратит на разведку в глобальных масштабах более 33 млрд. долл., которая как на подчиненные смотрит на международные организации, которая вела три войны за последние пять лет против стран, расположенных на расстоянии пол-экватора от американской территории (и чьи жители, к слову, не причинили вреда собственно Соединенным Штатам.) Если пирамида централизованной мощи в глобальных масштабах, построенная после окончания «холодной войны», — не *империя*, то какая степень контроля над миром удовлетворяет определению империи?

Империя держит марку — держит войска в долине Рейна («чтобы замкнуть Германию в ограничительных структурах и не позволить разрушить существующий политический порядок на Европейском континенте»[2]), на Окинаве («против возвращения Японии к практике 1930-х гг.»[3]), с недавних пор в Центральной Азии, Закавказье, контролирует Ближний Восток, умиротворяет Балканы, разрешает конфликты в Карибском бассейне и в Колумбии, в Тайваньском проливе и на Корейском полуострове. «Ни одна нация, — напомнил *urbi et orbi* президент Дж. Буш-мл., — не может себя чувствовать вне зоны действия подлинных и неизменных американских принципов свободы и справедливости... Эти принципы не обсуждаются, по их поводу не торгуются»[4].

Применение силы в межгосударственных отношениях, характерное для начала XXI века, придало Соединенным Штатам уверенности; влиятельный американский журнал «Форин афферс» так пишет о наглядной эффективности применения американской мощи: «Успех военной операции в Афганистане про-

[1] *Santis De H.* Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 43).

[2] *Mandelbaum M.* Inadequacy of American Power («Foreign Affairs», September/October 2002, p. 61).

[3] Ibid.

[4] *Donnelly Th.* The Past as Prologue: An Imperial Manual («Foreign Affairs», July/August 2002, p. 87).

12

демонстрировал способность Америки проецировать свою мощь на нескольких направлениях одновременно и без всякого напряжения; при этом она увеличила военные расходы на 50 млрд. долл. У Америки воистину уникальное положение. Если скепсис кому-то не позволяет видеть формирование современными Соединенными Штатами жесткой однополярной системы, тогда этих скептиков уже ничто не сможет убедить. Сомнения отставлены. Идеологи гегемонии органически не выносят критики «единоначалия»: со времен Геродота

однополярность в мире приносила не только печали, но и порядок, своего рода справедливость, сдерживание разрушительных сил. Не стоит казнить себя. «Соединенные Штаты, — убеждает М. Гленнон, — делают то, что делала бы любая держава в сходных обстоятельствах, — ставят собственные национальные интересы выше неясно очерченных «коллективных» интересов, когда эти интересы сталкиваются между собой; они делают это с меньшим лицемерием и с более очевидным успехом... В реальном мире нации защищают прежде всего *свои собственные* интересы»[1]. Действовать во имя неких абстрактных общих интересов — будь то интересы Запада или всеобщее братство людей — просто иррационально. Не следует гоняться за химерами, следует хранить и защищать свои собственные национальные интересы. В международной системе, где жизнь жестока, грязна и коротка, ставить предполагаемые коллективные интересы над конкретными национальными интересами могут лишь сумасброды, погрязшие в иррациональности.

Унаследовав от «холодной войны» масштабные союзы, военную мощь и несравненную экономику, Америка имеет все основания верить в *однополярный* мир. Помогают глобализация и взаимозависимость. «Создавая сеть послевоенных институтов, Соединенные Штаты сумели вплести другие страны в американский глобальный порядок... Глубокая стабильность послевоенного порядка, — резюмирует известный социолог Дж. Айкенбери, — объясняется либеральным характером американской гегемонии и сонмом международных учреждений, ослабивших воздействие силовой асимметрии... Государство-гегемон дает подопечным другим странам определенную долю свободы пользоваться национальной мощью в обмен на прочный и предсказуемый порядок»[2].

Единственный подлинно дебатируемый вопрос: «Насколько

[1] *Glennon M.* What's Law Got to Do with It («Wilson Quarterly», Summer 2002, p. 59).

[2] *Ikenbeny J.* America's Liberal Hegemony («Current history», January 1999, p. 26).

13

долго будет существовать америкоцентричная система»[1]. Трехнедельный блицкриг весной 2003 г. в Ираке вызвал (по крайней мере вначале) подлинную эйфорию; скорость и эффективность силового воздействия породили еще «менее скованное» отношение к применению фантастической военной мощи Америки. Разве военные расходы, составляющие всего 3,5 процента валового национального продукта США, не стоят феноменального имперского влияния?

Огромность исторической трансформации завораживает, оставляя в ступоре даже многих идеологов американского глобального преобладания. «Придя в себя», они разворачивают настоящий общенациональный спор относительно оптимальной стратегии гегемона. Среди дебатируемых вопросов определение того, какую степень мирового контроля Соединенные Штаты посчитают *достаточной*, как и в какой, Америка намерена провести революционные преобразования в целях упорядочения мира *по-своему*, может ли (и когда) занятие доминирующих мировых позиций превратить Америку в «удовлетворенную» сверхдержаву, решительно охраняющую статус-кво»[2].

В свое время Г. Киссинджер теоретически низвел все возможные миросистемы до трех: хаос, баланс сил и пирамида главенства одной державы. Мы вступили в этот «пирамидальный» мир, в мир Американской империи.

[1] *Brooks S.* and *Wohlworth W.* American Primacy in Perspective («Foreign Affairs», July/August 2002, p. 24).

[2] *IkenberryJ.* Getting hegemony right («National Interest», Spring 2001).

Соединенные Штаты по своей природе — эгоистическая сверхдержава... Морализаторская риторика Вудро Вильсона в свое время едва прикрывала реальполитик Теодора Рузвельта и Генри Киссинджера, но она никак не сможет прикрыть слова и дела Джорджа Буша.

«Экономист», 29 июня — 5 июля 2002 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ИМПЕРСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

1. ИМПЕРСКИЕ ВОЖДЕЛЕНИЯ

> Наша страна будет определять обстоятельства своего времени, а не они будут вершить ее судьбу.
> *Президент Дж. Буш, 2001 г.*

После целого десятилетия осторожного словесного манипулирования в необычайно короткое время — за несколько месяцев после сентября 2001 г. — в американском общественном лексиконе созданы новые аксиомы политической корректности. Даже самые осторожные среди американцев отошли от прежних эвфемизмов типа *превосходство, доминирование, лидерство, преобладание, единственная сверхдержава* и, ничтоже сумняшеся, пришли к более корректному и адекватному определению места своей страны в мире: империя.

Вакуум словесного определения помогли заполнить американские историки, указавшие на то, что *империю* особого типа пытались создать уже организаторы первых поселений на американской земле. Ко временам пилигримов, считавших себя избранными людьми бога, чьей миссией в этом мире является по-

строение нового общества — модели для всего человечества, восходит миф об американской исключительности. На борту корабля, стоявшего на рейде Бостона, первый губернатор Массачусетса Джон Уинтроп сделал в 1630 г. знаменитое определение страны (которую еще предстояло населить, создать и развить) для остального человечества — «Город на холме», идеал человеческого развития и общежития: «И если мы не сможем сделать этот город маяком для всего человечества и фальшь покроет наши отношения с богом, проклятие падет на наши головы».

Мессианское рвение с тех пор очевидным образом проходит сквозь все течение американской истории. Отцы-основатели американской республики истово верили, что новорожденная страна, эта, по их выражению, «растущая империя», явит собой образец для всего человечества. Александр Гамильтон в первом же параграфе «Федералиста» назвал Америку «самой интересной *империей* в мире». Томас Джефферсон говорил об «*империи* свободы». Джеймс Медисон пишет в 1786 г. о задаче «расширить пространство великой, уважаемой и процветающей *империи*»[1]. Успех Америки в «строительстве континентальной империи прочно укрепил американскую уверенность в том, что Америка всегда может рассчитывать на полную свободу действий. Гордость за свои ценности и идеалы убедила американцев в том, что они всегда правы»[2]. Великий американский писатель Герман Мелвилл размышлял в 1850 г.: «Мы, американцы, — особенный, избранный народ, Израиль нашего времени. Мы несем на себе бремя свободы мира»[3].

Вначале это были отвлеченные мечтания. Но с освоением континента, выходом на первую позицию в мировой экономике глобальная претензия начинает подтягиваться к реальности. На волне победы адмирала Дьюи над испанским флотом первую волну *строителей империи* возглавил президент Теодор Рузвельт. Отнятые у Испании Филиппины вопреки обещаниям не получили независимость, а стали американской колонией. Ставший осенью 1898 года государственным секретарем Джон Хэй поставил задачу христианизации 1200 островов Филиппинского архипелага. Америка превратилась в мировую державу, и решение международных проблем без ее участия стало практически невозможным.

[1] Цит. по: *Chace J.* Imperial America and the Common Interest («World Policy Journal», Winter 2002, p. 19).

[2] *Hirsh M.* Bush and the World («Foreign Affairs», September/October 2002, p. 23).

3 *Melville H.* White Jacket. New York, 1850, ch. 36.

16

В октябре 1900 г. Теодор Рузвельт делился своими «желаниями»: «Я хотел бы видеть Соединенные Штаты доминирующей державой на берегах Тихого океана». Пока Дьюи брал Филиппины, конгресс объявил об аннексии Гавайев и всего Филиппинского архипелага; одновременно военно-морской флот США овладел контролем над островами Уэйк и Гуам.

Верхний предел этой волны зафиксировал в январе 1917 г. президент Вильсон, когда заявил, что американские принципы — это принципы всего человечества. Вильсон предложил нациям мира «принять доктрину президента Монро в качестве доктрины для всего человечества»[1].

Вторая волна накатила столетием позже. Подобно тому как победа над Испанией в 1898 г. сделала Соединенные Штаты неоспоримым хозяином Карибского бассейна, победа в 1989 г. сделала США неоспоримым мировым гегемоном. «Отныне, — пишет американский политолог Э. Басевич, — американские интересы уже не знают пределов в планетарном масштабе»[2]. Конечно, при желании можно представить дело так, что и Луизиана, и Техас, и Калифорния были *навязаны* (судьбой, соседями) Соединенным Штатам. Немало адвокатов той трактовки, что и в Первую, и во Вторую мировые войны Америка была *вынуждена* вступить. Виноват, мол, в 1898 г. кровавый кубинский диктатор генерал Валериано Вейлер, столетием позже — Милошевич, а в 2001 г. — мулла Омар. Это если считать историческую истину служанкой господствующей сегодня исторической схемы.

Миф о «неохотно принявшей на себя миссию сверхдержавы» Америке популярен. Начальник отдела планирования государственного департамента при президенте Дж. Буше-мл. Ричард Хаас так и назвал свой «опус магнус» — «Неохотная сверхдержава». Но в свое время такие творцы (и историографы) американской истории, как Теодор Рузвельт, признавали (в 1898 г.), что «конечно же, вся наша национальная история была историей *экспансии*». И конечно, же великой наивностью звучат слова американского историка Э. Мэя о том, что «некоторые нации достигали величия, — но на Соединенные Штаты это величие просто свалилось».

Такие определения звучат неуважением к многочисленным и талантливым строителям американской империи, таким, как госсекретарь Хэй, Т. Рузвельт, сенаторы Лодж и Беверидж, У. Тафт,

[1] *Link A.* (ed.) The Papers of Woodrow Wilson (Wilson W. An Address to the Senate. January 22, 1917), v. 40, Princeton, 1982, p. 539.

[2] *Bacevich A.* American Empire. The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy. Cambridge: Harvard University Press, 2002, p. 177.

17

Вудро Вильсон, полковник Хауз, генерал Леонард Вуд, Генри Стимсон, плеяда политиков вокруг Франклина Рузвельта, государственные секретари Маршалл и Ачесон, треугольник Ловетт-Маклой-Форестол, генерал Эйзенхауэр, камелот Кеннеди, ястребы Рейгана, готовые к выходу за пределы «холодной войны» технократы Дж. Буша-ст. («люди действия, а не размышлений», — как называл их государственный секретарь Дж. Бейкер[1]), глобалисты Клинтона, планетарные политики Дж. Буша-мл.

Миф имперской невинности Америки пережил «холодную войну» не потому, что он исторически убедителен, а потому, что он оказался чрезвычайно полезным для эпохи бесспорного глобального преобладания США. Если это не так, то пусть кто-нибудь объяснит, *что* или *кто* угрожает стоящей на вершине современного

мира Америке, выдвинувшей свои вооруженные силы в 45 стран мира, ключевых стран. Поневоле приходится делать вывод, что внешние факторы *никогда* не объясняли внешнеполитической экспансии Соединенных Штатов. Побудительными были *внутренние* причины. Президент Дж. Буш-ст. дает наилучшую иллюстрацию мемуарным утверждением, что главным итогом войны против Ирака в 1991 г. было «низвержение вьетнамского синдрома»: «Превосходно проявившие себя войска не только заслужили общественное восхищение, но и сделали бессмысленным предположение, что окончание «холодной войны» может быть основанием для *опасной демобилизации*. Скорее напротив, Соединенные Штаты без лишнего шума сделали своей политикой **постоянное** военное доминирование. Наконец, операция «Буря в пустыне» сделала бессмысленными предсказания, что либо Япония, либо Германия могут вскоре обойти Америку. Соединенные Штаты вышли из этой войны как **единственная сверхдержава,** не имеющая более конкурентов на этот титул... Возникает новый мир, и обозначились перспективы нового мирового порядка»[2].

Как и давний разгром устаревшего испанского флота в бухте Манилы (1898), освобождение Кувейта в 1991 г. было явлением периферийным по сравнению с теми вопросами, что неизбежно встали перед американскими вождями в Вашингтоне. В 1898 г. президент Маккинли должен был думать не о судьбе «маленьких коричневых братьев», а о том, как *защитить* завоеванное. В 1991 г. президент Буш-ст. тоже думал не о «малой пользе» уничтожения

[1] *Baker J.* The Politics of Diplomacy. New York, 1995, p. XIII.

[2] *Bush G.* and *Scowcroft B.* A World Transformed. New York, 1998, p.545; *Bush G.* Address before a Joint Session of the Congress on the cessation of the Persian Gulf Conflict. March 6, 1991.

иракских танков, а о том, что «благодаря тому, что мы сделали, нам уже не придется использовать американские войска по всему миру. *Теперь, когда мы называем что-либо объективно правильным... народы должны слушать нас»*[1].

И ныне, в начале XXI века, «в ранге держав, имеющих международное влияние, Соединенные Штаты занимают первое место, причем их отрыв от всех прочих держав вызывает к памяти преобладание Римской империи античности»[2].

Идеи, завоевавшие Америку

Библейское «в начале было Слово» относится к Америке, может быть, больше, чем к какой-либо другой стране. Как представляется, республиканская администрация Дж. Буша-младшего зря «смущается» термина «империя». Ее предшественники не испытывали особого смущения, при его употреблении. И речь идет не об одиозных идеологах империи, таких, как президент Теодор Рузвельт, но о гораздо более близких по времени творцах внешней политики США.

Государственный секретарь администрации Д. Эйзенхауэра Джон Фостер Даллес в середине прошлого века утверждал, что все империи *«насыщены великими идейными системами, они излучают такие символы веры, как «явное предназначение», «бремя белого человека». Мы, американцы, нуждаемся в символе веры, который делает нас сильнее, в символе веры такой силы и убедительности, которая заставила бы нас почувствовать, что нами владеет миссия всемирной убедительности, влекущая нас распространить ее по всему свету»*[3].

В указанном смысле подготовка «неоконсервативной фалангой» нового идейного обоснования американской внешней политики (и фиксация этого обоснования в сентябре 2002 г. в виде «доктрины Буша») свершилась не вследствие некой аберрации американского сознания, некоего восстания глобалистов против привычного, отрицания осевой тенденции идейной истории

Соединенных Штатов. Напротив, все основные предпосылки поворота к жесткому самоутверждению, самостоятельным действиям и желание опередить потенциального противника имеют в аме-

[1] Bush G. The President's News Conference on the Persian Gulf Conflict. March 1, 1991.

[2] *Mandelbaum M.* Inadequacy of American Power («Foreign Affairs», September/October 2002, p. 61).

[3] *Pruessen R.* John Foster Dulles: The Road to Power. N.Y.: Free Press, 1982, p. 200.

риканской политической жизни долгую и последовательную историю. Как нам представляется, наиболее внушительный обзор этой истории сделал историк из Университета Пенсильвании Уолтер Макдугал во впечатляющей книге с «говорящим» названием: «Земля обетованная, государство крестоносцев»[1].

Имперское мировидение и «доктрина Буша» никоим образом не возникли на некой голой почве, как некий уход с идейной магистрали Америки. Напротив, долгая и богатая традиция питала подходы к ней, и мы постараемся проследить главные среди идейных предпосылок. Таковыми для Америки, которую мы увидели в Югославии, Афганистане и Ираке, являются *восемь* базовых долгосрочных тенденций американской истории и развития ее политической мысли.

Исключительность. Со времен отцов-основателей Америка никогда не сравнивала себя с другими государствами в твердой уверенности, что такое сравнение неправомочно по определению. Джефферсон мог быть смертельным внутриполитическим противником Гамильтона, но оба они свято и безоговорочно верили в образ своей страны как библейского «града на холме». Живущие в этом граде люди разительно отличаются от всего остального человечества своей политической и религиозной свободой. Этот град растет и однажды, согласно предсказанию Джефферсона, превратится в «империю свободы». Приведем исторически достоверный пример. 4 июля 1821 года президент Джон Куинси Адамс обратился к американской нации как стремящейся к «установлению свободы и независимости *для всех на Земле*». Словеса витиеватые? Но немного найдется на планете государств, которые бы так открыто и вдохновенно готовили свое видение мира «для всех на Земле».

Односторонность. Прощаясь (как президент) с согражданами, президент Вашингтон говорит, что «подлинной политикой для Америки должно быть твердое отстояние от постоянных союзов с любыми частями чужих земель». А золотое перо Томаса Джефферсона отпечатало запоминающуюся фразу: «Никаких обязывающих союзов с другими странами». Даже когда Соединенные Штаты начали в 1812 г. войну с Британией, они не пошли на казавшийся логичным союз с противостоявшей Британии Францией. Традиция жива во всей полновесности. В этом можно убедиться, когда президент Дж. Буш-младший говорит на заседании Совета национальной безопасности, что не стоит долго разводить дипломатию с союзниками. «На некой точке мы мо-

[1] *McDougal W.* Promised Land, Crusader State. New York, 2002.

жем остаться в *одиночестве*. Меня это устраивает. Ведь мы — Америка»[1].

«Доктрина Монро», провозглашенная в 1823 г., запрещала создание европейскими державами новых колоний в Западном полушарии. Едва ли Америка тех лет могла бы противостоять великим европейским державам, но принцип есть принцип: Америка провозглашала «руки прочь» всякому, кто попытался бы приблизиться к окружению растущих Соединенных Штатов, и эта традиция, это отношение к Латинской Америке как к своему заднему двору сохранилось до двадцать первого века во всей своей первозданной силе.

Экспансия. Уже в 1843 г. журналист Джон Салливэн «отчеканил» популярную фразу «явное предназначение», имея в виду территориальное

распространение североамериканской республики на Запад «с целью продолжения великого эксперимента свободы и федерального самоуправления». Президент Полк, в частности, видел в доктрине «очевидного предназначения» оправдание войны с Мексикой, удвоившей территорию Соединенных Штатов. Вслед за покупкой Луизианы, войной с Мексикой и выходом к Тихому океану Соединенные Штаты оказались самым растущим в мире государством, постоянно расширяющим зону своего влияния — от покупки Луизианы до нефтяных полей иракского Киркука.

Империализм. Сенатор Альберт Беверидж призвал в 1900 г. Америку услышать голос, зовущий ее к мировому могуществу: «Внутренние улучшения были главной чертой первого столетия нашего развития; владение и развитие других земель будет доминирующей чертой нашего второго столетия... Изо всей расы бог избрал американский народ как свою избранную нацию для конечного похода и возрождения мира. Это божественная миссия Америки, она принесет нам все доходы, всю славу, все возможное человеческое счастье. Мы — опекуны мирового прогресса, хранители справедливого мира... Что скажет о нас история? Скажет ли она, что мы не оправдали высочайшего доверия, оставили дикость ее собственной участи, пустыню — знойным ветрам, забыли долг, отказались от славы, впали в скептицизм и растерялись? Или что мы твердо взяли руль, направляя самую гордую, самую чистую, способную расу истории, идущую благородным путем?.. Попросим же господа отвратить нас от любви к мамоне и комфорту, портящим нашу кровь, чтобы нам хватило мужества пролить эту кровь за флаг и имперскую судьбу». Поколение Беве-

[1] *Woodward B.* Bush at War. New York: Simon and Schuster, 2002, p. 81.

21

риджа, Теодора Рузвельта, Лоджа объединило свои убеждения с теоретизированием Альфреда Мэхэна, требовавшего создания военных баз в Карибском бассейне, на Панамском канале, на островах Тихого океана. Эта тенденция никогда не обрывалась, менялась лишь ее интенсивность. И ныне респектабельные «Уоллстрит джорнэл» и «Нью-Йорк таймс» спокойно и уравновешенно обсуждают блага имперской роли Америки.

Интернационализм. Великими носителями этой тенденции был президенты Вудро Вильсон и Франклин Рузвельт. Вильсон ощутил сложность задачи переустройства мира в соответствии с американскими идеями сразу же после начала Парижской мирной конференции. Его партнеры отнюдь не разделяли пафоса мироустройства. «Президент, — писал Ллойд Джордж, — смотрел на себя как на мессию, чьей задачей было спасти бедных европейцев от их стародавнего поклонения фальшивым и злым богам». Европейские политики смотрели на американского президента не как на обладателя сверхъестественной мудрости, а как на распорядителя колоссальной мощи Соединенных Штатов. Стремясь искоренить изоляционизм в США и привязать страну к мировой политике, Вильсон сделал решающие шаги в направлении интернационального международного сотрудничества. Сенат США не поверил в то, что Лига Наций может быть эффективным орудием американского воздействия на мир, потому-то в этот решающий момент Вильсон лишился внутреннего политического кредита.

Современный американский историк Т. Паттерсон полагает, что президент Франклин Рузвельт ясно определил свои цели на основе либерального интернационализма: «Восстановление мировой экономики согласно принципам многосторонности и открытых дверей; помощь жертвам войны; предотвращение прихода к власти левых сил; обеспечение безопасности Соединенных Штатов посредством создания системы глобальной обороны; комбинация дружественного подхода к Советскому Союзу и сдерживания его. От образования Организации Объединенных Наций до основания Мирового банка, от создания заморских

американских баз до займов по восстановлению, от пересмотра границ до изменения состава чужих правительств мы можем видеть, как американцы хотели реализовать свои послевоенные планы посредством применения силы... Американские планировщики надеялись создать капиталистический, демократический мировой порядок, в котором Соединенные Штаты, занимая патерналистскую позицию, стали бы моделью и доминирующей нацией в системе разделения мощи и сфер влияния».

Сдерживание. Основной смысл знаменитых телеграмм Дж. Кеннана можно выразить одной фразой: «Мы имеем дело с поли-

22

тической силой, фанатически приверженной идее, что не может быть найдено постоянного способа сосуществования с Соединенными Штатами»[1]. Кеннан дал «рациональное» объяснение поспешному созданию американской зоны влияния. После так называемой длинной телеграммы (февраль 1946 г.) Кеннана проводники экспансионистской политики получили желанное моральное и интеллектуальное оправдание своей деятельности на годы и десятилетия вперед. «Сдерживание», термин из этой телеграммы, надолго стало популярнейшим символом американской внешней политики. Чтобы «сдержать» СССР, Соединенные Штаты окружили советскую территорию базами и военными плацдармами, позади которых оставался зависимый от США мир. В это время американские (а не советские) войска находились в Париже, Лондоне, Токио, Вене, Калькутте, Франкфурте-на-Майне, Гавре, Сеуле, Иокогаме и на Гуаме.

Стремление улучшить всю планету. Герберт Гувер в начале 1920-х г. раздавал продовольствие в Поволжье, президент Франклин Рузвельт в 1944 г. создал Мировой банк и Международный валютный фонд. Трумэн выступил с Планом Маршалла. Американцы строили «лучший Вьетнам». Президент Буш-ст. обещал странам Персидского залива «гуманитарные интервенции». Президент Билл Клинтон в 1998 году не посрамил мелочностью подхода: «В наших силах поднять миллиарды и миллиарды людей на планете до уровня глобального среднего класса». Все это было обещано с самых высоких трибун и сделано в порыве «сделать мир безопасным для демократии» (президент Вильсон) — а не какую-то часть этого мира.

Вот на таком идейном основании строила неоконсервативная администрация Дж. Буша-мл. свою мировую политику после того, как сентябрьские террористы подвигли их к более активной внешней политике. Президент Дж. Буш-мл. призвал на Совете национальной безопасности через три дня после террористической атаки 11 сентября: «Это новый мир. Генерал Шелтон должен дать генералам все необходимые цели. Смотрите на часы. Я хочу видеть план — стоимость, время. Все варианты на стол. Я хочу, чтобы решения были приняты быстро»[2].

Впервые со времени окончания «холодной войны» в Вашингтоне формируется новая глобальная стратегия ответа на вопрос, как Америка должна расположить и генерировать свои силы, с тем чтобы создать устойчивый мировой порядок. Вашингтон создал военную доктрину, дающую возможность применения Со-

[1] FRUS, 1946, vol.6, p. 706.

[2] *Woodward B*. Bush at War. New York: Simon and Schuster, 2002, p. 63.

23

единенными Штатами атомного оружия в нарушение всех договоренностей. Администрация Буша-мл. не ограничилась просто пересмотром ряда стратегических принципов, таких, как паритет в военной сфере и взаимное сокращение ядерных арсеналов. Известный американский военный теоретик (и практик) Р. Перл так изложил новые стратегические принципы: «США имеют фундаментальное право на необходимую защиту. Если какой-нибудь договор

мешает нам воспользоваться этим правом, следует выйти из этого договора». США отвергли конвенцию по биологическому оружию, отказались ратифицировать договор о полном запрещении ядерных испытаний, не признали юрисдикцию Международного уголовного суда.

Империя или не империя?

Империя — это форма правления, когда главенствующая страна определяет *внешнюю* и, частично, *внутреннюю* политику всех других стран. Кто будет спорить, что современная индустриальная Америка не похожа на аграрный Рим античности? Но оба центра стали осуществлять *обе* указанные функции. А осуществление обеих этих функций неизбежно ставит задачу создания иерархического порядка, системы организованного подчинения. И опыт истории неизбежно предлагает известные формы соподчинения.

Непосредственные предтечи еще испытывали внутреннее ограничение при сравнении с империями. Многие американцы и сейчас еще испытывают дискомфорт, когда их роль в мире определяется как имперская. Соблазн легализации термина *империя* казался им порочным (хотя *односторонность и гегемония* сумели войти в оборот) — они склонны были видеть в глобальной экспансии «манифест дестини», своего рода божественное предназначение, а не *имперский* подъем.

Сразу после 1991 г. имели место эвфемизмы. Государственный секретарь США в администрации президента Клинтона М. Олбрайт ответила на приобретший актуальность вопрос своим определением Америки: *«Нация, без которой невозможно обойтись*. Она остается богатейшим, сильнейшим, наиболее открытым обществом на Земле. Это пример экономической эффективности и технологического новаторства, икона популярной культуры во всех концах мира и признанный честный брокер в решении международных проблем»[1]. Место Америки, объясняла

[1] *Santis De H.* Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 42).

американскому сенату государственный секретарь Олбрайт, *«находится в центре всей мировой системы... Соединенные Штаты являются организующим старейшиной всей международной системы»*. Ее заместитель С. Тэлбот в том же ключе подчеркнул: «Если мы не обеспечим мирового лидерства, никто не сможет вместо нас повести мир в конструктивном, позитивном направлении».

Правящей республиканской администрации Дж. Буша-мл. также не хотелось бы сразу расставлять акценты и однозначно называть свою политику *имперской*. Характеризуя современную Америку, невозможно говорить об империи в классическом виде — эмфатически утверждает советница президента Буша по национальной безопасности Кондолиза Райс. Ее отрицание принуждения других сводится в конечном счете к утверждению, что «у Соединенных Штатов нет территориальных амбиций и нет желания контролировать другие народы»[1]. (Это сказано после войны в заливе, Косова и Афганистана — и непосредственно перед вторжением американских войск в Ирак.) Подобным же образом и президент Буш, выступая в День ветеранов, открещивался от неизбежного лозунга: «У нас нет территориальных амбиций, мы не стремимся создать империю».

От эпитета *имперский* открещивается ряд представителей либеральной профессуры. Так, Филип Желиков из Вирджинского университета предлагает увидеть различие: «В империях метрополия контролирует другие нации, она пишет им законы и все тому подобное. Даже если у нас «неформальная» империя — такая, какую англичане имели в случае с Афганистаном, вы все же обнаружите, насколько иную роль играют Соединенные Штаты». Читающей

публике объясняется, что термин *«империя»* в новое время приобрел особую популярность во время войны англичан с бурами. Потом термин совершенно запутали марксисты, а их эпигоны совсем потеряли точку отсчета. «На протяжении жизни последнего поколения люди стали определять как империализм любое влияние одной страны на другую. В этом случае термин теряет смысл, но приобретает значительное негативное звучание». Может, Соединенные Штаты просто выглядят «излишне амбициозными»? Советник президента Буша-мл. Кондолиза Райс аргументирует в наступательном духе: «Что было сверхамбициозного в том, что Соединенные Штаты сделали демократию нормой в Японии, помирили Францию с Германией? Америка распростра-

[1] *Tolson J.* The New American Empire? («U.S. News and World Report», January 13, 2003, p. 35.)

няла ценности, которые ценила сама. Трумэн и его люди понимали, что Америка не может позволить наличие вакуума в мире». Примечательный уход от проблемы «И» — определения *империи* — никак не разделяется теми, кто не считает зазорным иметь смелость и называть явления своими именами, кто энергично и открыто обеспечивает идейную подоплеку односторонней политики, кто никоим образом не смущен этим термином, воспевавшимся в Америке 1900 г., уничижительным в Америке 1950 г. и вернувшим былое обаяние в Америке после 2001 г. Для таких идеологов, как Чарльз Краутхаммер, для издателя неоконсервативной «Уикли стандарт» Уильяма Кристола, для популярного ныне аналитика Роберта Кэгена — и даже для заместителя министра обороны Пола Вулфовица — в имперских орлах, в имперском влиянии, в самом слове *империями* ничего, что заставляло бы опустить глаза. Как написал Уильям Кристол, «если кто-то желает сказать, что мы имперская держава, ну что ж, очень хорошо, мы *имперская* держава»[1].

И что дурного в слове «гегемон»? По-гречески это просто *лидер*. Однополярность гарантирует мир от неожиданных взрывов насилия, регламентирует прогресс, обеспечивает стабильность. В самой Америке понимание уникальности момента и несказанных американских возможностей стало всеобщим. Вашингтон ощутил себя подлинной столицей мира, имеющей свое видение оптимальной структуры мира и свое предназначение осуществлять эту миссию.

Как пишут американские политологи Дж. Чейз и Н. Ризопулос, «имперская система — будь то Римская, Византийская, Габсбургская, Оттоманская или Британская империя — идеально обеспечивала не только безопасность для своих собственных граждан, но гарантировала и осуществляла упорядоченный мир, в котором живущие за пределами собственно империи также пользовались благом существующего порядка — политического, законодательного, экономического, — навязанного имперским гегемоном»[2]. Американский историк П. Кеннеди указывает на исключительно благоприятное сочетание условий: «Глобализация американских коммерческих потоков продолжается, американская культура распространяет свое влияние, демократизация входит в новые мировые регионы... Националисты от Канады до

[1] *Nye J.* U.S. Power and Strategy After Iraq («Foreign Affairs». July-August 2003, p. 60).

[2] *Chace J.* and *Rizopulos N.* Toward a New Concert of Nations. An American Perspective («World Policy Journal», Fall 1999, p. 2).

Малайзии устрашены. Огромное число людей предвкушают распространение американского влияния»[1].

Исследователи классической античности «могут возмущаться сравнением демократической Америки с тираническим Римом Августа и Нерона. Но сформировавшийся имперский лагерь указывает, что, как ни неожиданно это сравнение, Америка ведет себя подобно побеждающей империи»[2]. Идея империи

«стала лейтмотивом редакционных статей и общим мнением специалистов на страницах американских газет»[3]. Главный редактор журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» М. Закерман с великой гордостью объявил не только о пришествии второго американского века, но и о том, что человечество стоит на пороге *новой американской империи — novus imperio americanum*[4].

Открытые идеологи империи указывают на то, что термин «империя» не имеет значения антонима понятиям *республика и свобода*. Среди тех, кто все более свободно оперирует этим термином, есть и умудренные историки, прежде едва ли бы согласившиеся на столь легкое употребление этого термина. К примеру, иельский историк Джон Льюис Геддис пишет: «Мы (США) — определенно *империя*, более чем империя, и у нас сейчас есть мировая роль»[5].

Теоретики могут выступать *за* или *против* империи, но все они уже свободно пользуются этим термином — от политического правого фланга до левого, от Майкла Игнатьева и Пола Кеннеди до Макса Бута и Тома Доннели. Именно это и наиболее примечательно: все участники дебатов *знают*, о чем идет речь. А речь идет не о традиционных темах распространения капитализма по всему миру и не о новой глобальной консюмеристской культуре. Речь совершенно определенно идет о *принуждающей* внешней политике, об использовании вооруженных сил США на глобальных просторах, на всех материках и на всех океанах, о защите Соединенными Штатами своих интересов в глобальных масштабах.

В послесентябрьской Америке понятие «имперское мышле-

[1] Kennedy P. The Next American Century? («World Policy Journal», Spring 1999, p. 57.)

[2] *Boot M.* The Case for American Empire («Wall-Street Journal», Nov. 17, 2001).

[3] *Santis De H.* Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 42).

[4] *Zuckerman M.* A Second American Century («Foreign Affairs», May-June 1998, pp. 18-31).

[5] *Tolson J.* The New American Empire? («U.S. News and World Report», January 13, 2003, p. 37.)

27

ние» сменило негативно-осуждающий знак на позитивно-конструктивный. И ныне даже такие умеренные и солидные издания, как «Уолл-стрит джорнэл» и «Нью-Йорк таймс», впервые за сто лет заговорили об *империи, имперском мышлении, имперском бремени* не с привычным либеральным осуждением, а как с реальным фактом исторического бытия. Изменение правил политической корректности ощутили на себе редакторы бесчисленных газет и журналов повсюду между двумя океанскими побережьями. Ведущие американские политологи триумфально возвестили, что «Соединенные Штаты вступили в XXI век величайшей, благотворно воздействующей на глобальную систему силой, как страна несравненной мощи и процветания, как опора безопасности. Именно она будет руководить эволюцией мировой системы в эпоху огромных перемен»[1].

Открытие перестает быть открытием. Широко известный американский политолог Дж. Чейс вопрошает: «Кто смог бы отрицать, что Америка — имперская держава?»[2] Идеальный мир, как открыто говорят американские теоретики, это такой мир, где «Соединенные Штаты доминируют в дипломатической, экономической, военной сфере и в области пользования ресурсами окружающей среды»[3]. И в сфере массовой культуры — вот впечатления американского профессора Дж. Курта от посещения им очаровательного богемского городка Кутна Гора (50 км от Праги): «Над городом и над всей Чешской Республикой распростерла крыла Американская империя со своей «мягкой мощью» — поп-культурой. По мере того как солнце пробивается над старинными крышами и шпилями соборов, видевших еще империю Габсбургов, воздух наполняют звуки рэпа из приемников подростков, на головах которых бейсбольные кепки и джинсы «багги»... Соединенные Штаты — самая гегемонистская и имперская держава за все пять столетий, прошедших со времени открытий Колумба»[4].

Страстной апологией исторической миссии американской империи является вышедшая в 2002 г. книга редактора газеты «Уолл-стрит джорнэл» М. Бута «Войны с целью достижения ми-

[1] *Cutter B., Spero J., Tyson L.* New World, New Deal. A Democratic approach to Globalization («Foreign Affairs», March/april 2000, p. 80).

[2] *Chace J.* Imperial America and the Common Interest («World Policy Journal», Winter 2002, p. 12).

[3] *Smith D., Corbin M., Hellman Ch.* Reforming the Sword. Forces for a 21st Century Security Strategy. Washington, 2001, p. 30.

[4] *Kurth J.* The Adolescent Empire. America and the Imperial Idea («The National Interest», Summer 1997, p. 3).

ра: малые войны и взлет американской мощи»[1]. Квинтэссенция этой апологии американской империи: мы, американцы, не мечтали об империи, не строили ее, не проектировали ее контуры — она упала на американские плечи достаточно неожиданно, когда рухнул «второй мир», а затем когда в условиях послесентябрьской (2001 г.) общемировой мобилизации главные регионы планеты — Западная Европа, Россия, Китай, Индия (всего 144 государства) — предпочли войти в формируемую Америкой коалицию.

Взлет имперских орлов сделал классическую историю популярной наукой. Обращение к Римской и Британской империям за несколько месяцев стало захватывающим чтением, изучение латинского языка вошло в моду (даже «Гарри Поттер» переведен на латинский язык) и приобрело новый смысл. Буквально повсюду теперь в республиканской Америке можно найти статьи о положительном воздействии на мир *Пакс Романум*, подтекст чего не нужно никому расшифровывать: новая империя пришла в современный мир, и мир должен найти в ней признаки и условия прогресса. Парадокс эволюции американской демократии: *Пакс Американа* изживает (по крайней мере, для американцев) свой негативный подтекст.

Посетившие Вашингтон после Сентября иностранцы в один голос указывают на новую ментальность страны, где главное общественное здание — *Капитолий*, где римские ассоциации *сенат* вызывает не только как термин, но и как архитектурное строение, где по одной оси расположены *пантеон* Линкольна, *обелиск* Вашингтона и *ротонда* Джефферсона. Менталитет «римских легионов» проник даже в Североатлантический союз (жалуются англичане) ради жестких односторонних, *имперских* действий. Вольно или невольно готовилась Америка к этому звездному часу своей исторической судьбы. Посмотрите на архитектуру основных зданий Вашингтона, обратите внимание на название государственных учреждений: сенат, Верховный суд; не упустите факта колоссальных прерогатив *принцепса*, именуемого в данном случае президентом. Не упустите того факта, что согласно американской конституции внутреннее законодательство и конгресс стоят выше международного законодательства и международных институтов.

Создается «имперское» видение, оставляющее за Соединенными Штатами право определять в глобальном масштабе стандарт поведения, возникающие угрозы, необходимость использования силы и способ достижения справедливости. В такой проек-

[1] *BootM.* The Savage Wars of Peace. Small Wars and the Rise of American Power. New York: Basic Books, 2002.

ции суверенность становится абсолютной для Америки, по мере того как она все более обуславливается для стран, которые бросают вызов стандартам внутреннего и внешнего поведения Вашингтона. Такое видение мира делает необходимым — по крайней мере, в глазах приверженцев этого видения — видеть новый и апокалиптический характер современных террористических угроз и обеспечить беспрецедентное глобальное доминирование Америки. Эти радикальные

стратегические идеи и импульсы, как это ни странно, могут изменить современный мировой порядок так, как того не смогло сделать окончание «холодной войны»[1].

«Мыслительные центры» столицы новой империи — Вашингтона с готовностью обсуждают стратегию односторонних действий по всему мировому периметру. Прежде республикански сдержанная «Уолл-стрит джорнэл» находит благосклонную аудиторию, когда пишет: «Америка не должна бояться свирепых войн ради мира, если они будут вестись в интересах «империи свободы»[2].

Самое большое превращение произошло со словом «империя». Несколько лет (даже месяцев) тому назад очень немногие осмелились бы (1) произнести это слово; (2) придать этому термину позитивный смысл. В конце лета 2001 г., готовя свою книгу к печати, профессор Э. Басевич, за плечами которого военная карьера, написал название: «Необходимая нация». К осени 2002 г. книга готовилась к изданию в гарвардском университетском издании уже под неизбежным названием «Американская империя». Об американских командующих под разными широтами говорится как о «проконсулах», а «обязательства» и угрозы Америки находят обильные аналогии с прежними мировыми империями. Вашингтон устанавливает правила, которым с неизбежностью подчиняется весь мир. И особо подчеркивается, что *только сама Америка* способна сделать эти правила дееспособными и обязательными для всего мира. К примеру, речь открыто идет о превентивных военных акциях, скажем, против Ирака — соответствует или не соответствует это нормам ООН, оказывается, не так уж и важно.

«Особенность нашей империи, — пишет Э. Басевич, — заключается в том, что мы предпочитаем право доступа и возможность оказывать воздействие непосредственному владению. Наша империя является как бы «неформальной, состоящей не из

[1] *Ikenbeny J.* America's Imperial Ambition («Foreign Affairs», September-October 2002, p. 47).

[2] *Boot M.* The Savage Wars of Peace. Small Wars and the Rise of American Power. New York: Basic Books, 2002, p. 14.

30

сателлитов и владений, а из номинально равных друг другу стран. Главенствуя в империи, мы предпочитаем пользоваться нашей властью не непосредственно, а через промежуточные институты, в которых Соединенные Штаты играют преобладающую роль, но не осуществляют неприкрытый откровенный прямой контроль (например, Организация Североатлантического договора, Совет Безопасности ООН, Международный валютный фонд, Мировой банк)»[1]. В военных делах Америка предпочитает «соблазн принуждению».

Все это означает, что Америка действует самостоятельно и без оглядки на других. Международные соглашения типа «протокола Киото» являются жертвами представления о неподсудности американцев никому, кроме собственных национальных учреждений. Сенат США отверг, в частности, не ратифицировал «Ковенант экономических и социальных прав», «Конвенцию искоренения дискриминации в отношении женщин», «Конвенцию прав детей», участие в Международном уголовном суде. (Даже в высшей степени лояльные к американцам англичане с великим сожалением говорят о том, что «жаль, если Америка не согласится с созданием Международного уголовного суда. Военная власть необходима для проведения международной политики». И приходят к заключению: «Исключение делается для сильных»[2].) При голосовании против «протокола Киото» вместе с президентом Бушем выступили 95 американских сенаторов. Многие проводят линию на наличие в американской истории давней и неистребимой традиции «американской исключительности». Гарвардский профессор Э. Моравчик склонен отбросить сложные объяснения и обратиться к более простым: Америка, стабильно демократическая, идеологически

консервативная и политически децентрализованная, *является сверхдержавой и может обходить обязательные для всех правила и законы.*

Одна в океане могущества

Мировая история подсказывает футурологии: Соединенные Штаты не преминут воспользоваться редчайшей исторической возможностью. В этом случае главной геополитической чертой мировой эволюции станет формирование *однополярной мировой структуры*. Америка прилагает (и будет в обозримом будущем прилагать) огромные усилия по консолидации своего главенст-

[1] Bacevich A. New Rome, New Jerusalem («Wilson Quarterly», Summer 2002, p.50).

[2] «Economist», June 29-July 5 (A Survey of America's World Role, p. 23).

31

вующего положения. С этим выводом согласны наблюдатели за пределами страны-гегемона, да и сами американские прогнозисты: «Соединенные Штаты сознательно встанут на путь империалистической политики, направленной на глобальную гегемонию. Они (США) умножат усилия, выделяя все более растущую долю ресурсов на амбициозные интервенции в мировом масштабе»[1]. Свернуть с этой дороги пока не сможет ни один ответственный американский политический деятель, любой президент должен будет опираться на массовое приятие страной своего положения и миссии. Уже сейчас высказывается твердое убеждение, что «еще не одно поколение американцев будет готово идти этой дорогой: тяжело отказываться от всемогущества»[2].

Ч. Краутхаммер имеет все основания утверждать, что «в грядущие поколения, возможно, и появятся великие державы, равные Соединенным Штатам. Но не сейчас. Не в эти десятилетия. Мы переживаем момент однополярности»[3]. Будет ли безусловный лидер стремиться к отчетливо заявленной *гегемонии?* Причиной *неприкрытого самоутверждения* мог бы быть некий внешний вызов (скажем, массовый всплеск международного терроризма). Катализатором демонстративного гегемонизма могли бы стать несколько интервенций типа афганской — если они будут краткосрочными, малокровными и успешными. В пользу своего рода институционализации гегемонизма могло бы действовать давление американских и транснациональных корпораций, банков и фондов на правительство США с целью получения доступа к новым инвестиционным рынкам, рынкам сбыта, источникам сырья; эти организации по своей природе стремятся расширить зону предсказуемости, зону упорядоченности прав собственности, стандартов оценки банкротства, разрешения конфликтов, унификации гражданских и профсоюзных прав, женского равноправия, демократии и защиты окружающей среды — готовя тем самым благоприятную для контрольных позиций США почву.

Существуют внутри- и внегосударственные группы, выступающие против распространения наркотиков, терроризма, геноцида, преступлений против человечности и так далее. Эти группы оказывают давление на правительство США с целью активизации внешней политики, расширения зоны воздействия на законодательство иных стран с целью изменения их законов,

[1] *Wilkinson D.* Unipolarity Without Hegemony («International Studies Review», Summer 1999, p. 152).

[2] Ibidem.

[3] *Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment («Foreign Affairs», Summer 1991, pp. 23-24).

32

конституций, правил поведения в соответствии с американскими стандартами[1].

В современном Риме определяется «ось зла», откровенно обсуждаются операции, поручаемые проконсулам. Проконсулы докладывают из провинций о завершении военной операции в Афганистане, крахе Талибана (хотя Аль-Каида и сохранила свои тайные структуры), разрушении основных палестинских структур и росте европейской оппозиции силовым действиям в Ираке. Тацит, крупнейший

историк имперского Рима, почувствовал бы себя в своей тарелке. Сенаторы Маккейн (республиканский претендент в президенты США в 2000 г.) вместе с сенатором Либерманом (демократический претендент в вице-президенты США в 2000 г.) готовы обсуждать имперское строительство и всемерно помогать президенту Бушу-мл. в полицейских функциях, распространяющихся на весь мир.

Цель: терроризм

В обозрении, осмыслении и интерпретации терроризма, заставшего врасплох Америку в черном сентябре 2001 г., выделилась группа лиц, убедивших самое могущественное общество современности в том, что пассивная самооборона самоубийственна. Тогда, в 2001 г., обрел влияние тезис Чарльза Краутхаммера о том, что пассивность губительна; что «покорная международная гражданственность» Соединенных Штатов рискует погасить светоч демократии и справедливости во всем мире. Неоконсервативные идеолога обнаружили друг друга по одному кодовому определению: Америка может избежать трагической судьбы только в том случае, если сознательно сбросит с себя оковы созданных после Второй мировой войны организаций, начиная, разумеется, с ООН. Даже обращение натовских союзников к параграфу пять статута Североатлантического союза после сентябрьского нападения террористов на США вызвало гримасу неудовольствия неоконсервативной когорты. В деле обеспечения своего выживания инструменты, созданные для других целей, не помогают. Помогает новообретенная, нововозвращенная вера в себя, *односторонние* действия лидера.

Министр обороны США Д. Рамсфелд поставил стоящих в замешательстве союзников на место: «Проблемы определяют коалиции, а вовсе не коалиции определяют проблемы». Главной такой идеей стало нанесение предваряющего удара по странам, *потенциально способным* создать инструмент насилия, который

[1] *Wilkinson D.* Unipolarity Without Hegemony.(«International Studies Review», Summer 1999, p. 155).

33

может быть использован в террористических целях против Соединенных Штатов, и распространение американских ценностей по всему миру.

Наилучшим образом *гегемонистский реализм* характеризует увидевший свет в конце 1992 г. меморандум Пентагона, который поставил задачу *«всеми силами противостоять стране или группе стран, препятствующих реализации американских интересов»*. Этот документ со всей прямотой призвал *«не только воспрепятствовать возникновению еще одной угрозы из Москвы, но сделать так, чтобы американские союзники, особенно Германия и Япония, остались в зависимом состоянии»*[1]. Несколько смущенная откровенностью постановки вопроса, ушедшая с национальной арены в 1992 г. администрация Буша-ст. постаралась представить меморандум американских военных как проходной рабочий документ. Возможно, это и так. Но идеи воспользоваться историческим шансом имеют не только отвлеченно-теоретическую, но и практическую сторону, говорящую о реальной значимости идей. А в этом — практическом отношении релевантность меморандума 1992 г. очевидна.

В конкретной практике начиная с конца 2002 г. главной целью антитеррористической борьбы стал Ирак, руководство которого стало изображаться как *ничем не сдерживаемое*, как находящееся на финальной стадии овладения ядерным оружием, как готовое поделиться этим оружием с террористами всех мастей. Война с диктатором Саддамом Хусейном завершится (в свете ненависти к нему населения Ирака) быстро, ворчащие союзники в ситуации начавшейся войны быстро присоединятся к возглавляемой Вашингтоном коалиции — как это было в Афганистане. Ирак станет примерной демократией, весь арабский мир будет в конечном счете благодарен Соединенным

Штатам.

Примечательно, что в своих выступлениях, ратующих за дарование президенту Бушу чрезвычайных полномочий в отношении Ирака, абсолютное большинство сенаторов упоминало сентябрьскую драму Америки. Не все говорили, что правительство Саддама Хусейна — террористическое и подобно Аль-Каиде, но почти все так или иначе отразили разительные изменения в американской психике после Сентября. Ответный удар видится в такой ситуации верным ответом, если даже самоубийцами были не иракцы, а саудовские аравийцы и египтяне, если даже багдадская Баас и Аль-Каида ненавидели друг друга. Соответствующий эмоциональный настрой и чувство всемогущества породили «доктрину Буша».

[1] *Maynes Ch. W.* U.S. role in the world: what are the choices? («Great Decisions 2000». W., 2000, p. 13.)

34

2. ИДЕОЛОГИЯ ИМПЕРИИ

> Новая администрация приступит к делу исходя из твердых оснований национального интереса, а вовсе не руководствуясь интересами иллюзорного международного сообщества.
> *Кондолиза Райс, 2000*

Весь ход дебатов о месте и стратегии США в XXI веке базируется на почти априорном и достаточно популярном в Америке представлении, что «двадцать первый век будет более американским, чем двадцатый, а Вашингтон будет осуществлять благожелательную глобальную гегемонию, базирующуюся на всеобщем признании американских ценностей, признании американской мощи и экономического преобладания»[1]. Гегемония представляется представителям страны-гегемона лучшей из возможных систем мирового общежития. Американцы Р. Каган и У. Кристол убеждают читателя, что «гегемония — вовсе не проявление «высокомерия» по отношению к остальному миру — это просто неизбежное воплощение американской мощи»[2]. Соединенным Штатам, подчеркивает профессор Техасского университета Г. Брендс, «присуще особое представление об своем предназначении улучшить долю человечества»[3].

В ходе дебатов о степени готовности Америки «воспринять свою судьбу» неизменно выражается мысль, что США не должны уклоняться от принятого курса, не должны бояться вызова своей мощи и положению в мире. Впрочем, пока никто еще — несмотря на все предпринятые усилия, отраженные в алармистской литературе, — не смог доказать основательность и реалистичность противостояния американской гегемонии. И такой мир лучше любого, где Америка не располагалась бы на вершине. Словами авторитетных американских политологов Р. Кагана и У. Кристола, «ведомый Америкой мир — такой, каким он возник после окончания «холодной войны», — более справедлив, чем любая из воображаемых альтернатив. Многополюсный мир, в котором мощь распределяется более равномерно между великими держа-

[1] *Pfaff W.* The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 6).

[2] *Kagan R.* and Kristol W. The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 67).

[3] *Brands H. W.* What America Owes the World: The Struggle for the Soul of Foreign Policy. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1998, p. VII.

35

вами — включая Китай и Россию, — будет несравненно более опасным и более отдаленным от демократии и индивидуальной свободы»[1]. Складывается идеология, обосновывающая позитивный характер американского всемогущества. «Соединенные Штаты, — по определению советницы по национальной

безопасности в администрации Дж. Буша-мл. К. Райс, — оказались на *правильно* избранной стороне Истории»[2]. К имперским ценностям призвало, прежде всего, так называемое «неоконсервативное» движение. Но это движение не вышло бы из маргинальной колеи, если бы идеологию мирового возвышения не оснастили своей экспертизой такие влиятельные организации политического мейнстрима, как самая влиятельная организация истеблишмента — расположенный в Нью-Йорке Совет по внешним сношениям.

Триумвират патриархов

Если обращаться к фигурам, формирующим идеологию американской империи, то первыми следует назвать имена бывшего советника президента по национальной безопасности З6. Бжеэинского, прежнего государственного секретаря Г. Киссинджера и прежнего заведующего отделом планирования госдепартамента С. Хантингтона. Все трое в свое время были выдвинуты на академическую и политическую арену У. Эллиотом, который долгое время возглавлял Гарвардский университет.(своего рода главный питомник правящей американской элиты) и в государственном департаменте президентов Кеннеди и Джонсона идейно оформлял вьетнамскую эпопею Вашингтона. Все трое — Бжезинский, Киссинджер и Хантингтон — являются поклонниками идейных построений классика геополитики сэра Халфорда Макиндера, постулировавшего необходимость для каждого претендента на всемирное влияние контроля над «евразийским центром». (На обложке вызвавшей мировой отклик книги Хантингтона «Столкновение цивилизаций» имеется восторженная рекламная оценка только двух политологических борцов — и это, разумеется, Киссинджер и Бжезинский.) Сентябрь снял для троих преграды материальному воплощению их идей.

Патриарх американской дипломатической теории и практики Генри Киссинджер давно ведет полемику с теоретическими

[1] *Kagan R.* and *Kristol W.* The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 69).

[2] *Rice C* Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 46).

36

противниками Уинстона Черчилля, доблестно (по мнению Киссинджера) проводившего имперскую политику вопреки антиимперской стратегии Франклина Рузвельта, слишком полагавшегося на создаваемую Организацию Объединенных Наций.

Киссинджер подвергает сомнению само понятие *система международных отношений*. По его мнению, такой системы, которую определяла бы одна, общая для всех формула, — в мире нет. Сосуществуют как минимум четыре системы. 1) В Северной Атлантике преобладают демократия и свободный рынок; война здесь практически невозможна. 2) В Азии США, КНР и несколько других региональных держав смотрят друг на друга как стратегические соперники; война здесь в принципе возможна, и сдерживает ее сложившийся баланс сил (типа европейского в XIX веке). 3) На Ближнем Востоке государства взаимодействуют так, как это имело место в Европе XVII века; здесь действуют самые различные источники конфликта — в том числе идеологические и религиозные — трудноразрешимые конфликты. 4) В Африке главенствуют этнические конфликты, отягощенные спорами из-за границ и ужасающей бедностью и эпидемиями. США действуют по-разному в каждой из этих четырех систем, и их *империализм* имеет в каждом случае различные характеристики. Несомненно, с точки зрения Киссинджера, благотворные[1].

Многочисленные статьи экс-государственного секретаря, ряд выступлений (в частности, в Королевском институте международных отношений — Лондон) базируются на той идее, что мир — его стабильность и процветание — вызывает

нужду в лидере и, к счастью, лидер осознал свою историческую задачу. Киссинджер призывает помнить печальный конец альтернатив — попыток упорядоченного развития на основе стабильного баланса сил. Система баланса сил порождает соперничество и грозит конфликтом с непредсказуемыми последствиями. Г. Киссинджер указывает, что «системы баланса сил существовали очень редко в истории человечества. Такой системы никогда не было в Западном полушарии — равно как и на территории современного Китая — уже две тысячи лет. Для огромного большинства человечества и в наиболее продолжительные периоды истории империя была самой типичной формой правления. У империй нет необходимости в сохранении баланса сил. Они не нуждаются в системе международного сотрудничества. Именно так Соединенные Штаты осуществляли свою политику в Западном полушарии, а Китай во всей истории Азии»[2].

[1] *Kissinger H.* Does America Need a Foreign Policy? N.Y., 2001.

[2] *Kissinger H.* Diplomacy. New York: Touchstone, 1994, p. 21.

37

Стабильна ли многополярная система? Сомнения на этот счет базируются на опыте многополярного мира между Первой и Второй мировыми войнами. «Коммунистическая Россия, фашистская Германия, Япония и Италия и демократическо-капиталистические Великобритания, Франция и Соединенные Штаты столкнулись в мире, который был лишен центра тяжести, и это столкновение привело к трагическим результатам»[1]. В случае соперничества примерно равных сил мир встает на грань войны, военные расходы стимулируют невиданные новшества, способные выбить оружие у праведных сил и вооружить антизападные диктатуры. Именно нацистская Германия первой создала боевые ракетные установки, реактивную авиацию, а Гейзенбергу не хватило лишь нескольких месяцев для овладения ядерной энергией. Мир не сможет более вынести еще одной мировой войны — этот базовый элемент государственной памяти сторонников однополярности требует: мир нуждается в сплоченности, в ключевом государстве, которое обеспечило бы мировой порядок. Лучшим будет мир, в котором сила, мудрость и благожелательность Соединенных Штатов Америки обеспечат заслон глобальным и региональным конфликтам, давая простор глобализации, прогрессу, мирной эволюции большинства.

(Сходного взгляда о невозможности стандартного и общего для всех определения американской мощи придерживается близкий к Киссинджеру Дж. Най, считающий, что в международных отношениях есть три уровня — военный (здесь США вне конкуренции); экономический (здесь США ведут конкурентную борьбу с ЕС, Японией и, все более, с КНР); все виды прочих трансакций — от электронных финансовых переводов до перемещения оружия террористическими организациями (здесь никто не владеет полным контролем). США проиграют свою историческую партию, если сконцентрируются лишь на *одной* из этих трех шахматных досок[2]).

Второй из «имперской триады» — Збигнев Бжезинский приветствует сравнения с Римской и Британской империями (и даже с империей Чингисхана), подчеркивая, что если уж проводить параллели, то следует ради исторической истины признать: по глобальности охвата и чисто физической мощи Американская империя не имеет полнокровных прецедентов. Он открыто определил Соединенные Штаты как современного *имперского гегемона*, с мощью которого никто не сможет сравниться как минимум, в ближайшие двадцать пять лет. С точки зрения Бжезинско-

[1] *Туроу Л.* Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 195.

[2] *Nye J.* The Paradox of American Power. N.Y., 2002.

38

го, сентябрь 2001 г. снял главное препятствие на пути реализации указанной цели

— нерасположенность американского населения связывать свою судьбу с далекими и переменчивыми странами. Угроза исламского террора мобилизовала американское население в направлении имперского строительства.

В серии статей, опубликованных в неоконсервативном журнале «Нэшнл интерест» (и сведенных в 2001 г. в книгу «Геостратегическая триада»), Бжезинский призвал властную Америку блокировать «дугу нестабильности» в Юго-Восточной Европе, Центральной Азии и в анклавах Южной Азии, Ближнего Востока и Персидского залива. В качестве главной геополитической цели он определил овладение «главным призом Евразии» — обеспечение того, что никакая комбинация евразийских стран не сможет аккумулировать сопоставимые с американскими силы и в будущем бросить вызов Соединенным Штатам. Агрессивный активизм администрации Буша-мл. вызвал полное одобрение Зб. Бжезинского. Стоя обеими ногами в Персидском заливе, контролируя Саудовскую Аравию, Кувейт и, теперь, Ирак, Соединенные Штаты владеют рычагом воздействия на Западную Европу, Японию и Китай, столь зависимые от энергетической кладовой арабского мира. В мире конечных ресурсов США владеют контролем над половиной мировой нефти — фактор глобального значения.

Третий ведущий американский политолог — Сэмюэл Хантингтон дает характеристику современного состояния международных отношений, той «системы, где есть одна сверхдержава, отсутствуют значительные крупные державы и наличествует много государств меньшего калибра. При таком раскладе сил лидирующая страна способна решать важные международные проблемы исключительно собственными силами, и никакая комбинация других государств не может противодействовать ее курсу»[1]. На протяжении многих столетий такой державой был античный Рим, а в своем дальневосточном регионе — Китай. В начале XXI века Америка осталась без конкурентов.

Но в будущем традиционная геополитика уступит место противостоянию по признаку культурных различий, и чем ближе контакт между культурами, тем вероятнее конфликт между ними. Две главные угрозы имперской Америке сегодня: демографический рост исламского мира и неукротимый экономический рост Китая. Обращаясь к будущему, С. Хантингтон обозначил в качестве единственного потенциального противника Соединенных

[1] *Huntington S.* The Lonely Superpower («Foreign Affairs», March/April 1999, p. 40).

39

Штатов комбинацию «конфуцианско-исламских» стран. Он предсказывает (как наиболее вероятное) противостояние Вашингтона с Пекином и Тегераном.

Неоконсервативная революция

Опускаясь на порядок ниже указанных ведущих теоретиков, имперская Америка опирается на взгляды тех, кто получил национальную известность в рядах правых организаций, в строю тех неоконсерваторов, которые идейно обеспечили в свое время избрание президентом Рональда Рейгана. С тех пор такие организации, как Комитет по существующей угрозе, Фонд наследия, Американский институт предпринимательства, опираясь на такие газеты, как «Уикли стандарт» и журналы типа «Нэшнл интерест», «Комментари», «Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт», заняли влиятельное место на правом фланге американского академического и экспертного сообщества.

Речь идет прежде всего об идеях П. Вулфовица, Р. Перла и У. Кристола, развивающих теоретическую базу имперского правления Америки. Первый из них — Пол Вулфовиц — еще один признанный поклонник сэра Халфорда Макиндера. Вулфовиц еще в администрации Дж. Буша-ст. выдвинул ту «аксиому», что первостепенной задачей Соединенных Штатов является всемерное

противостояние любым попыткам сформировать в Евразии державу или союз сил, способный когда-либо бросить вызов «островной» Америке. По его мнению, после коллапса Советского Союза Соединенные Штаты обязаны предпринять все возможное для предотвращения подъема конкурентов в Европе и Азии. 1990-е годы позволили Америке несколько отложить решение этой задачи в свете того, что Америка и без того росла быстрее своих потенциальных оппонентов. Но сегодня целью должно стать увековечение полученных преимуществ, лишение конкурентов всякого шанса уже при начале гонки. При этом Америка должна закрепить за собой все свои технологические преимущества в создании роботов, лазеров, спутников, точных приборов. Сделать так, чтобы ни одно государство, никакая коалиция государств не смогли бросить вызов мировому лидеру. Став в 2001 г. первым заместителем министра обороны, Вулфовиц приступил к практической реализации силовых основ военной политики США в глобальном охвате.

Базируясь на Американском предпринимательском институте (Вашингтон), Р. Перл возглавляет Совет оборонной политики — совещательный орган при министре обороны США, пользующийся всемерной поддержкой министра обороны Д. Рамсфелда. (В этот Совет входят, в частности, Г. Киссинджер и

бывший спикер палаты представителей Ньют Гингрич — вождь так называемой консервативной революции; У. Кристол — издатель газеты «Уикли стандарт», органа неоконсервативной революции, авангарда откровенно имперского мышления.) Столичная американская «Вашингтон таймс» пишет о существовании «огромного неоконсервативного заговора поклонников Кристола» внутри администрации Дж. Буша-мл[1]. Газета называет в качестве членов этого «заговора» заместителя государственного секретаря Дж. Болтона, министра энергетики С. Абрахама, заведующего канцелярией вице-президента Л. Либби, нескольких спичрайтеров Белого дома. Особенно активны в разработке неоконсервативного мировидения вышеупомянутый У. Кристол, Дж. Муравчик и Р. Каган — один из ведущих деятелей Фонда Карнеги. Они обосновывают традиции мирового лидерства Америки со времен отцов-основателей и особенно после «прикладного интернационализма» президента Вудро Вильсона. Базовый, обсуждаемый этими идеологами вопрос: как распорядиться редчайшей исторической возможностью практически глобального контроля? Как приложить грандиозную американскую мощь к блокированию опасных для американского превосходства тенденций в глобальном масштабе?

Сторонники закрепления американской гегемонии утверждают, что самая опасная система — биполярная: «Жесткая биполярная система обычно возникает на закате исторического цикла, и в любом случае она ведет к конфликту, изменяющему саму систему. Биполярность — не единственная причина конфликта, но она создает такую совокупность обстоятельств, которые почти неизбежно ведут к конфликту»[2]. Из этого следует, что движение к восстановлению биполярности (с любыми действующими лицами в качестве соперника США) или к монополярности следует остановить и заблокировать.

Пожалуй, до сих пор идейную схему Американской империи полнее всего — и открыто — изложил 1 апреля 2002 г. теоретик и практик — директор отдела планирования государственного департамента Р. Хаас во влиятельном американском журнале «Нью-йоркер». Для Р. Хааса «очевидной реальностью является то, что Соединенные Штаты — самая могущественная страна в неравном себе окружении»[3]. Суть доктрины видна даже из назва-

[1] «Washington Post», March 19, 2002.

[2] *Binnendijk H.* Back to Bipolarity? («The Washington Quarterly», Autumn 1999, p. 10.)

[3] *Haas R.* What to Do With American Primacy («Foreign Affairs», September/October 1999, p. 37).

41
ния статьи — «Ограниченный суверенитет». Так обозначается доля прежних суверенных стран, вошедших в орбиту Америки. Лидер строит «новый мировой порядок», он относится к независимости субъектов мировой политики так: «Суверенитет предполагает обязательства. Одно из них — оградить свое собственное население от массовой гибели. Другое обязательство — никоим образом не поддерживать терроризм. Если некое правительство не может выполнить эти обязательства, тогда оно само подрывает одну из основ своего суверенитета. Тогда другие правительства, и прежде всего американское, *получают право вмешаться*. В случае с терроризмом это ведет к праву на *превентивную самооборону*»[1].

Мейнстрим склоняется к империи

В самом влиятельном американском журнале «Форин афферс» еще один идеолог новой — имперской касты, С. Моллаби, пишет (в статье с характерным названием «Вынужденный империализм»): «Может ли имперская Америка пойти на то, чтобы заполнить вакуум? Логика неоимпериализма *слишком убедительна* для администрации Буша, которая не может сопротивляться этой логике... Хаос в мире является слишком угрожающим, чтобы его игнорировать, существующие методы обуздания этого хаоса оказались недостаточными... Пришло время империи, и логикой своего могущества Америка просто обязана играть лидирующую роль»[2]. Моллаби призывает создать под руководством США некий всемирный орган, мировое агентство (следуя модели Мирового банка и Международного валютного фонда), который заменил бы неэффективную Организацию Объединенных Наций. В распоряжении этого органа имелись бы вооруженные силы, которые, борясь с хаосом, контролировали бы всю планету. Этот орган «мог бы разместить силы там, куда бы их направил руководимый американцами центральный совет».

Идея полыхнула по всему политическому горизонту. Адепт имперского активизма Р. Каплан устроил в Белом доме президенту Бушу и его окружению брифинг на тему мирового лидерства Америки и ее гегемонии. Эти идеи Р. Каплан обнародовал в опубликованной в 2002 г. книге «Политика воинов: почему лидерство требует языческого этоса». В этой работе, подлинном

[1] «New Yorker», April 1, 2002, p. 12.

[2] *Mallaby S.* The Reluctant Imperialist. Terrorism, failed States, and the Case for American Empire («Foreign Affairs», March/April 2002, pp. 2—7).

42
гимне Римской и Британской империям, одна из глав посвящена «восхитительному» императору Тиберию, чей проконсул Понтий Пилат санкционировал распятие Христа. Автор согласен, что Тиберий иногда мог быть деспотом, но он «умело сочетал дипломатию угрозы применения силы ради сохранения мира, благоприятного для Рима... В империи была положительная сторона. Она была в определенном смысле наиболее благоприятной формой мирового порядка»[1]. Обращаясь к современности, Р. Каплан с одобрением пишет, что Соединенные Штаты стали «более безжалостны в решении задач экономической турбулентности», равно как и в вопросах демографического роста развивающихся стран, в отношении к природным ресурсам этих стран[2].

Весной 2002 г. газета «Нью-Йорк таймс» поместила серию статей «с мыслью об империи». Редакция поправила старинную констатацию «Все дороги ведут в Рим» на более современную и верную: «Все дороги ведут в округ Колумбия». Наиболее впечатляющей представляется статья Э. Икин: «Сегодня Америка не является ни сверхдержавой и ни гегемоном; она является полнокровной империей на манер Римской и Британской империй. Таково общее мнение наиболее

заметных комментаторов и ученых нации»[3]. Ч. Краутхаммер анализирует ситуацию в том же ключе: «Американский народ выходит из замкнутого пространства к мировой империи. Со времен Римской империи в мире не было подобной мировой силы, которая доминировала бы в культурном отношении, экономически и в военном смысле». Ч. Краутхаммер предлагает зафиксировать исключительность момента: «Никогда еще за последнюю тысячу лет в военной области не было столь огромного разрыва между державой № 1 и державой № *2*... Экономика? Американская экономика вдвое больше экономики своего ближайшего конкурента»[4]. А в «Уолл-стрит джорнэл» М. Бут под заголовком «В защиту Американской империи» констатирует: «Мы привлекательная империя» — и дает практические советы: Вашингтону следует оккупировать не только Афганистан, но и Ирак, и «другие беспокойные страны, которые вопиют о просвещенном руководстве».

Дождавшиеся своего часа сторонники имперской внешней политики полагают, что Америка должна вести себя как актив-

[1] *Kaplan R.* Warrior Politics: Why Leadership Demands a Pagan Ethos. New York, 2002, p. 46.

[2] «Atlantic Monthly Magazine», March 2002, p. 46.

[3] *Eakin E.* All Roads Lead to D.C. («New York Times», March 31, 2002).

[4] *Renwick N.* America's Word Identity. The Politics of Exclusion. New York: St.Martin's Press, 2000, p. 64.

43

ный гегемон в силу двух главных соображений: 1) она может себе это позволить; 2) если Вашингтон не обратится к силовым методам и не навяжет свое представление о международном порядке, тогда воспрянут соперники и Америке не избежать судьбы постепенной маргинализации[1].

Американское лидерство, с точки зрения идеологов гегемонии, существенно для разработки и сохранения процедур, обеспечивающих многостороннее международное сотрудничество, без которого едва ли можно говорить о продолжении экономического прогресса. Так полагают идеологи обеих ведущих политических партий США — республиканцев и демократов[2]. Еще совсем недавно — в 1997 г. один из представителей влиятельного исследовательского Брукингского института, Р. Хаас, назвал свою широко обсуждавшуюся книгу о роли Америки в мире «Неохотный шериф». А ныне автор, став директором отдела планирования Государственного департамента, признается, что, печатай он свою работу сейчас, он убрал бы с обложки слово «неохотный».

Новым является не то, что Америка — единственная «сверхдержава» мира (таковой она является со времени окончания «холодной войны»), а то, что в Вашингтоне начали ощущать, *осознавать* отсутствие препятствий, свое неслыханное превосходство, возможность пожинать плоды своего успеха.

Сторонники, апологеты и вожди однополюсной гегемонии призывают американскую элиту воспользоваться редчайшим и бесценным историческим шансом. «Соединенные Штаты совершенно явственно предпочли бы однополюсную систему, в которой они были бы гегемоном»[3]. Поборники имперских прав энергично призывают Вашингтон возглавить мировое сообщество, прозвучало напоминание о том, что США являются «величайшим получателем благ от глобальной системы, которую они создали после Второй мировой войны. Как держава несравненной мощи, процветания и безопасности, США должны и сейчас возглавить эту систему, претерпевающую время разительных перемен»[4].

[1] *Wallerstein I.* The Eagle Has Crash Landed («Foreign Policy», July-August 2002, p. 27).

[2] *Cutter B., Spew J., Tyson L.* New World, New Deal. A Democratic approach to Globalization («Foreign Affairs», March/April 2000, p. 81).

[3] «Foreign Affairs», March/April 1999, p. 37.

[4] *Cutter B., Spero J., Tyson L* A Democratic Approach to Globalization («Foreign Affairs»,

March/April 2000, p. 80).
44

Имперская идеология

> Двадцатый век закончился с единственной выжившей моделью человеческого прогресса, основанной на неоспоримых требованиях человеческого достоинства, царства закона, ограничения государственной власти, уважения к женщинам, частной собственности, равной для всех справедливости и религиозной терпимости. *Дж. Буш-мл., июнь 2002 г.*

Согласно американской официальной точке зрения, миром правят три идеи — *мир* как наиболее предпочитаемая основа взаимоотношений между странами; *демократия* как наиболее релевантный способ организации внутренней политической жизни; *свободный рынок* как лучшее средство создания материальных богатств. Эти три идеи завоевали весь мир, став мировой ортодоксией. Фашизм и коммунизм в XX веке не смогли совладать с ними. Из этого следует «главная цель Соединенных Штатов в двадцать первом веке и основная задача американской мощи: защитить, сохранить и расширить зону мира, демократии и свободного рынка. Для достижения этих целей необходимо решить две задачи... *Первая* задача — поддержать международные институты и традиции, касающиеся как безопасности, так и экономики. *Вторая* задача — укрепить мирные процессы, демократическую политику и свободные рынки там, где они еще не укоренились — прежде всего в России и Китае, и установить их там, где их не было прежде, особенно в арабском мире»[1].

Говоря конкретнее, официальная риторика указывает, во-первых, на непредсказуемость российского развития; во-вторых, на таящее неожиданности китайское самоутверждение; в-третьих, на опасное для всех распространение ядерного оружия. Для решения этих проблем нужен жесткий порядок, обеспечить который может, повторим еще раз, лишь одна страна в мире — Соединенные Штаты Америки. Помимо главных проблем существует бесконечная череда малых конфликтов, требующая американского внимания и, возможно, военного вмешательства[2].

В результате американское преобладание в мире, столь оче-

[1] *Mandelbaum M.* The Inadequacy of American Power («Foreign Affairs», September/October 2002, pp. 61—62).

[2] *Parker J.* Two new presidents (In: The World in 2000. The Economist Publication. London, 1999, p. 14).

45

видно открывшееся десятилетие назад, нуждается в структуризации, в создании новых институтов, в формировании соответствующей идеологии, в проявлении того пафоса, который держал страну в напряжении все долгие десятилетия «холодной войны». Нуждается в поколении «имперских стратегов» типа Д. Ачесона и Дж.-Ф. Даллеса. Готово ли американское общество выдвинуть подобных лидеров, освятить «праведным гневом» свой идеал и курс в бурном мире, претерпевающем конвульсии модернизации, рекультуризации, нахождения собственной идентичности?

В ходе дебатов в американской политологии выделились *четыре* подхода к реализации американской гегемонии в двадцать первом веке.

1. Гегемонистский реализм. Если искать исторические истоки этого направления, то на ум приходит именно указанный столетней давности «универсализм» президента Теодора Рузвельта, давшего немеркнущую метафору о необходимости говорить мягко, неся большую дубину (1), и ожесточенный рейганизм 1980-х годов (2.) Такие идеологи консерватизма, как Р. Каган, считают, что *реализм мирового гегемона* должен идти не от идеалиста Вудро Вильсона, а от

Теодора Рузвельта с его «практичным идеализмом, идеализмом без утопий, национализмом интернационального толка, вооруженным либерализмом»[1]. Главное свойство современного варианта этой философии заключается в том, что «американские националисты предпочитают махать большой дубиной и делают это сами, не прячась за спины коалиции, действуют односторонне. Они полагают, что Соединенные Штаты несут особые обязательства по сохранению мирового геополитического и морального международного порядка, который они смело называют *просвещенной империей*»[2].

Консервативные политологи, в частности, группирующиеся вокруг журнала «Уикли стандарт», такие, как У. Кристол и Р. Каган (занимавшие видные места в администрации Буша), напомнили читающей публике слова патриарха американского политического реализма Г. Моргентау о том, что «человеческая природа, из которой черпаются законы политики, не изменилась со времен классической философии Древних Китая, Индии и Греции, где были сформулированы эти законы». А если это утверждение справедливо, от современных государств не следует ожидать более разумного поведения, чем у их древних предшественников.

[1] *Rose C.* Present Laughter or Utopian Bliss? («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 43.)

[2] *Santis De H.* Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 41).

46

У Америки не должно быть иллюзий относительно того, что борьба за влияние в мире перманентна и будет продолжаться. Сильнейшая держава современного мира должна постоянно думать о перспективах своей исторической эволюции, исходя из того, что международная политика всегда будет безжалостной битвой за доминирование.

А если мир всегда будет джунглями, где правила диктует сильнейший, то не следует предаваться розовым иллюзиям — напротив, необходимо крепить силовую базу могущества и, в условиях временного ослабления *всех* потенциальных конкурентов, определить правила международного порядка, благоприятные для гегемона. Исходя из этого постулата, весьма влиятельная группа американских теоретиков, для которых достижение мировой гегемонии стало легитимной и вдохновляющей национальной целью, приняли вариант *гегемонистского реализма*. Суть этого подхода американских неоконсерваторов заключается в том, что «благожелательная глобальная гегемония» Соединенных Штатов должна основываться на растущем военном бюджете, на очищении внешней политики страны от беспочвенных иллюзий, на целенаправленной дипломатической деятельности, поддерживающей союзников и наказывающей (потенциальных) противников.

Согласно известному американскому специалисту Р. Такеру, «гегемонистическая мощь Америки определяет ее особую ответственность за мировой порядок; который может быть установлен только посредством инструментов американской мощи»[1]. Вышеупомянутый «Уикли стандарт» декретирует, что внешняя политика должна иметь «три основы — военную мощь, высокую мораль и господство... Соединенные Штаты достигли нынешнего силового могущества не посредством принципа «живи сам и давай жить другим», не пассивным ожиданием возникающих вдали угроз, а именно активным утверждением в мире американских принципов управления — демократии, свободного рынка, уважения к свободе»..Энергичная внешняя политика, не исключающая вторжений за пределами страны и интервенции, «породит, — утверждают сторонники этой школы, — уверенность в силе нашей воли, будет способствовать поддержке наших усилий внутри страны и за ее пределами»[2].

В свете этого:

— США должны открыто стремиться к гегемонии — природа не терпит пустоты и, если миром будет управлять не Вашингтон,

[1] *Tucker R.* Alone or With Others. The Temptations of Post-Cold War Power («Foreign Affairs», November/December 1999, p. 19).

[2] «The National Interest», Spring 2000, p. 75.

47

то центр мирового могущества просто сместится в другую столицу. Пусть лучше Америка управляет миром, чем некто другой в этом мире будет управлять Америкой.

— Внутренне склонная к анархии, международная система нуждается в разумном контроле; США ныне — единственная страна, способная осуществлять этот контроль, альтернатива — хаос.

— США просто обязаны перед своим народом и историей преградить путь любому претенденту на мировое лидерство, лишить этих претендентов средств достижения гегемонии, ослабить их силовой потенциал.

— Возможно, никто не любит гегемона, но США будут более терпимым и гуманным гегемоном, чем кто-либо другой, более сдержанным, менее агрессивным, более склонным осуществлять гуманитарную опеку.

— Возникает шанс создания лучшего мира — на основе демократических ценностей и преимуществ рыночной экономики. Этот исторический шанс не должен быть упущен[1].

Официальный Вашингтон продолжает сохранять военные базы в 35 странах — прежде всего в Германии и Японии, а с 1997 года начал увеличивать американский военный бюджет с низшей точки в 270 млрд. долл. до 376 млрд. долл. в 2003 финансовом году.

Развивая прежние постулаты, стратегическая мысль руководства вооруженных сил США продолжила движение в уже обозначенном направлении. К концу десятилетия в Пентагоне был создан базирующийся на прежних идеях документ под названием «Совместное видение мира — 2000», который ставит перед Соединенными Штатами грандиозную цель: *«Сохранить способность победить быстро и самым убедительным образом в ряде происходящих синхронно операций, или, другими словами, сохранить доминирование по всему спектру»*[2].

В начале третьего тысячелетия американская военная и политическая элита ставит перед собой задачу «достичь такого уровня абсолютного доминирования, когда Соединенные Штаты превзойдут всех противников уже одним лишь внушением *ужаса* перед американской мощью, делая тем самым непосредственное ведение войны ненужным. Доминирование, предусматриваемое «Совместным видением — 2010», предполагает овладение могу-

[1] См.: *Maynes Ch. W.* U.S. role in the world: what are the choices? («Great Decisions 2000». W., 2000, p. 13.)

[2] General *Graves B.* Erskine Distinguished Lecture, Marine base at Quahtico, VA, February 23, 1998.

48

ществом, не виданным еще в истории человечества»[1]. Особое внимание в указанном документе сконцентрировано на угрозах, создаваемых глобализацией (американские военные говорят о них как об «асимметричных угрозах»), — терроризм, преступность, религиозный фанатизм, амбициозные политики тиранического типа, вожди анархии, возжелавшие власти и влияния ученые. Достижение доминирования в американском планировании не исключает даже угрозу использования оружия массового поражения.

В аналитической мысли *гегемонистских реалистов* указанные пентагоновские документы рассматриваются как программная ориентация курса США.

Вот как формулирует цели США в мире один из ведущих «практикующих» американских политологов, советница обоих Бушей (и специалист по России), идеолог республиканской администрации Дж. Буша-мл. К. Райс:

— обеспечить Америке способность военными средствами предотвратить любой силовой конфликт, сделать американскую мощь готовой сражаться за свои интересы в том случае, если сдерживание не сработает;

— расширить возможности экономического роста посредством снятия тарифных барьеров, распространения свободной торговли и стабилизации международной валютной системы;

— гарантировать прочные и тесные взаимоотношения с союзниками, которые разделяют американские ценности и готовы разделить экономическое бремя в достижении этих ценностей;

— сфокусировать американскую энергию на достижении выгодных всеобъемлющих отношений с крупными мировыми силами, особенно с Россией и Китаем, которые могут участвовать в определении характера будущего мирового политического расклада;

— решительно противодействовать государствам-париям и враждебным странам, представляющим растущую угрозу с точки зрения терроризма и вооружения средствами массового поражения[2].

К. Райс полагает, что «военная готовность займет в будущем центральное место. Американские технологические преимущества должны быть использованы для построения сил, более легких в перемещениях и более смертоносных по своей огневой мощи,

[1] *Bacevich A.* Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization («National Interest», Summer 1999, p. 12).

[2] *Rice C.* Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb 2000, p. 47).

более мобильных и гибких, способных наносить удары точно и с большого расстояния»[1].

Приверженцы *гегемонистского реализма* вынуждены признать, что в конечном счете многочисленные недовольные в мировом сообществе могут восстать против гегемона и — как учит история — лишить их мирового пьедестала. Но этот тяжелый миг следует отнести как можно далее в будущее, сколь бы дорогой ни была цена этого. Несколько десятков миллиардов долларов увеличенного военного бюджета — относительно малая цена за безопасность и преобладание.

Никто в администрации президентов Клинтона и Буша-мл. не дезавуировал столь грандиозные цели. В то же время конкурирующая республиканская партия в этом отношении разделяет убеждения демократических соперников. Республиканцы Р. Каган и У. Кристол: «Целью американской внешней политики является сохранение гегемонии так долго в будущем, насколько это возможно». Овладевшие в 2001 г. Белым домом республиканцы сделали своим *кредо* именно эти идейные постулаты, ставшие наиболее релевантными после террористической атаки против Нью-Йорка и Вашингтона в сентябре 2001 г. Самый влиятельный американский внешнеполитический журнал «Форин афферс» задает читателям весной 2002 г. риторический вопрос: «Можно ли говорить о США как о неимпериалистической сверхдержаве?» И сам же отвечает: «Война с терроризмом фокусирует внимание на впавших в хаос государствах, предоставивших убежище нигилистическим отщепенцам — от Судана и Афганистана до Сьерра-Леоне и Сомали. Когда возникают такие угрозы, у великих держав имеется готовое оружие: империализм»[2].

2. *Умеренный реализм*. Немалое число тех, кто в американской политической элите причисляет себя к реалистам, смущены прямым фактическим призывом

править миром в условиях единовластной мировой гегемонии. Их не устраивает излишняя прямолинейность, их шокирует беспардонное самоутверждение, их пугает реакция других стран на неприкрытую мировую претензию. Подобная неосмотрительность, полагают реалисты — критики открытого гегемонизма, ослабит позиции США скорее всего. Реализм вовсе не равен прямолинейному движению собственным курсом. Требуется более тонкий подход.

Такие представители клинтоновского министерства оборо-

[1] *Rice C.* Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, pp. 48-51).

[2] *Mallaby S.* The Reluctant Imperialist. Terrorism, failed States, and the Case for American Empire («Foreign Affairs», March/April 2002, p. 2).

50

ны, как У. Перри, Дж. Най, А. Картер, призывали не забывать сути оборонных усилий Соединенных Штатов — защита Североамериканского континента (1) и Североатлантического региона (2). Им полностью вторит пришедшая к власти в 2001 г. «жесткая тройка» республиканцев: вице-президент Чейни, министр обороны Рамсфелд и его заместитель Вулфовиц. Уход с центра на периферию, перенесение центра приложения усилий на дальние страны — в ущерб подлинно значимым — отвлечет критически важные ресурсы, завяжет Америку на решение второстепенных задач, подорвет моральные и физические ресурсы. Поэтому при выработке стратегии очень важно отделить первостепенные угрозы (и задачи) от второстепенных — действуя лишь таким образом, США могут сохранить необходимые им жизненные силы. Группой теоретиков и политиков, которых мы называем *умеренные реалисты*, выделяются три категории угроз:

— непосредственно угрозы американскому будущему. В указанном смысле речь может идти о грядущем вызове Китая, о «веймарском» синдроме России, о распространении оружия массового поражения в направлении «государств-париев»;

— региональные войны, прежде всего в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии — от Ирака до Северной Кореи;

— важные международные проблемы, не затрагивающие собственно американских интересов (конфликты типа афганского, косовского; Босния, Руанда, Сомали, Гаити, Сьерра-Леоне).

Умеренные реалисты не верят в то, что в будущем рациональный и приемлемый для большинства мир возникнет благодаря распространению гуманитарных идеалов, принятию мировым сообществом общих ценностей, общего символа веры. В мире будущего по-прежнему будут править интересы, стремление к безопасности, правильная или ложная оценка ситуации. Мир будет оставаться местом разрешения споров, столкновения взаимоисключающих курсов, стремления вынести на внешнюю арену внутренние конфликты. В этой ситуации с точки зрения национальных интересов Америки было бы глубоко ошибочно становиться защитником мирового *статус-кво*, было бы неверно концентрироваться на конфликтах *третьей* категории — бесконечных локальных спорах с одновременным ослаблением интереса к проблемам *первой* группы. *Умеренные реалисты* указывают на строгую необходимость:

— обращения к внешнему миру, исходя из очередности приоритетов. В качестве иллюстрации можно указать, что представители этой школы поддерживали применение американской военной силы в Персидском заливе (ведь речь шла о стратегическом сырье), но не в необжитом Афганистане, Косове или забытой богом Сьерра-Леоне.

51

— Необходимой видится им выработка шкалы мер невоенного характера в разрешении неизбежных международных проблем. Экономическая помощь, вовлечение в торговый оборот, предоставление части американского рынка

видятся им столь же эффективными средствами манипуляции потенциальными партнерами, как и прямое силовое воздействие.

— Очень важное положение этой школы заключается в признании ошибочности сугубо односторонней политики — в этом случае потенциал США подвергнется ненужному напряжению. Американский шериф не должен быть одиночкой. Вместо проповедей среди неверующих, утверждает Р. Хаас из Бруклинского института, Соединенные Штаты должны привлекать для поддержки своей политики союзников и нейтралов, создавать широкую коалицию своих помощников во всем мире, схожую с альянсом времен «холодной войны»[1].

Умеренные реалисты призывают отставить безоглядность и действовать исходя из шкалы собственных ценностей. У Соединенных Штатов в этом случае есть все шансы сохранить и внутренние силы, и главенствующее положение в мире. «Если оставаться в пределах взглядов школы, «реальполитик», — пишет Э. Эбрамс, — просто невероятно представить себе будущее, в котором своими мощными дипломатическими усилиями Америка не смогла бы собрать силы в поддержку действий, которые она считает необходимыми для себя. Более того, наше военное доминирование делает любую международную интервенцию, осуществляемую вопреки нам, очень трудной и даже практически невозможной»[2].

Это влиятельная школа со старой традицией, и ее влияние в будущем скорее всего будет весьма ощутимым.

3.Гегемонистский либерализм. Это направление включает в себя либералов, которые не хотели бы ассоциироваться с теориями жесткого реализма и силового удержания мирового баланса. Холодная, строго себялюбивая отстраненность во внешней политике для них неприемлема. Откровенная битва за эгоистически определенные национальные интересы им претит, равно как и циничный выбор важных и неважных регионов. Но *гегемонистские либералы* признают, что мир несовершенен, что на пути США могут встретиться опасные угрозы и, владея непревзойденной американской мощью, следует высоко держать знамя либеральных

[1] *Haass R.* The Reluctant Sheriff. N.Y.: Council on Foreign Relations, 1997.

[2] *Abrams E.* To Fight the Good Fight («The National Interest», Spring 2000, p. 75).

принципов и воспротивиться посягательствам на них преступных, безответственных режимов.

Америка могуча как никогда, она расходует на военные нужды на 20% больше всех своих европейских и азиатских партнеров и союзников, вместе взятых. Если Соединенные Штаты не будут дисциплинировать мир, тогда зачем они расходуют так много средств на военные нужды? И нетрудно представить, как быстро упадет авторитет Америки, если она не будет наказывать буянов.

При этом не следует преувеличивать тягот лидерства. Либералы этого направления признают сложные реалии современной жизни, но верят в способность Америки справиться с этими проблемами без *одиозного* насилия. В конечном счете кто может бросить вызов Америке? Китай с его 19 стратегическими ядерными боеголовками и техникой уровня 50-х годов? Теряющая свою мощь Россия, чье военное производство ныне составляет менее 15% от уровня 1991 года? КНДР, Иран, Ирак, Сирия, Куба, чей совокупный военный бюджет не составляет и 2% американского, чья экономика в руинах, чей жизненный уровень падает?

Издатель журнала «Ньюсуик» М. Элиот отмечает: «Прежнее определение национального интереса не указывает на то, за что стоило бы сражаться сейчас по той причине, что в современном мире *не существует* подлинной угрозы развитым демократиям. Какие бы войны ни вела Америка в XXI веке, можно с определенностью сказать, что ни одна из них не будет напоминать Вторую

мировую войну. Но многие грядущие войны будут напоминать косовский конфликт»[1]. Поэтому не следует драматизировать события и воспринимать каждое несогласное с американским выступление за угрозу национальному существованию страны. А следует градуировать угрозы демократии и свободному рынку, следует помимо страшного ядерного меча иметь достаточно гибкие конвенциональные рычаги, с тем чтобы не завышать планку очередного конфликта.

Рассуждая в том же духе, заместитель главного редактора журнала «Уорлд полиси джорнэл» Д. Риефф предлагает использовать военное превосходство Америки не для жесткого утверждения гегемонии (так остро воспринимаемой Китаем, Россией, Японией, Германией), а для наведения порядка в нецивилизованных углах, вроде Руанды и Сьерра-Леоне. Америка должна помогать там, где менее мощные державы отстают, где она может показать пример гуманного поведения, более цивилизованного морального стандарта. «Америка — это взрослый, оказавшийся

[1] *Maynes Ch. W.* U.S. role in the world: what are the choices? («Great Decisions 2000». W., 2000, p. 15.)

53

на школьной игровой площадке, где жестокие подростки избивают беззащитных детей. Не имеет ли взрослый морального обязательства остановить злоупотребление силой?»[1]

Сторонники этой точки зрения уверены, что устаревшие ооновские запреты можно нарушать ради торжества действенного гуманизма и мирового порядка. И Америка наступившего века будет проводником этих принципов. Силой, если понадобится.

Данное направление обрело значительный вес среди американских либералов, среди влиятельных политиков, связанных с международным бизнесом классом менеджеров, среди влиятельных журналистов, в среде политологов, стремящихся избежать выхода Америки на ненужную прямолинейность и агрессивность.

4. *Новые либеральные интернационалисты*. Они более осторожны в отношении способов реализации либерального гегемонизма. Их теоретические построения базируются на тезисе, что демократические государства значительно реже вступают в конфликты между собой, чем автократические и нелиберальные государства (особенно активен в отстаивании этого тезиса американец М. Дойл). Отсюда задача Соединенных Штатов: посредством свободной торговли и открытого рынка способствовать формированию среднего класса, который является движущей силой демократических преобразований. США должны не озираться в поисках возможного соперника, а укреплять в мире идеологию, автоматически делающую Америку лидером.

Как пишет Ф. Бергстен, *«Соединенные Штаты должны либо приспособиться к новым условиям, либо вести длительные арьергардные действия, все более дорогостоящие и бессмысленные — подобные тем, которые осуществляла Британия на протяжении десятилетий после того, как их лидерство было поколеблено»* [2].

В воззрениях сторонников этого подхода слышны отголоски движения за вильсоновскую Лигу Наций и рузвельтовских мечтаний об ООН как ответе на насилие в мире, которое, с точки зрения *либеральных националистов*, уже не может никому принести позитивных результатов. Процесс глобализации делает войны бессмысленными и уж никак не прибыльными для все большего числа стран. «В начавшийся после окончания «холодной войны» период, — пишет Ч.-У. Мейнс, — завоевания не могут принести с собой обогащения; напротив, они влекут за собой лишь огромные расходы. И нельзя заставить завоеванные народы согласить-

[1] *Maynes CИ. W.* U.S. role in the world: what are the choices? («Great Decisions 2000». W., 2000, p. 14.)

[2] *Bergsten C.F.* America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 20.)

54

ся со своей участью — они будут сражаться вплоть до своего освобождения... Германия, например, не стала бы богаче и влиятельнее, если бы снова попыталась захватить часть территории своих соседей»[1].

Сторонники либерального мирового порядка полагают, что новые угрозы безопасности в мире являются общими для всего земного населения. Свободная мировая торговля будет благом для всех. И напротив: загрязнение атмосферы или всеобщее потепление климата будут общей бедой.

Обращаясь к проблеме гегемонии, сторонники *либерального мирового порядка* предпочли бы, чтобы США увеличивали не свой военный бюджет, а помощь нуждающимся, финансирование международного сотрудничества и охраны окружающей среды, помощь входящим в мировой рынок странам. Либеральные интернационалисты считают, что Америка *морально* обязана взять на себя ответственность за мировой порядок. В США это видится многими как осуществление национальной судьбы, как продолжение моральных обязательств нации. Как страна, более других заинтересованная в сохранении статус-кво, Америка всегда выиграет от введения и укрепления общих правил игры, общих сдерживающих механизмов. Успешное международное сотрудничество *по правилам*, а не самостоятельное плавание в бурном море меняющейся мировой политики могло бы обеспечить долговременность особого положения Америки в мире.

Такие теоретики, как Ч. Капчен из Совета по международным отношениям, утверждают, что в высших интересах Америки было бы *заранее* приготовиться к спуску с вершины. Было бы гораздо мудрее и безопаснее идти впереди «кривой линии истории», заранее создавая более безопасную комбинацию международных сил, чем однажды найти себя неспособным ответить на новые вызовы мировой эволюции. «Возникающая новая система потребует для своего создания еще одно или два десятилетия. Но курс Вашингтона может уже сейчас стать определяющим обстоятельством — возникнет ли многополярная система мирно или ворвется с соперничеством, которое так часто приводило в прошлом к войнам великих держав»[2].

Обобщая рассмотрение четырех вышеуказанных направлений, следует отметить, что во всем спектре американских идеологических направлений происходит заметный отход от символа

[1] *Maynes Ch. W.* U.S. role in the world: what are the choices? («Great Decisions 2000». W., 2000, p. 16.)

[2] *Kupchan Ch.* Life after Pax Americana («World Policy Journal», Fall 1999, p. 26).

55

веры предшествующего поколения — безусловного уважения международных установлений и законов. Еще совсем недавно, в 1986 году, совершенно революционно и почти маргинально звучали мысли Ч. Краутхаммера о том, что «уважение суверенитета не является моральным императивом» и что «существуют ценности, ради достижения которых возможно ограничение суверенитета отдельных стран»[1]. После Косова и натовских доктринальных изменений эти мысли уже не смотрятся еретически революционными. «Сегодня мысли Краутхаммера, — пишет американский исследователь Ф. Закария, — кажутся самоочевидными, почти банальными»[2]. Такая «революция в мышлении» не может не породить внешний отклик.

То, к какому выводу пришла Америка в результате этих дебатов, обострившихся после актов террора сентября 2001 г., будет одним из самых

важных обстоятельств, определяющих наступающий век. Скорее всего, на вопрос о форме, пределах и функциях *гегемонии* не будет дан кристально ясный ответ. Но большинство человечества на себе ощутит этот ответ. И трудно представить себе, что по зрелому размышлению Америка отвернется от мира. Реалистичнее предположить противоположное. Большинство американских идеологов соглашаются в том, что «в грядущие десятилетия соблазн и видимая полезность американского вмешательства в международные дела окажутся неукротимыми... Если теория гуманитарного вмешательства является продуктом двадцатого века, то уникальные обстоятельства начала двадцать первого века дадут многочисленные основания для практического приложения этих теорий»[3].

М. Олбрайт так определила свое видение американской стратегии в мире: «Мы должны быть больше, чем просто мировая аудитория, больше, чем просто действующие лица, мы должны быть творцами мировой истории нашего времени. Американская мощь будет задействована для того, чтобы решающим образом воздействовать на пятьдесят процентов истории и законов нашего времени»[4]. Американскому избирателю дали понять, что уход коммунизма в историю, всеобщее торжество рыночных отношений и идей демократического устройства вовсе не означают окончание глобальной вахты США — напротив, новое время зна-

[1] «International Journal», Winter 1998—1999, p. 23.

[2] *Zakaria Fareed.* The Challenges of American Hegemony («International Journal». Winter 1998-9, p. 23).

[3] «The National Interest», Spring 2000, p. 76.

[4] *Walker M.* The President They Deserve. London: Vintage Books, 1997, p. 365.

менует собои фантастические возможности для единственной сверхдержавы, обещает ей исторический бросок в будущее.

Хорошей иллюстрацией служит назначение открытого сторонника пренебрежения мировым сообществом — Дж. Болтона ответственным (в официальной должности заместителя государственного секретаря) за выработку политики в области контроля над вооружениями и разоружением. Даже сдержанные комментаторы заявили, что «лису назначили стеречь курятник»[1]. Болтон немедленно приступил к односторонним действиям, круша всю систему международных соглашений.

3. КОМПОНЕНТЫ ГЕГЕМОНИИ

> Господствующее государство будет стремиться связать более слабые и второстепенные страны набором правил и организаций — запирая их в рамки определенного им поведения, — но при этом само останется свободным от пут, свободным от институциональных ограничений и обязательств.
> *Дж. Айкенбери, «После победы», 2000*

Сомнений в американских возможностях не испытывает никто. Даже самые хладнокровные среди американских идеологов приходят к выводу, что «Соединенные Штаты занимают позицию превосходства — первые среди *неравных* — практически во всех сферах, включая военную, экономическую и дипломатическую. Ни одна страна не может сравниться с США во всех сферах могущества, и лишь некоторые страны могут конкурировать хотя бы в одной сфере»[2].

Становление Американской империи все больше видится не как проблема физических возможностей, а как вопрос национальной психологии. Вопрос заключается не в том, *сможет ли* Америка нести «глобальное бремя», а захочет ли она его нести. Это бремя тяжело и весьма весомо, но и возможности

американские колоссальны. Пресловутое имперское перенапряжение если и наступит, то не скоро. Мир Кеннеди и Джонсона — мир Вьет-

[1] *Hirsh M.* Bush and the World («Foreign Affairs», September/October 2002, p.37).

[2] *Haass R.* The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. 2.

нама требовал от США военных расходов, доходивших до 9 процентов национального валового продукта. Рост военных расходов при президенте Рейгане довел бюджет Пентагона до 6 процентов американского ВНП. В 2000 г. эти расходы равнялись 3 процентам колоссального американского ВНП, а военные расходы президента Дж. Буша-мл. грозят довести военные расходы Америки до 4 процентов ВНП (до 379 или даже до 476 млрд. долл.). И это не создает для американской экономики невыносимого напряжения. Основанием однополюсного мира имперской гегемонии являются «три кита» — экономическое доминирование; военная сила; культурная привлекательность.

Экономика

У США в начале третьего тысячелетия не только самая мощная, но и самая эффективная экономика мира. Начавшийся в 1992 г. десятилетний подъем закрепил лидирующее положение американской экономики в мировом взаимообмене, в мировых финансовых учреждениях, в осуществлении международной экономической помощи. Между 1990 и 2001 годами американская экономика выросла на 27%, тогда как западноевропейская — на 15%, а японская — лишь на 9%[1]. Доля США в мировом валовом продукте (составляющем в 2002 г. 31,4 трлн. долл.) увеличилась между 1996 и 2002 годами с 25,9 до 31,2%[2]. На пороге нового века уровень безработицы упал до фантастически низких 4%. Не будем заблуждаться, говорит президент одной из крупнейших коммуникационных компаний мира англичанин М. Соррел, «мир не глобализируется, он американизируется. Во многих отраслях индустрии на Соединенные Штаты приходится почти 50% мирового рынка. Что еще более важно, более половины всей деловой активности контролируется — или находится под влиянием — Соединенных Штатов. В области рекламы и маркетинга эта доля доходит до 2/3. В сфере инвестиций доминируют огромные американские компании: Меррил Линч, Морган Стенли Дин Уиттер, Голдмен Сакс, Соломон Смит Барни и Дж.-П. Морган»[3]. Индустриальная и финансовая активность мировой экономики в той или иной степени находится под воздействием этих гигантов *американского* делового мира.

[1] *Heisburg F.* American Hegemony? Perceptions of the US Abroad («Survival», Winter 1999-2000, p. 16).

[2] The World in 2002. The Economist Publications. London, 2002, p. 86; «The Economist», June 29 - July 5, 2002 (Present at the Creation, p. 4).

[3] *Sorrel M.* Branding the New Era («Foreign Policy». Summer 2000. pp. 61-61).

Абсолютная и относительная мощь Америки достигла невиданных высот, о чем свидетельствует таблица 1.

Таблица 1. **ВВП ведущих стран мира в 2002 г. в трлн. долл.**

США	Япония	Германия	Британия	Франция	Италия	КНР	РФ
10,885	3,942	2,392	1,771	1,677	1,422	1,388	0,392

Источник: *The World in 2003. London. The Economist Publications, pp.93—99.*

США более чем вдвое превосходят в экономической сфере своего ближайшего конкурента Японию. Одна только отдельно взятая экономика штата Калифорния равна по валовому показателю Франции или Британии.

Никто не использует лучше других охватившую мир глобализацию. Именно в США идет более трети мировых *прямых* иностранных инвестиций. Между 1991 и 2003 годами общий объем мировых инвестиций составил 7 трлн. долл.; из них на американскую экономику пришлось более 20 процентов — американская экономика оказалась самой привлекательной для инвестирования (на идущий на втором месте Китай приходится 7 процентов инвестиций). На исследования и разработки в США идут суммы, превосходящие подобные расходы у семи других богатейших стран, взятых вместе.

Еще в 1990 г. опасения в отношении зарубежной конкуренции испытывали 41% американских производителей, а в начале следующего столетия страх почти исчез — лишь 10% опрошенных выразили свои тревоги. Страх в отношении объединенной Европы и неудержимой Японии ослаб. Теперь 85% лидеров американского бизнеса приветствуют европейскую конкуренцию[1]. Годовой доход в расчете на каждого американца составил 38 тыс. долл. Американский бюджетный профицит в 2002 фин. г. составил более 100 млрд. долл.

Экономика Соединенных Штатов оставила далеко позади потенциальных соперников, и ныне, спустя более полувека после окончания Второй мировой войны, ее превосходство над поверженными тогда Германией и Японией убедительнее, чем когда бы то ни было. Восстановившие свою мощь страны не смогли приблизиться к показателям Америки, о чем свидетельствует таблица 2.

[1] *Rielly J.* (ed.) American Public Opinion and U.S. Foreign Policy, 1995, Chicago: Council on Foreign Relations, 1995, pp. 24—25.

59

Таблица 2. **Степень доминирования.**
Соотношение валового внутреннего продукта гегемона и ближайших конкурентов (гегемон =100).

ВВП	США	Британия	РФ	Япония	ФРГ	Франция	КНР
1870	108	100	90	—	46	75	—
1950	100	24	35	11	15	15	—
1985	100	17	39	38	21	18	46
1997	100	15	9	38	22	16	53
2000	100	15	13	35	21	15	52

Источник: *«Economist», June 29 — July 5 2002. A Survey of America's World Role, p. 8.*

И американский гигант не останавливает своего движения. В 1980 году на научные исследования и разработки на Западе в целом расходовались 240 млрд. долл., из которых на долю министерства обороны США приходилось 40 млрд. долл. В 2000 фин. году расходы на исследования и разработки стран Запада составили 360 млрд. долл., и доля США в них составила 180 млрд. долл.[1]. В 2002 г. из общей суммы мировых расходов на исследования и разработки в 652,7 млрд. долл. на США приходились 40,6 процента[2]. Величайшая экономика мира является основным источником мирового технического прогресса — на США приходится 35,8% мировых расходов на производство новых технологий. Америка инвестирует в высокотехнологичные области больше, чем вся Европа, взятая вместе. Общие американские расходы на исследования и внедрение равны совокупным расходам богатейших стран мира — остальных стран «большой семерки». (А «семерка» расходует на эти цели 90% общемировых расходов на исследования и разработки. На занимающую второе место Японию приходится 17,6%, на Германию — 6,6, Британию — 5,7, Францию — 5,1, Китай — 1,6)[3]. И эти расходы дают весомые результаты: не менее половины новых технологий мира создается в начале XXI века в Америке (что детально показывает Совет по

[1] «Survival», Winter 1999-2000, p. 112.

[2] «The Economist», June 29 — July 5, 2002 (Present at the Creation, p. 4).

[3] OECD, Science, Technology and Industry: Scoreboard of Indicators 1997. Paris, OECD, 1997; «New York Times», May 11, 1999, p. Cl.

60

конкурентоспособности — аналитический центр американской индустрии, расположенный в Вашингтоне[1].

Более 40% мировых инвестиций в компьютерную технологию приходится на американские компании — более 220 млрд. долл. Соотношение числа компьютеров к работающим в США в пять раз выше, чем в Европе и Японии. Это дает американскому бизнесу внушительное превосходство над конкурентами. Компании «Интел», IBM и «Моторола» производят существенно важные компоненты собственно компьютерной техники. В то же время «Майкрософт», «Оракл» и «Нетскейп» обеспечивают главные мировые программы, и все они основаны в Америке, где располагаются их штаб-квартиры. Экспорт «Виндоуз» и «Лотус 1, 2, 3» постоянно растет. Основанный министерством обороны США Интернет стал глобальным феноменом, но большинство включенных в Интернет 15 000 телевизионных сетей базируются в Соединенных Штатах[2].

США расходуют вдвое больше средств на душу населения на информационно-технологические нужды, чем западноевропейские фирмы. Более 90 процентов сайтов в Интернете являются американскими. Американские компании являются главными поставщиками «кремниевых мозгов». В стране находится 40% общего числа компьютеров в мире. Наличие наиболее эффективного экономического организма, организационные, технические и идеологические инновации (более трети мировых патентов), совершенство индустриальной организации, доминирование в мировой валютной системе, главенствующие позиции в мировой торговле, обладание самыми мощными ТНК, возможность оказывать массированную экономическую и гуманитарную помощь внешнему миру — все это позволило Америке установить первенство в основных отраслях современной экономики. Университеты США и американский бизнес легко абсорбируют в американскую экономику талантливых иностранцев — как когда-то Римская империя.

[1] Фактом является то, что все сторонники расширения мировой торговли, снятия барьеров, расширения экономического поля деятельности, так или иначе, входят под мантию американской технологии, американской промышленности и торговли. Сень американского орла — залог приобщения к самому богатому и софистичному рынку мира. В этом гигантский фактор американского могущества. Торговля и финансы сплачивают то, что быст-

[1] «International Security», Summer 1999, p. 17 (note).

[2] *Zakaria Fareed.* The Challenges of American Hegemony («International Journal», Winter 1998—9, p. 13).

61

ро становится имперским доменом. При этом существенно следующее благоприятствующее Америке обстоятельство: там, где она нарушает каноны свободной торговли — скажем, в области поощрения своего сельского хозяйства, защиты текстильной промышленности, сталеплавильной отрасли, их главные конкуренты — западноевропейцы нарушают правила либерализма сами, и это как бы нейтрализует активную американскую торгово-промышленную самозащиту. На этой основе трудно предвидеть формирование некоего антиамериканского альянса.

Еще более жестко, чем прежде, проявил себя тот факт, что производительные силы современного мира принадлежат крупным компаниям-производителям, тем многонациональным корпорациям (МНК), полем деятельности которых является вся наша планета. В современном мире насчитывается около двух тысяч МНК, которые распространяют свою деятельность на шесть или более стран. Среди них пятьсот крупнейших имеют совокупный продукт в 21, 9 трлн. долл. (61 процент

мирового валового продукта). Они контролируют капиталы в 35,6 трлн. долл. Их ежегодные доходы равняются 810 млрд. долл. в год. На этих пятистах многонациональных компаниях заняты 84,5 млн. человек. 93 процента их штаб-квартир расположены в США, Западной Европе и Японии. Среди 50 самых больших МНК двадцать семь — американского происхождения[1].

Предоставим слово «Нью-Йорк таймс»: «Только одно можно сказать об альтернативах — они не работают. К этому выводу пришли даже те люди, которые живут в условиях отрицательных последствий глобализации. С поражением коммунизма в Европе, в Советском Союзе и в Китае — с крушением всех стен, которые защищали эти системы, эти народы, испытывающие жестокую судьбу в результате дарвиновской брутальности свободнорыночного капитализма, не выработали цельной идеологической альтернативы. Когда встает вопрос, какая система сегодня является наиболее эффективной в подъеме жизненных стандартов, исторические дебаты прекращаются. Ответом является: капитализм свободного рынка. Другие системы могут более эффективно распределять и делить, но ни одна не может больше производить... Или экономика свободного рынка, или Северная Корея»[2].

В практическом плане глобализация означает прежде всего уменьшение барьеров между различными экономиками, что спо-

[1] *Rourlce J.* Taking Sides. Clashing Views on Controversial Issues in World Politics. Clifford:McGraw-Hill, 2000, p. 100.

[2] *Friedman Th.* Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree. N.Y.: Anchor Books, 2000, p. 104.

62

собствует торговому взаимообмену. Еще три десятилетия назад торговля давала Соединенным Штатам примерно 10% их валового национального продукта — а к новому тысячелетию эта цифра перевалила за тридцать процентов.

Штаб-квартиры большинства многонациональных корпораций находятся в Соединенных Штатах. Американские компании, пользуясь уникальными геополитическими позициями своей страны, смотрят на мир как на огромное поле приложения своих капиталов, как на расширяющийся и практически бездонный рынок, как на кладовую сырья и дешевой рабочей силы. Уже сейчас удивительно большое число американских компаний переместило более половины своих мощностей за границу: «Мэнпауэр Инк.» — 72 процента мощностей за рубежом, «Жилетт» — 66 процентов, «Мобил» — 63 процента, «Диджитал эквипмент» — 61 процент, «Экссон» — 56 процентов, «Шеврон» — 55 процентов, «Бэнкерс Траст» — 52 процента, «Ситикорп» — 51 процент[1]. Такие компании, как «Дюпон де Немур», перенесли штаб-квартиру своих научно-технических исследований и разработок за границу (в Японию.) Возник новый тип международного бизнеса — совместные исследования и разработки, общее промышленное производство, обмен лицензиями, технологическое сотрудничество, совместные научные исследования.

Наибольшие прибыли от открытия мировых границ, от глобализации мирового хозяйства получили (и получают) Соединенные Штаты. В 1997 г. на США приходились 1,1 трлн. долл. мирового импорта и 959 млрд. долл. мирового экспорта. Производство товаров, продуктов и услуг на экспорт дало работу 17 с половиной миллионам американцев — каждому восьмому из работающих в США. Американцы владеют акциями и финансовыми обязательствами иностранных компаний на 1,5 трлн. долл.[2]. Основой выхода глобализации в качестве главной объясняющей мировую эволюцию схемы стало бескризисное десятилетие в когорте наиболее развитых капиталистических стран, базирующееся на беспрецедентном 130-месячном росте американской экономики. Кажется, мировая экономика в данном случае нашла способ преодолеть

цикличность своего развития. Америка между 1992 и 2001 годами стремительно увеличила свою треть мирового валового продукта.

Представляющий «Нью-Йорк таймс» Т. Фридмен говорит о

[1] *Rourke J.* Taking Sides. Clashing Views on Controversial Issues in World Politics. Clifford: McGraw-Hill, 2000, p. 81.

[2] *Rourke J.* Taking Sides. Clashing Views on Controversial Issues in World Politics. Clifford:McGraw-Hill, 2000, p. 78.

63

Соединенных Штатах как о стране «получающей наибольшие возможности сформировать коалицию, которая проводит глобализацию в глобальном масштабе... Соединенные Штаты, к примеру, решают, куда следует направить капитал, информацию и военную мощь для спасения косоварских албанцев, изгнанных из Югославии в 1999 году. Именно Соединенные Штаты определяют правила, по которым работает Всемирная мировая организация, и условия, на которых в нее может быть принят Китай. Именно Соединенные Штаты сформулировали ответ Организации Объединенных Наций на действия иракского президента Саддама Хусейна. Другим странам НАТО, китайцам и русским остается лишь подчиняться, иногда очень неохотно. Соединенные Штаты и Великобритания были главными создателями правил «золотого корсета» и системы мировых информационных супермаркетов... «Золотой корсет» создал такую систему глобальных ценностей, которые принесли таким странам, как Соединенные Штаты и Великобритания, огромные прибыли... Америка говорит другим странам: «Вы должны принять правила «золотого корсета» и открыть свою страну свободной торговле. Как только вы это сделаете, мы начнем экспортировать в вашу страну практически все и вам позволим экспортировать некоторые товары в Америку». Такие обещания служат стимулом для восприятия правил «золотого корсета»[1].

Главной чертой глобализации, как это формулируют идеологи последних американских администраций, является открытость, характеризующая новое состояние мирового сообщества, нового порядка в мире. Вашингтон открыто декларировал, что «рост на внутреннем рынке зависит от роста за рубежом».

4. ВОЕННЫЙ АСПЕКТ

Мощь Америки покоится на колоссальном военном основании, о котором американские теоретики пишут, что «военная мощь на протяжении последних 60 лет была *доминирующим* элементом во внешней политике США»[2]. На долю США с уходом в небытие соперницы-сверхдержавы в конце XX века выпала феноменальная удача. Как пишет М. Уокер, «Соединенные Штаты обрели военное доминирование, равное совокупной океанской

[1] *Friedman Th.* Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree. N.Y.: Anchor Books, 2000, p. 204.

[2] *Smith D., Corbin M., Hetlman Ch.* Reforging the Sword. Forces for a 21st Century Security Strategy. Washington, 2001, p. 27.

64

мощи Пакс Британники и военной мощи имперского Рима периода его расцвета»[1]. Армия Рима в пик имперского влияния при императоре Траяне (начало второго столетия нашей эры) имела численность менее 400 тысяч воинов. Пик численности имперской армии викторианской Британии — 356 тысяч солдат (вместе с индийскими сипаями) в 1897 г. Вашингтон контролирует гораздо более обширные пространства — он размещает 100 тысяч своих солдат в Европе, 37 тысяч в Южной Корее, 25 тысяч в Персидском заливе, 20 тысяч в Японии, по нескольку тысяч на Балканах, в Центральной Азии, в Афганистане, отдельные контингента в Закавказье и на Филиппинах, в Латинской Америке.

На протяжении шестидесяти лет Америка расходовала на военные нужды от 5 до 14 процентов своего огромного валового национального продукта. США создали триаду стратегических ударных сил, самый большой в мире военно-морской флот, превосходную авиацию и мощные сухопутные силы, размещенные в более 4,0 странах на всех континентах.

. Окончание «холодной войны» и разговоры о «мирном дивиденде» не ослабили этого основания. Как отмечает профессор Бостонского университета Э. Басевич, «для американских мужчин и женщин в военной униформе десять с лишним лет, которые прошли со времени падения Берлинской стены, были временем *интенсивной занятости*». Некоторое время Вашингтон продолжает расходовать пропорционально столько же средств на военные нужды, сколько он расходовал в 1980 г. — в пике «холодной войны». А в последние два года увеличил военные расходы на 17 процентов и довел их до 379 млрд. долл. В 2003 фин. году Соединенные Штаты израсходуют на военные нужды больше, чем 20 следующих за ними по значимости держав. Из общего объема мировых военных расходов в 811,5 млрд. долл. на долю США приходятся 36,3 процента[2].

Таблица № 3. **Структура вооруженных сил США**

Армия	
Дивизии на действительной службе	10
Резервные дивизии	8
Резервные бригады	15

[1] «World Policy Journal», Fall 1996, pp. 114-115.

[2] «The Economist», June 29 — July 5, 2002 (Present at the Creation, p. 4).

ВМС	
Авианосцы	12
Атакующие подводные лодки	50
Надводные корабли	311
Военно-воздушные силы	
Количество истребительных крыльев	12
Резервные истребительные крылья	8
Бомбардировщики — носители обычных зарядов	96
Военно-морская пехота	
Численность дивизий	3
Резервные дивизии	1
Стратегические ядерные силы	
Бомбардировщики	71 B-52; 21 B-2
МБР	500
Стратегические подводные лодки	18

Источник: *Smith D., Corbin M., Hellman Ch. Reforging the Sword. W., Center for Defense Information, 2001, p.62.*

Но более, чем количество, важно в данном случае качество американского оружия. Американская экономика осуществила в 80—90-х гг. широкомасштабную модернизацию, сделавшую бремя военных расходов менее ощутимым. На фоне сокращения военных расходов другими странами военные усилия США видны особенно рельефно. Обоснование весьма просто: «Сильный

имеет гораздо больше способов справиться с противниками, чем слабый, при этом сильный независим. Соединенные Штаты являются единственной страной, способной создать глобальную военную коалицию, как это было в случае с Ираком и на Балканах»[1].

Сформировались силовые возможности глобального масштаба многочисленных и квалифицированных вооруженных сил, на основе широких и мощных союзов, разветвленной разведывательной сети, эффективной индустрии производства вооружений

[1] *Waltz K.* Globalization and American Power («The National Interest» Spring 2000, p. 54).

66

и воли использовать свои силовые возможности. Американская военная промышленность, поддерживавшаяся десятилетиями щедрых военных бюджетов, безусловно превосходит любые страны, стремящиеся сохранить свое военное производство, по способности быстро мобилизовать, привести в боевую готовность и переместить на огромные пространства значительные воинские контингенты. На военные исследования и разработки США расходуют в три раза больше средств, чем шесть следующих за ними в военной иерархии стран. На военные исследования Пентагон расходует больше, чем Великобритания и Германия на все свои военные нужды.

На любом историческом фоне Соединенные Штаты выглядят самым впечатляющим образом. Они вырвались вперед в сфере ядерных вооружений; никто в мире не может сравниться с военно-воздушными силами Америки. Только эта страна имеет подлинно флот всех четырех океанов. Мощь глобального масштаба включает в себя стратегическое и тактическое ядерное оружие, атакующие подводные лодки наряду со спутниками в космосе, флот двенадцати тяжелых авианосцев и несравненные силы быстрого развертывания. Соединенные Штаты безусловно лидируют в приложении коммуникационной и информационной технологии к оснащению своих вооруженных сил. Революция в военной технологии дала Соединенным Штатам несравненную военную мощь, основанную на спутниковом и прочем слежении за миром, новом поколении средств доставки, точечном использовании ударной силы. Технологии C3I (информационные системы поддерживания командования, контроль, коммуникации, разведка) держат безусловное первенство в мире.

Администрация Дж. Буша-мл. наследовала национальную военную стратегию, содержащую три компонента: «Сформировать международное окружение... Дать ответ на весь спектр кризисов... Приготовить страну к неведомому будущему»[1]. Забота о военной мощи после некоторой паузы снова вышла на первое место американской политики. Военные расходы США снова значительно увеличились и составили 40 процентов общемировых расходов. На 2003 г. запланирован военный бюджет в 379 млрд. долл. — больше, чем взятый вместе суммарный военный бюджет 15 крупнейших стран мира.

Посмотрим на соотношение обычных, конвенциональных сил США и других субъектов мировой политики.

[1] Annual Report to the President and the Congress. Washington, 2000, PP- 5—9.

67

Таблица 4. **Военная мощь США, их союзников и «потенциальных противников.**

США и их союзники

	Вооруженные силы	Танки	БМП	Самолеты	Вертолеты	Крупные корабли
США	1 384 400	8303	24 075	9030	6779	200
США и союзники	4 930 330	30 839	64 679	18 650	11 997	660

Страны дружественные США						
Израиль	172 500	3900	5900	945	295	2
Пакистан	612 000	2285	1000	665	187	18
Сауд. Аравия	126 500	1055	4710	574	206	8
Тайвань	370 000	739	2080	733	297	37
«Потенциальные противники»						
Куба	58 000	900	750	208	90	—
Иран	513 000	1134	1145	269	718	8
Ирак	429 000	2200	4400	350	500	—
Ливия	76 000	2210	2620	594	202	4
Сев. Корея	1 082 000	3500	3060	1167	320	29
Судан	105 500	170	488	46	28	—
Сирия	316 000	4850	4785	640	221	2
Общ. число	2 262 500	14 965	17 248	3274	2079	42
Другие крупные страны						
КНР	2 470 000	7060	5500	3632	497	125
Индия	1 303 000	3414	1697	1498	431	42
Россия	1 004 100	22 300	29 665	5397	2788	102

Источники: *International Institute for Strategic Studies; US Department of Defense, 2002.*

68

И перспективы буквально завораживают американских военных и политиков: в XXI веке «Соединенные Штаты, учитывая их человеческие и естественные ресурсы, их мощь и размеры, будут играть доминирующую дипломатическую и военную роль в мировых делах, хотя это может породить недовольство и сопротивление многих стран и внутринациональных групп населения. Это недовольство может повести к противодействию, влекущему насилие... Соединенные Штаты обязаны крепить и расширять свои силы, где и когда это возможно... Все рекомендации на будущее основываются на *продолжении* американского вовлечения в дела других наций, на том, что американская мощь будет решающим фактором в мировом прогрессе в течение следующей четверти века»'.

Разумеется, содержание первоклассных вооруженных сил обходится американской казне в значительную сумму. В мире нет ныне страны, которая расходовала бы в военной сфере средства, сопоставимые с американскими, о чем говорит таблица 5.

Таблица 5. **Соотношение расходов на военные нужды относительно гегемона.**

США	Британия	Россия	Япония	Германия	Франция
1872	68	100	120	—	65
1950	100	16	107	—	-
1985	100	10	109	5	8
1996	100	13	26	17	14
2000	100	11	20	15	10

Источник: *«Economist», June 29 — July 5, 2002. A Survey of America's World Role, p.8.*

Мы видим, что разрыв в военной мощи между Америкой и всем остальным миром после 1989 г. вырос феноменально. И количественно, и, самое главное, в качественном отношении. В 2000 г. окончилась фаза стагнации военных расходов США, связанная с окончанием «холодной войны», и начался подъем военных расходов. Кривая, характеризующая рост американских военных расходов, достигла 300 млрд. долл. в 2001 г. и согласно опубликованным планам достигает 350 млрд. долл. в 2002 г., 400

[1] *Smith D., Corbin M., Hellman Ch.* Reforming the Sword. Forces for a 21st Century Security Strategy. Washington, 2001, pp. 17—19.

69

млрд. долл. в 2003г. г. и 450 млрд. долл. в 2006 г.[1]. Прежние великие европейские страны и Япония на данном историческом этапе даже не пытаются сократить безнадежно для них расширившийся разрыв в степени военной вооруженности.

Несмотря на увеличение доли американских военных бюджетов в общемировых расходах, в США популярно мнение, что глобальное силовое превосходство обходится могучим Соединенным Штатам не так уж и дорого. Постоянно задается вопрос: «Неужели поддержание американского первенства не стоит оборонных затрат где-то на уровне 3—3,5% ВНП?»[2] Историк П. Кеннеди: «Быть номером один вследствие огромных усилий — это одно дело, но быть единственной сверхдержавой за относительно небольшую цену (3,5 % ВНП) — удивительно»[3].

Эти военные расходы тем легче переносятся экономикой США, чем шире объем американского военного экспорта, превышающего военный экспорт всех остальных продающих оружие держав, вместе взятых. В новый век Америка вошла как величайший производитель и торговец оружием — среднегодовые продажи американского оружия превышают 15 млрд. долл. (50% всей мировой торговли оружием — по сравнению с 26,7% десятилетием ранее)[4]. Стимулирующим фактором является государственная программа иностранной военной помощи (FMA.) За вторую половину двадцатого века по настоящее время внешний мир получил американского оружия примерно на 0,5 трлн. дол.[5]. Получатели американского оружия, так или иначе, становятся клиентами США не только в военной области, — это мощный рычаг воздействия на экономику и внешнюю политику получателя военной помощи или ее импортера.

Контроль в ключевых регионах

Почти всеми словесно разделяемая теория, что № 2, 3, 4 неизбежно, так или иначе, на определенном этапе начнут группироваться против № 1, пока не срабатывает. Основные нации ми-

[1] Office of Management and Budget; International Institute for Strategic Studies. W., 2002.

[2] *Kagan R.* and *Kristol W.* The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 63).

[3] *Brooks S.* and *Wohlworth W.* American Primacy in Perspective («Foreign Affairs». July/August 2002, p. 25).

[4] *Renwick N.* America's Word Identity. The Politics of Exclusion. New York: St.Martin's Press, 2000, p. 96.

[5] *Kegley Ch., WittkopfE.* American Foreign Policy. New York, 1996, p. 146.

70

ра в настоящее время не предпринимают усилий по созданию антиамериканского союза. Фактически ни одна из ключевых сторон — ЕС, Япония, Россия и даже пока Китай не вышли на тропу подлинного военного соперничества. Несмотря на все споры с Европейским союзом и КНР, «силы порядка сегодня явно мощнее сил хаоса в современном мире. За последнее десятилетие коллапс финансовых рынков произошел несколько раз, но глобальная экономика выстояла. Антиглобализационные протесты дошли до ярости, но система свободного рынка

сохранилась. Террор сокрушил Международный торговый центр, но столкновения цивилизаций не последовало»[1].

Все основные действующие на мировой арене силы пока предпочитают прильнуть к гегемону. Если некоторые из стран и наращивают степень своей вооруженности, то имеют в виду прежде всего не всемогущие Соединенные Штаты, а собственных соседей: Индия и Пакистан, Индия и Китай, Китай и Тайвань, Израиль и арабский мир. Пока почти всеобщая мудрость базируется на тезисе, что «лучше быть с сильнейшим, чем против него». Даже самые упрямые сторонники теории баланса сил, изменяя основе своего учения, признают, что в мире происходит блокирование *вокруг*, а не *против* сильнейшей державы. В Южной Азии в качестве посредника призывают Соединенные Штаты, а не, скажем, соседние Китай или Японию. Пакистан поддерживал Талибан до тех пор, пока против него не выступили США. И сейчас, в первые годы XXI века, движение под крылья американского орла превосходит тенденцию сформировать лагерь обиженных Америкой.

Любая степень реализма требует признания заглавных фактов: в начале XXI века Соединенные Штаты владеют крупными военными базами и большим числом мелких баз в 45 иностранных государствах. Соединенные Штаты владеют промерно 700 военными базами за пределами своих границ (438 — в Канаде и Европе, 186 — в Юго-Восточной Азии и Тихом океане, 14 — в Латинской Америке, 7 — на Ближнем Востоке и в Африке, 1 — в Южной Азии, 3 — в Центральной Азии). Английский журнал «Экономист»: «Америка располагает 725 военными установками за пределами своей территории, из которых 17 являются полномасштабными базами, где из общего числа 1,4 млн. военнослужащих 250 тысяч расположены на заморских базах»[2]. Распространение американских военных баз стало элементом глобализации

[1] *Hirsh M.* Bush and the World («Foreign Affairs», September/October 2002, p. 39).

[2] «The Economist», June 29, 2002 (A Survey of America's World Role, p. 8).

71

горизонтов американских государственных интересов, ибо, по оценке американского политолога, «как только американские войска располагаются на иностранной территории, эта территория немедленно включалась в список американских жизненных интересов»[1].

Первый способ контролировать неведомое будущее — физически присутствовать в ключевых точках. Две из них были определены почти шестьдесят лет назад в ходе формирования доктрины «сдерживания» — долина Рейна и Японские острова. Исключительно благоприятствующими для распространения влияния США являются контрольные позиции их вооруженных сил в этих двух экономически могущественных регионах, способных бросить Америке вызов: *Японии и Германии*. На территории этих стран находятся американские войска, эти государства связаны с Вашингтоном обязывающими отношениями и не могут сейчас, и в ближайшие десятилетия оказать реальное противодействие. Соответственно, 7-я армия США стоит на Рейне, а Японский архипелаг контролирует огромная американская база на Окинаве. В Европе находятся 113 тыс. американских военнослужащих (4 тыс. на военно-морских кораблях.) В Азии размещаются 77 тыс. американских военнослужащих (плюс 33 тыс. на флоте). 13 тыс. американских военнослужащих размещались в районе Персидского залива (5 тыс. на флоте)[2]. «Армейские дивизии с огромным тылом в виде систем снабжения горючим, продовольствием и боеприпасами остаются твердой основой приготовления к ведению боевых действий на суше, равно как авианосные боевые группы и амфибийные соединения являются основой военно-морских сил, а эскадрильи самолетов — для авиации».

За 90-е годы численность войск для специальных операций увеличилась с 38

тысяч в 92 странах (стоимость 2,4 млрд. долл.) до 47 тысяч в 143 странах (стоимость 3,4 млрд. долл.) [3].

Американская стратегия базируется на присутствии 100 тыс. американских военнослужащих в Европе (сенатор Мойнихен: «*Они стоят как римские легионы»),* такого же числа в Азии (согласно т. н. докладу Ная, этот уровень будет поддерживаться в Азии еще как минимум 20 лет); 25 тыс. — на Ближнем Востоке, 20 тыс. — в Боснии; в состоянии постоянной боевой готовности 12 авианосных групп на патрулировании в нефтяной кладовой

[1] *Renwick N.* America's Word Identity. The Politics of Exclusion. New York: St.Martin's Press, 2000, p. 96.

[2] Active Duty Military Personnel Strength by Regional Area and by Country. Wasington, Department of Defense. December 31, 2000.

[3] «Foreign Service Journal», March 2000, p. 22.

72

мира — Персидском заливе и в проливе, отделяющем Тайвань от материка; на авиационном патрулировании Северного и Южного Ирака, края Косово. Страна, которая сама признает, что ей никто не угрожает, содержит огромную сеть баз по всему миру и в 2002 фин. году расходовала на военные закупки на 76 млрд. долл. больше, чем военный бюджет любой другой державы. Гордон Адамс — заместитель директора Лондонского института стратегических исследований без колебаний приходит к заключению, что *«ни одна страна не способна иметь (военный) бюджет, вооруженные силы, технологию, военную организацию, равные американским. Даже для взятых воедино европейских военных структур понадобились бы десятилетия, чтобы достичь американского уровня; гораздо большее время требуется Китаю для реструктурирования своей военной системы и для России для восстановления своего прежнего военного могущества»*[1].

Силовые возможности США трудно переоценить. В настоящий момент *«Америка оказывает большее влияние на международную политику, чем какая-либо другая держава в истории»*[2]. *После десяти лет непрерывного экономического бума их валовой национальный продукт превысил 10 трлн. долл. Военная мощь страны превосходит совокупную военную мощь пятнадцати следующих за ними крупнейших держав мира. Америка входит в важнейшие союзы. НАФТА обеспечивает их преобладание и растущий вес в Западном полушарии. Североатлантический союз (6,5 млн. военнослужащих) не имеет конкурентов на нашей планете. Американские расходы на исследования и создание новых образцов военной техники превышают 36 млрд. долл. (следующие за ними европейские члены НАТО, вместе взятые, расходуют на эти цели 11,2млрд. долл.)*[3]. *Даже самые осторожные пессимисты признают, что несказанно благоприятное стечение обстоятельств гарантирует Америке как минимум двадцать лет безусловного мирового лидерства. Что будет далее, не смеет предсказать ни один футуролог, но нет оснований не верить тому, что не прошедший, а наступающий век будет подлинно американским.*

Противников пока не видно даже на горизонте. Страхи 1980-х гг., что Япония и Западная Европа развиваются быстрее, ушли в прошлое. *«Во всех практических смыслах, — размышляет Р. Стил, — Америка неуязвима. Ей не грозит никакое вторжение.*

[1] «Survival», Winter 1998—99, p. 185.

[2] *Kupchan Ch.* After Pax Americana. Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity («International Security», Fall 1998, P. 77).

[3] «The Military Balance, 1998/99.», Table 6, p. 34.

73

У нее нет врагов, желающих ее крушения. Она не зависит от внешней торговли... Она кормит себя сама. Она имеет союзников и при этом не зависит

от них — никогда не зависела от них даже в годы «холодной войны». Соединенные Штаты распространили сеть военных баз — и созданы эти базы не ради самозащиты»[1]. *«Никогда со времен Древнего Рима, — пишет Ч. Мейнс, — отдельно взятая держава не возвышалась над международным порядком, имея столь решающее превосходство»*[2].

В 2002 г. военные планировщики США решили важную задачу — ввели в зону американской военной ответственности все остававшиеся неохваченными регионы Земли. Впервые в истории больше не окажется ни пяди земли, которая не находилась бы в компетенции одного из региональных командований министерства обороны США — от Арктики до Антарктики. 1 октября 2002 г. в Пентагоне создается новый центр военного контроля — Верховное командование, курирующее системы раннего обнаружения, спутники системы противоракетной обороны, а также стратегические средства наступательного характера с применением как обычного, так и ядерного оружия. Создается глобальный по охвату объединенный командный центр, задачей которого является нанесение превентивных ударов, в том числе и стратегических. С созданием этого интегрированного командования наступает новая эпоха в военном контроле США над планетой.

Согласно директиве президента Дж. Буша-мл., отныне каждые 2—3 года американские военные планировщики будут создавать аналитический обзор под названием «Планы единого командования», в котором очерчиваются задачи, полномочия и ответственность важнейших органов военного руководства США.

В новом, полностью поделенном на секторы американской ответственности мире впервые будет создано Главное военное командование для организации обороны Северной Америки (НОРТКОМ) — вплоть до Мексики на юге и Аляски на севере. Это командование курирует также прилегающую акваторию по 500 миль в Тихом и Атлантическом океанах, зону вокруг Кубы и в целом бассейн Карибского моря.

В 2002 г. расширены полномочия Главного командования в Европе (ЕВКОМ). К уже отнесенным к полномочиям этого командования северо-востоку Африки, Израилю, Сирии и Ливану, Закавказью и части Атлантики добавлены остающаяся Северная Атлантика, большая часть Южной Атлантики и — это важное новое — *Россия. Россия впервые оказалась в зоне ответственности специального регионального американского командования.* «Подоб-

[1] *Steel R.* A New Realism. («World Policy Journal», Summer 1997, p. 8).

[2] *Maynes Ch. W.* «Principled» Hegemony. («World Policy Journal», p. 31).

ный подход, — пишет германская «Франкфуртер рундшау», — со всей очевидностью свидетельствует о том, что Вашингтон больше не считает Москву сверхдержавой, но одновременно и не рассматривает в качестве исключительно враждебного государства»[1].

К зоне ответственности Главного командования в зоне Тихого океана (ПАКОМ) помимо прежних Китая, Индии, ЮВА, Японии и Австралии в 2002 г. отнесена Антарктида, прежде в силу своего особого статуса не входившая в чью-либо зону опеки. Командование ПАКОМ должно оказывать поддержку ЕВКОМ в вопросах сотрудничества с Россией в Дальневосточном военном округе.

Южное командование (САУСКОМ) вводит в зону своего контроля Южную и Центральную Америку. Центральное командование (СЕНТКОМ) контролирует Персидский залив, Центральную Азию, Пакистан. Сюда обращено особое внимание Пентагона, отсюда видятся наиболее реалистические угрозы. Снабжением региональных командований будет заниматься Единое командование специальных сил (СОКОМ) и Транспортное командование (ТРАНСКОМ). Специальное Объединенное командование вооруженных сил

(ДжЭфСи) будет заниматься разработкой стратегии на случай вовлечения американской мощи.

В конце июня 2002 г. американское руководство приняло решение об объединении двух важнейших специальных главных командований — Командования космических сил (СПЕЙСКОМ) и Командования стратегических сил (СТРАТКОМ.) Централизация глобальной зоны контроля получила свое завершение. Под одну крышу на базе в Офшуте (Небраска) сведены все военные компоненты новой стратегической триады США, а также контроль над спутниковой системой, над ранним обнаружением и защитой США от ракетных ударов, ответственность за организацию наступательных операций на большом удалении с применением как обычного, так и ядерного оружия. Это колоссальная концентрация военной силы.

Зато в 2002 г. всемерной разработке подвергся пересмотр возможности *превентивных* ударов не только по недружественным странам, но и по враждебным организациям. Речь открыто идет о нанесении *упреждающих* ударов. Даже с применением ядерного оружия (указывается, что ряд объектов типа бункеров не могут быть поражены конвенциональным оружием). Создан и своеобразный термин: *оборонительная интервенция.* Право выбора рода применяемого оружия принадлежит единственно Верховному командованию США. Стирается грань между обычным и ядерным оружием.

[1] «Frankfurter Rundschau», 16 juli 2002.

75

Военные союзы

Ныне США входят в шесть коллективных военных союзов, созданных в разгар «холодной войны» в 1947 — 1960 гг.: Договор Рио-де-Жанейро (1947); Североатлантический союз (1949); Договор США с Филиппинами (1951); Договор АНЗЮС (1951); Договор США с Южной Кореей (1953); Договор США с Японией (1960.)

С перспективой на 2025 г. в США ставится задача поддержания тесных связей с союзниками по НАТО, с Европейским союзом, с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе, с Организацией американских государств (ОАС), с ключевыми странами на Ближнем Востоке, Дальнем Востоке, в Азии и Африке[1].

Американские исследователи Р. Каган и У. Кристол подчеркивают, что «международная структура безопасности представляет собой совокупность руководимых Америкой союзов»[2]. Главный союз — с примерно равной по мощи зоной — с Западной Европой пережил осуществление своей миссии. НАТО достаточно крепка в качестве инструмента американского контроля над западноевропейским центром. Наличие силовых возможностей открыло, по словам американского эксперта Басевича, «перспективу чистого, быстрого и приемлемого решения насущных проблем, вооруженные силы стали предпочтительным инструментом американского государственного искусства. Результатом стала обновленная, интенсифицированная — и, возможно, необратимая — милитаризация американской внешней политики»[3]. Как характеризует сложившееся положение американский политолог Т. Фридмен, мир поддерживается «присутствием американской мощи и американским желанием использовать эту военную мощь против тех, кто угрожает их глобальной системе... Невидимая рука рынка никогда бы не сработала без спрятанного кулака. Этот кулак виден сейчас всем»[4].

Полагаясь на эту мощь и наличие союзников, американские политологи делают однозначный вывод: «Соединенные Штаты являются единственным в мире государством с потенциалом гло-

[1] *Smith D., Corbin M., Hellman Ch.* Reforging the Sward. Forces for a 21st Securitu Strategy. W., 2001, p. 26.

[2] *Kagan R.* and *Kristol W.* The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 63).

[3] *Bacevich A.* Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization («National Interest», Summer 1999, p. 5).

[4] «The National Interest», Spring 2000, p. 53.

76

бальной проекции мощи; они способны осуществлять базирующееся на наземных плацдармах доминирование на ключевых театрах; они обладают единственным в мире всеокеанским военно-морским флотом; они доминируют в воздухе; они сохраняют способность первого ядерного удара, продолжают инвестировать в системы контроля, коммуникаций и разведки... Следует признать, что *любая попытка непосредственно соперничать с Соединенными Штатами безнадежна. Никто и не пытается»* [1].

Доктринальное обеспечение. Условия, сложившиеся в мире после 1991 г., позволили Соединенным Штатам использовать свои вооруженные силы для целей принуждения практически без риска возмездия. Используя превосходную технологию ударов по наземным целям издалека, Соединенные Штаты свели до минимума риск ответного удара по своим вооруженным силам. Соответствующую трансформацию претерпела и разработка американской военной доктрины. Министр обороны в администрации Дж. Буша-ст. У. Перри предложил концепцию *«превентивной обороны»*, которая предполагает «обеспечение безопасности посредством диалога с региональными лидерами и реализации более жесткой оборонительной программы»[2]. Но наиболее выпукло силовую основу внешней политики США осветил неожиданно рассекреченный в 1992 г. плановый документ Пентагона: *«Нашей главной целью является предотвращение возникновения нового соперника, будь то на территории бывшего Советского Союза или в другом месте, который представлял бы собой угрозу, сопоставимую с той, которую представлял собой Советский Союз... Нашей стратегией должно быть предотвращение возникновения любого потенциального будущего глобального соперника»?*[3].

Согласно определению, данному президентом Б. Клинтоном в январе 1998 г. в Национальном оборонном университете, *«дипломатия и сила являются двумя сторонами одной и той же монеты»*[4]. Государственный секретарь США М. Олбрайт обратилась к американским военным со словами, которые трудно трактовать двояко: *«Какой резон иметь эту превосходную военную машину, о которой постоянно говорят военные, если мы не можем ее использовать?»* Президент Дж. Буш-мл.: «Говоря в терминах мощи, наша

[1] *Wohlforth W.* The Stability of a Unipolar World («International Security», Summer 1999, p. 18).

[2] *Perry W.* and *Carter A.* Preventive Defense: A New Security Strategy for America. Washington: Brookings Institution Press, 1999, pp. 9—11.

[3] «New York Times», March 8, 1992, p. A14.

[4] «The National Interest», Spring 1999, p. 5.

77

страна стоит как сверхдержава в одиночестве... Вот почему мы можем проецировать мощь»[1].

В 2003 г. США расходуют дочти 40 процентов мировых затрат в военной сфере. Больше, чем 15 следующих за ними стран. Идеологи американской глобальной контрольной вахты *не предвидят* появления хотя бы примерно равного себе по мощи противника на мировой арене еще примерно двадцать лет. (В период между 2020 — 2025 гг. главным кандидатом на так называемое *равное соперничество* выйдет Китай — увеличение военного бюджета КНР весной 2001 г. на 17 процентов придало еще больший вес этому сценарию. Постоянно и настойчиво реализуемая китайская программа модернизации военно-воздушных сил и военно-морского флота дает основания американцам предвидеть появление соперника[2].)

Президент Дж. Буш запросил такой темп роста военного бюджета, который позволит к 2007 г. довести его до 467 млрд. долл. Не следует забывать, что еще до террористических атак на США президент Буш выдвинул проект создания стратегического щита вокруг Америки, что в течение примерно десятилетия полностью изменит соотношение сил между *ядерными* державами мира в американскую пользу. «На пути к созданию такой системы отношения между Америкой и другими крупными ядерными державами, — пишет летом 2002 г. английский «Экономист», — радикально изменятся»[3]. В частности, Вашингтон уже попросил Брюссель ликвидировать натовское командование на Атлантике — АКЛАНТ, поскольку американского контроля над регионом уже достаточно. Вашингтон по существу отказывается от совместного обеспечения морских путей в Атлантике. Америка все более опирается на собственные военные рычаги в данном регионе.

А в целом афганская операция продемонстрировала всему миру исключительные возможности военной машины США. Особенное впечатление произвели огромные транспортные самолеты и тяжелые бомбардировщики, оснащенные приборами точного бомбометания. Открылся разрыв между техническим уровнем и возможностями США и даже высокоразвитых стран Запада, не говоря уже о всех прочих государствах. Обнажился и тот факт, что не менее 60 стран предпочли быть военными союзниками Америки, что позволило министру обороны Рамсфелду утверждать, что «миссии определяют коалиции, а не наоборот». То есть провозглашенная Америкой миссия, а не выработанная

[2] *Craig Smith.* China Sends Its Army Money, and Taiwan a Signal («New York Times», March 11, 2001).

[3] «The Economist», June 29—July 5, 2002 (Present at the Creation, p. 4).

78

огромной коалицией стратегия стала самым важным элементом системы, где США доминируют. «Неохотный шериф» превратился в решительного полицейского. Или имперского проконсула.

Исчезновение антимилитаризма

Исторически в Соединенных Штатах были сильны антимилитаристские традиции. Еще на памяти у всех подлинный общенациональный пожар, связанный с борьбой против войны во Вьетнаме. Все это в прошлом. В США исчез антимилитаризм. В основном течении американской политики в начале двадцать первого века не существует ничего, что хотя бы отдаленно напоминало антимилитаристскую партию. Нет и антимилитаристского крыла в какой бы то ни было партии общенационального значения. Во всей американской общественной жизни нет ни единственной значительной фигуры, которая выражала бы свое несогласие с перспективой американского доминирования в мире, где Америка будет единственной военной сверхдержавой «до конца времен». (Неким исключением является П. Бьюкенен, эволюционировавший из правого республиканизма в сторону скорее «крепости Америка» — своеобразной формы изоляционизма. Но на президентских выборах 2000 г. П. Бьюкенен получил менее 1 процента голосов, что говорит о маргинальности его взглядов.)

Выступая против президента Буша, лидер сенатского большинства сенатор-демократ Дэшл указал на то, что «военные расходы США превосходят военные расходы всех прочих стран, взятых вместе»[1]. Но сказал это Дэшл без малейшего осуждения и с немалой гордостью. Военное превосходство США стало для него частью «естественного порядка» — подобно тому, как Голливуд доминирует в мировом производстве фильмов. Демократы и республиканцы вотируют новые военные расходы с единственной целью — продлить как можно дольше американское преобладание в мире. Их забота — не американский милитаризм, а

удовлетворение желания американцев сделать «бремя империи» минимально тяжелым для своих избирателей и — это очень важно — не привнести в дело сохранения империи человеческие жертвы.

При этом следует отметить, что исторически американским способом предотвращения военной угрозы был не уход в глухую оборону, а сугубо наступательные действия. И при президенте Клинтоне американцы искали «оборонительные рубежи» не на побережье двух омывающих Америку океанов, а в Сомали, Бос-

[1] *Daschle*, senator. New Century of American Leadership. August 9, 2001.

79

нии, Колумбии, Восточной Азии. Окончание «холодной войны» еще более усилило тенденцию американского руководства искать оптимальное военное решение максимально удаленно от американской территории. «Проецирование силы» на дальние регионы стало ключевым выражением в американском подходе к своей безопасности в новом веке. Все звенья государственного аппарата США сошлись в том, что (словами П. Вулфовица) «проецирование силы должно оставаться наиболее предпочтительным способом использования американских войск»[1].

Во время своей предвыборной кампании 2000 г. губернатор Дж. Буш безоговорочно указал, что «наша нация оказалась на правильной стороне истории»[2]. По поводу вопроса о том, чтобы воспользоваться исключительно благоприятными открывшимися обстоятельствами, у обеих главных партий не было особых противоречий — потому-то вопросы внешней политики не являли собой главного предмета спора. При этом ни Гор, ни Буш не подвергали сомнению главную линию: воспользоваться историческим шансом. Победитель не подчеркивал различий в этом вопросе, а стремился их отвести на второй план. Губернатор Буш отстаивал те же идеи, но несколько более вычурно, с трудом произнося вначале слово «империя». «Америка никогда не была империей, — провозгласил Буш, выступая в Библиотеке Рональда Рейгана и отдавая долг скорее пафосу, чем исторической точности. — Мы — единственная великая держава в истории, которая имела такую возможность, но отвергла ее, предпочтя величие мощи и справедливость славе». Но тут же Буш-мл. заявил, что «построение башни протекционизма и изоляции привело бы лишь к стагнации Америки и одичанию мира». Целью является «построение мира, формируемого американским мужеством, мощью и мудростью». Посредством столетия неустанной борьбы Соединенные Штаты пришли к триумфу «своего видения свободы и индивидуального достоинства — создаваемого свободным рынком, распространением информационной технологии, осуществляемых в мире свободной торговли»[3]. Главным вызовом Соединенным Штатам является использование их мощи для консолидации уже одержанной победы».

[1] *Wolfowitz P.* Nomination to Be Deputy Secretary of Defense. February 27, 2001.

[2] *Bush G. W.* A Distinctly American Internationalism. November 19, 1999, Simi Valley, California.

[3] *Bacevich A.* American Empire. The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy. Cambridge: Harvard University Press, 2002, p. 203.

80

Идейно-культурный аспект

Наиболее существенным в жизнедеятельности империи является не то, как она обустраивает внутреннюю территорию, а то, как она определяет свое внешнее окружение, какие стандарты жизнедеятельности она диктует всему миру, какой она создает «дух времени». «Культура, — как формулирует один из ведущих социологов нашего времени И. Валлерстайн, — всегда была орудием сильнейшего»[1]. Как и информация в целом. Определяемые Западом современные «буржуазные» капиталистические ценности получили преобладающую идейную значимость. «С падением коммунизма, — пишет английский исследователь А.

Ливен, — альтернативные идеологии модернизации были попросту элиминированы... Правящие элиты Китая, экономические элиты России формируют мощный классовый интерес в мирном поддержании мировой рыночной экономики. В случае с Китаем это связано с зависимостью новых отраслей китайской индустрии с доступом на американский рынок»[2].

Весь мир волей или неволей обращает внимание на то, какой видит доминирующая держава нормальное течение политического процесса, экономического развития, культурной жизни, какой она видит значимость основных жизненных ценностей. Так, римская имперская идея выразила себя прежде всего в системе законодательства, в латинском языке, в патриархальном порядке римской семьи. Базис Британской империи — в моральных нормах протестантизма, в политической лояльности трону и парламенту, в миссионерских обществах, в принципах «честной торговли на благо всем», в кодексе чести воина-администратора, в свободе мореплавания, в фри-трейде, в либеральной культуре.

Главной силой Америки в этом отношении является то, что, как пишет М. Бут, «мы — привлекательная империя». Базирование CNN в г. Атланта, штат Джорджия, обеспечивает Соединенным Штатам благоприятное для них освещение основных мировых событий. Сами американские специалисты указывают, что, владей арабы в начале 90-х годов каналом CNN, события вокруг Кувейта и Ирака (как и многое другое) получили бы иной мировой резонанс[3]. Имей катарская «Аль-Джезира» в 2002 г. доступ к

[1] *Wallerstein I.* Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge: Cambridge University Press, 1991, 193.

[2] *Lieven A.* The Secret Policeman's Ball: the United States, Russia and the international order after 11 September («International Affairs», v. 78, 2, 2002, p. 246).

[3] *Baruah S.* Globalization — Facing the Inevitable? («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 108).

81

мировой аудитории, события вокруг Афганистана виделись бы несколько иначе.

Хотя английский язык является родным языком лишь 380 миллионов жителей планеты, на нем выходит львиная доля книг, исследований, газет и журналов. Это является практическим отражением того, что страны, говорящие на английском языке, производят 40% мирового валового продукта. Более 80% материалов в Интернете созданы на английском языке, который является средством международного общения в большинстве сфер, от мировой дипломатии до воздушного сообщения. Знание английского языка стало условием службы в крупнейших корпорациях и банках мира. Соединенные Штаты безусловно лидируют в критически важных секторах информационной индустрии[1]. Электронная почта и всемирная паутина позволяют Соединенным Штатам доминировать в глобальном перемещении информации и идей. Спутники переносят американские телевизионные программы на все широты. Информационное агентство США использует эти технологии подобно тому, как прежде использовало «Голос Америки». Получая доступ к Интернету, мир получает доступ к американским идеям.

Соединенные Штаты закрепили господство в мировой науке. Лишь британские Оксфорд, Кембридж и Лондонский университет входят в двадцатку лучших университетов мира, где остальные семнадцать мест принадлежат американским университетам. За последние пятьдесят лет американцы 66 раз получали Нобелевскую премию за работы в области физики, 68 раз — в области медицины и 42 раза — химии. Мировая элита воспитывается в американских университетах, где многие тысячи иностранцев получают образование. В США учатся примерно 450 тысяч иностранных студентов. Возвратившись в будущем домой, многие из них займут влиятельные позиции в своих политических

системах, облегчая возможности для распространения американского влияния. Из расходуемых в мире на посещение кинотеатров 18,2 млрд. долл. в год (2001) на США приходится 83,1 процента. Одно из определений американского «культурного империализма» дал известный американский исследователь Р. Стил: «Не Советский Союз, а Соединенные Штаты всегда были революционной державой... Мы построили культуру, базирующуюся на массовых развлечениях и массовом самоудовлетворении... Культурные сигналы передаются через Голливуд и «Макдоналдс» по всему ми-

[1] *Modelski C, Tompson W.* The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach («International Studies Review». Summer 1999, p.137).

82

ру — и они подрывают основы других обществ... в отличие от обычных завоевателей мы не удовлетворяемся подчинением прочих: мы настаиваем на том, чтобы нас имитировали»[1]. Даже Древний Рим с завистью смотрел на оазис культуры — Грецию, на Парфию и Персию. Америке не на кого смотреть.

Культурное влияние Голливуда повсеместно. В 22 наиболее развитых странах более 85% наиболее посещаемых фильмов являются американскими (а в таких странах, как Британия, Бразилия, Египет, Аргентина, — 100%)[2]. 44 из 50 самых успешных фильмов, когда-либо демонстрировавшихся в Германии, сняты в Голливуде. «Родители всего мира без всякого шанса на успех борются с волной T-shirt и джинсовой одежды, музыки и фильмов, видео- и компьютерных дисков, идущих из Америки и желанных для их детей.

Такова массовая культура. Она рождается сейчас, и она определенно рождена в Америке. Даже интеллектуальная и коммерческая дорога будущего — Интернет основана на нашем языке и наших идиомах. Все говорят по-американски. Дипломатия? Ничего значительного в мире не может быть создано без нас»[3]. Значительная часть мира читает американские книги, смотрит американское телевидение, носит американскую одежду, ест гамбургеры — это явление американский политолог С. Хантингтон назвал «кока-колонизацией»[4]. Примером может служить «макдоналдизация» мира. В 1996 г. в США располагались 14 тысяч «Макдоналдсов», а во внешнем мире — 9 тысяч. С тех пор зарубежные филиалы «Макдоналдса» превзошли собственно американские — ныне американская пищевая фирма «Макдоналдс» дает работу 16 тысячам ресторанов в более чем семидесяти странах.

Национальная воля

Как пишет американский исследователь Р. Эшли, «с восемнадцатого века героизируется фигура размышляющего человека, который является творцом своей истории и который знает, что мировой порядок не определен свыше, а является делом его от-

[1] «Foreign Affairs», May/June 2000, p. 121.

[2] *Barber B. Jihad* vs Me World: How the Planet is both Falling Apart and Coming together and What this Means for Democracy. N.Y., 1995, pp. 299-301.

[3] *Renwick N.* America's Word Identity. The Politics of Exclusion. New York: St.Martin's Press, 2000, p. 64.

[4] *Huniington S.* The Erosion of American National Interests («Foreign Affairs», Sept.-Oct. 1997).

83

ветственности, что ему подвластно определить мировой порядок, достичь полного знания, полной независимости в действиях и сфокусировать тотальную мощь»[1]. Идея уверенности в подвластности будущего позитивному американскому строительству является исторически центральным элементом «американской мечты» и полностью соответствует национальному видению исторического процесса. «Соединенные Штаты, — пишет У. Пфафф из «Интернэшнл геральд трибюн», — воспринимают себя как ведущую историческую силу в период, когда

другие теряют силу в турбулентной атмосфере переходного периода»[2]. Но для достижения успеха на пути лидерства требуется выполнение нескольких базовых условий. Главные среди них — наличие необходимых *ресурсов*, присутствие общенациональной *воли*, адекватная международная *стратегия*, восприятие общества государства-лидера как достойной имитации *модели*.

Соответствуют ли имеющимся возможностям государственная воля, национальная устремленность, чувство миссии в этом мире, массовое жертвенное восприятие этой особой ситуации не только элитой, но и собственно американским народом? В текущее время *воля* вести за собой у США, несомненно, значительно более отчетливо выражена, чем у Западной Европы или Японии. Хотя, анализируя позиции американской элиты и в целом американского общества, мы можем увидеть значительные колебания, столкновение едва ли не противоположных позиций, в общем и целом вьетнамский синдром преодолен. В результате «президент кажется готовым пообещать использовать силы НАТО повсюду в мире для предотвращения злоупотреблений в отношении гражданских прав»[3]. Вопрос силовых действий непрост для американцев, но главное — после крушения башен Международного торгового центра в стране возникло нечто вроде мобилизации к антитеррористическому «мировому крестовому походу». И хотя вопрос о применения американской силы подвержен острым дебатам в каждом конкретном случае, хотя ажиотаж «холодной войны» ушел, но пафос строительства империи в результате террористических атак 11 сентября 2001 г. в значительной мере мобилизовал американское общество. Страх перед подобными

[1] *Ashley R.* Living on Border Lines. In: Der Derian J., Shapiro M. — eds. International/Intertextual Relations. Lexington: Lexington Books, 1989, pp. 264-265).

[2] *Pfaff W.* The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 5).

[3] *Maynes Ch.* Pax Americana: The Impossible Dream («Foreign Service Journal», March 2000, p. 23).

атаками в будущем дал Соединенным Штатам мощный новый мотив для глобального активизма, равно как и предлог мобилизовать за собой большинство (144) стран планеты. Старое табу на «строительство новых наций» отвергнуто, ярким примером чего является Афганистан.

Благоприятное окружение

Природа заведомо предоставила Америке большую безопасность, чем большинству крупных стран. Если цитировать Томаса Джефферсона, «Соединенные Штаты отделены природой и широким океаном от разрушительного хаоса других регионов Земли». «Происходит оживление дискуссий об Американской империи» — сегодня об Американской империи говорят и в Европе, и в Китае — и уже почти повсюду в мире[1].

Век американского доминирования будет еще длиннее, если они заручатся помощью главных мировых сил, если они не антагонизируют силовые центры Западной Европы и Восточной Азии. Если США сохранят организацию Североатлантического договора до 2050 г. (то есть блокируют военную самостоятельность Западной Европы), они останутся главной военной силой мира.

Ныне США предпочитают опираться на отдельных союзников. Взаимоотношения с ними критически важны для США. Список особо близких Америке стран — в таблице 7.

Таблица 7. **Симпатии американцев** (в %)

Страна	**Симпатии в США к этой стране**
Канада	72

Британия	69
Италия	62
Мексика	57
Германия	56
Бразилия	56
Япония	55

[1] *Kurth J.* The Adolescent Empire. America and the Imperial Idea («The National Interest», Summer 1997, p.5).

85

Страна	Симпатии в США к этой стране
Израиль	55
Франция	55
Южная Африка	54
Тайвань	51
Южная Корея	50
Польша	50
Россия	49
Аргентина	49
Китай	47
Индия	46
Саудовская Аравия	46
Нигерия	46
Турция	45
Пакистан	42

Источник: *«Foreign Policy», Spring 1999, p. 109.*

Сентябрьский кризис 2001 г. вызвал к жизни идею «кто не с нами, тот против нас» и строительство-создание коалиции в 144 участника во главе с Америкой.

Благоприятствующим сохранению преобладания США обстоятельством является заинтересованность практически всех претендентов на лидерские позиции — Китая, России, Британии, Франции— в дружественности Соединенных Штатов, лидирующих в финансах, торговле, технологии. Эти страны в той или иной степени фактически *зависят* от Соединенных Штатов. Как пишет германский исследователь Й. Иоффе, «мировой осью является Вашингтон, спицами — Западная Европа, Япония, Китай, Россия и Ближний Восток. При всем их антагонизме в отношении Соединенных Штатов их взаимодействие с ними является более важным, чем их взаимодействие друг с другом»[1]. В подобном же духе выражается ведущий американский комментатор Ф. Льюис: «Геометрия, Связывающая три западных центра мощи,

[1] *Joffe J. How America Does It («Foreign Affairs», 1997, N 5, pp. 13—27).*

86

представляет собой скорее прямую линию с Соединенными Штатами в центре и с Европой и Японией по обе стороны»[1]. Американцы Ч. Кегли и Г. Реймонд определили складывающуюся структуру как атом с США в центре и другими державами, вращающимися вокруг[2]. В результате в настоящий момент Америка более гарантирована с точки зрения безопасности, экономических перспектив и будущего в целом, чем кто-либо и когда-либо с 1941 г. И ее преобладание устремлено к гегемонии.

Американские теоретики оказались правы в своей заносчивости. Ни Россия, ни Китай, ни Европейский союз, ни Саудовская Аравия не воспротивились новому силовому курсу США. И не посмеют (полагают в Вашингтоне) выступить против, если Америка обрушится на Ирак, Колумбию, Северную Корею или даже Индонезию. Более того, за рубежами метрополии империя нашла поклонников. От имени части внешнего мира в Лондоне солидная «Таймс» помещает статью гуру британского Форин-оффис лорда Рииз-Могга, в которой этот знаток официального Вашингтона представляет президента Дж. Буша-мл. в качестве «императора Августа», который полон решимости сохранить и расширить «пакс Американа»[3]. Ему вторит Р. Купер из британского Форин-оффиса в «Обсервер» под заголовком «Почему мы все еще нуждаемся в империях»: «В древнем мире порядок означал империю... Мы должны обратиться к жестким методам прежней эпохи — сила, превентивный удар, введение противника в заблуждение... Необходимость в колонизации велика столь же, как и в девятнадцатом веке... все условия для воцарения колонизации созрели. Мы нуждаемся в новой форме колониализма»[4]. (Введение к опубликованному на эту же тему памфлету написал британский премьер-министр Тони Блэр.)

Американские идеологи напоминают (в данном случае мы приводим слова американского политолога Ч. Капчена), что «даже на пике воздушной кампании НАТО против Югославии американские вооруженные силы по большей части приветствовались в большинстве стран Европы и Восточной Азии. Несмотря на спорадические критические комментарии французских, российских и китайских официальных лиц, Соединенные Штаты в общем и целом рассматривались как благожелательная держава,

[1] *Lewis F.* The 7 1/2 Directorate («Foreign Policy», 1991, N 2, p. 34—35).

[2] *Kegley C.* and *Raymond G.* A Multipolar Peace? Great Powers Politics in the 21st Century. N.Y., 1994, pp. 195-196.

[3] «The Times», February 18, 2002.

[4] «Observer», April 7, 2002.

87

а не как хищный гегемон»[1]. Та же ситуация повторилась и в ходе бомбардирования и десантирования в Афганистане в 2002 г.

Особенная удача Вашингтона заключается в трудности западноевропейского наднационального строительства и в том, что Европейский союз ценит свои отношения с США и не намерен с легкостью оборвать их. У ЕС пока нет явно выраженной геополитической цели, нет жертвенной устремленности, нет желания отодвинуть на второй план социальные чаяния своего электората ради нового глобального могущества, нет единой европейской военной системы. Вожди Западной Европы не готовы к своего рода общественной мобилизации, необходимой для выхода в «свободное плавание» на капризных волнах мировой политики. Не существует ясно выраженной подлинно обще- или западноевропейской психологической идентичности. Правящие в западноевропейских странах либерал-социалисты испытывают в текущее время своего рода аллергию к геополитическому могуществу, к глобальному возвышению. Явления типа голлизма угасли. Ни Британия, ни Франция не хотят в результате интеграции становиться провинциями Большой Европы. В целом ориентированные на потребление и рост жизненного уровня европейцы пока не являют собой *геополитического* конкурента Соединенным Штатам. Американский аналитик Д. Риеф полагает, что «перспективы превращения единой Европы в серьезного соперника Соединенных Штатов весьма спорны... Руки Западной Европы еще долго будут связаны новыми проблемами — ее будущее связано с не обласканными историей странами Восточной и Юго-Восточной Европы, западными республиками бывшего Советского Союза и собственно

Российской Федерацией... где даже такие считающиеся «благополучными» страны, как Польша, еще очень долго не смогут встать на дорогу процветания»[2].

Создать нечто сопоставимое с мощью американского центра — колоссальная по масштабам задача, даже если страны Европейского союза пробьют дорогу к подлинному федерализму. Сейчас борьба здесь идет за создание относительно малозначительного корпуса быстрого реагирования в 60 тысяч человек. Чтобы население стран ЕС взялось за грандиозное военное строительство, требуется очевидный для всех стимул, которого на горизонте пока не видно. И ни одна из крупных западноевропей-

[1] *Kupchan Ch.* Life after Pax Americana («World Policy Journal», Fall 1999, p. 21).

[2] *Rieff D.* A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 7).

88

ских держав не согласна пожертвовать ради этого долей своего суверенитета. Если даже совместные вооруженные силы будут созданы, нарождающаяся военная машина ЕС встанет перед сложнейшей задачей создания космической разведки, флота грузовой авиации для перевозок вооруженных сил и техники на большие расстояния, систем воздушной дозаправки, транспортного военно-морского флота, современных систем управления боем. И даже неожиданно создав все это, западноевропейский центр будет еще десятилетия зависеть от структур НАТО, ее систем наблюдения и контроля. Для ЕС, занятой ныне абсорбцией десяти новых членов, это практически непосильная задача на довольно долгое время.

При этом американцы начинают перемещать фокус своего внимания все более на Восток, о чем свидетельствует следующий опрос населения.

Таблица 8. **Ответ на вопрос «Какие страны наиболее важны для США?»**

В 1999 г.	%	**В 2010 г.**	%
Восточная Азия	35,4	Восточная Азия	48,8
Западная Европа	25,0	Западная Европа	14,6
Латинская Америка	9,8	Латинская Америка -	10,4
Северная Америка	8,5	Вост. Европа/ Центр. Азия	8,5
Северная Африка/ Бл. Восток	7,3	Северная Америка	7,9
Центральная Европа	6,1	Сев. Африка/Бл. Восток	4,3
Вост. Европа/ Центр. Европа	6,1	Южная Азия	4,3
Южная Азия	1,8	Центральная Европа	1,2
Африка южнее Сахары	0,0	Африка южнее Сахары	0,0

Источник: *«Orbis», Fall 1999, p. 628.*

Мы видим, что волнующая сегодня американцев Восточная Европа уйдет на абсолютно задний план, что сократится доля внимания к Западной Европе. Но возрастет внимание к происходящему в Восточной и Южной Азии, к непосредственному североамериканскому окружению.

89

У *Китая* большое будущее, и где-то в ближайшие два десятилетия он, при условии сохранения современных темпов, может достичь и превзойти уровень американского валового внутреннего продукта. Но ему никак не достичь двух других решающих компонентов могущества — первенства в области технологических инноваций, в области военно-стратегической. Большая часть

китайского вооружения безнадежно устарела и продолжает устаревать. Да и нет у Китая неоценимого американского преимущества быть окруженным слабыми соседями. Напротив, соседи Китая с тревогой следят за его ростом и, видимо, готовы будут нейтрализовать его еще до подлинного вызова Пекина Вашингтону. Сами китайские стратеги во второй половине 1990-х годов (когда экономика США неукротимо шла вперед, а Россия теряла влияние, Япония замерла, а ЕС обратилась к экстенсивным процессам) стали несколько скромнее оценивать то, что они называют своей «всеобъемлющей национальной мощью». Согласно оценкам Китайского разведывательного агентства, к 2020 г. Китай будет обладать менее чем половиной американских силовых возможностей.

При этом следует учитывать, что «следующий период экономического развития Китая, — пишет англичанин Хэмиш Макрэй, — не будет прямолинейным. Китай показал свои способности допускать ошибки, и велика вероятность того, что он будет продолжать их делать»[1]. Половина рабочей силы Китая сейчас задействована в сельском хозяйстве, и лишь небольшая часть индустрии оснащена действительно передовой технологией. На протяжении последних десяти лет Америка расходовала на технологическое обновление в 20 раз больше, чем КНР. Китай нуждается в рынке Америки, в американских инвестициях, в американской технологии. Вследствие уязвимости в отношении соблюдения гражданских прав принятие КНР в элитные мировые организации в значительной мере зависит от благожелательности Америки. Даже наиболее энергичные китайские сторонники самоутверждения сомневаются в возможности взойти на экономико-политический олимп, действуя против лидера. В Вашингтоне рассчитывают и на то, что к власти в Пекине может прийти более прозападная (скажем, «шанхайская») группа политиков, принципиально отрицающих путь конфронтации.

Россия нуждается в помощи международных финансовых организаций, в западных инвестициях, в допуске своих производителей на американский рынок, в технологическом обновлении, в

[1] *McRae H.* The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. Boston. 1994, p. 268.

соблюдении стратегического баланса, в поддержке на отдельных региональных направлениях (сдерживание расширения НАТО и т. п.). На данном этапе Россия не может не ценить благожелательности США, она не желает портить отношения с лидером Запада (за возможность улучшения связей с которым она так много отдала). Вот почему она осенью 2001 г. добровольно избрала членство в Антитеррористической коалиции.

Величайший страж мирового равновесия, многовековой борец против любой гегемонии во внешнем для нее мире — *Британия* молча восприняла американское возвышение в ходе и после Второй мировой войны. Лондон едва ли готов вернуться к традиционной многовековой роли в новом столетии. Британия опасается растворения в Европейском союзе и в этом плане ценит «особые отношения» с Вашингтоном, верит в американские сдерживающие Германию механизмы. Лондон нуждается и в содействии в решении североирландской проблемы. И британская военная машина следует за американской в Афганистане и Ираке. *Франция* видит в опоре на США крайнее средство на случай рецидива германского самоутверждения: французы не могут не опасаться остаться тет-а-тет с рейнским соседом в случае активизации германского утверждения. Франция не желает отстать от высот современного технологического развития, боится потери региональной роли в франкофонной Африке. *Япония* выдохлась на пороге 90-х годов. Обсуждавшаяся прежде перспектива появления азиатского гиганта «с японской головой на китайском теле» ныне неуместна.

Но даже если Европа, Япония, Китай и поднимутся в геополитическом

смысле, в их интересах будет еще долго сохранять дружественность Соединенных Штатов. По мнению австралийца К. Белла, «и европейцы, и японцы, скорее всего, в обозримом будущем останутся на стороне американцев, ценя позитивные стороны союза с Америкой больше, чем любые другие международные преимущества, которые они могли бы получить, проводя независимую внешнюю политику, имея свободными руки в мировой дипломатии»[1].

Открыт вопрос о союзнических комбинациях, создаваемых ради самоутверждения, которому США очевидным образом могут препятствовать. За последние годы неоднократно шла речь о «европейской тройке» Франции, Германии и России; о нарождающихся «особых отношениях» Германии и России, о «страте-

[1] *Bell C.* American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 59).

гическом незападном треугольнике» Москва — Пекин — Нью Дели; о стратегическом партнерстве Китая и России.

Наиболее мрачным своим прогнозом Национальный разведывательный совет США в декабре 2000 г. назвал «фактический геостратегический альянс» Китая, России и Индии, призванный служить противовесом американскому влиянию, на фоне краха союза между Европой и Америкой, вызванного, торговыми конфликтами и политическими разногласиями. Но и эта опасность, как и некая международная коалиция, направленная против Запада и имеющая доступ к химическому, биологическому и даже ядерному оружию, по мнению авторов доклада «Глобальные тенденции на 2015 год», будет купирована невероятной мощью Америки.

Наиболее показательна судьба российско-китайского альянса. Его стержнем являются продажи советской военной техники Китайской Народной Республике. Они повышают технический уровень китайской армии и ослабляют падение российской военной индустрии. Но технический уровень собственно российского военно-промышленного комплекса ввиду недофинансированности падает, и на определенном этапе в будущем российские, военные заводы уже не смогут поставлять в КНР сравнимую с американской технику, и это поставит под вопрос развитие российско-китайских связей, поскольку прочие основания их союза ненадежны. Торговля имеет ограниченный объем, и обе страны конкурируют за иностранные инвестиции. Все эти потенциальные геополитические противники Америки на обозримое время предпочитают сотрудничать с Соединенными Штатами, а не противостоять им. После сентября 2001 г. эта тенденция стала еще более отчетливой.

Судя по всему, значительный по силе антиамериканский альянс в начале XXI века едва ли может материализоваться (хотя, как отмечают многие, «этот мир считает несправедливой, недемократичной, раздражающей и временами вообще пугающей концентрацию такой мощи в руках одного государства, особенно в тех случаях, когда Соединенные Штаты агрессивно движутся к собственным целям»[1]). Достижению американских целей содействует то, что Соединенные Штаты стремятся более внимательно (чем их предшественники на мировом олимпе) исходить из исторического опыта и не уподобляться прежним претендентам на гегемонию (наполеоновской Франции, кайзеровской Германии и др.).

[1] *Brooks S.* and *Wohlworth W.* American Primacy in Perspective («Foreign Affairs», July/August 2002, p. 27).

5. ВТОРОЙ БУШ

Гегемония постулирует новые правила. Америка после победы в «холодной

войне» решительно стала полагаться не на демократию мирового сообщества, не на «устаревшие» статуты и «отринутые временем» международные организации, а на свое лидерство, на свою мощь, на своих ближайших и доказавших свою - лояльность союзников. «Соединенные Штаты, — пишет советник по национальной безопасности в администрации Дж. Буша-мл. Кондолиза Райс, — играют особую роль в современном мире и не должны ставить себя в зависимость от всяких международных конвенций и от соглашений, выдвигаемых извне». Это означает, что в США возник двухпартийный консенсус относительно нежелательности полагаться на многосторонние коллективные организации, подобные ООН. Показательным является то, что Америка постаралась подчинить механизм ООН своим стратегическим интересам, используя в качестве рычага свой финансовый взнос в эту организацию.

Предвыборная кампания и первые полгода

Дж. Буш-мл. пообещал создать военную систему, адекватную новому веку, — ликвидировать перенапряжение глобальной военной системы США и осуществить адекватное финансирование — увеличить военные расходы почти вдвое на протяжении десяти лет, также предоставить военному руководству Соединенных Штатов «более четкое определение их военной миссии»[1]. (Среди серьезных претендентов на президентство в 2000 г. только П. Бьюкенен — вышедший из правых республиканцев лидер Партии реформы — с позиций «просвещенного национализма» открыто осудил американский военный авантюризм 1990-х годов и признал «квазиимперский» характер стратегии США[2].)

Вступив на пост президента, Дж. Буш-мл. приступил (его -словами) к «немедленному и всеобъемлющему пересмотру нашей военной стратегии — структуры наших вооруженных сил, определению их стратегии, приоритетов их обеспечения... Министр обороны получит задание создать новую военную систему Америки на десятилетия вперед — замещая существующие программы новыми технологиями и новой стратегией». 16 декабря 2000 г.

[1] *Sum R.* Gore, Bush defense Plans Short of Military Demand («Washington Post», October 28, 2000).

[2] *Buchanan P.* A Republic, Not an Empire: Reclaiming America's Destiny. Washington, D.C., 1999, pp. 3-42, 325-356.

93

Дж. Буш-мл. назначил генерала Колина Пауэлла во главе дипломатической системы США. «Ястребы» республиканцев — Чейни, Рамсфелд, Вулфовиц, Армитидж, Зеллик вошли в руководство имперской Америки двадцать первого века.

Напомним, что еще в 1998 г. Рамсфелд, Вулфовиц и Армитидж послали президенту Клинтону письмо, в котором осудили «мягкотелость» политики США в отношении Ирака[1]. Через две недели после вступления президента Дж. Буша-мл. в должность военно-воздушные силы США были брошены против Ирака, на цели в окрестностях Багдада. Одновременно президент Буш объявил, что у его администрации нет намерения вывести американские войска с Балкан. Более того. В августе 2001 г. Белый дом приказал расширить функции американских войск в Косове, Македонии и Боснии. В Македонии американские войска непосредственно стали участвовать в определении внутренней политики страны. Администрация Буша расширила американское военное вмешательство в Колумбии. Странам Андской региональной инициативы были обещаны дополнительные 882 млн. долл. американской помощи, половина которой пошла на цели помощи органам безопасности. Военную помощь получили, помимо Колумбии, Боливия, Бразилия, Эквадор, Панама, Перу, Венесуэла. И все это

несмотря на то что, как признают сами американцы, «отсутствуют какие-либо доказательства того, что «План Колумбия» принес хоть какие-либо положительные результаты»[2].

Одновременно США отвергли Договор о всеобщем запрете ядерных испытаний, Протокол о запрете биологического оружия, договор о создании в Гааге международного суда, равно как и Киотский договор.

Тот факт, что республиканцы в 2001 г. (еще до сентября) фактически продолжили имперскую линию демократов, говорит о *двухпартийной* поддержке курса на гегемонию, постепенно определившегося после окончания «холодной войны». Национальный консенсус в данном случае покоится на четырех основаниях. 1. Представление о миссии Америки как авангардной силе мирового развития, создающей из хаоса порядок, чем обеспечивающей долговременность своего доминирования. И демократическая, и республиканская элиты уверены, что история имеет четкую направленность своего развития; Америка — одна среди прочих наций — и разумно, и интуитивно овладела этой логикой истории, оказавшись (любимое выражение в Вашингтоне 1990-х

[1] См.: «Washington Post», March 4, 2001.

[2] «The New York Times», March 2, 2001.

94

годов) «на правильной стороне истории»[1]. Говоря о демократическом капитализме и американском образе жизни как квинтэссенции общественно-экономического прогресса Колина Пауэлл заявил, что Соединенные Штаты стали «мотивирующей силой свободы и демократии в мире... Не существует на Земле страны, которая не ощущала бы влияния Америки... Мы связаны тысячей нитей с огромным внешним миром, с его сверхнаселенными городами, с самыми отдаленными регионами, с самыми древними цивилизациями, с новейшими стремлениями к свободе. Это означает, что все регионы Земли представляют для нас интерес; что нам необходимо вести, показывать путь, оказывать помощь каждой стране, желающей быть свободной, открытой и процветающей»[2]. Менее счастливым жителям планеты следует помочь.

2. Глобализация, направляемая Соединенными Штатами, являет миру императив открытости и интеграции. Предпринимательство (прежде всего американское) должно видеть в мире единый открытый рынок. В данном случае эйфорическое отношение к глобализации было воспринято Бушем у Клинтона самым естественным и необоримым способом. Без малейших колебаний. Успевший побывать в большом бизнесе Колин Пауэлл воспел гимны «информационной и технологической революциям, перекраивающим прежний мир, разрушающим политические барьеры, все виды препятствий на пути информации и капитала повсюду в мире»[3]. Буш поставил перед своей администрацией задачу «максимально открыть рынки в ближайшие десятилетия». Первая же инициатива администрации Буша-мл. сводилась к расширению НАФТА на соседние латиноамериканские страны (саммит американских государств в апреле 2001 г.). Равным образом Буш пел гимны глобализации уже во время первого же визита в Европу. И поставил задачу «продавать американские товары, технологию и услуги беспрепятственно на рынке в 800 млн. человек, имеющем совокупный продукт в 11 трлн. долларов»[4].

3. Параллельно с глобальным лидерством сохранить американское преобладание во всех основных регионах планеты. Не следует полагаться на «невидимую руку» рынка, следует предпринять целенаправленные действия для жесткого сохранения

[1] *Condoleeza Rice.* Delivers Remarks on Foreign Policy Issues. Federal Document Clearing House Political Transcripts. November 16, 2000.

[2] *Colin L. Powell.* Remarks at Confirmation Hearing. Senate Foreign Relations Committee, Washington, DC, January 17, 2001.

[3] Excepted Remarks of Bush, Powel. «Boston Sunday Globe», December 17, 2000, p. A53.
[4] «The New York Times», April 19, 2001.

95

порядка в самых отдаленных уголках мира. Вскоре ставший во главе отдела планирования государственного департамента Ричард Хаас открыто призвал сограждан-американцев «пересмотреть свою национальную роль в мире, отойти от нации-государства к *имперской* мощи... Организовать мир согласно определенным принципам, создать как минимум неформальную империю, где принуждение было бы крайней мерой»[1]. Пауэлл тотчас назвал Америку «первой универсальной нацией». А Дж. Буш провозгласил, что «прогресс свободы зависит от американской мощи»[2]. И эта мощь должна быть доминирующей во всех основных регионах Земли.

4. Императивом является военное превосходство, максимально продленное в пространстве и времени. Внимание — к новым угрозам, наиболее опасным из которых является распространение оружия массового поражения и террористические акты. Спуская на воду авианосец «Рональд Рейган», президент Буш заявил, что у США будет военная мощь, сравняться с которой не сможет никто. Эти слова не вызвали никакого удивления — и без того стало ясно, что Америка устремилась к перевооружению, позволить себе которое в современном мире не может никто. Дебаты по военным ассигнованиям свелись только к проблеме «кто больше».

В «Нью рипаблик» Л. Каштан справедливо написал, что «создание противоракетной обороны вовсе не рассчитано на оборону Америки. Оно рассчитано на мировое доминирование»[3].

После 11 сентября

Лидеры республиканской администрации уверяют, что после сентябрьских террористических атак «выбор империализма безальтернативен, поскольку ни экономическая, ни политическая помощь не решают задачи достижения мировой стабильности»[4]. Президент Буш-мл.: «Подобно тому, как Пирл-Харбор пробудил нашу страну, террористическая атака мобилизовала Америку, и Америка будет в этой борьбе руководить огромной коалицией»[5].

[1] *Haass R.* Imperial America. Atlanta Conference, November 11, 2000. www.brook.edu/views/articles/haass/2000imperial.htm.
[2] *Bush G.* Remarks at Christening Ceremony for USS «Ronald Reagan», March 4, 2001.
[3] «New Republic», March 12, 2001, p.12.
[4] *Maliaby S.* The Reluctant Imperialist («Foreign Affairs», March/April 2002, p. 2-7).
[5] «New York Times», September 19, 2001.

96

Опросы общественного мнения продемонстрировали резко возросший интерес к заграничным делам, к надобности в активной внешней политике.

На огромном основании прочувствованного всей нацией страха администрация президента Дж. Буша-мл. могла строить призыв к активизму, жертвам, внешнеполитической наступательности. Теперь можно было считать, что изжит не только вьетнамский, но и сомалийский синдром. Теперь стало возможным положиться на гигантскую силу обиженной Сентябрем Америки. И стало возможным открыто и без лишнего стеснения указать на колоссальную мощь Америки.

По поводу отказа США подписать протокол Киото об охране окружающей среды президент Буш-мл. во время визита в Европу сказал так, выступая перед американскими журналистами: «Я им сказал, что уважаю их точку зрения, но не изменю американскую позицию, потому что так будет лучше для Америки». Его пресс-секретарь подтвердил: «Значительное потребление энергии — часть американского образа жизни, который для нас — священное понятие».

В декабре 2001 г. президент Буш-мл. оповестил, что «Америка поведет население планеты к миру»[1]. Самый влиятельный американский журнал убежден: «Логика неоимпериализма слишком убедительна, чтобы администрация Буша-мл. могла ей противостоять... Наступил новый имперский момент, и логикой своей мощи Америка займет место лидера»[2]. Сразу же после сентября 2001 г. американский конгресс немедленно выделил 40 млрд. долл. на проведение всех необходимых полицейских операций против тех, кто посягнул на Америку в сентябре 2001 г.

Соответственно максимально был выдвинут вперед периметр американской военно-оборонительной системы. В соответствии со стратегией президента Буша-мл., «войны должны быть минимальными и располагаться максимально удаленно от Соединенных Штатов»[3]. Это означает, что внешняя политика США должна быть активной до степени агрессивности. При этом именно США должны решать, где, когда и как они применят свои вооруженные силы. Свобода действий получила абсолютный приоритет.

В этом же ключе стало восприниматься в США создание сис-

[1] *Bush G. W.* Remarks by the President at the Citadel. December 11, 2001, Charleston, S.C.

[2] *Maliaby S.* The Reluctant Imperialist («Foreign Affairs», March/April 2002, p. 6).

[3] *Wolfowitz P.* Nomination to Be Deputy Secretary of Defense. February 27, 2001.

97

темы национальной противоракетной обороны. Помощник президента по национальной безопасности К. Райс подчеркивает: «Мы должны обладать такой системой, чтобы избежать шантажа Соединенных Штатов и их союзников, это средство гарантии от шантажа и сохранения свободы распоряжаться своей силой»[1].

Теперь американцам уже ничто не мешало захватить мировое лидерство. Рядом не было интеллектуальных титанов, которые имели бы смелость усомниться в «воле провидения». Не было историка Чарльза Бирда, который утверждал, что *«структура американских идей и структура их интересов совпадают с впечатляющей точностью»*[2]. *Не было мыслителя ранга Рейнгольда Нибура, который за несколько десятилетий до рассматриваемого американского триумфализма видел в американских вождях склонность «выступать учителями человечества»*[3], не обращая особого внимания на то, что подобное педагогическое рвение чревато всевозможными опасностями и моральным ослеплением.

На гране трагедии и продемонстрированной всей нацией решимости триумфализм возобладал. Речь президента с посланием «О положении страны в 2002 г.» прерывалась аплодисментами 77 (!) раз, каждый раз овация длилась не менее 40 секунд. Выражения «мы никогда не были сильнее, чем сегодня» стали символом дня. В этой речи президент Дж. Буш-мл. объявил: «Я не стану годами дожидаться, пока опасность материализуется». Через два дня министр обороны Д. Рамсфелд первым из официальных лиц обосновал необходимость упреждающих ударов. Выступая в Университете национальной обороны (Вашингтон), Д. Рамсфелд сказал: «Зашита от терроризма и других появляющихся угроз XXI века вполне может потребовать, чтобы мы перенесли войну на территорию противника. Лучшая оборона — это хорошее наступление». Изменилась сама атмосфера в стране. Согласно опросу NBC News в апреле 2002 г., 57 процентов американцев приветствуют военную акцию США против Ирака[4]. Мир становится ареной поощрения и наказания, осуществляемого единственной державой. Одновременно бюджетный комитет конгресса санкционировал расходы в 64 млрд. долл. до 2015 г. на систему национальной противоракетной обороны. Прикрываясь космическим щитом, Америка намерена диктовать свою волю.

Вашингтон исходит из того, что поставленная на грань выживания, извлекшая

опыт из трагедий, подобных сентябрьской

[1] *Rice C.* Remarks on Foreign Policy Issues. November 16, 2000.

[2] *Beard Ch.* and *M.* America at Midpassage. New York, 1939, vol. 1, p. 395.

[3] *Niebuhr R.* The Irony of American History. New York, 1952, p. 71.

[4] «Financial Times», June 23, 2002.

98

атаке террористов 11 сентября 2001 г., международная система неизбежно вручит бразды правления наиболее мощной и организованной международной силе — Америке. Образ Антитеррористической коалиции у всех перед глазами. Как полагает американский исследователь Д. Риефф, «современный мировой беспорядок, крушение большого числа государств, эволюция характера боевых действий, которые приобрели дикие признаки гражданских войн и колониальных репрессий (в которых различие между военными и гражданскими жертвами исчезает), могут породить нужду в главенствующей имперской державе. Это может произойти, несмотря на предостережения защитников гражданских прав относительно того, что такая держава будет действовать исходя лишь из собственных интересов»[1].

Такая логика базируется на том, что сползание к хаосу способен приостановить лишь Запад, ведомый своим лидером, утверждает Д. Риефф. «В настоящее время только Соединенные Штаты способны (и имеют на то волю) навязать порядок в турбулентных районах мира»[2]. Но США не должны пытаться передоверять «штабную работу» явно неэффективным партнерам — именно это губит на корню всякую эффективность в деле противостояния нарушителям мирового спокойствия. Прямо и без экивоков Вашингтон должен выразить свое предпочтение односторонним действиям перед многосторонними. С точки зрения, скажем, авторитетного исследователя Ч.У. Мейнса, «наступил коллапс многосторонности, что принуждает Америку идти своим собственным путем»[3]. Опираясь на свою мощь, Соединенные Штаты наведут должный порядок.

Индикаторами будущего поведения гегемона явилась решимость Вашингтона применить силу в Ираке, в Югославии и Афганистане, демонстрация силы в Тайваньском проливе, расширение Североатлантического союза, свержение прежних и водворение желательных США правительств на Гаити и в Панаме, вмешательство в Сомали и Руанде, навязанное решение боснийской проблемы, активизация посредничества в арабо-израильском и североирландском споре, проектирование своих интересов на основные мировые регионы, выделение враждебных государств с их последующим преследованием, вплоть до постоянного силового наказания (Ирак), экономического эмбарго (Куба), открытого

[1] *Rieff D.* Sustaining the Unsustainable («World Policy Journal», Spring 1999, p. 97).

[2] Ibid., p. 96).

[3] *Maynes Ch. W.* America's Fading Commitments («World Policy Journal», Summer 1999, p. 12).

99

давления (Иран, Северная Корея, Ливия), формулирование новой стратегической концепции НАТО, предполагающей «военные операции в нестабильных регионах» за пределами прежней зоны ответственности. США намерены и в будущем осуществлять контроль над Персидским заливом, обеспечивать свое лидерство в мировой финансовой политике, крепить свое главенство в самом большом в мире — Североатлантическом военном союзе, удерживать лидирующее положение в производстве и экспорте вооружений.

Сентябрь 2001 г. дал невиданный импульс стремлению Америки определить собственные правила международной жизни. В пяти новых странах было обозначено американское военное присутствие. Лозунг «Кто не с нами, тот против нас» подмял предшествовавшую осторожность. Война в Афганистане оказалась достаточно быстрой и успешной, чтобы воспламенить аппетит

американцев, сразу же начавших искать тех, кто, по их терминологии, принадлежит к «оси зла». Опасно ли это? Исследователь из английского Оксфорда видит самую экстренную проблему современности в том, что «Америка сегодня обладает безмерной властью. Никто со времен Римской империи не обладал такой мощью, а ведь римский колосс располагался в свое время только в одной части мира. Америка обладает *гораздо большей властью, чем нужно для всеобщего блага, в том числе и для ее собственного*»[1].

Проконсулы империи

Четырехзвездный генерал стал во главе американской внешней политики в двадцать первом веке. На слушаниях по его назначению он раскрыл свою внешнеполитическую философию: «Мир движется вперед под барабанный бой демократии и системы свободного предпринимательства. Коллапс коммунизма делает необходимым и коллапс всех прочих границ и препятствий на пути глобализации, революционизирующей мир. И во главе этой системы стоит Америка»[2]. Ликующий тон виден даже в оттенках. В мае 2001 г. Пауэлл признается, что «трудно избежать вхождения в состояние постоянного оптимизма и восторга»[3].

Встал вопрос о «проконсулах», представляющих Вашингтон в

[1] «New York Times», April 9, 2002.

[2] Excepted Remarks of Bush. Powel. («Boston Sunday Globe», December 17, 2000).

[3] *Colin L. Powell.* Remarks at Council of the Americas. 31th Washington Conference. Washington, D.C., May 7, 2001.

100

дальних пределах. Если на самом верху формировать стратегию встали гражданские геополитики, то на региональные направления были призваны люди в мундирах, генералы и адмиралы, имеющие больше конкретного регионального опыта. Раскол, произведенный вьетнамской войной между гражданскими и военными руководителями, стал заживать. После операции «Буря в пустыне», пишет выдвинувшийся в государственные секретари Колин Пауэлл, «американский народ снова полюбил свои вооруженные силы»[1].

Новое американское законодательство (особенно «Акт о реорганизации министерства обороны», выдвинутый Голдуотером — Николсом) усилило роль американских военных, подняло значимость председателя объединенного комитета начальников штабов. Расширились полномочия главнокомандующих американскими вооруженными силами на отдельных театрах потенциальных военных действий. Возникла целая когорта высокопоставленных военнослужащих, призванных охранять американские интересы на основных региональных направлениях подобно вице-королям прежних времен. Удивительно, но эти новые проконсулы сами ощутили себя схожими с «ответственными за Западное полушарие», такими, какими были генерал Леонард Вуд и Смедли Батлер в первой половине XX века. Назначенный в 2000, г. фактическим проконсулом Ближнего Востока генерал военно-морской пехоты Энтони Зини пояснил: «Это как бы возвратиться в будущее — так велика схожесть с Карибским регионом 1920—1930-х годов — те нестабильные страны, движимые поглощенными собой диктаторами до точки всеобщего развала»[2]. Газета «Нью-Йорк таймс» охарактеризовала Зини как военачальника, который «в значительной мере участвовал в определении военной роли США в мире после окончания «холодной войны»[3].

Расположившийся во главе Тихоокеанского командования США в Пирл-Харборе (CINCPAC) генерал непосредственно взял под свой контроль гигантский Тихоокеанский регион и зону Восточной Азии. Глава европейского направления (SACEUR) стал высшим ответственным за события в Европе. Центральное

командование (CINCENT) со штабом в Тампе (Флорида) стало ответственным за регион Персидского залива, за Центральную Азию и даже за т. н. Африканский Рог. В Майами (Флорида) рас-

[1] *Powell Colin.* My American Journey. New York, 1995, p. 532.

[2] *Zinni A.* A Commander's Reflections. US Naval Institute, March 9, 2000. www.proceedings.org/proceedings/articles/prozinni.htm.

[3] «The New York Times», November 28, 2001, p. A10.

101

положилось Южное командование (CINCSOUTH), недремлюще наблюдающее за всей Латинской Америкой. Столь гигантского охвата системой военного контроля не имела ни одна предшествующая империя.

(При этом генералы и адмиралы жалуются на заземленность, отсутствие стратегического видения у их гражданских коллег. Глава CINCPAC адмирал Д. Блэр: «С тоской смотрю я на внешнеполитическую интеллигенцию, никто из них не смотрит на проблемы как бы из космоса; каждый занимается тактическим мелкотемьем»[1]. Роль региональных командований возросла необычайно. Ему вторит Э. Басевич: «Каждое из командований смотрит на события в региональном аспекте, а не на двустороннем (страна со страной) уровне; в ведении дел империи значимы регионы, а не отдельные страны»[2].)

При каждом из командований создан воистину гигантский штабной механизм, имеющий в своем распоряжении энергичных и предприимчивых офицеров, полностью осознающих уникальную сущность момента. Их постоянная задача — планирование американских ответных действий на случай неожиданных изменений на региональном уровне. Не сонные колониальные гарнизоны, а полнокровные боеготовые единицы стоят на форпостах американской империи. Штабные структуры Европейского командования США, Центрального командования и Тихоокеанского командования превосходят по численности и масштабу структуры исполнительных служб президента США. Даже в самом малом — Южном командовании численность штабных офицеров превышает 1100 человек. Между 1990 и 2000 гг. совместная сумма бюджетов четырех региональных командований выросла с 190 млн. долл. до 381 млн. долл. Бюджет каждого из региональных командований *превосходит бюджет государственного департамента.* Ни у одного из американских послов нет такого числа помощников и феноменальной по объему связи, не говоря уже о самолетах, вертолетах, авианосцах.

Проконсулы перестали видеть перед собой лишь боевые цели. Они мыслят в иных категориях, они «держат руку на пульсе». Вот как описывает свои задачи командующий военно-морской пехотой США в Южном командовании генерал П. Пейс: «Расширять сферу действия и поддержку стабильных демократических стран. Расширять и поддерживать уважение к гражданским

[1] *Priest D.* A Four Star Foreign Policy? US Commanders Wield Rising Clout, Autonomy («Washington Post», September 28, 2000.

[2] *Bacevich A.* American Empire. The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy. Cambridge: Harvard University Press, 2002, p. 178.

102

правам и приверженность главенству закона. Помогать нациям-партнерам модернизировать и тренировать их службы безопасности». Тихоокеанскому командованию поручено быть «активным участником и партнером в создании безопасного, процветающего и демократического Азиатско-Тихоокеанского сообщества». Европейскому командованию поручены две фундаментальные задачи: «строить тесные отношения со странами региона и добиваться конвергенции исторических, экономических и дипломатических сил» для того, чтобы играть лидирующую роль «в направлении Европы, Ближнего Востока и Африки к демократическому развитию и стабильности в грядущие десятилетия»[1].

Проконсулы отчетливо поняли суть своего предназначения. Так, адмирал Блэр видит свою задачу в «предотвращении возникновения многополярного мира враждующих между собой стран, стремящихся увеличить собственную силу — мир Бисмарка и Европы 19-го века». Следует создать такой мир, в котором CINCPAC мирным способом разрешало бы споры соседей[2]. Заметим, что каждое командование имеет детализированный план чисто военных действий на случай изменения обстановки, грозящей ослаблением американского влияния. При этом все командования имеют право обращаться к правительствам в сфере своего действия через голову всех дипломатических служб. Так, адмирал Блэр в 1991 г. выступал в России, Сингапуре, Малайзии, Новой Зеландии, Австралии, Индии, Таиланде, Японии, Южной Корее, на Филиппинах.

Как мыслят проконсулы, можно узнать из мемуаров главнокомандующего войсками НАТО в Европе (и главы SACEUR) генерала Уэсли Кларка. Генерал ВВС Ролстон спрашивает Кларка, что будет, если силовое воздействие не изменит позиции Белграда весной 1999 г.: «Я ответил, что силовое воздействие сработает.

— О'кей, но все же, если оно *не* сработает. Что мы будем делать тогда?

— Мы будем их бомбить. Мы пройдем весь путь, — сказал я.

— А что, если и бомбардировки не сработают?

— Я думаю, что это маловероятно; но в этом случае мы сделаем что-нибудь собственно на территории самого Косова.

— Ну а если и это не даст результата? — настаивал Ролстон.

[1] Senate Armed Forces Committee, March 27, 2001. www.ciponline.org/ colombia/032701.htm, July 8, 2001; www.pacom. mil/about/pacom.htm, July 9, 2001; www.eucom.mil/strategy/summary.htm, July 9, 2001.

[2] Remarks by Admiral *Dennis C.* Blair at the World Affairs Council. Anchorage, Alaska, June 25, 2000.

103

— Тогда мы продолжим свои усилия. Но я знаю Милошевича, он не хочет, чтобы его бомбили»[1].

Неверная калькуляция американского проконсула в Европе стала очевидной для всего мира уже в самом начале массированных бомбардировок Югославии. 4 апреля 1999 г. президент Клинтон согласился со своим европейским проконсулом относительно необходимости подготовить к наземным операциям вертолеты «Апачи».

Имперская парадигма

Согласно новой парадигме, Америке следует меньше зависеть от союзников и партнеров, она сама должна создать искомый набор принципов и институтов, способных надолго сберечь статус-кво и отразить любые террористические атаки, остановить эволюцию враждебных государств и контролировать мировой порядок. Эта стратегия покоится на семи элементах[2].

1. Фундаментальная приверженность *однополярному* миру, в котором у США нет равного им конкурента. Америка *не позволит* никакой стране, никакой коалиции стран приблизиться к своему уровню. Президент Буш выразил эту идею, выступая в Вест-Пойнте в июне 2002 г.: «Америка обладает и намерена обладать беспримерной военной мощью — делая бессмысленными всяческие попытки соревноваться с нею и ограничивая соперничество лишь торговлей и другими мирными занятиями». США не будут стремиться к безопасности посредством умеренной реалистической стратегии баланса мировых сил, они не пойдут по пути либеральной стратегии. Америка будет столь могущественна, что ее превосходство обескуражит любое посягательство.

2. Вашингтон произвел драматический пересмотр наличных угроз. То, чего не было ранее, — сравнительно небольшие группы террористов способны

произвести феноменальные разрушения. Их невозможно усмирить или запугать, их следует *уничтожить*. Министр обороны Д. Рамсфелд так выразился по поводу этой новой угрозы: «Есть проблемы, относительно которых можно сказать, что мы знаем то, что мы знаем. Существует неведомое, которого мы не знаем. То есть существуют явления, о которых мы знаем, что мы не знаем... Каждый год мы встречаем много неведомого». Министр имел в виду существование групп террористов, о которых ничего не известно. В их руках может быть ядер-

[1] *Clark W.* Waging Modern War. New York, 2001, p. 119.

[2] См.: *Ikenbeny J.* America's Imperial Ambition («Foreign Affairs», September-October 2002, pp. 44—60).

104

ное, химическое или биологическое оружие, о котором Соединенным Штатам ничего не известно. Но в век террора ошибки у защищающихся быть не должно. Противник — это не государство, вступать в переговоры, играть в баланс сил, пользоваться стратегией сдерживания он не собирается. Угроза уничтожения требует адекватного ответа.

3. Ни о каком сдерживании не может быть и речи. Стоящие на посту ядерные ракеты никого не сдерживают. Возможность «ответного удара» просто смешна — нет достойной цели. Нет смысла бесконечно усовершенствовать ракеты. Единственный действенный выход — атака, нападение первым. Предупреждающий удар — вот необходимость нового времени. Излишние размышления и рефлексия только мешают, считает Рамсфелд: «Отсутствие очевидности не является очевидностью отсутствия средств массового поражения» (в руках противника.) Статья 51 Хартии ООН устарела. Президент Буш говорит в Вест-Пойнте: «Военные должны быть готовы к нанесению удара в любой части земного шара в течение секунд. Все нации, решившиеся на агрессию и террор, должны будут заплатить за это». Менее определенная, чем прежде, угроза требует немедленного ответа, иначе будет поздно. Узаконен «удар без сожалений».

4. Понятие суверенности подлежит пересмотру. Священность суверенитета, незыблемость границ и т. п. уходят в прошлое. Из-за того, что террористов нельзя «сдержать», США должны быть готовы к удару без дипломатических околичностей. К удару повсюду, без прежнего уважения к государственным границам. Террористы не уважают границ, так же будут поступать и Соединенные Штаты, утверждает заведующий планированием в государственном департаменте Р. Хаас: «В администрации возникает понятие ограниченности суверенитета. Суверенитет предполагает ответственность. Одна из этих обязанностей — не подвергать уничтожению собственный народ. Другая — не содействовать терроризму. Правительства ответственны за то, что происходит в пределах их государственных границ. Если правительства не могут выполнить этих обязательств, тогда они лишаются преимуществ суверенности. Другие правительства, включая правительство Соединенных Штатов, получают право на нарушение суверенитета, в частности, право на предупреждающий удар в целях самообороны.

5. Многосторонние договоры, соглашения о сотрудничестве в оборонной сфере и в обеспечении безопасности теряют прежнюю значимость. Терроризм не ждет, он не уважает юридические тонкости, ответ ему не должен быть ослаблен крючкотворством. В мире после 11 сентября нужно опираться прежде всего на собственное понимание справедливости, а потом на международные

105

трактаты, на такие акты, как протокол Киото, Международный суд или Конвенция по биологическому оружию. США достаточно сильны и без договорной поддержки. В случае необходимости их устраивают «джентльменские соглашения» — что, собственно, и было предложено президенту Путину в

Кроуфорде вместо Договора по сокращению стратегических вооружений.

6. Союзы имеют ограниченную ценность — это было очевидно уже в Косове в 1999 г., где 90 процентов боевой нагрузки пало на США. Это не означает, что следует отказаться от НАТО или Договора с Японией, но это означает, что Америка будет пользоваться союзами в меру необходимости, готовая к выполнению основной миссии собственными силами.

7. Новая стратегия не придает центрального значения *международной стабильности*. Полагаться на нее — подход прошлого. Миру придется смириться с американской односторонностью. Стабильность отныне не может быть целью сама по себе. Возможно, враждебность к КНДР несколько дестабилизирует положение на Корейском полуострове, но она устраивает США в глобальном подходе. Америка не собирается строить некий глобальный стабильный порядок, она намерена уничтожать своих смертельных противников. У дверей Апокалипсиса не размышляют об академической стабильности.

Жестко *одностороннюю* позицию занял американский конгресс. Он ослабил тенденцию обращения к международной многосторонности действий отказом подписать договор, запрещающий использование наземных мин, формирование Международного суда, запрета на все виды ядерных испытаний. Как говорит Б. Уркварт, бывший заместитель Генерального секретаря ООН, еще десятилетие с лишним назад (при президенте Рейгане) «американская сторона выдвинула крайне избирательные критерии — согласно директиве министра обороны Каспара Уайнбергера и председателя объединенного комитета начальников штабов Колина Пауэла, из которой следует, что американское участие в международных операциях возможно *только* тогда, когда США *осуществляют контроль*, когда американское общество полностью разделяет идею необходимости достижения поставленных целей при условии, что победоносное завершение операции гарантировано»[1]. Более отдаленный пример: сделка между Клинтоном и конгрессом о финансировании ООН была обусловлена компромиссом между Белым домом и конгрессом, который запретил использование ооновских денег на программы регулирования семьи.

[1] «World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 113.

106

В ходе реализации новой имперской идеологии «доктрина Буша» принесла несколько конкретных результатов:

• Прямота изложения американского курса доведена до брутальности. («Моя работа, — говорит президент Буш, — исключает раздумья над нюансами. Моя работа — говорить то, что я думаю».)

• Под давлением США Пакистан был вынужден переосмыслить свои отношения с Талибаном и организацией Аль-Каида.

• Саудовская Аравия поставлена перед фактом осмысления того, что 15 ее граждан-ваххабитов осуществили нападение на Соединенные Штаты.

• Россия, Китай и Индия, каждая из которых ведет борьбу с силами исламского экстремизма, сблизили свои позиции с американскими.

• Иран и КНДР в той или иной степени изолированы.

• Войны в Афганистане и Ираке оказались быстротечными и в основном успешными, превратив эти страны в своего рода протекторат США.

• Средняя Азия и (в меньшей степени Закавказье) оказались впервые под контролем США.

Россия смирилась с выходом США из Договора по ПРО 1972 г. и сделала шаги в направлении сближения с НАТО.

«Доктрина Буша»

Понятно, что наибольшее внимание привлекает не ажиотаж академических

сторонников тезиса «не упустить исторический шанс», а государственная мудрость республиканцев Буша. Заметим, что поколение Чейни и Рамсфелда выросло в годы обличения Мюнхена, теории «падающего один за другим домино», агрессивного активизма в отношении Ирана в 1953 г., Гватемалы в 1954 г., Кубы в 1961 г., Индокитая в 1960-е годы, Ирана в 1979 г., Гренады, Панамы, Никарагуа, Африки в 1980-е годы. Это поколение «испортил» триумф в «холодной войне» и апология рейганизма от Земли до космоса. Для них, современных неоконсерваторов у власти «доктрина Буша» — логический итог эволюции победителей в «холодной войне».

«Доктрина Буша», озвученная в сентябре 2002 г. на высшем возможном форуме — в Организации Объединенных Наций (и получившая дополнительную аргументацию в ряде последующих установочных текстов), стала для обретших высшую власть в стране неоконсерваторов a la Рамсфелд подлинным *кредо* Америки на этапе ее единосверхдержавности в двадцать первом веке. Примечательно, что создатели «доктрины Буша» — сам президент, советник президента по национальной безопасности Кон-

долиза Райс, глава отдела планирования государственного департамента Ричард Хаас и другие — настаивают на исключительной серьезности и важности этого документа. Хаас: «Важность этого документа в том, что он отражает базовые положения нашей политики». Еще один из творцов этого документа — Филип Желиков, историк из Вирджинского университета — настаивает на том, что «президент внимательно прочел каждую строку этого документа. Он лично отвечает за каждое его положение». Так было не всегда, и мы знаем, как советники президентов удалялись в солярий или розарий, чтобы породить базовые документы. Такие, как СНВ-68, такие, как главные доктринальные повороты американской внешней политики за последние шестьдесят лет. Не так было в этот раз.

Что сконцентрировало умы членов группы, заседавшей вместе с президентом, так это, по словам Кондолизы Райс, «настоятельная потребность Соединенных Штатов в создании всеобъемлющей стратегии, которая окончательно определит вызовы эры, начавшейся после окончания «холодной войны». (В этом смысле Джошуа Муравчик из Американского института предпринимательства указал на сходство этой последней «великой стратегии Соединенных Штатов» с ее великим предшественником — доктриной «сдерживания».) Более пространно «доктрина Буша» сформулирована в опубликованной администрацией президента Буша весной 2003 г. обобщающей «Стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов»[1].

В предисловии к документу, определяющему стратегические цели Соединенных Штатов, президент Дж. Буш-мл. указал, что «Соединенные Штаты обрели чрезвычайно благоприятное положение страны несравненной военной мощи, которая создает момент возможности распространения благ свободы по всему миру»[2]. *Главный* тезис доктрины покоится на том основании, что «нам угрожают не флоты и армии, а генерирующие катастрофы технологии, попадающие в руки озлобленного меньшинства... Стратегическое соперничество ушло в прошлое. Сегодня величайшие державы мира находятся по одну сторону противостояния — объединенные общими угрозами со стороны порождаемого террористами насилия и хаоса... Даже такие слабые государства, как Афганистан, могут представлять собой большую опасность

[1] Анализ последнего документа см. в детальном разборе его Филипом Желиковым в журнале «Нэшнл интерест» за весну 2003 года (Zelikov Ph. The Transformation of National Security. Five Redefinitions [«National Interest», Spring 2003]).

[2] Office of the President. National Security Strategy of the United States. September 2002, p. 3.

нашей безопасности, точно так же как и мощные державы». Разъясняющая «Стратегия национальной безопасности» ставит все точки над i: «Учитывая цели государств-изгоев и невозможность сдерживать традиционными методами потенциального агрессора, *мы не можем позволить нашим противникам нанести удар первыми»*[1].

Что следует сделать в первую очередь, подчеркивается в доктрине, так это «адаптировать концепцию немедленной угрозы» к техническим обстоятельствам сегодняшнего дня, к возможностям потенциальных террористов. Главный элемент доктрины немедленно попал в фокус внимания: американское руководство декларировало свое право на *предвосхищающий удар*. Такой удар обеспечит безопасность Соединенных Штатов, сделает противников друзьями, позволит цивилизовать еще незнакомые с демократией народы. В доктрине говорится, что Соединенные Штаты постараются улучшить работу своей разведки. А в целом «причины наших действий ясны, силы скоррелированы, дело наше справедливо».

Не все обращают внимание на то, что в доктрине от 11 сентября 2002 года Соединенные Штаты обращаются и к потенциальным противникам более традиционного характера. Они обязуются «сдерживать потенциальных противников от начала усовершенствования их военной машины, чтобы действенными методами отвратить эти державы от курса на достижение равенства с Соединенными Штатами, не говоря уже о возобладании над ними».

Строго говоря, «доктрина Буша» покоится на том основании, что *наступающая, атакующая сторона* имеет несомненное превосходство. Подходя шире к вопросу, перехват инициативы позволяет атакующей стороне навязать свою волю и свой способ действий потенциальному агрессору. Об этом говорится в документе — «Стратегия национальной безопасности»: «наилучшей формой обороны является хорошее наступление». Там же утверждается, что «чем страшнее угроза, тем выше стоимость риска ввиду бездействия»[2]. Еще одно ключевое положение этого же документа: «Посредством нашей готовности применить силу для своей обороны Соединенные Штаты демонстрируют свою решимость поддерживать такой баланс сил, который благоприятствует свободе».

Эти идеи восходят к временам десятилетней давности скан-

[1] Office of the President. National Security Strategy of the United States. September 2002, p. 4

[2] Ibid., p. 5

109

дального «меморандума Вулфовица» — тогда речь шла о «превентивном ударе». Жесткие констатации того, что «век великих держав» завершен, воспринимаются многими за пределами Соединенных Штатов как прямое предупреждение — Вашингтон не позволит довести дело до еще одного баланса сил, гонки вооружений, соперничества в традиционном духе более или менее сопоставимых сил. Не наивно ли утверждать, что «век великих держав в прошлом»? На этот счет Кондолиза Райс отвергает все оттенки: «Я думаю, трудно защитить положение, что будущее включает в себя тот тип взаимоотношений между великими державами, который мы имели между 17-м и 20-м столетиями, который привел к войне и попыткам перекроить карту мира. Все подобное может стать темой превосходных академических дебатов, но я обязана сказать, что, если вы посмотрите на характер новых угроз — распространение средств массового поражения, появление безответственных государств, угрозы экстремизма, — мы увидим, что большие державы имеют значительную долю общих интересов в предотвращении этих тенденций». Кондолиза Райс жестко настаивает на том, что реализм и идеализм не должны видеться альтернативами. Реалистическая оценка современной ситуации и мощи США должна быть предпосылкой реализации лучших из идеалов. Выступая в октябре 2002 г. в Нью-Йорке, К. Райс определила

в качестве главной цели «доктрины Буша» «разубеждение потенциальных противников от попыток превзойти или даже добиться равенства с мощью Соединенных Штатов и их союзников»[1].

«Доктрина Буша» имеет еще один важный элемент. Она обещает «поддержать свободные и открытые общественные институты на всех континентах». Представляется, что команда Буша знала, что это положение «попадет в тень» обещания наносить *предвосхищающий* удар. Но от этого данное положение не теряет своей значимости. Хаас немедленно выступил на общественных форумах с идеями «продвижения демократии в мусульманском мире»; государственный секретарь Колин Пауэлл обнародовал план демократизации Ближнего Востока. Хаас признал, что Соединенные Штаты долгое время были безразличны к характеру ближневосточных режимов, но достаточно неожиданно Америка поверила в то, что «демократия может быть экспортным товаром». После окончания «холодной войны» геополитический цинизм не должен более закрывать глаза американцам на характер тех политических режимов, с которыми они имеют дело.

Тень президента Вильсона, обещавшего в 1918 году «сделать

[1] «The National Interest», Spring 2003, p. 40.

мир безопасным для демократии», немедленно поднялась над официальным Вашингтоном. И как же проявила себя американская внешняя политика в новом доктринальном оформлении? Вот главные черты нового курса: вторжение в Ирак без санкции ООН и с фальшивым обвинением в наличии у иракских вооруженных сил оружия массового поражения; России предложен новый тип контроля над стратегическими вооружениями (и предложен по принципу — «соглашайтесь, или мы пойдем в будущее без вас»); Европейскому союзу на тех же основаниях предложено согласиться с игнорированием Соединенными Штатами Международного уголовного суда; Германия и Франция подверглись давлению вследствие их негативной реакции на американское вторжение в Ирак; Киотский протокол отвергнут.

Основные опросы показывают, что в американском обществе главенствуют консервативные настроения. Большинство американцев считает, что США *должны* оставаться мировым лидером, что они должны прибегать в случае необходимости к односторонним действиям, что мировая торговля должна расти, открывая новые возможности для американского бизнеса, что на военные нужды следует расходовать *больше*, что США должны создать систему национальной противоракетной обороны.

По следам прежних империй

Собственно говоря, Соединенные Штаты, когда пришел час их империи, стали действовать двумя испытанными способами:

1. Всячески сдерживать распространение софистичного современного оружия в духе договоров 1963 и 1968 годов о нераспространении оружия массового поражения и запрета на их испытания.

2. Как и англичане в Индии восемнадцатого века, Соединенные Штаты стали раздавать гарантии безопасности тем странам, которые они не хотели видеть развивающими собственные военные механизмы. Отсюда сохранение (потерявших антикоммунистический смысл) военных союзов НАТО, АНЗЮС, Американо-японский договор безопасности. Только очень наивный человек может назвать «союзом равных» эти военные блоки, являющие собой физическое воплощение *гарантий безопасности, даваемых имперской страной подчиненным странам*. Эти военные блоки ясно (и удобно) служат имперской Америке инструментом контроля над наиболее индустриально развитой частью мирового

сообщества.

Напомним еще раз, что оба эти пункта имперского правления Америки появились на официальной теоретической «поверхности» в отныне знаменитом «Defense Policy Guidance» — «Обзо-
111
ре оборонной политики», созданном заместителем министра обороны США Полом Вулфовицем в 1992 г. Этот обзор рекомендовал правительству Соединенных Штатов создать физические возможности обороны группы важнейших стран, с тем чтобы у этих стран не возникало потребности строить собственные вооруженные силы для обороны своих интересов и своей территории. США предложили своим ведущим союзникам воспользоваться американской технологией, защищающей от ракетного нападения (которую американцы развивали уже пятьдесят лет), с тем чтобы уменьшить вероятие того, что мощные западноевропейские страны или Япония встанут на путь собственных масштабных военных усилий. *Защищая, я контролирую тебя.*

При этом Соединенные Штаты приложили все возможные усилия для сохранения прежде всего своего военно-морского превосходства в Мировом океане — обеспечивая тем самым контроль над подходами *ко всем* мировым державам.

Логическим завершением этого курса стала «доктрина Буша», объявившая всему миру решимость Соединенных Штатов *наносить упреждающие удары* с целью разрушения военных возможностей (потенциально) враждебных стран по созданию оружия массового поражения. Альтернативой для США было отказаться от своей империи. Республиканцы Буша—Чейни не для того бились на выборах 2000 г., чтобы сдавать столь улучшившиеся после крушения Советского Союза глобальные позиции своей страны.

Суверенитет и право вето

Первый официальный документ Соединенных Штатов Америки — Декларация независимости — начинается примечательными словами: «Испытывая уважение к мировому общественному мнению, мы считаем своим долгом объяснить наши действия...» И далее Томас Джефферсон, автор декларации, объясняет, почему североамериканские колонии решили выделиться из Британской империи. Прошло 235 лет, удивительным образом изменился мир, много поворотов совершила история, но один из наиболее важных для международного сообщества произошел на наших глазах. В центре наиболее ценимых индустриальным миром богатств президент Соединенных Штатов начал войну, *не испытывая ни малейшего уважения к мировому общественному мнению*. И не пытаясь к этому мнению апеллировать.

Речь не идет о степени высокомерия и неуважения, вопрос касается более глубоких сдвигов в мировом общежитии — собственно, об основах этого общежития.

Нации, как и люди в частности, вырабатывают основы своих взаимоотношений исходя из своего опыта, чаще всего горького.
112

Неимоверная по свирепости Тридцатилетняя война католиков и протестантов (1618—1648 гг.), в которой погибли миллионы европейцев (в частности две трети населения Германии), породила всеобщую мольбу о создании механизма предотвращения крайних эксцессов подобного самоубийства человечества. Результатом этого пребывания на грани самоуничтожения стал Вестфальский мир 1648 года, породивший резонное и спасительное правило — Cuius regio, eius religio («чья власть — того и вера»). В международном праве возникло зафиксированное правило *суверенности* отдельно взятых наций, незаконности

вторжения во внутренние дела суверенных стран.

С тех пор три с половиной столетия в мире постоянно разыгрывается своего рода «бильярд», отдельные шары-государства сталкиваются друг с другом, кого-то кий истории загоняет в лузу, создаются союзы и коалиции, прежние противники строят совместное будущее — или расходятся навсегда, — но одно не приходило никому в голову: сломать сам шар, заглянуть в его внутреннюю консистенцию. И это понятно — ведь тогда изменяется не счет или имя победителя, а рушится сама игра.

Второе по масштабам зверств межгосударственное столкновение — Первая мировая война — породило второй шаг в защиту суверенности отдельных государств. Опасно оставлять нетронутой систему, в которой более слабые или малые суверенные страны вынуждены обращаться к могучим покровителям (Австро-Венгрия к Германии, Сербия к России, Бельгия — к Британии). Пусть суверенные страны обращаются на общий суд суверенных народов. Президент США Вудро Вильсон в знаменитых «14 пунктах» (январь 1914 г.) призвал к созданию такой организации — Лиги Наций. Лига оказалась недостаточно эффективной, в частности, потому, что Соединенные Штаты Америки в 1920 г. решили не участвовать в ее работе. Сработал «принцип домино»: без поддержки Вашингтона Лондон посчитал опасным самостоятельно помогать Франции сохранять статус-кво vis-a-vis Германии; Париж без Лондона не решился помочь Праге. В результате Гитлер въехал в чешскую столицу, и лишь Вторая мировая война восстановила австрийский, чехословацкий, польский, югославский, греческий, бельгийский, голландский, датский, норвежский, французский суверенитеты.

Чтобы воссоздать мировую организацию на более действенной основе, президент США Франклин Рузвельт предложил критическое по важности новшество: пять держав-победительниц будут в новой системе — Организации Объединенных Наций иметь *право вето*, то есть блокировать силовые действия других государств. И эта система, базировавшаяся на двух китах — суверенности отдельных государств и праве вето пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, — просуществовала до 2003 года.

113

Соединенные Штаты жестко и яростно защищали указанные принципы созданной по их инициативе организации. Сколь ни возмущалась советская делегация симпатизировавшим нацизму перонистским режимом в Аргентине или режимом Франко в Испании, правлением Салазара в Португалии, хунтой «черных полковников» в Греции, Вашингтон неизменно воздевал перст, ука-зуя на базовый принцип невмешательства во внутренние дела суверенных стран. И ООН продолжала функционировать. Можно критически обозреть ее опыт, но нельзя и не воздать должное той международной организации, которая защищала суверенитет своих членов и не позволяла постоянным членам Совета Безопасности ООН игнорировать мнение друг друга.

Смерть Вестфальской системы

В трагическое для американского народа время — по существу на обломках Международного торгового центра и Пентагона президент Дж. Буш-мл., выступая в конгрессе США, выдвинул в сентябре 2001 г. понятное эмоционально, но глубоко революционное и убегающее во времена Ветхого Завета положение: «Кто не с нами, тот против нас». Из солидарности, из просчета сословных интересов, по наитию, а чаще всего из автоматизма — «делай как другие», «не оставайся один на обочине» — 144 государства объявили себя стоящими по американскую сторону столь жестко проведенной линии. Невиданный по численности и мощи вошедших в него стран Антитеррористический альянс просуществовал

поразительно недолго — между 11 сентября 2001 г. и 18 марта 2003 г.

Сомнения в его долгожительстве существовали давно по нескольким причинам.

1. Не было создано некоего подобия Объединенного комитета начальников штабов антитеррористической коалиции или любой другой формы (форума) обсуждения общей глобальной стратегии, что, в частности, предполагало и дележ лидерских функций. Что это за союз, который в век так называемого триумфа демократии имел лишь одного лидера и распорядителя?

2. Бесспорный лидер антитеррористической коалиции смело вторгся в зоны влияния (или, мягче, особых отношений) своих же провозглашенных союзниками партнеров, не обращая ни малейшего внимания на их реакцию. Самый близкий пример — Центральная Азия и Южный Кавказ.

3. США демонстративно утвердили то положение, что их военнослужащие *никогда и ни при каких обстоятельствах* не будут судимы Международным судом в Гааге.

114

4. США после сентября 2001 г. не пожелали воспользоваться даже структурами Североатлантического союза, не говоря уже о других доброхотах. Они обратились за помощью к тем, кто им был нужен в *конкретных региональных обстоятельствах:* Россия, центральноазиатские страны, Пакистан. Все эти страны были *использованы* на период мобилизации Северного альянса и его боев под прикрытием американских бомбометаний.

5. *Односторонние* действия даже в ходе военных операций — отказ от Договора 1972 г. о запрете на создание противоракетной обороны национального масштаба, отказ подписать экологический т. н. Договор Киото и многое другое.

6. Выборочность аналитического суждения. Гибель *миллионов* христиан и анималистов, скажем, в Южном Судане — или в Руанде — не вызывает эмоций. Чего не скажешь о жертвах террора в других странах и регионах. Особенно *выборочность* стала видна в вопросе о гражданских правах. Между Стамбулом и Сингапуром для американцев лежит зона, где гражданские права просто не подлежат обсуждению.

Но подлинная смерть Вестфальской системы наступила с вторжением американских сил в Ирак 19 марта 2003 г. Вопрос о вторжении не был поставлен в Совете Безопасности ООН, решение было принято односторонне американским президентом.

Четыре фактора обусловили поведение Вашингтона:

— страх потерять уникальный исторический шанс безусловно возглавить мировое сообщество в качестве главной военной, экономической и массово-культурной силы, способной диктовать свои условия кому угодно;

— требование морально-психологической компенсации за сентябрь 2001 года, сложившееся в американском обществе большинство, требующее активной политики: «делайте хоть что-нибудь»;

— привлекательность того положения, когда Соединенные Штаты контролируют две трети мировых разведанных запасов нефти, безусловно необходимого и для индустриально развитых, и для индустриализующихся стран, — своего рода контроль над развитием Западной Европы, Японии, Китая, Индии;

— решение в собственном духе израильско-палестинской проблемы.

В результате человечество без всяких нюансов поставлено перед выбором: 1) жить в Американской империи, подчиняясь американским правилам и приказам; 2) попытаться найти некую форму противодействия, опираясь на прежний опыт, традиции государственной суверенности, солидарность оказавшихся в сходном положении стран, не желающих десуверенизации.

115

Почему согласится мир

По мнению идеологов *гипердержавы* (термин, применяемый французами), мир согласится на американскую гегемонию по нескольким причинам.

Во-первых, потому что ей нет альтернативы. Как формулирует американский исследователь Ч. Краутхаммер, «альтернативой однополярности является вовсе не стабильный, статичный многополярный мир. Мы живем не в восемнадцатом веке, где зрелые державы, такие, как Европа, Россия, Китай, Америка и Япония, играют в великую игру наций. Альтернативой однополярности является хаос»[1]. Идейные адепты гегемонии США уверены в том, что внешний мир будет вынужден признать благо централизованной мировой структуры, поскольку, как формулируют американцы Р. Каган и У. Кристол, «американская гегемония является единственной надежной защитой против краха мира и международного порядка»[2].

Так думают и некоторые американские союзники. Австралиец К. Белл указывает, что «главным достоинством однополярности является предотвращение ведения войны сразу на нескольких уровнях. На широчайшем уровне (война за гегемонию, война как Армагеддон, или то, что Сэм Хантингтон называет «войны цивилизаций») огромное преобладание мощи на стороне держав статус-кво эффективно предотвращает вызов любого рационально настроенного политика. На локальном уровне то же колоссальное преобладание будет удерживать готовую к насилию сторону — как лидеров этих стран, так и общественность. Конечно, всегда останутся вожди типа Саддама Хусейна, готовые «попробовать» свою силу на локальном уровне, останутся страны, подобные Индии и Пакистану, — слишком большие, чтобы подвергать их давлению. Тем не менее реальность начала войны в однополярном мире меньше, чем в биполярном и многополярном»[3]. Однополярность, с точки зрения ее апологетов, способствует выработке общепонятных норм и правил.

Во-вторых, мир согласится на американское всемогущество и гегемонию не только в свете их неимитируемой мощи, но и ввиду относительной *сдержанности* Соединенных Штатов, стремящихся в общем и целом не злоупотреблять своим могуществом. Аме-

[1] *Krauthammer Ch.* What's Wrong with the «Pentagon Paper?» («Washington Post», March 13, 1992, p. *fids).*

[2] *Kristol W.* and *Kagan R.* Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy («Foreign Affairs», July/August 1996, p. 23).

[3] *Bell C.* American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p.61).

рика как бы следует совету К. Уолтса: «Умелая внешняя политика передовой страны требует достижения успехов без провоцирования ожесточения других государств, без запугивания их»[1]. Сила Америки, помимо прочего, в том, что она сумела *не антагонизировать* главных потенциальных соперников, проявить благожелательность, продемонстрировать открытый характер американских политических институтов, чувствительность к интересам других государств. В Вашингтоне как бы осознали, что неограниченная настойчивость может заставить потенциальных противников США объединить усилия: не коварный внешний мир, а ошибки самой Америки, если она ожесточится, могут подорвать основания американского главенства.

В-третьих, противостояние с Америкой попросту опасно и пока малоперспективно. «Ни одна из крупных держав не берется сегодня расходовать средства с целью противопоставления себя Соединенным Штатам. Более того, большинство среди них стремится присоединиться к лидеру. Даже если это ограничивает их возможности... Один лишь взгляд на современное распределение

мощи в мире не оставляет им реалистических надежд на противостояние Соединенным Штатам»[2].

В-четвертых, на геополитическом горизонте не видно непосредственной угрозы уникальному положению США. В теории существуют три пути «низвержения» гегемонии: *возникновение контрбаланса в лице коалиции конкурирующих государств; региональная интеграция; резкий рост мощи одного из противостоящих центров.* Но на ближайшее будущее чрезвычайно малореалистично предположить, что хотя бы один из этих способов обретет черты актуальности. Рассмотрим эти угрозы однополярному миру.

1. Создание противостоящей доминирующему центру коалиции — довольно сложный процесс. Сплотить коалицию, способную сконцентрировать силовые возможности, равные как минимум 50% мощи гегемона, весьма непросто. Исторически союзы консолидируют совокупную мощь за счет отказа от части собственных суверенных прав, а это всегда болезненно и на ближайшие годы малоактуально. «История международных отношений показывает, как сложно координировать союзы, направленные против гегемонии. Государства склонны к сохранению свободы своего поведения, распоряжения своими ресурсами... Государства боятся быть покинутыми своими партнерами, боятся быть во-

[1] *Waltz K.* The Origins of War in Neorealist Theory («Journal of Interdisciplinary History», 1988, N 4, pp. 615—628).

[2] *Wohlforth W.* The Stability of a Unipolar World («International Security», Summer 1999, p. 35).

влеченными в конфликт своими партнерами... Государства неэффективны в слиянии своих сил, и это более всего сохраняет однополюсную систему»[1].

Все прежние коалиции — против Франции в XVII — XVIII вв., против Германии в XX в. и др. — создавались против очевидной угрозы соседям, в условиях локальной ограниченности этой угрозы, путем нахождения обеспокоенных соседей, расположенных в уязвимой близости к нарушающей баланс державе. Гораздо труднее создать союз против омываемых (и охраняемых) океанами Соединенных Штатов, отдаленных, имеющих военные анклавы повсюду в мире и мощных союзников. США готовы расколоть любую складывающуюся коалицию, они всегда постараются поддержать противостоящие складывающемуся союзу страны (как, скажем, они поддержали КНР против СССР в годы «холодной войны»).

2. Противостояние Соединенным Штатам могло бы осуществиться на основе сближения конкурентов в экономической и, особенно, в военной сфере в случае подлинной интеграции Европы, Центральной Евразии или сближения двух восточноазиатских гигантов — трех регионов, где интеграционный процесс наиболее многообещающ (ЕС), либо имеет шанс для своего воплощения в реальность (наследие России), либо его можно представить умозрительно (сближение Китая с Японией.) Но на пути этого превращения стоят труднопреодолимые национальные эгоизмы. Представить себе отказ Франции и Британии от собственного владения ядерным арсеналом и предоставление ими доли контроля над ним Германии — весьма трудно. Еще более трудно представить себе восстановление центральноевразийского полюса. «Россия продолжает падение. Государства не поднимаются быстро после такого падения, которое случилось с Россией. Для восстановления статуса международного полюса притяжения России понадобится еще одно поколение — даже если ей повезет. Для быстрого создания азиатского полюса необходимо слияние возможностей Японии и Китая. Как и в случае с Европой и Центральной Евразией, очень многое должно случиться, чтобы Токио и Пекин оказались готовыми поделиться суверенитетом друг с другом»[2]. Итак, представить себе быстрое создание центров-противовесов ныне весьма сложно.

3. *Возвышение над соседями Германии, России, Китая и Японии*, так или иначе, тоже означало бы собирание сил Европы, Цен-

[1] *Wohlforth W.* The Stability of a Unipolar World («International Security», Summer 1999, p.29).

[2] Ibid., p. 31.

118

тральной Евразии или Восточной Азии. Но прежде всего это означало бы контролирующее возвышение главенствующей в своем регионе державы. Выше мы уже касались сложностей на пути возвышения каждого из этих претендентов, если они поставят цель ограничить всевластие США. Напомним еще раз, что Япония остановила свой экономический быстрый бег довольно неожиданно в 1990 г. Германия окружена настороженными соседями, а на ее территории базируется американский воинский контингент — все это препятствует неожиданному броску.

Китаю еще предстоит осуществить огромный военный и экономический рост и реализовать качественное возвышение, *преодолевая огромные трудности* и множество барьеров. Речь идет как минимум о трех десятилетиях. Многие специалисты разделяют мнение 36. Бжезинского: «Нет никакой уверенности в том, что взрывной рост Китая продержится в следующие два десятилетия. Продолжение современного темпа развития потребовало бы невероятно благоприятного стечения обстоятельств — успешного политического руководства, политического спокойствия, социальной дисциплины, высокого уровня сбережений, обильных зарубежных инвестиций и региональной стабильности. Долгосрочное наличие всех этих компонентов маловероятно»[1]. Следует учитывать при этом, что и США не будут стоять на месте.

Таким образом, уникальное стечение обстоятельств налицо. Как пишет современный американский историк Э. Басевич, господство диктуют слишком соблазнительные условия. «Соединенные Штаты должны будут принять на себя суровое бремя имперского правления, что скажется не только на нашем благосостоянии, но и на нашей идентичности. Даже отрицая то, что это было нашей целью, *Америка станет Римом*»[2].

В целом именно эта своеобразная *нейтрализация* противодействующих сил позволяет утверждать, что мир ближайших десятилетий дает США особые возможности. В будущем от дипломатического мастерства Вашингтона и его союзников будет зависеть многое, но на настоящее время ограничимся констатацией того, что большинство исследователей в США убеждены, что геополитическое окружение позволяет Америке надеяться на долгий период главенства в XXI веке[3].

[1] *Brzezinski Zb.* A Geostrategy for Eurasia («Foreign Affairs», September/ October 1999, p. 58).

[2] *Bacevich A.* Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization («National Interest», Summer 1999, p. 13).

[3] U.S. Department of Commerce, Office of Technology Policy. The New Innovators: Global Patenting Trends in Five Sectors. Washington, 1998.

119

ГЛАВА ВТОРАЯ
ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОДЪЕМ

> Как только держава достигнет всех своих целей, она будет стремиться к достижению абсолютной безопасности... Но, поскольку абсолютная безопасность для одной державы означает абсолютное отсутствие безопасности для всех других, она... может быть достигнута лишь посредством завоевания.
>
> *Г. Киссинджер, 1965*

Немногие страны в мировой истории удовлетворяли условиям главенства в

экономике, силовых основах, массовом идейном воздействии. В Европе Нового времени после 1500 г. трем этим условиям в некоторой степени стала удовлетворять Испания, примерно в 1620 г. — Нидерланды, Франция — в 1690 и 1810 гг., Британия в 1815 — 1890 гг. Германия дважды пыталась пробиться к лидерству в двадцатом веке, но безуспешно. *После двух мировых и «холодной войны» этого положения уверенно достигли Соединенные Штаты Америки* благодаря гигантским размерам экономики, эффективности рынка капитала, преобладанию в информационной сфере. А начало этого, приведшего к мировой империи пути было скромным.

1. ТРАДИЦИЯ

Не будет никаким открытием Америки указать, что Соединенные Штаты прибегали к войне ради расширения территории и новых рынков много раз. Воевали они прежде и с целью наказания террористов. Скажем, между 1801 и 1805 годами Соединен-

ные Штаты вели борьбу против терроризма — тогда это были средиземноморские ливийские пираты — на расстоянии многих тысяч километров от американской береговой линии. На протяжении следующих ста лет единственным потенциальным противником Соединенных Штатов была имперская Британия, которая вела война войну с США в 1812—1814 годах. В 1819 г. Соединенные Штаты приобрели Флориду, а в 1946 г. у соседней Мексики грандиозную территорию — Невада, Небраска, Калифорния, Орегон, Техас, Вашингтон.

Немногие страны могут похвастаться такой благосклонностью фортуны: размеры страны были необъятны, а на ее границах не было сильных и агрессивных соседей. Огромная малозаселенная Канада не могла угрожать Соединенным Штатам, у Мексики опыт отношений с североамериканской республикой был самым печальным. Половина ее территории оказалась включенной в США. Не было угрозы и со стороны Латинской Америки. Более того, провозгласив «доктрину Монро», США с 1823 г. взяли под свою опеку южных соседей.

Американцы исторически никогда не отказывались от применения силы, провозглашая целые континенты сферой своих доминирующих интересов. Речь идет прежде всего о «доктрине Монро», согласно которой американцы запретили любой иностранной державе вмешиваться в дела Западного полушария. Следуя этой доктрине, президент Гровер Кливленд настоял на принятии Великобританией американского арбитража в ее споре с Венесуэлой в 1895 г. После этого эпизода Британия (несмотря на Канаду и прочие владения) отступает и перестает быть реальной угрозой для США на их континенте. Президент У. Маккинли с охотой взял Филиппины под сень американского орла, а В. Вильсон многократно вторгался в Мексику, особенно массированно в 1914-1916 годах.

Наблюдатели, строго говоря, не, видели разницы между покупкой Луизианы, аннексией мексиканских владений и польскими аннексиями Пруссии в восемнадцатом веке, территориальным приращиванием России на Кавказе, в Центральной Азии, в Сибири. Германский «Дранг нах Остен» и американское «Движение на запад» отличались только направлением экспансии. «Русские и немцы могли бы добавить (пишет американский исследователь), что они эксплуатировали завоеванные народы, а американцы по большей части уничтожали их»[1].

Настоящее восхождение Америки к мировой гегемонии на-

[1] *Kurth J.* The Adolescent Empire. America and the Imperial Idea («The National Interest», Summer 1997, p.5).

121
чалось со времени мирового экономического спада 1873 г., когда США и Германия начали подлинное наступление на мировой рынок. Вашингтон укрепил свои позиции сохранением единства в войне с Югом и вступил на путь ускоренного развития. Между 1873 и 1914 гг. Америка превратилась в первую индустриальную силу мира по всем основным показателям. Вначале сталь, а потом автомобили стали ударной силой американской индустрии на глобальном уровне.

Три периода отчетливо просматриваются в новейшей американской истории. 1) С конца восемнадцатого века и до 1890-х годов США выступали преимущественно как торговая держава, менее значимая в военном смысле. 2) Между 1898 и 1941 годами Соединенные Штаты впервые попытались играть роль глобальной державы в военной и экономической сфере, но всего лишь как один из нескольких мировых центров. Материальные предпосылки броска к мировому могуществу складывались в течение десятилетий. По основным экономическим показателям США заняли первое место в мире уже в конце XIX века, а затем в ходе Первой мировой войны произошло превращение страны из должника европейских держав в их кредитора.

3) Со вступлением во Вторую мировую войну произошел отказ Соединенных Штатов от **«изоляционизма» и переход к политике всеохватывающей глобальной экспансии. В годы Второй мировой войны в полтора раза увеличился и без того весомый экономический потенциал Америки. Промышленное производство США в годы войны выросло с 101,4 млрд. долл. в 1940 г. до 215,2 млрд. долл. в 1945 г. Уровень накоплений достиг астрономической суммы — 136 млрд. долл. Это обеспечивало основу для активной внешней политики. Была развернута двенадцатимиллионная армия. Участие в борьбе со странами «оси» — Германией, Италией, Японией — создавало в определенной мере благоприятный для правящих кругов политический климат внутри страны. Хозяин Белого дома получал большой кредит для проведения инициативной внешней политики. США встали на путь, который после поражения Германии и Японии, после ослабления Британской и Французской империй и саморазрушения Советского Союза привел ее к положению единственной сверхдержавы. Соединенные Штаты окончательно порвали с «изоляционизмом», встав на путь широкого участия** в **разрешении военных и политических проблем стран и регионов, отстоявших от их территории на тысячи километров.**

Новые угрозы появились перед Соединенными Штатами непосредственно с Первой мировой войны и в последующий период. Речь идет о радикальных идеологиях слева и справа, а именно об анархизме, коммунизме и фашизме. Противостоять им пало впервые на плечи президента Вудро Вильсона, и он ответил тем,
122
что сократил пределы либеральной демократии внутри страны и применил американские вооруженные силы в Латинской Америке, Европе и в Азии. Вторая мировая война беспрецедентно расширила интернационалистский элемент в американской внешней политике. Весь период 1914 — 1945 гг. представляет собой, по существу, тридцатилетнюю войну между Америкой и Германией за мировое экономическое первенство. Союз с Москвой позволил Вашингтону сокрушить этого своего мирового соперника, выйти на прямую, ведущую к мировому лидерству. Речь уже шла о мировом по охвату процессе, так как президент Рузвельт уже провозгласил «четыре свободы» — свободу слова, вероисповедания, от нужды и страха — мировым условием развития.

Следует отметить, что Вторая мировая война была встречена в США с

большой настороженностью. Насколько мрачны были перспективы для положения США в мире, можно судить по разработанному в то время прогнозу объединенного комитета начальников штабов. Высший военный орган США, ответственный за выработку американской стратегии, в 1941 г. был далек от глобальных амбиций — не исключалась возможность поражения США, потери государственной независимости. В параграфе восьмом документа, подписанного председателем комитета генералом Маршаллом и командующим американским флотом адмиралом Старком, прямо говорилось: «Если Германии удастся покорить всю Европу, она может пожелать затем установить мир с Соединенными Штатами на несколько лет, рассчитывая закрепить свои завоевания, восстановить свою экономику и увеличить свои военные силы, с тем чтобы в конечном счете завоевать Южную Америку и одержать военную победу над Соединенными Штатами». Паническое восприятие будущего отнюдь не было всеобщим. Начиная с 1942 г. в США получили преобладание политические силы, воодушевленные открывающимися перспективами грандиозной мировой трансформации.

Сложившееся стечение обстоятельств было как нельзя более благоприятным: во-первых, одна европейская империалистическая коалиция сокрушила в 1940 г. силы другой; во-вторых, возникшая опасность позволила американскому руководству мобилизовать экономические ресурсы, военную машину страны. Началось развертывание двенадцатимиллионной армии, строительство крупнейшего в мире военно-морского флота, самой большой в мире военной авиации.

Именно здесь видны истоки глобальной экспансии. Прежнее мировоззрение перестало соответствовать реальностям, новый исторический этап требовал новых теоретических подходов. В Вашингтоне стали мыслить категориями глобальных перемен, начались поиски путей реализации новых возможностей. Отметим
123
важный момент: борьба вступивших в конфликт сил создала для США возможность выхода на авансцену мировой политики уже не в роли одного из равных (как это было после Первой мировой войны), а при растущей экономической мощи как ведущей державе. Рассекреченные документы тех времен, и прежде всего прогнозы государственного департамента США, позволяют судить о том, что в ходе войны идея мирового возвышения прошла путь от первых проблесков до закрепившегося в сознании идеологов стереотипа новой, владеющей мировыми позициями Америки.

Авторы вызревшей в Вашингтоне новой внешнеполитической концепции исходили из двух постулатов: Соединенные Штаты в ходе Второй мировой войны окончательно «похоронили» свой изоляционизм и распространили сферу своих интересов на весь мир; для гарантии прочности новых мировых позиций Соединенные Штаты должны закрепить свой контроль над значительной частью мира. Конкретизация второго постулата и представляла собой долгосрочное планирование США. Американские стратеги определили район, «стратегически необходимый для контроля над миром»[1]. Этот район обязан был быть «открытым для господства Соединенных Штатов» и включать «помимо всего Западного полушария бывшую Британскую империю... и Дальний Восток. Таков был минимум, а максимумом была вся вселенная»[2].

В этот период мостиком к глобальному стратегическому планированию для американской дипломатии послужило формирование особых отношений с Великобританией — имперским лидером полутора предшествующих столетий. Тесные связи с Лондоном весьма способствовали последующей американской экспансии. Было ясно, что Великобритания как равный партнер исчезла надолго, вероятнее всего, навсегда. Дни Британской империи были сочтены, доминионы

обрели фактическую независимость, колонии боролись за нее. А что мог противопоставить этому историческому процессу Лондон? Как писал американский историк Р. Донован, «великие дни Британской империи ушли в прошлое. Британская экономика была в упадке, а вооруженные силы перенапряжены. Теперь уже над империей Трумэна не заходило солнце»[3].

Процесс перехода США к политике глобальной экспансии не прошел бы столь гладко, если бы слабеющий британский лев не

[1] *Notter H. A.* Postwar Foreign Policy Preparation. 1939 — 1945. Wash.. 1949, p. 116.

[2] «Guardian», 1981, June 16.

[3] *Donovan R.* Conflict and Crisis. The Presidency of Harry S. Truman, 1945—1948. N.Y., 1977, p. 73.

124

передал США части своего опыта. Помощь Англии Америке была широкой и существенной. *Во-первых,* союз с Англией позволил США весьма быстро оснастить свою военную машину. Английские военные базы посетили тысячи американцев. Рождение мощных бомбардировщиков Б-26 было бы невозможно без консультаций английских авиационных экспертов. Такие изобретения, как радар, пришли с Британских островов. Что еще важнее, американцы благодаря содействию англичан освоили использование ядерной энергии. *Во-вторых,* Соединенные Штаты начали создавать при содействии англичан разветвленную разведывательную сеть. Английские «учителя» помогали американцам в создании специализированных служб заграничной разведки. И, *в-третьих,* с английской помощью США в 1940 и 1941 годах фактически оккупировали Исландию и Гренландию, подготовили высадку на Азорских островах, на Мартинике и во многих других местах. С расширением масштабов мировой войны росли и внешнеполитические планы США. Помимо британских владений, Америка заинтересовалась колониями других обанкротившихся европейских метрополий.

Немалое число американцев, как, скажем, У. Ширер, склонны были сваливать вину на «имперский вирус» англичан, подвергавших «простодушных» американцев всем соблазнам гегемонизма, имперской политики[1].

Многие идеологи американской внешней политики этого периода полагали, что все несчастья мира проистекают из-за «искусственных» перегородок между государствами. Они считали, что предотвращение раскола послевоенного мира на торговые блоки, политика открытых дверей, лишенного тарифных границ обмена будут лучше всего служить интересам США как самой мощной экономической державы.

Американская внешняя политика 40 — 50-х годов отличалась большим вниманием к использованию новых материальных сил, к тесному единению процесса научных открытий и непосредственной их реализации во внешней политике. Самым важным техническим новшеством, освоенным США в 40-е годы, было использование ядерной энергии. Монополия на ядерное оружие лежала в основе могущества США. В августе 1943 г. между Рузвельтом и Черчиллем было заключено соглашение о том, что «ни одна из двух сторон не передаст информацию о бомбе третьей стороне без предварительного взаимного согласия»[2]. (При этом

[1] *Shirer W.* End of a Berlin Diary. N. Y., 1961, p. 12.

[2] *Shervin M.* A World Destroyed: The Atomic Bomb and the Grand Alliance.N. Y., 1975, pp. 83-85.

125

ученые, да и некоторые политики, предупреждали американское руководство, что атомную монополию долго сохранить не удастся.)

Обладание ядерным оружием стало рассматриваться как рычаг, способный заставить объект ядерной угрозы изменить свой политический курс, согласиться на подкрепленный атомным оружием ультиматум. В последний день 1944 г. президент Ф. Рузвельт одобрил подготовку к атомному авиационному рейду на

Японию[1]. В соответствии со взятым курсом Ф. Рузвельт ничего не сообщил об атомном оружии во время встречи с советским руководством на Ялтинской конференции.

Вторая мировая война привела к колоссальным разрушениям во всей огромной Евразии и одновременному глобальному подъему Северной Америки. По мере расширения зоны американского влияния в мире увеличивалась значимость аппарата федеральной власти, готового теперь к решению не только американских проблем. Государственная машина США за годы Второй мировой войны превратилась в гиганта. Расходы по федеральному бюджету увеличились с 9 млрд. долл. в 1940 г. до 98 млрд. долл. в 1945 г.

В ходе Второй мировой войны Соединенные Штаты приобрели датскую Вест-Индию, ставшую американскими Вирджинскими островами. Во Второй мировой войне американской территорией стали острова тихоокеанской Микронезии и многие другие тихоокеанские острова. Вашингтон выступил с инициативой создания мировой организации — Организации Объединенных Наций. Соглашения, подписанные в Ялте в феврале 1945 г., фактически дали Советскому Союзу контроль над третьей частью мира, а Соединенным Штатам — над остальными двумя третями. Этот статус-кво подвергался серьезному испытанию за неполные полсотни лет лишь трижды: берлинская блокада 1948—1949 гг.; Корейская война 1950—1953 гг.; Карибский кризис 1962 г.

Национальное богатство США (стоимость всего, чем владеют американцы, — строения, оборудование, дома, товары, земля) увеличилось с 0,5 трлн. долл. в 1942 году до 12,5 трлн. долл. в 1982 году[2]. Валовой национальный продукт США увеличился с 211,9 млрд. долл. в 1945 году до 10,3 трлн. долл. в 2002 г.

В стране был создан устойчивый общественный консенсус по поводу американского лидерства в мире и готовности платить за это лидерство. Одна часть истеблишмента говорила об охране «факела свободы», о защите ценностей западной цивилизации (Дж. Кеннеди, Дж. Ф. Даллес, Д. Ачесон, Р. Рейган). Для не

[1] *Shervin M.* A World Destroyed: The Atomic Bomb and the Grand Alliance. N.Y., 1975, pp. 83-85.

[2] U. S. News and World report, 1983, Sept. 5, p. 48.

126

склонных к высокопарной риторике деятелей движущими мотивами внешней политики США были «осуществление мировой ответственности», исполнение выпавшей на долю США «миссии управления миром» (Г. Трумэн, Д. Эйзенхауэр, Л. Джонсон). Лидеры, заявлявшие о своей приверженности «политическому реализму», считали основной идеей американской политики создание некоего «мирового порядка», «стабильности», упорядоченной эволюции (Р. Никсон, Г. Киссинджер, Дж. Картер).

При этом США — лидер, у него есть союзники, ни один из которых не равен им. Это — первый ряд государств. У США есть союзники, которые полностью зависят от них. Это — сателлиты, находящиеся во втором ряду. Есть державы, которые не имеют формальных связей с США, но жаждут американской помощи, займов, инвестиций. Это — третий ряд. Таким образом, налицо — иерархия.

Глобализация влияния

Не повторять ошибки 1919 года, не уходить из внешнего мира, из Восточного полушария, откуда пришли две мировые войны, — этот лозунг имел свои привлекательные для американского капитала черты и пользовался известной популярностью в деловых и политических кругах страны. Но он предполагал не просто присутствие в нескольких критически важных районах, но и контроль над происходящими в них процессами. Взять на себя ответственность за порядок в этих районах означало как минимум следующее: собственные американские

представления о порядке в мире возводились в абсолют; проблемы данных регионов рассматривались с меркой их соответствия американским интересам.

После победы над военными противниками в Европе и Азии следовало обеспечить контроль над территорией поверженных врагов, предвоенных конкурентов, достичь доминирования в лагере «западных демократий», противопоставить друг другу СССР и Китай. Новый президент воспринял эти цели и привнес свои методы в их достижение. Его восприятие мира зиждилось на том, что у всех международных кризисов есть вполне определенный источник — СССР, неуправляемая и непредсказуемая страна. Второй «кит» внешнеполитического кредо Г. Трумэна — абсолютная уверенность в том, что все мировые и региональные процессы имеют прямое отношение к Америке и могут получить из ее рук справедливое решение. Находясь на перекрестке двух дорог — либо продолжение союза пяти стран — главных участников антигитлеровской коалиции, при котором США пришлось бы считаться с мнением и интересами своих партнеров, либо безус-

127

ловное главенство как минимум над тремя из них (Великобританией, Францией, Китаем), Г. Трумэн без долгих колебаний избрал второй путь, обещавший ему эффективное руководство западным миром и дававший надежду на то, что силовое преобладание Запада склонит к подчинению обескровленный войной Восток.

Необходимо отметить, что в это же время на политическую арену выдвигается плеяда профессиональных военных. Никогда — ни до, ни после — в США не было такой тесно сплоченной когорты высших военных и военно-морских чинов, решивших всерьез взять опеку над внешней политикой страны. Это были «пятизвездные» генералы (высшее звание в американских вооруженных силах, введенное во время Второй мировой войны) Дж. Маршалл, Д. Эйзенхауэр, О. Брэдли, Д. Макартур, Г. Арнольд, адмиралы флота У. Леги, Э. Кинг, Ч. Нимиц. Один из них впоследствии стал президентом США, другой — госсекретарем, а Д. Макартур фактически был губернатором Японии. Это были люди с необычайными амбициями, немалыми способностями, с уверенностью в том, что пришел «век Америки». Слава военных героев помогала им.

Колоссальный бросок из Западного полушария в Восточное в результате двух войн потребовал формирования новой плеяды глобально мыслящих проводников новой политики, и они появились в лице трех президентов — Франклина Рузвельта, Гарри Трумэна и Дуайта Эйзенхауэра и их помощников Дж. Маршалла, Д. Ачесона, Дж. Кеннана. Ни в один период американской истории — за исключением времени отцов — основателей республики — американская политическая арена не формировала столь глубоких характеров, такой утонченности, такого знания европейской цивилизации. Опыт этих людей, прошедших две мировые войны, великую депрессию, колоссальные социальные сдвиги первой половины XX века позволили им подняться над обстоятельствами, сформировать характер, способность обобщать разномастные явления, увидеть дальние горизонты.

В 1945 г. идея необходимости для США взять в свои руки управление значительной частью мира охватила государственный аппарат, деловые круги, лоббистов Вашингтона, верхушку реформистских профсоюзов, академическую элиту, прессу. Идея Америки, «вознесшей факел над погруженным во мрак миром», была привлекательна для многих. Президента-демократа поддерживали влиятельные республиканцы, такие, как братья Даллесы и У. Макклой, влиятельный на Капитолийском холме сенатор А. Ванденберг, представлявший элиту северо-восточного истеблишмента Г. Стимсон, лидеры республиканской партии во главе с Т. Дьюи.

Без таланта этой плеяды подъем Соединенных Штатов не
128
был бы таким стремительным и повсеместным. Трудно не согласиться с оценкой Дж. Курта: «В этом первом поколении над центром Американской империи возвышалась группа исключительных по качествам деятелей, которые определили структуру этой империи, направление приложения ее энергии. Одновременно выдающаяся группа талантливых людей выдвинулась в главных регионах этой империи, эта группа адаптировала и прилагала американскую имперскую политику к местным реальностям своих наций». В последнем случае речь идет о Конраде Аденауэре в Германии, Сигеру Йосида в Японии, Альциде де Гаспери в Италии, Уинстоне Черчилле в Британии, Шарле де Голле во Франции.

«С приходом «холодной войны», — пишет американский исследователь Курт в весьма консервативном журнале, — американская мощь и присутствие распространились по всему свободному миру (особенно очевидно в Западной Европе, Северо-Восточной Азии, в Латинской Америке), да и по всему миру. Но еще больше мощь и присутствие Америки распространились после окончания «холодной войны»[1].

Двумя самыми важными странами для Соединенных Штатов в XX веке были Германия и Япония. Именно останавливая их движение к мировому господству, Америка участвовала в двух мировых войнах. Соединенные Штаты использовали твердое основание — массовый страх перед Германией в Европе и перед Японией в Азии. Размышляя в архитектурно вычурном здании американского посольства на Манежной площади, Джордж Кеннан пришел в конце 1945 г. к выводу, что нельзя допустить попадания в руки русских трех регионов Земли: Соединенного Королевства, долины Рейна и Японских островов[2]. Установив контроль над этими зонами, американцы методично довели дело до 1991 г. Главными вехами на этом пути были Бреттон Вудс, «план Маршалла», создание НАТО.

С тех пор американские войска размещены в Германии и на Японских островах. Соединенные Штаты овладели контролем над двумя наиболее мощными и до Второй мировой войны соперничавшими с ними индустриальными зонами — германской и японской, а также получили влияние в пределах прежних западноевропейских колониальных империй. Все это возвело США на вершину капиталистического мира, создало Вашингтону поло-

[1] *Kurth J.* The Adolescent Empire. America and the Imperial Idea («The National Interest», Summer 1997, p. 4).

[2] *Gaddis J.L.* The Evolution of Containment (In: Diebel T. and Gaddis J.,eds. Containing the Soviet Union. Washington, 1987, p. 1).

129
жение имперской столицы, диктующей свои условия практически всем странам за пределами мира социализма.

Созданный в 1944 г. Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР) закрепили уникальное положение доллара в мире, усиливали зависимость ориентирующихся на мировой капиталистический рынок стран от США, превратившихся в гаранта этого рынка. Валюты этих стран теперь непосредственно были связаны с долларом, стабильность их зависела от стабильности американского доллара.

МВФ, МБРР и доллар давали ключи для воздействия на дружественные Соединенным Штатам и подчиненные им страны. Существовали, однако, государства, не затронутые экономическим «притяжением» Вашингтона. Прежде всего, разумеется, это относилось к Советскому Союзу, в значительной мере это также относилось к удаленным от мирового капиталистического рынка странам.

Во второй половине века американский мир строился на двух основаниях — американо-западногерманском военном соглашении, выработанном во время оккупации, и на договоре США с Японией 1951 года. Как признают сейчас

американские стратеги, *«советская мощь была важным, но второстепенным — если сравнивать ее с германской и японской мощью — вызовом для американской стратегии. В условиях, когда вся Япония и большая часть Германии с середины 50-х годов находились в зоне влияния США, баланс сил был настолько против Советского Союза, что Москва имела очень малые шансы выиграть «холодную войну»... Теперь, оглядываясь назад, мы видим, насколько сложным было положение Москвы; Запад должен был действительно играть бездарно, чтобы с такими картами не выиграть»*[1].

Возможно лучший исследователь современной дипломатической истории Дж. Л. Геддис пишет: *«Не многие историки готовы отрицать сегодня, что Соединенные Штаты были намерены доминировать на международной арене после Второй мировой войны задолго до того, как Советский Союз превратился в антагониста»*[2]. Ему вторит консультант исследовательского центра «РЭНД корпорейшн» К. Лейн: *«Советский Союз был значительно меньшим, чем это подавалось ранее, фактором в определении американской политики. На самом же деле после Второй мировой войны творцы американской политики стремились создать ведомый Соединенны-*

[1] *Odom W.* Russia's several seats at the table («International Affairs», N 4, 1998, pp. 809-910).

[2] *Gaddis J.L.* The Tragedy of Cold War History.//«Diplomatic History», Winter 1993, pp. 3-4.

130

ми Штатами мир, основанный на превосходстве американской политической, военной и экономической мощи, а также на американских ценностях»'.

Американская глобальная экспансия середины XX века стала опираться на две существенные, приобретенные в ходе войны основы. Первая, европейская — оккупация значительной части Германии — империалистического соперника, который бросал вызов Америке и в Первую, и во Вторую мировые войны. Вторая основа — азиатская. Это разгром и оккупация территории тихоокеанского противника — Японии. 10 августа 1945 г. государственный секретарь Дж. Бирнс заявил членам кабинета, что в Японии не будут повторены ошибки, допущенные при создании оккупационного режима в Германии. Г. Трумэн писал: «Мы хотели, чтобы Япония контролировалась американским командующим... Я был полон решимости не повторить в случае с оккупацией Японии нашего немецкого опыта. Я не хотел совместного контроля или раздельных зон»[2].

Успешное продвижение Красной армии, освобождавшей Корею от японского ига, вызвало в Вашингтоне почти панику. Координационный комитет госдепартамента, военного, а также военно-морского министерств срочно составил рекомендации государственному секретарю Дж. Бирнсу о необходимости передислокации американских войск в Корее так далеко на север, насколько это было возможно. Это являлось сложной задачей. Из Вашингтона требовали попытаться продвинуться до 38-й параллели, что при имевшихся у США материальных возможностях было практически неосуществимо. У Советского Союза, если бы он захотел вести себя, не учитывая мнения и желаний союзника, была полная возможность продолжать движение на юг. Демонстрируя союзническую солидарность, СССР согласился с американскими пожеланиями[3].

На западе американцы закреплялись на Евразийском континенте, прежде всего в Германии. На востоке плацдармом для американского влияния должны были служить Китай и Южная Корея. На территорию последней прибыла 24-я армия США, и ее командир генерал Дж. Ходж, к разочарованию освобожденных от японского владычества корейцев, объявил в сентябре 1945 г., что японский генерал-губернатор и японские власти на определенное время сохранят свои функции. Созданная из коллаборацио-

[1] *Layne Ch.* Rethinking American Grand Strategy. Hegemony or Balance of Power in the Twenty-First Century?//«World Policy Journal», Summer 1998, p. 9.

[2] *Truman H.* Year of Decisions. Garden City, 1955, pp. 430—432.
[3] FRUS, 1945, vol. 6, p. 1039.

131

нистов совещательная комиссия воспринималась населением Кореи как японский гнет. Такой урок «демократии» отнюдь не вдохновил корейцев, начались волнения, вину за которые американская военная администрация с необычайной легкостью возложила на власти той Кореи, которая создавалась севернее 38-й параллели. На американском самолете из Китая прилетел лидер правых кругов Ли Сын Ман, получивший образование в США. Он был готов выполнить любое желание своих покровителей и создать новый плацдарм для создания американской глобальной зоны влияния.

«Мы должны осознать, — убеждал Г. Трумэн конгресс, — что мир необходимо строить на силе». Выступая на церемонии спуска на воду нового авианосца «Франклин Д. Рузвельт» 27 октября 1945 г., президент заявил, что, несмотря на текущую демобилизацию, США сохранят свою мощь на морях, на земле и в воздухе. Готово было и объяснение политики милитаризации. «Мы получили горький урок того, что слабость республики (США) провоцирует людей злой воли потрясать самые основания цивилизации во всем мире»[1]. Президент имел в виду уроки предвоенного изоляционизма США.

Чтобы централизовать управление всеми вооруженными Силами страны, президент Г. Трумэн в специальном послании конгрессу 19 декабря 1945 г. рекомендовал создать министерство национальной обороны, которое объединило бы под своим командованием наземные, военно-морские и военно-воздушные силы США[2]. К концу 1945 г. новые нужды потребовали реорганизации военных, разведывательных и планирующих органов. Были выдвинуты проекты создания Совета национальной безопасности и разведывательной организации глобального охвата. — Центрального разведывательного управления (ЦРУ.)

Треть земной поверхности была недосягаема для Вашингтона. И уже в 1945 г. государственный департамент потребовал прекратить рассмотрение вопроса о помощи СССР до тех пор, пока советская политика «не будет полностью соответствовать нашей официальной международной экономической политике»[3]. Говоря об экономических средствах воздействия (обещание займа и др.), Г. Трумэн подчеркивал, что «все козыри находятся в наших руках и русские вынуждены будут прийти к нам»[4].

[1] *Donovan R.* Conflict and Crisis. The Presidency of Harry S. Truman, 1945-1948. N.Y., 1977, p. 137.
[2] *Mills R.* (ed.) The Forrestal Diaries. NY., 1951, p. 118.
[3] FRUS, 1946, vol. l,p. 1138.
[4] *Morgenthau Diary.* Washington, 1967, vol. 2, p. 1555.

132

Трумэновскому руководству требовалось более или менее убедительное объяснение своей враждебности к вчерашнему союзнику. Вдохновители американской внешней политики искали необходимое идейное основание для пересмотра всех вырабатывавшихся в ходе военного сотрудничества форм американо-советских отношений. И оно было найдено. Именно в эти дни в Вашингтон начинают поступать получившие широкую известность телеграммы от американского поверенного в Москве Дж. Кеннана. Военный министр Дж. Форрестол, пожалуй, как никто другой, тщательно изучал пространные меморандумы Дж. Кеннана и более всех способствовал их распространению и популяризации, хотя и сделал из них весьма прямолинейные выводы. Нигде в телеграммах автор не говорил об агрессивности СССР, о планах завоевания мирового господства. Он писал о «традиционном и инстинктивном чувстве уязвимости, присущем русским»[1]. Советские военные усилия он оценивал как оборонительные. Но в прогнозировании этих оборонительных усилий Кеннан

проявлял немалые вольности. Он, в частности, допускал возможность таких действий со стороны СССР, как захват ряда пунктов в Иране и Турции, попытки овладеть каким-либо портом в Персидском заливе или даже базой в Гибралтаре (!). Показ СССР в качестве «неумолимой враждебной силы», с которой можно разговаривать лишь языком силы, способствовал выводам Вашингтона. ***Основной смысл телеграмм Дж. Кеннана можно выразить его одной фразой: «Мы имеем дело с политической силой, фанатически приверженной идее, что не может быть найдено постоянного способа сосуществования с Соединенными Штатами»[1]. Это была неверная посылка, и она была положена в основу стратегии колоссальной экспансии США. Для правящего класса США было важно то, что Кеннан дал «рациональное» объяснение поспешному созданию американской зоны влияния. После так называемой длинной телеграммы (февраль 1946 г.) Кеннана проводники экспансионистской политики получили желанное моральное и интеллектуальное оправдание своей деятельности на годы и десятилетия вперед. «Сдерживание», термин из этой телеграммы, надолго стало популярнейшим символом американской внешней политики. Чтобы «сдержать» СССР, Соединенные Штаты окружили советскую территорию базами и военными плацдармами, позади которых оставался зависимый от США мир. В это время американские, а не советские войска находились в Париже, Лондоне, Токио, Вене, Калькутте, Франкфурте-на-Майне, Гавре, Сеуле, Иокогаме и на Гуаме.***

[1] *Kennan G.* Memoirs, 1925-1950. Boston, 1967, pp. 547-550.

[2] FRUS, 1946, vol.6, p. 706.

133

В США возник довольно прочный общественный консенсус; интервенционистски мыслящая элита сумела заручиться общественной поддержкой своих глобальных обязательств. Только после войны в Корее и Вьетнаме у американского народа зародились сомнения в правомерности подобной политики. Американская элита начала строить «мир по-американски», и врагами Америки стала считать всех, кто в этот мир либо не вписывался, либо нарушил порядок вещей, устанавливаемый Соединенными Штатами.

5 марта 1946 г. государственный департамент послал Министерству иностранных дел СССР ноту, предупреждающую, что «Соединенные Штаты не могут оставаться индифферентными» к положению в Иране[1]. США угрожали силой по поводу событий в этом регионе, отстоявшем от США на расстоянии, почти равном половине экватора. Лишь по прошествии трех десятилетий американские историки признали (заседание Американской исторической ассоциации 30 декабря 1974 г. в Чикаго), что решение проблемы стало результатом советско-иранских переговоров и соглашений, а не результатом давления Америки. Теперь достаточно ясно, что Москва определенно не хотела ссориться с Вашингтоном и готова была идти на уступки, подобные уводу советских войск из Ирана.

Под давлением президента и военных конгресс продлил акт о выборочной службе в армии до 31 марта 1947 г. Речь шла о сохранении сухопутных армейских частей. К тому же Соединенные Штаты в тот «роковой» период усилили военно-морской флот (авианосец класса «Мидуэй» был спущен на воду в 1945 г.) и военно-воздушные силы). Надо всей этой пирамидой неслыханной мощи возвышалось ядерное оружие, совершенствование которого продолжалось (испытания на атолле Бикини были назначены на июль 1946 г.).

На президента США большое влияние оказал сверхсекретный доклад «Взаимоотношения США и Советского Союза», в котором целью СССР назывались: установление дружественного Советскому Союзу режима в Греции, предотвращение превращения Турции в американского сателлита, получение

доступа к ближневосточной нефти, овладение контролем над всей Восточной Европой. В докладе утверждалось, что советские вооруженные силы строят аэродромы в Восточной Сибири с целью бомбардировки США, что происходит «разработка атомного оружия, управляемых ракет, средств ведения биологической войны, соз-

[1] *Harriman A.* and *Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941 — 1946. N.Y., 1975, p. 550.

дание военно-воздушных сил стратегического назначения, подводных лодок огромного радиуса действия, морских мин, расширяющих возможность эффективного распространения советской военной мощи на районы, которые Соединенные Штаты рассматривают как жизненно важные для своей безопасности»[1].

Чтобы «защитить США», доклад требовал сконцентрировать американскую мощь в Западной Европе, на Ближнем Востоке, в Китае и Японии. Соединенные Штаты «должны быть готовы вести атомную и биологическую войны». Осенью 1946 г. представители Уолл-стрита, банкиры и адвокаты Форрестол, Патерсон, Ловетт, Макклой разработали новую, более централизованную систему управления вооруженными силами США. Был учрежден пост министра обороны, стоявшего над военным, военно-морским и только что созданным министерством ВВС. Для помощи президенту в осуществлении глобальных имперских функций был создан Совет национальной безопасности.

Идеологическое обоснование американских притязаний на мировой контроль было старо, как мир. Следовало найти антагониста и представить его виновником мировой напряженности, а собственный диктат представить как вынужденный или как благожелательное покровительство. Некий «мистер X» (им был Дж. Кеннан) в статье, помещенной во влиятельном журнале «Форин афферс» (июнь 1947 г.), призвал Соединенные Штаты «вооружиться политикой твердого *сдерживания*, предназначенного противостоять русским несокрушимой контрсилой в каждой точке, где они выразят намерение посягнуть на интересы мирного и стабильного мира». В изображении автора статьи Дж. Кеннана, возглавлявшего в то время отдел планирования госдепартамента, Советский Союз «движется неотвратимо по предначертанному пути, как заведенная игрушка, которая останавливается только тогда, когда встречает непреодолимое препятствие»[2]. Таким препятствием должна быть целенаправленная политика США по «сдерживанию» СССР. Но даже Дж. Кеннан не указывал, что «сдерживание» должно носить военный характер и что его нужно распространить глобально. За него такое домысливание сделали люди типа Дж. Форрестола.

В то же время «Германия и Япония, — писал Дж. Кеннан, — являют собой две главные фигуры на шахматной доске мировой политики»[3]. Активность по этим двум направлениям — европей-

[1] *Donovan R.* Conflict and Crisis. The Presidency of Harry S. Truman, 1945-1948. N.Y., 1977, p. 221.

[2] «Foreign Affairs», July 1947, p. 147.

[3] *Kennan G.* Memoirs, 1925-1950. Boston, 1967, p. 369.

скому и азиатскому — становится характерной чертой американской внешней политики. Осенью 1947 г. государственный секретарь Дж. Маршалл, выступая перед кабинетом, заявил, что «целью нашей политики с нынешнего дня и далее будет восстановление баланса сил и в Европе, и в Азии»[1].

В своих комментариях к идеям, изложенным в статье «мистера X», обозреватель У. Липпман показал, каким путем будет осуществляться подобное «сдерживание»: «Эта политика может быть приведена в действие только рекрутированием, субсидированием и поддержкой однородного ряда сателлитов,

клиентов, зависимых государств и марионеток»[2].

Тогда США находились в зените своего материального превосходства над партнерами в западном мире (те были еще далеки до достижения даже предвоенного уровня и просто «мерзли той зимой от холода»). В Китае Чан Кайши еще удерживал контроль над большей частью страны. Советский Союз был занят восстановлением разрушенной экономики. Еще не все из восточноевропейских стран сделали геополитический выбор. Греция и Турция уже попали в орбиту американского влияния, что в значительной степени относилось и к шахскому Ирану. США владели монополией на ядерное оружие. Они производили половину мировой промышленной продукции, обладали половиной мировых богатств (при 6% мирового населения). Что имел в виду Дж. Маршалл, говоря о необходимости восстановить баланс в Европе и в Азии? Он мог иметь в виду лишь закрепление благоприятного для США положения на максимально долгий период.

Выступая 12 июня 1948 г. перед 55 тыс. слушателей на университетском стадионе в Беркли, Г. Трумэн заявил: «Великие проблемы мира иногда изображают как спор исключительно между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Это не так... Мы не ведем *«холодную войну»*... Противоречия существуют не между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Противоречия существуют между Советским Союзом и остальным миром»[3]. Пока СССР имел относительно незначительные экономические, политические и военные интересы в «остальном мире», в то время как США уже повсюду создавали опорные пункты своего влияния! Летом 1946 г. американская и английская зоны оккупации в Германии были объединены в Бизонию — с едиными экономическими, политическими и административными органами. (Франция пыталась предотвратить или хотя бы замедлить

[1] *Mills R.* (ed.) The Forrestal Diaries. N.Y., 1951, p. 341.

[2] *Lippman W.* The Cold War. N.Y., 1947, pp. 41-51.

[3] Congressional Record. April 22, 1947, pp. 3772—3773.

процесс восстановления германской мощи. Она какое-то время воздерживалась от проведения совместных с американцами мероприятий в зонах оккупации.) 6 сентября 1946 г. госсекретарь Дж. Бирнс, выступая в Штутгарте, осудил советскую и французскую позиции в германском вопросе и предложил создать временное германское правительство. Глава внешнеполитического ведомства США объявил, что американские войска останутся в Германии, не ограничивая себя сроками. Важность этого поворота в американской политике трудно переоценить. США решили расположить свои вооруженные силы в центре «вакуума», созданного мировой войной, в центре индустриальной зоны капиталистического мира, на максимальном приближении к СССР, его западным границам. Этот фактор на многие годы и десятилетия вперед определил американскую политику в Европе, да и в мире в целом.

На Ближнем Востоке американские компании уже к 1944 г. владели 42% разведанных запасов нефти, в 19 раз увеличив свою долю за военные годы[1]. Летом 1946 г. США начали укреплять свои позиции в Корее. Э. Поули, доверенное лицо Г. Трумэна, писал 22 июня президенту: «Хотя Корея и небольшая страна и, учитывая нашу общую военную мощь, наша ответственность здесь невелика, она является полем идеологической битвы, от исхода которой зависит наш общий успех в Азии». Президент заверил, что американцы «останутся в Корее так долго, сколько будет нужно»[2]. Вот выдержка из речи Трумэна 17 июля 1946 г.: «Я думаю, что наше будущее лежит, с торговой точки зрения, в тихоокеанском бассейне — и я думаю, что мы в конечном счете овладеем им»[3]. Главнокомандующий войсками США в этом регионе генерал

Макартур говорил: «Ныне Тихий океан стал англосаксонским озером, и наша линия обороны идет по островам, опоясывающим азиатское побережье»[4].

В августе 1946 г. президент Г. Трумэн послал в Средиземное море военно-морскую эскадру во главе с авианосцем новейшей конструкции «Франклин Д. Рузвельт». Остался лишь формальный шаг до объявления огромной географической зоны, непосредственно соприкасающейся с СССР, сферой жизненных интересов США. По тайным дипломатическим каналам весть о готовности США оказать Греции и Турции свое «покровительство»

[1] *Paterson Th., Clifford J., Hagan K.* American Foreign Policy. A History since 1900. Lexington, 1983, p. 445.

[2] FRUS, 1946, vol. 8, pp. 706-714.

[3] Presidential Papers: President Harry S. Truman, 1946, p. 348.

[4] *Friedman E.* and *Selden M.* (eds) Americs's Asia. N.Y., 1971, p. 146.

137

была доведена до греческого и турецкого правительств уже в сентябре — ноябре 1946 г.[1].

Следует отметить тот факт, что могущество США в послевоенные годы возросло не только благодаря необычайному броску, осуществленному экономикой страны, но и ввиду того, что остальной капиталистический мир переживал тяжелый экономический спад. Наиболее весомый потенциальный конкурент в капиталистическом мире — Великобритания, центр некогда величайшей империи, находилась в состоянии упадка. Из орбиты ее имперских прерогатив выходили Индия, Бирма, Египет, Палестина, из-под политического влияния — Греция и Турция. На форпосты прежнего английского присутствия заступали Соединенные Штаты. Наиболее драматическим образом это проявилось в Восточном Средиземноморье.

21 февраля 1947 г. английский посол в Вашингтоне лорд Инверчепел попросил немедленной аудиенции у государственного секретаря Дж. Маршалла, но безуспешно — Маршалл на уик-энд покинул город. Чувствуя важность английской дипломатической активности, заместитель государственного секретаря Д. Ачесон пренебрег формальностями, взял на себя инициативу и изучил две британские памятные записки. Их смысл сводился к следующему: ресурсы Англии не позволяют ей оказывать помощь Греции и Турции после марта 1947г. Д. Ачесон оповестил Г. Трумэна и Дж. Маршалла о содержании английских посланий. Он оценивал ситуацию следующим образом: «Мы должны принять наиболее важное за период после окончания Второй мировой войны решение»[2]. В течение нескольких дней произошел обмен мнениями между Г. Трумэном, Дж. Маршаллом, Дж. Форрестолом, Патерсоном и Ачесоном, в ходе которого было решено «предпринять незамедлительные шаги по предоставлению всей возможной помощи Греции и, в меньших масштабах, Турции»[3]. Речь по существу шла не о судьбе двух средиземноморских государств, а о важном изменении в американской политике на западноевропейском направлении. К этому времени США уже закрепились в Западной Европе и проникли во многие колониальные владения европейских держав

К 1947—1948 годам западноевропейский регион стал зависимым от США, колониальные империи европейских стран превратились в поле деятельности американских монополий, в ряде из них расширялось американское военное присутствие. Теперь предстояла вторая стадия «операции Европа». Предстояло укре-

[1] FRUS, 1946, vol. 7, pp. 235-237, 916—917.

[2] FRUS, 1947, vol. 5, pp. 44-45.

[3] FRUS, 1947, vol. 5, p. 58.

138

пить экономику западноевропейских стран и при их помощи установить

желаемый порядок в мировых делах. Это помогло бы США контролировать Средиземноморье, Ближний Восток и Африку. Опираясь на оккупированную Японию и Южную Корею, США надеялись контролировать развитие Китая при посредничестве Гоминдана, то есть выступать «арбитром» Азии. «Договор Рио-де-Жанейро» о межамериканской обороне логически продолжал «доктрину Монро», обеспечивая американское доминирование в Латинской Америке. Оставалось лишь изолировать Советский Союз, добиваясь либо его зависимости, либо «ухода во внутренние пространства» — своеобразного оттеснения СССР от главных мировых процессов.

На встрече с ведущими представителями конгресса в Белом доме 27 февраля 1947 г. госсекретарь Маршалл нарисовал устрашающую картину того, как СССР при помощи греческих партизан овладеет средиземноморским форпостом, что сразу поставит Турцию в положение страны, «окруженной со всех сторон». По словам госсекретаря, «доминирование Советского Союза было бы таким образом распространено на весь Ближний Восток до границ Индии. Влияние этого на Венгрию, Австрию, Италию и Францию невозможно преувеличить. Не было бы данью алармизму сказать, что мы стоим перед первым из серии кризисов, которые могут распространить советское доминирование на Европу, Ближний Восток и Азию»[1].

Казалось, что превзойти Маршалла нельзя. Однако Д. Ачесон, взяв слово вслед за Маршаллом, заявил, ни более ни менее, что со времен борьбы Рима и Карфагена мир не знал такой поляризации сил. «Если СССР преуспеет в своих замыслах, то в его руках будут две трети мировой суши и три четверти мирового населения»[2]. Напомним, что речь шла о стране, прилагавшей чрезвычайные усилия, чтобы обеспечить выживание, минимально нормальные жизненные условия своему населению, восстановить пораженное войной народное хозяйство, залечить раны. Говоря от лица сенаторов, находившихся под сильным впечатлением от речей Маршалла и Ачесона, А. Ванденберг обратился к Г. Трумэну: «Мистер президент, если вы скажете это конгрессу и стране, я поддержу вас, и, полагаю, также поступит большинство членов конгресса»[3]. Он посоветовал обратиться к стране и кон-

[1] FRUS, 1947, vol. 5, p. 60.

[2] *Acheson D.* Present at the Creation. My Years in the State Department. N.Y., 1969, p. 219.

[3] *Jones J.* The Fifteen Weeks, Febr, 21 - June 5, 1947, N.Y., 1955, pp. 141-142.

139

грессу с чрезвычайным заявлением, чтобы, по его словам, «вывести прижимистый конгресс из апатии»[1].

Текст речи Трумэна готовился под общим руководством Д. Ачесона. Главная идея речи — показать, что существует задача глобального «сдерживания коммунизма», и США готовы взять на себя соответствующие обязательства. Приготовленный текст был показан Дж. Кеннану: авторы хотели, чтобы речь президента несла тот же пропагандистский заряд, что и знаменитые телеграммы Дж. Кеннана. Любопытно отметить реакцию Дж. Кеннана, ведь ему предстояло санкционировать тот курс, начало которому положил он сам два с лишним года назад. Текст попросту напугал его. В проекте выступления президента шла речь о масштабном обязательстве Соединенных Штатов помогать «всем свободным народам» в противостоянии внешнему давлению. Глобальный интервенционизм США объявлялся официальной американской политикой, при таком подходе любое американское вмешательство где бы то ни было не требовало дополнительного разрешения — индульгенция выдавалась на все случаи и навсегда. Дж. Кеннан, предвидя неисчислимые проблемы в будущем, попытался противиться глобализации греческой и турецкой ситуации. Последний предохранительный клапан попытался открыть Дж. Элси, главный автор

президентских речей. Он увидел политический заряд, которым начинена речь президента. В специальном меморандуме помощнику президента по национальной безопасности К. Клиффорду от 7 марта 1947 г. Элси писал: «За последнее время со стороны СССР не было открытых действий, которые служили бы соответствующим предлогом для речи в стиле «карты на стол»[2].

12 марта 1947 г. президент обратился к объединенной сессии конгресса. Выступление получило название «доктрины Трумэна». Это был своего рода манифест. Глава американского правительства оговаривал перед законодателями право вмешиваться в любые процессы, происходящие в мире, если это вмешательство целесообразно с точки зрения правительства США. Оправдывалась военная помощь тем политическим силам внутри любой страны мира, взгляды и политика которых импонировали Вашингтону. Выступление послужило обоснованием массовой военной помощи проамериканским режимам. Логика Г. Трумэна была относительно проста. В небольшом историческом экскурсе президент отмечал, что Германия и Япония попытались навязать другим странам свой образ жизни и это стало основной причиной того, почему США объявили им войну. Ныне, говорил прези-

[1] *Goldman E.*The Crucial Decade: America, 1945-1955. N.Y., 1956, p. 59.

[2] *Donovan R.* Conflict and Crisis. The Presidency of Harry S. Truman, 1945-1948. N.Y., 1977, p. 282.

дент, появилась новая страна, стремящаяся навязать миру свой образ жизни. Такой ход событий вынуждает США принять в качестве основополагающей цели своей политики создание условий, при которых «мы и другие страны были бы способны обеспечить образ жизни, свободный от принуждения»[1].

«Доктрина Трумэна» провозглашала, что «политикой Соединенных Штатов должна быть поддержка свободных народов, сопротивляющихся попыткам подчинения вооруженным меньшинствам или внешнему давлению»[2]. Этот постулат стал основой американской политики на грядущие десятилетия. Широковещательное провозглашение новых задач нужно было американскому правительству, помимо прочего, для того, чтобы получить поддержку общественного мнения и конгресса: сохранение глобальной зоны влияния, создание новых структур, мобилизация военных сил и резкое увеличение экономической помощи (становившейся в то время важнейшим рычагом внешнеполитического воздействия) требовали новых бюджетных расходов.

К моменту провозглашения «доктрины Трумэна» США были единственной страной в мире, владевшей ядерным оружием, они не имели конкурентов на морях — у США был самый большой военно-морской флот и несомненно наиболее мощные военно-воздушные силы. Флот и ВВС пользовались базами, расположенными во всех районах земного шара. Алармизм, содержащийся в «доктрине Трумэна», был рассчитан на расширение и без того огромного для мирного времени военного строительства. Речь шла о помощи проамериканским режимам в сумме сотен миллионов, чуть позже масштаб был увеличен, потребовались миллиарды долларов. На установление контроля над Грецией и Турцией Г. Трумэн запросил 400 млн. долл. Для Западной Европы конгресс ассигновал по «плану Маршалла» более 17 млрд. долл.

2. КОНТРОЛЬ НАД ЗОНОЙ ВЛИЯНИЯ

> Мы не должны позволять силам дезинтеграции находиться без присмотра.
> *Г. Трумэн, 1947*

В ответе на письмо Элеоноры Рузвельт, вдовы Ф. Д. Рузвельта, Трумэн писал: «Американский образ жизни не сможет выжить, если другие народы, которые

стремятся следовать этому

[1] *Gilbert A.* Executive Agreements and Treaties, 1946—1973. N.Y., 1973, p. 24.
[2] Ibid., p. 25.

141

образу жизни во всем мире, не будут иметь гарантию своего успеха. Чтобы обеспечить подобную гарантию, мы не должны позволять силам дезинтеграции находиться без присмотра»[1]. Речь шла о «присмотре» за приобретенной американцами зоной влияния в мире, а она выходила на новые рубежи в Европе и Азии.

К 21 апреля 1947 г. координационный комитет госдепартамента, военного и военно-морского министерств подготовил закрытый доклад, определявший американские интересы в мире. «Важно, чтобы в дружественных нам руках находились регионы, в которых имеются месторождения металлов, нефти и других ресурсов, регионы, которые представляют собой сами по себе стратегическую ценность, имеют значительный промышленный потенциал, значительные людские ресурсы и организованные вооруженные силы, а также те регионы, которые в силу политических и психологических причин позволили бы США оказывать большее влияние на мировую стабильность и безопасность»[2].

20 августа 1947 г. состоялось совещание высших чинов государственного департамента и военных ведомств США под председательством заместителя госсекретаря Р. Ловетта. Председатель прямо заявил присутствующим о том, что в мире образовались две коалиции. Новый советник госдепартамента Ч. Болен указал на неизбежность столкновения Запада и Востока. Складывалось впечатление, что в условиях ядерной монополии Соединенные Штаты устраивал конфликт скорее на ранней стадии, чем на поздней. И Болен говорил об этом без чувства особого сожаления. Его речь не могла быть воспринята иначе, как признание неизбежности третьей мировой войны: «Не существует практически никаких шансов на то, что какие-либо из проблем в отношениях между двумя мирами могут быть разрешены, до тех пор пока не разразится кризис... Если судить по текущим показателям, этот кризис вызреет значительно раньше, чем это ожидалось... Речь идет не о нескольких годах, более вероятно, что это вопрос месяцев... Кризис несет в себе очень реальную опасность возникновения вооруженного конфликта»[3]. Следовательно, вооруженным силам США в ожидании нового мирового кризиса надлежало повысить боевую готовность.

В этот период США могли широко использовать экономические средства воздействия при решении региональных проблем.

[1] *Donovan R.* Conflict and Crisis. The Presidency of Harry S. Truman, 1945-1948. N.Y., 1977, p. 287.
[2] FRUS, 1947, vol. 3, p. 209.
[3] FRUS. 1947, vol. 1, pp. 762-765.

142

Стратеги глобальной экспансии не без основания полагали, что в опустошенном войной, потерявшем прежние отлаженные экономические связи капиталистическом мире экономическое воздействие США будет особенно эффективным. В докладе координационный комитет госдепартамента и военных служб в качестве рычага расширения влияния США выдвигал следующее: страна должна экспортировать товаров на 7,5 млрд. долл. больше, чем импортировать. Правительству США предлагалось так скоординировать американскую торговлю, чтобы подлинно важные регионы попали под плотную экономическую опеку Соединенных Штатов. В случае, если существенные для «национальных интересов» США страны не смогут покупать американские товары ввиду отсутствия необходимой валюты, американскому правительству рекомендовалось идти на предоставление крупномасштабной экономической помощи.

Материальные потери будут малозначительны по сравнению с приобретаемым влиянием, говорилось в докладе.

Летом 1947 г. было создано Центральное разведывательное управление (ЦРУ), в функции которого входило проведение тайных операций на самом широком уровне, что было нововведением в американской внешнеполитической практике. В годы войны против держав «оси» действовало относительно небольшое Управление стратегических служб (УСС.) В мирное время разведывательные функции традиционно осуществлялись дипломатическими представителями США. Новый этап, этап резкого расширения внешнеполитической деятельности, потребовал поставить разведку на гораздо более масштабную основу. Нельзя сказать, что создание ЦРУ не вызывало дурных предчувствий как в правительстве, так и в стране в целом. Против него выступал поначалу даже государственный секретарь Дж. Маршалл. Отчасти беспокоясь за позиции своего ведомства, отчасти страшась появления на американской политической арене неподконтрольного органа, получавшего необычайную власть в государстве, Дж. Маршалл счел нужным предупредить об этом президента (меморандум от 7 февраля 1947 г.): «Мы должны действовать очень осторожно, поручая сбор и оценку поступающей из-за рубежа информации иным (кроме государственного департамента. — *А. У.)* организациям... Власть проектируемого агентства кажется почти неограниченной»[1]. Во время слушаний в конгрессе США задавались вопросы, не создаст ли администрация «гестапо» для американского народа. Главный сторонник мощной разведслужбы —

[1] *Donovan R.* Conflict and Crisis. The Presidency of Harry S. Truman, 1945-1948. N.Y., 1977, p. 307.

143

Дж. Форрестол успокаивал законодателей: «Задачи Центрального разведывательного управления определенно ограничены целями за пределами этой страны, исключение составляет лишь координирование информации, полученной другими правительственными ведомствами»[1].

Преобладающее большинство вашингтонских политиков было уже во власти миражей мирового влияния, и трезвые голоса их не останавливали. Согласно внесенному на рассмотрение конгресса 26 февраля 1947 г. Акту о национальной безопасности, объединявшему деятельность военного и военно-морского министерств под единым командованием, предлагалось и создание Центрального разведывательного управления. Пройдет четверть века, и люди из ЦРУ будут, в частности, прикрывать действия никсоновской администрации против штаб-квартиры демократической партии в Уотергейте. В 1947 г. проблемы закрепления американского империализма на мировых позициях поглотили внимание тех, кто голосовал за тайные службы, способные обернуться против них самих. Задачу ЦРУ американские законодатели определили как помощь Совету национальной безопасности в деле сбора зарубежной информации и ее оценки. Но уже в этом первоначальном определении функций ЦРУ были весьма многозначительные оговорки: «Осуществлять функции и обязанности, связанные с разведывательными данными, затрагивающими национальную безопасность, защищать источники получения разведывательных данных и методы их получения»[2].

Выход ЦРУ на международную арену начался в декабре 1947 г. На заседании Совета национальной безопасности 17 декабря 1947 г. был принят документ под кодовым обозначением СНБ-4-А («Совет национальной безопасности-4-А»), назначивший директором ЦРУ контр-адмирала Хилленкоттера и давший ЦРУ инструкцию начать секретные операции против СССР. Первые действия ЦРУ были поистине «невинны» — приобретение радиостанции, печатных прессов, создание базы в Западной Германии. Между декабрем 1947-го и июнем 1948 г.

определяется роль управления как орудия внешней политики. В меморандуме Совета национальной безопасности от 18 июня 1948 г. СНБ-10/2 обозначалась задача создания в рамках ЦРУ так называемого отдела социальных проектов, целью которого было ведение таких тайных операций, как политические подрывные действия и экономическая война. Период развертывания тайной заграничной

[1] Presidential Commission on CIA Activities within the United States. Report to the President. Washington, June 1975, p. 52

2 Ibid., p. 74.

деятельности ЦРУ пришелся на 1949—1952 годы. Расходы на тайные операции возросли с 4,7 до 82 млн. долл. в год. За это время численность служащих увеличилась с 302 до 2812 человек в Соединенных Штатах и до 3142 агентов за пределами страны[1].

Список лишь тех из закулисных действий ЦРУ, которые были названы в 1976 г. официальной комиссией сената США по расследованию его деятельности, свидетельствует о глобальном характере активности главной американской тайной службы уже в начальный период своего существования. В первое послевоенное десятилетие это была борьба с повстанцами Хукбалахап на Филиппинах; поддержка чанкайшистских войск, нашедших убежище в Бирме; свержение премьер-министра Ирана Мосаддыка; свержение президента Гватемалы Арбенса. А впереди были гораздо более громкие дела, о которых рядовой американец узнал лишь в 1976—1977 годах, после расследований специальной сенатской комиссии: участие в покушениях на жизнь Лумумбы и Ф. Кастро, содержание 30-тысячной армии в Лаосе, свержение правительства Альенде в Чили и многое другое.

Что же касается обещания ограничить свою деятельность заграничными территориями, то и здесь цена, которую заплатил американский народ за контроль над огромной зоной влияния, оказалась немалой. Была учреждена цензура над средствами коммуникации, используемыми американскими гражданами. Трем крупнейшим американским телефонным компаниям — «Радио корпорейшн оф Америка глобал», «ИТТ Уорлд комьюникейшнз» и «Вестерн юнион интернэшнл» в 1947 г. была поручена «инспекция» переговоров и почтовых отправлений американских граждан. Эта практика была прекращена в результате общественного возмущения после уотергейтского скандала 15 мая 1975 г. как нарушавшая четвертую поправку к конституции. ЦРУ проникло во многие массовые американские организации, в том числе в профсоюзы, церкви, университеты, объединения промышленников. В условиях бесконтрольности и безнаказанности управление официально организовало отдел внутренних операций, ареной деятельности которого были собственно Соединенные Штаты. Внешняя экспансия обернулась созданием в стране климата политического экстремизма, организацией политических преследований внутри страны. В 1976 г., разбирая злоупотребления ЦРУ, сенатская комиссия пришла к выводу, что сознательная расплывчатость формулировок, отсутствие строгих правил и рамок в при-

[1] *Gaddis J.L.* Strategies of Containment. A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. N.Y., 1982, p. 158.

нятом конгрессом в 1947 г. законе позволили ЦРУ проникнуть в сферу, которую многие американские политики не хотели бы отдавать под контроль тайных служб[1].

Судьба Европы

Воссоединение Германии, ее демилитаризация и нейтральный статус не

вписывались в стратегическую концепцию Г. Трумэна, добивавшегося зависимости от США ключевых мировых регионов, а не их нейтрализации. Поэтому уже в самом начале дискуссий, 15 апреля 1947 г., Дж. Маршалл заявил И. В. Сталину, что различия в подходе двух стран к решению германской проблемы непреодолимы[2].

Давление, оказанное американцами на английскую делегацию в Москве, обеспечило достижение совместной американо-английской договоренности об объединении подконтрольных им ресурсов в Германии и укреплении экономического потенциала их зон оккупации. Верховному комиссару США в Германии генералу Л. Клею был отдан приказ приступить к экономическому укреплению объединенной американо-английской зоны — Бизоний[3]. Главной заботой дипломатии Трумэна — Маршалла становится обеспечение долговременной зависимости от США «жизненно важного» центра Европы — Германии и Австрии, «средоточия большого количества профессионально подготовленного населения, резервуара громадных человеческих и промышленных ресурсов»[4]. Была создана специальная группа планирования политики во главе с Дж. Кеннаном, которой давалось распоряжение найти путь укрепления американского влияния в западноевропейских странах. Главный рычаг воздействия — экономический, помощь предоставлялась безвозмездно и в большом объеме. Группа подготовила соответствующий поставленным задачам документ довольно быстро — к 23 мая 1947 г. Это и явилось основой «плана Маршалла».

Доклад группы планирования политики предусматривал экономическое восстановление Западной Германии. Чтобы помощь вчерашнему врагу не вызвала сопротивления со стороны общественности Соединенных Штатов, требовалось оказать содействие и другим западноевропейским странам, которые должны были

[1] U.S. Senate. Church Committee Final Report. Book I, p. 132.

[2] *Bohlen Ch.* (with Phelps R.) Witness to History. N.Y., 1973, p. 263.

[3] *Clay L.* Decision in Germany. Garden City, 1950, p. 174.

[4] *Donovan R.* Conflict and Crisis. The Presidency of Harry S. Truman, 1945-1948. N.Y., 1977, p. 288.

выдвинуть программу собственного экономического восстановления и развития (предоставив США полный отчет о текущем состоянии своей экономики). Америка бралась финансировать все «предприятие». 5 мая 1947 г., выступая в Гарвардском университете, госсекретарь Дж. Маршалл широковещательно огласил «план спасения Европы». Оставался вопрос, который нужно было решить с минимумом потерь. Объявить, что помощь предназначается лишь западноевропейским странам, значило бы слишком очевидно разделить Европу таким образом, что ни у кого не оставалось бы сомнений относительно инициатора этого раскола. Поэтому госсекретарь не очертил круг стран, которым США собирались оказать экономическую помощь. Он указал, что помощь предназначается «некоторому числу, если не всем европейским нациям». Документы того времени проясняют картину. Они не оставляют сомнения в том, что включение СССР и стран Восточной Европы в программу помощи было немыслимо для США. Ведущими деятелями администрации это исключалось абсолютно[1]. Американским донорам нужно было предоставить сведения о структуре советской экономики, открыть двери для американских компаний, передать американцам значительную степень контроля над внутренними экономическими процессами в Советском Союзе. Было ясно, что СССР не согласится с подобными условиями. Ясно было и то, что правительство Трумэна заведомо шло (и особенно этого не скрывало) на «отсечение» Западной Европы от Восточной, на противопоставление этих регионов друг другу.

Советский Союз отправил делегацию высокого ранга в Париж в июне 1947 г. на трехстороннюю — совместно с англичанами и французами — конференцию по обсуждению «плана Маршалла». Советская сторона предложила изменить процедуру оказания помощи: каждая страна представила бы списки необходимых ей товаров, и США действовали бы на основе двусторонних соглашений со странами-получателями. Это предложение было отвергнуто, и советская делегация покинула совещание. Такие же причины отказа от помощи по «плану Маршалла» были и у стран Восточной Европы. Соединенные Штаты могли теперь консолидировать тех, чьи экономические системы были открыты для их влияния.

Шестнадцать стран Европы приняли американскую помощь. Первым пожеланием правительства Трумэна было видеть их более тесно сплоченными между собой. Страны западноевропейского региона образовали Комитет европейского экономического сотрудничества. В него вошли Англия, Франция, Италия, Гол-

[1] *Jones J.* The Fifteen Weeks, Febr. 21—June 5, 1947, N.Y., 1955, p. 253.

ландия, Бельгия, Люксембург, Дания, Греция, Португалия, Норвегия, Австрия, Ирландия, Исландия, Турция, Швеция и Швейцария. В конце 1947 г., выступая по радио (трансляция шла на всю страну), Дж. Маршалл заявил, что «политический вакуум» в Европе — результат закончившейся войны — должен быть заполнен посредством объединения сил западноевропейских стран, создания западноевропейского сообщества[1]. США делали первый шаг в направлении поддержки западноевропейской интеграции, делали его с легким сердцем, рассчитывая на свои мощные позиции в Западной Европе. Американское руководство выступило в поддержку процесса, который не имел гарантированных для США перспектив. Восстановление западноевропейского центра силы было выгодно США в краткосрочной перспективе, чего нельзя было с полной определенностью сказать о долгосрочной.

19 декабря 1947 г. Трумэн направил конгрессу специальное послание о «плане Маршалла», предлагая предоставить западноевропейским странам между апрелем 1948-го и июнем 1952 г. 17 млрд. долл. безвозмездной помощи. Г. Уоллес назвал этот план «глобализацией доктрины Монро»[2]. Акт об экономическом сотрудничестве с другими странами, включавший в себя «план Маршалла», был представлен конгрессу в марте 1948 г. Обоснование необходимости принятия этого закона было найдено с завидной легкостью: Советский Союз, говорилось в этом акте, «разрушил независимость и демократический характер целого ряда наций Восточной и Центральной Европы. Именно этот жесткий курс действий и ясно выраженное намерение распространить его на оставшиеся свободными нации Европы создали нынешнюю критическую ситуацию в Европе»[3]. Изображать СССР эпицентром мирового экспансионизма стало обычным приемом американской дипломатии. В программном документе Совета национальной безопасности — СНБ-7 от 30 марта 1948 г. о внешней политике СССР говорилось в апокалипсических тонах: «Советский мир расположен от реки Эльбы и Адриатики на западе до Маньчжурии на востоке и охватывает одну пятую поверхности земной суши»[4]. Под предлогом мнимого «советского экспансионизма» США активизировали свой подлинный экспансионизм.

Как оценивают «план Маршалла» современные американ-

[1] *Donovan R.* Conflict and Crisis. The Presidency of Harry S. Truman, 1945-1948. N.Y., 1977, p. 289.

[2] *Blum J.* (ed.) The Price of Vision: The Diary of Henry Wallace, 1942— 1946. Boston, 1973, p. 47—49.

[3] Presidential Papers: President Harry S. Truman, 1948, p. 182.

[4] FRUS, 1948, vol. 1, part 2, pp. 547-548.

148
ские историки? По их мнению, он «служил национальным интересам Соединенных Штатов... Европа (Западная. — *А.У.)* стала зависимой от американской помощи, менее способной сделать свой собственный выбор. Часть американских фондов была использована для продления западноевропейского доминирования над колониальными владениями. Программа была осуществлена, минуя механизм ООН и созданную в рамках ООН Экономическую комиссию для Европы, где ее осуществление дало бы менее антагонизирующий эффект. «План Маршалла» образовал глубокую пропасть между соперниками. Он породил ограничения на торговлю между Востоком и Западом»[1]. В конечном итоге экономическая помощь уступала место военной, и уже к 1952 г. на 80% помощь США Западной Европе носила военный характер.

Вторая фаза расширения влияния

В процессах 1945—1948 годов США как бы осваиваются в послевоенном мире. Они спокойны за будущее своей глобальной зоны влияния: их безусловная ядерная монополия и производственные мощности являлись залогом успеха. В эти годы не было заметно стремления к блокостроительству, США надеялись осуществить необходимые военно-политические планы собственными силами. *В 1948—1952 годах наступает вторая фаза.* Во-первых, одних экономических рычагов для поддержания имперского статуса оказалось недостаточно; во-вторых, собственных военных сил для «наведения порядка» в мире не хватало. В поисках выхода из создавшегося положения США приступают к созданию Североатлантического блока и заключению союза с Японией.

Создание Североатлантического союза, крупнейшего и наиболее важного для США, происходило в два этапа. На первом этапе США поддержали формирование западноевропейской военной группировки — подписание в 1948 г. Брюссельского пакта Англией, Францией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом. На втором этапе администрация Г. Трумэна начала интенсивные консультации с послами стран, подписавших Брюссельский договор, о расширении западноевропейского пакта и включении в него таких далеких стран, как США и Канада. Заметим, что создание военного блока крупных европейских держав ранее всегда вызывало в Вашингтоне озабоченность. На этот раз, напротив, подписание Брюссельского договора пятью странами Западной

[1] *Paterson Th., Clifford /., Hagan K.* American Foreign Policy. A History since 1900. Lexington, 1983, p. 445.

149
Европы было встречено в американских верхах в высшей мере сочувственно[1]. Почему? Да потому, что при мощи США, их ядерной монополии, их военных и экономических позициях в Западной Европе им уже не приходилось опасаться западноевропейской военной группировки. Соединенные Штаты интересовали возможные масштабы помощи со стороны этой группировки в их антисоветской политике. Объединенный комитет начальников штабов весной 1948 г. предложил заключить военный союз со странами Брюссельского договора и создать единое центральное командование во главе с американским военачальником. Комитет заявил, что «граница между Западной и Восточной Германиями на Эльбе является американской границей»[2]. Так, все пространство западнее Эльбы автоматически объявлялось подконтрольным США. Экономическому освоению этого фактического протектората должен был содействовать «план Маршалла», а военному — создание единой с Брюссельским пактом военной системы. Эта двойная цель требовала беспрецедентного изменения политического курса, невиданного в американской истории размаха военного строительства за пределами США. (Объединенный комитет начальников штабов предлагал

увеличение американского военного контингента в Западной Европе с 12 до 80 дивизий[3]. Такой рост весьма показателен — ведь армию подобного масштаба США имели лишь к концу Второй мировой войны.)

Перед подписанием договора о создании НАТО администрации Трумэна предстояло преодолеть значительную оппозицию и внутри страны. Во-первых, на протяжении 150 лет правительство США придерживалось традиции не заключать военных союзов со странами других континентов в мирное время. Во-вторых, курс на модернизацию и милитаризацию Западной Европы вел в конечном своем развитии к возрождению могущества Германии, той страны, которая развязала в XX веке две мировые войны. В-третьих, создание военного блока означало для американского общества, американских налогоплательщиков новое бремя, которое несла с собой гонка вооружений.

Столкнулись старые страхи и новые опасения. «Традиционалисты» указывали на мудрость прощального послания Дж. Вашингтона, предостерегавшего против «союзов». Некоторых пугала та цена, в которую обходилось содержание НАТО, стоимость военных расходов, а также политическая плата за это полномас-

[1] Documents on American Foreign Relations, 1948, p. 8.

[2] North Atlantic Treaty. Hearings before the Committee on Foreign Relations. U.S. Senate. 81st Congress, 1st Session, W., 1949, pp. 146—167.

[3] *Ambrose S.* Rise to Globalism. American Foreign Policy, 1938—1966. N.Y., 1976, p. 170.

штабное вовлечение Америки в европейские дела. А что потом, где пределы? Если США признали состояние дел в Европе «жизненно важным» для национальных интересов США, то где та граница, за которой кончаются эти «жизненно важные» интересы? Распространяются ли полицейские функции США на весь мир? Если нет, то на какие его регионы? До каких пределов готова Америка рисковать, угрожая военным вмешательством? Картина была неясна для всех, включая сторонников политики блоков и самых влиятельных ее критиков. Некоторые полагали, что «излишние» обязательства при вступлении в блок скуют мощь США, лишат их мобильности. Одновременно сильны были опасения, что имеющие огромный дипломатический опыт европейцы постараются извлечь максимум полезного для себя из союза с США, не компенсируя их ничем. Высказывали, недовольство в связи с тем, что Соединенные Штаты «завязнут» в европейских делах, ослабляя свои позиции в других регионах мира.

У противников тесного военного союза с Западной Европой было немало вопросов к сторонникам курса на такой союз. Нельзя ли ограничиться «планом Маршалла»? Зачем закреплять раскол западной и восточной частей Европы? Нельзя ли яснее определить смысл военных гарантий, военной вовлеченности США в сугубо европейские цели? Ведь есть же единственная в мире атомная мощь США — нужны ли дополнительные, размещенные в Западной Европе дивизии? Наиболее откровенным выразителем этих опасений стал сенат США. Ряд сенаторов из оппозиционной республиканской партии, наиболее видными из которых были Тафт и Лодж, возглавили лагерь критиков официального курса. Сенатор Тафт публично усомнился в целесообразности противостоять Советскому Союзу в регионах, отдаленных на десятки тысяч километров от США и в то же время непосредственно соприкасающихся с советскими границами. Сенатор Лодж желал знать, последует ли за НАТО создание новых проамериканских блоков, окружающих СССР. Ряд сенаторов открыто задавались вопросом, зачем нужно создавать региональные блоки, если существует ООН и США почти доминируют в этой международной организации, имея поддержку большинства в Генеральной Ассамблее.

В поисках путей преодоления оппозиции министр обороны Дж. Форрестол высказал соображение, что наилучшей для демократов тактикой в преодолении

внутренней оппозиции было бы «предоставить инициативу республиканцам, с тем чтобы президент немедленно ее подхватил»[1]. Правые республиканцы отклик-

[1] *Donovan R.* Conflict and Crisis. The Presidency of Harry S. Truman, 1945-1948. N.Y., 1977, p. 190.

151

нулись на этот призыв. В июне 1948 г. ведущий оратор по внешнеполитическим вопросам сенатор А. Ванденберг внес в конгрессе США резолюцию, поощряющую «прогрессирующее развитие региональных и других коллективных соглашений», рассчитанных на укрепление военной мощи США. Эта резолюция была принята сенатом 11 июня 1948 г. 64 голосами против 4 [1]. В конечном счете большинство в правящем классе Америки пришло к той точке зрения, что военный союз с Западной Европой необходим, что западноевропейская «помощь» понадобится США в проведении антисоветского курса и для осуществления контроля над обширными просторами колониальных стран.

Создание блока НАТО было поддержано в США тремя политическими силами — военными, госдепартаментом, лидерами республиканской партии. Первых и вторых олицетворял генерал армии Дж. Маршалл, перешедший с поста председателя объединенного комитета начальников штабов на пост главы госдепартамента. Профессиональных дипломатов представлял Р. Ловетт, бывший юрист с Уолл-стрита (возглавлявший госдепартамент в качестве первого заместителя госсекретаря в периоды отсутствия Дж. Маршалла). А. Ванденберг, председатель комиссии по иностранным делам сената, обеспечил поддержку политике блоков со стороны законодателей. На решающей стадии строительства НАТО, в начале 1949 г., обсуждались в основном три вопроса: 1) должен ли будущий договор касаться лишь военных проблем, если он будет иметь политическое значение, то какова будет его степень; 2) какие страны должны войти в проектируемый военный союз; 3) каковы должны быть обязательства стран-участниц[2].

Сторонники создания НАТО пытались убедить народ США, что Западная Европа должна стать для США новым полем приложения американских капиталов, форпостом американских вооруженных сил. Сенатор Коннэли прямо заявил: «Атлантический пакт является логическим продолжением принципов «доктрины Монро»[3]. Другие апологеты трансатлантического союза вели свои рассуждения от противного: что будет, если Америка «покинет» Западную Европу? А. Гарриман утверждал, что произойдет ее переориентация на Советский Союз, что в Западной Европе победят идеи нейтрализма[4]. Сторонники Североатланти-

[1] The Private Papers of Senator A. Vandenberg. Boston, 1952, pp. 407—408.

[2] *Acheson D.* Present at the Creation. My Years in the State Department. N.Y., 1969, p. 276.

[3] Congressional Record. May 22, 1949, p. 1342.

[4] *Ambrose S.* Rise to Globalism. American Foreign Policy, 1938—1966. N.Y., 1976. p. 176.

152

ческого договора утверждали, что создание НАТО не приведет к гонке вооружений, что не возникнет вопроса о предоставлении американской военной помощи западноевропейцам». Приверженцы идеи создания атлантического блока давали обещание ограничить действие договора двадцатью годами, не пренебрегали дезинформацией, шли на различные уловки и победили. Сенат проголосовал за ратификацию Североатлантического договора 84 голосами против 13. Америка порвала с полуторавековой традицией, заключила военный союз в мирное время, устремила свои военные ресурсы в регион, расположенный по другую сторону Атлантики. День подписания президентом Г. Трумэном Североатлантического договора, 4 апреля 1949 г., — веха в истории американского подъема к вершинам мирового могущества.

С подписанием Североатлантического договора США — самая сильная

страна Запада — легально, юридически взяли на себя функции охранителей существующего порядка в Западной Европе и во всех зависящих от нее частях света. Западноевропейские метрополии еще владели в 1949 г. административным контролем над Африкой и половиной Азии, над третью земной суши. Их подчиненная роль в НАТО давала Соединенным Штатам ключи к доминированию не только в Западной Европе, но и на обширных пространствах бывших колоний западноевропейских союзников. От Бельгийского Конго до Французского Индокитая появилась новая сила, охраняющая тот порядок вещей, который устраивал США. Членство Италии, затем Греции и Турции выводило НАТО за пределы Северной Атлантики. Участие в блоке фашистского режима Салазара никак не соответствовало официальной цели союза — «защите демократии». «Союз равных» — было бессмысленным определением, поскольку США ни в какой форме не намеревались уступать свои позиции главенствующей державы. Обещание не вооружать Западную Германию оказалось грубым обманом: прошло всего лишь несколько лет, и началось деятельное создание бундесвера.

Однако окончательное и быстрое решение задачи военной консолидации Западной Европы оказалось не столь простым. Лишенные прежнего влияния, но намеревающиеся сохранить свои колониальные империи, Англия и Франция все же не желали создания в Европе такой ситуации, когда перевооруженная Западная Германия устремится снова к гегемонии. Впервые в послевоенный период Англия и особенно Франция выступают против американского варианта решения германского вопроса как части глобальной схемы американского господства. С 1949 по 1955 г. продолжалось упорное сопротивление различных слоев французского общества политике перевооружения Западной Германии. Однако эта борьба была обречена. Перевооружение
153
ФРГ в конечном счете зависело от США, а не от Франции, но сопротивление французской стороны замедлило этот процесс.

Чтобы ни у кого не оставалось сомнений в решимости США обеспечить свое господство в Европе, администрация Г. Трумэна стала размахивать (впервые с такой откровенностью) «атомным мечом» перед своим союзником военных лет. 15 июля 1948 г. Совет национальной безопасности принял решение о посылке двух групп бомбардировщиков Б-29 (самолеты этого класса бомбили Хиросиму и Нагасаки) для размещения в Англии. Размещение носителей атомного оружия в Европе могло расцениваться — и расценивалось — однозначно: атомный рычаг применялся против страны, «не вписавшейся» в американскую зону влияния. Министр обороны США Дж. Форрестол в своих дневниках пишет о трех целях, которые преследовала отправка американских самолетов Б-29 в Англию. Во-первых, американской общественности хотели показать, «насколько серьезно правительство оценивает текущий ход событий». Во-вторых, эта операция должна была «приучить англичан» к присутствию на их земле американских военно-воздушных сил. Третья цель — приучить и всю Западную Европу к американскому военно-воздушному присутствию[1]..

Итак, первым из непосредственных последствий создания НАТО было размещение в Европе американских бомбардировщиков — носителей атомных бомб. Вторым — перевооружение Западной Германии. В кратчайший срок, за шесть недель сентября — октября 1949 г., отдел операций и планирования американской армии разработал программу перевооружения Западной Германии, а объединенный комитет начальников штабов одобрил ее. Закрепление США в Западной Европе с 1947 (провозглашение «доктрины Трумэна») до 1952 г. (завершение «плана Маршалла» и создание интегрированной военной системы НАТО) — первостепенное по значимости мероприятие в глобальном

распространении влияния США. Действовали американцы быстро. Быстрота несла с собой и известную поверхностность. Военная зависимость от США навязывалась Западной Европе как гарантия от несуществующей «угрозы с Востока». Американские военные базы еще не означали прямого доступа США к западноевропейским политическим каналам. Стратеги американской внешней политики просмотрели возможности создания более прочной взаимосвязи североамериканского и западноевропейского регионов, им не удалось затронуть корни западноевропейского сепаратизма, который в будущем выступил против тоталитарного американского руководства на Западе.

[1] *Millis R.* (ed.) The Forrestal Diaries. N.Y., 1951, p. 512.

154

СНБ-68

Чтобы в условиях усложнившейся международной обстановки скорректировать внешнеполитическую стратегию, президент Г. Трумэн 30 января 1950 г. потребовал от государственного департамента и министерства обороны «сделать общий обзор, осуществить общую оценку внешней и военной политики США в свете потери Китая, овладения Советами атомной энергией и перспектив создания водородной бомбы»[1]. После более чем трехмесячной аналитической работы доклад лег на стол президента. В совете национальной безопасности он получил наименование СНБ-68. Этот важный документ американской внешнеполитической стратегии требует внимательного рассмотрения.

В нем перечислены четыре возможных варианта курса внешней политики США в будущем[2]. Первый — продолжение в общих чертах политики 1945—1950 годов. Второй — агрессивный курс, предполагавший превентивную войну против СССР. Третий рекомендовал свертывание заокеанских баз и обязательств, возвращение в Западное полушарие, проведение политики укрепления Северной и Южной Америки, некий вариант создания обособленной «крепости Америка». Четвертый предлагал развитие военного потенциала США и союзных капиталистических стран, подключение возможностей союзников к наращиваемому американскому арсеналу.

Авторы доклада скептически относились к действиям по прежнему образу и подобию (первый вариант.) С их точки зрения, он не смог препятствовать созданию атомного оружия в СССР и победе китайской революции; продолжение прежней политики низвело бы США с доминирующих позиций на второстепенные. Второй вариант — наиболее непредсказуемый по последствиям — был трудноосуществимым. Превентивная война против СССР таила большие неожиданности, особенно в условиях наличия у СССР собственного ядерного оружия. Третий вариант был неприемлем для сторонников активной внешней экспансии. Сдача всех заокеанских позиций не казалась привлекательной для тех, кто всерьез рассматривал вариант ведения превентивной войны против Советского Союза, для тех, кто желал воспользоваться ослаблением западноевропейских метрополий и стремился к закреплению США в Азии и Африке. Вся логика рассуждений авторов СНБ-68 вела к выводу о приемлемости лишь *четвертого* варианта.

[1] Presidential Papers: Harry S. Truman, 1950, p. 51.

[2] FRUS, 1950, vol. 234-250.

155

Это — курс на быстрое увеличение стратегической мощи США параллельно с укреплением военного потенциала главных союзников. В конечном счете он стал генеральным направлением американской внешней политики с 1950 г. и до конца 60-х годов. Творцы СНБ-68 выступили за долгосрочную программу американского вооружения (в ходе которой США должны были оставить СССР далеко позади), за помощь союзным державам повсюду в мире, за усилия по

более жесткому контролю над мировым развитием, дабы избежать провалов, подобных китайскому. По существу этот документ впервые в практике американской внешней политики без обиняков и оговорок обосновывал полицейские функции США повсюду в мире. Именно СНБ-68 нес в себе зародыш будущих войн в Корее и Вьетнаме, двух крупнейших войн второй половины XX века.

Как один из основополагающих документов послевоенной внешней политики США СНБ-68 был значительным «шагом вперед» по сравнению с «доктриной Трумэна». В нем не признавалось иных географических границ, кроме границы Восток — Запад. Самое главное в этом документе — нарочитое изображение мира в черно-белых тонах. Колоссальные ресурсы Америки ставились на защиту существующего порядка; любая перемена регионального масштаба — будь то изменение ориентации одной из «периферийных» стран, отказ от предоставления американцам баз или просто политические колебания в правительстве какой-либо далекой страны — воспринималась сугубо в контексте американо-советского противоборства, как победа или поражение той или иной стороны. При такой постановке вопроса любое изменение в мире могло привести в действие силы, способные стать носителями общего ядерного конфликта. Возникал соблазн все мировые перемены объяснить подрывной деятельностью врагов Америки, посягающих на ее мировое влияние. Задачей США стало не более и не менее, как предотвращение перемен в мире. Такой курс неизбежно влек за собой приведение в действие вооруженных сил США в ситуациях, не только крайне далеких от защиты национальных американских интересов, но и вовсе не имеющих к этим интересам отношения.

В документе указывалось, что Соединенные Штаты при их богатстве могут позволить себе расходы на военные нужды в размере 20% валового национального продукта страны, то есть 50 млрд. долл. в год. Нелегко было заставить американского налогоплательщика заплатить такую немыслимую для мирного времени сумму. Документ СНБ-68 предрекал, что к 1954 г. Советский Союз создаст ядерные силы, достаточные для уничтожения США. Указывалось, что впереди Америку ждет «неограниченный период напряженности и опасности», предотвращение которых по-

156

требует от американцев осуществления «смелой и массированной программы». Лишь такое напряжение усилий могло поставить США в «политический и материальный центр, в то время как другие свободные нации будут вращаться на разных орбитах вокруг них»[1]. Такая откровенная постановка вопроса ликвидировала все идеалистические мотивы, всю риторику американской пропаганды, и поэтому президент Г. Трумэн определил документ как сугубо секретный. Позже в мемуарах он писал, что СНБ-68 «означал огромные военные усилия в мирное время. Он предусматривал удвоение или утроение бюджета, значительное увеличение налогов, введение различного рода контрольных мер. Он означал огромную перемену в нашем обычном образе действий в мирное время»[2].

Чтобы привести в действие программы глобальной активизации и мирового контроля, зафиксированные в меморандуме СНБ-68, американской администрации объективно необходимо было обострение международной обстановки — только в условиях кризиса можно было преодолеть оппозицию внутри страны, заставить конгресс раскошелиться, свести на нет силу пацифистских элементов американского общества. Как писал американский исследователь С. Амброуз, «в июне 1950 г. президент Трумэн отчаянно нуждался в кризисе, который позволил бы доказать американскому народу, что он (президент. — *А. У.)* и демократическая партия вовсе не «мягки» по отношению к

коммунизму, что они готовы к распространению сдерживания на Азию, к укреплению позиции Чан Кайши на Тайване, сохранению американских баз в Японии и, главное, готовы перевооружить Америку и НАТО»[3]. Идея глобальной вовлеченности лучше всего выражена в следующей фразе СНБ-68: США должны быть готовы «встретить любой новый вызов быстро и без колебаний». При этом географические рамки этого вызова не оговаривались, что и подразумевало его глобальность.

В июне 1950 г. Г. Трумэн, реализуя фактически идеи меморандума СНБ-68, принял решение большой важности. 7-му флоту США был отдан приказ занять позиции в проливе, отделяющем Тайвань от материка. Это означало, что Соединенные Штаты при определенном повороте событий готовы принять вооруженное участие в Китае на стороне чанкайшистов. Одновременно

[1] FRUS, 1950, vol. I, p. 261.

[2] *Truman H.* Memoirs, vol. 2, Garden City, 1956, vol. 2, p. 279.

[3] *Ambrose S,* Rise to Globalism. American Foreign Policy, 1938—1966. N.Y., 1976, p. 192.

157

президент США официально дал обещание предоставить помощь контрреволюционным силам на Филиппинах и в Индокитае.

Оплотом американского влияния на азиатском континенте была Южная Корея, целиком зависимая от Соединенных Штатов. Объединение Кореи было приемлемо для США только в виде перехода Северной Кореи под юрисдикцию южнокорейского режима. На выборах весной 1950 г. сторонники Ли Сын Мана получили 48 из 120 мест в южнокорейском парламенте. Тем не менее США, вопреки воле южнокорейцев, полностью поддержали Ли Сын Мана — им нужен был покорный режим. Будь администрация Г. Трумэна последовательной в соблюдении буржуазно-демократических принципов, она должна была бы неизбежно прийти к выводу, что в Китае и в Корее она оказалась связанной с политически обреченными фигурами. Но в условиях значительного расширения сферы внешнего влияния, провозглашенного в меморандуме СНБ-68, имперского психоза внутри страны, трезвый подход, предполагающий компромисс, с учетом всех обстоятельств стал рассматриваться как отступление, как предательство (так он маккартистами и назывался). Чувствуя твердую американскую поддержку, их сателлиты в Сеуле заняли жесткую позицию в вопросе об объединении страны. В начавшихся боевых действиях в июне 1950 г. они твердо рассчитывали на помощь Вашингтона. Для правых в США нужен был полигон силовой дипломатии. Без начала войны в Корее, утверждал один из помощников Д. Ачесона, осуществление идей СНБ-68 было бы крайне сложным[1]. Возникшее в связи с корейской войной обострение положения на Дальнем Востоке превращало имперские планы из мечтаний экстремистов в конкретную внешнеполитическую повестку дня.

После начала военных действий на Корейском полуострове президент США заявил о распространении действия «доктрины Трумэна» на тихоокеанскую зону. В официальном заявлении правительство Соединенных Штатов сообщило, что готово вооруженными силами «предотвратить любое распространение коммунизма» в Азии. Американское правительство объявило о расширении военной помощи своему французскому союзнику, стремившемуся подавить войну за национальное освобождение в Индокитае, о предоставлении военной помощи реакционному правительству Филиппин, боровшемуся с демократическим движением Хукбалахап. 7-й американский флот получил приказ «предотвратить любое нападение на Тайвань» (то было по суще-

[1] *Paterson Th., Clifford J., Hagan K.* American Foreign Policy. A History since 1900. Lexington, 1983, p. 447.

158

ству прямым вмешательством США в гражданскую войну в Китае). Что касается

войны в Корее, президент США объявил, что он «приказал воздушным и морским силам осуществить прикрытие войск (южно)корейского правительства и оказать им помощь».

Трумэн заявил 4 октября 1952 г.: «Мы сражаемся в Корее для того, чтобы нам не пришлось воевать в Уичите, в Чикаго, в Новом Орлеане или в бухте Сан-Франциско»[1]. Так получил грандиозное распространение тезис о тотальной внешней угрозе. Это был первый случай, когда глобальное распространение политического влияния и сопутствующих политических обязательств США вызвало необходимость в крупномасштабных военных действиях. США пошли на такой шаг, они показали готовность заплатить высокую цену за беспрецедентное расширение зоны своего влияния.

Возможно, американское правительство не предполагало, что цена поддержки их южнокорейского сателлита будет столь огромной. Быть может, в Вашингтоне вначале верили в несложную для американцев операцию, приводящую по существу к массированной бомбежке. За такие ошибки США жестоким образом были наказаны. Первоначально внутри страны не вызвало массовой оппозиции вмешательство американских вооруженных сил в дела государства, столь отдаленного от американских берегов. Имперская психология, самонадеянная уверенность в праве устанавливать порядок по собственному разумению стали к началу 50-х годов характерной чертой американской национальной действительности. В век торжества идей национального суверенитета США встали на пути национальных революций, расплачиваясь за это жертвами в Корее, а потом во Вьетнаме.

Уверенность в безусловном преобладании американской техники, американского организаторского гения, американской воли была в середине XX века характерна для США. Уже через два дня после приказа Г. Трумэна о бомбежке северокорейских объектов в Вашингтоне стало ясно, что «стерильные» методы абсолютно неэффективны. 30 июня 1950 г. был отдан приказ послать в Корею американские войска, расположенные на Японских островах. Началась подготовка к созданию корпуса вторжения и в самих США.

Громогласные заявления о союзнических обязательствах, коллективизме, консультациях и т.п. оказались фикцией. Вашингтон принимал все главные решения без каких бы то ни было консультаций с союзниками и даже без их оповещения. Там, где США попытались прикрыться именем международных организа-

[1] Presidential Papers: Harry S. Truman, 1952—1953, p. 708.

ций, их лицемерие обнажилось сразу же. Американский главнокомандующий генерал Д. Макартур значился как «командующий войсками Объединенных Наций», однако он никогда не получал никаких приказов, кроме приказов объединенного комитета начальников штабов США, и не знал никакого контроля, кроме того, который исходил из Вашингтона. Даже формальные донесения в ООН, по собственному признанию Д. Макартура, подвергались цензуре госдепартамента и министерства обороны США.

Соединенные Штаты поставили половину из воевавших против КНДР вооруженных сил (т. е. больше, чем собственная армия южнокорейского режима и контингента западных союзников), 80% военно-морских, 90% военно-воздушных сил. Весьма беспардонное обращение США с Организацией Объединенных Наций достигло своего апогея, когда военное командование увидело возможность нанести северокорейским войскам серьезный удар. До 17 августа 1950 г. представители США в ООН говорили лишь о помощи южнокорейскому режиму. В этот же день американский представитель У. Остин открыто заявил, что США распространяют свое «политическое планирование» не только на южную, но и на

северную часть Корейского полуострова. Из Вашингтона генералу Макартуру было приказано двигаться вперед до тех пор, пока, «по вашему мнению, действия сил, находящихся ныне под вашим командованием, дают основания верить в возможность успеха». Учитывая солидарность СССР и КНР с КНДР, можно сказать, что это была санкция на действия, чреватые весьма серьезными последствиями.

Корейская война стала своеобразным рубежом в жизни американского общества. Экстремизм во внешней политике породил реакцию внутри страны.

На волне имперского угара, считая свою победу в Корее обеспеченной, Соединенные Штаты ранней осенью 1950 года приняли решение об укреплении своих позиций повсеместно. 12 сентября 1950 г. государственный секретарь США Д. Ачесон поразил английского и французского послов предложением создать западногерманскую армию в составе 10 дивизий[1]. Громкие протесты двух главных союзников по НАТО были напрасны. США демонстративно послали в Европу четыре свои дивизии, подвергли союзников массированному политическому давлению с целью интеграции их сил под американским командованием. В декабре 1950 г. главнокомандующим объединенных натовских сил. в Европе стал американский генерал Д. Эйзенхауэр.

Однако вопреки ожиданиям идеологов и стратегов внешне-

[1] *Truman H.* Memoirs, vol. 2, Garden City, 1956, vol. 2, p. 359.

политического курса США война в Корее не принесла быстрого успеха. Китайская сторона дала понять, что не потерпит американского военного присутствия на реке Ялу, служащей границей между КНР и КНДР. Были сделаны предложения о начале мирных переговоров. Делегация КНР прибыла в Нью-Йорк 24 ноября 1950 г. для того, чтобы дипломатическим путем предотвратить конфликт. Если бы США стремились к миру, к переговорам, к компромиссному решению проблемы, они не должны были упускать такую возможность. Но США не желали возвращаться к «миру равных». Вашингтон сделал ставку не на переговоры, а на силовое решение. Утром того же дня, 24 ноября, генерал Макартур начал генеральное наступление против северокорейских войск. Англия и Франция открыто выразили возмущение. Французское правительство обвинило Вашингтон в том, что Макартур «начал наступление в указанный час с целью сорвать переговоры». Английский журнал «Нью стейтсмен» указал, что Макартур «действовал вопреки всякому здравому смыслу». Делегация КНР покинула Нью-Йорк.

Китайский и солидарные с ним народы соседних стран грубо и однозначно были поставлены перед выбором — либо отступить перед американской вседозволенностью, либо оказать помощь попавшим в беду соседям. Корейская Народно-Демократическая Республика не была изолированным государством — она опиралась на помощь и поддержку СССР и КНР. КНДР была оказана как политическая, так и военная помощь, что полностью изменило военную ситуацию. Из атакующей силы войска Макартура превратились в отступающую на юг лавину. С тех пор больше никогда уже в Вашингтоне с официальных трибун не говорили об освобождении столиц, «находящихся за железным занавесом держав». В декабре 1950 г. была продемонстрирована ограниченность американской мощи. Советский Союз и КНР оказали КНДР необходимую в этой ситуации помощь.

Стратегам глобального американского господства, тем, кто все предшествующие годы наблюдал за постоянным и безостановочным распространением влияния США, поражение наступавших против северокорейских войск американских дивизий, дошедших почти до границы с КНР на реке Ялу, представлялось трагедией. На пресс-конференции 30 ноября

1950 г. американский президент призвал к всемирной мобилизации против коммунизма. Он заявил, что генералу Макартуру могут быть даны полномочия использовать атомное оружие[1].

Предельно напуганные союзники пытались удержать США

[1] Presidential Papers: Harry S. Truman, 1950, p. 72.

161

от опасного шага. Английский премьер-министр Эттли в декабре 1950 г. прибыл в Вашингтон, требуя от президента Трумэна, госсекретаря Ачесона и только что назначенного министра обороны Маршалла гарантий того, что слепая ярость, авантюризм или . уязвленная имперская гордость Вашингтона не приведут к применению американскими вооруженными силами атомного оружия. Американская сторона в переговорах с англичанами привела рассуждение, позднее названное «принципом домино». Если американцы уйдут из Кореи, уверял президент Трумэн, «тогда следующими на очереди будут Индокитай, затем Гонконг, потом Малайя»[1]. Америка, потерпев поражение в одном месте (Корея), думала не о судьбе Кореи, не о цене понесенных потерь, а о возможной утрате других сфер влияния.

К. Эттли буквально умолял американских руководителей переключиться на более позитивную политику в Азии. Ничто не может быть опаснее, говорил он, чем отчуждение азиатских государств от Запада. На это Д. Ачесон отвечал, что «ослабление Соединенных Штатов было бы определенно более опасным явлением»[2]. США стремились решить вопрос о своем влиянии в освобождавшихся от колониального ига районах отличным от западноевропейских метрополий путем, даже иногда противостоя им. Согласно мнению Д. Ачесона, посылка американских войск в Корею «вывела рекомендации меморандума СНБ-68 из сферы теории» и превратила его выводы в цифры военного бюджета, который уже в 1953 г. достиг 52,6 млрд. долл., что было значительным ростом по сравнению с 17,7 млрд. долл. в 1950 г. Расширение американской военной мощи было внушительным: значительно возросла армия; создано тактическое ядерное оружие; еще четыре армейские дивизии были развернуты в Европе, теперь их там насчитывалось шесть; создан новый реактивный бомбардировщик Б-52 в 1952 г.; осуществлен взрыв ядерного устройства в октябре 1952 г.; в 1954 г. была испытана водородная «супербомба». Соединенные Штаты увеличили свое заокеанское присутствие. Они получили базы в Южной Аравии, Марокко и договорились об их создании в фашистской Испании, начали проводить в жизнь планы по перевооружению Западной Германии. В 1951 г. США, Австралия и Новая Зеландия образовали блок АНЗЮС. Были резко расширены тайные операции ЦРУ[3].

Особенностью развернутой президентом Трумэном «холод-

[1] Presidential Papers: Harry S. Truman, 1950, p. 103.

[2] *Acheson D.* Present at the Creation. My Years in the State Department. N.Y., 1969, p. 782.

[3] *Gardner L.* Architects of Illusion. Chicago, 1972, p. 230.

162

ной войны», обеспечившей идеологическое обоснование внешнеполитической экспансии, было отсутствие четких установок в отношении того, насколько далеко пойдет Америка, отстаивая свои имперские интересы. По существу, в ходе наступления генерала Макартура на север от 38-й параллели США оказались перед выбором: либо быть последовательными в своих глобальных притязаниях идти до конца, либо отступить, опасаясь катастрофических последствий такого курса. После весьма мучительных колебаний администрация Г. Трумэна решила повернуть вспять. В Корее американцев ждали жертвы невиданных масштабов, но и они были бы невелики по сравнению с потерями, которые могли бы понести Соединенные Штаты, если бы было принято предложение генерала Макартура о переходе «к открытым действиям»[1] против союзников Северной Кореи. В Корее

Макартур в начале апреля 1951 г. превысил полномочия и должен был уступить свое место представителю более осторожной внешнеполитической стратегии.

Спор между президентом — олицетворением высшей власти — и сверхэнергичным генералом, претендовавшим на то, что он лучше понимает интересы Америки, принял размеры общенационального спора. Генерал сделал попытку обратиться к американским законодателям через голову своего прямого руководителя по военной иерархии — главнокомандующего американскими вооруженными силами, которым, по конституции, является президент США. 5 апреля 1951 г. в палате представителей было зачитано письмо генерала с призывом радикально пересмотреть внешнюю политику страны. В качестве первоочередной задачи он провозгласил «воссоединение Кореи», в качестве следующей — возвращение Чан Кайши на континент, борьбу против коммунистов в Китае. Вот его мнение: «Здесь, в Азии, коммунистические заговорщики решили сделать ставку на победу в мировом масштабе... Здесь мы ведем борьбу военными средствами, в то время как дипломаты воюют лишь при помощи слов»[2]. На эти предложения генерал Брэдли — председатель объединенного комитета начальников штабов — ответил, что распространение войны на Китай означало бы ведение «не той войны, не в то время, не в том месте, против не того врага»[3]. Взгляды двух генералов отражают диапазон мнений по вопросу проведения экспансионистской политики. Один генерал говорил о повсеместном

[1] *Macathur D.* Reminiscences. N.Y., 1964, p. 387.

[2] *Manchester W.* Macarthur. N.Y., 1975, p. 723.

[3] *Paterson Th., Clifford /., Hagan K.* American Foreign Policy. A History since 1900. Lexington, 1983, p. 480.

163

приложении мощи США, второй — о выборочности, приоритете, необходимости более экономного и осторожного приложения сил Соединенных Штатов.

Результатом нагнетания истерии, культивирования имперской идеологии явилось то, что, согласно опросу общественного мнения, более 70% американцев — трое из четверых — поддержали точку зрения Макартура. Понимая, чем чревато подобное положение, правящие круги встали на путь изоляции Макартура. Генерал был отстранен от командования американскими войсками в Корее. Это был первый случай, когда непосредственный исполнитель американской политики был «большим[1] империалистом», чем представители верховной власти.

Наиболее близок к точке зрения Макартура был помощник государственного секретаря Дин Раск (в будущем — госсекретарь). В мае 1951 г. он заявил, что Чан Кайши «наиболее аутентичным образом выражает интересы огромных масс китайского населения»[1]. Официально китайскому Народу была обещана помощь в случае, если он встанет на путь «низвержения коммунистической тирании». Результатом американской экспансии становился глобальный конфликт.

Одним из первых, кто «пришел в ужас» от перевода абстрактных схем в конкретную плоскость, был политический обозреватель У. Липпман. Он рассуждал так: если политика, предлагаемая Д. Раском, будет воплощена в жизнь, «то администрация ввергнет себя в фантастически сложное положение. Она (администрация. — *А. У.)* связала вопрос о поражении красного Китая в Корее с вопросом о выживании. Режимы не ведут переговоров о собственном выживании. Подобные вопросы решаются лишь в результате тотальной победы». Сторонники крайних взглядов в правящих кругах Америки после ухода Макартура в отставку оказались в меньшинстве. 10 июля 1951 г. Соединенные Штаты начали переговоры по вопросу о перемирии в Корее.

Под воздействием корейского урока определилось общее направление пути

американской экспансии в мире на ближайшие годы: осуществлять продвижение в глобальных масштабах, допускать конфликты в периферийных зонах, но избегать прямого столкновения с СССР; избегать прямых переговоров с СССР и КНР, не прилагать усилий к улучшению двусторонних отношений с ними; игнорировать мнение союзников, укрепить американское главенство в блоках. В начале 50-х годов США приступили к созданию крупнейшего в мире военного потенциала как

[1] *Paterson Th., Clifford J., Hagan K.* American Foreign Policy. A History since 1900. Lexington, 1983, p. 485.

164

ядерных, так и обычных вооружений. Именно с тех лет началось военное строительство, ритм которого не ослабевает. Страна, никогда не имевшая крупной армии в мирное время, стала создавать армию глобального масштаба.

Чем стала Америка в ходе этих преобразований? Редактор мемуаров Дж. Форрестола У. Миллис так оценивает итоги деятельности трумэновской администрации: она оставила после себя «колоссально раздутый военный истеблишмент, несоизмеримый ни с чем, что мы имеем в мирное время... Она вызвала к жизни огромную и, очевидно, навсегда созданную военную индустрию, теперь целиком зависящую от правительственных контрактов. Министерство обороны стало, бесспорно, величайшей индустриальной, корпорацией в мире; огромные военные корпорации, такие, как «Дженерал моторс», «Дюпон», лидирующие авиационные концерны заняли монопольные позиции, которые, по-видимому, подняли новые вопросы юридического и конституционного устройства государства»[1].

У покидавшего в 1952 г. Белый дом Г. Трумэна, видимо, были свои основания верить в то, что он заложил самый прочный базис американского могущества в мире. Американские капиталовложения в Западной Европе, Латинской Америке и Канаде были неслыханными по масштабам. Вооруженные силы США закреплялись на всех континентах. Проектировалось новое поколение стратегической авиации. Принципы «изоляционизма» были окончательно похоронены. Создание глобальной зоны влияния США имело глубокие последствия для американского общества. Прав американский историк А. Шлезингер, указавший на то, что своими действиями во время корейской войны президент Трумэн «драматически и в опасной степени расширил сферу полномочий будущих президентов, их возможность вовлекать нацию в большие войны»[2].

Дипломатия Трумэна — Ачесона требовала от граждан готовности к жертвам во имя «высших интересов страны». Но кто мог точно определить эти интересы? Если «холодная война» была все же войной, то почему же не производилась мобилизация? Если же «холодная война» не была войной, то чем оправдывать нагнетание ненависти и страха в отношении Советского Союза? Если атеистический Советский Союз был непримиримо враждебен христианскому миру, то почему же это всполошило, скажем, не Ватикан в первую очередь? Активисты типа генерала Макартура, обвинявшего президента Трумэна и его окружение в нереши-

[1] *Millis W.* (ed.) Forrestal Diaries, p. X.

[2] *Schlesinger A., Jr.* Imperial Presidency. N.Y., 1973, p. 138.

165

тельности, полагали, что к предстоявшей борьбе следовало готовиться максимально эффективно. Самую высокую цену за имперское преобладание, пожалуй, пришлось заплатить американской интеллигенции, для которой период маккартизма, совпавший с годами устремившегося вверх американского влияния, стал временем молчания, годами морального и интеллектуального обособления в собственной стране.

Структурное оформление

Период 1953—1960 годов был временем структурного оформления огромной американской зоны влияния в мире. США наращивали военный потенциал и укрепляли уже имеющиеся структуры — НАТО, американо-японский договор. В Западной Европе под эгидой американцев восстановила свои позиции Западная Германия — самая мощная индустриальная сила региона. Под американским влиянием находился Южный Вьетнам, в зону притяжения США попали Пакистан, Таиланд и даже далекий Лаос. Начался бурный рост Японии, что в тех условиях объективно укрепляло позиции Америки в Азии.

Благоприятным для американского внешнеполитического активизма был относительный консенсус (согласие) в среде правящей элиты. На еще большую высоту были возведены ореол имперского строительства и идея особой ответственности Америки за мировые судьбы. Лишь опираясь на это относительное внутреннее согласие, американское руководство могло планировать те или иные международные комбинации, обеспечивающие укрепление мощи Америки. В рассматриваемый период еще не была написана ревизионистская историческая литература, которая появилась через 10 лет и способствовала порождению сомнений в верности курса, нацеленного на конфронтацию с СССР.

Одним из мотивов, побудивших генерала Д. Эйзенхауэра баллотироваться на пост президента США, было опасение, что этот пост займет сенатор Тафт, чьи взгляды Эйзенхауэр считал «изоляционистскими», ослабляющими процесс имперского строительства. Д. Эйзенхауэр занимал пост главнокомандующего войсками НАТО в Европе с февраля 1951 г. Он непосредственно участвовал в процессе укрепления американских позиций в Западной Европе и надеялся заменить подорванную западноевропейскую мощь американской на периферии, на огромных территориях западноевропейских колоний. Менее всего в это время Эйзенхауэр хотел видеть в Белом доме человека, который тормозил бы растущее глобальное возвышение США. Как военный деятель он был одним из активнейших распространителей в мире американского влияния, и идеи «благожелательной, либеральной, великодуш-

166

ной и в то же время крепко стоящей на ногах» Америки были ему близки. Он воевал за эти принципы, теперь ему предстала возможность определять национальную стратегию из Вашингтона. В политике администрации Г. Трумэна генерала не устраивала расточительность, жертвы, понесенные в Корее, и огромные непроизводительные материальные траты, ослаблявшие американскую метрополию[1].

В поддержке западноевропейского капитализма при помощи «плана Маршалла», перевооружения западноевропейских армий Д. Эйзенхауэр видел те колоссальные расходы, внешнеполитический эффект которых часто не соответствовал объему затраченных американцами денег и усилий. Поэтому главой государственного департамента был назначен кумир правых республиканцев — Джон Фостер Даллес, обещавший еще большие успехи во внешней политике при меньших людских и материальных затратах. Эйзенхауэру и Даллесу претила «любая мысль о возвращении в пределы наших границ, это безусловно повело бы к катастрофе для США» (из письма Эйзенхауэра Даллесу 20 июня 1952 г.)[2].

Во время предвыборной кампании 1952 г. кандидат в президенты от республиканской партии Д. Эйзенхауэр обещал миллионам избирателей распространить принципы, близкие американизму, не только на зависимых от США территориях, но и на территориях, не входивших в сферу их влияния. И

Европе, и Азии было обещано «освобождение порабощенных народов»[3]. Республиканцы обещали вести более активную, более гибкую политику, чем их предшественники — демократы. Выборы 1952 г. принесли поражение демократам, заведшим страну в корейский тупик. Немалую роль в победе Д. Эйзенхауэра сыграло обещание прекратить войну в Корее, стабилизировать военный бюджет, быть более осмотрительным и избегать авантюр в далеких регионах.

Управление внешней политикой, выработку стратегии взяли на себя в январе 1953 г. помимо Эйзенхауэра братья Даллесы, один из которых, как уже говорилось, возглавил государственный департамент, а второй — Центральное разведывательное управление. Глобальный размах имперских притязаний новой администрации виден уже из инаугурационной речи Эйзенхауэра, произнесенной им 20 января 1953 г.: «Воспринимая защиту свободы, как и саму свободу, в качестве единого и неделимого понятия,

[1] *Rovere R.* The Eisenhower Years. N.Y., 1956, pp. 59—61.

[2] *Lee R.* Dwight Eisenhower, Soldier and Statesman. Chicago, 1981, pp. 127-128.

[3] Documents on American Foreign Policy (DAFR.) 1953, N.Y., 1954, p. 189.

мы с одинаковым вниманием и уважением относимся ко всем континентам и народам»[1]. Новоизбранный президент спешил сообщить всему миру, что не оставит никого своим вниманием. Для американских политиков слова Эйзенхауэра означали обещание не останавливаться на достигнутых результатах и продолжать проникновение во все новые области «политического вакуума». Это был значительный поворот в стратегической концепции республиканской партии — ее элите было определенно и твердо сказано, что всякие идеи о сокращении обязательств, об определении ограниченной зоны влияния, о возвращении к концепции «крепость Америка» являются химерой и диаметрально противоположны курсу, которым намеревался идти первый президент-республиканец после 20 лет пребывания на этом посту демократов.

На государственного секретаря Джона Фостера Даллеса глубокое впечатление произвела мысль известного английского историка А. Тойнби о том, что без наличия внешней угрозы цивилизации клонятся к упадку и умирают[2]. Следовательно, для сплочения американского общества, для «здоровья нации» было необходимо в прямых, сильных, ясных выражениях указывать американцам, где и кто ограничивает их всевластие в мире. Риторику Даллеса, всегда окрашенную антикоммунизмом и антисоветизмом, нужно рассматривать с учетом вышесказанного. Он не стеснялся в выражениях, не думал дважды, когда не колеблясь называл нейтральность в существующем мире аморальной. Во время первого же телевизионного выступления государственный секретарь показал карту, на которой от Восточной Европы на западе до Камчатки на востоке и Вьетнама на юге очертил территорию «открытых врагов Америки». Явная провокационность, желание обострить международную обстановку, предельно поляризовать мир четко просматривались в заявлениях главы внешнеполитического ведомства США.

Республиканское руководство нуждалось во внешнем «раздражителе», во внешней угрозе, лишь тогда Вашингтон мог объяснить свою претензию на гегемонию более убедительным образом. Сам Даллес признавал: «При проведении наших программ через конгресс мы должны демонстрировать очевидность международной коммунистической угрозы. В противном случае наши программы были бы урезаны». Если бы не было указаний на внешнюю угрозу, союзники «могли бы прийти к мнению, что

[1] Public Papers of the Presidents: Dwight D. Eisenhover, 1953. N.Y., 1954, p. 6.

[2] *Guhin J.* John Foster Dalles: A Statesman and His Times. N.Y., 1972, p. 139.

опасность позади и поэтому нет необходимости продолжать тратить большие суммы на оборону... Страх делает задачу дипломатов легче»[1]. В дуэте Эйзенхауэр — Даллес последний оправдывал экспансионистскую политику, выступал в 50-х годах этаким носителем высоких моральных ценностей, непримиримым к варварству не подчиняющегося Америке мира: «Соединенные Штаты не могут быть пассивным созерцателем того, как варвары захватывают и бесчестят колыбель нашей христианской цивилизации...»[2]

Президент, когда его просили более конкретно обрисовать американские интересы в мире, оказывался большим материалистом и называл прежде всего экономические мотивы: «Минимум наших требований — это обеспечить нам возможность свободно торговать с теми областями, откуда мы получаем сырьевые материалы, жизненно важные для нашей экономики»[3]. Для страны, которая к началу 50-х годов установила те или иные связи почти со всеми западными странами (по меньшей мере на уровне торговли частных американских фирм и создания их филиалов), такое заявление означало легализацию вмешательства в дела всего капиталистического мира.

Но не только экономические обстоятельства вынуждали Эйзенхауэра проводить имперскую политику. В нем всегда были живы опасения, что основная масса американского населения поймет, что несет ему имперское господство, осознает тяготы платы за имперское преобладание, и у американцев возникнет желание отказаться от поддержки такого курса. И при любом удобном случае президент Эйзенхауэр доказывал, что назад пути нет, что от доминирования, от лидерства не отказываются, что история не простит, если американцы упустят свой шанс на лидерство в этом «хаотическом» мире. Все это потребовало от республиканцев значительных усилий по выработке своей стратегии на ближайшие годы. С этой целью летом 1953 г. была проведена серия встреч стратегов и идеологов республиканцев в «соляриуме» Белого дома. Специально созданные группы специалистов разрабатывали вначале три, а потом четыре варианта политики США во внешнем мире[4].

Первая группа, которую возглавил Дж. Кеннан, моделировала продолжение стратегии «сдерживания» примерно в том вари-

[1] Department of State Bulletin, 1954, Apr. 30, p. 708.

[2] Ibid.. 1951, Jan.15, p. 156.

[3] *Gaddis J.L.* Strategies of Containment. A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. N.Y., 1982, p. 132.

[4] «International Security», Spring 1983, pp. 30—34.

169

анте, в котором его осуществляла администрация Г. Трумэна, то есть создание военных блоков, применение силы в кризисных ситуациях уже на ранней стадии, отказ от диалога с нарочито обозначенными противниками. *Вторая* группа предлагала такой вариант «сдерживания», при котором Соединенные Штаты не оставляли «белых пятен», туманных неясностей и самым четким образом проводили границу своего влияния в мире с одновременным громогласным уведомлением всех, кого это интересует, что нарушение этих самозванно указанных Америкой границ будет наказано вплоть до применения ядерного оружия. *Третья* группа прорабатывала вариант «освобождения», то есть расширения пределов американского влияния за счет подрыва, ослабления и свержения демократических правительств в Восточной Европе и Азии. Здесь речь шла о выборе и сочетании средств психологической войны, экономических санкций, политических инициатив и прямых подрывных действий с целью «вернуть» восточноевропейские страны. *Четвертая* альтернатива, получившая минимальное внимание, предлагала переговоры с СССР, поиски путей договоренности, возможности компромисса. Группе, которая разрабатывала этот

вариант, указали на то, что время в данном случае работает против Америки. США могли рассчитывать, указывал Дж. Ф. Даллес, на гарантированное преобладание над СССР в стратегической сфере лишь на протяжении ближайших двух лет. Избранная в результате сравнения проектов и предложений линия поведения США в мире получила название «Нью лук» (новый взгляд). Она представляла собой своеобразный гибрид первых трех вариантов. В конечном счете участники обсуждения в «соляриуме» пришли к подтверждению базовых принципов меморандума СНБ-68 с некоторыми модификациями[1]. «Новый взгляд» отражал стремление сочетать два элемента: сохранение мирового контроля и проведение «более здравой» бюджетной политики. То есть мировая империя при меньших расходах. На эйзенхауэровскую концепцию управления огромной американской зоной влияния в мире воздействовали, с одной стороны, традиционная политическая философия республиканской партии, а с другой — корейская война. Философия республиканизма учила, что нужно прежде всего поддерживать порядок дома (что понималось как отход от расточительности, от неоправданно раздутых бюджетных расходов демократов). Корейская война учила, что наземные сражения в Азии отличаются от прежнего, преимущественно европейского, опыта США. В частности, роль выиг-

[1] *Eisenhower D.* The White House Years. 1953—1956. Mandate for Change. London, 1963, p. 451.

170

рыша пространства и значение коммуникаций здесь резко отличались от хрестоматийных представлений американских военных, воспитанных на опыте двух мировых войн. Президент Эйзенхауэр считал, в отличие от воззрений своего предшественника в Белом доме, что объединенный комитет начальников штабов не должен рассчитывать на постоянное расширение ассигнуемых средств, что неограниченные траты могут нанести удар по основе американского могущества — американской экономике.

При Эйзенхауэре бюджет министерства обороны был немыслимо огромным для Америки мирного времени, но все же относительно не столь большим, как при Г. Трумэне. Он увеличился за восемь лет пребывания республиканцев в Белом доме довольно незначительно — с 40,2 млрд. долл. в 1953/54 финансовом году до 47,4 млрд. долл. в 1960/61 фин. году (что означало уменьшение доли военных расходов в валовом национальном продукте с 12,8% в 1953/54 фин. году до 9,1% в 1960/61 фин. году). Доля военных расходов в общих доходах федерального правительства также уменьшилась — с 65,7% в 1953/54 фин. году до 48,5% в 1960/61 фин. году.

Одно из главных средств расширения американского влияния в мире Д. Эйзенхауэр видел в торговле: «Самым мощным инструментом дипломатии является торговля». Им была создана в 1953 г. комиссия по внешнеэкономической политике, которой вменялось в обязанность искать экономические рычаги осуществления американской стратегии. Американский экспорт увеличился с 15 млрд. долл. в 1953 г. до 30 млрд. долл. в 1960 г.[1].

Вывод, сделанный Д. Эйзенхауэром из корейского опыта, состоял в признании более выгодным не непосредственное вмешательство вооруженных сил США для защиты своих имперских интересов, а действий с помощью союзов. Особенностью глобальной дипломатии Эйзенхауэра стало обращение к блокостроительству как средству укрепления зоны влияния. Содержание одного американского солдата в течение года обходилось в 3515 долл., в то время как содержание одного пакистанского солдата стоило 485 дол., одного греческого — 424 долл[2]. Имело ли смысл держать «дорогие» американские войска там, где их функцию могли осуществлять пакистанцы? Вашингтон стал в значительно большей, чем прежде, мере полагаться на систему союз-

[1] *Paterson Th., Clifford /., Hagan K.* American Foreign Policy. A History since 1900. Lexington,

1983, p. 482.

[2] *Ambrose S.* Rise to Globalism. American Foreign Policy, 1938—1966 N.Y., 1976, p. 223.

171

ных связей. Такой подход позволял экономить на американских долларах и американских солдатах. Он, с точки зрения Д. Эйзенхауэра, создавал подлинную систему глобальной зоны влияния и систему иерархических связей, при которых западный мир оказывался бы более тесно связанным американским лидерством, а не американским «всеприсутствием».

Развивая идеи меморандума СНБ-68, администрация Эйзенхауэра заявляла, что задачей США является не только отражение различных угроз, но постоянная, долговременная защита повсеместных глобальных интересов США. В число таких интересов президент Д. Эйзенхауэр вводил сохранение лидирующего экономического положения США (1) и обеспечение экономических интересов американской промышленности во всем огромном внешнем мире (2).

3. ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

В 1953 г. на пути в Корею, которую собирались посетить в поисках выхода из войны Эйзенхауэр и Даллес, их ждала встреча в Гонолулу с адмиралом А. Редфордом, оказавшим заметное влияние на формировавшуюся в Вашингтоне внешнеполитическую стратегию. Военный моряк Редфорд был поклонником авиации, которую считал главной ударной силой в конфликтах будущего. Став при Эйзенхауэре председателем объединенного комитета начальников штабов, адмирал внес в имперское видение Вашингтона убеждение в том, что относительно недорогим путем — перемещением расходов с нужд армии на нужды авиации, стратегической и авианосной, более решительной угрозой использования несомого стратегической авиацией ядерного оружия — Соединенные Штаты обеспечат эффективный рычаг воздействия на СССР, надежный контроль над союзниками. Взгляды Редфорда соответствовали и базовым посылкам республиканизма, и опыту корейской войны. Реакцию правящего класса на такие стратегические расчеты определил американский журналист и историк Д. Хальберштам. «Новый блестящий и одновременно недорогой «мир по-американски» — что могло быть лучше?»[1]

В те годы в США главным средством доставки ядерного оружия стратегического назначения были бомбардировщики межконтинентального радиуса действия — «Б-52». Они обеспечивали американскому руководству возможность не зависеть от заокеанских аэродромов, от союзников и сателлитов.

[1] *Halberstam D.* The Best and the Brightest. N.Y., 1973, p. 171.

172

Президент Эйзенхауэр имел в руках оружие, отличное от того, на которое мог рассчитывать президент Трумэн. Ядерный арсенал США за несколько лет был увеличен многократно, ядерное оружие 50-х годов было в тысячи раз мощнее атомных бомб второй половины 40-х годов. К 1955 г. число бомбардировщиков, способных нанести удар по СССР, достигло 1350 единиц[1]. Боевой груз атомных бомб стандартного бомбардировщика стратегической авиации во времена Эйзенхауэра был эквивалентен по разрушительной силе совокупному объему всех боеприпасов, сброшенных союзной авиацией на Германию за Вторую мировую войну[2]. Согласно секретному стратегическому плану Эйзенхауэра — меморандуму Совета национальной безопасности 162/2, в случае конфликта с СССР или с КНР «Соединенные Штаты будут рассматривать ядерное оружие пригодным к использованию наравне с другими вооружениями»[3].

Казалось, что создание межконтинентальных носителей ядерного оружия — стратегических бомбардировщиков вело к изменению взгляда на смысл баз за

тысячи и десятки тысяч километров от США. Однако наряду с созданием огромного воздушного флота стратегической авиации Вашингтон не только не пришел к выводу о ненужности далеких, выдвинутых к границам СССР баз, но, напротив, интенсифицировал в 50-х годах их строительство. Очевиднее, чем прежде, стало и то, что для Вашингтона вовлечение государств в американскую зону влияния было важно само по себе, а не только как создание плацдарма для воздействия на противника. Привязывание к себе десятков других стран стало методом увеличения сферы влияния, источников сырья, рынка сбыта, места приложения капиталов.

Сказанное не означает, что антисоветский аспект потерял свою роль во внешнеполитической стратегии США. Опасаясь, что в дальнейшем свобода действий США на мировой арене будет ограничена техническими достижениями СССР, президент Эйзенхауэр, как стало известно позднее, не исключал даже превентивной ядерной войны. 8 сентября 1953 г. он писал государственному секретарю Даллесу: «В нынешних обстоятельствах мы должны были бы рассмотреть, не является ли нашей обязанностью перед грядущими поколениями начать (подчеркнуто президентом. — *А.У.)* войну в благоприятный, избранный нами мо-

[1] *Paterson Th., Clifford J., Hagan K.* American Foreign Policy. A History since 1900. Lexington, 1983, p. 488.

[2] *Gaddis J.L.* Strategies of Containment. A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. N.Y., 1982, p. 148.

[3] Ibid., p. 149.

173

мент»[1]. Не было в истории США периода, когда возможность обращения к атомному оружию обсуждалась бы в столь конкретной плоскости. Администрация Эйзенхауэра демонстративно послала в 1953 г. бомбардировщики — носители атомного оружия в Корею. В 1954 г. Эйзенхауэр, выступая перед лидерами конгресса, говорил, что в то время разрабатывались планы «нанести по ним (по противнику. — *А.У.)* удар всеми средствами, имевшимися в нашем распоряжении»[2]. Весной 1954 г. американцы предложили французам применить атомную бомбу против вьетнамских войск, окруживших в Дьен-Бьен-Фу французские войска. Наиболее близко Эйзенхауэр и его окружение подходили к идее использования атомного оружия во время двух кризисов: в 1954— 1955 годах и в 1958 г.

Интересно проследить логику рассуждений государственного секретаря Даллеса, считавшегося среди республиканцев самым большим авторитетом в международных делах. В 1958 г. он говорил, что ради сохранения за чанкайшистами островов Куэмой и Матцу следует применить атомное оружие. Утрата этих островов якобы будет грозить США потерей влияния во всей западной части Тихоокеанского бассейна — в Японии, на Окинаве и Филиппинах, а также якобы повлечет за собой вхождение в зону «чужеродного» влияния Южного Вьетнама, Лаоса, Камбоджи, Таиланда, Бирмы, Малайи и Индонезии (Даллес — Эйзенхауэру 4 сентября 1958 г.)[3]. Президент Эйзенхауэр считал, что применение атомного оружия, возможно, наилучшим образом разрешило бы берлинский кризис 1958—1959 годов[4]. Видела ли администрация Д. Эйзенхауэра риск возникновения ядерной войны в случае применения американской стороной атомного оружия? Да, видела. По поводу предлагаемой атомной бомбардировки островов Куэмой и Матцу госсекретарь Даллес сказал: «В случае применения ядерного оружия возникнет сильная массовая неприязнь к США в большей части мира... и даже риск всеобщей войны должен быть принят» (Даллес — Эйзенхауэру 4 сентября 1958 г.)[5].

[1] *Gaddis J.L.* Strategies of Containment. A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. N.Y., 1982, p. 149.

[2] *Eisenhower D.* The White House Years. 1953—1956. Mandate for Change. London, 1963, p. 181.

[3] *Gaddis J.L.* Strategies of Containment. A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. N.Y., 1982, p. 170.

[4] *Eisenhower D.* The White House Years. 1956—1961. Waging for Peace. Garden City, 1965, p. 336 (note.)

[5] Ibid., 1953—1956. Mandate for Change. London, 1963, pp. 467—476.

174

Даже один из главных зачинателей «холодной войны» — Д. Ачесон был обескуражен готовностью республиканской администрации идти на риск мирового конфликта из-за подобной причины: «Это была бы война без друзей и союзников и по вопросу, который администрация не представила своему народу и который не стоил и одной американской жизни»[1]. Фактом остается, что ни одна предшествующая и ни одна последующая администрация США не выражали публично такой готовности защищать свои позиции, используя столь страшное и разрушительное оружие.

Как мы знаем сейчас, на внутренних обсуждениях американское руководство выражало неверие в способность Советской России применить ядерное оружие. В высшей степени секретном документе «Базовые основы политики национальной безопасности», принятом американским руководством в начале 1955 г., говорится: «Пока Советы не уверены в своей способности нейтрализовать воздушные ядерные силы возмездия, имеющиеся у США, мало смысла предполагать, что они начнут всеобщую войну или действия, которые, с их точки зрения, подвергнут опасности политическую власть и безопасность СССР» (СНБ-5501, 7 января 1955 г.)[2]. Но в открытых выступлениях деятели администрации обличали эту готовность.

Важно отметить следующий аспект проблемы. До прихода к власти республиканцев в американской политической элите господствовало мнение, что у США должно быть в руках атомное оружие максимальной мощности. С созданием атомного оружия у СССР эта точка зрения некоторое время преобладала, но с приходом к власти Д. Эйзенхауэра произошел определенный поворот в американском стратегическом мышлении. С одной стороны, Вашингтон в случае возникновения конфликтной ситуации готов был прибегнуть к крайним мерам — применить ядерное оружие. С другой стороны, он хотел бы пойти на это лишь в последний момент и в самом ограниченном объеме — по возможности используя не самые крупные ядерные боезаряды. Руководство США приняло решение о создании менее мощного" — тактического ядерного оружия. (И лишь постепенно в условиях наличия подобного оружия у потенциального противника аксиомой стала самоубийственность применения атомного оружия вообще.)

Президент Д. Эйзенхауэр склонялся к мысли, что миниатюризация атомного оружия, по меньшей мере, служит целям по-

[1] *StebbinsR.* The United States in World Affairs: 1958.N.Y., 1959, p. 320.

[2] *Gaddis J.L.* Strategies of Containment. A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. N.Y., 1982, p. 151.

175

вышения удельного веса США в среде союзников (прежде всего в Европе), где основу союзных войск НАТО могло бы составить тактическое ядерное оружие, и тогда не понадобилось бы увеличение контингента американских войск. В значительно большей, чем их предшественники, мере президент Эйзенхауэр и его окружение стали полагаться на «дешевое» (в противовес дорогому — содержанию огромных армий) оружие — ядерное[1]. За восемь лет пребывания Д. Эйзенхауэра у власти возрос темп развития ядерных изысканий, создания ядерного оружия на стратегическом и тактическом уровне.

Налицо факт, что при президенте Эйзенхауэре США встали на путь своего

рода интеллектуальной игры с воображаемым противником, на путь рационализации заведомо иррационального: проецирования своих действий в условиях чисто гипотетических представлений о реакции противоположной стороны. Важно отметить, что создание и крупномасштабное развертывание тактического ядерного оружия ознаменовало тот этап эволюции американской стратегии, когда вера в возможность повсеместного присутствия достаточного числа американских «легионов» от Арктики до тропиков в свете корейского опыта потускнела и было отдано предпочтение концепции замены воинских контингентов самым изощренным и страшным оружием, мощность которого подбиралась к проецируемым обстоятельствам регионального конфликта. США перешли к массовому производству тактического ядерного оружия как удобной замене крупного военного присутствия и как средства бюджетной экономии.

Восьмилетний опыт, однако, возымел частично свой отрезвляющий эффект на руководителей, которые не исключали возможности обращения к ядерному оружию в конфликтных ситуациях. Рассматривая скептически в октябре 1960 г. доклад группы по изучению возможностей ведения ограниченной войны, президент Эйзенхауэр пришел к мысли о «нереалистичности» его выводов на том основании, что «мы, к сожалению, были так прикованы к ядерному оружию, что единственной практически осуществимой мерой стало использование его с самого начала без проведения разграничительной линии между ядерным и обычным оружием»[2]. Правительство Эйзенхауэра так никогда и не определило разграничительную линию между применением обычного и ядерного оружия.

[1] Presidential Papers: Dwight D. Eisenhower. W., 1953, p. 815.

[2] *Kistiakowsky G.* A. Scientist at the White House. Cambridge, 1976, p. 400.

176

Блокостроительство

Как уже говорилось, вторым важнейшим элементом американской внешнеполитической стратегии 1953—1960 годов был упор на блокостроительство, на создание такой системы взаимоотношений, при которой к США были бы привязаны договорными соглашениями десятки стран в различных регионах. Являясь военным и политическим стержнем этих комбинаций, США надеялись варьировать свое влияние в этих блоках, манипулировать ими, сохраняя и укрепляя тем самым собственный потенциал. В меморандуме Совета национальной безопасности СНБ-162/2 открыто говорилось, что Соединенные Штаты должны «оплачивать свои чрезмерные военные расходы с помощью союзников»; Соединенные Штаты нуждаются в людских и экономических ресурсах союзников. «Отсутствие союзников или утрата их привели бы США к изоляции и изменили бы мировое равновесие до такой степени, что поставили бы под угрозу способность Соединенных Штатов к победе в случае всеобщей войны»[1]. Подчеркивая значение военных союзов, государственный секретарь Даллес в программной статье, опубликованной в журнале «Форин афферс», поставил военные союзы в списке приоритетов выше стратегических ядерных сил[2]. (Напомним, что ко времени прихода Д. Эйзенхауэра к власти существовала система военных союзов, привязавших к США сорок одну страну. Это — Договор Рио-де-Жанейро (1947 г.), Североатлантический договор (1949 г.), пакт АНЗЮС (1951 г.), договоры с Японией и Филиппинами.)

Президент Эйзенхауэр считал, что для администрации Трумэна был характерен некий «атлантический перегиб», политика, основанная на лозунге «прежде всего Европа». В этом сказалось типично республиканское обвинение в адрес администрации Г. Трумэна в «потере» Китая, в неудачной стратегии в Корее. Как объяснил своим слушателям в Миннеаполисе Эйзенхауэр 10 июня 1953 г., «не существует арены слишком отдаленной, чтобы ее игнорировать, не существует свободной нации слишком скромной, чтобы о ней можно было

позабыть»[3]. Он писал 29 марта 1955 г. Уинстону Черчиллю, соратнику периода Второй мировой войны: «Мы достигли точки, когда каждый шаг назад должен

[1] *Gaddis J.L.* Strategies of Containment. A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. N.Y., 1982, p. 152.

[2] *Dalles J.F.* Policy for Security and Peace («Foreign Affairs», Spring 1954, pp. 355-357.)

[3] Public Papers of the Presidents: Dwight D. Eisenhover, 1953. N.Y., 1954, p. 389.

177

рассматриваться как поражение западного мира. Более того, такой шаг должен рассматриваться как двойное поражение. Во-первых, отступая, мы даем непримиримому противнику нового рекрута. И затем каждое такое отступление порождает в сознании нейтралов мысли о том, что мы несерьезны, когда обещаем нашу поддержку народам, желающим остаться свободными»[1].

Это означало тотальный подход к защите и расширению интересов и устремлений американской внешней политики. Основной упор дипломатии Эйзенхауэра — Даллеса делается на Азию, где США в 1955 г. создали блок СЕАТО, практически (хотя формального соглашения подписано не было) стали членом военного союза СЕНТО, а также подписали двусторонние договоры с Южной Кореей (1953 г.), Тайванем (1955 г.) и Ираном (1959 г.). При Эйзенхауэре в значительной мере изменился тон союзнических соглашений, подписанных Соединенными Штатами. Эти соглашения стали больше походить на легализацию включения договаривающейся с США страны в зону глобальной американской опеки без ложной риторики предшествующих лет о «равенстве и военной взаимопомощи». Теперь больше говорилось об опеке, «зонте» США над новыми «союзными странами». В Вашингтоне теперь смотрели на союзников не как на важное приобретение в противоборстве с СССР (для этой цели больше подходило строительство стратегических бомбардировщиков), а больше как на средство расширения сферы американского влияния. Последнее президент Эйзенхауэр выразил следующим образом: «Развить внутри различных зон и регионов свободного мира собственные силы для поддержания порядка, охраны границ, обеспечения основы стабильности»[2].

Англия, Франция и другие метрополии уходят из своих разбросанных по миру колоний, а США, используя свои экономические и военные возможности, берут под свою опеку местную элиту и заручаются влиянием в этих странах. С целью расширения своего влияния американская дипломатия оказывала давление на нейтральные страны. В любой период своей истории, начиная со времени получения американскими колониями независимости и вплоть до победы над Японией, Соединенные Штаты склонны были приветствовать достижение прежней колонией независимости. Но со второй половины 40-х гг. Америка начала смотреть на эту проблему иначе. Первостепенную важность приобретал вопрос: попадет ли новое государство в орбиту влияния

[1] *Gaddis J.L.* Strategies of Containment. A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. N.Y., 1982, p. 131.

[2] Presidential Papers: Dwight D. Eisenhower. W., 1955, p. 57.

178

США или пойдет независимым путем? Нейтрализм как основа внешней политики вызвал весьма жесткое сопротивление США. Государственный секретарь Даллес объявил, что нейтральность является «устаревшей концепцией», что нейтральное поведение в мире, возможно «лишь в совершенно исключительных обстоятельствах», что нейтрализм «аморален и является близорукостью»[1].

3 апреля 1954 г. государственный секретарь Даллес и председатель комитета начальников штабов Редфорд на встрече с лидерами конгресса постарались заручиться помощью конгресса для замены французского влияния в Индокитае. Президент Эйзенхауэр требовал от французов в качестве платы за военную помощь обещания немедленно уйти из Индокитая. (Наиболее «радикальное»

решение предлагал начальник штаба военно-воздушных сил США генерал Туайнинг: сбросить на осаждавших Дьен-Бьен-Фу вьетнамцев три небольшие атомные бомбы[2].) В июле 1954 г. французы покинули Вьетнам. Президент Эйзенхауэр полагал, что в случае проведения во всей стране выборов Хо Ши Мин получит 80% голосов избирателей. В июле 1954 г. политики и военные предполагали высадку войск в Хайфоне, короткий марш-бросок на Ханой и операции местного значения для подавления локальных очагов сопротивления.

Сенатор Рассел возглавил оппозицию планам адмирала Редфорда. На слушаниях в сенате Рассел и его сторонники своими вопросами поставили адмирала Редфорда в тупик, поскольку тот не мог убедительно аргументировать эффективность разрешения индокитайской проблемы за счет ударов с воздуха. Государственный секретарь Даллес на вопрос, консультировался ли он с союзниками и кто из этих союзников готов послать своих солдат в Индокитай, ответил, что подобные консультации не имели места. Оппозиция сумела убедительно доказать необоснованность проектов индокитайского решения, выдвинутых Даллесом и Редфордом. Начальник штаба генерал Риджуэй охладил пыл сторонников тотального давления тем, что на основе изучения местных условий в Индокитае представил цифры, которые ошеломили буквально всех. Для достижения военной победы требовалось от *полумиллиона до миллиона* солдат, то есть в США должна была быть объявлена мобилизация в больших масштабах, чем в период корейской войны.

После падения Дьен-Бьен-Фу (7 мая 1954 г.) генерал Риджуэй ознакомил со своими выкладками военного министра, мини-

[1] Department of State Bulletin, Oct.24, 1955, p.642; Department of State Bulletin, June 18, 1956, pp. 999-1000.

[2] *Lafeber W.* America, Russia, and the Cold War. N.Y., 1972, p. 161.

179

стра обороны и самого президента. Цена, которую предстояло уплатить за контроль над Индокитаем, была слишком велика. Американское руководство тогда предпочло «списать со счетов» Северный Вьетнам и консолидировать оставшуюся под своим руководством южную часть Вьетнама. Президент Эйзенхауэр должен был принимать во внимание мнение западных союзников: те предпочитали, чтобы США выполнили свою миссию в одиночестве, от оказания помощи они воздерживались[1]. США интенсифицировали поиски союзников. К сентябрю 1954 г. им удалось сформировать региональный блок СЕАТО — Организацию Юго-Восточного договора в составе Англии, Франции, Австралии, Новой Зеландии, Пакистана, Таиланда и Филиппин. Сенат США проголосовал за вступление США в эту организацию большинством голосов — 82 против 1. Предполагалось, что СЕАТО станет «охранителем» Юго-Восточной Азии, тем самым решая для США и вьетнамскую проблему[2]. На риск одностороннего вмешательства в дела Северного Вьетнама США не пошли. В отдельном протоколе, принятом под нажимом американцев, говорилось о контроле, который СЕАТО должен осуществлять над прежним Французским Индокитаем — Камбоджей, Лаосом и южной частью Вьетнама. Сам факт создания мощного европейско-азиатского блока под руководством США в те годы увеличивал возможности Вашингтона для удержания под своим влиянием этого самого удаленного от него региона.

Итак, после Северной и Южной Америки, Европы и Дальнего Востока зоной «жизненных интересов» США была объявлена Азия. Создав СЕАТО, США имели крупный региональный блок (после НАТО и пакта Рио-де-Жанейро.) Помимо Сайгона, важной опорой внешней политики США в Азии оставался Тайвань. Ситуация, когда США бросили всю свою мощь на поддержку тайваньского режима, вызывала немало вопросов. В частности, президента Эйзенхауэра

однажды спросили, что предприняли бы Соединенные Штаты, если бы в 1865 г. руководители Южной конфедерации и остатки ее армии переправились на Кубу, откуда под прикрытием британского флота осуществляли бы рейды против Флориды. Д. Эйзенхауэр отказался отвечать на вопрос, сославшись на то, что аналогия не точна.

В США все чаще стали говорить о теории «домино» (любимая метафора Д. Эйзенхауэра), согласно которой потеря Вьетнама, Тайваня и даже еле заметных на карте Азии островов Куэмой и Матцу могла привести к возникновению «серьезной опасно-

[1] DAFR, 1954, pp. 316-317.

[2] *Beal J.* John Foster Dalles: A Biography. N.Y., 1957, p. 222.

180

сти» для региона, находящегося под американским контролем, состоящего из островных и полуостровных позиций в западной части Тихого океана. По мнению Вашингтона, Япония, Южная Корея, Тайвань, Филиппины, Таиланд и Вьетнам, Индонезия, Малайя, Камбоджа, Лаос и Бирма в этом случае, «вероятно, полностью попали бы под коммунистическое влияние» (написано Даллесом и отредактировано Эйзенхауэром в 1958 г.) [1].

Здесь таилась опасность. В январе 1954 г. в связи с инцидентами на находящихся в прибрежной полосе КНР двух небольших островах Куэмой и Матцу президент обратился к конгрессу с просьбой предоставить ему полномочия «использовать вооруженные силы Соединенных Штатов таким образом, каким президент посчитает необходимым»[2]. Без малейших дебатов палата представителей одобрила такую резолюцию (409 голосами против 3). В сенате эта резолюция была принята 85 голосами против 3. Пожалуй, никогда в американской истории конгресс не вручал президенту таких полномочий, которые могли означать военные действия против великой державы — Китая, у которого был договор о взаимопомощи с СССР.

К середине 50-х годов «изоляционисты», пацифисты, враги интервенционизма ушли в историческую тень. Конгресс штамповал резолюции, подобные вышеприведенной, что свидетельствует о следующем. Во-первых, внутри страны благодаря маккартизму создался такой климат, когда выступать против инициативной внешней, политики стало попросту невозможно. Во-вторых, для американских политиков стало уже немыслимым ограничивать «жизненно важные интересы» США узкими рамками Западного полушария. Идея американской ответственности и широкого распространения американских интересов завладела сознанием большинства американцев.

Суммируем обстоятельства, которые благоприятствовали распространению американской зоны влияния. Достаточно высоким был ритм роста американкой экономики, о чем свидетельствовали цифры ВНП. Резко увеличился объем американских инвестиций в Европе, Канаде, Латинской Америке. Американская помощь, значительная в этот период, «покупала» элиты многих средних и малых государств. Поставки оружия военным режимам и военным министерствам десятков государств шли сплошным потоком — важный в то время рычаг воздействия США на ряд

[1] *Gaddis J.L.* Strategies of Containment. A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. N.Y., 1982, p. 192.

[2] *Ambrose S.* Rise to Globalism. American Foreign Policy, 1938—1966. N.Y., 1976, pp. 238-239.

181

европейских и на многие латиноамериканские, азиатские и африканские государства. Сформировалась система союзов (НАТО, СЕАТО, Багдадский пакт, Договор Рио-де-Жанейро, АНЗЮС. американо-японский договор). В международных валютно-финансовых организациях США доминировали полностью. Технологическое превосходство Соединенных Штатов было более

чем ощутимо. Итак, стратегический компонент, крепость собственной экономики и ее технологическое превосходство, экономическая помощь и прямые инвестиции — вот те основания, которые позволяли США приобретать новые зоны влияния.

Стратегическая монополия

Свою дипломатическую стратегию Дж. Ф. Даллес публично назвал «балансированием на грани войны». Объяснения самого госсекретаря были таковы: «Нужно рассчитывать на мир, так же как и учитывать возможность войны. Некоторые говорят, что мы подошли к грани войны. Конечно, это так. Способность подойти к грани без вовлечения в войну является необходимым искусством... Если вы стараетесь уйти от этого, если вы не желаете подойти к грани, тогда вы проиграете. Мы должны были смотреть прямо в лицо этой опасности... Мы дошли до грани и заглянули в лицо этой опасности»[1]. Такое внешнеполитическое поведение было возможно лишь в короткий период 50-х годов, когда Соединенные Штаты владели монополией на ядерное оружие и средства его доставки, прежде всего имеется в виду исключительно мощная стратегическая бомбардировочная авиация (равной которой в течение нескольких лет в мире не было). Кроме того, США владели аэродромами по всему периметру границ потенциального противника, а сами были неуязвимы для ответного удара. В этой ситуации можно было попытаться «заглянуть в лицо мировой катастрофе», потому что пока это была бы катастрофа преимущественно для стран, которых США считали своими врагами.

Но постепенно в мире все сильнее начали действовать иные факторы. Создание в Советском Союзе межконтинентальных баллистических ракет подвело черту под исторической особенностью американского геополитического положения — неуязвимостью территории США. С этого времени начался новый период в американском стратегическом мышлении. В Вашингтоне осознали, что угроза применения ядерного оружия становится смертельно опасной. Браваде начала 50-х годов, легкости манипули-

[1] «Life», Jan. 16, 1956, p. 78.

рования ядерным оружием, мышлению, опирающемуся на возможность «массированного возмездия», был положен конец. Появление в Советском Союзе сил сдерживания нанесло психологическую травму американскому истеблишменту[1]. Если внутриполитическая обстановка в стране в первой половине 50-х годов характеризовалась поисками внутреннего врага, каковым маккартисты видели любого реалиста, то во второй половине десятилетия в стране широкое хождение получают утверждения об отставании США в различных сферах.

Правящая элита обратилась к исследовательским центрам, стремясь точнее определить параметры новой ситуации. Во множестве случаев рекомендации центров лишь нагнетали тревогу. Типичным в этом отношении был широко рекламировавшийся доклад Фонда Форда, подготовленный группой экспертов во главе с Р. Рейтером в 1959 г. Доклад Гейтера, обсуждавшийся в самых высоких сферах американского правительства (вплоть до президента), утверждал, что Советский Союз обладает 4500 реактивными бомбардировщиками, 300 подводными лодками дальнего радиуса действия, прочной системой противовоздушной обороны. Утверждалось далее, что в СССР имеется потенциал расщепляющихся веществ для 1500 ядерных зарядов и что к 1959 г. Советский Союз будет иметь 100 межконтинентальных баллистических ракет, каждая из которых будет оснащена мегатонной боеголовкой[2].

Главный вывод доклада Гейтера состоял в том, что к концу 60-х годов

военные расходы СССР могут «вдвое превысить американские». В документе рекомендовалось создать следующие средства защиты американской зоны влияния в мире: 1) резко увеличить производство межконтинентальных баллистических ракет; 2) значительно ускорить создание стратегических ракет на подводных лодках; 3) создать ракеты среднего радиуса действия и разместить их в Европе; 4) рассредоточить базы стратегической авиации; 5) обеспечить эффективность систем раннего оповещения; 6) создать общенациональную сеть бомбоубежищ. Комиссия Гейтера оценила стоимость всей программы в 44 млрд. долл., ее осуществление должно было быть завершено через пять лет[3]. Так было положено начало крайне стойкой иллюзии — о возможности «купить Америке безопасность».

[1] *Eisenhower D.* The White House Years. 1956-1961. Waging for Peace. Garden City, 1965, pp. 217-220.

[2] *Ambrose S.* Rise to Globalism. American Foreign Policy, 1938—1966. N.Y., 1976, pp. 238-239.

[3] «Life», Jan. 16, 1956, p. 256.

183

Другая группа идеологов американской империи, финансируемая Фондом братьев Рокфеллеров и возглавляемая малоизвестным тогда профессором Г. Киссинджером, пришла к выводам, сходным с заключениями комиссии Рейтера[1]. В целом начало ракетно-ядерной эпохи породило явление, которое в дальнейшем стало постоянным элементом внешнеполитического анализа в США. Речь идет о своего рода психологической западне, в которую попали творцы американской внешней политики и в которую они стали вовлекать своих сограждан, рассуждая приблизительно так: мощная соперничающая держава — СССР — обгоняет Америку с ужасающей скоростью, бездействие вскоре приведет к краху.

В 1959 г. начальник штаба американской армии генерал М. Тэйлор демонстративно вышел в отставку и опубликовал книгу «Ненадежная стратегия», где обратился к своим соотечественникам с предостережением: «Примерно до 1964 г. Соединенные Штаты будут, вероятно, значительно отставать от русских по числу и эффективности ракет дальнего радиуса, если только не будут предприняты героические усилия»[2]. Отныне и впредь алармизм, запугивание собственного населения «необратимым отставанием» и «окнами уязвимости» стали характерными чертами американской политики экспансии и поддержания американского влияния в мире. Если в 1946—1956 годах пропагандистским обоснованием внешней политики была борьба с коммунистической угрозой, то после 1957 г. (год запуска советского спутника) в стране стал назойливо звучать рефрен об отставании США в развитии науки и техники, об опасности поражения из-за самоуспокоенности и политической слепоты. Приписываемое Советскому Союзу число межконтинентальных баллистических ракет было намеренно преувеличено, и стратегические позиции США вовсе не ослабли до нуля (как, скажем, о том писал М. Тэйлор). Соединенные Штаты с их армадой бомбардировщиков, мощными и разветвленными политическими союзами, крупнейшей индустриальной базой вовсе не были похожи на того обессиленного глиняного колосса, чьи дни — «если не обратиться к героическим усилиям» — сочтены.

Окружение Д. Эйзенхауэра твердо придерживалось принципа, что если бороться по всем предлагаемым направлениям, не считаясь со стоимостью новых программ, то можно перенапрячь мате-

[1] American Foreign Policy: Current Documents. 1957, Wash., 1961, pp. 1434-1435.

[2] International Security. The Military Aspect. America at Mid-Century series. Special Studies Report II of Rockefeller Brother's Fund. N.Y., 1958, pp. 9-23.

184

риальную основу американского могущества — экономику США. С точки зрения Д. Эйзенхауэра, аналитики типа Р. Гейтера и Г. Киссинджера недооценивали

значение систем передового базирования, окружавших советские границы со всех сторон. Д. Эйзенхауэр вместе с Даллесом полагали, что создание национальной сети бомбоубежищ может ударить по атлантическим связям, заставит натовских союзников думать, что последствия своих внешнеполитических действий США попытаются пережить в бетонированных бункерах, принося в жертву союзников в Западной Европе. Экономисты (а к их оценкам в Вашингтоне в те времена прислушивались особенно внимательно) полагали, что быстрый незапланированный рост военных расходов резко ускорит инфляцию, уменьшит кредитные возможности, заставит ввести некоторые экономические ограничения, то есть ударит по экономической жизни Америки. Поэтому президент Эйзенхауэр прямо поддержал лишь некоторые из предлагавшихся в докладе Гейтера мер: производство межконтинентальных баллистических ракет и размещение ракет средней дальности в Западной Европе. Однако общий уровень военных расходов сохранялся в пределах 44— 46 млрд. долл. По прошествии многих лет американские историки сошлись во мнении, что этих военных расходов для сохранения позиций США в мире было более чем достаточно[1].

Стратегические установки республиканцев тех лет, как уже говорилось, требовали смотреть на дело «шире» и прежде всего беречь «здоровье экономического организма страны». Когда президенту Эйзенхауэру сообщили, что промышленность страны в состоянии производить в год 400 межконтинентальных баллистических ракет класса «Минитмен», он ответил: «Почему же не сойти с ума окончательно и не запланировать создание силы в 10 тысяч ракет?»[2] Пройдет лишь 20 лет, и в арсеналах США будет находиться именно 10 тыс. ядерных боезарядов стратегического назначения.

К чести Д. Эйзенхауэра следует сказать, что он не поддался наиболее паническим настроениям. Да и нужно было совсем потерять голову, чтобы поверить в стратегическое отставание в условиях, когда США прямо .или косвенно контролировали огромные пространства, когда они имели в качестве союзников наиболее развитые страны мира, когда промышленный потенциал США не знал себе равных. Президент Эйзенхауэр не пошел на крайнее увеличение военного бюджета, отверг планы значитель-

[1] *Taylor M.* The Uncertain Trumpet. N.Y., 1959, p. 131.

[2] *Horelick A.* and *Rush M.* Strategic Power and Soviet Foreign Policy Chicago, 1966, pp. 35-36.

185

ного увеличения обычных вооруженных сил, не поддержал сторонников массового строительства бомбоубежищ.

Остро ощущая ослабление значимости еще вчера казавшейся непререкаемой мощи, президент Эйзенхауэр постепенно приходил к выводу о возникающем стратегическом пате. Видимо, Д. Эйзенхауэру потребовалось немало личного мужества, чтобы, обращаясь к американскому населению, к тем налогоплательщикам, чьи деньги, предназначенные на военные цели, государственный аппарат обещал обратить в неоспоримое американское первенство, объявить, что технический прогресс в этой сфере привел к возникновению ситуации, в которой использование ядерного оружия попросту уничтожило бы мир[1]. Это было по существу признанием того, что в политике США произошел важный сдвиг. Неподвластные американскому воздействию СССР и другие социалистические страны до середины 50-х годов воспринимались как объективно существующие препятствия расширению американского влияния, но как препятствия временные, шаткие, подверженные нажиму извне. Создание Советским Союзом собственного ядерного оружия изменило взгляды на возможность запугивающего воздействия США и их союзников на неподконтрольную часть мира.

Ослабление — даже в глазах американских стратегов — политического веса американского ядерного потенциала показало, что попытки силового нажима на СССР в ходе «холодной войны» и даллесовского «балансирования на грани войны» становились бессмысленными как средство политики. Возможно, что одним из последствий этого и стало решение Д. Эйзенхауэра согласиться на встречу на высшем уровне с советскими руководителями[2]. Это был важный поворот в американской внешней политике, ее стратегии и перспективах. Лобовое давление, продолжайся оно в дальнейшем, должно было выдвинуть вопрос о готовности США встать перед угрозой ядерной войны. Отсюда решение пойти на переговоры с теми официальными противниками США на мировой арене, переговоры с которыми были отвергнуты в конце 40-х годов. Альтернативой переговорам был лишь ядерный тупик.

Женевская встреча в верхах в 1955 г. знаменовала определенное изменение в подходе США к проблеме отношений с Советским Союзом. То, что после ужесточения американской политики в 1948—1954 годах стало возможным вести диалог, означало

[1] *Alexander CH.* Holding the Line: The Eisenhower Era, 1952—1961. Bloomington, 1975, pp. 226-227.

[2] *Ambrose S.* Rise to Globalism. American Foreign Policy, 1938—1966. N.Y., 1976, p. 240.

конец надеждам на силовое решение взаимоотношений с Востоком — интенсификация давления на СССР стала опасной, следовало искать иные пути. Женевская встреча породила так называемый «дух Женевы», говорящий о возможности более нормальных, мирных отношений главных мировых сил.

Борьба за развивающиеся страны

Огромные территории, которые еще совсем недавно на политической карте мира окрашивались однообразными цветами — преимущественно британской и французской колониальных империй, стали освобождаться от колониальной зависимости. США встали на путь расширения своего влияния, за овладение позициями былых империй в «третьем мире», за приобретение при помощи новых, неоколониальных методов наследства Западной Европы. Их задачей стало заменить западноевропейское влияние американским, предотвратить отход молодых государств, где проживало две трети всего человечества, от ориентации на Запад, ввести десятки новых государств в орбиту своего влияния.

Как это ни парадоксально, администрация Д. Эйзенхауэра в общем и целом не сразу осознала значимость происходившего исторического поворота в судьбах стран Азии и Африки. До середины 50-х годов Д. Эйзенхауэр еще надеялся, что процесс деколонизации можно будет отсрочить или замедлить на несколько десятилетий, если, к примеру, западноевропейские метрополии пообещают полную независимость своим колониям через 25 лет и откроют их для сильнейшей державы Запада[1]. Тогда колонии, полагал Эйзенхауэр, могут согласиться на тот тип отношений, которые сложились у США с Пуэрто-Рико. (Напомним, что после американо-испанской войны Пуэрто-Рико вошла под юрисдикцию США, но не получила права штата.) Однако ускорение процесса деколонизации уничтожило эти иллюзии. Полная независимость стала важнейшим лозунгом национально-освободительных движений. Для Вашингтона настала пора принятия серьезных решений. Лично Д. Эйзенхауэр полагал, что, поскольку западноевропейские страны настроили против себя лучшие, творческие влиятельные силы внутри стремящихся к независимости колоний, на Америке лежит обязанность подготовить переход контрольных функций к США.

Госсекретарь Даллес выразил в этой связи опасение, что новые страны не увидят различия между Западной Европой и Аме-

[1] *Hughes E.* The Ordeal of Power. A Political Memoirs of the Eisenhower Years. N.Y., 1963, pp. 227-281.

187

рикой: «Многие из них (освободившихся государств. — *А.У.)* думают прежде всего о возможных посягательствах на их права со стороны Запада, о котором они знают по непосредственному опыту»[1]. Полагаться на помощь старых колонизаторов, их клиентов, дискредитировавших себя компрадоров все более стало казаться Вашингтону делом обреченным. В конечном итоге Соединенные Штаты избрали четыре параллельных метода, направленных на овладение влиянием в новых государствах.

Во-первых, было усилено психологическое воздействие — пропаганда американского образа жизни, привлекательности связей с Америкой. Эта пропаганда велась путем создания информационных центров, приглашения части молодежи для обучения в американские университеты, увеличения радиопередач, распространения печатной продукции. Во-вторых, была значительно увеличена экономическая и военная помощь освободившимся странам. Ее получали прежде всего те государства, которые доказали свою военно-политическую приверженность США, — Тайвань, Южная Корея, Филиппины, Пакистан, Иран, Саудовская Аравия. В-третьих, создание совместных военных блоков США, некоторых других держав Запада и развивающихся стран. В-четвертых — военное вмешательство. Степень его была различна: от тайных операций ЦРУ (раскрытых во всех деталях лишь многими годами позднее) до прямого военного воздействия. Примеры деятельности ЦРУ — свержение премьера Мосаддыка в Иране и президента Арбенса в Гватемале. Другой пример — высадка американских войск в Ливане в 1958 г.

Но все это давало лишь половинчатые результаты. В случае с Ираном и Гватемалой ЦРУ смогло добиться определенного успеха, но активность в направлении, к примеру, Кубы и Индонезии оказалась не только малоэффективной, но и контрпродуктивной. Приверженцы Америки типа Ли Сын Мана в Южной Корее и Нго Дин Дьема в Южном Вьетнаме не могли служить привлекательным примером для движений за национальное освобождение, а их полицейские режимы, зависимые от американской помощи, не стали моделью для молодых стран. В идеале американская сторона хотела бы видеть во главе молодого государства некоего буржуазного либерала, который постарался бы скопировать американскую политическую систему внутри своей страны, получал бы некоторую экономическую «помощь» Америки, с готовностью и благодарностью принимал бы в своей стране американские инвестиции и филиалы американских компаний, платя

[1] *Gaddis J.L.* Strategies of Containment. A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. N.Y., 1982, p. 177.

188

за это лояльностью Соединенным Штатам на международной арене. Умозрительно вариант либерального и ориентирующегося на США лидера казался достижимым, но в реальной жизни к власти в молодых государствах приходили революционеры, борцы за свободу, люди, далекие от восхищения Америкой и от либерализма буржуазного толка. Это обострило для США в 50-х годах проблему формирования отношений с развивающимися странами.

В один из критических периодов современной истории, когда политическую независимость получили около 50 новых государств, те режимы, которые пошли в фарватере Вашингтона, отнюдь не задавали тона в борьбе за национальное освобождение. Мощные экономические рычаги США оказались недостаточными для подавления или уменьшения упорной приверженности молодых государств делу защиты национального суверенитета. Порицание нейтральности как «аморальной» осложняло расширение американской глобальной зоны влияния.

В конце 50-х годов такие лидеры развивающихся стран, как премьер-министр Индии Дж. Неру и президент Египта Г.А. Насер, возглавили движение консолидации сил развивающихся стран и их невмешательства в межблоковую политику. Образование зоны неприсоединившихся (тогда они предпочитали называть себя нейтральными) государств поставило США в новую историческую ситуацию. В экономической области прямо и косвенно нейтральные страны зависели от США (являясь пленниками сложившейся системы валютно-финансовых и рыночных отношений), но в политической сфере произошло их отстранение и отчуждение от американского центра влияния. Вначале реакция Вашингтона на внешнеполитическое поведение Индии, Бирмы, Индонезии, Египта, Сирии была открыто резко отрицательной. Нейтрализм был назван «аморальным»: США весьма жестко обращались с «аморальными» партнерами в лице развивающихся стран. Когда стало ясно, что силовой нажим не изменит ориентации этих стран и не интегрирует их в зону зависимости от США, американская дипломатия так или иначе смирилась с фактом существования движения неприсоединения.

В мире преобладающего экономического, военного и политического превосходства США стали появляться удаляющиеся от Америки величины, как крупные (такие, как Индия), так и меньшие по масштабу, но столь же стойкие. Особенно это касалось арабских стран, Индии, стран Юго-Восточной Азии, некоторых африканских (Гана, Египет) и азиатских (Индонезия, Бирма) государств. Было положено начало процессу, который в 60-х годах породил «Группу 77» и движение неприсоединения, в 70-х годах активизировал ОПЕК и борьбу за новый международный эконо-

189

мический порядок. Так, в результате серьезных просчетов американской дипломатии Египет — крупнейшая страна арабского мира — вышел в 1955—1956 годах из орбиты влияния США. Американцы «перегнули палку» в подходе к строительству жизненно важной для Египта Асуанской плотины. (Сенаторы из южных штатов не могли себе представить, зачем Соединенным Штатам помогать египтянам в строительстве плотины, которая поможет египетскому хлопку конкурировать с американским.) В Вашингтоне утверждалось, что эксплуатация сложного оборудования ГЭС не по силам примитивным египтянам. Одна из причин американского просчета заключалась в том, что Вашингтон не мог себе представить, что у американцев в этом деле могут быть конкуренты. Отказ Египта признать режим Чан Кайши привел к окончательному (июль 1956 г.) отказу США помочь Египту в строительстве Асуанской плотины. Это довольно быстро привело к утрате американского влияния в значительной части арабского мира. Чтобы поправить дела, вернуть Ближний Восток в зону своего влияния, а также чтобы «заменить» потерявших (после авантюры 1956 г.) влияние в регионе Англию и Францию, администрация оказала нажим на конгресс, и в январе 1957 г. была провозглашена так называемая доктрина Эйзенхауэра, которая давала президенту право вмешиваться в дела стран Ближнего Востока всеми средствами (включая военные), в случае если какое-либо правительство региона обратится с просьбой о помощи. Соединенные Штаты именно в этот период начали укреплять связи с Саудовской Аравией, делая на нее ставку как на свою опору в Персидском заливе. В апреле 1957 г. США постарались создать блок трех арабских монархий — Саудовской Аравии, Иордании и Ирака. В попытке укрепить свое влияние в восточной части арабского мира Соединенные Штаты 14 июля 1958 г. высадили в Ливане свой военный десант. Но эта операция показала ограниченные возможности чисто силового подхода и вызвала раскол в самом американском руководстве. Объединенный комитет начальников штабов требовал оккупации всего Ливана, но политическое руководство США понимало риск подобной

акции. Президент Эйзенхауэр отдал приказ ограничить зону оккупации Бейрутом и прилегающим аэропортом[1].

Важно отметить еще одну черту событий на Ближнем Востоке летом 1958 г. Англичане, закрыв глаза на недавний неудачный суэцкий «опыт», бросили свои войска в Иорданию, чтобы оградить британские нефтяные интересы в Персидском заливе, и предложили американцам (высадившимся в Ливане) принять

[1] Department of State Bulletin, 1956, Apr.11, p. 540.

190

участие в этой операции. Борьба в американских верхах на этот раз тоже была весьма острой, многие хотели вернуть арабские страны в зону своего влияния, используя силу. Лишь после долгих дебатов президент Эйзенхауэр отказался от предложения англичан.

На Кубе в 1959 г. победила революция во главе с Фиделем Кастро. Никогда еще в американской истории XX века из орбиты американского влияния не выходила страна, расположенная столь близко от США. Вначале в Вашингтоне выдавали желаемое за действительное, усматривая в Ф. Кастро еще один вариант вождя — близкого к идеалу просвещенного, либерального, проамерикански настроенного деятеля. Но самостоятельность поведения правительства Ф. Кастро быстро разочаровала Белый дом[1]. Начались поиски американской альтернативы. В результате дело «налаживания» отношений с Кубой было быстро передано ЦРУ, которое приняло решение убить Ф. Кастро и оказать всемерную поддержку контрреволюционной эмиграции, остаткам войск свергнутого диктатора Батисты. Это и предопределило конечное поражение американских попыток возвратить Кубу в сферу своего влияния. По престижу американской внешней политики был нанесен серьезный удар. Вашингтон не мог долго терпеть эти «унижения», результаты чего обнаружились во всем объеме при президенте Дж. Кеннеди во время подготовленной ЦРУ высадки контрреволюционеров на Кубу в апреле 1961 г.

4. ПОДХОД КЕННЕДИ - ДЖОНСОНА

При Эйзенхауэре возросло общее число государств, с которыми США имели соглашения о военных союзах, их стало 45. Президент Эйзенхауэр считал, что дело укрепления позиций Америки в мире в период его правления находилось в надежных и опытных руках. «Если, учитывая наше положение в мире, мы будем заменены людьми с меньшим опытом, меньшим престижем и без уз знакомства и даже дружбы, какие есть у нас с Фостером (Джоном Ф. Даллесом. — *А.У.)* со многими лидерами мира в различных его частях, тогда возникает вопрос: что будет дальше?»[2] (Запись в дневнике Эйзенхауэра, помеченная январем 1956 г.) Политические противники Д. Эйзенхауэра думали иначе. Идеологи оппозиции стали появляться как на стороне тех, кто

[1] *Eisenhower D.* The White House Years. 1956—1961. Waging for Peace. Garden City, 1965, p. 281.

[2] DAFR, 1961, p. 461.

191

считал его политику излишне рискованной, так и на стороне тех, кто считал эту политику малоэффективной.

Важно отметить возникновение явления, невозможного в прежние годы, для которого была характерна быстрота развития экспансии: формируется идейная оппозиция «тотальной вовлеченности» — *первая* линия критики американской внешней политики. Так, известный и влиятельный сенатор Рассел начиная с середины 50-х годов стал излагать мысль о том, что Америка приблизилась к опасной грани, когда становится очевидным предел ее материальных

возможностей.

Но все более влиятельной во второй половине 50-х годов начала становиться *вторая* линия критиков и противников внешнеполитического курса Д. Эйзенхауэра. На пике могущества Америки в ее правящем классе появилась группа политиков, призвавших «не дрейфовать к неоизоляционизму», а, напротив, более активно использовать «дарованные судьбой» возможности Америки. В ходе предвыборных президентских кампаний самым простым способом завоевания престижа и влияния становится требование более энергичной внешней политики. Пожалуй, первой кампанией такого рода была кампания демократов в 1956 г., когда они обвиняли республиканского президента Эйзенхауэра в пассивности, приведшей к тому, что половина Индокитая была окончательно потеряна для Запада, где США выглядели «бумажным тигром», что НАТО встала на путь упадка. Спустя четыре года Дж. Ф. Кеннеди повторил эти обвинения с удесятеренной силой. Важно отметить начало процесса: от одной избирательной кампании до другой средством привлечения избирателей на свою сторону стало обещание блюсти интересы внешней экспансии наиболее эффективным образом. Судьба Америки, ее влияния в мире стала частью предвыборных баталий. Внутри правящих кругов возникла влиятельная группа сомневающихся в способности «медлительного и консервативного» Д. Эйзенхауэра быстро найти подход к нарождавшимся молодым государствам. Нацеливаясь на борьбу за президентское кресло, сенатор Кеннеди указывал правящему классу Америки: «Мы позволили коммунистам лишить нас положения, принадлежащего нам по праву... Мы оказались в положении защитников статус-кво, в то время как коммунисты изображают себя авангардной силой, указывающей путь к лучшему, более яркому и смелому образу жизни»[1]. В предвыборной кампании 1960 г. противники курса Эйзенхауэра сделали акцент на «недостаточности» усилий США во внешнем ми-

[1] *Gaddis J.L.* Strategies of Containment. A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. N.Y., 1982, p. 179.

ре, считая, что Америка «теряет темп», что она ставит под удар свое положение лидера капиталистического мира, что необходимы мобилизация ресурсов, новые внешнеполитические средства, правильное использование необъятных технологических возможностей США[1]. Не один Кеннеди стремился обрести национальную известность путем обоснования необходимости новых усилий. Сенатор Л. Джонсон делал упор на интенсификацию американских усилий по освоению космического пространства. Сенатор Г. Джексон утверждал, что мощь Америки зависит от количества атомных подводных лодок; сенатор С. Саймингтон стоял за увеличение числа стратегических бомбардировщиков Б-52. В конечном счете Дж. Кеннеди продемонстрировал свой «грандиозный стиль» тем, что выдвинул программу перевооружения на всех участках стратегической мириады.

(При этом заметим: США превосходили СССР по числу ядерных средств доставки в 10 раз, валовой национальный продукт США троекратно превосходил объединенный западноевропейский и японский, десятки новых государств лишь «стучались в двери» ООН.)

Осевая идея выступлений Дж. Кеннеди — мобилизация ресурсов для движения вперед: «Я начал эту кампанию (борьбы за пост президента. — *А.У.)* на том единственном основании, что американский народ испытывает недовольство нынешним ведением нашего национального курса, народ обеспокоен относительным спадом в проявлении нашей жизненной силы и падением престижа, наш народ имеет волю и силу сделать так, чтобы Соединенные Штаты начали движение вперед». Кумирами Кеннеди были президенты Вильсон, Ф. Д. Рузвельт и Трумэн, «потому что они привели нашу страну в движение, поскольку

только так может Америка видеть наблюдающий за ней мир». «Мы находимся, — говорил Кеннеди (цитируя Э. Берка), — на самой видной сцене», Америке принадлежит волна будущего, ибо «это будущее и Америка — одно и то же»[2].

Приход Дж. Кеннеди к руководству демократической партией означал ослабление того ее крыла, которое связывало свои идеалы и планы с традицией, идущей от Франклина Рузвельта. Отличительной чертой либералов группы Э. Рузвельт — Э. Стивенсон — Ч. Боулс было признание, что не имперское могущество, а выживание Америки является целью национальной политики; что в мире существует сила, более мощная, чем все секреты Пентагона, — национально-освободительное движение, способ-

[1] *Kennedy J.* The Strategy for Peace. N.Y., 1960, p. 6.

[2] Ibid., pp. 34-36.

193

ное изменить политическую картину мира; что Соединенным Штатам следует признать реалии в китайском вопросе; что не менее опасной угрозой, чем коммунизм, являются для Соединенных Штатов сдвиги в освобождающихся от ига колониализма странах. Противники этой группы, возглавляемые Д. Ачесоном, усматривали в ее взглядах «предательство американских идеалов». С их точки зрения, люди типа Э. Стивенсона предпочитали ООН Соединенным Штатам, гуманные благоглупости — национальным интересам США, «банальную идеалистическую морализацию» — здоровому чувству американизма, сомнительную благожелательность новорожденных наций — связям с сильными западноевропейскими союзниками, «мировое общественное мнение» — реальным интересам США в мире.

Близкая к идеям Д. Ачесона новая волна идеологов внешнеполитической экспансии начала подниматься примерно с 1957 г. Главной отличительной чертой ее программы было требование привести американское влияние в мире в соответствие с колоссальным американским потенциалом. Эти новые стратеги глобальной вовлеченности Америки вышли из цитаделей северовосточного истеблишмента, университетов, традиционно поставлявших лидеров правящей элиты, исследовательских центров — «фабрик мысли» Северо-Востока. Они были уверены в себе, в своей компетентности и нисколько не сомневались в своем превосходстве над консерваторами маккартистского периода, над республиканскими политиками-бизнесменами администрации Эйзенхауэра, которым приходилось туго в споре со светскими, энергичными и эрудированными представителями клана Кеннеди. Близко наблюдая «новых людей», скептически настроенный заместитель государственного секретаря Ч. Боулс позже писал: «Они ищут случая показать свои мускулы... Они полны воинственности»[1].

Для плеяды, возглавляемой Дж. Кеннеди, неверие в способность Америки решить любую проблему и направить развитие мира в нужное русло означало измену главным американским принципам, недооценка мощи США (военной, экономической, политической), внутренней стабильности метрополии, основанной на национальном консенсусе, отсутствии реальной оппозиции политике расширения влияния, веры в особое предназначение Америки. Осторожное маневрирование, свойственное политике Д. Эйзенхауэра, стало казаться преступным пораженчеством. Тем самым оно (с точки зрения Кеннеди) как бы ставило предел рас-

[1] *Schlesinger A. Jr.* Thousand Days, John F. Kennedy in the White House. NY., 1965, p. 71.

194

пространению американской мощи в мире. Президент Кеннеди считал, что пассивность, свойственная республиканской администрации, может лишить США стратегической инициативы, вызвать у союзников и подопечных стран волю к самоутверждению.

Дж. Кеннеди указал на чрезвычайность переживаемого периода: «Поток событий (выдвинувших Америку вперед. — *А.У.)* иссякает, и время перестает быть нашим союзником»[1]. Мощь Америки должна была быть использована быстро, активно, эффективно и немедленно. Даже при решении задач местного значения следует добиваться успеха ценой привлечения всех ресурсов, находящихся в американском распоряжении. Президент Кеннеди выразил кредо своей администрации в инаугурационной речи: «Пусть каждая нация вне зависимости от того, желает она нам добра или зла, знает, что *мы заплатим любую цену, вынесем любое бремя, перенесем любые трудности, поддержим любого друга, выступим против любого врага* ради обеспечения торжества свободы»[2]. Даже делая скидку на неизбежную высокопарность риторики, следует сказать, что это было огромное обещание. Ни одна страна не может вынести «любое бремя», «заплатить любую цену». И США брали на себя рискованное обязательство судить о том, кто нуждается в их поддержке.

Годы правления Эйзенхауэра порицались за самодовольство, за отсутствие чувства ответственности, за массовый уход в собственные мелкие проблемы, за безразличие к «всемирным задачам» США. Готовность охранять имперские интересы стала приравниваться к патриотизму. С точки зрения Кеннеди, обязанность идеологов его администрации — «выработать убедительное идейное обоснование делу поддержки и укрепления нашего общества в критическое время»[3]. Поэт Роберт Фрост во время инаугурации Джона Кеннеди объявил, что наступают великие новые времена, аналогичные эпохе римского императора Августа. Даже поэт-демократ не остался безразличен к пафосу имперского блеска и желанию видеть Вашингтон «великим Римом новейшего времени». «Волнение охватило страну, — писал журналист и историк Д. Хальберштам, — волнение охватило по меньшей мере ряды интеллектуалов, разделявших чувство, что Америка готова к переменам, что власть будет отнята у усталых, мыслящих как предста-

[1] *Paterson Th., Clifford R., Hagan K.* American Foreign Policy. A History since 1900, Lexington, 1983, p. 531-2

[2] Public Papers of the Presidents: John F. Kennedy, 1961, Wash., GPO, 1962, p. 1-3.

[3] Ibid.

195

вители торговой палаты людей Эйзенхауэра и передана в руки лучших и самых способных представителей нового поколения»[1].

Двумя характерными чертами практической реализации более активной политики были: 1) концентрация власти в самом близком окружении президента (а не делегирование ее министрам, как это было, скажем, в годы Эйзенхауэра); 2) повышение значимости военного фактора в решении политических, экономических и социальных проблем эпохи. Президент Кеннеди не верил в способ правления путем долгих заседаний и принятия расплывчатых меморандумов. С его точки зрения, бюрократия могла погубить даже такую великую идею, как «американская империя». В начале 50-х годов в государственном департаменте служили 150 чиновников, а когда Дж. Кеннеди пришел в Белый дом, внешнеполитическое ведомство насчитывало 20 тыс. человек. Кеннеди полагал, что главные решения эйзенхауэровского периода были приняты не в ходе многочасовых заседаний СНБ, а в ходе коротких встреч ведущих политиков в Овальном кабинете президента. Поэтому штат госдепартамента и СНБ он посчитал необходимым сократить. Госдепартамент лишался своего прежнего значения[2]. Центр дискуссий и принятия политических решений сместился в четыре основных института: Белый дом, где этим занимался аппарат советника по национальной безопасности М. Банди; госдепартамент — там был задействован традиционный штат госсекретаря Д. Раска; министерство

обороны, где готовились разработки стратегами во главе с Р. Макнамарой; объединенный комитет начальников штабов, где председательствовал генерал М. Тэйлор. (Именно эта «команда» оставалась на своих постах и при президенте Л. Джонсоне, формулируя основные политические концепции для правительства на протяжении всего восьмилетнего периода пребывания у власти демократов.)

Специальный помощник президента по проблемам национальной безопасности приобрел при Кеннеди большой вес — и надолго. Этому способствовало назначение на этот пост Макджорджа Банди, деятеля, выдвигавшего свой план реализации мирового лидерства США. Бывший декан Гарвардского колледжа М. Банди олицетворял веру в то, что хорошо налаженное управление политикой — хладнокровный, скрупулезный анализ, учет всех действующих факторов, осведомленность, проницательность и интуиция, воображение и логика — поднимет американское лидерство в мире на неслыханную дотоле ступень[3]. Специ-

[1] Public Papers of the Presidents: John F. Kennedy, 1961, p. 336, 347.

[2] *Halberstam D.* Op. cit., p! 51.

[3] *Sorensen Th.* Kennedy. N.Y., 1965, p. 270.

196

альный помощник президента создал свой «мини-госдепартамент», состоящий из скорых на суждение и решение экспертов, тесно связанных с министерством обороны и Центральным разведывательным управлением.

Президент Дж. Кеннеди убеждал свою страну, что «без Соединенных Штатов блок СЕАТО падет завтра же. Без Соединенных Штатов не будет НАТО. И постепенно Европа сползет к нейтрализму и апатии. Без усилий Соединенных Штатов по осуществлению проекта «Союз ради прогресса» наступление враждебных сил на материк Южной Америки давно бы уже имело место»[1]. Дж. Кеннеди неустанно говорил о США как об оплоте мирового статус-кво. С его точки зрения, ослабление после Второй мировой войны германского и японского центров мощи «вытолкнуло» США на авансцену мировой истории, позволило распространить свое влияние в глобальном масштабе. С тех пор главной внешнеполитической целью США стало сохранение такого положения в мире, когда «ни одна держава и никакая комбинация держав не могли бы угрожать безопасности Соединенных Штатов. Простой центральной задачей американской внешней политики является сохранение такого положения, когда никакой блок не может овладеть достаточной силой, чтобы в конечном счете превзойти нас»[2].

Такая цель означала, что США не могут допустить возникновения силы (или комбинации сил), равной американской, что США готовы пойти на крайние меры ради удержания такого порядка в мире, каким он сложился в 1961 г.

У. Ростоу подготовил в 1962 г. целый том теоретического обоснования американской внешней политики под названием «Базовые цели национальной безопасности», где говорилось: «Крупные потери территории или ресурсов сделают более трудным для Соединенных Штатов осуществление задачи создания благоприятного для себя окружения в мире. Такие потери могут генерировать пораженчество среди правительств и народов в некоммунистическом мире или дать основание для разочарований внутри страны (тем самым увеличивая страхи, что США могут в панике начать войну); и это сделало бы более сложным поддержание баланса военной мощи между Востоком и Западом». Отсюда прямая постановка задачи: ««Американским интересам отвечает такое развитие международных отношений, когда страны

[1] *Schlesinger A. Jr.* A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. N.Y., 1965 p. 198.

[2] Public Papers of the Presidents: John F. Kennedy. 1963, p. 727, 889.

197

Евразии, Африки и Латинской Америки развиваются по линиям, в целом соответствующим нашим собственным концепциям»[1].

Дж. Кеннеди и его советники не были удовлетворены системой блоков, уже созданных во времена Д. Ачесона и Дж. Ф. Даллеса. Для усиления влияния им казалось необходимым подкрепление военных блоков экономической зависимостью, своеобразным повторением в глобальных масштабах «плана Маршалла». Администрация придавала большое значение более чем миллионной американской армии, обеспечивавшей влияние США за пределами страны, но призывала также дополнить военное влияние «дипломатическими усилиями, деятельностью органов информации, программами обмена всех видов, помощью в образовательном и культурном развитии, контактами с другими народами на неправительственном уровне, помощью в программировании экономического развития, технической помощью, предоставлением капитала, использованием дополнительных средств, новой политикой в отношении торговли и стабилизации цен на товары, а также множеством других мер, способных в значительной мере затронуть ориентацию людей и общественных учреждений»[2]. (Из меморандума У. Ростоу «Базовые цели национальной безопасности».) У. Ростоу предлагал особое внимание обратить на Аргентину, Бразилию, Колумбию, Венесуэлу, Индию, Филиппины, Тайвань, Египет, Пакистан, Иран и Ирак. В случае «закрепления» своих позиций в этих странах США контролировали бы территории, на которых проживало 80% населения Латинской Америки и половина населения всех развивающихся стран[3]. (У. Ростоу — Дж. Кеннеди, 2 марта 1961 г.)

Администрация Дж. Кеннеди выдвинула несколько региональных экономических проектов, наиболее заметным среди которых был план помощи Латинской Америке «Союз ради прогресса». Латинской Америке предоставлялась американская помощь в размере примерно 20 млрд. долл. на период 10 лет. Для оказания влияния на другие развивающиеся страны создавались так называемый Корпус мира, который стал инструментом экономического и идеологического воздействия, и Агентство международного развития, располагавшее фондами для финансирования региональных проектов.

Важным отличием Кеннеди от Эйзенхауэра было отсутствие осторожного отношения к государственным расходам. Как уже говорилось выше, Д. Эйзенхауэр при полной поддержке консер-

[1] Public Papers of the Presidents: John F. Kennedy. 1963, p. 736.

[2] *Rostow W.* The Diffusion of Power: Ал Essay in Recent History. N.Y., 1972, pp. 174-176.

[3] Gaddis J. L. Op. Cit. p. 223.

198

вативных и умеренных республиканцев отказывался увеличивать бюджет Пентагона на требуемую военными сумму из-за опасения подорвать экономическую базу США, стабильность доллара. Кеннеди претил подобный подход. После избрания он поручил дать оценку возможности крупных государственных расходов одному из своих экономических советников—П. Сэмюэлсону. Тот, к удовлетворению президента, пришел к выводу: «Расширение государственных программ может только помочь, а не помешать здоровью нашей экономики». Другой советник президента — У. Хеллер убеждал президента, что в его руках «достаточно ресурсов, чтобы создать великое общество внутри страны и осуществить великие проекты за ее пределами»[1].

Президент Кеннеди с удовлетворением воспринял такого рода советы. В марте 1961 г. он заявил конгрессу: «Наш арсенал должен быть таким, чтобы обеспечить выполнение наших обязательств и нашу безопасность; не будучи скованными спорными бюджетными потолками, мы не должны избегать дополнительных трат там, где они необходимы»[2]. (Л. Джонсон сделал последний логический шаг в этом направлении. Он говорил в июле 1964 г.: «Мы — самая богатая нация в мировой истории. Мы можем позволить себе расходовать

столько, сколько необходимо... И мы именно так и будем поступать»[3].) Итак, Америка готова была «заплатить любую цену» за тот курс внешней политики, который она считала необходимым.

Существенно отметить также следующую особенность стратегии демократов Кеннеди — Джонсона. Они полагали, что социалистический мир в том виде, в каком он существует в Европе и Азии, представляет собой долгосрочное историческое явление. Другое дело — огромный развивающийся мир. Освободившиеся страны представляли как угрозу зоне влияния США, так и возможности расширения этой зоны. Предвидя определенную стабильность на линии конфронтации двух систем в Европе, Кеннеди готовился встретить десятки потенциальных конфликтов в зоне развивающихся стран, где, по его мнению, решалась судьба и глобального противоборства двух социальных систем[4].

Характерной чертой перемен в Вашингтоне, осуществленных в начале 60-х годов, было новое, повышенное внимание к средствам дипломатического воздействия, которые все активнее применялись в качестве инструментов политики. Проект меморанду-

[1] *Gaddis J.L.* Op. cit., p. 224.

[2] *Heller W.* New Dimensions of Political Economy. Cambridge, 1966, p. 11.

[3] Public Papers of the Presidents: John F. Kennedy. 1961, p. 230—231.

[4] Public Papers of the Presidents: Lyndon B. Johnson, 1964, p. 875.

199

ма Совета национальной безопасности от 18 февраля 1963 г. аргументирует необходимость в будущем «контролируемого и постепенного применения совокупной политической, военной и *дипломатической* мощи»[1]. Прежняя, чисто военная охрана союзных, зависимых, находящихся в пределах американского влияния государств стала со времен Дж. Кеннеди более активно, чем прежде, дополняться привлечением дипломатических методов.

Итак, главными элементами внешнеполитической стратегии США при президенте Дж. Кеннеди стали ускоренное военное строительство (1), консолидация союзников (2), стремление закрепиться в развивающихся странах (3), мобилизация средств дипломатии, предполагавшая начало диалога с потенциальными противниками (4). Рассмотрим эти особенности курса демократов в 60-х годах.

Военный аспект

Концепция Кеннеди предусматривала быстрое наращивание ракетно-ядерных вооружений, с тем чтобы оставить далеко позади СССР и еще многие годы действовать, не опасаясь стратегического вызова потенциальных противников. Стратегическое превосходство должно было стать твердым основанием всей внешней политики США. Министр обороны США Р. Макнамара требовал доведения числа МБР до 950, объединенный комитет начальников штабов — строительства 3000 межконтинентальных баллистических ракет[2]. Это были фантастические цифры, не все они были одобрены, но военное ведомство США получило за первую половину 60-х годов невиданные дотоле средства. Военный бюджет был увеличен на 13% за период между 1961 и 1964 годами (с 47,4 млрд. до 53,6 млрд. долл.[3]). К 1967 г. число межконтинентальных баллистических ракет было увеличено в пять раз (с 200 единиц, имевшихся во времена Эйзенхауэра, до 1000). При Кеннеди был построен подводный флот, состоявший из 41 атомной подводной лодки типа «Поларис», способный осуществить запуск 656 ракет стратегического назначения. 600 стратегических бомбардировщиков составили военно-воздушные силы созданной при Кеннеди стратегической триады[4].

Выступая перед редакторами и издателями агентства ЮПИ в

[1] *Raskin J.* and *Fall B.* (eds.) The Viet-Nam Reader. N.Y., 1967, p. 113.

[2] *Gaddis J.* Op. cit., p. 231.

[3] *Halberstam D.* Op. cit., p. 91.
[4] *Paterson Th., Clifford J., Hagan K.* American Foreign Policy. A History since 1900, p. 535.

200

1967 г., Р. Макнамара объяснил мотивы грандиозного стратегического строительства следующим образом. Когда администрация Кеннеди пришла к власти, Советский Союз обладал «очень небольшим оперативным арсеналом межконтинентальных ракет», но СССР имел, мол, возможность «очень существенно увеличить этот арсенал», и эта-то гипотетическая возможность была взята за основу национальной стратегии США. У американской стороны, признает Р. Макнамара, «не было никаких доказательств того, что Советы в реальности планируют полное использование этих возможностей»[1]. Отталкиваясь от этого априорного и надуманного аргумента, Соединенные Штаты пошли на колоссальное развитие стратегических сил. Внешнюю политику администрации Кеннеди можно понять, лишь учитывая тот факт, что во время его президентства создавалась гигантская военная машина, происходил грандиозный стратегический бросок, опираясь на который амбициозный американский президент хотел укрепить позиции Америки в мире.

Уже осенью первого года пребывания Дж, Кеннеди в Белом доме (1961 г.) американские спутники-разведчики подтвердили, что Соединенные Штаты в очень значительной мере опережают СССР по числу межконтинентальных баллистических ракет. США признали этот факт в октябре 1961 г. Тем не менее исключительный по масштабам рост стратегических вооружений был начат и осуществлялся с невиданной интенсивностью. Видели ли проводники американской имперской политики, что стратегический рывок Америки не окажется безнаказанным, что он не пройдет бесследно, что он вынудит к развитию вооружений и противостоящую сторону? К. Кейзен, сотрудник Совета национальной безопасности, близкий к М. Банди, убеждал президента Кеннеди, что «отсутствие великодушия будет иметь неизбежным следствием вынесение гонки вооружений на более высокий уровень. В мире ракет и термоядерных боеголовок больший арсенал оружия не добавляет больше безопасности». Однако президент Кеннеди не видел альтернативы этому способу укрепления американских позиций[2]. Он продолжал делать расчет на выигрыш в гонке вооружений, он верил, что сверхусилия, прилагаемые Соединенными Штатами в сфере ядерных вооружений, еще долгое время не смогут быть повторены никем в мире. В 1967 г. Макнамара признал, что Советский Союз не имел намерения вступать в ракетно-ядерную гонку и, с его точки зрения, удовлетворился бы

[1] Strategic balance 1964/65., 1965, p. 21.
[2] *Ambrose S.* Op. cit., p. 277.

201

соотношением сил 1960 г., когда США имели значительное превосходство.

Готовность воздействовать на процессы в Евразии, Африке и Латинской Америке предполагала более широкий выбор средств, чем эскадрильи стратегической авиации и авианосцы. Лишь обычные вооруженные силы могли быть применены на раннем этапе «обороны» американских позиций в каждом конкретном случае. Уже в 1961 г. под влиянием поражения в заливе Кочинос президент Кеннеди увеличил вооруженные силы США на 300 тыс. человек, мобилизовал 158 тыс. резервистов и солдат национальной гвардии, создал шесть дивизий резерва, готовых к быстрой мобилизации[1]. В наиболее важную зону влияния — Западную Европу были посланы дополнительно 40 тыс. американских военнослужащих. Дж. Кеннеди желал иметь полный набор средств для сохранения и расширения американского влияния — от стратегических ядерных сил до эффективных тайных служб. Вашингтон увеличил число регулярных армейских дивизий с 11 до 16. Спешно разрабатывалась стратегия «двух с половиной войн» — когда США могли бы вести две полномасштабные войны в

Европе и Азии и одну, «половинную», в любом другом месте[2].

Для решения последней задачи создавались специальные части, готовые вести боевые действия скрытно и в самых необычных условиях, на отдаленных рубежах мировой зоны влияния США. В военных колледжах страны произошло нечто прежде невообразимое: для лучшего знакомства с потенциальным противником здесь стали изучать книги Мао Цзэдуна и Че Гевары. В докладе Пентагона от июля 1962 г. говорилось о необходимости выработки «программы действий, рассчитанных на поражение коммунистов без обращения к опасностям и террору ядерной войны; программы, направленной на подавление подрывных действий там, где они уже возникли, и, что еще более важно, на предотвращение возможного их возникновения. Другими словами — это стратегия как терапии, так и профилактики»[3]. Соединенные Штаты бросали вызов всем силам, влиявшим на изменение международной обстановки. Важно отметить, что США стали готовиться к борьбе против национально-освободительных движений, обучая для этого небольшие группы войск, учитывая особенности тех районов мира, где такая борьба могла бы развернуться.

[1] Public papers of the Presidents: John F. Kennedy, 1962, p. 127.

[2] *Ambrose S.* Op. cit., p. 283

[3] *Kaufinann W.* The McNamara Strategy. N.Y., 1974. pp. 66—80.

202

Американское руководство нуждалось в таком идейном обосновании, которое убедило бы американцев в необходимости «заплатить любую цену» в борьбе с народами, вставшими на путь национального самоопределения. Пропагандистская машина Кеннеди — Джонсона пошла по линии, начатой их предшественниками — демократами времен Г. Трумэна: обозначения внешнего врага в лице Советского Союза. «Холодная война» была охарактеризована Дж. Кеннеди как «борьба за первенство между двумя идеологиями: свобода вместе с Богом против безжалостной, безбожной тирании»[1]. Вся сложная система международных отношений была утрированно сведена к противоборству США с «силами зла» в лице Советского Союза. Угрозу американской империи демократы двух разных поколений описали в сходных выражениях. Президент Кеннеди: «Во всех пределах мира нам противостоит монолитный и не знающий жалости заговор, который направлен на распространение сферы влияния путем преимущественно подрывных действий»[2]. «Отражая коммунистическую угрозу», президент Кеннеди стремился перегруппировать силы американского империализма, привести в систему то, что подпало под американское влияние в 40—50-х годах. Примитивный и ложный подход искажал сложную картину бытия. В «вопросе вопросов» — как приспособить мир к Америке или приспособиться к мировым переменам — американская сторона занимала «активную» позицию. Освободившиеся страны должны были с точки зрения Вашингтона развиваться в желательном для США русле либо в противном случае встретить противодействие США. Кеннеди в 1961 г. полагал, что Соединенные Штаты достаточно сильны, чтобы диктовать свою волю этим государствам. Однако ход истории внес коррективы в подобное самомнение. Вехами его были Плайя-Хирон, Карибский кризис и Вьетнам.

У администрации Кеннеди было желание добиться быстрого успеха в решении «кубинской проблемы», с переориентацией страны, находившейся в 90 милях от их территории. Еще в ходе предвыборной кампании 1960 г. Кеннеди призывал к «серьезному наступлению» на Кубу[3]. Впоследствии Дж. Кеннеди проклинал экспертов из Центрального разведывательного управления и объединенного комитета начальников штабов, предсказывавших восстание населения против Фиделя Кастро сразу же после вы-

[1] *SchlesingerA.* Robert Kennedy and His Times. Boston, 1978, pp. 459—467.

[2] *Walton J.* Cold War and Counterrevolution: The Foreign Policy of John F. Kennedy, Baltimore, 1972, p. 9.

[3] Public Papers of the Presidents: John F. Kennedy, 1961, p. 320.

203

садки кубинских контрреволюционеров, поддерживаемых американцами. Позднее он объяснял: «Неодобрение им плана вторжения было бы воспринято как признак слабости, что явно не соответствовало общей линии поведения администрации»[1]. События показали, что влияние США в мире может ослабнуть не только от бездействия, но и от непродуманной активности. Серьезным испытанием президентского варианта стратегии глобальной экспансии стал так называемый Карибский кризис (октябрь 1962 г.).

Напомним, что в ответ на размещение американских ракет средней дальности близ советских границ — в Турции, Италии и Англии (ракеты «Юпитер») Советский Союз по согласованию с правительством Кубы начал установку там сходных ракет. Это вызвало пароксизм страха у американского руководства. В ходе этого кризиса Вашингтон показал себя готовым на все, включая ядерный конфликт. Готовность администрации Кеннеди пойти на риск ядерной войны должна была предполагать, что установка этих ракет меняет стратегический баланс между США и СССР. Но как согласовать с этой оценкой мнение ЦРУ и объединенного комитета начальников штабов, выраженное еще до начала Карибского кризиса, что американские ракеты среднего радиуса в Турции и Италии не влияют на общий стратегический баланс? Даже тайно созванный совет — «исполнительный комитет» Совета национальной безопасности пришел к выводу, что ракеты на Кубе не меняют стратегического баланса[2].

Советник и главный составитель речей Кеннеди — его биограф Т. Соренсен оценивал ситуацию таким образом: «Не вызывает сомнений, что эти размещенные на Кубе ракеты, взятые сами по себе, на фоне всего советского мегатоннажа, который мог бы обрушиться на нас, не меняли стратегического баланса *фактически*...Но баланс мог бы существенно измениться *по своей видимости;* в вопросах национальной воли и мирового лидерства такие видимости влияют на реальность»[3]. Как пишет по этому поводу американский историк С. Амброуз, «самый серьезный кризис в истории человечества разразился по вопросу о видимости. Мир подошел вплотную к тотальному уничтожению из-за вопроса о престиже»[4].

Один из высших чинов министерства обороны США предло-

[1] *Walton E.* Op., cit., pp. 36—37.

[2] *Ambrose S.* Op. cit., pp. 277—278.

[3] *Paterson Th.* a. o. Op. cit., p. 545.

[4] *Sorensen Th.* Kennedy. Boston, 1965, p. 321.

204

жил президенту Кеннеди забыть о ракетах на Кубе, игнорировать их, так как они не представляют собой дополнительной угрозы Америке и не нарушают общего баланса, благоприятного для США. Дж. Кеннеди ответил, что обязан действовать, в противном случае против него будет возбужден процесс импичмента — лишения президентского поста. Президент выступил по национальному телевидению 22 октября 1962 г. и объявил о блокаде Кубы (предложение, отстаивавшееся Р. Макнамарой)[1]. Все это показывает, что американская правящая элита находилась в состоянии невероятного опьянения своей мощью[2]. То были достаточно короткие годы упоения всемогуществом. Вслед за событиями на Плайя-Хирон Карибский кризис положил начало процессу отрезвления. Он имел определенное просветительское значение — содержал момент приближения к пониманию истины ядерного века: в современном ядерном конфликте не может быть победителей, и дипломатия должна помнить, что ее ошибки могут иметь

фатальные последствия. Столкнувшись с угрозой ядерной катастрофы в октябре 1962 г., Кеннеди осознал, что подобную цену не стоило платить даже за глобальное влияние. Отнюдь не разделяя идеи изоляционизма и ограничения притязаний, Дж. Кеннеди все же пришел к выводу, что абсолютное отстаивание превосходства повсюду может вовлечь США в ядерный самоубийственный конфликт, привести к национальной катастрофе.

Исторические уроки стали давать свои результаты. Стало предельно ясно, что «кризисное регулирование является слишком опасным делом и события могут развиваться слишком быстро»[3]. В 1963 г. была установлена прямая линия связи между Белым домом и Кремлем. В том же году Соединенные Штаты пошли на важный шаг — ограничение испытаний ядерного оружия. Договор об ограничении испытаний означал, что американская сторона увидела ту реальность, которую она прежде откровенно игнорировала: увеличение количества ядерных боезарядов не укрепляет безопасность США. Американская сторона предприняла беспрецедентные шаги: поддержала вместе с Советским Союзом в ООН резолюцию, запрещавшую размещение ядерного оружия в космосе, подписала соглашение о продаже СССР зерна. Особенно существенное значение имел заключенный в Москве в августе 1963 г. США, СССР и Великобританией Договор о запреще-

[1] *Ambrose S.* Op. cit., p. 287.

[2] *Kennedy R.* Thirteen Days: A Memoir of the Cuban Missile Crisis. N.Y., 1969, p. 67.

[3] *Rostow W.* The Diffusion of Power. N.Y., 1972, p. 297.

205

нии ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой, ставивший реальную преграду на пути совершенствования ядерного оружия, оберегавший экологическую среду и в целом служивший целям взаимного доверия. В речах президента прозвучали идеи, означавшие, что в понимании американским руководством своих интересов появился важный новый элемент: слепая враждебность к СССР может в кризисной ситуации погубить и глобальную зону влияния, и саму Америку.

Возглавляемый Дж. Кеннеди круг политиков на рубеже 1962—1963 годов как бы открыл для себя тот все усложняющийся мир, в котором прямолинейные силовые действия могут дать необратимые негативные результаты. Пройдя через период самоуверенности и силовой дипломатии, он обрел опыт и публично усомнился в универсальном значении американского образа жизни для мира, где большинство населения «не являются белыми... не являются христианами... и ничего не знают о системе свободного предпринимательства или подлинном юридическом процессе»[1]. На своей последней пресс-конференции президент проявил понимание сложности осуществления опеки над огромными территориями развивающихся стран: «Эти страны бедны, они настроены националистически, они горды, они во многих случаях радикально настроены. Я не думаю, чтобы угрозы, исходящие с Капитолийского холма, приносили те результаты, на которые мы часто надеемся... Я думаю, что это очень опасный, лишенный равновесия мир. Я думаю, что мы должны сосуществовать с ним»[2].

Одним из наиболее важных выводов из Карибского кризиса было осознание опасности распространения ядерного оружия. В начале 60-х годов ядерным оружием обладали четыре державы — СССР, США, Англия и Франция, на подходе к ядерному порогу находилась КНР. Дальнейшее распространение ядерного оружия сужало зону действия Вашингтона, с одной стороны, и грозило возможностью превращения обычных конфликтов в ядерные — с другой. США приложили в 1962 г. значительные усилия, чтобы замедлить развитие ядерных программ Англии и Франции, тех союзников, на которых Вашингтон мог оказать давление. Дж. Кеннеди увидел еще одну особенность ядерного века:

распространение ядерного оружия грозило подорвать исключительное положение самих США в этой области.

[1] World Politics. January, 1975. (J. Nathan. The Missile Crisis: His Finest Hour Now), pp. 280—281.

[2] Public Papers of the Presidents: John F. Kennedy, 1963, p. 321.

206

5. ПЕРВАЯ ПРОИГРАННАЯ ВОЙНА

В 60-х годах западноевропейский сепаратизм только зарождался, американские союзы были крепки, стратегический арсенал — на невиданной высоте. Самую большую проблему представлял в тот период процесс развития «третьего мира», эволюция недавно освободившихся стран, радикализация обстановки в Азии, Африке и Латинской Америке. Становление новых государств было принято за некую опасность, за отход от естественного порядка вещей. Активное противодействие неугодным процессам началось у американцев с вовлечения в чрезвычайно удаленный от США Лаос, о котором А. Шлезингер сказал, что «если это и не кинжал, направленный в сердце Канзаса, то все же это ворота в Юго-Восточную Азию»[1].

Впоследствии расследование, проведенное конгрессом США, и разоблачения журналистов показали, что превращение мирного Лаоса в «бастион свободного мира» на деле отдавало его территорию в руки Центрального разведывательного управления США. Бюрократический аппарат и даже местная авиалиния во второй половине 50-х годов содержались за счет ЦРУ. К моменту вступления Дж. Кеннеди в должность президента ЦРУ посредством субсидируемой им армии Фуми Носавана стремилось ликвидировать нейтралистские элементы в стране. Администрация Дж. Кеннеди постаралась найти американское решение проблем развития этой страны.

В мае 1961 г. президент Кеннеди решил довести понимание важности Лаоса как форпоста Америки в Юго-Восточной Азии до сознания широкой американской общественности. «Безопасность всей Юго-Восточной Азии будет поставлена под угрозу, если Лаос потеряет свою независимость. Его безопасность связана с безопасностью всех нас. Я знаю, что каждый американец хотел бы, чтобы его страна выполняла свои обязательства»[2]. Дж. Кеннеди использовал созданную в стране на протяжении предшествующих полутора десятилетий атмосферу согласия «заплатить цену» за мировое влияние, даже если предстояло вмешательство в дела самых отдаленных стран с совсем непохожей на американскую культурой. Как показало будущее, «вторжение» в проблемы Юго-Восточной Азии стало дорогостоящей авантюрой.

После возвращения из Индокитая вице-президент Л. Джонсон в 1961 году сообщил президенту следующее: «Судьба Юго-Восточной Азии определяется здесь. Нам нужно решить, должны

[1] Public Papers of the Presidents: John F. Kennedy. 1963, p. 401.

[2] *Schlesinger A.* Op. cit., p. 324.

207

ли мы помогать этим странам до пределов наших возможностей или «выбросить полотенце», оставить этот регион и отойти на наши оборонительные линии к Сан-Франциско, вернуться к концепции «крепость Америка»[1]. Выводы Л. Джонсона о необходимости укреплять именно дальние рубежи поддержали люди из окружения президента Кеннеди. Хотя очевидным было, что опорой США в Азии являются базы в Японии, на Окинаве, Тайване и Филиппинах, руководство США посчитало невозможным для своего престижа допустить поражение Нго Дин Дьема в Южном Вьетнаме.

Почему американцы во Вьетнаме пошли на крайние меры? В подготовленном

в 1962 г. для президента аналитическом документе Совета национальной безопасности говорилось: «Значительные потери территории или ресурсов сделают для США более сложным осуществление цели создания того вида мирового окружения, какое они желают, породят пораженчество среди правительств и народов в некоммунистическом мире и вызовут разочарование внутри США»[2]. Америка не имела права проигрывать, не имела права отступать, что могло привести к подрыву национального самосознания американского народа и веры в США союзников — высокомерие здесь достигло своего пика. Такая посылка привела к нелепой и страшной в своей трагичности ситуации: вдали от американских берегов Соединенные Штаты сконцентрировали почти все, что могли, стремясь к самоубийственной цели — «ни за что не уступить», хотя отступление в данном случае означало лишь признание за вьетнамским народом того права, которое американцы считают первым и самым священным для себя, — права самоопределения.

На ранней стадии конфликта во Вьетнаме, когда взвешивалось, во что обойдется для США участие в нем, цифры не казались имперским политикам внушительными. Госсекретарь Раск подсчитал, что для подавления освободительного движения в Греции пришлось потратить 50 тыс. долл. на каждого партизана. Во Вьетнаме, заявил госсекретарь, «ради достижения победы следует израсходовать любую сумму денег». В ноябре 1964 г., на относительно еще ранней стадии войны, У. Ростоу писал: «На этом этапе истории мы являемся величайшей державой в мире — если будем вести себя как величайшая мировая держава». В 1965 г. Р. Макнамара указал объединенному комитету начальников штабов, что при планировании операций не следует думать об эконо-

[1] *Halberstam D.* Op. cit., p. 116.

[2] Pentagon Papers, vol. IIII p. 647, p. 94; Department of State Bulletin, Aug. 30, 1965, p. 344.

208

мии, что «суммы на Вьетнам неограниченны. Ни при каких обстоятельствах отсутствие денег не должно быть препятствием»[1].

Впоследствии президент Л. Джонсон полностью разделит эти взгляды: «Самое процветающее общество на Земле может позволить себе расходовать сколько угодно»[2]. При Кеннеди США сделали первые шаги по пути военного вовлечения США во Вьетнам. Полномасштабным становится оно при Джонсоне. Представители военно-воздушных сил заверяли, что месяц интенсивных бомбардировок территории ДРВ приведет к победе. Советник по национальной безопасности М. Банди пришел к выводу, что достаточно будет трех месяцев бомбардировок. 2 марта 1965 г. американские бомбардировщики нанесли удар по плотинам в Демократической Республике Вьетнам. На традиционных встречах по вторникам со своими главными помощниками президент Л. Джонсон лично определял цели для бомбардировочной авиации.

Американская сторона игнорировала попытки решения конфликта мирным путем. Летом 1964 г. с обращением о созыве международной конференции по Вьетнаму выступили СССР, ДРВ, КНР, Франция, Лаос, Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама и генеральный секретарь ООН У Тан. В ответ американцы увеличили контингент своих войск с 16 до 21 тыс. Дальнейшее увеличение уже могло быть квалифицировано как ведение войны, а не просто «посылка советников». В августе 1964 г., воспользовавшись сфабрикованным предлогом — имевшим якобы место неспровоцированным нападением северовьетнамцев в Тонкинском заливе на американские корабли, президент Л. Джонсон получил от конгресса «карт-бланш» на эскалацию военных действий во Вьетнаме[3]. Конгресс давал главе исполнительной власти полномочия принять «все необходимые меры» для «отражения любого вооруженного нападения» на американские вооруженные силы. Так называемая Тонкинская резолюция

единогласно была принята в палате представителей (за нее проголосовали 416 членов палаты, голосов против не было). В сенате за резолюцию было подано 88 голосов, против — два. Путь к эскалации был открыт. Аргументы просты: если США потерпят поражение во Вьетнаме, то начнется быстрый упадок американского влияния в мире, дезинтеграция сферы влияния, что грозит появлением множества «вьетнамов» на периферии американской

[1] *Gaddis J.L.* Op. cit., p. 240.

[2] Pentagon Papers, vol. Ill, p. 647, p. 94; Department of State Bulletin, Aug. 30, 1965, p. 344.

[3] Public Papers of the Presidents: Lyndon B. Johnson, 1965, p. 69.

209

зоны[1]. По словам У. Ростоу, «если мы не сокрушим противника здесь, то вскоре будем вынуждены встретиться с ним в Таиланде, Венесуэле и других местах»[2].

Стоимость войны во Вьетнаме увеличивалась быстро и вскоре стала ощутима для бюджета богатейшей страны капиталистического мира. Военные расходы на операции во Вьетнаме составили: 9,4 млрд. долл. в 1965/66 фин. году; 19,7 — в 1966/67 фин. году; 22,4 млрд. долл. в 1967/68[3]. Социальные программы «великого общества» (системы внутренних реформ, предусматривавшихся Л. Джонсоном) были принесены в жертву вьетнамской войне, результатом чего явились невиданный разлад в стране в конце 60-х годов и инфляция, которая за период 1968—1978 годов увеличила вдвое стоимость жизни в США.

К 1967 г. на Вьетнам было сброшено больше взрывчатых веществ, чем в ходе всей Второй мировой войны в Европе. В 1965 г. американская авиация сделала 25 тыс. бомбовылетов, оставив на вьетнамской земле 63 тыс. т бомб, в 1967 г. — 108 тыс. вылетов, 226 тыс. т бомб. Начиная с июня 1965 г. американские войска вели войну против патриотических сил в Южном Вьетнаме. Численность армии США во Вьетнаме достигла 125 тыс. На пресс-конференции, проходившей 10 июля 1965 г., президент Джонсон заявил, что предела количеству американских войск, необходимых для победы во Вьетнаме, нет. Вьетнам нельзя было терять потому, считали в Вашингтоне, что это якобы могло повлиять на целостность глобальной американской зоны влияния и систему зависимых от США стран. При самых различных обстоятельствах президент Л. Джонсон не уставал напоминать соотечественникам, что «мы с 1959 г. не потеряли ни одной союзной нации»[4]. Американская элита в порыве самоослепления действительно решила «заплатить любую цену» за свои позиции на узкой полоске Азиатского материка. Заметим, что до второй половины 60-х годов расширение зоны американского влияния, американских обязательств рассматривалось Вашингтоном как естественное и практически не встречало оппозиции внутри страны. Начиная со второй половины 60-х годов в правящих кругах стало созревать убеждение в необходимости различать существенное и второстепенное, выделить действительно первостепенные по значимости для США регионы, форпосты и отделить их от зон, значение ко-

[1] Congressional Record, CX, Aug. 7, 1964, p. 18471.

[2] *Divine R.* Since 1945: Politics and Diplomacy in Recent American History. N.Y., 1975, p. 148.

[3] *Ambrose S.* Op. cit., p. 313.

[4] Pentagon Papers, vol, IV, p. 88.

210

торых менее существенно. Вьетнам способствовал развитию этого процесса, как ничто иное. Уже в 1968 г. государственный департамент начал «неблагодарную» работу по определению более и менее важных для США районов мира.

Америка бросила на решение вьетнамской проблемы огромные материальные силы. Численность войск в 1968 г. значительно превысила 500 тыс. Главный вопрос, вставший перед американским руководством, состоял, по определению известного американского историка Р. Такера, в выборе — «империя или обычная нация»[1]. Л. Джонсон выбрал первое, и в середине 60-х годов с ним было согласно

большинство американцев. Это большинство еще верило в имперскую роль Америки, в необходимость охранять все аванпосты. Сомнения охватили президента Л. Джонсона в феврале 1968 г., когда главнокомандующий американскими войсками во Вьетнаме генерал Уэстморленд в дополнение к находящейся в его распоряжении более чем полумиллионной армии запросил еще 206 тыс. солдат[2]. Лишь с помощью семисоттысячной армии обещал Уэстморленд «усмирить» Вьетнам. Но для этого нужно было призвать на действительную службу резервистов. Возникла необходимость в мобилизации в ситуации, когда непосредственно территории США никто не угрожал.

Важно отметить, что в середине 60-х годов Соединенные Штаты стали «охранять» свою безмерно растянутую зону влияния с отчаянной решимостью. Наиболее наглядным образом это проявилось во время событий в Доминиканской Республике весной 1965 г. Здесь произошел политический переворот, в результате которого к власти пришли силы, которые в Вашингтоне рассматривались как враждебные. Оценив ход политических событий в этой стране как неблагоприятный для американского влияния, президент Л. Джонсон 28 апреля 1965 г. отдал приказ американским войскам высадиться в Санто-Доминго. Это было нарушением международных правовых норм, в частности устава Организации американских государств. Но это была защита имперских интересов США, какое бы пропагандистское прикрытие ни выдвигал Л. Джонсон[3].

Годы вьетнамской войны способствовали политическому отрезвлению широких масс американского народа. Но отрезвление шло медленно. Большинство американского общества поддерживало войну во Вьетнаме, по меньшей мере, до февраля 1968 года. (На протяжении нескольких месяцев, до национального вьетнамского праздника Тет, вооруженные силы США прилагали ог-

[1] Public Papers of the Presidents: Lyndon B. Johnson, 1964, pp. 112—114.

[2] *Tucker K.* Nation or Empire? N.Y., 1968, p. 32.

[3] *Paterson Th.* Op. cit., p. 557.

211

ромные усилия по овладению контролем над Южным Вьетнамом. В США возникла уверенность, что перелом наступил, «дело сделано». Однако с наступлением праздника Тет Фронт национального освобождения Южного Вьетнама широким наступлением опрокинул все надежды интервентов и их пособников.) Парадокс, но президент Джонсон считал, что в проведении своей вьетнамской политики он нажимает на тормоз, а не на акселератор[1]. Лишь потери, понесенные во Вьетнаме, фиаско 1968 г. да потрясающие свидетельства очевидцев, журналистов и политиков, выступивших критиками вьетнамской авантюры, вызвали крах экспансионистской психологии. В умах ряда американских стратегов просветление началось уже в 1966 г. Выступая перед комиссией по иностранным делам американского сената, Дж. Кеннан утверждал: «Наш престиж в глазах мира будет больше в том случае, если мы решительно и мужественно отойдем с неразумных позиций и не будем упорно преследовать экстравагантные и ничего не обещающие цели»[2].

По мере того как США все больше увязали во Вьетнаме, круг политиков и советников, поддерживавших президента Джонсона, уменьшался. Один за другим уходили наиболее приближенные советники Кеннеди, либералы, профессора северо-восточных университетов. За ними потянулись старые приверженцы Джонсона. Даже у таких самоуверенных и хладнокровных деятелей администрации, как Р. Макнамара, война во Вьетнаме начала вызывать в 1966—1967 годах серьезную озабоченность[3]. За безоговорочное продолжение войны во Вьетнаме выступали только «ястребы» типа братьев У. и Ю. Ростоу. К марту 1968 г. Л. Джонсон оказался изолированным в собственной партии, в кругу прежних

единомышленников, и вынужден был 30 марта 1968 г. заявить о своем выходе из политической игры, об отказе баллотироваться на президентский пост во второй раз. Он совершил ошибку, направив огромные американские ресурсы к цели, достижение которой не укрепляло, а ослабляло США.

Исходя из опыта войны во Вьетнаме, конгресс США принял Акт о прерогативах в военной области, обязавший президента США давать отчет о действиях в срок, не превышающий 30 суток после вовлечения вооруженных сил США в военные действия[4].

[1] Public Papers of Presidents: Lyndon B. Johnson, 1965, pp. 286—237.

[2] *Kearns O.* Lyndon Johnson and the American Dream. X. У., 1976, p. 282.

[3] Senate Committee on Foreign Relations, Hearings, Supplement Foreign Assistance Fiscal Year 1966 - Vietnam. Wash., 1966, pp. 335—336.

[4] *Goldman E.* The Tragedy of Lindon Johnson. N.Y., 1969, p. 511.

212

Так сработал инстинкт самосохранения, так более дальновидные идеологи американской экспансии хотели обезопасить себя.

Почему американцы не пришли к выводу о необходимости выхода из Вьетнама раньше? Почему в американской политической стратегии исчезла гибкость? Ответ сложен, если обращаться к деталям, и относительно прост, если указать главное. В Вашингтоне откровенно боялись, что поражение США во Вьетнаме будет означать непоправимый удар по американскому влиянию во всем мире, потрясет всю систему внешнеполитических связей США. Со слепым упорством лучшие умы американской правящей элиты поставили себя, свои политические судьбы и огромный американский арсенал на защиту простой идеи. Зона влияния США в мире, если не будет расширяться, — начинает уменьшаться. Страх перед нисхождением, закатом, перед эпохой исторического отступления вызывал у вашингтонских стратегов готовность идти на немыслимые усилия.

Следует сказать также следующее. Никогда американская дипломатия не отличалась такой стойкой верой в то, что в основу внешней политики США положены научные методы, как в 60-х годах. В Пентагоне в 1966 г. был создан отдел системного анализа, целью которого было учесть все возможные факторы, избежать непредвиденного поворота событий, держать процесс проведения внешней политики под постоянным контролем. Наукообразная фразеология о математически точном восприятии мира и выборе оптимальной реакции на перемены в нем чрезвычайно характерна для времени Кеннеди и Джонсона. Технократы типа Р. Макнамары обращались к компьютерной технике. Образ ученого-дипломата, доктора наук — министра, известного историка — советника стал приметой тех лет. Президенты Кеннеди и Джонсон, несомненно, гордились образованностью своих министров. Питомцы Гарварда и Массачусетского технологического института относились к «простецким» методам анализа своих предшественников, людей Трумэна и Эйзенхауэра, как к топорным. Имперская политика в 1961 — 1968 годах приобрела вид упражнения в интеллектуальной игре, требовавшей учета всех факторов, качественных параметров и количественных оценок, нахождения оптимального и беспроигрышного решения.

Сложные методы подсчета в главных своих выводах по существу затемняли простой факт: мир не удовлетворен существующим положением, народы требуют справедливости, своего права на самостоятельное развитие и готовы ради торжества этого права пойти на жертвы. В случае с Вьетнамом Вашингтон недооценил значение международной солидарности с борьбой вьетнамского народа за независимость. Ошибкой дипломатии Вашингтона в 60-х годах была переоценка американских возможностей в

213

мире. Формально США готовы были ради обороны своей мировой зоны влияния вести «две с половиной войны» — одну в Европе, против СССР, одну в Азии,

против КНР, и «половинную войну» в любом другом месте земного шара. На практике даже война во Вьетнаме (та «половинная» война) оказалась для Америки непосильной.

6. ОТ ВЬЕТНАМА ДО РАСПАДА СССР

Первый детант

Американское могущество в конце 60-х годов было исключительно велико. ВНП США достиг в 1969 г. 930 млрд. долл. — почти вдвое больше, чем у государств крупнейшей зоны капиталистического мира — Западной Европы. 42 государства были связаны с США договорными отношениями. За пределами территории Соединенных Штатов были размещены 302 крупных и 2 тыс. менее значительных американских военных баз. Численность американских войск в 1969 г. достигала 3,5 млн., треть которых находилась за пределами США. Военный бюджет страны равнялся 75 млрд. долл. В Европе находились 300 тыс. американских солдат, на Дальнем Востоке — 100 тыс., в основном в Японии и Южной Корее. Таким образом, «пояс развитых стран был под контролем США»[1].

Но все более возрастающим становилось действие трех сдерживающих рост гегемонии США факторов: 1) Советский Союз достиг стратегического паритета с США; 2) поражение во Вьетнаме показало опасность одинакового (по интенсивности приложения американской мощи) подхода ко всем, ближним и дальним, существенным и второстепенным, подпадающим под американское влияние районам; 3) союзники начали отход в сторону восстановления своего урезанного в 40-х годах суверенитета.

Рассмотрим указанные факторы и постараемся оценить их воздействие на американские правящие круги. Первый фактор — утрата глобального стратегического превосходства над СССР. К концу 60-х годов в стратегическом арсенале США находилось более 2 тыс. носителей стратегического оружия. В их число входили 1054 межконтинентальные баллистические ракеты, 656 баллистических ракет на подводных лодках, 540 бомбардировщиков межконтинентального радиуса действия. Ценой значительных усилий СССР, находясь под прицелом указанного американско-

[1] *SchlesingerA. Jr.* The Imperial Presidency. М. У., 1973, p. 147.

го арсенала, сумел создать такое же количество носителей ядерного оружия. Между двумя великими державами возникло состояние относительно устойчивого паритета в военной сфере. Отныне Соединенные Штаты были вынуждены действовать на международной арене с учетом этой реальности. Вместо открытого провозглашения курса на достижение превосходства над СССР президент Р. Никсон вынужден был говорить о «достаточности» имеющихся у США стратегических вооружений, о допустимости состояния паритета с Советским Союзом[1]. Общественное мнение в стране, пережившей вьетнамскую авантюру, было настроено неприязненно по отношению к планам Пентагона. В период между 1970 и 1977 годами вооруженные силы США были значительно сокращены, что явилось следствием прекращения вьетнамской войны. Число эскадрилий ВВС уменьшилось с 169 в 1968 г. до ПО в 1974-м. Число армейских дивизий за это время сократилось с 23 до 16, число судов и подлодок ВМС — с 976 до 495[2]. Доля военных расходов в валовом национальном продукте США уменьшилась с 8,2% в 1969/70 фин. году до 5,2% в 1976/77 фин. году[3].

Второй фактор — поражение во Вьетнаме. При президентах Кеннеди, Джонсоне и Никсоне Южный Вьетнам был частью сферы влияния США. Стремление народа этой страны выйти из зависимости рассматривалось американскими правящими кругами как посягательство на внешнеполитические

прерогативы США. Такой взгляд на эту проблему содержал две существенные ошибки. Во-первых, происходившие внутри Вьетнама процессы были восприняты американским руководством как результат вмешательства внешних сил. Во-вторых, Южный Вьетнам был фактически приравнен по своей «ценности» для американских позиций в мире к наиболее близким союзникам. Комментатор «Нью-Йорк таймс» Р. Стал подверг критике подобный подход: «Элементарным правилом игры в силовую политику является то, что вы можете здесь выиграть, а там проиграть, но вы никогда не должны путать крупные фигуры с пешками»[4]. Полумиллионная американская армия на протяжении нескольких лет пыталась решить политическую проблему — «умиротворения» Вьетнама тех-

[1] *Aron R.* Imperial Republic. The United States and the World. 1945— 1973. W., 1974, p. 252.

[2] Public Papers of the Presidents: Richard M.Nixon, 1969, p. 19.

[3] *Collins J.* American and Soviet Military Trends Since the Cuban Missile Crisis. W., 1978, pp. 44-45, 93-107.

[4] *Corb L.* The Fall and Rise of the Pentagon: American Defense Politics in the 1970s. Westport,1979, p. 42.

ническими средствами — интенсификацией бомбардировок, созданием «стратегических поселений», применением тактики «выжженной земли». А проблема была не технической, а политической: вьетнамский народ желал самоопределения и не мирился с диктатом.

Поражение во Вьетнаме служит своеобразным поворотным пунктом в послевоенной политике США. Американский исследователь Р. Барнет говорит об этом следующим образом: «Вьетнамская война, конечно, была ошибкой, но не была несчастным случаем... Вьетнамская война имела уникальные итоги не потому, что американская политика фундаментально отличалась от той, которая позволила подавить партизанское движение в Греции в 1949 г. или сокрушить Доминиканскую революцию в 1965 г., но потому, что победа над вьетнамцами составила бы такую цену, уплатить которую Соединенные Штаты не смогли»[1]. Поражение во Вьетнаме послужило тяжелым уроком для Вашингтона и показало, что концентрация сил в одном, относительно небольшом районе отвлекла внимание от прочих более или менее охваченных американским влиянием регионов. Произошло заметное ослабление внимания Вашингтона к Латинской Америке — традиционной сфере «американских интересов» еще со времени провозглашения «доктрины Монро». Президент Л. Джонсон уменьшил значимость программы президента Кеннеди «Союз ради прогресса» — не пошел на интенсификацию экономического и культурного вовлечения США в дела Латинской Америки.

Ближневосточному региону Вашингтон уделил пристальное внимание лишь в ходе кризиса июня 1967 г. (когда Израиль в ходе шестидневной войны взял под свой контроль часть территории Сирии, Египта и Иордании). Необходимость положить конец позорной вьетнамской войне довлела над Белым домом. Президент обещал американскому народу выйти из войны «с честью». Американское руководство готово было пойти на многое, ведь недовольство в стране ставило под вопрос внутреннее единство, без которого невозможна была активная внешняя политика. Претендент Никсон стал сокращать контингент американских войск, но увеличил бомбардировки. Г. Киссинджер полагал и убеждал президента, что «сопротивление Северного Вьетнама имеет свой предел»[2]. Список еженедельных потерь американцев стал сокращаться, численность потерь гражданского населения Вьетнама — увеличиваться, а проблема тупика, в который зашли США, оставалась прежней.

[1] *Steel R.* Pax Americana. N.Y., 1964, p. 67.

[2] *Barnet R.* Roots of War. Baltimore, 1972, p. 7—9.

Американская дипломатия, чтобы избежать новых «вьетнамов», приняла ряд важных, перспективных решений. Во-первых, президент Никсон потребовал от политических деятелей изменить главенствующую со времен Кеннеди концепцию и выделить приоритетные для США зоны в мире. Постепенно стала пробивать себе дорогу идея, что не все части американской зоны влияния в мире равнозначны для метрополии. Начался процесс выделения союзников «первой категории», действительно «жизненно важных» — опоры зоны американского влияния. Уже в июле 1969 г. президент Р. Никсон самым решительным образом отказался от обещания, которое давал Дж. Кеннеди, — помогать «всем и повсюду». Г. Киссинджер как бы имитировал стиль инаугурационного обещания президента Дж. Кеннеди — излагая при этом противоположные по смыслу идеи, — когда писал: «Соединенные Штаты будут участвовать в обороне и развитии своих союзников и друзей, но Америка не может и не будет составлять все планы, определять все программы, осуществлять все решения и брать на себя всю оборону свободных наций мира... Наши интересы должны определять наши обязательства, а не наоборот»[1].

Выражением новой оценки стратегической ситуации в мире, возможностей США поддерживать свое влияние явилась так называемая доктрина Никсона, основные пункты которой содержались в выступлении президента на острове Гуам 25 июля 1969 г. Главная идея этой доктрины заключалась в том, что страны, находящиеся в сфере влияния США, делились на две категории. В отношении первых Р. Никсон обещал «обеспечивать щит ядерной мощи США». Это касалось наций, «союзных с нами или тех, чье выживание мы считаем жизненно важным для нашей безопасности». К этим странам относились государства западноевропейского региона, Япония, Австралия и Новая Зеландия, Израиль. Что же касается прочих стран американской орбиты влияния, то «мы обеспечим им военную и экономическую помощь, которая соответствует нашим договорным обязательствам. Но мы будем ожидать от нации, которая находится под угрозой, что она возьмет на себя преимущественную ответственность за обеспечение людской силы, необходимой для ее обороны»[2]. Это была уже новая политическая философия. Не весь мир, а лишь развитые зоны капиталистической системы объявлялись жизненно важными — ради преобладания в них США были готовы воевать. Огромная же масса развивающихся стран по су-

[1] *Morris R.* Uncertain Greatness: Henry Kissinger and American Foreign Policy. N.Y., 1977, p. 164.

[2] Public Papers of the Presidents: Richard M. Nixon, 1970, pp. 118—119.

217

ществу объявлялась лишь зоной желательного американского доминирования,

В те самые месяцы и годы, когда Америка втягивалась во вьетнамскую авантюру, а потом остановилась и начала медленную деэскалацию, угроза зоне американского глобального влияния начала исходить не только со стороны национально-освободительных движений, подобных вьетнамскому, но все более со стороны прежде близких союзников. Набирал силу процесс самоутверждения ближайших союзников США, он был подготовлен более быстрым, чем в США, индустриальным развитием Западной Европы и Японии. До конца 60-х годов объединенная экономическая мощь Западной Европы и Японии была меньше американской. На рубеже 60—70-х годов наступает качественно новый этап — два конкурирующих с США центра (каждый из которых создает свою собственную систему зависимых государств, т. е. свою зону влияния, западноевропейские государства — в Средиземноморье и Африке, Япония — в Восточной Азии) стали по совокупным экономическим показателям превосходить американскую мощь.

В «период Вьетнама» — между 1964 и 1972 гг. — в Азии колоссальным по

силе соперником американского экономического влияния стала Япония, а на Западе вырос экономический и политический соперник в лице Европейского экономического сообщества. Этот процесс превращения союзников в конкурентов происходил в период увеличивавшейся зависимости США от внешнего мира. В 1970 г. они экспортировали товаров на 27,5 млрд. долл., к 1977 г. эта цифра возросла до 121,2 млрд. долл. Американские фирмы находили более выгодным вывозить капиталы за пределы США: общая сумма прямых инвестиций за рубежом составляла 75,5 млрд. долл. в 1970 г. и 149,8 млрд. долл. в 1977 г[1].

В декабре 1969 г. ЕЭС приняло решение об увеличении Сообщества, что привело в последующем к принятию в «Общий рынок» Англии, Дании и Ирландии. Были также приняты решения об ускорении процесса интеграции, переходе ее в новые области. 1 января 1973 г. западноевропейская «шестерка» превратилась в «девятку». Страны «Общего рынка» превосходили США по населению и приближались к ним по объему совокупного валового продукта.

Япония в 1969 г. обошла по объему валового национального продукта Западную Германию, выйдя на второе место в капиталистическом маре. Восстановление мощи Западной Германии и

[1] Public Papers of the Presidents: Richard M. Nixon, 1969, pp. 905—906.

218

Японии привело к лишению США привилегированных позиций, на которых держалась Бреттон-вудсская система, созданная в 1944 г. Экономическая и валютно-финансовая система США уже не могла быть абсолютной опорой и гарантом всей системы международных отношений. «У нас нет золота, — жаловался советник президента Никсона, — мы лишились рычага воздействия на союзников»[1].

В октябре 1972 г. лидеры стран ЕЭС поставили перед собой задачу создания политического союза. Французы сняли свои возражения против вступления в ЕЭС Англии, и Сообщество декларировало свою готовность создать систему политического единства. Впервые за послевоенный период в капиталистическом мире у США появился конкурент, примерно равный им по основным параметрам — демографическим, экономическим, частично политическим и военным. Вокруг значительной части Западной Европы возникла новая «граница» — единый таможенный тариф «Общего рынка», стимулировавший импорт ближайших соседей на рынки девяти стран ЕЭС, а не далеких Соединенных Штатов. Индустриальный центр западного мира — промышленность Соединенных Штатов — стал встречать на пути своего проникновения в Западную Европу ограничения в виде таможенных барьеров ЕЭС. Более того, «Общий рынок» вовлекал в свою орбиту страны Средиземноморья и Африки, усложняя доступ на новые рынки развивающихся стран для американских компаний. Парадоксально, но не со стороны Востока, а из расположенного рядом со штаб-квартирой НАТО координационного центра ЕЭС в Брюсселе стала исходить угроза действий, подрывающих позиции США в мире. Экономическая и финансовая опора американского влияния — Бреттон-вудсские соглашения стали под натиском возрожденной Западной Европы анахронизмом. В одностороннем порядке США в 1971 г. отказались от них, прекратив обратимость доллара в золото и введя налог на импорт. Г. Киссинджер назвал эти действия «декларацией экономической войны другим индустриальным демократиям»[2].

Отмечая, что «новая Европа девяти была привержена теперь целям не только экономического, но и политического объединения», Г. Киссинджер пришел к выводу: «Эта экспансия и укрепление западноевропейского единства указывали на окончание фактического американского преобладания на Западе, которым

[1] *Paterson Th., Clifford J., Hagan K.* American Foreign Policy. A History since 1900, pp. 593—594.
[2] *Szulc T.* Illusion of Peace: Foreign Policy in the Nixon Years. N.Y., 1978, p. 454.

219

был характерен период с 1945 г. За исключением двух сверхдержав, западноевропейская экономическая и потенциальная военная мощь была теперь больше, чем у любого другого региона на Земле. Это единство было обречено на выработку своего собственного облика, своей собственной позиции»[1]. Г. Киссинджер не был уверен в дружественном отношении находящегося в процессе становления мирового центра — Западной Европы. Он считал утраченными иллюзиями «веру поколения выдающихся американцев в обеих политических партиях, которые считали гарантированным то, что объединенная Западная Европа облегчит наше глобальное экономическое бремя, продолжая в то же время следовать нашему политическому руководству. Они помнили лишь бессильную Европу конца 40-х годов, полностью зависимую от Америки в плане экономической помощи и военной безопасности. Они забыли, что Европа изобрела концепцию суверенности, что в Европе государственное искусство столетиями совершенствовало философию национализма, что нежелание европейских стран подчинить периферийные интересы более широким целям было главной причиной двух катастрофических мировых войн в этом столетии. Многое изменилось с 1945 г., и я всегда сомневался в том, что (Западная) Европа объединится с целью разделить наше (курсив Г. Киссинджера. — *А.У.)* бремя или что она согласится играть подчиненную роль, как только обретет возможность утвердить свои собственные взгляды».

В результате действия указанных факторов созданная в 40— 60-х годах система внешнеполитического воздействия США начала давать сбой: под влиянием негативного опыта, прежде всего вьетнамского, было расколото согласие большинства американского населения платить любую людскую и материальную цену за глобальный интервенционизм, за контроль над далекими заокеанскими странами; союзники и сателлиты не только отказались поддержать США в авантюрах, подобных вьетнамской, но усилили свой сепаратизм, активизировали поиски своей собственной линии в мировой политике; экономика США показала пределы своих возможностей, особенно это относилось к «бюджетному здоровью» страны; вьетнамская война резко увеличила государственный долг и создала предпосылки невиданной в послевоенное время инфляции.

Как теоретик внешней политики США, Г. Киссинджер отличался от предшественников тем, что не считал теории «кризисного реагирования» лучшим ответом на чрезвычайные проблемы, стоящие перед США. Кризисные ситуации он рассматривал как

[1] *Kissinger H.* White House Years. Boston, 1979, p. 955.

220

отражение и проявление более глубоких процессов; задачей интеллектуальной элиты считал такое обслуживание внешнеполитических интересов США, при котором усилия направлялись бы на создание базовых мировых структур, благоприятных Америке, а не на шлифовку методов процесса принятия решений в обстановке конфликта. Он писал: «Соединенные Штаты должны базировать свою внешнюю политику на предпосылках, аналогичных тем, которые другие нации исторически избирают для проведения своей политики. Доля в мировом валовом совокупном продукте, представляемая нашей экономикой, уменьшалась на 10% с каждым десятилетием: от 52% в 1950 г. до 40% в 1960, до 30% в 1970, до 22% в 1982 г. ... Оставаясь еще сильнейшей, но уже не превосходящей других нацией, мы должны были серьезно отнестись к мировому балансу сил, ибо если бы он обратился против нас, это могло бы оказаться непоправимым. Теперь мы уже не

могли ждать, когда угроза появится перед нами во всем объеме, теперь мы должны были увеличить наши ресурсы за счет новых концепций».

Г. Киссинджер придерживался той точки зрения, что причинами неудач в стратегическом планировании предшествующих администраций были утеря широкого исторического видения текущих процессов, неумение мыслить в масштабах долговременного процесса. Прагматикам в Белом доме, занятым текущими кризисами, не хватало воображения, видения цели, к которой нужно стремиться, умозрительной модели желательного для США мирового порядка. Импровизации не могли заменить долгосрочных, целенаправленных, целеустремленных усилий. Самые удачные тактические находки не компенсировали отсутствия концептуального осмысления взаимоотношений США с внешним миром. В результате бюрократия, энергичная в решении непосредственных задач, но близорукая в отношении перспективного осмысления своих действий, сделала внешнюю политику США цепью несвязанных решений, а не рядом последовательных, целенаправленных усилий по реализации общего генерального плана.

Дипломатия, убеждал Г. Киссинджер, должна меньше полагаться на «финальное» оружие и больше проявлять творческую активность по созданию условий, максимально благоприятных для влияния США в мире[1]. Эта позиция противостояла сугубому прагматизму всей многочисленной когорты политиков и профессоров периода Кеннеди — Джонсона. Предпосылкой выработки новой внешнеполитической концепции было убеждение Р. Ник-

[1] *Kissinger H.* Years of Upheaval. Boston, 1982, p. 131.

221

сона и его ближайшего окружения в том, что установившееся после Второй мировой войны в мире двухполюсное равновесие, основанное на противоборстве двух систем — не оптимальная схема. Интересам США, полагали они, лучше служила бы более сложная система — многополярный мир, в котором США более эффективно могли бы приложить свою мощь. Г. Киссинджер писал по этому поводу: «Двухполюсный мир не дает перспектив для нюансов; приобретение одной стороны означает абсолютную потерю для другой стороны. Каждая проблема оказывается приобщенной к процессу выживания. Малые державы раздираются между просьбами о защите и желанием избежать доминирования со стороны великих держав... В наших долговечных интересах создать более плюралистический мир»[1]. Статус-кво в мире, по мнению Киссинджера, должны вольно или невольно охранять не только ближайшие союзники США, но и их крупные политические противники. В более сложном мире ответственность за мировую стабильность, устраивающую США, объективно должна быть распределена между пятью вызревшими к рубежу 70-х годов центрами — США, Западной Европой, Японией, СССР и КНР. По мнению Р. Никсона, «пять великих держав будут определять экономическое будущее мира, а поскольку экономическая мощь является ключом к другим видам могущества, они будут определять будущее мира»[2].

Многополюсная система, с точки зрения идеологов группы Никсона — Киссинджера, давала большие возможности для создания «мирового порядка» (это выражение, часто употреблявшееся республиканцами Р. Никсона, характеризует более жесткую, более регламентированную мировую структуру). Одним из новых элементов в этой структуре должна была стать объединенная Западная Европа. В отличие от традиционных атлантистов Г. Киссинджер в своих работах уже в середине 60-х годов считал, что тесно сплоченная западноевропейская группировка должна быть целью американской внешней политики[3]. Позже (в 1968 г.) Г. Киссинджер определил как автономный и японский центр современного капитализма[4]. В первом же президентском докладе

о внешней политике США говорилось: «Никакой стабильный и прочный международный порядок недостижим без вклада нации, население которой составляет более 700 миллио-

[1] *Gordon K.* (ed.) Agenda for the Nation. W., 1968, p. 616.

[2] *Kissinger H.* American Foreign Policy. N.Y., 1977, pp. 56—57.

[3] Public Papers of the Presidents: Richard M. Nixon, p. 806.

[4] *Kissinger H.* The Troubled Partnership: A Reappraisal of the Atlantic Alliance. N.Y., 1965, pp. 41—64.

222

нов человек»[1], (имелся в виду Китай). Р. Никсон пришел к идее полезности для США признания КНР еще до своего избрания президентом, в разгар вьетнамской войны. В 1967 г. он писал о том, что «в далекой перспективе мы просто не можем позволить себе навсегда исключить Китай из семьи народов»[2]. Таким образом, возникла схема «пятиугольного мира», той желанной структуры, являясь частью которой США надеялись ослабить разрушительный бег времени, замедлить скорость мировых перемен, еще на одно поколение удержаться на главенствующих мировых позициях.

В новом пятиполюсном мире стало бы, по мнению Киссинджера, более вероятным достижение искомой стабильности не как результата столкновения интересов, а как результата увеличивающейся склонности «к взаимной сдержанности, сосуществованию и в конечном счете сотрудничеству»[3]. Избрание в качестве желаемой модели пятиполюсного мира было значительным изменением в американской внешнеполитической стратегии. Проводников американской политики в этом контексте интересовало уже не «реформирование» мира по американскому образцу, а стабильность мировой системы — значительная перемена глобальных приоритетов. Более реалистичным стало определение собственно американских интересов. В декабре 1969 г. Г. Киссинджер объявил, что «мы будем судить о других государствах, включая коммунистические страны, исходя из их действий, а не на основе анализа их внутренней идеологии»[4]. Во время визита в феврале 1972 г. в Пекин президент Р. Никсон провозгласил: «Нам важна не внутренняя политическая философия нации. Важно то, какова политика этой нации в отношении мира, в отношении нас»[5].

Стратегический паритет

Если предшественники хотели иметь превосходство над Советским Союзом по всем параметрам, то Р. Никсон выдвинул концепцию «достаточности». Лишь такое развитие стратегического планирования США позволило СССР и США зафиксировать примерный паритет центральных стратегических систем. То была дань реализму, и она сразу же оказала оздоровляющее влияние на всю систему советско-американских отношений. Прези-

[1] *Kissinger H.* American Foreign Policy. N.Y., 1977, p. 102.

[2] Public Papers of the Presidents: Richard M. Nixon, Wash., 1970, p. 181.

[3] Foreign Affairs, 1967, Oct., p. 121—123 (R. Nixon. Asia after Vietnam).

[4] *Kissinger H.* American Foreign Policy, p. 305.

[5] *Kissinger H.* White House Years, p. 192.

223

дент Никсон говорил: «Наша цель состоит в том, чтобы иметь уверенность, что Соединенные Штаты обладают *достаточной* (подчеркнуто нами. — *А.У.)* военной мощью, чтобы защитить свои интересы и поддержать те обязательства, которые администрация сочтет существенными для интересов Соединенных Штатов во всем мире. Мне кажется, достаточность была бы лучшим термином, чем превосходство»[1]. Основание для такого подхода было: отчаянный рывок Кеннеди — Джонсона в 1961 — 1967 годах не дал США долговременного стратегического превосходства, СССР достиг паритета на высоком уровне; эксперты республиканской партии с помощью цифр убедительно показывали, что

даже экстренные усилия не дадут США «безоговорочного превосходства», но поставят бюджет, да и всю экономику США в напряженное состояние.

На почве более здравого отношения к потенциальному противнику США заняли позиции, позволившие заключить первый договор об ограничении ядерных вооружений. По прошествии полугода пребывания у власти представители администрации Р. Никсона заявили о готовности начать переговоры с СССР, и они начались 17 ноября 1969 г. в Хельсинки. После двух с половиной лет переговоров удалось найти почву для обоюдовыгодного компромисса. Обе стороны, согласно бессрочному Договору об ограничении систем противоракетной обороны (подписан в Москве 26 мая 1972 г.), отказались от дорогостоящего и дестабилизирующего строительства систем противоракетной обороны.

Вторым важным шагом, сделанным в мае 1972 г., было заключение Договора об ограничении стратегических вооружений — ОСВ-1, согласно которому ограничивалось число стационарных пусковых установок МБР и пусковых установок баллистических ракет на подводных лодках. Договором и временным соглашением (сопутствующим договору) юридически закреплялся принцип равной безопасности в области наступательных стратегических вооружений. Поистине капитальные изменения произошли в стратегии глобальной экспансии: империализм США признал равной себе по силе и статусу другую державу — Советский Союз.

Разумеется, противостояние не окончилось. В декабре 1975 г., согласно единому интегрированному плану № 5, ядерные силы США и их союзников по НАТО были распределены для поражения 25 тыс. целей на территории СССР и его союзников по Варшавскому договору[2]. Военный бюджет США на 1975 г. знамено-

[1] *Nixon R.* The Memoirs of Richard Nixon. N.Y., 1978, p. 562.

[2] *Nixon R.* The Memoirs of Richard Nixon, p. 346; Kissinger H. White House Years, p. 127, 265-269.

вал собой конец тенденции первой половины 70-х годов — сокращения американских военных расходов в реальном исчислении и положил начало новому периоду их роста. США (как бы говорили эти явления) постепенно отказывались от схем, порожденных вьетнамским фиаско, схем «более прочной» мировой структуры. Экс-президент Никсон переживал фиаско в Калифорнии, у себя дома, а его ведущий теоретик Киссинджер становился все более уязвимой мишенью критиков надуманных схем.

Отчуждение Западной Европы

В феврале 1973 г. президент Р. Никсон пригласил английского премьера-консерватора Э. Хита в Вашингтон, надеясь увидеть продолжение тех «особых отношений», которые связывали его с предшественником — премьером-лейбористом Г. Вильсоном. Самое худшее, с точки зрения американского президента, заключалось бы в синхронном выходе вперед двух тенденций: ориентированного на ограничение внешней активности американского изоляционизма и западноевропейского протекционизма. Чтобы избежать этих опасностей, Р. Никсон предложил создать общие американо-английские группы по координации американо-западноевропейских целей и внешнеполитической стратегии, а также выдвинул идею созыва встреч на высшем уровне главных индустриальных стран Запада.

К удивлению американцев, Э. Хит не придал значения идее совместных американо-английских исследовательских групп, а обсуждение американо-западноевропейских отношений предложил отнести на будущее, когда будут

созданы единые западноевропейские политические институты. «Он хотел, чтобы на наши вопросы (Западная) Европа давала ответы как *единое целое»*[1], — пишет Г. Киссинджер (курсив Г. Киссинджера. — *А.У.).* Такое проявление самостоятельности Англии, поставившей связи с ЕЭС выше договоренностей с США, обеспокоило Вашингтон. Но еще более болезненно американская сторона восприняла новую линию самого опекаемого прежде партнера — ФРГ. В данном случае границы американскому влиянию в Европе ставила выпестованная американцами Западная Германия, прежде полностью зависимая от США, а к 1973 г. — вторая после США держава капиталистического мира. С точки зрения Г. Киссинджера, причиной переориентации канцлера ФРГ В. Брандта было его убеждение в том, что «достижение германского единства или по меньшей мере частичное преодоление внутригерманского раско-

[1] *Ball D.* Development in the: Strategic Nuclear Policy Under the Carter administration. Los Angeles, 1981. p. 8—10.

ла не могло быть достигнуто посредством беспрекословного подчинения Америке и НАТО»[1].

Изменение западногерманской позиции происходило на фоне уже устоявшегося, подчеркнуто самостоятельного курса Парижа. Напомним, что Франция в 1967 г. вышла из военной организации НАТО, именно она открыла двери ЕЭС перед Англией. Париж официально осудил вьетнамскую авантюру США и первый — после визита президента де Голля в Москву в 1966 г. — встал на путь нормализации отношений с СССР. Почувствовав уменьшение своего влияния в Лондоне и Бонне, американская сторона попыталась компенсировать потери на французском направлении, постаралась улучшить состояние дел в американо-французских отношениях. Но во Франции, после очередной победы голлистов на выборах в Национальное собрание, президент Ж. Помпиду назначил на пост министра иностранных дел своего личного советника М. Жобера, который стал одним из главных действующих лиц во время «выяснения атлантических отношений» 1973 — 1974 годов. М. Жобер оказался вторым по значению противником американской политики в Западной Европе после Ш. де Голля.

Главные державы Западной Европы взяли курс на ограничение американского влияния в сфере их деятельности и интересов. «Окончилась эпоха, — признал Г. Киссинджер, — определенная решениями, принятыми поколение назад... Главные среди новых реальностей: возрождение Западной Европы и ее интеграционное развитие; стратегический баланс Восток — Запад; превращение Японии в мировой центр, с которым атлантический мир не может не считаться. Эти факторы произвели драматическую трансформацию на Западе — перемена, представляющая самый глубокий современный вызов государственному искусству Запада... В Соединенных Штатах десятилетия глобального бремени вызвали, а разочарования войны в Юго-Восточной Азии акцентировали ослабление решимости поддерживать всемирное вовлечение на основе господствующей американской ответственности»[2].

Наступила пора нового перераспределения ролей, определения задач Западной Европы и США как важнейших доминирующих регионов капиталистического мира. Западноевропейским государствам предлагалось подписать «новую атлантическую хартию», в которой значилось бы, что «Соединенные Штаты имеют глобальные интересы и глобальную ответственность. Наши западноевропейские союзники имеют интересы региональ-

[1] *Kissinger H.* Years of Upheaval, p. 143.

[2] *Kissinger.* Op. cit., p. 144.

ные»[1]. В этом многие западноевропейцы сразу же увидели «соль» выступления

Киссинджера: Западной Европе предлагалось публично признать ограниченность своих мировых притязаний западноевропейским регионом.

Развивающиеся страны

Движение неприсоединения и «Группа 77» сплотили пестрый лагерь развивающихся стран, а Организация стран — экспортеров нефти стала лидером наступления «третьего мира», когда объявила в 1973 г. эмбарго на поставки нефти ряду развитых капиталистических стран, прежде всего США. Целью многих развивающихся стран стала борьба за установление нового международного экономического порядка (НМЭП), на что Соединенные Штаты отреагировали выдвижением тезиса о том, что руководители развивающихся стран требуют экономических улучшений не для своих народов, а для удовлетворения своих политических амбиций[2]. В январе 1976 г. министр финансов США У. Саймон обрушился на «фальшивых богов тех, кто желает установления нового международного экономического порядка», — экспроприации иностранной и вообще частной собственности, объединения экспортеров однородных продуктов. В обсуждении стратегической линии взаимоотношений с развивающимися странами судьба международного экономического обмена была прямо связана с судьбами главенства в мировой системе США. Заместитель министра финансов Дж. Парски объявил об этом публично в речи перед сан-францисским советом по мировым проблемам: «Если по политическим мотивам пойти на уступку с требованиями о создании новой экономической системы, то будет совершенно, невозможно, исходя из экономических оснований, оправдать наше желание сохранять нашу систему в будущем»[3].

Противники уступок развивающимся странам по существу объединились вокруг тезиса, что «неимущие нации хотят равенства с имущими нациями, не собираясь при этом проходить весь процесс развития». Их главные аргументы против соглашений с развивающимися странами были основаны на том положении, что уступчивость этим государствам будет означать крах всякой системы международной законности, растущий неоправданный волюнтаризм со стороны правительств развивающихся стран, го-

[1] Department of State Bulletin, May 14, 1973, p. 120.

[2] Ibid., p. 152-153.

[3] Commentary, Sept. 1975, pp. 27—40 *(Tucker E.* The New Egalitarianism and International Politics).

227

товых якобы порвать все прежние экономические соглашения и действовать сугубо в эгоистической манере. Новый экономический порядок будет, по их мнению, означать по существу беспорядок.

Большинство в правящих кругах Соединенных Штатов не устраивал сам подход, когда целью развивающихся стран объявлялось производство к 2000 г. 25% мировой промышленной продукции. Представители США официально заявляли, что они против подобных наметок, что они «настроены скептически в отношении полезности ставить перед собой формальную цель», потому что «не существует надежного, научно обоснованного базиса, согласно которому может быть определена конкретная цифра, определение глобальной цели лишь затемнит особые нужды большинства серьезно заинтересованных стран... Правительство Соединенных Штатов не имеет возможностей гарантировать, что их частный сектор может достичь определенной цели. Наше правительство не имеет — и не желает иметь — подобного вида контроля над нашим частным сектором»[1].

Соединенные Штаты возглавили усилия Запада по «отражению» натиска развивающихся стран с первых месяцев 1974 г., когда Вашингтон взялся за задачу координации общей позиции стран — членов Организации экономического

сотрудничества и развития (ОЭСР). Пример тому .— вашингтонская энергетическая конференция, созванная в феврале 1974 г.

В Западной Азии крупнейшей ошибкой администрации Р. Никсона была исключительная опора на «самый стабильный режим» — шахский Иран, которому с 1972 г. стали продаваться все виды оружия, за исключением стратегического. Ошибка этой ориентации стала очевидной для всех с падением режима шаха в 1979 г. На Среднем и Ближнем Востоке США не сумели занять более или менее прочных позиций в среде арабских стран (за исключением таких стран, как Саудовская Аравия), что осложнило реализацию американских интересов в этом районе после войны 1973 г. В Восточном Средиземноморье поддержка, оказывавшаяся американцами правительству «черных полковников» в Греции, стимулировала в 1974 г. волнения на Кипре, следствием чего были высадка на острове турецких войск и общее ухудшение греко-турецких отношений.

Республиканская администрация оказалась «не готовой» к распаду португальской колониальной империи, что привело к потере американских позиций в бывших португальских колониях — Анголе и Мозамбике, образованию линии так называемых

[1] Journal of Commerce, Jan. 19, 1976, p. 14.

228

прифронтовых государств, расположенных на границах с ЮАР, готовых оказать помощь черному населению ЮАР в борьбе против режима апартеида в Южной Африке и враждебных американскому влиянию.

Указанные события стали проявлениями таких революционных преобразований в мире, которые никак не соответствовали схеме «раздела обязанностей» между пятью мировыми политическими полюсами — схеме, лелеемой теоретиками во главе с Г. Киссинджером. Полагаем, что емкую и в целом верную оценку курса республиканцев дал американский историк Дж. Геддис: «Киссинджер стремился к философскому углублению американского подхода к мировым делам: концентрироваться на строительстве стабильного международного порядка между сверхдержавами, а уже потом приступать к различным кризисам повсюду... Только на этом пути, думал он, могли быть достигнуты необходимая пропорция и чувство направленного движения, исчезнувшее из недавней американской внешней политики. Оказалось, что достижение перспективы требует жертвы в отношении деталей: сверхупрощение является платой за более широкое видение»[1].

Итогом правления республиканцев Никсона — Форда была беспрецедентная со времен Ф. Рузвельта концентрация власти в руках президента и его ближайшего окружения за счет принижения роли таких традиционных центров влияния, как аппарат госдепартамента и Пентагон. С точки зрения внешнеполитических позиций США была заплачена большая цена: значительное отчуждение ключевых союзников, потеря контрольных позиций в зоне «потенциальных вьетнамов» — освободившихся государств, которые были ранее объектом, а теперь становились субъектом мировой истории.

Резкая критика модели пятиполюсного мира, в строительстве которого главные усилия приходились на американо-советский участок американской дипломатии, началась еще в то время, когда Г. Киссинджер только обосновывался в государственном департаменте. В первой половине 70-х годов оформились две школы критики: одна выступала за смещение фокуса отношений на западноевропейских союзников и Японию[2], вторая — за отказ от разрядки и обращение к увеличению собственной мощи Америки[3]. Первая школа, сконцентрировавшись в основном вокруг

[1] The Department of State Bulletin, Apr. 21, 1975, p. 520.

[2] *Gaddis J.L.* Op. cit. p. 333.

[3] *Brzezinski Zb.* The Deceptive Structure of Defense (Foreign Policy, 1974, Spring, p. 35—36); *Hoffmann A.* Weighting the Balance of Power (Foreign Affairs, 1974, Spring, p. 618-648).

229

«трехсторонней комиссии», фактически подготовила приход к власти Дж. Картера. Вторая школа, ориентируясь преимущественно на Комитет по существующей опасности, готовила почву к приходу в Белый дом Р. Рейгана.

Трилатерализм президента Картера

Начиная с 1973 г. в США получает все большее влияние идеология трилатерализма (союза трех центров капиталистического мира — США, Западной Европы и Японии). Стратегия трехсторонности противопоставила «пятиугольную» структуру мира, нереалистичную с точки зрения трилатералистов, «естественному» союзу развитых буржуазных демократий, посредством которого США на десятилетия вперед смогут продлить свое преобладание, сохранить свои позиции в мире. В 1973 г. создается главенствующее звено трилатерализма — так называемая трехсторонняя комиссия, в которую вошли по 70 представителей от США, Западной Европы и Японии. С точки зрения этой влиятельной группы политиков в США, увлечение Р. Никсона и Г. Киссинджера схематизмом, худшим сортом «реальполитик», привело к ослаблению важного элемента, на котором зиждется внешнеполитическое влияние США, — идейной солидарности развитых буржуазных демократий. Дж. Картер построил свою критику киссинджеровской дипломатии именно на основе осуждения «аморальности» тайной дипломатии 1969 — 1976 годов. Выступая в чикагском Совете по международным сношениям 15 марта 1976 г., Дж. Картер призвал отойти от практики вручения прерогатив ведения государственной политики одному изолированному лицу, от сверхцентрализации в проведении американской внешней политики: «Наша внешняя политика стала тайной, все ее детали и нюансы ныне известны, возможно, лишь одному человеку (имелся в виду Г. Киссинджер. — *А. У.*)... Поскольку мы передоверили осуществление нашей внешней политики, мы утратили нечто критически важное в нашем подходе к другим народам мира»[1].

Дж. Картер открыто обвинил Р. Никсона и Дж. Форда в том, что они способствовали ослаблению мощи Америки: «Наша страна более не могущественна, нас более не уважают»[2]. Став президентом, Дж. Картер недолго раздумывал над выбором первого эшелона руководителей для своей администрации. Из своего джорджийского поместья в Плейнсе он разослал приглашения 23 коллегам по «трехсторонней комиссии», и на четыре года

[1] *Ford G.* A Time to Heal. N.Y., 1979, p. 398.

[2] New York Times, 1976, March 16.

230

в США установилось правление идейных единомышленников, видевших в восьмилетнем правлении предшественников неудачную попытку построить умозрительный мир (да еще такой, где СССР и КНР были бы равны Западной Европе и Японии, да еще при этом и подчинялись бы благожелательной опеке США).

Новый президент выделил двух экспертов-трилатералистов — С. Вэнса и З. Бжезинского, поручил им руководство двумя ведущими центрами выработки стратегии (госдепартамент возглавил С. Вэнс, Совет национальной безопасности — З. Бжезинский) и в дальнейшем стремился найти равнодействующую идей этих двух своих помощников. Разумеется, в ряде важных положений два эти деятеля были едины, но по существенным пунктам конкретной политики обозначились разногласия, и тогда президент выступал арбитром. Такая система просуществовала почти до конца правления демократов, лишь за несколько

месяцев до этого С. Вэнс вышел в отставку (из-за несогласия с посылкой вооруженного отряда в Иран).

Пришедшие к власти демократы принципиально не верили в возможность успеха за счет неожиданного маневрирования и рискованных комбинаций. «Мир, в котором США диктуют свою волю большинству развитых и развивающихся стран, — писал З. Бжезинский, главный идеолог администрации Картера, — приходящийся на 50-е годы, неповторим». Глобальное всемогущество уже невозможно, целью Америки становится не абсолютное доминирование в нем, а «сделать мир более близким по взглядам к нам» и «предотвратить создание положения, когда Америка оказалась бы в одиночестве»[1]. З. Бжезинский стремился определить оптимальную стратегию для Америки путем обращения к более широкой исторической панораме. Он напоминал, что если в 1900 г. среди 12 крупнейших по населению стран мира значились шесть европейских держав (Россия, Германия, Австро-Венгрия, Великобритания, Франция и Италия) и две колонии (Индия и Индонезия), то к 2000 г. среди 12 наиболее населенных стран мира развитый капитализм будет представлен лишь Соединенными Штатами и Японией[2].

З. Бжезинский считал главной задачей американского руководства устранение негативных для мирового капитализма последствий ослабления Западной Европы, что помогло бы сохранить на долгое время уникальные условия, так возвысившие Со-

[1] *Witcover 3.* Narathon: The Pursuit of the Presidency, 1972—1976. N.Y., 1977, p. 596

[2] *Nathan E.* and *Oliver N.* Foreign Policy and World Order. Boston, 1981, p. 413.

231

единенные Штаты после окончания Второй мировой войны. Было бы исторической слепотой, полагал он, ставить во главу угла отношения США с СССР. Не отсюда исходит угроза Америке. «Угроза, перед которой стоит человечество, — это не советская угроза, а глобальная анархия»[1]. Эпицентр явлений, ослабляющих относительное могущество Америки в мире, подрывающих американскую имперскую систему, по мнению Дж. Картера и З. Бжезинского, сместился в развивающиеся страны, и главной линией мирового противодействия стала ось Север — Юг[2].

Американская политика, направленная на сохранение влияния Америки, должна быть инициативной и энергичной. «Нет никакой возможности избежать принятия активной, широкомасштабной американской внешней политики, направленной на решение проблем, внутренне присущих возникшему деколонизованному и политически пробудившемуся миру. В то же время именно ввиду того, что американская мощь относительно уменьшилась, становится все более необходимым, чтобы Америка все более тесно сотрудничала со своими главными друзьями вопреки политически привлекательному внутреннему давлению в пользу протекционизма и односторонности»[3], — утверждал З. Бжезинский. В этом тезисе заключается сущность политической стратегии администрации Дж. Картера. У США, взятых отдельно, недостаточно сил, чтобы справиться с исторической тенденцией, уменьшающей относительную мощь США, да и Запада в целом. Способ для сохранения их влияния был усмотрен администрацией Картера в объединении сил трех центров — США, Западной Европы и Японии. Сущность подхода нового правительства к американской внешнеполитической стратегии заключалась в более конкретном, чем при республиканцах, определении жизненно важных зон для США.

Доктрина «трехсторонности» — трилатерализм представляет собой попытку американского руководства разработать ответ на вызов, брошенный им коренными процессами мирового развития. В наиболее детализированном виде теоретическая основа стратегии администрации Дж. Картера представлена в

документе, подготовленном для президента в апреле 1977 г. Все члены мирового сообщества были разделены на три категории по степени интереса, который они представляли для США. В первую группу вошли «ближайшие друзья в индустриальном мире». Во вто-

[1] *Brzezinski Zb.* Power and Principle. Memoirs of the National Security Adviser. N.Y., 1983, p. 532.

[2] Ibid.

[3] *Paterson Th., Clifford G., Hagan R.* American Foreign Policy, pp. 624—625.

232

рую — образовавшиеся после деколонизации государства, в третью — страны, социальная система которых противоположна капиталистическим государствам. Степень приоритетности внешнеполитических задач была определена по следующей шкале:

— наладить координацию развитых капиталистических стран для выработки общего подхода к негативным для Запада явлениям международной жизни (прежде всего в вопросе выработки экономических связей Север — Юг);

— ослабить скорость распространения средств обретения могущества: замедлить процесс передачи атомных электростанций, реакторов и прочих ядерных объектов, сократить экспорт вооружений из зоны развитых государств в сферу развивающихся стран;

— ускорить решение проблемы «потенциальных вьетнамов»: вывести американские войска из Южной Кореи, добиться договоренности с правительством Панамы по вопросу о статусе Панамского канала и американского присутствия в его зоне, наметить пути ослабления конфронтации ЮАР и соседних африканских стран, попытаться добиться контроля над кризисом на Ближнем Востоке.

Дж. Картер призывал переместить американские усилия со «сверхувлеченности» диалогом Восток — Запад на те направления, где США могут эффективнее использовать свои внешнеполитические возможности, прежде всего на сплочение развитых западных демократий, объединение сил Запада[1].

Политика в отношении СССР

В официальном списке внешнеполитических приоритетов демократической администрации отношения с СССР всегда находились на третьем месте — после укрепления связей с союзниками и формирования общей линии Запада в отношении развивающихся стран. Этим подчеркивался отрыв от курса предшественников — Р. Никсона и Дж. Форда, которые якобы излишне акцентировали связи с СССР, расходовали американскую энергию на том направлении, где у США нет рычагов воздействия, убедительных козырей, эффективных дипломатических каналов. Трилатералисты постарались свести дело отношений с СССР только к военному, более того, военно-стратегическому аспекту, отводя всему спектру отношений с СССР третьестепенное в своем стратегическом видении место[2].

[1] *Brzezinski Zb.* Op. cit., p. 539.

[2] Public Papers of the Presidents: Jimmy E. Carter. 1977, pp. 956—957.

233

Стратегическое планирование в отношении СССР осуществлялось при президенте Дж. Картере в двух плоскостях. В одной — американское правительство признало паритет и подписало Договор ОСВ-2, фиксирующий примерное равенство стратегических арсеналов двух великих держав. В другой плоскости американское руководство упорно искало пути оптимизации своей военной машины, осуществляло модернизацию своих стратегических сил, с тем чтобы в случае конфликта обладать преимуществом и дать понять потенциальному противнику, что это преимущество весомо и неоспоримо.

1. Администрация Картера в общем и целом восприняла доктрину «гибкого

реагирования» — главенствующую военную доктрину США 60 — 70-х годов с теми поправками (перенацеливание на военные объекты), которые привнес в нее в середине 70-х годов Дж. Шлесинджер. В общем и целом стратеги периода Дж. Картера были едины в том, что существует примерное военно-стратегическое равенство и что это равенство следует сохранять. От первого своего теоретико-аналитического документа («Президентский обзорный меморандум № 10», весна 1977 г.) до последнего (послание министра обороны Г. Брауна конгрессу 19 января 1981 г.), — администрация признавала, что существует стратегический паритет, что этот паритет долговечен, что сломать его крайне сложно, если не невозможно.

Первый указанный документ, «Президентский обзорный меморандум № 10», был результатом президентского задания межведомственной группе в рамках Совета национальной безопасности об анализе глобального военного баланса и соотношении сил СССР — США. Его главная идея — имеет место равновесие, оно устойчиво. Согласно расчетам, представленным в меморандуме, ни одной из двух стран ни при каких обстоятельствах не удастся избежать второго, ответного, удара. Обмен ядерными ударами будет означать уничтожение трех четвертей экономики каждой из сторон. Людские потери, по приводимым расчетам, составят в СССР ИЗ млн., в США— 140 млн.[1]. Всеобщая ядерная война будет означать конец исторического развития для обеих стран. Во втором упомянутом документе, послании Г. Брауна конгрессу за три дня до ухода его с поста военного министра, указывалось, что возможность достижения одной из сторон стратегического превосходства — опасная фикция, ситуация взаимного гарантированного уничтожения сохранится на весь обозримый период[2].

При таком подходе (базовая идея которого гласит, что от си-

[1] *Brzezinski Zb.* Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N.Y., 1978, p. 293.

[2] «International Herald Tribune», Jan.7—8, 1978.

туации равенства никуда не уйти) создавались предпосылки договорной фиксации военно-стратегического паритета. К лету 1979 г. был достигнут компромисс, зафиксированный в Договоре ОСВ-2, подписанном советской и американской сторонами в Вене 18 июня 1979 г. Подписание этого договора означало, что администрация Дж. Картера считала исторически необходимым найти определенные ограничения в ходе гонки стратегических вооружений, что она потеряла веру в возможность силовым путем или путем технологических прорывов обойти СССР, поставить его перед ситуацией преобладающей мощи, заставить его корректировать свой внешнеполитический курс ввиду стратегического превосходства США. Договор ОСВ-2, каким он был подписан в Вене, мог бы стать отправной точкой изменения самоубийственных силовых основ внешнеполитического планирования.

США вынуждены были ограничить себя в численности баллистических ракет с разделяемыми головными частями не (более 1200 единиц), в численности крылатых ракет (не более 3000 авиационных крылатых ракет, новые носители не могли переоборудоваться из существующих транспортных самолетов). Общее число носителей ядерного оружия фиксировалось цифрой 2250. Согласно протоколу к Договору ОСВ-2, запрещалось развертывание крылатых ракет наземного и морского базирования дальностью свыше 600 км. Встреченная администрацией Дж. Картера оппозиция, а затем и изменение соотношения сил в самой администрации воспрепятствовали ратификации Договора ОСВ-2, он так и не получил силы закона. Однако договор не стал фикцией, обе стороны — СССР и США заявили о том, что будут соблюдать его положения до тех пор, пока на нарушение его положений не пойдет противостоящая сторона.

2. Примирение с идеей равенства с кем бы то ни было всегда было сложной

задачей для США, где все послевоенное поколение выросло в обстановке безусловной веры в неограниченное американское превосходство во всем, не говоря уже об области технологии. Поэтому признанию реальностей в мире сопутствовали попытки выйти из «заколдованного круга», суметь получить первенство, достичь недостижимых граней, обеспечить превосходство на любом рубеже. В годы президентства Картера эти попытки шли параллельно с признанием факта примерного равенства. В самом начале деятельности администрации Дж. Картера было принято решение о создании средств поражения космиче-. ских объектов — спутников. Известно, что спутники обеспечивают информацией СССР и США, что позволило, помимо прочего, выработать соглашения ОСВ-1 и ОСВ-2, проверяемые национальными средствами. Подготовка к поражению этих критически важных контрольных устройств не могла интерпретироваться

235

иначе, чем подготовка к созданию ситуации возможности первого удара. В июне 1977 г. президент Дж. Картер принял решение о переоснащении межконтинентальных баллистических ракет «Минитмен-3» новыми многозарядными боеголовками МК-12А, что сразу значительно увеличивало стратегический потенциал США. Эта сторона политики Дж. Картера в области ядерных вооружений нашла наиболее полное выражение в определяющем цели ядерного поражения в СССР так называемом «Едином интегрированном плане распределения целей» (СИОП-5Д.) Согласно этому плану, число целей в СССР увеличивалось с 25 до 40 тыс. Помимо прочего увеличение числа целей оправдывало наращивание американского ядерного арсенала.

Такое оснащение военной машины США могло быть достигнуто лишь за счет значительного увеличения военных расходов. Первый годовой военный бюджет при Картере равнялся 113 млрд. долл., последний — 180 млрд. долл. Администрацией Картера были ускорены работы над новыми стратегическими и обычными вооружениями. Наиболее существенные среди них: качественно новые по своим боевым данным ракеты подводных лодок «Трайдент-2», новые межконтинентальные баллистические ракеты МХ. Первый же военный бюджет демократов (на 1977/78 фин. год) давал дополнительные 450 млн. долл. на разработку крылатых ракет и самолетов-носителей. Было запланировано создание 14 подводных лодок типа «Огайо» до 1989 г. (три лодки в два года).

Продолжалось наращивание обычных вооружений. Согласно заданию, данному президентом Картером 20 февраля 1977 г. межведомственной группе по анализу советско-американских отношений и существующего глобального стратегического баланса, президентская директива № 18 определила рост обычных вооруженных сил США на последующие годы: число сухопутных дивизий было увеличено с 13 до 16. США постарались укрепить свои военные позиции прежде всего в развитых западных странах. Впервые почти за 20 лет произошло увеличение американского контингента в Западной Европе (на 20 тыс. человек), увеличены были и силы, расположенные в США и предназначенные для переброски в Западную Европу. На сессии совета НАТО в мае 1978 г. была принята пятнадцатилетняя программа военного роста НАТО. Речь шла, прежде всего, о примерно 100 программах общей стоимостью около 90 млрд. долл[1].

[1] Department of Defense Authorization for Fiscal Year 1982. Hearings before the Committee on Armed Services. United States Senate, 97th Congress, 1st Session. W., 1981, Pt. 1, p. 127.

236

Итак, с одной стороны, администрация Картера признала стабильность стратегического паритета и пошла на подписание Договора ОСВ-2, его фиксирующего. С другой стороны, наращивание обычных и ядерных вооружений не могло быть интерпретировано иначе, как стремление изменить этот паритет в

свою пользу. В период президентства Картера советско-американские отношения еще определенное время развивались как бы «по инерции», но лишенные трилатералистами прежнего внимания (1977 — 1979 гг.), а затем, в последний год правления Дж. Картера — после вхождения советских войск в Афганистан — эти отношения значительно ухудшились.

США и союзники

Главная идея основополагающего президентского меморандума от 30 апреля 1977 г. звучала так: «Привлечь Западную Европу, Японию и другие развитые демократии к политической кооперации посредством институционализации консультативных взаимоотношений и таким образом осуществить широкую макроэкономическую координацию в направлении стабильной и открытой валютной и торговой системы»[1]. Объединительная стратегия Дж. Картера включала в себя военный, экономический и социальный компоненты.

Первый компонент включал в себя программу укрепления военных связей и развертывания ракетно-ядерных вооружений. Основной задачей США стало осуществление долгосрочного планирования и укрепления позиций в блоке НАТО, повышение его значимости. В 1978 г. была принята — впервые в истории Североатлантического союза — пятнадцатилетняя программа модернизации НАТО. Под давлением американцев союзники были вынуждены согласиться на ежегодное 3-процентное увеличение своих военных бюджетов на протяжении последующих пяти лет. В декабре 1979 г. Совет НАТО принял решение о размещении в Европе 572 американских ракет средней дальности.

Одной из главных идей военно-объединительной стратегии Вашингтона между США и Западной Европой стало обеспечение взаимодополняющего производства оружия, а также движение в направлении стандартизации вооружений в рамках Североатлантического союза. Экономия военных бюджетов требовала прекращения дублирования при разработке и производстве одинаковых по назначению видов вооружения, так как «отсутствие стандартизации в НАТО вело к потере 30—40% эффективности

[1] The Defense Monitor. W., 1978, vol. VII, 9, p. 3.

программы вооружений натовских армий и 10 — 15 млрд. долл. ежегодно из-за параллельности научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ»[1].

Атлантической консолидации было придано особое значение ввиду резкого расширения и американского, и западноевропейского рынков оружия, появления в связи с этим возможностей сблизить военно-промышленные комплексы США и западноевропейских стран. Стоимость производства вооружений к моменту прихода Дж. Картера к власти у западноевропейских членов НАТО составила в 1976 г. примерно 40 млрд. долл. Расходы на закупку вооружений в США были в том же году в два раза больше — 77 млрд. долл[2].

Основой *второго*, экономического, компонента политики сближения США с Западной Европой и Японией было снижение взаимных барьеров на пути торговли в ходе крупномасштабных переговоров, так называемого «раунда Токио», в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ.) Цель — создание более тесной экономической взаимозависимости. Администрация демократов придавала особое значение намеченному на 1977 — 1979 годы финальному этапу «раунда Токио» (так назывались переговоры между США, Западной Европой, Японией по вопросу товарообмена капиталистического мира, достигшего 1,3 трлн. долл., которые начались в 1973 г. в Токио — отсюда название — и были направлены на сокращение взаимных препятствий торговле, таких, как тарифы, и др.). Интерес к нему был обусловлен тем, что американская экономика все больше ориентировалась на внешний рынок. В начале 70-х годов

доля торговли в валовом национальном продукте США составляла всего 4%, а в конце 70-х годов — около 10% ВНП. К тому времени восьмая часть занятых в американской промышленности рабочих производила продукцию, которая шла на экспорт, третья часть обрабатываемых земель давала сельскохозяйственную продукцию, которая продавалась за границами США, и в целом вклад экспорта в валовой национальный продукт страны стал составлять в конце 70-х годов 200 млрд. долл.

Администрация Картера стремилась к тому, чтобы использовать это расширение торговли между развитыми западными странами и сблизить экономику всех трех центров. Ради достижения этой цели США пошли на компромисс с Европейским экономи-

[1] *Brzezinski Zb.* Power and Principle. N.Y., 1983, p. 53.

[2] U.S. Congress. Senate. Committee on Armed Services. DOD. Appropriations for Fiscal Year 1977. Report to accompany H.R. 12438, 94th Congress, 2d session. Wash., 1976, p. 197.

238

ческим сообществом. США в марте 1979 г. согласились с требованиями западноевропейских стран в отношении большего «открытия» рынка США западноевропейским товарам, а также дали обещание отказаться от автоматического ввода компенсационных пошлин в случае открытого субсидирования западноевропейскими странами своего экспорта. Вашингтон в результате подписанного в 1979 г. соглашения предоставил льготы наиболее уязвимым отраслям экономики ЕЭС, таким, как электроника, телекоммуникации, железнодорожное оборудование.

Достигнутый компромисс заключался в том, что после введения новых, выработанных в ходе «раунда Токио» правил США с 1 января 1980 г. снизят к 1988 г. свои тарифы на 30%, а ЕЭС — на 25%. США согласились с тем, что ЕЭС будет иметь более высокие тарифы — 9,8% по сравнению с 8,3% у США[1]. Главным были не отдельные детали соглашения, а то, что была отодвинута угроза взаимного ожесточения: «Соглашение увело нас с дороги разрушительного протекционизма на путь больших экспортных возможностей». Цель подписанного в финале «раунда Токио» соглашения заключалась в том, что оно, по крайней мере на некоторое время, уменьшило угрозу возобладания протекционизма в торговых взаимоотношениях трех центров капиталистической конкуренции. Но Соединенным Штатам не удалось изменить основную направленность торговых потоков (для Западной Европы США перестали быть торговым партнером № 1) и ослабить решимость западноевропейского и японского центров окружить себя зоной преференциальной торговли. Прежде всего это относилось к ЕЭС. Одновременно с переговорами «раунда Токио» Европейское экономическое сообщество в течение 18 месяцев (начиная с июля 1978 г.) вело переговоры с блоком 57 развивающихся стран Африки, бассейнов Карибского моря и Тихого океана. Подписанная в итоге так называемая вторая Ломейская конвенция (31 октября 1979 г.) дала им льготный допуск на западноевропейский рынок, что, по сути, означало раздел развивающихся стран на сферы влияния. Страны «Общего рынка» вопреки пожеланиям и воле Вашингтона не желали совместного американо-западноевропейского подхода ко всей совокупности отношений с развивающимися странами. Создание зоны зависимых торговых партнеров — в основном поставщиков сырья на западноевропейский рынок — укрепляло как экономическое, так и политическое влияние ЕЭС в избранном регионе развивающегося мира. Создание относительно прочно оформленного союза по линии Западная Европа — Африка на основе особой экономиче-

[1] «Atlantic Community Quarterly», Fall 1979, p. 338.

239

ской политики, финансовых соглашений, капиталовложений в «ассоциированных» странах стало подталкивать и США не к «ровному» курсу в

отношении всей массы развивающихся стран, а к поиску фаворитов, зон влияния. Это резко ослабило экономический компонент объединительной политики Дж. Картера среди развитых западных стран.

Одним из наиболее важных элементов построения глобальной зоны влияния для США с 1944 г. (Бреттон-вудсские соглашения) было положение доллара. Напомним, что на этапе ослабления своих позиций, в 70-х годах, Соединенные Штаты манипулировали долларом, перейдя от состояния его твердого соотношения с золотом (до 1971 г.) к плавающему курсу. Правительство Дж. Картера в известной мере поощряло падение курса доллара в 1977 — 1978 годах, так как это улучшало торговые позиции США на внешних рынках и ослабляло позиции конкурентов, которые в 70-х годах начали активнее осваивать американский рынок. Однако такая политика не укрепила в результате американских позиций, более того, она вызвала объединение между собой конкурентов США против доллара.

Тормозом в распространении американского глобального влияния стал и сепаратизм ЕЭС в области валютной политики. В Брюсселе 4 — 5 декабря 1978 г. на сессии Европейского совета было принято решение о введении Европейской валютной системы (ЕВС) и в будущем единой расчетной единицы. Созданная в марте 1979 г. ЕВС предполагала определенные потолки колебаний обменного курса валют стран «Общего рынка». С тех пор основные валюты западноевропейских стран (кроме английского фунта) оказались связанными единым курсом колебаний. Этим заложена основа создания в будущем валютной зоны, конкурирующей с американской. Впервые в послевоенный период доллару был брошен практический вызов. В США создание Европейской валютной системы вызвало значительное беспокойство.

Таким образом, экономический компонент картеровской стратегии консолидации союзных и зависимых стран дал лишь частичные результаты. В тарифном соглашении 1979 г. мы видим компромисс, негативной частью которого для США является сохранение за Европейским экономическим сообществом права расширять зону своего влияния в развивающихся странах путем политики преференций. В валютной сфере Дж. Картеру не удалось подключить Западную Европу к политике укрепления доллара. Вашингтон не сумел предотвратить формирования сепаратной валютной политики ЕЭС.

Одна из главных причин неудачи трилатералистской политики Дж. Картера, целью которой было укрепление экономического влияния Америки в зоне развитого капитализма, состояла в серьезном отставании США от других развитых капиталистиче-

240

ских стран в области повышения производительности труда, темпы прироста которой в 1968 — 1978 годах составили в среднем за год только 1,5 %, почти в два раза меньше, чем в предшествовавшие 20 лет[1].

К экономическому компоненту картеровской политики укрепления глобальной зоны влияния следует отнести программу замедления передачи в «незрелые» регионы той техники и технологии, которые быстро уравнивают силовые возможности развитого капиталистического «треугольника» и огромной массы развивающихся стран. В первую очередь это относилось к передаче ядерной технологии[2] и торговле оружием (Дж. Картер провозгласил 19 мая 1977 г. программу ограничения продажи обычного оружия развивающимся странам)[3]. В поисках новых структур, закрепляющих американское влияние в мире, правительство США стремилось максимально «политизировать» ежегодные встречи семи ведущих капиталистических стран, была выдвинута идея превращения экономических встреч в верхах в стратегические встречи в верхах[4].

Третий компонент политики, направленный на сближение зоны развитого

индустриального общества, основанного на выборной демократии и свободном рынке. Осью американской внешней политики, публично утверждал президент, являются защита и распространение гражданских прав всех народов Земли[5]. Дж. Картер и его сторонники стояли за отделение «развитой» части мира от «незрелой», где парламентаризм еще не вылился в устойчивые формы. В первые три года правления Картера союзники реагировали на развернутую американцами кампанию в основном риторически. Но с ужесточением после декабря 1979 г. курса Вашингтона, как реакции на введение Советским Союзом военного контингента в Афганистан в декабре 1979 г., наступил этап, когда союзникам было предъявлено требование принять более жесткие меры в отношении СССР. Вашингтон ожидал проявления солидарности прежде всего от всех основных политических центров Западной Европы — Лондона, Бонна, Парижа. Эти три столицы продемонстрировали в своем отношении к силовому курсу Вашингтона значительное расхождение и в оценках, и в подходах к нему. Наиболее приближенной к американскому «эталону» была политическая линия Лондона, который, отчасти на-

[1] «Fortune», 1979, May 21, p. 31.
[2] «Wall Street Journal», Oct. 27, 1978.
[3] *Carter J.* Keeping Faith. Memoirs of the President. London, 1982, p. 68.
[4] Public Papers of the Presidents: Jimmy E. Carter, p. 520.
[5] *Brzezinski Zb.* Power and Principle. N.Y., 1983, p. 296.

ходясь в оппозиции к остальным странам Европейского сообщества, отчасти вследствие остаточных элементов своих «особых отношений» с США, продемонстрировал большее, чем у соседей, стремление к демонстрации атлантической солидарности. Правительство М. Тэтчер было склонно к усилению жесткости в своей политике. Если Англия продемонстрировала наибольшую солидарность с курсом Дж. Картера, то Франция поддалась американскому давлению в наименьшей степени. Творцы американской внешней политики не учли полностью то обстоятельство, что при президенте В. Жискар д'Эстэне разрядка в Европе принесла Франции упрочение ее экономических и политических позиций, позволила увеличить широту маневра французской дипломатии, давая возможность западноевропейской «девятке» вести более самостоятельную политику.

Франция стремилась заручиться поддержкой самой мощной экономической державы Западной Европы — ФРГ, которая в конце 70-х годов попыталась найти курс, идущий как бы между линиями Англии и Франции, допуская колебания то в ту, то в другую сторону. Одна из причин этого — военная зависимость ФРГ от США. Будучи в отличие от Парижа и Лондона более ограниченным в своих инициативах в рамках военного союза (на территории страны располагались полмиллиона натовских солдат, бундесвер подчинялся натовскому командованию), Бонн более чутко реагировал на различные инициативы из Вашингтона, поддерживая на сессиях совета НАТО позицию США. С другой стороны, в Бонне не могли не учитывать, что возвращение к «холодной войне» лишило бы ФРГ благоприятных экономических возможностей, вызвало бы негативные внутриполитические последствия. Западная Германия должна была иметь в виду, что в случае рецидива «холодной войны» под угрозой оказались бы ее разветвленные связи с Восточной Европой, торговля с которой в 1979 г. составила 7,5 млрд. долл.[1] — четверть торгового оборота ФРГ. Западногерманскими экономистами весной 1980 г. было подсчитано, что бойкот СССР обошелся бы ФРГ в 16 млрд. марок прямых убытков. 500 тыс. западных немцев работали над выполнением заказов из стран Восточной Европы. Не менее важно и следующее обстоятельство. С обострением мировой политической

обстановки, несомненно, были бы нарушены планы Бонна возглавить ЕЭС. Будучи экономически наиболее мощной страной этого объединения, ФРГ уступала в военно-стратегическом отношении Франции и Англии, и если вперед вышли бы соображения военно-политической, а не экономико-политической мо-

[1] Public Papers of the Presidents: Jimmy E. Carter. 1978, vol. II, p. 2164.

242

щи, то задача достичь лидерства в этом блоке была бы для Бонна осложнена.

Видя опасность, которую несет в себе жесткая линия Дж. Картера, Западная Германия вскоре после наступления в декабре 1979 г. обострения в советско-американских отношениях заняла позицию, близкую к французской, осудив спонтанный, непредсказуемый, импульсивный и опасный характер американской дипломатии. Бонн призвал к более точному определению атлантических обязательств. Отражая господствующие настроения, западногерманский журнал «Штерн» писал: «Наш союз с Америкой отнюдь не глобальный военный союз: такой был бы не под силу Федеративной Республике. Как легко может установить всякий, кто потрудится еще раз прочесть Североатлантический договор, это — региональный союз, ограничивающийся Европой и североатлантическим пространством. Мы не обязаны оказывать помощь за пределами района, охваченного Североатлантическим договором, и какие-либо американо-советские столкновения за пределами этого района не означают автоматического применения этого договора»[1]. Такая позиция означала, что Вашингтону не следует искать поддержки Бонна в попытках воздействия на Советский Союз, в осуществлении контроля Запада над ближневосточным регионом, в расширении сферы действия Североатлантического договора за пределы Европы. Просчет руководства Дж. Картера заключался в том, что оно верило в «автоматическое» воздействие фактора западного единства.

В общем и целом в Вашингтоне приняли желаемое за действительное и игнорировали саму возможность того, что у Западной Европы может быть иной, отличный от американского угол зрения на политику разрядки, на характер отношений с Востоком. Администрации Картера пришлось убедиться,' что западноевропейские страны с большей заинтересованностью относятся к принципам, выраженным в хельсинкском Заключительном акте. Вернуть Европу к временам «холодной войны» означало бы для западноевропейских стран превратить европейский регион в арену конфронтации, сворачивания контактов, нежелательного ожесточения. Для Вашингтона же достигнутая в 70-х годах определенная стабилизация в Европе была вопросом более второстепенным, чем упрочение связей с развитыми капиталистическими странами, на которые Вашингтон смотрел как на средство укрепления позиций США в мире.

Крайности американской внешней политики, принявшей глобальный размах в 40-х годах, уже тогда ощущались в Западной

[1] «Newsweek», Apr. 21, 1980, p. 12.

243

Европе, которая не пошла за Соединенными Штатами ни в Корее, ни во Вьетнаме. Карибский кризис 1962 г. оказал на нее глубокое воздействие и показал, с какой легкостью США идут на конфликт. В этих трех исторических эпизодах западноевропейские страны трижды столкнулись с опасностью возникновения ядерной войны и осознали, что в любом из этих кризисов первой жертвой была бы Европа. Очевидно, в Западной Европе более отчетливо понимают, что третья мировая война — если ее развяжут — будет для этого континента последней. Осознание этого отразилось в конкретной политике. Страны Западной Европы намного раньше США (которые пошли на улучшение отношений с восточноевропейскими странами лишь в начале 70-х годов, при президенте Никсоне) встали на путь разрядки с СССР. В середине 50-х годов, когда Америка

вела войну во Вьетнаме, генерал де Голль интенсифицировал политику разрядки, а вскоре другие руководители крупных западноевропейских стран приобрели более значительный — в сравнении с США — опыт связей с Востоком. Они стали дорожить ими, и попытки США разрушить их вызвали лишь разногласия между союзниками.

Многократно большая, чем американская, торговля Западной Европы с СССР и его восточноевропейскими союзниками явилась важной опорой связей Восток — Запад, тормозом на пути следования Западной Европы за менее связанными с восточноевропейским рынком Соединенными Штатами, для которых разрыв с СССР и странами социалистического содружества оказался бы экономически значительно менее существенным. Объем торговли Западной Европы с социалистическими странами к 1980 г. превысил 15,8 млрд. долл. — в несколько раз больше, чем объем соответствующей торговли США. «Западноевропейцы, — писала «Нью-Йорк таймс», — ведут выгодную торговлю с Востоком и опасаются, что новая «холодная война» положит конец контактам между людьми и снова создаст напряженную обстановку: на полях прошлых битв в Европе»[1]. «Сеть экономических сделок и гуманитарных контактов создает для западноевропейцев ставки, не существующие для американцев, так что Западная Европа ощутила солидные основания для отмежевания от американской позиции.

Согласно опросу общественного мнения, проведенному Институтом Гэллапа в апреле 1980 г., большинство населения ФРГ, Англии и Франции было настроено против поддержки США в возрождении ими политики «холодной войны» по отношению к СССР: «Блага разрядки, очевидно, настолько велики для запад-

[1] «Stern», 21 Apr., 1980.

ноевропейцев, что мы (американцы. — *А.У.)* просто не можем рассчитывать на их поддержку против русских где-нибудь еще в мире»[1].

США попытались повести за собой западноевропейских союзников так, как это было возможно лишь четверть века назад, не размышляя особенно над их собственным видением происходящего, над их собственными проблемами и интересами. Пренебрежение, проявленное Соединенными Штатами к консультациям с союзниками, к их интересам, привело к обратному результату — оно дало западноевропейцам возможность для проведения независимой политики.

Показателем того, что США не смогли достичь трехстороннего единства по выработке отношения к Востоку, может служить такой пример. Президент Дж. Картер послал канцлеру ФРГ Г. Шмидту перед его визитом в СССР в июне 1980 г. письмо, в котором пытался буквально запретить обсуждать в Москве вопросы размещения в Западной Европе американских ракет средней дальности. 21 июня 1980 г. президент Картер, госсекретарь Э. Маски и З. Бжезинский встретились в Венеции (где проходило совещание глав правительств семи ведущих стран Запада) с канцлером Шмидтом, министром иностранных дел Геншером и послом ФРГ в США фон Штаденом. Не президент США, а западногерманский канцлер выступил в роли инициатора «выяснения отношений». Он указал на то, что ФРГ «не пятьдесят первый американский штат»[2]. Невозможно представить себе подобный диалог между президентом Эйзенхауэром и канцлером Аденауэром или между президентом Дж. Кеннеди и канцлером К.-Г. Кизингером. Шмидт обвинил американских руководителей в попытке диктата, в необузданном высокомерии, в гегемонистском посягательстве на суверенные права их союзника. Г. Шмидт охарактеризовал «инструктивное» письмо Дж. Картера как оскорбительное. В определенном смысле эта последняя с участием Дж. Картера встреча в верхах была концом политики трилатерализма 70-х годов, концом попыток «сверху» продиктовать общую позицию. Превращение двусторонних отношений в подсобный инструмент для укрепления американских позиций в мире оказалось

малоэффективным.

Следующий вышедший из сферы влияния Вашингтона процесс — укрепление левых сил в ряде западноевропейских стран. Возможности США и прежде имели определенный предел, но все же прямая поддержка христианских демократов в Италии и

[1] «New York Times», April 10, 1980.

[2] «Washington Post», April 20, 1980.

245

режима «черных полковников» в Греции, оказание помощи режимам Салазара в Португалии и Франко в Испании раньше давали известные результаты. Во второй половине 70-х годов после массовых разоблачений деятельности ЦРУ и дискредитации оплачиваемых США проамериканских сил возможности Вашингтона уменьшились. На встрече лидеров Запада американский президент предпочел проводить обсуждение вопроса о возможности вхождения в состав итальянского правительства коммунистов с такими лидерами «стабильных стран», как канцлер ФРГ. Получило ясные очертания явление: для борьбы с левыми силами в Европе Соединенным Штатам уже не хватало собственных рычагов давления, необходима была помощь. Это, разумеется, сместило акценты, сделало роль США как гаранта статус-кво в Западной Европе более опосредованной. Возможности (а соответственно и влияние) США в западноевропейских делах уменьшились, что сразу же сказалось на эффективности попыток консолидировать развитые капиталистические страны как способа сохранения глобального превосходства США.

Вашингтону пришлось убедиться в том, что в Западной Европе, в отдельных ее странах, сильны блоки левых сил (что являлось значительным контрастом по сравнению с США), и эти силы умеют отличать гегемонистские интересы США от жизненных интересов западных стран. Это определенное различие во внутренней политической ситуации между США и Западной Европой ранее практически не имело значения для межгосударственных отношений западного мира, но к концу 70-х годов заняло видное место при определении позиций США и Западной Европы.

Препятствием в реализации западноевропейской политики США помимо вышеуказанных объективных обстоятельств был недостаточный учет Вашингтоном изменения соотношения сил внутри Европейского экономического сообщества. Главным событием в политической географии Западной Европы во второй половине 70-х годов стало закрепление тесных союзнических отношений между Францией и Западной Германией. Ушли в прошлое страхи Парижа, что вступление Англии нейтрализует (а то и вовсе ликвидирует) инициативы президента III. де Голля и канцлера К. Аденауэра, начавших в 1963 г. процесс франко-западногерманского сближения. Англия не только не стала в ЕЭС первым партнером Бонна (и это даже при лейбористах, более близких западногерманским социал-демократам, чем голлистско-республиканская коалиция во Франции), но, напротив, во многом переняла прежнюю роль Франции, роль стойкого охранителя национальных прерогатив. По негладкому пути западноевропейской интеграции Европейское сообщество пошло, ведомое франко-западногерманским тандемом, тогда как Англия превратилась

246

в хронического «замедлителя» интеграционных начинаний. Французское и западногерманское руководства не только нашли общий язык, но сумели выработать определенный механизм координации политики своих стран. «Именно подъем Франции и Западной Германии, — писала лондонская «Файнэншл таймс», — привел к изменению равновесия сил в Атлантическом союзе»[1].

На глазах у осуждавшей «сепаратные связи» как тормоз на пути трилатерализма администрации Дж. Картера укреплялась не имеющая особых — кроме консультативных — каналов связи, но весьма явно ощутимая «ось» Париж — Бонн. Сближение этих стран активизировало процесс западноевропейской интеграции, увеличило удельный вес западноевропейского центра капитализма. Взятые вместе, эти две страны стали самыми крупными импортерами сырья из развивающихся стран (за исключением нефти) и главными поставщиками промышленных товаров и финансовой помощи в развивающиеся страны, важным торговым партнером восточноевропейских стран и арабского мира.

Франко-западногерманский альянс создал ту «кристаллическую структуру», которая до определенной степени гарантировала ЕЭС от развала в период замедления темпов интеграции (валютной, экономической, военной, политической). Это явление (придание связям Бонна и Парижа роли «оси» «Общего рынка») было оттенено упадком влияния главного атлантического союзника в Европе, на которого, несомненно, рассчитывали в Вашингтоне, — упадком влияния Англии.

В своих отношениях с третьим силовым центром — Японией американская дипломатия также предприняла своеобразное наступление. В лице премьер-министров Такэо Фукуды и Масаеси Охиры они встретили более сговорчивых, чем прежде, партнеров, готовых подготовить для Японии в рамках «треугольника» более значимое место. Но японская сторона предпочитала не выдвигать «рискованных» инициатив и пряталась за спинами западноевропейских союзников США. А поскольку последние больше стремились к самоутверждению, чем к сознательному планомерному сближению, Япония не поддержала американский курс на сближение «треугольника» развитых капиталистических стран.

В целом, как показала историческая практика, политика администрации Дж. Картера не дала особых результатов в аспекте укрепления мировых позиций США. *Во-первых,* определенной ошибкой трилатерализма Дж. Картера было восприятие Западной Европы как «увязшей» в противоречиях интеграции. Проще

[1] *Vance S.* Hard Choices. Crucial Years in American Foreign Policy. N.Y., 1983, p. 361.

247

говоря, от стран западноевропейского блока в Вашингтоне не ждали собственных инициатив. Американские политики уже привыкли к перманентной стагнации интеграционного процесса на европейском Западе. Тупик на пути политической интеграции ЕЭС давал основания для суждений о том, что в Западной Европе и впредь будут ожидать направляющих инициатив из американской столицы. Как оказалось, это было ошибочное предположение. Хотя ход политической интеграции действительно замедлился именно в конце 70-х годов в Западной Европе весьма резко выросло политическое самосознание, здесь не только перестали взирать на заокеанских лидеров с прежней покорностью, но, более того, стали смотреть на Вашингтон после Вьетнама и Уотергейта как на весьма шаткий «капитанский мостик», откуда все чаще стала открываться искаженная перспектива мирового развития.

Во-вторых, в Вашингтоне определенно переоценили степень лояльности правящих кругов западноевропейских стран. Здесь господствовала та точка зрения, что колебания, пережитые капиталистической системой в период кризиса 1974 — 1975 годов, послужат надежным основанием для стремления «держаться вместе». До определенной степени эти ожидания оправдались, но далеко не в полной мере. Атлантические союзники действительно сгруппировались в таких коллективных акциях, как общий курс на переговоры с развивающимися странами (конференция Север _ Юг), однако по ряду других проблем западноевропейские лидеры видели в собственных политических действиях более

эффективный подход, здесь стали искать более окупаемые средства внешней политики.

В-третьих, американское руководство, судя по всему, преувеличенно оценило такие объединяющие институты западного мира, как Международный валютный фонд и Международное энергетическое агентство. Общее ослабление экономических позиций США в мире, «болезнь» доллара, возросшая зависимость от импортируемого сырья — все это поколебало доминирующее положение США в этих организациях.

Администрация Картера и развивающиеся страны

В отношениях со странами «третьего мира» администрация Картера исходила из основных идей, требующих после создания единого фронта Запада активного обращения к развивающемуся миру. На парижской конференции Север — Юг в 1977 г. государственный секретарь США С. Вэнс заявил, что «должна быть создана какая-то новая международная экономическая система Эта система должна обеспечивать равенство; должна обес-

печивать развитие; но прежде всего она должна обеспечивать справедливость. Мы готовы помочь созданию такой новой системы»[1].

Основными итогами конференции по международному экономическому сотрудничеству (так называемый диалог «Север — Юг») были решения о создании общего фонда для сырьевых материалов и специальная программа помощи объемом 1 млрд. долл. для особо нуждающихся стран. Главные же вопросы, такие, как индексация цен, отношение к заграничным инвестициям и филиалам заграничных компаний, остались нерешенными.

Правительство Картера объявило, что произведенный им «анализ выявил растущее значение слаборазвитых стран для интересов Соединенных Штатов» и что главными являются три причины: 1) без «третьего мира» не решить проблем роста народонаселения, стабильности экономического роста, нераспространения ядерного оружия, достаточного производства продуктов питания и энергии; 2) развивающиеся страны являются крупным торговым партнером США (четверть американской торговли); 3) развивающиеся страны имеют для США стратегическое значение (доступ к проливам, портам, авиабазам и т.п.) [2].

Главным тезисом политики администрации Картера стало требование дифференцированного подхода к развивающимся странам. По словам С. Вэнса, «развивающийся мир — это в действительности несколько миров: страны ОПЕК с их довольно крупными финансовыми излишками и способностью полностью оплачивать техническую помощь; такие страны «верхнего яруса», где происходит быстрая индустриализация, как Бразилия и Мексика; такие страны со «средним доходом», как Доминиканская Республика или Тунис, которые все еще нуждаются в помощи на льготных условиях, и страны с низкими доходами, например, страны Сахеля, которые финансируют свои программы в значительной мере благодаря льготной помощи»[3].

Правительство демократов увеличило ассигнования на программы помощи и другие мероприятия, направленные на увеличение влияния в «третьем мире». Показательна программа бюджета 1978 г. Президент испросил ассигнования на сумму 8,4 млрд. долл. Из них на двустороннюю помощь — 1,7 млрд., для международных финансовых институтов — 3,5 млрд., для так называемой помощи по обеспечению безопасности — 2,7 млрд., для программы развития ООН и Организации американских го-

[1] «Financial Times», November 24, 1978.
[2] «Christian Science Monitor», Feb. 19, 1977.
[3] Department of State Bulletin, March 12, 1977, p. 48.

249
сударств — 282 млн. долл[1]. Эти цифры говорили о возросшем внимании Вашингтона к проблеме развития ««третьего мира». При этом была видна тенденция увеличить значимость контролируемых Западом международных финансовых институтов — туда пошла почти половина выделенной суммы. Акцент был сделан на политическом аспекте: вторую по величине статью занимает «помощь по обеспечению безопасности», а иначе — привязка развивающихся стран к военным блокам Запада и американской военной промышленности.

Те же ассигнования, которые без обиняков называются военной помощью, составили в 1979 г. 838 млн. долл[2]. Они безвозмездно предоставлялись на чисто военные цели. В США была принята новая программа подготовки военных кадров для развивающихся государств. По этой программе готовились офицеры из 40 стран, на которых Вашингтон возлагает надежды как на оплот своего влияния в развивающемся мире. Согласно этой новой программе, акцент сознательно был перенесен с целей чисто военной подготовки на более широкие задачи — управление ресурсами данной страны, формирование тесных идейных связей с США. Так готовился дополнительный рычаг американского влияния в «третьем мире», пригодный к использованию в ситуации социальных сдвигов.

Доведя свои субсидии международным финансовым институтам, занимающимся помощью развивающимся странам, до 3,5 млрд. долл., американское правительство решительно отбросило видимую беспристрастность середины 70-х годов. Так, оно решительно выступило против займов семи конкретно названным странам — Кубе, Вьетнаму, Лаосу, Камбодже, Анголе, Мозамбику и Уганде, что явилось разительным контрастом с декларативными заявлениями американских государственных деятелей (в данном случае С. Вэнса) о том, что «Соединенные Штаты должны избегать попыток навязывать этим институтам политику, могущую подорвать их международный характер»[3].

Американские законодатели выделили дополнительные ассигнования в поддержку Международного банка реконструкции и развития на 1977/78 фин. год — 1,9 млрд. долл.[4], увеличение на 70%. Такова была демонстрация приверженности США этим ин-

[1] Department of State Bulletin, June 8, 1977, p. 27.
[2] The Budget of the United States Government, FY 1979, Wash., 1977, p. 33.
[3] The Budget of the United States Government, FY 1979, Wash., 1978, p. 42.
[4] Department of State Bulletin, Dec. 7, 1977, p. 31.

250
статутам как инструментам влияния на «третий мир». Способствовали ли американские программы сближению с «третьим миром»? В ноябре 1977 г. после четырехнедельных заседаний, в которых участвовали 106 стран, развивающиеся страны решили прервать переговоры о создании международного фонда для стабилизации международных рынков сырья, поскольку, как они заявили, некоторые богатые страны не хотят согласиться с основными их предложениями об этом фонде. Так закончилась крупнейшая при президенте Картере инициатива в отношении развивающихся стран в целом. Развитые страны и развивающиеся резко разошлись по вопросу о форме и функциях указанного фонда — главного пункта «интегрированной программы по сырью», предложенной Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) для регулирования продажи основных видов сырья и цен на них. Стороны, Север — Юг, не сошлись по главным вопросам: источникам создания указанного фонда; должен ли этот фонд финансировать программы разностороннего развития экономики и повышения производительности труда, а также буферные запасы сырья.

Западный лагерь во главе с США предложил крайне умеренный план объединения взносов отдельных организаций по сырью и передачи средств от

группы стран с активным сальдо странам, нуждающимся в наличных деньгах.

С точки зрения США, такие международные институты, как Международный банк реконструкции и развития и Программа развития ООН, в состоянии выполнить намечаемые в развивающихся странах задачи. Развивающиеся страны, однако, высказали сомнения в эффективности уже существующих институтов, в действенности уже принятых программ. Так, представитель Пакистана в ООН Икбаль Акхунд заявил осенью 1977 г., что положение ухудшается, на нашей стороне усиливается разочарование, а в индустриальных странах усиливается тяга к протекционизму»[1].

Столкнулись две линии. США стали оказывать давление на своих западных партнеров, чтобы создать общий фронт против «третьего мира». Ради этого они пошли даже на то, чтобы предоставить Латинской Америке (зоне их традиционных предпочтительных интересов) равные условия с азиатскими и африканскими развивающимися странами. Западноевропейские страны со своей стороны, опасаясь в грубой форме противопоставить себя Вашингтону, тем не менее (по линии ЕЭС) предпочли создать преференциальный союз с 60 развивающимися странами Африки, Вест-Индии и Океании, а в отдельности искали партнеров, богатых минеральным сырьем. В результате несовпадающих американской и западноевропейской линий поведения в «третьем мире» сила американского подхода была ослаблена.

[1] Economic Report of the President, 1978, p. 128.

В результате ужесточилась позиция США. Были приняты протекционистские меры. Обещанные соглашения о поставках товаров странам — поставщикам сырья заключены не были. Громкая риторика в Вашингтоне о том, что нужно предотвратить «надвигающуюся с юга бурю», не могла скрыть того факта, что уровень экономической помощи развивающимся странам не достиг первоначальной цели президента Картера — увеличения ее к 1982 г. вдвое.

В Вашингтоне сделали несколько демонстративных шагов оптимизации аппарата экономических связей с «третьим миром». При администрации Картера произошла реорганизация главного правительственного органа, имеющего дело с развивающимися странами, — Управления международного развития. Основной целью было добиться большей эффективности выполняемых программ, направленных на создание в развивающихся странах влиятельного буржуазного слоя, гарантирующего прозападную ориентацию данной страны. США в 1977—1980 годах упорно блокировали процесс пересмотра общей системы экономических связей. И на этом фронте трилатерализм потерпел поражение. Наиболее очевидно это выразилось в конфликте между США и Ираном, в ослаблении американских позиций в среде развивающихся стран в целом.

* * *

В ходе реализации американской глобальной стратегии в 1977—1980 годах Соединенным Штатам предстала не статичная, подкошенная экономическими и финансовыми неурядицами, пораженная инфляцией и массовой безработицей, податливая зона средних и малых государств, отказавшихся от права голоса в глобальных решениях, а, напротив, осознавший свои силы западноевропейский и японский центры капитализма, потрясенные экономическими испытаниями, но видевшие в них не фатальную неизбежность циклического развития, а во многом результат излишне тесной привязанности к заокеанскому колоссу, не создавшему надежного единого экономического фундамента. В итоге даже З. Бжезинский, упорный в своих предубеждениях, должен был признать невыполнимость осуществления трилатералистской концепции: «Администрация Картера пришла к выводу, что пути Соединенных Штатов и (Западной. — *А. У.)* Евро-

252
пы постепенно разошлись начиная с 60-х годов. Частично это была естественная эволюция, результат того, что союзники полностью оправились от эффекта Второй мировой войны и обрели ряд интересов, параллельных нашим, но различающихся во многих важных отношениях...Уотергейт и война во Вьетнаме внесли свой вклад в трудноощутимый процесс культурной деамериканизации Западной Европы, когда Америка уже не казалась более волной будущего и моделью для подражания. Угасание культурной притягательности Америки косвенным образом внесло свой вклад в угасание политического преобладания Америки»[1]. Различным было отношение к разрядке напряженности в Европе, к оценке ситуации на Ближнем Востоке и по ряду других вопросов. В американской администрации имели даже место страхи в отношении того, что сепаратизм Франции при президенте В. Жискар д'Эстене оживит великодержавные традиции в Западной Германии.

Итак, стратегическая линия США встретила в процессе своей реализации определенные трудности. В ходе ряда кризисов, особенно ощутимым среди которых для американского руководства был захват американских заложников в Тегеране и их пленение в течение 44 дней, Соединенные Штаты увидели, что союзники не готовы прийти к ним на помощь.

Внешнеполитические поражения Дж. Картера стали результатом во многом его собственных стратегических просчетов, невыполненных обещаний и обязательств. Он обещал уменьшить американское военное присутствие за границей, но увеличил это присутствие на 29 тыс. человек (с 460 тыс. в 1976 г. до 489 тыс. в 1980 г.). США выступили сторонником нераспространения расщепляющихся материалов, но стали продавать обогащенный уран даже странам, подписавшим Договор о нераспространении ядерного оружия. Администрация Картера обещала уменьшить военные расходы, но увеличила их только между 1981 и 1982 фин. годами на 14,5%. Вашингтон объявил о сохранении продажи оружия в развивающиеся страны, но увеличил экспорт собственного оружия с 8,3 млрд. долл. в 977 году до 15,3 млрд. долл. в 1980 г.[2].

Выступая проводником защиты гражданских прав, администрация демократов оказала таким государствам, как Аргентина, Бразилия, Гватемала, Индонезия, Иран, Марокко, Филиппины, Южная Корея, Тайвань и Таиланд, за период 1976 — 1980 годов военную помощь на 2,3 млрд. долл. и продала им оружия на 3,7 млрд. долл. Желая укрепить американскую зону влияния посредством опо-

[1] «The New York Times», Oct. 17, 1977.

[2] *Brzezinski 2b*. Power and Principle, pp. 311—313.

253
ры на «зрелые» демократии, правительство Дж. Картера не нашло ни верного пути, ни готовности союзников укрепить опоры глобального влияния США.

Дж. Картер в конечном счете ощутил на себе воздействие таких укрепившихся в конце 70-х годов организаций правых в США, как Комитет по существующей опасности. Члены этого комитета считали, что схемы Картера — благоглупости, что трилатерализм — обреченная идея, что положиться можно лишь на американскую мощь, а не на колеблющихся союзников (Картер) и не на схемы сближения с потенциальными противниками (Никсон.) Колоссальная по интенсивности идейная и психологическая кампания правых, снабжаемых идеями из таких «мыслительных» центров, как «Фонд наследия», Американский предпринимательский институт, Гуверовский институт войны, мира и революции, в начале 80-х годов привела к значительному изменению

политического климата внутри США, что благоприятствовало возвышению правых сил, сторонников энергичной обороны международных позиций Америки, защиты американской экспансии в мире.

7. АДМИНИСТРАЦИЯ Р. РЕЙГАНА: ВОЗВРАЩЕНИЕ К БИПОЛЯРНОСТИ

Из избирательной кампании 1980 г. победителем вышел кандидат в президенты от республиканской партии, бывший губернатор штата Калифорния Р. Рейган. Первые шаги в политике он сделал в 1964 г. — в том году, когда в США сформировалась консервативная группировка, возглавляемая сенатором-республиканцем Б. Голдуотером, считавшая, что президент Л. Джонсон слишком мягок по отношению к коммунистическим странам, к союзникам, к поднимающим голову развивающимся странам. Р. Рейган получил известность, пропагандируя идеи Голдуотера. В борьбе за президентское кресло в 1968 г. Р. Рейган, тогда уже губернатор крупнейшего штата — Калифорнии, уступил Р. Никсону.

Губернатор Рейган стал объединять вокруг себя политические силы, стоящие на правом фланге республиканской партии. Сторонники Рейгана опирались на разработки нескольких «мозговых трестов». Главные «фабрики мысли» правых, как уже говорилось — «Фонд наследия», а также Американский предпринимательский институт, Гуверовский институт войны, мира и революции при Стэнфордском университете, Центр международных и стратегических исследований при Джорджтаунском университете. Неоконсерваторы с Запада нашли связи с консерваторами в столичных кругах и на Атлантическом побережье. «Консерватив-

254

ная тяга» способствовала выдвижению идеологически однородного состава для выполнения наиболее ответственных миссий[1].

Годы борьбы Р. Рейгана за власть пришлись на время войны США во Вьетнаме. Он и его единомышленники никогда не соглашались с признанием вины Америки, не признавали ошибочности «сверхвовлеченности» США в Юго-Восточной Азии и активно боролись со взглядами «пораженцев». Если практики в лице Никсона, Форда и Картера и теоретики в лице Киссинджера и Бжезинского признали (в той или иной степени) поучительность вьетнамского опыта как подтверждающего «неправомочность усилий США на периферии», то группа Рейгана полагала, что о поучительности этого опыта можно говорить только в том смысле, что 700 советников в 1961 г. и 500 тыс. солдат в 1968 г. было мало. Нужно было в 1961 г. сразу же обрушиться на Лаос и партизан в Южном Вьетнаме всей мощью. При этом, с их точки зрения, полезно было бы выдвинуть ультиматум тем странам, которые оказывали помощь Демократической Республике Вьетнам.

Начиная с середины 60-х годов Р. Рейган был апологетом той политики Америки, которую она проводила во Вьетнаме. Еще будучи претендентом на пост президента, он заявил: «Мы осуществляли во Вьетнаме благородную миссию»[2]. Уже став президентом, он объявил, что пораженцы «не дали американским войскам добиться победы»[3]. В инаугурационной речи 20 января 1981 г. президент Р. Рейган не преминул почтить память тех-, «кто пал на рисовых полях Вьетнама».

Сторонники Рейгана по принципиальным соображениям отказываются признать «аксиомы» политики Никсона — Форда — Картера: факт ограниченности американских ресурсов, важность переговоров, пользу диалога с потенциальными противниками на основе равенства. Президент Рейган

принадлежит к тем, кто в отличие от большинства правящей элиты США не прошел «вьетнамский урок», не согласился признать ограниченность мощи США в быстро изменяющемся мире. «Его мир — это мир 1952 года, — писал обозреватель Х. Смит о Рейгане. — Он видит мир в черно-белых тонах»[4].

В администрации Р. Рейгана сплотились те, кто хотел бы за счет наращивания жесткости в отношении потенциальных противников и игнорирования интересов развивающихся стран создать альтернативу «сползающей» с вершины могущества Амери-

[1] *Paterson Th. e. a.* Op. cit., p. 645.
[2] Ibid., pp. 646-649.
[3] «The New York Times», August 19, 1980.
[4] «Virginia Quarterly Review», Fall 1981, p. 595.

255

ки, возродить стратегию, основанную на увеличении военного арсенала США и силового курса на международной арене. Часть стратегов республиканской администрации вышла из созданного в середине 70-х годов Комитета по существующей опасности — правой организации, поставившей своей задачей борьбу против процесса разрядки, Договоров ОСВ-1 и ОСВ-2, за новое американское самоутверждение в мире. Члены комитета заняли до 50% вакансий в высшем эшелоне администрации.

В формировании внешнеполитической стратегии Р. Рейган выработал свой собственный стиль. В отличие от своих предшественников он не стремился вникнуть в детали политического курса, он определял лишь общую стратегию, давал подчиненным общую «философию». При этом он не доверил конкретную реализацию этого курса кому-либо из своих помощников. Напротив, отличительной чертой президентства Р. Рейгана стало отсутствие деятельного творца внешнеполитического курса страны, роль которого при Р. Никсоне и Дж. Форде играл Г. Киссинджер, а при Дж. Картере — З6. Бжезинский.

При отсутствии «проводника» стратегического курса шла борьба между несколькими центрами планирования — государственным департаментом (возглавляемым А. Хейгом, а затем Дж. Шульцем), министерством обороны во главе с К. Уайнбергером, Советом национальной безопасности (утратившим часть своего прежнего престижа), кругом ближайших советников президента (Э. Миз, У. Кларк, М. Дивер, Д. Риган, Р. Аллен, Р. Макфарлейн). Президента устраивало это распыление прерогатив и власти. В целом на посты, имеющие решающее значение для выработки и реализации внешнеполитической стратегии, были назначены люди, ключевым качеством которых стала степень приверженности Рейгану, лояльности по отношению к президенту. Президент лично возглавил процесс пересмотра внешнеполитических концепций.

Сторонники Рейгана полагают, что из-за «демагогических трюков» демократов и либералов всех мастей американская капиталистическая система утратила свой былой ореол достойного подражания примера и стала чуть ли не обличаемым злом. Р. Рейган и его окружение подчеркнули ту мысль, что именно бизнес, сектор частной собственности дал Америке атрибуты мировой державы. Р. Рейган нарочито «идеологизировал» место Америки в мире и указал развивающимся странам, что только повторение пути капиталистического развития означает прогресс[1]. С точки зрения консерваторов рейгановского толка, ложная самокритич-

[1] «New York Times Magazine», November 16, 1980, p. 174.

256

ность вашингтонских космополитов привела к дискредитации государственного устройства, конституционной системы США, а это нанесло удар по международному влиянию Америки[1]. Между тем, несмотря на все недостатки, именно политическая структура США, считает окружение Рейгана, является

высшим достижением политического прогресса, образцом общественного устройства. Государства, не склонные видеть в Соединенных Штатах образец для подражания, стали изображаться Вашингтоном враждебными.

По мнению правых республиканцев, так называемый «вьетнамский синдром», многолетняя разоблачительная деятельность либералов привела к застою внешнеполитической деятельности США. Особенно энергично была обыграна правыми республиканцами неудачная авантюрная попытка, предпринятая предшествующей администрацией, по освобождению американских заложников в Иране 24 апреля 1980 г. Было организовано мощное психологическое давление на американский народ с целью изменить его восприятие мировых событий, дать власть тем деятелям, которые обещали ликвидировать бессилие Америки. Второй психологический прием, примененный сторонниками Р. Рейгана, — широковещательное утверждение о том, что возникла якобы опасность разрыва в уровнях стратегических вооружений. По их мнению, если позволить обстоятельствам развиваться своим путем, то возникнет «окно уязвимости» — бессилие США перед советской военной мощью[2]. Дальнейшая пассивность, утверждали они, приведет к быстрой потере Соединенными Штатами престижа мирового лидера, ответственной державы, покровителя своих союзников.

Были поставлены две крупные задачи: увеличить экономический потенциал США и увеличить их военную мощь. В соответствии с этим в экономике был выдвинут ряд инициатив, получивших название «рейганомики» (мероприятия по «высвобождению» резервов американского капитализма, по стимуляции американского экономического потенциала). Во внешней политике были осуществлены отход от картеровской «уважительности» к союзникам, поворот к опоре на собственные возможности. Ради достижения американского превосходства администрация Р. Рейгана предпринимала попытки возродить «холодную войну», встала на путь ужесточения международных отношений до степени двусторонней поляризации мира.

Главное отличие взглядов президента Р. Рейгана от его пред-

[1] Department of State. Current Policy, September 21, 1981, p.2.

[2] *Patterson Th.* e. a. Op. cit., p. 647.

257

шественников — Дж. Картера, Дж. Форда и Р. Никсона — заключается в оценке возможностей США в мире. Предшественники придерживались точки зрения, которую можно назвать «пессимистической». Они полагали, что процесс уменьшения внешнеполитических возможностей США — объективный процесс, который можно замедлить, но не повернуть вспять. Р. Никсон и Г. Киссинджер, Дж. Картер и З. Бжезинский не только отмечали падение относительного веса США в мире, но и признавали неизбежность продолжения этого процесса в будущем. Их кредо было сходно со следующей оценкой положения, данной госсекретарем С. Вэнсом: «Наша относительная экономическая мощь в мире неизбежно уменьшилась, частично вследствие восстановления и процветания пораженных войной индустриальных стран, частично потому, что другие страны либо проделали трудный экономический подъем в мире современной экономики, либо потому, что они обладают редкими и важными естественными ресурсами. Мы тоже внесли лепту в: наш относительный экономический упадок, растранжирив часть своего экономического капитала, позволив нашим заводам и оборудованию в ключевых отраслях стареть по мере того, как мы во все возрастающей степени стали обращаться к экономике сферы обслуживания. Мы пренебрегли фундаментальными исследованиями и разработками как в военной, так и в гражданской сферах»[1].

Для сторонников Р. Рейгана подобный пессимизм был неприемлем. Отличительная черта находящихся ныне у власти правых республиканцев

заключается в том, что они верят в перелом указанной тенденции, в то, что падение международного веса Америки можно остановить, что можно значительно укрепить американские позиции в мире. Для достижения этой цели, с их точки зрения, необходимы планомерные и сознательные усилия, и прежде всего отказ от фаталистического восприятия ослабления американской мощи. В инаугурационном заявлении Р. Рейган поклялся крепить экономическую мощь США: «Перефразируя Уинстона Черчилля, можно сказать, что я не для того дал клятву сейчас, чтобы председательствовать при распаде сильнейшей экономики мира»[2].

Для увеличения, внешнеполитических возможностей США нужно следовать двум основным, с точки зрения сторонников Рейгана, положениям.

[1] *Scheer R.* With Enough Showels: Reagan, Bush and Nuclear War N. Y. 1982, p. 67.

[2] *Vance S.* Hard Choices. Crucial Years in American Foreign Policy. N.Y.. 1983, p. 419.

258

1. Не следует излишне полагаться на понимание, благожелательность и склонность к сотрудничеству внешних сил. Можно использовать помощь союзников, но видеть в этом лишь вспомогательный фактор: у союзников немало эгоистических интересов, и прежний опыт говорит, что в решающих испытаниях они предпочитают отсидеться в стороне (Корея, Вьетнам, Ближний Восток и т. п.). Можно идти по пути договоренностей с потенциальными противниками, но нельзя на этих договоренностях основывать глобальную политику страны.

2. Военно-политическая мощь США огромна, для ее активизации требуется ослабить сдерживающий «вьетнамский синдром». Нужно, чтобы нация поверила во всемогущество своей страны, до Вьетнама никогда не знавшей военных поражений. «Эра сомнений в себе окончена. Американцы снова желают быть первыми, — заявил президент Рейган, — мы действуем с целью восстановить уверенность в американском руководстве посредством более энергичной защиты американских идеалов и интересов»[1]. Увеличение доли военных расходов в валовом национальном продукте всего лишь на 2—3% позволит обновить стратегические силы, вернуть военно-морскому флоту возможности контроля над Мировым океаном, модернизировать контингент обычных сил. Согласие на паритет с СССР означает пораженчество. Переговоры с Советским Союзом можно действенно вести лишь по завершении «броска» в стратегических вооружениях, что практически означало паузу в несколько лет.

Эти два постулата легли в основу курса, которому администрация Р. Рейгана упорно следовала все годы пребывания у власти. Правые силы заявили о своей готовности еще один раз испытать «исторический шанс» Америки: полагаясь на мощь страны, попытаться изменить условия внешнеполитической задачи — не приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам, а сконцентрировать усилия на увеличении собственной мощи и попытаться изменить негативные внешние факторы.

Руководство США выдвинуло программу базовых стратегических целей, достижение которых должно было привести к укреплению позиций США в мире в целом — как в противоборстве с миром социализма, так и внутри капиталистической системы:

— нарушить стратегическое равновесие в мире посредством интенсивных усилий в военном строительстве; обеспечить вооруженным силам США возможность ведения продолжительного

[1] *Reagan R.* Ronald Reagan Talks to America. Old Greenwich, 1983, p. 197.

259

ядерного конфликта с реализацией американского преобладания на всех уровнях;

— отойти от принципов равенства в отношениях с Советским Союзом, занять

положение «диктующей» стороны, сделать переговоры ареной конфронтации; постараться ослабить позиции СССР в «стратегическом уравнении»; консолидировать все имеющиеся силы; постараться оказать давление на советскую экономику; восстановить гегемонию в военных союзах, укрепить единовластие США в них, добиться приобщения союзников к открытому антисоветскому курсу Вашингтона;

— содействовать дифференциации развивающихся стран, поддерживать страны, представляющие собой опору США в «третьем мире»; закреплять связи с основными поставщиками сырья, активнее используя для этого продажу обычных вооружений и экономическую помощь;

— найти возможность сближения с КНР, не подрывая при этом связей с Тайванем, не ослабляя союза с Японией и «стимулируя» Китай на внутреннюю трансформацию в сторону капиталистического пути развития.

Последние годы биполярности

Утрированная враждебность к СССР «упростила» стратегическое видение Вашингтона в годы пребывания Р. Рейгана в Белом доме. Критерием дружественности той или иной страны по отношению к США стала не степень приближенности ее строя к идеалам буржуазной демократии, а степень антисоветизма ее политики. Р. Рейган и его окружение с января 1981 г. начали выводить на первый план анализа любой региональной ситуации фактор советско-американских отношений. Рейган утверждал, что «Советский Союз стоит за всеми происходящими беспорядками. Если бы не он, в мире не было бы конфликтов»[1].

Американское руководство стало внедрять антагонистическое видение мира, резко противопоставлять США и СССР. Как пишет американский исследователь Р. Шиэр, «на поверхность всплыла целая клика сторонников «холодной войны» из числа неисправимых «ястребов» и «новых ястребов», чьи симпатии никогда не были на стороне усилий в области контроля над вооружениями при правительствах Никсона, Форда и Картера. Члены этой группы категорически отвергают мирное сосуществование с Советским Союзом... Вместо этого они ищут возможности кон-

[1] *Smith H.* Reagan: What Kind of World Leader? — In: «New York Times Magazine», November 16, 1980, p. 172.

фронтации»[1]. Страны социализма характеризовались в необычайно мрачных даже по американским стандартам тонах. Никогда со времен Г. Трумэна в Белом доме не делали столь много резких заявлений в адрес СССР.

Создание ситуации стратегического преобладания над СССР занимало центральное место в стратегии и военном строительстве администрации Р. Рейгана. Ломка стратегического паритета и достижение Соединенными Штатами военного преобладания виделись предпосылкой оказания политического давления на социалистические страны. Предприняв значительное увеличение своего военного потенциала, республиканская администрация попыталась решить несколько задач:

— достижение превосходства по основным показателям в военной области;

— укрепление позиций американской дипломатии на двусторонних переговорах с СССР и на многосторонних форумах с целью реализации внешнеполитических целей США за счет уступок со стороны противников и за счет целенаправленного ужесточения своих позиций;

— втягивание Советского Союза в процесс гонки вооружений с целью отвлечения ресурсов в непроизводительные сферы, ослабление советской экономики, затруднение связей СССР с союзными и развивающимися странами, создание

возможностей для экономического давленая на СССР (программа наращивания американской стратегической мощи была рассчитана также на оказание воздействия на советское стратегическое строительство, ставила целью навязать СССР выгодные для США темпы и направления этого строительства, помешать принять меры по
противодействию новым шагам США в области наступательных систем, усложнить для СССР выбор перспективных направлений оборонного строительства, в частности определения баланса между его стратегическими силами и силами обычного назначения);

— укрепление американских позиций на Западе за счет усиления позиций США в качестве гаранта статуськво, защитника общих классовых интересов правящих группировок западных стран, за счет нагнетания напряженности в международных отношениях и их милитаризации, что позволило бы перенести центр взаимоотношений в западном союзе из сферы экономико-политической, где США теряют позиции, в сферу военно-политическую, где они доминируют.

Программа значительного наращивания военной мощи США

[1] *Smith H.* Reagan: What Kind of World Leader? - In: «New York Times Magazine», November 16, 1980, p. 172.

имела целью создание в мире американского военно-силового «фона» — потенциальной военной угрозы со стороны США всем противостоящим силам. Используя политическое давление на развивающиеся государства, администрация Р. Рейгана рассчитывала, во-первых, усложнить возможность проведения ими независимой политики; во-вторых, затруднить принятие развивающимися странами помощи со стороны социалистических стран. Таким образом, была поставлена задача ослабить политические позиции социалистических стран, особенно СССР, в развивающихся странах и, напротив, восстановить возможности для навязывания Соединенными Штатами своей воли этим странам.

О поворотных моментах в разработке стратегических идей и военном строительстве лучше всего говорят принятые в Белом доме директивы о решениях по национальной безопасности (ДРНБ) №13, №32, №85 и №119. Подписанная президентом Р. Рейганом в октябре 1981 г. директива о решениях по национальной безопасности №13 (ДРНБ №13) поставила перед вооруженными силами США, во-первых, задачу планирования применения ядерного оружия на ранней стадии конфликта, во-вторых, задачу создания условий для преобладания над противником на любой — от применения обычных вооруженных сил вплоть до начала ядерной войны — стадии конфликта[1].

Подписанная президентом в мае 1982 г. директива ДРНБ №32 представляет собой весьма детализированное изложение поведения США в случае начала войны с СССР. Планировалось безусловное и незамедлительное применение всех видов оружия массового уничтожения, в том числе ядерного. Предусматривался быстрый переход — в случае неудачи на более ранних ступенях — к быстрой эскалации конфликта. Реакцией Пентагона на ДРНБ №32 явился представленный уже в августе 1982 г. Совету национальной безопасности развернутый план ведения полномасштабной ядерной войны продолжительностью до шести месяцев[2]. Таким образом, уже летом 1982 г. стратегическое планирование в Вашингтоне обрело определенную цельность: вооруженным силам США была поставлена задача не исключать возможности начала конфликта первыми, лидирования по лестнице эскалации. Этим был завершен определенный этап в стратегическом планировании; на его исходе было решено применять имеющиеся средства неожиданно в максимальном объеме. После этого стратегическое планирование пошло по линии поиска но-

[1] *Scheer R.* With Enough Showels: Reagan, Bush and Nuclear War. N.Y., 1982, p. 5.

[2] «The New York Times», May 30, 1982.

262

вых участков борьбы с потенциальным противником, расширения фронта, переноса военных действий в космическое пространство.

Именно по этому пути пошло американское руководство в директиве о национальной космической политике от 4 июля 1982 г. и в принятой 25 марта 1983 г. директиве о решениях по национальной безопасности № 85. ДРНБ № 85, как и ее идейное продолжение — ДРНБ №119 (подписана президентом 6 января 1984 г.), посвящена вопросам милитаризации космоса. Две последние директивы знаменуют собой значительный отход от линии 70-х годов, когда американским руководством было решено отказаться от системы противоракетной обороны. Р. Рейган и его окружение сочли и этот подход пораженческим, отражающим неверие в способность США безусловно контролировать внешние обстоятельства. По существу, это крупнейший поворот в стратегическом планировании США. Перед американскими вооруженными силами была поставлена задача, во-первых, защитить территорию США из космоса, создать «космический щит», во-вторых, создать возможность «ослепления» противника, быстрого уничтожения космических коммуникаций СССР.

Темпы роста расходов на все виды вооружений были значительно увеличены и доведены до 8,5—10 процентов в год. В ходе стратегического строительства Р. Рейган резко увеличил ассигнования на ядерные вооруженные силы (за период с 1980 по 1984 г. они возросли более чем в два раза). В предшествующие шесть лет, с 1975 по 1981 г., расходы на развитие стратегических вооружений увеличились на 76%, а на силы общего назначения — на 144%. В следующие пять лет (с 1981 по 1985 г.) Р. Рейганом было намечено увеличить расходы на развитие обычных вооружений в два раза, а на развитие стратегических — в 2,6 раза[1]. За пятилетие 1981 — 1985 годов на производство новых видов стратегических вооружений израсходовано 222 млрд. долл.[2]. Эти показатели дают представление о количественной стороне дела.

Главным качественным ориентиром рейгановского военного строительства стало превращение прежней триады стратегических вооруженных сил в стратегическую систему, состоящую из пяти компонентов. К прежней триаде (межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты подводных лодок и стратегическая авиация) были добавлены еще два вида военных средств — крылатые ракеты морского, наземного и воздушного

[1] Strategic Review, 1984, Winter, p. 25.

[2] *Osgood K.* The Revitalization of Containment. — in: Foreign Affairs: America and the World, 1981, p. 19.

263

базирования и предназначенные для выполнения стратегических функций ракеты средней дальности. Кратко рассмотрим эти пять компонентов.

1. Создание нового поколения межконтинентальных баллистических ракет двух видов. Первые из них — сто ракет МХ — предположительно разворачивались в 1986 — 1990 годах. Вторые — мобильные моноблочные межконтинентальные ракеты «Миджитмен» числом от трех до пяти тысяч — к началу 90-х годов[1]. Каждая из боеголовок ракет МХ имеет десять мощных индивидуально направляемых боезарядов; изучались возможности увеличения их числа до 12 и более. Это означало, что прирост числа стратегических боезарядов за счет ракет МХ составит как минимум 1000.

2. Осуществление программ строительства десяти-двенадцати подводных лодок-ракетоносцев «Трайдент» с ракетными системами «Трайдент-2» говорит о том, что главная тенденция в размещении основных стратегических сил в океанских просторах не будет нарушена, напротив, она будет продолжена. Каждая из атомных подводных лодок типа «Трайдент» имеет 24 ракетные шахты,

каждая из ракет несет четырнадцать ядерных боезарядов.

Администрация Р. Рейгана внесла качественно новый момент в строительство военно-морского компонента своих стратегических сил. Он заключается в резком увеличении точности стратегических ядерных зарядов подводных лодок. На восьми первых подводных лодках типа «Трайдент» установлены ракеты С-4, гораздо более точные, чем прежние. Начиная с девятой, подводные лодки типа «Трайдент» будут вооружены ракетными системами «Трайдент-2» с ракетой Д-5 (дальность полета 11 тыс. км,), столь же мощными и, пожалуй, самое главное, столь же точными, как и ракеты МХ.

3. Администрация Рейгана осуществила первое крупное обновление военно-воздушных стратегических сил США за более чем 20 лет. В первый же год своего президентства Р. Рейган принял решение о создании флота тяжелых бомбардировщиков Б-1Б, а на втором году президентства — решение о создании наиболее усовершенствованных бомбардировщиков «Стелс». Сто тяжелых бомбардировщиков Б-1Б должны были быть вооружены большим числом (до 5 тыс.) крылатых ракет[2].

4. Четвертым элементом стратегических сил США становится колоссальная армада крылатых ракет. Планировалось довести

[1] *Brown B.* The Faces of Power. Constancy and Change in U.S. Foreign Policy from Truman to Reagan. N.Y., 1983, p. 593.

[2] The Defense Monitor, 1983, vol. 12, No 7, p. 8.

их суммарную численность до 12 тыс. единиц[1]. Эта программа стратегического строительства удваивала современный стратегический арсенал США. Такие характеристики крылатых ракет, как исключительная точность и трудность обнаружения, придают качественно новое значение этому виду стратегических сил. В министерстве обороны США крылатые ракеты были определены как «идеально подходящие для осуществления ограниченного ядерного удара».

5. В пятый компонент стратегических сил США превращаются исключительно точные ракеты средней дальности. Между 1983 и 1988 годами в Западной Европе предполагалось разместить 108 ракет «Першинг-2» и 464 крылатые ракеты наземного базирования. Это только начальные цифры. В дальнейшем в Европу, по уже имеющимся планам, предполагается доставить не менее 384 ракет «Першинг-2».

Стратегия США в 80-е годы преследовала цель обеспечить военное превосходство. Это — попытка выйти вперед, изменить ситуацию ракетно-ядерного паритета двух великих держав. После утверждения в 1981 — 1982 годах основных наметок стратегического строительства и проведения их через конгресс администрация Р. Рейгана, как уже говорилось, приступила к расширению сферы действия стратегических сил США, к перенесению этих действий в космическое пространство, а именно:

1) создание противоспутникового оружия;

2) разработка противоракетной системы, дислоцированной в космическом пространстве.

Программа создания противоспутникового оружия предполагала разработку и развертывание таких систем, которые позволяли бы уничтожить находящиеся в космосе средства слежения потенциального противника, сделать для него невозможным наблюдение за перемещением вооруженных сил США, корректировку собственных оборонительных систем. В сентябре 1982 г. в военно-воздушных силах США было создано специализированное космическое командование. В июне 1983 г. космическое командование было создано в ВМС США. В 1984 г. начались испытания противоспутниковой системы АСАТ — качественно нового шага в космической технике. АСАТ представляет собой

оружие, запускаемое с истребителя Ф-15, поднимающегося на значительную высоту. Это — двухступенчатая ракета, несущая специальную боеголовку, созданную для уничтожения спутников. Намечалось создание 112 противоспутниковых боеголовок, что примерно достаточно (в случае попадания каждой из запущенных ракет) для уничтожения всех спутников слежения и оповещения,

[1] United States Military Posture for FY 1985. Wash., 1984, p. 90.

265

которые вращаются вокруг Земли. Арсенал антиспутникового оружия может быть быстро увеличен, так как истребители Ф-15 являются стандартной боевой единицей ВВС США, а для подготовки их к космической миссии требуется всего лишь 6 часов. Помимо системы АСАТ в США велась разработка иных методов борьбы со спутниками, в частности с применением лазерного оружия.

Следующим — и самым большим — шагом к увеличению стратегического арсенала США явилась программа создания космической обороны. Происходила ломка старых представлений и установок, базирующихся на факте уязвимости двух великих держав для ядерного оружия. Наступала новая полоса, когда США начали предпринимать попытки подвергнуть сомнению реальность гарантированного взаимного уничтожения. Министерство обороны США приступило к созданию центра космических кораблей многоразового использования, созданию специальной базы их запуска. Произошло многократное увеличение расходов по статье производства средств противоракетной обороны (с 200 млн. долл. в 1980 г. до почти 2 млрд. долл. в 1984 г.). Стоимость этой программы в 1984—1990 годах была вначале определена в 26 млрд. долл., затем эта сумма была утроена. Это первая ступень ее создания. На следующей ступени — в 90-х годах — стоимость космической противоракетной системы должна была достичь многократно больших объемов, основная часть которых пойдет на размещение в открытом космосе более чем 100 платформ, на которых будут находиться лазеры, нацеленные на уничтожение запускаемых с земли ракет. Программа создания противоракетной обороны, так называемая стратегическая оборонная инициатива (СОИ), в случае ее реализации изменит сам характер будущей войны, заставляя перенести военные действия в космическое пространство. Администрация Р. Рейгана питает иллюзию, что США на этом пути сумеют значительно обойти СССР, поставить советские ракеты под прицел, оставляя свои средства нападения неуязвимыми.

Администрацией Р. Рейгана активно осуществлялось строительство и в сфере обычных вооружений и вооруженных сил. Это обусловлено тем, что, с точки зрения руководства США, в условиях стратегического паритета более реальным способом использования военном возможности для получения политических результатов является интервенция с применением обычных вооруженных сил. В США планировалось увеличить численный состав вооруженных сил более чем на 200 тыс., число армейских дивизий к 1991 г. — с 17 до 25, число имеющихся на вооружении авианосных групп — с 13 до 22 (исключая резерв); планировалось увеличение числа эскадрилий истребительной авиации ВВС с 24 до

266

38[1]. Всего в авиацию армии, ВМФ и корпуса морской пехоты запланировано поставить около 8 тыс. самолетов. Намечено развертывание в войсках к 1988 г. 7058 танков типа М-1 «Абрамс», что приведет к увеличению общего танкового парка на 40%. В ВМС планировалось доведение их до 610 единиц; предполагалось ввести в действие 133 корабля, в том числе 33 подводные лодки обычного назначения, 2 атомных авианосца класса «Нимиц», 18 ракетных крейсеров, 5 эсминцев.

Следует отметить, что переговоры по ограничению стратегических

вооружений были начаты спустя 18 месяцев после прихода администрации Р. Рейгана к власти. Откровенно были подвергнуты сомнению содержавшиеся в основе прежних переговоров по ОСВ идеи равной безопасности. Переговоры по ограничению экспорта оружия в развивающиеся страны оказались неприемлемыми для руководства Р. Рейгана, которое, в отличие от своих предшественников-демократов, не усмотрело опасности для себя в «насыщении» развивающихся стран оружием, напротив, увидело в экспорте вооружений эффективный путь расширения зоны своего влияния. Правительство республиканцев отказалось идти на переговоры о демилитаризации Индийского океана.

Расчет строился на том, чтобы развязать руки для начала широкомасштабной «экономической» и «технологической» войны против СССР, свести объем делового взаимодействия двух стран до минимума. В результате к весне 1984 г. по инициативе республиканской администрации было ликвидировано пять важных соглашений с СССР о сотрудничестве в различных областях и одновременно снижена степень американского участия, как минимум, по четырем другим соглашениям о сотрудничестве с нашей страной (в области использования Мирового океана, сельского хозяйства, мирного использования атомной энергии, жилищного и других видов строительства).

Правящие круги США (во всяком случае значительная их часть) продолжали рассматривать СССР как главного соперника Америки. Такой подход, по мнению американских консерваторов, должен был значительно облегчить решение других задач внешней политики США, затрагивающих их отношения с союзниками и развивающимися странами.

Западноевропейское направление

Республиканская администрация внесла заметные корректировки во внешнеполитический курс страны. Пожалуй, впервые за послевоенный период официальный Вашингтон в 80-х годах

[1] U.S.. news and World report, 1983, June 13, p. 39.

267

отказался концентрировать все свои внешнеполитические акции вокруг западноевропейского направления. Связи США с Западной Европой стали рассматриваться одним из аспектов — но не абсолютно преобладающим аспектом — американской внешней политики.

Администрация Р. Рейгана поставила под сомнение ключевую идею предшествующего правительства о первостепенной важности «трехстороннего» сближения «на равных» США, Западной Европы и Японии и игнорировала ее в своей внешнеполитической практике. Вместо этого республиканцы хотели бы в первую очередь укрепить единоличное лидерство Вашингтона, восстановить престиж и политические позиции Соединенных Штатов в новых условиях примерного экономического равенства с ЕЭС и примерного стратегического паритета с СССР, консолидировать под своим руководством позиции Запада.

Вторая задача администрации Р. Рейгана на западноевропейском направлении — блокировать усиление политической и экономической самостоятельности Западной Европы, отразить западноевропейское наступление на интересы и позиции Соединенных Штатов. США при Р. Рейгане в значительной мере отошли от осуществления совместных с Западной Европой мероприятий, перейдя к тактике односторонних действий. Они сняли ограничения с торговли обычными вооружениями с явной целью подавить западноевропейскую конкуренцию не призывами к компромиссу, а качеством, количеством и конкурентоспособностью своего военного экспорта; США прибегли к сепаратной политике в сфере ядерной технологии; заняли жесткую позицию по отношению к развивающимся странам

по вопросу о новом международном экономическом порядке, игнорируя западноевропейский протест; квоты и судебные запреты стали орудием борьбы с западноевропейскими товарами на американском рынке; повышая процентные ставки в своих банках, американцы вызвали отток необходимой для экономического развития Западной Европы валюты на американский рынок; Соединенные Штаты начали значительное увеличение собственных военных расходов, в меньшей степени полагаясь на возрастание европейского вклада в НАТО.

В военной области США стали преследовать цель замедлить тенденцию падения относительного веса Америки в блоке НАТО. (За предшествующее десятилетие произошло укрепление западноевропейской части блока, который стал поставлять 90% наземных сил НАТО и 75% ВВС и ВМС на европейском ТВД.) Западноевропейские военные расходы за это время росли быстрее, чем американские, они более чем удвоились, достигнув примерно 100 млрд. долл. Западная Европа стала производить собствен-

ные самолеты, вертолеты, танки, бронетранспортеры, военные корабли и подводные лодки на техническом уровне, сопоставимом с американским. Администрация Р. Рейгана попыталась изменить соотношение сил. Военный бюджет США, превышавший в 1981 г. бюджет западноевропейских членов НАТО примерно вдвое, в 1984 г. превосходил их бюджет уже почти в 3 раза (бюджет Пентагона за четыре первых года правления Рейгана увеличился на 63%, с 178,4 млрд. долл. в 1981 г. до 291,1 млрд. долл. в 1985 г.) [1]. Поставленные на поток танки М-1 «Абрамс» рассчитаны на восстановление «танкового» преобладания США (поколебленного созданием западноевропейских танков типа «Леопард-2»), в авиации то же самое призваны сделать самолеты Ф-15, Ф-16, Ф-18, которые должны были превзойти западноевропейские «Торнадо», «Альфа-Джет», «Мираж». Последовательная линия Р. Рейгана на размещение 572 ракет средней дальности в пяти странах Западной Европы между 1983 и 1986 годами призвана закрепить военное присутствие США здесь, повысить значимость американской военной мощи в Западной Европе, лишить основы местные сепаратные схемы типа создания европейских ядерных сил и т.п.

Американское руководство летом 1982 г. выдвинуло так называемую «доктрину Роджерса», которая нацелена на создание таких вооруженных сил общего назначения, которые были бы способны к ведению длительной войны обычными средствами. «Доктрина Роджерса», которая якобы отодвигает перспективу использования ядерного оружия, требует ежегодного четырехпроцентного прироста военных бюджетов стран НАТО. В натовской политике Р. Рейгана стало заметно предпочтение, отдаваемое контактам на двусторонней основе с избранным кругом союзников. Англия в этом отношении снова сыграла роль проводника американской политики в блоке, а поведение США в ходе конфликта из-за Фолклендских (Мальвинских) островов было «благодарностью» за союзническую лояльность Лондона. Великобритании будет предоставлена возможность закупить стратегическую ракетную систему «Трайдент-2».

Итак, ставка на отдельные страны Западной Европы, на развитие двусторонних контактов, расширение географического фронта действий НАТО за пределы сферы действия Североатлантического пакта — такими стали ключевые особенности нынешней политики США в этой организации. При этом Вашингтон сохранил за собой право на односторонние (подобные решению о производстве нейтронного оружия) действия, хотя они

[1] Setting National Priorities. The 1983 Budget. Wash., 1982 pp. 83-86.

касались прежде всего других членов этого блока. Одновременно выросло желание не «растворять» американскую военную помощь в натовской, а, наоборот, выделить американский компонент в блоке, приостановив падение его относительного веса, сделать американское военное влияние не менее, а более заметным и весомым. Тем самым Североатлантический союз прекратил прежнее движение к уравниванию веса и роли США и западноевропейской части. Напротив, проявилось желание американцев хладнокровно и твердо восстановить свои командные позиции, не прельщая союзников предложениями «разделить ответственность», а требуя от них лишь лояльности.

В экономической области задачи американской политики были сориентированы на приостановку перемещения центра экономического могущества капиталистического мира в западноевропейском направлении. Администрация Р. Рейгана проводит курс на восстановление позиций, утраченных Соединенными Штатами в 70-х годах, путем активного наступления на западноевропейских конкурентов. В этом плане американская сторона осуществила следующие шаги:

— поощрялось повышение банковских учетных ставок в США; это привело к оттоку в Америку капиталов из Западной Европы, подстегнув там снижение уровня капиталовложений, усугубив экономические трудности, увеличив безработицу; повышение учетных ставок привело также к искусственному завышению курса американского доллара, что заставило Западную Европу нести дополнительные расходы за импорт нефти и других видов сырья;

— были введены новые таможенные барьеры, ограждающие интересы американских сталелитейных корпораций и ставящие серьезные проблемы, в частности для металлургической промышленности западноевропейских стран;

— осуществлялось давление на страны — члены ЕС с целью обеспечения для США более широких возможностей на западноевропейском сельскохозяйственном рынке.

Администрации Р. Рейгана частично удалось осуществить свою экономическую стратегию. В 80-х годах США добились преобладания своего экспорта в Западную Европу над импортом оттуда в размере 10 млрд. долл.[1]. С постоянной и неуклонной помощью правительства осуществлялись попытки сократить импорт из стран Западной Европы (в частности, импорт западноевропейской стали). С другой стороны, представители американского правительства на торговых переговорах требовали расширения возможностей американского сельскохозяйственного экспорта в ЕЭС.

[1] U.S. News and World report, 1984, June 4, p. 73.

270

Американское руководство приложило большие усилия по усилению роли КОКОМ — специального западного органа, регулирующего (путем создания запретительных списков «стратегических товаров») продажу социалистическим странам различного рода продукции.

Были повышены процентные ставки на кредиты, расширен список «стратегических товаров», не подлежащих поставке в социалистические страны. В политической области были осуществлены усилия по восстановлению лидерских функций американского руководства среди западноевропейских членов Североатлантического союза. Многие решения, которые так или иначе касались западноевропейских партнеров, принимались Вашингтоном вопреки его же собственным прежним декларациям и призывам в одностороннем порядке и даже несколько демонстративно, без предварительного согласования через механизм НАТО или по иным дипломатическим каналам (решение в августе 1981 г. о производстве нейтронного оружия, провозглашение в марте 1983 г. так называемой стратегической оборонной инициативы (СОИ), призванной создать

космический «щит» над американской территорией, и др.).

На западноевропейском направлении своей внешней политики американское руководство встретило значительные трудности, обусловленные прежде всего:

— различием между странами Западной Европы и США в подходе к СССР и политике разрядки Запада;

— несовпадением позиций в отношении национально-освободительных движений в развивающихся странах, включая разногласия по вопросу о путях ближневосточного урегулирования;

— воздействием движения за мир в Европе, принявшего в значительной мере антиамериканскую окраску.

Одно из ярких проявлений разногласий между Рейганом и лидерами западноевропейских стран — признание правительством социалистов во Франции левых сил, борющихся против военной хунты в Сальвадоре, происшедшее в период поддержки, рейгановской администрацией правых правительств в Центральной Америке.

В США поздно оценили силу и реальную значимость общественного движения против ядерной угрозы, размещения в западноевропейских странах ракет средней дальности, обсуждающихся в Вашингтоне вариантов локального ядерного конфликта в Европе. Фактически Вашингтон уже в первый год пребывания у власти Р. Рейгана сам подстегнул это движение заявлениями, в которых говорилось, в частности, о возможности «демонстративных» ядерных взрывов (госсекретарь А. Хейг, выступая 4 ноября

271

1981 г. в сенате США, заявил, что в случае конфликта с СССР в Европе блок НАТО мог бы пойти на «демонстрационное» использование ядерного оружия в качестве «предупреждения Москве»[1]), других форм локального ядерного конфликта в Европе. Весьма негативную реакцию в Западной Европе вызвали и высказывания Р. Рейгана на встрече с редакторами американских газет 16 октября 1981 г., когда он допустил возможность обмена тактическими ядерными ударами по войскам на поле боя без последующего перехода к стратегическому конфликту.

Политика жесткого и грубого давления на Западную Европу, нарочитого игнорирования ее специфических интересов, как это было, в частности, в случае с запретом на поставки оборудования для газопровода Уренгой — Ужгород, привела к резкому конфликту внутри атлантического союза, к ухудшению позиций США в Западной Европе. Вашингтон вынужден был отступить и отменить осенью 1982 г. санкции против европейских компаний, участвующих в проекте «газ — трубы». Было заявлено, что в обмен США получили заверение союзников о готовности ужесточить кредитную политику в отношении СССР. Но речь шла по существу об операции по спасению престижа Белого дома. Неподчинение американскому давлению стало популярным политическим лозунгом в Западной Европе. Можно сказать, что лишь Великобритания демонстрировала более или менее полную лояльность Вашингтону. В ее основе лежала близость идеологических и общеполитических позиций администрации Рейгана и консервативного кабинета М. Тэтчер.

На подход правительства Р. Рейгана к отношениям с Францией значительное воздействие оказала победа на президентских выборах в апреле 1981 г. социалиста Ф. Миттерана, включившего в состав своего кабинета представителей Французской коммунистической партии. К известной трансформации этого подхода привел проамериканский и проатлантический крен социалистов, контрастировавший с более националистической политикой прежнего французского руководства. Правительство Франции пошло по пути определенного улучшения отношений с США, оказало поддержку планам

размещения в Западной Европе американских ракет средней дальности. Как и в случае с Великобританией, экономическая политика администрации Рейгана вызвала недовольство французского правительства, стала фактором ухудшения отношений между двумя странами. К тому же выявились различия во взглядах Вашингтона и Парижа на отношения с социалисти-

[1] U.S. News and World report, 1984, Aug. 20, p. 41.

272

ческими государствами, на разрядку напряженности, на политику в зоне развивающихся стран, прежде всего в Центральной Америке.

Наконец, весьма сложными и неровными были отношения республиканской администрации с двумя западногерманскими коалиционными правительствами. Фактически ФРГ, стремясь не выдвигать на первый план разногласия с Соединенными Штатами, вместе с тем заняла значительно отличающуюся от американской позицию в вопросах сохранения разрядки напряженности и отношений с европейскими странами социализма, в области экономической стратегии Запада. Даже после смены правительства в Бонне многие проблемы, включая проблему «евроракет», а также подход к сотрудничеству Восток — Запад, не были сняты с повестки дня американо-западногерманских отношений, на которые по-прежнему существенный отпечаток накладывала внутренняя обстановка в ФРГ.

Международный фон во многом благоприятствовал проведению американской внешней политики в среде союзников. Сложились особые экономические и, частично, политические условия, при которых своекорыстный, направленный на новое возвышение Америки курс Р. Рейгана не встретил организованного противодействия со стороны партнеров и соперников США в капиталистическом мире. Если примерно с 1950 по 1973 г. в условиях перманентного бума западной экономики происходило отчетливое возвышение Западной Европы и Японии, то в последующий период картина изменилась. Для десятилетия 1974 — 1984 годов в общем и целом характерна депрессия западной экономики. Высокие темпы развития японской экономики сократились вдвое, темпы экономического роста в странах ЕЭС также значительно уменьшились. Интеграционный процесс в Западной Европе замедлился, задача создания политического союза к 1980 г. не была выполнена, внутренние разногласия ослабили западноевропейский центр.

В эти годы особенно обнажилась сырьевая уязвимость соперников США. Фактор военной мощи Соединенных Штатов приобрел новое измерение: американская сторона получила возможность убеждать союзников в Западной Европе и особенно в Японии, что в случае критического развития событий на международной арене (образование новых объединений развивающихся стран — поставщиков сырья, резкое ужесточение в отношениях с Советским Союзом) лишь американская мощь, американский флот могут обеспечить жизненно важные торговые пути, обеспечить жизнедеятельность западноевропейской и весьма уязвимой японской экономики.

273

Политика в отношении развивающихся стран

В области отношений с развивающимися странами рейгановская администрация сделала попытку перейти к более активной политике, ослабить процесс сужения возможностей Америки в среде стран развивающегося мира. Если при Дж. Картере Соединенные Штаты пытались на основе единства Запада наладить диалог с Югом, то Р. Рейган занял гораздо более безучастную позицию. Была сокращена помощь развивающимся странам в целом за счет выделения «ключевых» стран. ««Вашингтон заявил лидерам развивающихся стран, что их трудности могут быть разрешены посредством рыночной экономики, частного

предпринимательства и наставлений более эффективного Севера»[1]. Американское руководство практически не обратило внимания на иной подход в этом вопросе ведущих западноевропейских стран и Японии.

В процессе достижения этих целей администрация Р. Рейгана сконцентрировала свои усилия на нескольких главных направлениях. В области военного строительства интенсифицировалось создание интервенционистского потенциала США, особенно в районе Карибского бассейна и на Ближнем Востоке. Пристальное внимание, было уделено усилению специальных частей для противоповстанческих операций. Следует отметить, что бывшие метрополии отнюдь не во всем поддерживали жесткий курс Вашингтона в развивающемся мире. Как оценивал различие в подходе бывший заместитель государственного секретаря США Дж. Болл, американская система связей с другими странами, «разумеется, не запрещает особых уз дружбы и интимности между развитыми и развивающимися странами, не запрещает некоего распределения задач между индустриальными странами на географической основе. Но существует принципиальное различие между связями, основанными на близости культур или военной необходимости (полагал Болл, у США и Западной Европы. — *А.У.)*, и связями, основанными на особых финансовых и торговых отношениях (такие у ЕЭС с рядом развивающихся стран. — *А.У.)*. Эти последние являются дискриминационными по своему характеру»[2]. Соединенные Штаты выступили против этих последних, с их точки зрения, «дискриминационных» связей.

Соглашения в Ломе были восприняты в США далеко не как «невинная» приверженность прежним колониям[3]. Созданная система СТАБЕКС помогла реализации давнего пожелания за-

[1] См. New York Times, 1981, Nov. 11.

[2] *Paterson Th.* Op. cit., p. 656.

[3] *Kaldor M.* Desintegrating West. N. Y., 1978. p. 150.

тронутых соглашением развивающихся государств стабилизировать цены на их товары (в основном сельскохозяйственные продукты и минеральное сырье). Но важно отметить, эта система касается импорта только в пределы ЕЭС[1], а это значит, что указанные развивающиеся страны волей-неволей настраиваются на особые связи с Брюсселем. Помимо системы СТАБЕКС, орудием сепаратной европейской политики стал и Европейский фонд развития (4 млрд. долл.), созданный для подписавших соглашения в Ломе в 1979 г. развивающихся стран. Серия соглашений обеспечила рост технического и промышленного сотрудничества ЕЭС и данных стран. США с большим недоверием и подозрением смотрели на сепаратные соглашения ЕЭС с избранным кругом развивающихся стран. Это было ощутимо при трилатералисте Дж. Картере, но особенно проявилось с приходом к власти администрации Р. Рейгана, политика которой в отношении развивающихся стран ярко выразила себя в ходе так называемого диалога Север — Юг.

Не встретила она понимания и в Западной Европе. США в первой половине 80-х годов нашли в лице Англии единомышленника в том, что «обсуждение проблем развития должно носить абсолютно неофициальный характер»[2]. На противоположном — среди развитых капиталистических стран — полюсе Франция, ФРГ и Япония выразили свое убеждение в том, что «наилучшие возможности для экономического роста капиталистических стран можно найти в «третьем мире». Позицию большого числа западноевропейских стран отразил доклад комиссии В. Брандта о взаимоотношениях развитых и развивающихся стран. В этом докладе, получившем большую известность и ставшем по существу знаменем западноевропейской социал-демократии, утверждалось, что значительное перераспределение ресурсов в мире в пользу Юга отвечает

просвещенным интересам Севера. В докладе содержался призыв к созданию новых организаций в этих целях. Западноевропейские социал-демократы, возглавляемые В. Брандтом, пришли к выводу, что ныне существующие координационные и прочие совместные международные организации неадекватны. «Поэтому мы, — пишут авторы доклада, — видим необходимость того, чтобы Организация Объединенных Наций и высокие политические представители стран — членов этой организации более энергично, чем прежде, приступили к трудной, но очень существенной задаче управления всей системой, имея в виду достиже-

[1] Challenges to America. United States Foreign Policy in the 1980. Ed. by Ch. Kegley. Jr. and F. McGowan. Beverly Hills. 1979, p. 177.

[2] Ibid., p. 180.

275

ние лучшей координации бюджетов, программ и политики в отношении технического персонала». Помимо деятельности в рамках ООН, «комиссия Брандта» предложила создать специальный совет для более четкого распределения ролей всех затрагивающих отношения Север — Юг организаций. Функцией специального органа была бы координация деятельности правительств и Генеральной Ассамблеи ООН. Доклады указанного совета были бы достоянием гласности, авторитет покоился бы на его общественной значимости, известности входящих в него лиц. «Комиссия Брандта» исходила из посылки, что «диалогу Севера и Юга нет альтернативы. И этот диалог должен быть постепенно переведен на уровень глав правительств развитых и развивающихся стран — для начала число глав на такой встрече может быть ограничено числом двадцать пять»[1]. С этими идеями американская сторона при президенте Р. Рейгане показала полное несогласие. Важно отметить, что «комиссия Брандта» сделала оговорку, встретившую в 80-х годах резкое противодействие американцев: «Только уменьшение недоверия и страха между Востоком и Западом может создать здоровую и постоянную основу для сотрудничества Севера и Юга»[2].

В 1981 г. в ООН была сделана очередная попытка согласовать вопросы нового раунда переговоров между развитыми и развивающимися странами. На этом фоне особое значение приобрела встреча представителей 8 индустриальных и 14 развивающихся стран в Канкуне (Мексика) в августе 1981 г., представлявшая собой подготовительную фазу встречи развитых капиталистических и развивающихся государств. Уже на этой предварительной встрече стало ясно, что республиканская администрация США, рьяно взявшаяся за сокращение федеральных расходов и официально провозгласившая первоочередность своего внимания к укреплению собственно американской экономики, вошла в известное если не противоборство, то противоречие с ведущими западноевропейскими странами. Совещание в Канкуне в октябре 1981 г. было наиболее выразительным примером политики силовой дипломатии США в отношении развивающихся стран. В августе 1981 г. на данном подготовительном совещании государственный секретарь США А. Хейг объявил о согласии президента Р. Рейгана принять личное участие во встрече. Условие личного участия американского президента было жестким: американская сторона

[1] New York Times, 1981, Aug.

[2] North — South: A Programme for Survival. The Report of the Independent Commission on International Development Issues under the Chairmanship of Willy Brandt. London, 1980, p. 264, 287.

276

отказалась заранее согласовать конкретную повестку дня с включением в нее наиболее острых вопросов.

Такой подход американской стороны вызвал недовольство ряда западноевропейских лидеров, например президента Франции Ф. Миттерана (поддержанного сопредседателем встречи П.-Э. Трюдо), которые оценили

позицию США как согласие на «разговоры о переговорах». Тот факт, что встреча глав государств и правительств в Канкуне началась без четкой повестки дня, предопределил ее результаты. Хейг заявил, что «встреча не будет иметь конкретной повестки дня и будет характеризоваться открытым обсуждением, причем главы государств будут избавлены от необходимости публиковать заключительное коммюнике»[1]. Это была первая встреча лидеров развитых капиталистических и развивающихся стран при президенте Р. Рейгане. Американская дипломатия приложила всевозможные усилия, чтобы расколоть фронт развивающихся стран. В то же время она оказала значительное воздействие на союзников для общего блокирования требований развивающегося мира. Прибыв в Канкун, президент Р. Рейган в назидательной форме посоветовал развивающимся странам развивать свой частный сектор и не препятствовать деятельности филиалов ТНК. Это было конфронтацией в отношении не только развивающихся, но и западноевропейских стран, поставивших создание диалога Север — Юг и его эффективность в качестве одной из главных своих задач. Расхождения с американцами способствовали закреплению сепаратного курса ЕС в отношении связанных с ним преференциальными соглашениями стран. Совещание в Канкуне еще более отдалило американскую и западноевропейскую позиции по этому вопросу, и США оказались поставленными в положение наиболее нетерпимого противника развивающихся стран.

Соединенные Штаты пригрозили, что, встретив «непонимание» со стороны стран «третьего мира», они могут блокировать деятельность таких организаций, как МВФ и МБРР. Напомним, что в МБРР процедура принятия решений и принцип распределения голосов позволяют Соединенным Штатам собрать достаточное число голосов, чтобы добиться отлучения любой непокорной страны «третьего мира». С точки зрения администрации Р. Рейгана, МВФ, ужесточая условия предоставления ссуд и повышая свою роль в качестве контролера, должен был бы создавать в развивающихся странах атмосферу, способствующую привлечению частных инвестиций и иностранных кредитов. С той же

[1] North — South: A Programme for Survival. The Report of the Independent Commission on International Development Issues under the Chairmanship of Willy Brandt. London, 1980, p. 270.

277

целью МБРР мог бы заниматься финансированием совместно с коммерческими банками. В результате такого подхода ссуды будут предоставляться только тем развивающимся странам, которые неукоснительно выполняют условия МВФ, то есть американские условия, условия страны, доминирующей в МВФ.

Используя свое преобладание в ряде международных организаций, Соединенные Штаты прибегли к шантажу: высказали сомнения в отношении того, смогут ли они в дальнейшем выполнять принятые обязательства в отношении предоставления фондов МВФ и МБРР. Встал вопрос об увеличении взносов развитых стран. В известной степени это был критический для начала 80-х годов момент. Западной Европе, решись она на реформу представительства в МБРР, пришлось бы оказывать давление на своего самого мощного союзника и нынешнего лидера западной валютно-финансовой системы, так что западноевропейские страны не осмелились на открытое размежевание. Американская сторона подтвердила свое господствующее положение в обеих международных организациях.

Более открытую форму протеста против линии Рейгана в отношении развивающихся стран заняла Франция. В своей первой же речи в Енисейском дворце в день вступления на пост президента Франсуа Миттеран отметил: «Франция должна решительно заявить, что подлинного международного сообщества не будет до тех пор, пока две трети планеты будут получать взамен своих людских и материальных ресурсов голод и презрение»[1].

Существовало и определенное ослабление фронта развивающихся стран, не сумевших сохранить столь необходимое единство, позволившее им в середине 70-х годов занять более влиятельные позиции на мировой арене. Во-первых, ослабли их экономические позиции вследствие ухудшения конъюнктуры на мировом капиталистическом рынке. Товары из развивающихся стран стали с еще большим трудом проникать на рынки развитых стран капиталистической системы, спрос на их сырьевые ресурсы сократился. Во-вторых, увеличилась задолженность этих стран, она составила на конец 1984 г. сумму в 800 млрд. долл. Экономика наименее развитых из развивающихся стран (32 страны) зависит от займов, 82% которых предоставляются за счет официальной двусторонней или многосторонней помощи, то есть эти государства во многом зависят от доброй воли заимодавца, что ставит их в особо уязвимое положение.

В-третьих, большая группа государств существует, производя одну-две монокультуры или один-два вида сырья как источник своей иностранной валюты. Финансирование эти стран прихо-

[1] New York Times, 1981, Aug. 2.

дится на главные банки Севера, где главный кредитор — Всемирный банк и его филиал — Международная ассоциация развития. Стремление получить займы и экономические программы делает эти страны менее активными в отстаивании своих интересов.

Как показывает опыт 80-х годов, рейгановская администрация предприняла несколько попыток убедить Европейское экономическое сообщество добиться отказа в помощи «тем странам третьего мира, которые вызывают у США тревогу по политическим или стратегическим соображениям»[1]. Вашингтон, к примеру, специально командировал в штаб-квартиру ЕЭС в Брюсселе своего представителя, чтобы попытаться помешать оказанию Европейским сообществом экономической помощи Гренаде. (О том, как США в конце концов «решили» эту свою проблему, широко известно: в октябре 1983 г. американский десант оккупировал Гренаду.) Самое главное: перенося «рейганомику» (упор на частный бизнес) на мировую арену, США столкнулись не только с противодействием развивающихся стран, но и с ясным неодобрением своих партнеров по западному блоку.

Наиболее драматическим полем приложения политики Р. Рейгана в отношении стран «третьего мира» стала его политика в Центральной Америке. Для координации интервенционистской политики США против неугодных им режимов здесь в декабре 1981 г. было создано новое региональное военное командование. Американское правительство сделало все возможное для дестабилизации положения в Никарагуа. Противники законно избранного никарагуанского правительства, базирующиеся в Гондурасе и Коста-Рике, получили военную помощь, в то время как экономическая помощь Никарагуа была прекращена. Произошло вмешательство Вашингтона в гражданскую войну в Сальвадоре. В 1982 г. президент Р. Рейган выдвинул так называемую карибскую инициативу, предусматривающую предоставление странам Карибского бассейна и Центральной Америки торговых льгот и финансовой помощи на сумму 350 млн. долл. Из этой суммы почти половина предназначалась для сальвадорского режима, а такие страны, как Никарагуа и Гренада, были исключены из этой программы как «не имеющие частного сектора». И тем не менее беспрецедентное давление на Никарагуа не дало желаемых Вашингтону результатов. Именно в этом случае, когда колосс Северной Америки бросил свои силы против небольшой центральноамериканской страны, проявился подлинный характер отношения республиканской администрации к развивающемуся миру: против

стран, не склонных полагаться на частое предпри-

[1] Defense nationale, 1981, p. 47.

279

нимательство и не желающих быть послушным объектом американской внешней политики, Вашингтон готов был применять силу.

Отличительной чертой американской политики в 80-х годах стала демонстративная поддержка расистской ЮАР (президент Р. Рейган назвал ее «верным союзником»). Вашингтон стал фактически единственным союзником той страны, что особенно ярко выразилось летом 1985 г., когда Южно-Африканскую Республику потрясли массовые проявления неприятия черным большинством страны режима апартеида. В этом случае ни ЕЭС, ни Япония не поддержали обреченный режим и его американского покровителя. Остались США в одиночестве и по вопросу о предоставлении независимости Намибии. Исключительной одиозностью отличалась политика Р. Рейгана в отношении Ливии — Вашингтон пообещал помощь любому африканскому государству, которое выступит против правительства Каддафи. В Южной Азии опорой США продолжал оставаться Пакистан, с территории которого они начали открыто помогать антиправительственным силам в Афганистане. Трехмиллиардная помощь Пакистану означала также и давление на Индию, следующую самостоятельным внешнеполитическим курсом. На Дальнем Востоке были созданы предпосылки трехстороннего союза Вашингтон — Токио — Сеул, увеличивая при этом помощь авторитарному южнокорейскому режиму.

На коротком историческом этапе обстоятельства частично благоприятствовали республиканской администрации. К началу 80-х годов ослабли усилия сторонников единства развивающихся стран, активного противопоставления огромного «третьего мира» эксплуататорам из развитых капиталистических стран. Прежде всего произошла дифференциация в сфере «Группы 77», объединившей развивающиеся государства мира и столь активной в начале 70-х годов. Выделились обогатившиеся страны ОПЕК, динамично развивающиеся страны Азии (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, страны АСЕАН), далеко назад оказались отброшенными лишенные ресурсов десятки стран Африки и Южной Азии. Из-за отсутствия единства менее концентрированной стала ударная сила «Группы 77» и движения неприсоединении, менее убедительными стали их требования по созданию нового международного экономического порядка (поддержанные социалистическими странами, большинством мирового сообщества), по глобальному пересмотру отношений с развитыми капиталистическими странами. Кризис сузил сферу рынка, на который рассчитывали поставщики сырья из развивающихся стран. У США появилась возможность игнорировать требования и претензии этих стран.

280

Администрация Р. Рейгана предприняла попытки повернуть вспять те тенденции, которые уменьшают экономический, военный и политический вес Америки в мире. Некоторые обстоятельства благоприятствовали этим сугубо националистическим устремлениям. На протяжении 80-х годов националистическая идеология получила значительное распространение среди американского населения; произошла потеря политических позиций у традиционного северо-восточного истеблишмента, более умеренного в выражениях американских устремлений; проявилась большая, чем прежде, готовность союзников, находящихся в полосе кризиса, сопровождаемого снижением темпов экономического роста, к подчинению старшему партнеру; сказалось определенное ослабление солидарности в среде стран «третьего мира». Эти обстоятельства объективно способствовали некоторому обращению вспять прежних, негативных для США тенденций,

. утверждению доминирующих позиций США на Западе.

Итак, Соединенные Штаты постарались возвратить утраченный мир 50-х годов, доминирование в военной сфере, в сфере мировой экономики, в процессе принятия важнейших политических решений, касающихся проблем мирового развития.

1. Ради изменения стратегического равновесия в свою пользу администрация Р. Рейгана увеличила долю военных расходов в ВНП США с 5,7 до 7,1%. Было начато осуществление программ модернизации стратегических сил, создания новых сил стратегического назначения и милитаризации космоса.

2. США продемонстрировали готовность к силовому вмешательству в дела других стран, это подтверждают их агрессивная политика в отношении ряда центральноамериканских государств.

3. Администрация Р. Рейгана увеличила стратегический нефтяной запас до 50-дневной нормы импорта.

4. В экономической области был несколько понижен уровень инфляции и начался экономический подъем.

Республиканская администрация противостояла главным долгосрочным причинам современного относительного упадка веса США — децентрализации экономической мощи, переходу ее к союзникам (1) и возросшей сложности мировой политики, делающей контроль над ней все более сложной задачей (2). Достигнув некоторого продвижения в воздействии на краткосрочные факторы, республиканская администрация постаралась воздействовать на долгосрочные процессы, определяющие будущее, — усложнение мира, на его колоссальную социальную трансформацию. Именно они стали определять характер международных отношений в последние полтора десятилетия XX века в мире 160 (тогда) суверенных государств. Это была активная попытка одной страны, США, контролировать ход мирового развития.

281

Отметим также, что решение глобальных по охвату проблем американское руководство при Р. Рейгане пыталось осуществить более самостоятельно, все менее рассчитывая на помощь ближайших союзников, не доверяя даже этим последним. Р. Рейган подверг сомнению первостепенное значение, придававшееся тесным связям с Западной Европой, всегда являвшейся краеугольным камнем американской внешней политики. Основные внешнеполитические акции Вашингтона были проведены либо без уведомления западноевропейских союзников, либо вопреки их советам. При нем контингент американских войск в Западной Европе был сокращен; военно-морские силы в этом регионе получили ориентацию на ближневосточное направление.

Прекратился процесс взаимного понижения таможенных барьеров. Рейган остался глух к жалобам западноевропейских союзников на высокие учетные ставки американских банков, им не предлагались новые меры по совместному производству оружия, замедлено было макропланирование в рамках НАТО. На совещаниях «семерки» лидеры США довольно пассивно принимали к сведению позицию своих западноевропейских союзников. Даже поездки Р. Рейгана в Западную Европу были практически вынужденными — нужно было присутствовать на встречах семи держав Запада в верхах, и этим мероприятиям сопутствовали турне по близлежащим странам. (С момента своего выхода на национальную арену Р. Рейган постоянно утверждал: «В самом подлинном смысле мы, американцы, в такой же степени являемся тихоокеанским народом, в какой мы являемся атлантической нацией»[1].)

НАТО продолжала оставаться для США важнейшим внешнеполитическим и военным союзом, и при Р. Рейгане были предприняты инициативы по сближению

с атлантическими союзниками. Но главное для глобальных позиций США событие произошло восточнее, где в 1989—1991 гг. ушла в историческое небытие советская сверхдержава.

8. РЕДЧАЙШИЙ ШАНС: ДОБРОВОЛЬНЫЙ УХОД ВТОРОЙ СВЕРХДЕРЖАВЫ

На мировом горизонте Америке был неподвластен только коммунистический Восток, с которым Вашингтон собирался соперничать долгие десятилетия. Изумление от добровольного ухода Советского Союза сохранилось в США и ныне, полтора десятилетия спустя. Как оказалось, незападные цивилизации если и

[1] Washington Post, 1984, March 21.

282

могли держаться, то в условиях раскола внутри Запада, союза с одной из западных сил. Совокупной же мощи Запада противостоять было трудно, если не невозможно. Изоляция от Запада действовала как самое мощное разрушительное средство. При попытках опоры на собственные силы живительный климат Запада (идеи, разумная энергия, наука, технологические новации) оказался скрытым от населения, традиции общения с Западом в XVIII—XIX вв. были забыты. В СССР произошла определенная деградация умственной жизни, наступила эра вымученных посредственностей, эра холуйства вместо лояльности, смещения всего вместо ясно очерченной цели, время серости, самодовольства, примитивного потребительства, всего того, что вело не к Западу, а в «третий мир».

Внутри страны основной слабостью стало даже не репрессивное поведение правящей партии, потерявшей свою жизненную силу, внутреннюю устремленность, а утрата механизма приспособления к современному миру. Порок однопартийной системы в конечном счете стал сказываться в одеревенении ее структур, взявших на себя не более и не менее, как цивилизационное руководство обществом. Покорные партийные «колесики и винтики» почти полностью преградили выделение наверх лучших национальных сил, постыдно занизили уровень национального самосознания, примитивизировали организацию современного общества, осложнили реализацию глубинных человеческих чаяний как в сфере социальной справедливости, так и в достижении высоких целей самореализации.

Все это дало *невероятный* шанс Соединенным Штатам. Пораженный, следил президент Буш-старший за битвой двух лишенных исторического чутья партократов, в своей схватке позабывших проблемы, выходившие за пределы их личных амбиций. История, как любил говорить В. О. Ключевский, «наказала за свое незнание».

Америка получила последний ключ к мировой истории на саммитах с советскими руководителями. Этого шанса американский политический класс, вначале не поверивший в неслыханное везение, постарался не упустить.

С чего начал Горбачев свою первую встречу с вице-президентом Бушем и государственным секретарем Дж. Шульцем? Говорил ли он о национальных интересах своей страны? Оказывается, он видел свою задачу в том, чтобы «помочь всем странам». Широким жестом он пообещал американским руководителям не требовать обратно Аляску и Сан-Франциско[1]. Зато перед приездом

[1] *Shultz G.* Turmoil and Triumph. My Years as Secretary of State N Y 1993, p. 529.

283

американской делегации улицы близ Спасо-хауса (резиденции посла США в

Москве) были заасфальтированы за одну ночь (ноябрь 1985 г.).

Любопытно, какими были информационные источники Горбачева об администрации Рейгана? Он и не пытался скрыть эти источники. С торжествующим видом он заявил пораженному Шульцу, что «знает все наши идеи» и произвел на свет стандартный политологический сборник «Соединенные Штаты в 1980-е гг.», созданный в стенах Гуверовского института группой консервативных специалистов, которые никогда не мечтали, что их труд будет назван ключом к идейному кредо республиканской администрации Рейгана. Горбачев толковал американским политикам о военно-промышленном комплексе США и многое другое, что Шульц, при всей его сдержанности, называет в мемуарах «чушью». При первой же встрече Горбачева с Шульцем мы слышим такую браваду: «Вы думаете, что находитесь впереди нас в технологии и сможете воспользоваться своим превосходством против Советского Союза? Это иллюзии...» «Я обеспокоен, — пишет Шульц, — насколько невежественны или дезинформированы Горбачев и Шеварднадзе»[1]. Приехав первый раз в Вашингтон, Шеварднадзе не нашел ничего лучше, как обвинить правительство США в травле черных и воздвижении препятствий на пути продвижения по службе женщин. Именно в этот момент за столом напротив него по две стороны от Шульца сидели заместитель госсекретаря Роз Риджуэй и председатель КНШ темнокожий генерал Колин Пауэл.

Важнее всего понять реакцию этих загадочных «западников». «Он (Горбачев) складывал подарки у наших ног — уступка за уступкой», — пишет безо всякой благодарности тот же Шульц[2]. Вместо слов благодарности Шульц отмечает, что эти уступки — «результат нашего (т. е. американского. — *А.У.)* пятилетнего давления на них»[3]. Конгрессмен Э. Марки оценил согласие СССР уничтожить свои ракеты средней дальности как «лучшее, что русские предложили нам со времен продажи Аляски». (Стоит напомнить, что и Аляска была продана так же: госсекретарь Сьюард от волнения не спал всю ночь, а посол России без всякого волнения зашел с деньгами в госдепартамент.) Периодически «просыпаясь», Горбачев обиженно говорил, что «американская полити-

[1] *Shiiltz G.* Turmoil and Triumph. My Years as Secretary of State. N.Y., 1993, p. 589, 593.

[2] Ibid., p. 700.

[3] Ibid., p. 765.

ка заключается в выколачивании максимума уступок», на что Шульц с улыбкой отвечал: «Я утру вам слезы»[1].

Познакомившись ближе с Шеварднадзе и его семьей, государственный секретарь Дж. Бейкер был поражен тем, что министр великого Советского Союза более всего думает о своей закавказской родине, не скрывая этого от своих важнейших контрпартнеров. «Я находился — пишет Бейкер, — в московских апартаментах советского министра иностранных дел и беседовал с энергичной и интеллигентной его женой, которая безо всякого провоцирования открыла мне, что в глубине души она всегда была грузинской националисткой». И, пишет Бейкер, он еще много раз слышал вариации этих взглядов из уст советского министра[2]. Дж. Шульц тоже многократно обыгрывал эту тему и однажды лично исполнил популярную американскую мелодию «Джорджия у меня в думах» тронутому сопоставлением «двух Джорджии» министру.

Нащупав чувствительную струну советского министра, американский госсекретарь лично выбирал для него часы, затем кресло с символом госдепартамента. В том ли кресле сидел могущественный министр на Смоленской набережной? Нужно ли удивляться, что, когда советская делегация яростно отстаивала свой вариант решения афганской проблемы, Шеварднадзе по секрету сообщает госсекретарю об уже принятом на Политбюро решении. Шутки в такой

ситуации приобретали невеселый оттенок. Маршал Ахромеев после принятия решения об уничтожении ракет средней дальности пошутил: «Не придется ли нам просить убежище в нейтральной Швейцарии?»[3]

Горбачев, хотя и жаловался многословно (американцам!) на трудности перестройки, о Швейцарии не упоминал. Когда Шульц посетил Москву 22 февраля 1988 г., Горбачев «напомнил мне, что я просил назвать дату вывода войск (из Афганистана) и они сделали это»[4]. А как вам нравится горячность Шеварднадзе 20 марта 1988 г. в Вашингтоне? «В самых сильных, эмоциональных выражениях он напомнил нам, что Советы сделали все, что мы просили»[5]. А вот что в реальности думал степенный госсекретарь Шульц, далекий от ламентаций своего советского коллеги: «Соединен-

[1] *Shultz G.* Turmoil and Triumph. My Years as Secretary of State N Y 1993, p. 894.

[2] *Baker J.* The Politics of Diplomacy. Revolution, War and Peace 1989— 1992. N.Y., 1995, p. 78, 146.

[3] *Shultz G.* Op. cit., p. 1006.

[4] Ibid., p. 1089.

[5] Ibid., p. 1090.

ные Штаты укрепили свою военную мощь и экономическое могущество, они вернули уверенность в себе; наш президент получил народный мандат на активное лидерство. Советы, по контрасту, стоят перед лицом глубоких структурных трудностей и окружены беспокойными союзниками; их дипломатия перешла в оборону»[1].

Готовность услужить сказывалась и в мелочах. Можно ли представить смену восьми (!) блюд во время часового ленча советской и американской делегаций на берегу Байкала 1 августа 1990 г.? Западные виртуозы банкетов с такой скоростью просто не работают. Для полета в Москву Шеварднадзе предоставил американским дипломатам свой самолет. Был ли аналог на американской территории? Встретившись в первый раз с государственным секретарем Бейкером (март 1989 г.), Э. Шеварднадзе первым делом указал довольно чопорному новому главе американской дипломатии на «важность личных контактов. Они очень важны для создания атмосферы доверия, если не подлинной дружбы, которая облегчает обсуждение даже самых сложных вопросов»[2]. Как видим, два мира живут вовсе не в едином политико-эмоциональном пространстве.

Что делала американская сторона, не предлагавшая вечной дружбы? В течение большого — четырехмесячного — периода, когда формировалась позиция администрации Буша, президент решал для себя (февраль — май 1989 г.), что такое «перестройка» — временная «передышка» или «переход» — фундаментальное изменение. Перед президентом Бушем прошла череда всех известных советологов из различных идейных лагерей. И, закончив мыслительную работу, сделав свой выбор, команда Буш — Бейкер начала капитализировать новые возможности. Цинизм или реализм?

Начиная осуществление своего курса, американские руководители постарались составить собственное впечатление о своих советских партнерах. Горбачев поразил Бейкера неистребимой любовью к метафорам — то он рисовал ледокол, то яблоко, которое скоро упадет (СССР глазами американцев), то «заглядывал за горизонт». «Временами такая манера, — пишет Бейкер, — выводила меня из себя»[3]. Но самое большое удивление госсекретаря вызвало сделанное как бы между прочим заявление о том, что СССР выводит из Восточной Европы 500 единиц ядерного ору-

[1] *Shultz G.* New Realities and New Ways of Thinking («Foreign Affairs», Spring 1985, p. 707).

[2] *Baker J.* Op. cit., p. 65.

[3] Ibid., p. 80.

жия. Внезапно. Чтобы поразить. Чтобы видели русскую щедрость без мелочного обсуждения и жалкого торга. А американец немедленно зафиксировал уступку и тут же, в Кремле, не сходя с места начал самый что ни на есть торг, направленный на максимальное уменьшение советского арсенала. Никаких благодарностей, никаких «ты мне, я тебе».

И уж совсем фантастическими слышатся теперь сентенции, которые излагал советский министр иностранных дел Бейкеру: «Представим себе, что механизм сотрудничества между Восточной Европой и Советским Союзом рухнул. Это будет означать анархию. Однако двусторонние экономические отношения не могут исчезнуть в одночасье; чтобы их заменить, потребуется 10—15 лет»[1]. Верх провидения. Внезапно (и, как всегда, без «малейшего торга») Шеварднадзе соглашается в Вайоминге с Бейкером и переходит на американскую позицию, состоящую в том, что запускаемые с морских кораблей крылатые ракеты не должны подпадать под действие Договора СНВ-1. В Белом доме Шеварднадзе приятно удивляет президента Буша: «Мы больше не будем слать оружие в Никарагуа»[2]. Заканчивая рыбалку в Вайоминге, Бейкер подарил Шеварднадзе ковбойские сапоги, а член Политбюро КПСС достал свой подарок — икону с Христом, просвящающим народы. Подлинно значимые символы.

Оказывается, в контактах с Бушем и Бейкером Горбачева больше, всего беспокоило выражение «западные ценности». Советскому президенту было обидно, что бывают ценности, к которым он не приобщен. Идя навстречу этому, предубеждению, президент Буш предложил впредь употреблять выражение «демократические ценности»[3]. Горбачев был счастлив. Именно в это время президент Буш (20 февраля 1990 г.) пишет канцлеру Колю: «У нас появились шансы выиграть эту игру; но нужно вести дело умно». Речь, разумеется, шла о воссоединении Германии.

30 мая 1990 г. президент Горбачев прибыл в Вашингтон с государственным визитом. Президент Буш произнес почти дежурные слова: «Соединенные Штаты выступают за членство Германии в НАТО. Однако, если Германия предпочтет другой выбор, мы будем его уважать». «Я согласен»[4], — сказал Горбачев. Несколько его помощников были буквально шокированы тем, что являлось практическим эквивалентом согласия на вступление объединенной Германии в НАТО. На съезде КПСС Горбачев и

[1] *Baker J.* Op. cit., p. 140—1.
[2] Ibid., p. 140—1.
[3] Ibid., p. 171.
[4] Ibid., p. 171.

287

его команда подверглись весьма жесткой критике по германскому вопросу. И тогда Буш послал Шеварднадзе проект натовской резолюции по изменению обстановки в Европе — набор мягких слов. Шеварднадзе отвечает: «Без этой декларации для нас было бы очень трудно принять решения по Германии... Если вы сравните то, что мы говорили прежде и теперь, то это как день и ночь». «Действительно, как небо и земля»[1], — отмечает в своей книге Бейкер.

Сразу же после августовских событий 1991 г. глава американской дипломатической службы говорит президенту СССР: «Время разговоров ушло. Мы нуждаемся в действиях. У вас сейчас большие возможности для действий... Важно действовать решительно»[2]. Как вам нравится слово «мы»? В ноябре 1991 г. Горбачев решил снова назначить Шеварднадзе министром иностранных дел. Собственные аналитики доложили Бейкеру цель этого назначения — «заставить нас играть более активную роль в сохранении Союза. Нам все это уже надоело, — думает Бейкер, — потому что наша цель — защищать собственные интересы»[3]. Особенно дикой казалась задача «помочь в сохранении Союза» министру

обороны Р. Чейни. «Дик хотел развала Советского Союза, он видел в Украине ключ к этому и полагал, что, если Америка поспешит с признанием, украинское руководство будет более настроено в пользу положительных отношений с нами»[4]. За пять дней до украинского референдума о независимости Шеварднадзе убеждал Бейкера, что «у центра есть мощные рычаги воздействия на республики»[5].

Это была уже полная политическая слепота. И ее полностью разделял Горбачев, когда за день до референдума в обычной своей манере магического оптимизма убеждал президента Буша, что любой исход голосования не обязательно будет означать развал Союза. Разумеется, донесения американского посла Страуса были бесконечно далеки от этого дикого оптимизма. Американцы были безусловно поражены тем, что Ельцин сообщил о Беловежских соглашениях президенту Бушу раньше, чем Горбачеву. Но Горбачев был больше огорчен другим — тем, что госсекретарь Бейкер «слишком поспешил сказать: «Советского Союза больше не существует». Ситуация быстро меняется. Мы пытаемся навес -

[1] *Baker J.* Op. cit., p. 259 (note).
[2] Ibid., p. 527.
[3] Ibid., p. 559.
[4] Ibid., p. 560.
[5] Ibid., p. 561.

288

ти порядок, а Соединенным Штатам кажется, что они уже все знают! Я не думаю, что это лояльно»[1].

Сумбур в умах устроителей Содружества Независимых Государств вызвал у американцев шок. «Вы говорите, что предусматриваете создание центрального военного командования, — спрашивает Бейкер российского министра иностранных дел А. Козырева, —но кто будет контролировать отдельные части на отдельных территориях?» Козырев, как утверждает Бейкер, был в замешательстве. Это разозлило госсекретаря: «Мы что, должны проводить десять раундов дискуссий?» Обращаясь к Шеварднадзе, глава американской дипломатии жалуется: «Я обеспокоен тем, что члены нового Содружества не знают, что делают»[2].

На развалинах прежней страны Шеварднадзе признается американцам: «Когда мы с Горбачевым начинали, мы полагали, что государство, в котором мы жили, не могло выстоять. Но у нас не было ни расписания действий, ни повестки дня... Нашей ошибкой было то, что мы не действовали постепенно и не установили ясно очерченных сроков. Во-вторых, мы не понимали наших людей — этнической и национальной лояльности. Мы недооценили национализм»[3]. Президент Ельцин был обращен в будущее. Он хотел, чтобы военная система Содружества Независимых Государств «слилась» с НАТО: «Важной частью безопасности России является вступление в ассоциацию с единственным военным союзом в Европе». Беспрецедентным для Бейкера было то, что российский президент объяснил ему, как работают системы запуска стратегических сил: «Руководители Украины, Казахстана и Белоруссии не понимают, как все это работает, вот почему я говорю это вам»[4]. Через 30 минут в том же кабинете Горбачев, к вящему изумлению Бейкера, объявил, что «процесс еще не закончен». Это прозвучало так неубедительно, что госсекретарь стал доставать веламинт и, видя взгляды Горбачева и Шеварднадзе, дал и им по таблетке. Пожалуй, это было единственное, что они могли получить от американской дипломатии.

«У нас не было никакого интереса продлевать жизнь Советского Союза, — пишет Дж. Бейкер. — Но мои встречи убедили меня, что никто и не собирается оживлять тело коммунизма, рухнувшего перед нами. У нас был явственный интерес в определении вида и поведения стран-наследников. Дипломатическое

[1] *Baker J.* Op. cit., p. 565.
[2] Ibid., p. 567-8.

[3] Ibid., p. 572.
[4] Ibidem.

289

признание было самой большой «морковкой», которую мы могли использовать, и я хотел максимально укрепить этот рычаг»[1].

А тем временем (15 декабря 1991 г.) Шеварднадзе жалуется Бейкеру, что его квартира заставлена припасами на случай грядущих нехваток. Бейкер думал в это время о том, что только «дружба, основанная на доверии, позволила Шеварднадзе и мне сделать то, что мы сделали»[2]. Он интуитивно не верил в долгожительство СНГ, но полагал, что Содружество может быть форумом разрешения локальных конфликтов. В течение нескольких дней государственный секретарь США повстречался с лидерами России, Украины, Белоруссии, Казахстана. «Во всех моих встречах на этой неделе одна тема была постоянной: интенсивное желание удовлетворить Соединенные Штаты». Они желают, говорит Бейкер по телефону президенту Бушу, «получить наше одобрение — они жаждут нашей помощи. Наша помощь может быть использована для определения направления того, что они делают». Для себя Бейкер записал, что эксперимент, начатый Марксом и Лениным, продолженный Сталиным и последователями, провалился.

Пожалуй, наиболее впечатляющим было поведение Горбачева накануне, возможно, важнейшего решения его как лидера своей страны — о воссоединении Германии. Он повез канцлера Коля в родной Ставрополь, провел по самым дорогим его сердцу улицам, вылетел вертолетом в маленькую горную резиденцию, говорил о детстве и сокровенном. Говорил ли он о будущем Европы, о будущем Организации Варшавского договора, о связях Восточной Европы с СССР? Нет. Ему, как и предшественникам, важно было «заглянуть в глаза», получить моральный кредит, удостовериться.

На западных собеседников эмоциональный натиск Востока не производил ни малейшего впечатления. Достаточно прочитать, с одной стороны, мемуары государственных секретарей Шульца и Бейкера, а с другой — Горбачева и Ельцина, чтобы усомниться, об одном ли событии говорит и мучается Восток и Запад. Есть холодное удивление по поводу спешки Шеварднадзе и Горбачева, есть собственный анализ советских намерений, но нет того, чему те же Шеварднадзе и Горбачев придавали такое огромное значение: рыбалка в Вайоминге, горячие речи за полночь, обмен авторучками при подписании. Как сказал Киплинг, Запад есть Запад, а Восток есть Восток, и им не сойтись никогда.

Возьмем самую острую проблему второй половины 90-х годов — расширение НАТО на восток. Любой западный юрист,

[1] *Baker J.* Op. cit., p.574.
[2] Ibid., p.577.

290

будь он на месте русских, вспомнил бы о Парижской хартии 1990 г., о твердом обещании Североатлантического союза «не воспользоваться ситуацией ослабления Востока» (копенгагенская сессия Совета НАТО 1991 г.). Современные российские руководители даже не подумали вспоминать о таких тривиальностях. Но они хорошо помнят, что в ответ на самый щедрый жест Горбачева, давшего в ноябре 1990 г. обещание уничтожить десятки тысяч российских танков, Запад спустя всего четыре года решил разместить свои танки на польской границе.

В результате победы в «холодной войне» ведомый Соединенными Штатами Североатлантический союз стал доминировать на северо-западе Евразийского континента. Между классическим Западом и СНГ Америка начала излучать влияние на девять прежних союзников СССР и на тринадцать бывших республик почившего Союза. В самой России опасность сепаратизма вышла на первый план, за нею следует демонтаж экономики, распад общества, деморализация народа, утрата самоидентичности. Безусловный американский триумф 1991 г. дал

Вашингтону шанс — при умелой стратегии на долгие годы сохранить столь благоприятный для заокеанской республики статус-кво.

Но почему так быстро исчезла вторая в мире держава, что подкосило ее внутреннюю силу, обрекло на распад? Сложилось несколько стереотипов подхода к процессу, лишившему Америку единственного подлинного геополитического соперника.

Перенапряжение в гонке вооружений. Президенты Р. Рейган и Дж. Буш увидели искомую причину в *неспособности СССР быть на равных* с США в гонке стратегических вооружений. СССР не мог более расходовать на военные нужды 40 % своих исследовательских работ и до 28 % внутреннего валового продукта. Когда Рейгана спросили о величайшем достижении его президентства, он ответил: «Я выиграл «холодную войну»[1]. Во время президентских дебатов 1992 г. Буш утверждал, что «мы не согласились с мнением группы лиц, требовавших замораживания ядерной гонки. Президент Рейган сказал этой группе — нет, мира можно добиться только за счет увеличения нашей мощи. И это сработало». В результате, не увидев позитивных перспектив в соперничестве с непревзойденной экономической и военной машиной США, «советским лидерам ничего не оставалось, кроме как отвергнуть коммунизм и согласиться на распад империи»[2].

Когда президент Буш объяснял крушение Советского Союза,

[1] *Hawkes N.* The Dawn of a New Age («The Observer», March 5, p. 21).

[2] *Melloan G.* Military Cutbacks Will Crimp U.S. Foreign Policy («Wall Street Journal», January 25, 1993, p. A17). .

291

то он обращался прежде всего к тому тезису, что «советский коммунизм не смог соревноваться на равных с системой свободного предпринимательства... Его правителям было губительно рассказывать своему народу правду о нас... Неверно говорить, что Советский Союз проиграл «холодную войну», правильнее будет сказать, что западные демократии выиграли ее»[1]. О решающем значении гонки вооружений писал министр обороны К. Уайнбергер: «Наша воля расходовать больше и укреплять арсенал вооружений произвела необходимое впечатление на умы советских лидеров... Борьба за мир достигла своего результата»[2].

Бывший министр обороны и глава ЦРУ Дж. Шлесинджер назвал окончание «холодной войны» «моментом триумфа Соединенных Штатов — триумфа предвидения, национальной решимости и твердости, проявленных на протяжении 40 лет»[3]. Сенатор Х. Ваффорд считал причиной американской победы в «холодной войне» решимость «конгресса и большинства американцев израсходовать триллионы долларов на системы ядерного сдерживания, огромные конвенциональные вооруженные силы, расквартированные по всему миру, и субсидирование глобальной сети союзных государств»[4]. На национальном уровне не возникло никаких дебатов, смысл чего был ясен: именно политика Рейгана — Буша привела к крушению коммунизма[5]. Эту идею выразил, в частности, ведущий республиканец в сенатском комитете по международным делам — сенатор Р. Лугар: «Рональд Рейган выступил за увеличение военных ассигнований и за расширение военных исследований, включая Стратегическую оборонную инициативу. Эти программы оказались основой достижения Рейганом поразительных внешнеполитических целей, таких, как откат коммунизма советского образца, переговоры об уничтожении ракет среднего радиуса действия в Европе и сокрушение берлинской стены... Достижение целей Рейгана продемонстрировало неопровержимую мудрость его политики»[6]. Этого же объяснения придерживается длинный список правых, бывших деятелей рейгановской администрации, таких, как К. Уайнбергер и Р. Перл, такие идеологи правых, как И. Кристол.

[1] «Vital Speeches of the Day», 1993, N 7, p. 194—5.
[2] *Weinberger C* Fighting for Peace. N.Y., 1990, p. 31-4.
[3] *Schlesinger J.* New Instabilities, New Priorities («Foreign Policy», 1991/ 1992, p. 3, 17).
[4] *Wofford Ch.* The Democratic Challenge («Foreign Policy», 1991/1992, p. 99-100).
[5] *Kramer M.* Eyes on the Prize («Time», October 19, 1992, p. 38).
[6] *Lugar R.* The Republican Course («Foreign policy», N 86, 1992, p. 86—7).

292

Слегка меняя оттенок, главный редактор «Форин афферс» У. Хайленд утверждал, что Горбачев поддался давлению западных военных инициатив на фоне делегитимации советской системы, дискредитированной гласностью[1]. Как и президент Картер до него, Р. Рейган интенсифицировал западную политику в отношении СССР и добился ожидаемых результатов. Собственно говоря, такое видение является продолжением долговременного стратегического замысла Г. Трумэна: «России следует показать железный кулак»[2]. Американцы так и поступали на протяжении сорока с лишним лет. Решающее испытание пришлось на 80-е гг., когда к власти на Западе пришли более склонные к самоутверждению лидеры — М. Тэтчер (1979), Р. Рейган (1981), Г. Коль (1982). Теперь надежды Москвы на мир с Западом ослабли окончательно, и напряжение жесткого соревнования стало более ощутимым. Речь шла о победе или поражении в самой большой идеологической войне двадцатого века. К приходу Горбачева «Соединенные Штаты ясно показали Советскому Союзу свою приверженность делу соревнования и победы в гонке вооружений. Рейган обращался с Советским Союзом как с «империей зла», и его администрация была гораздо более убеждена в правильности своей антикоммунистической политики, чем администрации Никсона и Форда в 1970-х годах»[3]. В результате Рейган выдвинул такие дорогостоящие инициативы, как создание оборонных систем в космосе (1983) — СОИ, стоимость которой была велика даже для огромной экономики Америки. Часть советского руководства представила отставание в этой сфере чрезвычайно опасным, и у американцев появился необходимый им крючок. Возможно, СОИ и явилась той соломинкой, которая сокрушила спину верблюда. «Рональд Рейган выиграл «холодную войну», показав свою твердость... Четыре года жесткой политики Рейгана произвели необходимое коренное изменение в сознании советского руководства»[4].

Согласно анализу Бжезинского, Советский Союз стал поддаваться, когда США резко восстали против размещения ракет среднего радиуса действия СС-20, противопоставив Советскому Союзу свою программу размещения «Першингов-2». «Массивное американское военное строительство в начале 1980-х плюс выдвижение Стратегической оборонной инициативы шокировали Советы

[1] *Hyland W.* The Cold War is over. N.Y. 1990.
[2] *Truman H.* Memoirs, v.l. N.Y., 1955, p. 552.
[3] *Holmes L.* Post-Communism. N.Y.,1997, p. 30.
[4] *Jensen K., Schraub K.* (eds) A discussion of the origins of Thinking on Arms Control. Washington, 1990, pp. 60—72.

293

и привели к напряжению на их ресурсы»[1]. В Кремле, считает Бжезинский, знали, что в середине десятилетия СССР будет уже неспособен выдержать соревнование. Именно поэтому пришедший к власти в 1985 г. М.С. Горбачев «с величайшим желанием ухватился за оливковую ветвь, протянутую ему администрацией Рейгана, в надежде ослабить давление гонки вооружений»[2].

Ирония истории заключается в том, что СССР имел в космосе более софистичные, чем американские, системы. В августе 1993 г. администрация Клинтона не сочла нужным скрывать, что первые результаты реализации Стратегической оборонной инициативы были просто сфабрикованы. Но важен результат. Такое объяснение крушения СССР немедленно встретило контраргументы. Сами же американцы отмечают, что выход советских войск из

Афганистана и Восточной Европы был осуществлен значительно позже пика рейгановских усилий в области военного строительства (пришедшихся на 1981—1984 гг.), значительно позже того, как стало ясно, что сверхвооружение не делает советскую переговорную позицию мягче. Критики уверенно указывают на неубедительность тезиса о «переутомлении Советского Союза», напоминая о том, что в 80-е годы СССР был гораздо сильнее, чем в 50-е или 60-е годы, что индустриальная база Советского Союза за послевоенные десятилетия выросла многократно, и непонятно, как могла подорваться его экономика в конце 80-х годов, если она выстояла в 40—49-е)[3]. Никто ведь так и не смог доказать, что «бремя оборонных расходов в Советском Союзе значительно возросло за 1980-е годы, более и важнее того, никто еще не смог доказать связь между рейгановским военным строительством и коллапсом советской внешней политики»[4].

По мнению американского исследователя Э. Картера, никто не может доказать, что именно действия американской администрации подвигли Советский Союз на радикальные перемены. М. Мандельбаум прямо говорит, что главная заслуга Рейгана и Буша в грандиозных переменах 1989 г. заключалась в том, что «они спокойно оставались в стороне»-[5]. Ведь еще в 1989 г. Р. Пайпс,

[1] *Brzezinski Zb.* The Cold War and Aftermath («Foreign Policy» 1992, N 4, p. 42.

[2] Ibid., p. 43.

[3] *Gleditsch, N.P.* The End of the Cold War: Evaluating Theories of International Relations («Journal of Peace Research», August 1993, p. 357.)

[4] *ChemoffF.* Ending the Cold War: The Soviet Retreat and the U.S. Military Buildup («International Affairs», 1991, N 1, p. 111—126).

[5] *Mandelbaum M.* The Bush Foreign Policy («Foreign Affairs», 1989, N 2, pp. 19-20).

294

один из главных идеологов рейгановской администрации, утверждал, что «ни один ответственный политик не может питать иллюзий относительно того, что Запад обладает возможностями изменить советскую систему или поставить советскую экономику на колени»[1]. Сторонники жесткой линии на Западе были ошеломлены окончанием «холодной войны» именно потому, что коллапс коммунизма и распад Советского Союза имели, очевидно, меньшее отношение к американской политике сдерживания, чем внутренние процессы в СССР. Настоящее улучшение двусторонних отношений началось не в пике рейгановского военного строительства и неукротимого словоизвержения, а к Рейкьявику (1986), когда Вашингтон смягчил и риторику, и практику: «Чудесное окончание «холодной войны», — пишет Д.Ремник, — было результатом скорее сумасшедшего везения, а не итогом осуществления некоего плана»[2].

И никто не может доказать, что у президента Рейгана была четко продуманная и последовательная стратегия. Находясь под давлением самых различных групп, республиканцы в 1981—1993 годах сделали столько поворотов, что только очень убежденный рейганист не отдаст дань скепсису. Президент Рейган несколько лет вообще саботировал встречи на высшем уровне — о каком таком прямом воздействии может идти речь? А какое различие между первой и второй администрациями Рейгана — от определения «империи зла» до отрицания правильности этого определения во время визита в Москву.

Система порочна изначально. Коммунизм погиб из-за внутренних, органически присущих ему противоречий. Как утверждает Ч. Фейрбенкс, «сама природа зверя» содержала в себе внутреннюю слабость, проявившую себя в момент напряжения[3]. Той же точки зрения в общем и целом придерживается 36. Бжезинский, немало писавший об искажающем действительность характере коммунистической идеологии, ее неспособности дать верное направление общественного и экономического развития в рамках современной технологии[4]. Историк А. Шлесинджер придерживается той же точки зрения: «Учитывая внутреннюю непрактич-

[1] *Barnett L.* Gambling with History: Ronald Reagan in the White House. N.Y.,1983, p. 294.
[2] *Remnick D.* Dumb Luck: Bush' Cold War («New Yorker», January 25, 1993, p. 105-8).
[3] *Fairbanks Ch.* The Nature of the beast («National Interest», Spring 1993, pp. 46—56.
[4] *Brzezinski Zb.* The Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century, N.Y., 1990.

295

ность... Советская империя была в конечном счете обречена при любом развитии событий»[1]. А известный социолог Э. Геллнер, рассуждая в том же ключе, приходит к выводу, что СССР погиб потому, что коммунизм лишил экономику страны стимулов роста производительности, лишил ее побудительного мотива — «жалкое состояние окружающего, а не террор подорвали веру в коммунизм»[2]. Сторонники этой точки зрения отметают тезис о военно-экономическом «перегреве» СССР как наивный и не подкрепленный фактами! Они твердо убеждены, что «Советский Союз проиграл «холодную войну» в гораздо большей степени потому, что его политическая система оказалась порочной, чем вследствие американского сдерживания его мощи». Для сторонников этой точки зрения правильным кажется лишь один вопрос — кто же, кроме тех, кто составлял номенклатуру, готов был поддерживать коррумпированную систему? Она сгинула в конечном счете вследствие того, что «как вид производства, социализм не является чем-то, что может быть создано лишь на волевой основе, базируясь на низкой основе прежнего развития, перед тем как капитализм проделал грязную работу»[3].

Часть интерпретаторов отстаивает тот тезис, что виноват российский термидор середины 20-х годов, что изначальные революционеры 1917 г. были в конечном счете отодвинуты (если не уничтожены) сталинистами, ведшими дело к централизации и тоталитаризму. Им важен постулат: система либеральной рыночной экономики проявила свое превосходство над плановой системой коммунистического хозяйствования. Не только вожди в Кремле, но и широкие массы тайно, тихо, но определенно и твердо пришли к выводу, что коммунизм не может быть успешным соперником поставившего себе на службу современную науку капитализма[4]. Ф. Фукуяма определил триумф либерализма так: «Решающий кризис коммунизма начался тогда, когда китайское руководство признало свое отставание от остальной Азии и увидело, что централизованное социалистическое планирование обрекает Китай на отсталость и нищету»[5]. Социалистическая экономика добилась многого на ранней стадии своего становления, но в за-

[1] *Schlesinger A.* Who Really Won the Cold War. («The Wall Street Jourrnal», September 14, 1992, p. A10).
[2] *Gellner E.* The God that Paled («New Republic», June 22, 1992, p. 40—1).
[3] *Summy R., Salla* M(eds) Why the Cold War Ended. Westport,1995, p. 142.
[4] *Gelb L.* Who won the Cold War («The New York Times», August 22, 1992, p. A27).
[5] *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N.Y., 1992. p. 41.

296

катные десятилетия не сумела удовлетворить все более настойчиво излагаемые нужды массового потребителя — это особенно хорошо видела советская интеллигенция и население в Восточной Европе. Коммунизм был социально болен изначально, и требовались лишь время и выдержка Запада, чтобы свалить великана. Неэффективность идеологии была заложена в учении; лишь энтузиазм, помноженный на насилие, позволил коммунистическому строю держаться на плаву, но такое явление не могло существовать исторически долго.

Такое объяснение краха СССР немедленно вызывает вопрос: если коммунизм — это болезненное извращение человеческой природы, то почему (и как) он позволял Советскому Союзу в течение пятидесяти лет превосходить по темпам развития самые эффективные страны мира? Даже самые суровые критики вынуждены признать, что «советская экономика сама по себе не погрузилась в крах. Население работало, питалось, было одето, осваивало жилье — и постоянно

увеличивалось»[1]. Более того, эта экономика позволила создать первый реактор, производящий электричество, первое судно на воздушной подушке, первый спутник, выход в космос, реактивную авиацию и многое другое, отнюдь не свидетельствующее о научно-технической немощи. Неизбежен вопрос: если коммунизм был смертельно болен, почему он болел так долго и не имел видимых летальных черт?

Погубила внутренняя эволюция — третья интерпретационная волна исходит из примата внутренних процессов в СССР, первостепенного значения распространения (посредством радио, телевидения, всех форм массовой коммуникации) либеральных идей, привлекательных идеологических конструктов, они подчеркивают воздействие либерального мировидения на замкнувшееся в самоизоляции общество. Критически важны те либеральные идеи, которые получили массовую поддержку. «Решающим оказалось моральное переосмысление семидесяти с лишним лет социалистического эксперимента, потрясшее нацию, а вовсе не «звездные войны» Рональда Рейгана. Сказался поток публикаций о правах человека в Советском Союзе, об искажениях моральных и этических принципов, которые дискредитировали систему, особенно когда эти публикации вошли в повседневную жизнь граждан посредством органов массовой информации. Именно это сфокусировало движение за перемены и побудило население голосовать против морально коррумпированной прежней элиты»[2].

[1] *Klenbort D.* On Soviet Communism («The National Interest», Summer 1993, p. 107).

[2] *Kegley Ch.* (ed.) Controversies in International Relations Theory: Realism and the Neoliberal Challenge. N.Y., 1995.

297

Развитие многосторонних контактов создало базу для формирования в СССР слоя, заинтересованного в улучшении отношений с Западом. На неофициальном уровне представители СССР вовсе не вели «холодную войну». СССР развалился не из-за слабости, а потому, что ожидал от Запада компенсации за свои шаги навстречу. Растущее чувство бессмысленности «холодной войны» подорвало ее сильнее, чем любые ракеты. Негосударственные организации внесли свою лепту. Экология стала могущественным фактором отношений Востока и Запада[1]. «Внутреннее неудовлетворение играло главную роль в приходе советского лидера к убеждению идти на те меры, которые уменьшили военную мощь его страны больше, чем мощь США». Особенно эффективными исследователям кажутся критики марксизма внутри самого марксизма. Американец Р. Тарас пишет: «Сокрушило марксизм существование «двух марксизмов» — «научного» марксизма, признанного социалистическими государствами, и «критического» марксизма, воспринятого всеми противниками идеологии московитов»[2]. Особую роль в этом процессе сыграли просвещенные слои общества. Изменения, начатые сверху, «получили критически важную поддержку снизу. Советская интеллигенция встретила гласность с величайшим энтузиазмом и начала увеличивать пределы допустимого»[3].

Личность в истории. «На протяжении менее семи лет Михаил Горбачев трансформировал мир. Он все перевернул в собственной стране... Он поверг советскую империю в Восточной Европе одной лишь силой своей воли. Он окончил «холодную войну», которая доминировала в международной политике и поглощала богатства наций в течение полустолетия»[4]. Эту точку зрения аргументируют такие западные контрпартнеры советских лидеров, как госсекретарь Дж. Бейкер: «Окончание «холодной войны» стало возможным благодаря одному человеку — Михаилу Горбачеву. Происходящие ныне перемены не начались бы, если бы не он»[5]. Постулат этой школы — один человек изменил мир. Окончание «холодной войны» — это вовсе не история о том, как Америка изменила соотношение сил в свою пользу, а история того, как люди в

Кремле потрясли базовые условия прежнего мира. «Все дело, —

[1] *Wright J.* The End of the Cold War: The Brezhnev Doctrine («Why the Cold War Ended». Westport, 1995, p.47).

[2] *Holmes L.* Post-communism. N.Y., 1997, p. 29.

[3] *Mason D.* Revolution in East-Central Europe: The Rise and Fall of Communism and the Cold War. Boulder. 1992.

[4] *Kaiser R.* Why Gorbachev Happened: His Triumphs, His Failure, and His Fall. N.Y., 1992, p. 11-3.

[5] «Washington Post», December 26, 1991, p. A33.

298

пишет Ч. Табер, — в предшествующих радикальным по значимости событиям убеждениях главных действующих лиц»[1], — именно им принадлежит центральное место в исторической драме окончания противостояния Востока и Запада. «Холодная война» окончилась потому, что того хотел Горбачев и его окружение[2]. Э. Картер также считает, что Горбачев сыграл определяющую роль, по меньшей мере, в четырех сферах: 1) изменение военной политики; когда Горбачев выступил в ООН в декабре 1988 г., всем стало ясно, что его намерения в этой сфере серьезны; 2) отказ от классовой борьбы как от смысла мировой истории, выдвижение на первый план «общечеловеческих ценностей», признание значимости ООН; 3) отказ от поддержки марксистских режимов в «третьем мире»; 4) изменение отношения к восточноевропейским странам, отказ от «доктрины Брежнева»[3].

Короче всех, пожалуй, выразился американец Дж. Хаф уже в ноябре 1991 года: «Все это сделал Горбачев». «Холодная война» не завершилась бы без Горбачева, — пишет Дж. Турпин. Он ввел перестройку, которая включала в .себя свободу словесного выражения, политическую реформу и экономические изменения. Он отказался от «доктрины Брежнева», позволив странам Варшавского пакта обрести независимость. Он отверг марксизм-ленинизм. Самое главное, он остановил гонку вооружений и ядерное противостояние»[4]. Горбачев «знал, что СССР нуждается в серьезных переменах»[5]. При этом Горбачев был готов к компромиссам и отступлениям, и «ему стало трудно обдумывать фундаментальные проблемы с достаточной глубиной». 36. Бжезинский назвал Горбачева «великим Путаником и исторически трагической личностью»[6]. В ходе финальной стадии «холодной войны» президент Буш и канцлер Коль сумели переиграть незадачливого советского президента.

Дж. Райт убеждена, что «холодную войну» окончило ясно

[1] *Taber Ch.* Poli: An Expert System Model of US Foreign Policy Beliefs Systems. («American Political Science Review», December 1992, pp. 888— 904).

[2] *Holmes L.* Op. cit., p. 25.

[3] *Carter A.* Success and failure in Arms Control Negotiations. Oxford, 1989, pp. 205-227.

[4] *Turpin J.* Gorbachev, the Peace Movement, and the Death of Lenin («Why the Cold War Ended». 1995, p. 47).

[5] *Kaiser R.* Why Gorbachev Happened; Oberdorfer D. Initiation of Change, Gorbachev among Century's Greatest («Washington Post», December 26, 1991, p. A33).

[6] *Brzezinski Zb.* The Cold War and Aftermath («Foreign Affairs», 1994, №4, p.46).

299

продемонстрированное советским руководством нежелание навязывать свою волю Восточной Европе. «Почему Советский Союз пришел к этому заключению — сказать трудно». Решающим в этом отношении был визит Горбачева в Югославию в марте 1988 г. — именно тогда он ясно выразил новое мировоззрение Москвы. Еще более укрепил эту ситуацию вывод части советских войск из Восточной Европы в конце 1988 г., когда Восточная Европа явственно повернула на Запад.

Необратимая инерция. Пятая точка зрения исходит из примата международной обстановки, сделавшей прежний курс Советского Союза практически невозможным. Вот мнение советника президента Клинтона С.

Зестановича: «Трудное международное окружение ранних 1980-х годов обязало советское руководство прибегнуть к переменам, но жесткая западная политика не позволила этому руководству завершить свою работу. Рейган, Тэтчер, Буш и другие западные лидеры, имевшие дело с Горбачевым... по существу дали ему орудие самоубийства. Как это часто бывает в подобных ситуациях, избранная жертва оказалась склонной принять совет, если он облечен в наиболее вежливую возможную форму. Создалась ситуация, когда жертва приходит к заключению, что его друзья, семья и коллеги будут в конечном счете лучше относиться к нему, если последуют вслед за ним. Советский коммунизм, международное окружение поздних 80-х годов представляло собой размягчающую среду, в которой, после долгих мучительных размышлений, оказалось возможным повернуть оружие против самого себя»[1]. Иначе не объяснишь крах государства, в котором рабочие не бастовали, армия демонстрировала предельную покорность, союзные республики (до поры) думали максимум о «региональном хозрасчете», село трудилось, интеллигенция писала и учила.

«Советский союз, — пишет М.Раш, — хотя и встретил трудности, вовсе не был обречен на коллапс и, более того, не был даже в стадии кризиса. Советский Союз был жизнеспособным и, наверное, существовал бы еще десятилетия — может быть, очень долго, но он оказался восприимчивым к негативным событиям вокруг. Жизнеспособный, но уязвимый, Советский Союз стал заложником отвернувшейся от него фортуны. То, что ослабленный организм пошел не по дороге жизни, а умер на руках у неуверенного доктора, использующего не испытанные доселе лекарства, является, прежде всего, особым стечением обстоятельств»[2]. Для

[1] *Sestanovich S.* Did the West Undo the East? («The National Interest», Spring 1993, pp. 26-34.)

[2] *Rush M.* Fortuna and Fate («The National Interest»). Spring 1994, p.40.

300

этой группы интерпретаторов потеря советским руководством веры в свое будущее, смятение и самоубийственный поиск простых решений очевидны. При этом имел место своего рода «эффект бумеранга». Оголтелая прежняя советская пропаганда настолько демонизировала образ Запада, что нормальная психика многих интеллигентов не могла отреагировать иначе, как броситься в другую крайность, теряя историческое чутье и собственное критическое восприятие действительности. Теряя здравый смысл.

Конечно же, велико число тех, кто отказывается объяснять проблему поисками заглавного фактора. Осторожные и глубокомысленные говорят об их сочетании, о сложности предмета. По мнению Дж. Л. Геддиса, тектонические сдвиги в истории не были результатом действия одной нации или группы индивидуумов. «Они были результатом скорее взаимодействия ряда событий, условий, политических курсов, убеждений и даже случайностей. Эти сдвиги проявляли себя на протяжении долгого времени и по разным сторонам границ. Однажды пришедшие в движение, они были неподвластны всем попыткам обратить их вспять»[1]. Главными Геддис (один из наиболее проницательных историков «холодной войны») считает столкновение технологии с экологией, коллапс авторитарной альтернативы либерализму и «общемировое смягчение нравов»[2]. Р. Дарендорф выделяет три фактора: Горбачев; «коммунизм никогда не был жизнеспособной системой»; «странная история 80-х годов, в ходе которой Запад обрел уверенность в себе». П. Кеннеди идентифицирует свои три фактора: 1)кризис легитимности советской системы; 2) кризис экономической системы и социальных структур; 3) кризис этнических и межкультурных отношений. Дж. Браун находит уже шесть факторов: 1) сорок лет замедления развития; 2) нелигитимность коммунизма; 3) потеря советской элитой убежденности в своей способности управлять страной; 4) нежелание этой элиты укреплять свою роль; 5)

улучшение взаимоотношений Востока и Запада; 6) инициативы Горбачева.

Но все это интерпретации свершившегося, а для истории более всего важен тот факт, что как геополитический центр Советский Союз саморазоружился в поразительно короткий отрезок времени и Соединенные Штаты получили уникальный шанс возглавить всю систему международных отношений.

[1] *Gaddis J.L.* The United States and the End of the Cold War: Implications, Reconsiderations, Provocations. N.Y., 1992, p. 156.

[2] *Reagan R.* Ronald Reagan Talks to America. Old Greenwich, 1983, p. 130.

301

В новой России кое-кто наивно и невольно ждал от представителя самой богатой и могущественной страны сострадания к положению страны, неумело рванувшейся навстречу Западу, платя при этом большую цену и освобождая Америке место теперь уже *единственной* сверхдержавы. В американском восприятии России выделим два аспекта.

Первое. Упрощенный взгляд на российскую политическую жизнь 1990-х годов, основанный на безусловной ориентации только на хозяина Кремля. А где великая страна, изучению которой отдал творческую жизнь автор? Мы говорим не об отвлеченных страданиях, а о смертных муках огромной страны, которая, если пользоваться выражением великого Эдмунда Берка (сказанные, конечно же, в другую эпоху и по поводу другой революции), «прошла сквозь самые страшные возможные муки из-за неожиданного полного обрыва с предшествующей традицией». По существу в России воцарилось новое издание Орвелла: стране, обществу, человеку, становилось все хуже, паруса демократии за спиной Ельцина начали совсем исчезать за горизонтом, принципы народоправления попирались все гнуснее, рынок потерял всякую творческую функцию, а наши добрые западные друзья, в частности, хорошо знавший Москву Тэлбот, говорили удивительные вещи о *свершившемся феноменальном прогрессе.* Гладкопись милого козыревского вестернизма постепенно стала сводиться к более сложной картине.

Огромна помощь американцев, приведших больного Ельцина ко второму президентскому сроку. Причастный (или просто сведущий) русский *очень хорошо* помнит, *кто* с упорством, достойным лучшего применения, буквально *навязывал* несчастной стране Гайдара, Козырева, Чубайса, Коха и иже с ними. Кто сказал в Ванкувере в апреле 1994 г.: «Речь идет о том, чтобы помочь Ельцину совладать с превосходящими силами у него дома»? Кто после октября 1993 г. «восхитился тем, как он (Ельцин) ведет борьбу с политическими противниками»? Кто увидел в Черномырдине «пример благоразумия и самоотверженности»? Кто категорически советовал Клинтону не разжигать ревности Ельцина и не обращаться к более широким слоям российского общества? Кто принял «танковый» способ «разделения исполнительной и законодательной властей»? Президент США и его помощники пели гимны отцу русской демократии, первому российскому президенту, тому самому, которого, не моргнув глазом, в конце десятилетней истории Строуб Тэлбот показывает в мемуарах столь жалким («чудаковатый, безрассудный, себялюбивый старик»)?

Клинтон живо интересовался происходящим в России. (А как иначе, ведь это единственная сила на земле, способная на ядерное уничтожение любого противника.) Но учтем и то, что губер-

302

натор Арканзаса знал об этой стране значительно меньше своего друга студенческих лет, профессионального советолога, долгие годы проведшего в Москве. Но даже Клинтон, повинуясь здоровому чувству реализма, вскричал: «В чем Россия нуждается, так это в проектах огромных общественных работ... Они находятся в депрессии, и Ельцин должен стать их Франклином Рузвельтом»[1].

Мудрость государственного человека заключается не в том, чтобы с бездонно холодным тщанием добивать ослабевшего партнера. Предметом гордости Тэлбота и других «ответственных за Россию» в демократической администрации является то, что Россия, при всех потугах ее часто неловких представителей, нигде — ни в Косове, ни в вопросе об экспансии НАТО, ни в попытках сохранить Договор 1972 г. по ПРО — не получила ни *йоты* американских уступок. Но благодаря стараниям хладнокровных новых друзей России начала исчезать та бесценная материя, которая называется любовью и уважением к Западу.

И когда Клинтон с великой серьезностью, разделяемой в данном случае и мемуаристом, говорит Ельцину: «У тебя внутри огонь настоящего демократа и настоящего реформатора... России повезло, что ты был у нее», то возникает неловкое чувство, что это уже слишком. Наверное, и далекий от рефлексивности Ельцин, видимо, внутренне сжался от подобных «преувеличений». При этом Тэлбот признает, что в Москве ему постоянно говорили те, кого инстинкт суицида не поглотил полностью: «Вы только подливаете нам яд и при этом говорите, что нам этот яд полезен». В Вашингтоне много переживали относительно создания российского сектора с целью спасти тысячи сербов в Косове от головорезов Тачи.

Какая внешнеполитическая стратегия виделась Клинтону и Тэлботу оптимальной? Став фактически империей (а какие еще аргументы после крушения коммунизма объясняют военное присутствие США в 45 странах мира?), Америка должна решить для себя, какой стратегией она намерена руководствоваться в мире. Что для нее значит Россия, буквально оседлавшая Евразию. Нет сомнений, что практически непредсказуемое будущее способно преподнести Вашингтону сюрпризы. Стоит ли так ослаблять Россию? Верный ли это путь для имперского гегемона в мире, где не сказали еще своего исторического слова такие гиганты, как Китай? Не обернется ли ликование по поводу бесконечного ослабления России очередной «иронией истории»? В быстроменяющемся мире будущего Россия еще очень может пригодиться Америке, осознает

[1] *Talbott S.* A Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. New York: Random House, 2002, p.52.

303

она это или не осознает. И маниакальное ломание ей хребта может при определенном повороте событий оказаться весьма близорукой политикой.

Но самонадеянное вмешательство в дела других стран редко дает позитивные результаты. Ставить на сикофантов, всегда знающих, какая риторика ласкает слух «дяде Сэму», и игнорировать живые силы (равно как и интересы другой страны) в конечном счете контрпродуктивно. Если Соединенные Штаты решили взять на себя глобальную ответственность, то они просто обязаны не просто подбирать все то, что плохо лежит, а сформировать стратегическое видение, где крупнейшие державы современности могли бы найти достойное место, а не оказываться в положении презираемых сателлитов. На презентации мемуаров лучшего американского знатока России в Фонде Карнеги Тэлбота спросили: «Вы много пишете о том, чего добились Соединенные Штаты в России. А что получила сама Россия? Совпадают ли ее интересы с американскими или Вашингтон действовал в ущерб Москве? Не велика ли цена, не вспомнит ли страна с такой историей, как российская, все то, что с улыбкой делал с ней заокеанский колосс, нимало не заботясь о производимом впечатлении?»

Пресловутая «химия общения» — не более чем «потемкинская деревня» великой гармонии, которой на самом деле нет. Тэлбот указывает на причину «химии» в возлияниях, безжалостно зафиксированных на страницах книги. Здесь же фиксируется и жесткое презрение таких лиц, как Уоррен Кристофер и Энтони Лейк. Сэнди Бергер говорил о «высокой бессмыслице» ельцинских речей[1].

Клинтон успокоил своих помощников своеобразно: «Ельцин все же не безнадежный пьяница»[2]. Речь шла о пристающем к телохранителям президенте России. «Только когда два президента встречались с глазу на глаз, Ельцин расставался с позерством, и тогда Клинтон мог продолжать работать над ним»[3]. Возможно, что за тысячелетнюю историю России у нее были слабые правители, но, думаю, даже над ними не «работали» иноплеменные вожди.

Но американский президент решительно считал, что «пьяный Ельцин лучше большинства непьющих альтернативных кандидатов». Вот как Тэлбот описывает поведение кремлевского владыки на публике и в узком кругу американского руководства: «Когда по обе стороны стола переговоров сидело много людей,

[1] *Talbott S.* A Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. New York: Random House, 2002, p. 156.

2 Ibid., p. 85.

[3] Ibid., p. 135.

304

он (Ельцин) играл роль решительного, даже не допускающего возражений лидера, который знает, чего он хочет, и настаивает на том, чтобы это получить; в ходе частных бесед он становился из напористо-самоуверенного внимательным и восприимчивым, уступая обольщению и уговорам Клинтона; затем на завершающей пресс-конференции он из кожи вон лез, чтобы теми способами, которые сам придумал, излучать уверенность в себе и маскировать, насколько податливым он был за закрытыми дверями»[1]. Нам всем должно быть стыдно от этих строк.

Одна на геополитической вершине

В 1945 г. потерпели поражение Германия и Япония, в последующие годы ослабевшие западноевропейские метрополии постепенно теряли свои позиции. Все это объективно способствовало возвышению США. В 1990 г. довольно неожиданно затормозился экономический рывок Японии, уже достигшей уровня половины колоссального американского ВНП. Соединенные Штаты при населении, составлявшем менее 5 % мирового, владели примерно 50% мировых богатств — и это питало иллюзии о незыблемости международных позиций крупнейшей страны капиталистического мира, казалось ей естественным положением вещей. По четырем показателям — по доле валового национального продукта в общемировом производстве, по сумме военных расходов, по размерам стратегических сил и по относительной независимости сырьевой базы от внешнего мира — США достигли апогея своего могущества.

Со времен первых пуритан-поселенцев и, конечно же, со времени бурной деятельности отцов-основателей республики в США укоренился миф об исключительной миссии Америки в мире. Задача создания глобальной зоны влияния буквально не могла бы быть решена без переносимого из поколения в поколение американцев представления о том, что Америка — это «лаборатория прогресса», что Соединенные Штаты имеют право и даже обязанность «поделиться» своим прогрессом с «менее удачливыми» районами мира. Те, кто планирует американский внешнеполитический курс, воспевали «моральный пример» Североамериканской республики, поучительность эксперимента свободы на североамериканском континенте. Энергичность национального характера стала связываться с императивом миссионерской дея-

[1] *Talbott S.* A Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. New York: Random House, 2002, p. 137.

305

тельности в глобальных масштабах. Предприимчивость подавалась как предпосылка разрешения всех проблем.

Вторая черта экспансионистской практики — безапелляционная вера

правящих кругов в существование американского решения для любой из мировых проблем. Здесь мы имеем дело с феноменом исключительной исторической устойчивости. Несмотря на многочисленные примеры тяжелейших провалов, неудач политики США на мировой арене, поколение за поколением американских политических деятелей предлагают собственные варианты решения любых международных и локальных споров в различных частях земного шара. За таким глобализмом стоит вера его авторов в эталонную сущность буржуазной демократии американского образца. Вера в универсальную приложимость догм буржуазно-демократической модели парадоксально незыблема в американской идеологии.

Третий «столп» американской стратегии — неукротимое стремление найти противника, того «козла отпущения», против которого необходимо мобилизовать все ресурсы. Какой бы экзотической, отдаленной, уникальной ни была арена конкретных действий проводников американской внешней политики, неизбежно находился тайный, закулисный враг, тот скрытый махинатор, который коварно нарушал американские планы. На протяжении четырех послевоенных десятилетий таким врагом считался мировой коммунизм, причина неудач американской внешней политики усматривалась в вездесущей «руке Москвы». Позднее таким манихейским образом стал воинственный ислам и огромный Китай.

На краткий исторический период пало время необычайного могущества США, вышедших из «холодной войны» первой державой мира.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
КТО ПРОТИВ

> Конечно, будущие американские правительства могут быть менее националистически настроенными, чем нынешняя администрация; но полагаться только на это было бы неразумным.
>
> *А. Ливен, 2002*

> Японцы и китайцы стоят в очереди за книгами, авторы которых говорят «нет» высокомерным американцам. Русские с удовлетворением говорят о партнерстве с Китаем, Индией и другими странами, способными создать, сбалансировать единственную сверхдержаву. Европейцы — и не только французы — говорят о единстве, необходимом для создания противовеса Соединенным Штатам. Устрашающее число европейских ученых, включая и англичан, говорят о том, что, хотя 11 сентября было ужасным, оно было неизбежным результатом американской политики. И, конечно же, существует Иран, для которого Соединенные Штаты всегда были Великим Сатаной.
>
> *Экономист», 5 июля 2002 г.*

Чтобы обеспечить мир *на своих условиях,* Вашингтон просто вынужден безостановочно осматривать горизонт ради раннего обнаружения потенциального соперника. Не все ликуют при виде Американской империи. Даже те на Западе, кто полагается на «просвещенное руководство» Соединенных Штатов, периодически теряют уверенность:

307

«Соединенные Штаты оказались ослепленными собственным успехом, они не могут усмотреть надобности в подчинении своих интересов неким абстрактным общим принципам. Соединенные Штаты ревностно охраняют свой суверенитет и поведут себя как единственный арбитр, отделяющий правое от неправого»[1].

Эти вопросы актуальны в той же степени, в какой огромный мир, его большинство не удовлетворены существующим положением, при котором

благоденствует лишь малая часть мирового населения. В той мере, в какой США самовлюбленно провозглашают (в данном случае президент Дж. Буш-мл. в послании «О положении страны» в 2002 г.), что «есть требования, по поводу которых не ведут переговоры, которые не обсуждаются: главенство закона, ограничение прерогатив государства, уважение к женщинам, частная собственность, свобода слова, справедливость для всех и религиозная терпимость». Высокомерие никогда не было надежной отправной точкой. Достижение *абсолютной неуязвимости* лишь для одной страны — заведомо обреченная с самого начала задача.

Итоги мирового обзора сейчас обнадеживают американцев. Россия в военном отношении — бледная тень прежнего Советского Союза. Хотя и здесь есть свои алармисты. Как пишет американец Дж. Курт, «даже малой силы России достаточно. Так или иначе, но призрак российской мощи будет стоять перед восточной частью Европы... Более весомым является потенциал китайской угрозы... Это создает базис для новой американской политики сдерживания, для новой системы американских гарантий и смещения в американской системе военных протекторатов. Переход к системе сдерживания Китая является наиболее вероятным будущим. Эта политика сдерживания и создаст новую систему легитимности и продолжения жизнедеятельности американских военных протекторатов в Европе и Азии, которые для Америки являются важнейшими после собственно Северной Америки»[2]. КНР все больше возвышается над своими соседями в Восточной Азии, а ЕС консолидирует свои силы на северо-западной оконечности Евразии. Но глубинная угроза «миру по-американски» придет не из привычных «враждебных столиц», а из более глубоких социальных глубин.

И из того факта, что американская экономика уже привержена к наркотику основанной на могуществе Уолл-стрита мировой

[1] *Soros G.* The Age of Open Society («Foreign Policy». Summer 2000. P. 53).

[2] *Kurth J.* The Adolescent Empire. America and the Imperial Idea («The National Interest», Summer 1997, p. 13).

финансовой системы, которая позволяет использовать капитал других наций, позволяет американцам больше покупать иностранных товаров, чем продавать им своих. Эта тенденция стала жизненно важной для американской экономики в 1990-е годы — десятилетии, когда собственно американские сбережения приблизились едва ли не к нулю. «К моменту инаугурации президента Буша американская зависимость от международной системы вышла за пределы относительно простых вопросов сбережений и инвестиций, рабочих мест и рыночных позиций»[1].

1. НЕПРИЯТИЕ ОДНОПОЛЮСНОЙ ГЕГЕМОНИИ

> После окончания «холодной войны» американское присутствие в Европе и Восточной Азии является чем-то вроде функции няни при абсолютно взрослых народах.
>
> *М. Мандельбаум, 2002*

Еще десятилетие назад, в условиях борьбы с коммунизмом, США могли твердо рассчитывать на солидарность западноевропейских стран и Японии. Добившись своих официальных целей (сокрушив коммунизм), американцы продемонстрировали миру, что их подлинной целью является глобальный контроль. Они продолжают «патрулировать» мир и строят свою стратегию на долговременном присутствии своих войск в зарубежных странах точно так, словно «холодная война» не закончилась. Британский дипломат замечает, что «только в Соединенных Штатах складывается впечатление, что весь мир желает

американского лидерства. В реальности же речь идет об американском высокомерии и односторонности»[2]. Для реалистов всех оттенков однополярность — наименее стабильная из конфигураций, потому что огромная концентрация мощи на одном полюсе угрожает другим государствам и заставляет их предпринимать усилия по восстановлению баланса[3]. В прошлом «доминирование одной державы, — пишет К. Уолтс, — неизбежно

[1] *Hirsh M.* Bush and the World («Foreign Affairs», September/October 2002, p. 24).

[2] «Foreign Affairs», March/April 1999, p. 42.

[3] *Layne Ch.* The Unipolar Illusion: Why New Great Powers Will Arise («International Security», Spring 1993, pp. 5—51).

309

вызывало реакцию других держав, стремящихся создать противовес»[1].

Однополюсная гегемония практически неизбежно ведет к имперскому всевластию одной страны, ее обращению к силовому диктату, доминированию меньшинства над большинством. Такая ситуация — если мировая история хоть чему-то учит — вызывает у большинства ощущение безальтернативности будущего, чувство исторической обреченности, ожесточение в отношении новых форм эксплуатации, активное противодействие компрадорским кругам в собственных странах. Огромный внешний мир — даже при изначальной симпатии к Америке — не может восхищаться такой структурой мирового сообщества, когда функцию принуждения осуществляют владельцы технологии и распорядители финансов. Одна из немногих подлинных истин: лидера и распорядителя *никто не любит*. Ему могут подчиниться, но всегда не без задней мысли, не без желания сломать диктатуру, изменить отношения лидер — ведомый на более равные.

Два таких разных автора, как М. Хардт, профессор литературы Университета Дьюка, и А. Негри (отбывает срок в итальянской тюрьме как идеолог «красных бригад») в получившей широкую известность книге «Империя» (2001) обличают замену соревнования нескольких стран доминированием одного — американского — центра, по-своему трактующего понятие права. Эта основанная на свободной торговле, открытом рыночном пространстве, американском доминировании и культурной гегемонии система объемлет весь мир и неизбежно вызовет массовое противодействие. Такова историческая неизбежность[2].

Предупреждения в адрес сторонников имперского руководства звучат постоянно. «Америке со всевозрастающей силой будет противостоять недовольная их действиями коалиция... После пика напряжения Соединенные Штаты и их главные оппоненты возвратятся к более традиционной системе баланса сил»[3]. (Даже такие приверженцы американского лидерства, такие мастера геополитики, как Г. Киссинджер, призывают заранее готовиться к многополярности как к естественному состоянию[4].) Складывается впечатление, что перенапряжение экономики, ослабление внутреннего лидерства, негативный эффект авантюр на междуна-

[1] *Waltz K.* Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 54).

[2] *Hardt M.* and *Negri A.* Empire. N.Y., 2001.

[3] *Wilkinson D.* Unipolarity Without Hegemony («International Studies Review», Summer 1999, p. 152).

[4] *Kissinger H.* Diplomacy. N.Y., 1994.

310

родной арене возвратят многополюсный мир[1]. Можно представить себе несколько вариантов будущего, пишет профессор Йельского университета М. Райзман, когда мошь Америки будет нейтрализована: «Такое будущее могло бы возникнуть в случае более тесной организации Европы, имеющей собственную внешнюю политику и адекватно финансирующую эффективный военный механизм; либо речь может идти о сближении России и Китая, которые бросят вызов США»[2].

Самый свежий исторический опыт, подобный полученному Америкой в Югославии (стране, чей ВНП не достигает и одной шестнадцатой доли того, что США расходуют лишь на военные нужды), показывает, сколь удобны могут быть калькуляции на бумаге и как сложна реализация гегемонии в реальном мире. Внешний мир попросту неуправляем из одного центра — вероятно, что однажды этот вывод станет для американцев убедительным.

Однополярный мир — просто нестабильная система. Опека одной страны вызывает немедленное противодействие, итогом чего является создание новых центров силы. Немецкий политолог Й. Иоффе отражает мнение многих, когда напоминает, что история и теория учат неприятию международной системы превосходства одной страны. Следуя за международным опытом, необходимо предвидеть превращение Соединенных Штатов в объект недоверия, вызывающий страх и стремление сдерживать эту державу. После краха альянса периода «холодной войны» члены его (по логике истории) «объединить свою мощь против Соединенных Штатов. От держав № 2, 3, 4 и др. должен поступить сигнал: мы проводим линию на песке; вы не должны владеть всеми плодами, используя вашу невероятно благоприятную для вас позицию»[3].

Независимые государства при малейшей возможности отвергают посягательства на свой суверенитет. Международное сообщество интуитивно противостоит гегемону. Униженность в иерархии не может приветствоваться гордыми странами, чей генетический код исторического самосознания не позволяет Опуститься до уровня *управляемой* геополитической величины. Не столь просто Вашингтону полностью перевести в русло желаемой для себя политики Китай, Россию, Британию, Францию, чье прошлое и

[1] См: *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1987.

[2] *Reisman M.* The US and International Institutions («Survival», Winter 1999-2000, p. 79).

[3] *Joffe J.* How America Does It («Foreign Affairs», September/October 1997, p. 13).

311

национальное самосознание препятствуют унизительной зависимости от любой державы.

Не связанные же с США государства, в которых проживают две трети мирового населения — Китай, Россия, Индия, арабские страны, мусульманский мир, большинство африканских стран, — будут стремиться еще дальше, они неизбежно будут воспринимать Соединенные Штаты как внешнюю угрозу своим обществам. Эти страны видят в США страну, склонную к «вмешательству, интервенции, эксплуатации, односторонним действиям, гегемонизму, лицемерию, двойным стандартам, финансовому империализму и интеллектуальному колониализму, с внешней политикой, формируемой преимущественно собственной внутренней политикой»[1].

. Индийский исследователь утверждает, что США противостоят Индии почти по всем существенным для нее вопросам. Китайский специалист указывает, что руководство его страны видит в политике Вашингтона главную угрозу миру и стабильности: «Новоприобретенная склонность НАТО к интервенционизму за пределами прежней сферы действия вызывает опасения не только в России, но также в Индии и Китае, она оказывает очевидный дестабилизирующий эффект на возникающий Новый мировой порядок. Односторонние действия США и их союзников в Ираке и Югославии могут ускорить формирование невоенного треугольника Индия — Китай — Россия и даже «стратегического треугольника», как своего рода залога уменьшения зависимости от США[2].

Арабская пресса называет США «злой силой» на международной арене. Общественные опросы в Японии показывают, что США видятся второй после Северной Кореи угрозой стране. Исключена ли договоренность за спиной США? На Западе признают, что «наиболее жесткой формой реакции было бы

формирование — наряду и против антитеррористической — *антигегемонистской* коалиции, включающей в себя несколько крупных держав... Встречи при отсутствии США лидеров Германии, Франции и России... двусторонние встречи представителей КНР, России, Индии стали международной реальностью»[3].

Нет недостатка в упреках в отношении союзников. Даже в критические месяцы после 11 сентября Америка не уставала обвинять *своего ближайшего союзника* — премьер-министра Тони

[1] «Foreign Affairs», March/April 1999, pp. 42—43.

[2] *Gurmeet Kanwal.* China's Long March to World Power Status: Strategic Challenge for India. («Strategic Analysis», February 1999, p. 1714.)

[3] Ibid., p. 44.

312

Блэра в том, что тот не согласен с США по вопросу о Палестине, отношений НАТО с Россией, детанта с Ираном, доступа в НАТО балтийских государств, денонсации Договора 1972 г. о ПРО.

Умудренный Г. Киссинджер предупреждает: «Вне зависимости от того, насколько бескорыстно воспринимает Америка свои цели, даже подспудное стремление к преобладанию *постепенно приведет к тому, что окружающие страны начнут объединяться против Соединенных Штатов и* постепенно доведут дело до того, что эта страна окажется изолированной и исчерпавшей свои ресурсы»[1].

Судьба прежних гегемонов

Судьба прежних гегемонов хорошо известна. В любом случае бурлящее море абсолютного большинства человечества, неудовлетворенного неблагоприятным и унизительным для него *статус-кво*, приложит все силы к позитивным для себя изменениям. Равно как и прежние партнеры. Германский политолог Й. Иоффе пишет: «Книга истории говорит о том, что Господин Большой всегда сам навлекает на себя погибель. Номера 2, 3, 4 объединятся против него, формируя восстанавливающий баланс союз и устремляя свои силы против лидера. Это случилось с Наполеоном, это случилось с Людовиком Четырнадцатым, с могущественными Габсбургами, с Гитлером и Сталиным. Мощь порождает силовой контрбаланс; это самое старое правило мировой политики»[2]. Почему в данном случае история должна сделать исключение?

Несколько обстоятельств очевидным образом благоприятствуют современному гегемону. Геополитика: два океана и слабые соседи с севера и юга ограждают Соединенные Штаты от прямого давления. Этого не было в случае России, Китая, Германии, Японии, чей подъем немедленно вызовет противодействие соседей.

И все же перед американскими строителями однополярного мира во всей сложности стоят два вопроса. *Во-первых*, может ли страна с населением в 280 млн. человек, представляющая менее 5% всего мирового населения, диктовать свою волю шести с лишним миллиардам, достаточны ли физические ресурсы и политическая воля Америки в деле руководства пестрым мировым сообществом? *Во-вторых*, согласятся ли могущественные гордые страны (наследники непримиримой многовековой борьбы против всех, кто покушался на гегемонию в Европе и мире в целом)

[1] *Kissinger H.* Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century. New York: Simon and Schuster, 2001, pp. 287—288.

[2] «Foreign Affairs», July/August 2002, p. 31.

313

на добровольное подчинение «благожелательной» гегемонии Америки? Смыслом мировой истории является восстановление мирового баланса после его нарушения — т. е. отвергнутые и ослабевшие неизбежно объединятся против сильного.

Реализации *однополярности, американской гегемонии* препятствуют обстоятельства *внутреннего* характера — отказ американского народа платить цену за имперское всесилие *и* обстоятельства *внешнего характера* (отсутствие гарантированной солидарности союзников, организованное противостояние потенциальных жертв).

Опасность конфликта и глобального противостояния усугубляется тем, что обладающие максимальной силой одержимы не хладнокровным реалистическим анализом, а подвержены эгоистическому самолюбованию, снисходительному отношению к мнениям внешнего мира и порывам удивительного по наивной простоте самооправдания. В результате образовался значительный отрыв в восприятии Америкой самой себя и восприятии Америки остальным миром. К примеру, только 18 процентов американцев считают, что причиной террористических актов является политика, проводимая США, тогда как вдвое большее число людей в Западной Европе придерживается именно этого взгляда. В «конфликтогенность» американской внешней политики верят 60 процентов азиатов и 76 процентов жителей исламских государств. Большинство американцев полагает, что США «делают много хорошего». Такую точку зрения разделяют лишь 20 процентов жителей Западной Европы и исламских государств, только 12 процентов населения Латинской Америки[1]. *Против* не заведомые враги. В этом мире французский министр иностранных дел называет политику Дж. Буша-мл. «упрощенческой» и обвиняет Америку за «принятие решений, основанных на своем собственном представлении о мире и исходя лишь из собственных интересов»[2]. А его германский коллега Й. Фишер заявил, что создание международной коалиции «еще не основание для того, чтобы навязывать всем свое мнение»[3].

Чтобы продлить свою гегемонию, Америка должна не только крепить свою мощь, но найти компромисс между собственными интересами и интересами остального мира. Даже отец политического реализма Г. Моргентау признавал, что *способность согласовывать* даже больше, чем баланс сил, обеспечили сорок лет мира

[1] «Stern», 20 mai 2002, S. 31.

[2] *Daley S.* French Foreign Minister Calls US Policy «Simplistic» («New York Times», February 7, 2002).

[3] *Erlanger S.* Germany Joins Europe's Cry That the US Won't Consult («New York Times», February 12, 2002).

314

после Венского конгресса 1815 г. Нет уверенности в том, что такой способностью обладают современные Соединенные Штаты. Поэтому ту или иную степень противодействия демонстрируют не только обиженные нашего мира, но и номинальные союзники. Три в той или иной степени организованные силы чувствуют себя не очень уютно в мире, где основные проблемы решаются без них и часто за них. Эти силы — Европейский союз, Китай, исламский мир. Противостояние их гегемону современного мира чаще всего ощущается пассивно, но это вовсе не означает, что при малейшей возможности эти силы не постараются встать на путь возможного самоутверждения.

2. США И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Успех Соединенных Штатов в Афганистане усилил некоторые опасные инстинкты: что проекция силы является единственным надежным основанием безопасности; что Соединенные Штаты могут полагаться только на себя; что союзники могут быть полезны лишь иногда.

Крис Паттен,
верховный комиссар ЕС
по вопросам внешней политики, 2002

Большинство главных стран мира — даже наши друзья — сделали главной темой своей внешней политики создание противовеса американскому могуществу.
П. Родмэн, 2000

Уроки мировой истории заключаются в том, что более слабые всегда объединяются против гегемона. Самоутверждение Америки не воспринимается спокойно в Западной Европе, теряющей в мировом влиянии ровно настолько, насколько приобретает имперский Вашингтон. Европа недоумевает (в данном случае это французский журнал «Нувель обсерватёр»), «почему президент Путин решил пройти под кавдинским ярмом, приняв унизительные условия, а Китай незаметно оказался тише воды, ниже травы. Эти метаморфозы произошли не по мановению волшебной палочки. И вовсе не механическое накопление сил превратило Америку в «мирового жандарма против ее же воли». Во главу угла поставлен миф о «незаменимой нации», случилось так,
315
что он дал этой нации непомерные права. Этот миф стал результатом такого ведения международных дел, когда решения принимаются в одностороннем порядке, зачастую в ущерб интересам не только остального мира, но даже ближайших партнеров Америки, как показывает недавнее решение о введении тяжелых пошлин на продукты черной металлургии»[1].

При этом, как пишет С. Хантингтон, *«отсутствие общего врага, объединявшего союзников, неизбежно ведет к обострению противоречий между ними. Борьба за превосходство, которую мы признаем естественным явлением в поведении индивидуумов, корпораций, политических партий, спортсменов, не менее естественна и для стран»[1]. Отпустить в свободное плавание, ослабить военный и политический контроль над западноевропейской зоной означает для США, что почти половина экономики планеты сможет действовать вопреки американским стратегическим ориентирам. Концентрирующаяся вокруг мощной Германии Европа, возможно, и не будет угрожать непосредственно интересам американской безопасности, но довольно быстро может стать соперником Соединенных Штатов на Ближнем Востоке и в Восточной Азии.*

Единственный потенциальный соперник

Кто же может (и должен) уравновешивать мощь Америки? Таким контрбалансом может быть только Европа как экономически приблизительно равное образование, как группа государств, имеющих огромный дипломатический и военный опыт, как ведущий фактор мировой торговли и международной помощи. В настоящее время у Соединенных Штатов есть лишь один реальный претендент на глобальное соперничество — объединяющаяся Западная Европа. Во все века прежних отношений Америка имела дело с отдельными европейскими государствами, имела с ними союзы или воевала с ними, и лишь сейчас начинает складываться ситуация, когда главные контакты в недалеком будущем станут проходить через объединяющий западноевропейцев Брюссель. Явление зародилось не сегодня. *«Формы противодействия гегемонии в коалиции,* — напоминает С. Хантингтон, — *сформировались еще до окончания «холодной войны»: создание Европейского союза и единой европейской валюты. Как сказал министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин, Европа должна создать противовес доминированию Соединенных Штатов в многополюсном*

[1] «Nouvel observateur», 16 mars, 2002, p. 11.
[2] «International Security», Spring 1992, p. 47.

316
мире»[1]. Но лишь сегодня проблема уже выходит за грани теоретических

построений и становится в практическую плоскость.

Отмечая сороковую годовщину франко-германского договора, президент Ширак и канцлер Шредер выступили с совместной декларацией о том, что обе их страны будут сотрудничать в деле противостояния политике президента Дж. Буша-мл., направленной на решение противоречий с Ираком силой оружия. Провозглашено 22 января 2003 г. и немедленно получило отповедь на брифинге министра обороны США Д. Рамсфелда, презрительно осудившего «Старую Европу». Речь идет о судьбе американского контроля над Европой. Если бы задачей Соединенных Штатов в Западной Европе была защита этой части света от некой внешней силы, то Вашингтону пришлось бы уйти из Европы после 1991 г. — миссия выполнена. Североатлантический союз был бы распущен за ненадобностью. Но американцы при обеих администрациях, республиканской и демократической, никак не приступили к собиранию чемоданов. Напротив, они в два приема необыкновенно расширили контролируемый ими блок.

Вопреки старой максиме лорда Исмея о сути НАТО («Контроль над Германией, исключение России и вовлечение Америки»), официальный Вашингтон с начала до конца руководствуется в своей европейской политике совсем иной стратегией: *военный контроль над Европой, Америка во главе европейских процессов, европейцы лишаются стимула для политического единения.* Даже если бы «холодной войны» не было и в помине, данная стратегия требует американской гегемонии в Западной Европе. Потому-то НАТО и пережила развал Советского Союза — с ним и без него Вашингтон полон желания и руководствуется намерениями осуществлять контроль над Европой.

Европейское стремление к международной независимости понятно: Западная Европа больше, чем Соединенные Штаты, зависит от внешнего мира. Общая торговля с внешним миром у ЕС примерно на 25% больше, чем у Соединенных Штатов, и вдвое больше, чем у Японии. Европейский союз осуществляет безостановочную торговую экспансию. Заключив соглашения об ассоциации с 80 странами, он намерен увеличивать свою значимость как торгового блока, как источника инвестиций, как мирового культурного центра.

Роли в западной коалиции неравнозначны. Как пишет французский еженедельник, «чтобы противостоять беспорядкам на планете, Вашингтон предложил новое распределение задач: «Мы

[1] *Huntington S.* The Lonely Superpower («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 45).

317

сражаемся, ООН «питает», Европа реконструирует». Так и произошло в Афганистане, где Америка вела войну из области научной фантастики, оставив европейцам разминирование и доставку риса... Решения принимаются в одностороннем порядке, зачастую в ущерб интересам не только «остального мира», но даже ближайших партнеров Америки, как показывает недавнее решение о введении тяжелых таможенных пошлин на продукты черной металлургии... Уверенная в своей безраздельной мощи, готовая взять на себя риск за беспорядки, которые может спровоцировать ее политика, Америка Джорджа Буша больше не желает ни сотрудничать, ни консультироваться»[1].

Крупнейшие западноевропейские столицы ищут пути восстановления своей геополитической значимости, они пытаются поднять свой вес как за счет активизации собственной стратегии, так и за счет объединения усилий. Предпосылки этого объединения уже созданы.

Объединив в Европейском союзе силы, западноевропейцы получают возможность обратиться к геополитике. Огромные территории, многочисленное население, необъятные ресурсы, высокая степень технологической изощренности, внутреннее социальное и политическое единство, эффективная военная машина, способность проецировать свое могущество в самые отдаленные районы планеты

и волевая готовность осуществлять эти воинские операции, административная способность быстро принимать решения и реализовывать их — вот что будет характеризовать узкую группу могучих держав, которые через несколько лет (десятилетий) могли бы трансформировать однополярность в биполярность. Огромный торгово-политический блок уже ощутил свою силу и не намеревается отдавать другим жизненно важные и прибыльные позиции.

Западная Европа находится в самой середине долговременного процесса экономической и политической интеграции, которая постепенно снижает значимость внутренних границ, которая постепенно создает центральную власть Европейского союза. Тенденция такова, что ЕС постепенно превращается в соперничающий с гегемоном центр — пятнадцать членов ЕС создают подлинную критическую массу; распространение ЕС на восток Европы как бы склоняет баланс (в негласном и заочном соревновании с США) в пользу Европы. Европейский союз уже стал организацией большей, чем *конфедерация*, и в обозримом будущем ЕС, возможно, станет европейской *федерацией*.

[1] «Nouvel observateur», 16 mars, 2002, p. 12.

318

В 1990-е годы Западная Европа прошла путь, уже кажущийся необратимым. Отчетливо видны шесть важных шагов:

1. В декабре 1991 г. *в Маастрихте* было решено *«сформулировать общую оборонную политику»*. Западноевропейский союз был назван ответственным за оборонные аспекты эволюции ЕС.

2. В *Амстердамском договоре* (июнь 1997 т.) была реально сформулирована общая стратегия Европейского союза. Был создан пост верховного представителя Европейской комиссии, ответственного за общую внешнюю и оборонную политику.

3. На встрече премьера Блэра и президента Ширака в *Сент-Мало* (декабрь 1998 г.) достигнута договоренность создать единую европейскую военную политику и политику в области безопасности. Канцлер Шредер незамедлительно присоединился к договоренностям в Сент-Мало.

4. В декабре 1999 г. на *саммите ЕС в Хельсинки* Х. Солана назван специальным представителем ЕС, ответственным за общую внешнюю и оборонную политику. Принято решение о создании в двухлетний срок единого корпуса быстрого реагирования в 60 тысяч человек.

5. Саммит Европейского союза в Португалии (2001) определил конкретные детали формирования корпуса быстрого реагирования, будущую роль ЗЕС, определил необходимость в независимом планировании ЕС на будущее.

6. Большинство стран Европейского союза ввело единую валюту, которая в 2002 г. продемонстрировала свою жизнеспособность и объединительную силу.

Представитель ЕС полноправно участвует на саммитах «восьмерки». Определена линия на расширение Европейского союза за счет центральноевропейских и восточноевропейских стран. Транснациональные корпорации, базирующиеся на ЕС, набирают силу и укрепляют мировые позиции.

При всей самососредоточенности Америки в ней видят рост европейского гиганта. С. Серфати, директор программы европейских исследований Центра международных исследований Массачусетского института технологии, предсказывает, что к 2007 г. «Европа превратится в реальность, представляющую из себя нечто отличное от просто совокупности государств-членов, с региональными институтами, отличными от национальных, с коллективной дисциплиной, предполагающей преодоление сопротивления отдельных государств-членов. К 2007 г. государства-нации Европы превратятся в государства — члены единого союза»[1].

[1] *Serfaty S.* Europe 2007: From Nation-States to Member States («The Washington Quarterly»,

Autumn 2000, p. 15).

319

По словам 36. Бжезинского, «возникновение подлинно политически объединенной Европы представит собой базовое изменение в мировом распределении сил»[1].

Уже сейчас можно представить себе основные этапы этого объединения:

— обязательность политических решений будет достигнута к 2004 г.;

— завершение еврозоны 15 стран-членов окажется возможным к 2005 г.;

— к 2005 г. странами — членами ЕС будут Швейцария, Норвегия и ряд восточноевропейских стран;

— между 2003—2007 годами будут созданы все предпосылки для единой европейской оборонительной политики;

— к 2007 г. будут выработаны новые формы взаимоотношений по линии США — ЕС и ЕС — НАТО, предполагающие выработку новых соглашений между Соединенными Штатами и Европейским союзом, реформирование Атлантического Совета.

В Европе интеграционный процесс, охватывающий 400 с лишним миллионов человек, идет собственным уникальным путем. По внешним показателям — единая валюта, единый парламент, Европейская комиссия, нарождающаяся общая армия, совместный бюджет — эта интеграция может считаться самой продвинутой в мире. Это общепризнанно — как и то, что европейский интеграционный процесс обнаружил свои слабые стороны.

В отличие от Западного полушария в Европейском союзе *нет* стержневой страны. На роль такого центра претендует Германия (два с половиной триллиона ВНП), но этот центр не имеет черт безальтернативности США в Западном полушарии: Германия *не настолько* превосходит соседей, ее рынок ограничен, ее казна занята абсорбцией ГДР, ее армия ограничена международными соглашениями, на ее территории размещаются иностранные войска. Против германского лидерства выступают историческая память соседних народов, отсутствие у Берлина надежной территориально-сырьевой базы, мощь соседей-претендентов на лидерство, Британии и Франции.

И если уже сейчас ЕС — экономический колосс и полнокровный соперник, то ситуация для США может значительно усугубиться в обозримом будущем. Об этом красноречивее слов говорят взаимопризнаваемые показатели и их наиболее вероятная проекция на будущее.

[1] *Brzezinski Zb.* Living With a New Europe («The National Interest», Summer 2000, p. 17).

320

Таблица 1. **Соотношение показателей США и ЕС сейчас и в будущем (в случае расширения членства ЕС до 27 и 28 членов).**

	США	ЕС-15	ЕС-27	ЕС и Турция
Население	273 млн.	380 млн.	480 млн.	545 млн.
ВНП (долл.)	10,3 трлн.	9,5 трлн.	9,2 трлн.	9,6 трлн.
ВНП на душу (долл.)	31,5 тыс.	21 тыс.	15 тыс.	14,8 тыс.
Воен. расходы (долл.)	400 млрд.	170 млрд.	222 млрд.	230 млрд.
Воен. расходы как % ВНП	3,4%	1,85%	2%	2,06%
Общий экспорт (долл.)	0,9 трлн.	2 трлн.	2,2 трлн.	2,23 трлн.
Доля экспорта в мировом	16,5%	37%	40%	7%
Общий импорт (долл.)	0,76 трлн.	2 трлн.	2,15 трлн.	2,17 трлн.

Доля импорта в мировом	13,5%	36%	38%	39%

Источники: *The World Factbook (Wash.,CIA, 2001); Direction of Trade Statistics. Wash. IMF, December 2001; The World in 2002. Economist Statistics. London, 2000; «The National Interest», Summer 2000, p. 18.*

К 2020 г. процесс формирования Европейского союза в общем и целом завершится. Последними (в плане расширения ЕС) будут вопросы о России и Турции. «История предполагает, что Россия будет включена в ЕС, а Турция — нет. Россия в течение долгого времени будет колебаться между богатой, развитой Европой и великим азиатским хинтерландом. Под руководством лидеров, ориентирующихся на Запад, она будет долгое время полагаться на ресурсы своих огромных земельных массивов. Если Россия преуспеет в построении рыночной экономики западноевропейского типа (на это потребуется примерно двадцать лет), тогда она последует европейским путем, заимствуя опыт у западных соседей, овладевая их мастерством и снабжая их своими сырьевыми припасами»[1]. Тогда огромная евразийская масса станет *первым* силовым регионом мира.

[1] *McRae H.* The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 226.

321

Западноевропейская интеграция дала Европе новый шанс. Совокупная экономическая мощь Западной Европы приближается к американским показателям — 19,8% общемирового валового продукта (США — 20,4%)[1]. Население Европейского союза — 380 млн. человек — на 40% больше американского, и тенденция преобладания по демографическому показателю сохранится на долгие годы. «Евроленд, — пишет американский экономист Ф. Бергстен о будущем потенциального соперника, — будет равным или даже превзойдет Соединенные Штаты в ключевых параметрах экономической мощи и будет во все возрастающей степени говорить одним голосом по широкому кругу экономических вопросов... Экономические взаимоотношения Соединенных Штатов и Европейского союза во все более возрастающей степени будут основываться на основаниях равенства»[2].

Доля ЕС в мировой торговле превосходит долю США.

Таблица 2. **Экспорт США и ЕС (исключая внутреннюю торговлю внутри Европейского союза) в млрд. долл. США.**

	Экспорт	Доля в мировой торговле	Импорт	Доля в мировой торговле
Европейский союз	813,8	20,3%	801,4	19,1%
Соединенные Штаты	683,0	17,0%	944,6	22,5%

Источник: *World Trade Organization, press release «World Trade Growth in 2001». Appendix Table 2, April 16, 2001.*

Интенсивный рост ускорит формирование державы *Европа*. Европейская комиссия предсказала на период 2002 — 2006 годов рост в осторожные 2,5%. Этот рост стимулирует выработку единой экономической политики, более точно определит роль *евро* в мировой экономике и политике.

Лидеры Западной Европы наметили создание центра автономного информационного общения. Итальянская и германская информационные компании практически слились, а «Бритиш телеком», «Дойче телеком», «Франс телеком» и испанская «Телефоника» стремятся создать свой электронно-

коммуникаци-

[1] The World in 1999. The Economist Publications. London, 1999, p. 105.

[2] *Bergsten F.* America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 20.)

322

онный мир. (Напомним, что телекоммуникации через несколько лет оттеснят автомобильную промышленность в качестве лидирующей мировой отрасли; на эту отрасль приходится 267 млрд. долл. в 2003 году.) Подобные же процессы происходят в западноевропейском авиационном сотрудничестве и в ряде других сфер.

На северо-западе Евразии Европейский союз очередным прыжком расширяет ареал своего влияния. Впереди новая волна, включающая прежние советские республики Прибалтики. Создающий барьеры вокруг своего рынка ЕС видится все более конкурентом, а не партнером — торговые потоки из Европы будут в 2010 г. угрожать 55 процентам американского экспорта, что правомочно видится в Вашингтоне угрозой национальным интересам страны.

Экономический соперник

Формы противодействия гегемонии сформировались: создание Европейского союза как сопоставимого по экономической мощи государства, введение единой европейской валюты, конкурирующей с долларом, создание зон собственного влияния. Как сказал министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин, «Европа должна создать противовес доминированию Соединенных Штатов в многополюсном мире»[1]. А американский аналитик У. Пфафф и не сомневается: «Европейский союз является единственным действующим лицом на мировой сцене, который способен бросить серьезный вызов Соединенным Штатам — и он почти наверняка бросит этот вызов»[2]. Этот вызов не обязательно будет иметь характер военной угрозы. Речь пойдет прежде всего о интенсивной экономической конкуренции, в ходе которой, как пишет У. Пфафф, «Соединенные Штаты вовсе не обязательно выиграют — ни одна сторона, вероятнее всего, не выиграет, — но политические последствия такого соревнования приведут к окончанию доминирования Америки в будущей международной системе»[3].

Первое. Создание общей европейской валюты *евро* «увеличивает возможности создания биполярного международного экономического порядка, который может прийти на смену американ-

[1] *Huntington S.* The Lonely Superpower («Foreign Affairs», March-April 1999, p.45).

.[2] *Pfaff W.* The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 1).

[3] Ibid.

323

ской гегемонии»[1]. Для автономного от США плавания ЕС должен обрести необходимую прочность. *Евро* станет полновесным конкурентом *доллара;* на рыночном пространстве 15 членов ЕС в двадцать первом веке выделятся компании — чемпионы экономической эффективности. Экономисты М. Фельдстайн и М. Фридмен схожим образом выражают опасение, что Европейский валютный союз в конечном счете приведет Европу к столкновению с Соединенными Штатами. *Евро* будет отвлекать финансовые потоки с американского рынка, осложнит дефицит американского бюджета, станет мощным конкурентом доллара на рынках международных расчетов, ослабит Америку в фиксировании цены на нефть и другие сырьевые материалы.

Единый валютный союз превратит основанную на господстве доллара мировую финансовую систему в биполярный *доллар-евро порядок*, оттесняя Японию далеко на третье место. Нынешняя зона единой европейской валюты —

евро — самая большая в мире зона богатых покупателей. Выпущенные в евро облигации составили 44% всех облигаций, выпущенных в мире, в то время как на доллар пришлось 43%[2]. Создание зоны евро, по мнению американского эксперта П. Родмена, «освободит Европу от невыгодной подчиненности в отношении к доллару и подчиненности в конце концов в отношении Соединенных Штатов»[3]. Учитывая размеры колоссальной зоны евро, многие компании в Восточной Европе, Северной Африке, Азии и Латинской Америке уменьшают долю операций в долларах, переходя на евро. Оканчивается эра абсолютного господства доллара как единственной мировой валюты.

Создание евро *«увеличивает возможности создания биполярного международного экономического порядка, который может прийти на смену американской гегемонии, последовавшей за Второй мировой войной»*[4]. Валюта *евро* станет полновесным конкурентом *доллара;* общее рыночное пространство выделит чемпионов экономической эффективности. Одновременно ЕС осуществляет безостановочную торговую экспансию, заключив соглашения об ассоциации с 80 странами. Такие американские атлантисты, как

[1] *Bergsten C.F.* America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 20).

[2] *Everts S.* America and Euroland («World Policy Journal», Winter 1999/ 2000, p. 26).

[3] *Rodman P.* Drifting Apart? Trends in US-European Relations. Washington: Nixon Center, June 1999.

[4] *Bergsten C.F.* America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 20).

Г. Киссинджер, полагают, что создание Европейского валютного союза ставит Европу на путь, который «противоположен атлантическому партнерству последних пяти десятилетий... Нет никаких оснований предполагать, что объединенная Европа когда-либо добровольно пожелает помочь Соединенным Штатам в их глобальном бремени»[1].

В ответ на введенные в 2002 г. таможенные тарифы американцев Европейский союз немедленно выдвинул план повышения пошлин на импорт апельсинового сока из Флориды и мотоциклов, собираемых в Висконсине (два американских штата, где голоса избирателей разделились практически поровну на последних президентских выборах). Такие же меры намечены по Пенсильвании, Западной Вирджинии, Северной и Южной Каролине (сталь и текстиль), которые являются оплотом республиканской партии президента Буша. «ЕС ударит по Бушу-мл. там, где будет всего больней: по урне для голосования»[2].

Фундаментальной важности фактор: там, где дело будет касаться европейской экономики, где затронут интерес западноевропейцев в успешном функционировании их валюты, независимости их индустрии, безопасности их инвестиций, мирового уровня их технологии, безопасности и расширения их торговых потоков, вперед на первый план в европейских столицах выходит энергичная национальная самозащита. Общий рынок и общая валюта гарантируют то, что западноевропейцы в XXI веке будут координировать свои усилия — и уж определенно в отношениях с Соединенными Штатами. Как резюмирует де Сантис, «реальностью является то, что Европа не может контролировать свою политическую судьбу, одновременно оставаясь зависимой в военной отрасли от Соединенных Штатов, равно как Соединенные Штаты не могут ожидать от своих союзников больших оборонных обязательств, осуществляя одновременно политическую гегемонию над ними. В отсутствие глобальной военной угрозы такие противоречивые цели постепенно подточат межатлантические связи... Как только валютный союз обозначит европейские глобальные экономические параметры, это немедленно скажется на трансформации трансатлантических обязательств в сфере безопасности.

Европейский валютный союз даст импульс европейской интеграции и в конечном счете приведет к общей внешней и военной политике»[3].

[1] «The National Interest», Spring 1999, p. 21.

[2] «International Herald Tribune», March 28, 2002.

[3] *Santis De H.* Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 49).

325

Соперничая на ограниченном рынке, Америка и Европа спорят по вопросам торговли, финансов, инвестиций, глобального потепления, политики в области энергетики, антитрестовскому законодательству, по поводу экономических санкций, о путях стимулирования экономики; особенно открыто спорят два региона в ходе раундов по либерализации мировой экономики. Таит потенциал отчуждения битва ЕС против американских сельскохозяйственных культур, подверженных генетической обработке (GM). Брюссель недоволен выбором нового руководителя ВТО. В буднях атлантического мира США ограничивают импорт стали, машинного оборудования из Германии, шерсти из Италии и Британии и т.п.

Как утверждает Дж. Бах (Колумбийский университет), «мы являемся свидетелями растущей борьбы между теми странами, которые получили наибольшие выгоды от глобализации за определение характера норм и правил, которые будут регулировать грядущую мировую экономическую систему»[1]. Америка и Европа стоят на противоположных позициях по вопросам глобального потепления, политики в области энергетики, антитрестовского законодательства (скажем, о слиянии Боинг — Макдоннел-Дуглас), по поводу американских экономических санкций, о путях стимулирования экономики, о необходимости еще одного раунда (т. н. «Раунда Тысячелетия»: ЕС — «за», США — «против»), относительно либерализации мировой экономики.

Военный аспект

Позиция Вашингтона, отказывающегося подчинить вооруженные силы США какому бы то ни было военному командованию (кроме американского), настаивающего в то же время на подчинении всех вооруженных сил стран НАТО американским генералам, создает весьма ощутимый узел противоречий. В этом контексте «предложения США открыто придать НАТО роль охранителя глобальной стабильности — включая сдерживание распространения ядерного, биологического и химического оружия — встретили в Европе холодную реакцию. Учитывая и политику Вашингтона в сфере расширения НАТО, военные действия в Югославии, европейцы начали процесс критического переосмысления функций НАТО, вопрос трансформации союза из обо-

[1] *Bach J.* U.S. — Western European Relations: The Transatlantic Partnership in The Shadow of Globalization (Honey M. and Barry T.- eds. Global Focus. U.S. Foreign Policy at the Turn of the Millennium. New York: St.Martin Press, 2000, p. 165).

326

ронительного и регионального в создающего новые разделительные границы в Европе»[1].

Выше уже говорилось, что в декабре 1999 г. были заложены основания новой европейской политики в области безопасности и обороны. Европейский совет поставил задачу создания европейского корпуса быстрого реагирования в 60 тысяч, который может быть сформирован в течение двух месяцев для действий на протяжении двух лет. Это эквивалент армейского корпуса, он будет иметь военно-морской и военно-воздушный компоненты. (Официальное объяснение необходимости его создания — избежание «трех Д» — дублирования, дискриминации, «декаплинга» — размежевания оборонительных военных функций.) Контингент должен быть создан к 2003 году. Создается некий эмбрион

западноевропейского военного штаба. Прежний генеральный секретарь НАТО Ксавьер Солана, а не некий безликий клерк стал возглавлять процесс военного становления ЕС. Он возглавил ЗЕС и военно-политический орган ЕС, придав Западноевропейскому союзу очевидную значимость. Встреча военных и внешнеполитических представителей поставила в конкретную плоскость вопрос о членстве в ЕС долго отвергавшейся Турции. И, разумеется, речь идет о совместном европейском производстве современных вооружений.

Как уже предполагают в США, «Европейский союз создаст свою собственную среду сателлитов, центров разведывательной деятельности, свой собственный общий военный штаб и сам — самостоятельно — будет рассматривать возможность проведения операций внутри и вне НАТО»[2]. Противоречия внутри НАТО «между США и ЕС могут стать взрывоопасными... Критики полагают, что Вашингтон превратит НАТО в свой военный рычаг для реализации своих глобальных целей»[3]. Даже проамерикански настроенный премьер-министр Британии Тони Блэр подчеркнул, что «Соединенные Штаты не должны играть ведущую роль в любом споре на нашем (европейском) дворе»[4]. В Европе отмеча-

[1] *Bach J.* U.S. — Western European Relations: The Transatlantic Partnership in The Shadow of Globalization (Honey M. and Barry T.- eds. Global Focus. U.S. Foreign Policy at the Turn of the Millennium. New York: St.Martin Press, 2000, p. 177).

[2] *Whitney C* European Union Vows to Become Military Power («New York Times», June 4, 1999).

[3] *Bach J.* U.S. — Western European Relations: The Transatlantic Partnership in The Shadow of Globalization (Honey M. and Barry T.- eds. Global Focus. U.S. Foreign Policy at the Turn of the Millennium. New York: St.Martin Press, 2000, p. 177).

[4] *Cohen R.* Dependent on U.S. Now, Europe Vows Defense Push («New York Times», May 12, 1999.

327

ют, что желание США поддерживать многосторонние действия и при этом резервировать за собой право на односторонние акции эквивалентно «желанию съесть торт и одновременно иметь его нетронутым»'.

Между тем вклад США в расходы НАТО вовсе не является преобладающим. На Америку приходится 30% военных расходов в рамках НАТО (на Германию приходится 20 процентов, на Британию — 15 процентов, на Францию и Италию — по 6 с половиной процентов)[2]. Учтем при этом, что Пентагон расходует в развитии военной отрасли 28 тысяч долл. на одного солдата, в то время как западноевропейцы — в среднем 7000 долл. Военный бюджет США на 2003 фин. год составил 379 млрд. долл. — сумма больше, чем бюджет 15 крупнейших держав, включая все ведущие западноевропейские.

Резонно предположить, что в XXI веке западноевропейцы еще более повернут к координации в военно-промышленной области. Претендуя на роль второго полюса мира, Западная Европа будет стремиться создать собственную военную промышленность, независимую от американской. «Во все более возрастающей степени европейские союзники США постараются производить собственные виды вооружений... Хорошим примером этого является запрограммированный на будущее процесс создания общеевропейского истребителя, в производстве которого сотрудничают прежде всего германские и британские фирмы... Как и общая валюта, независимая военная промышленность будет существенной чертой интегрированной Европы, которая потребует своей собственной политической, экономической и военной инфраструктуры... Многие европейцы считают, что Европа должна достичь состояния, когда она будет способна на военные действия без поддержки и участия США»[3]. Наиболее амбициозным европейским проектом является план создания единой Европейской аэрокосмической оборонной компании (ЕАОК), в которую войдут французский «Аэроспасьяль», «Бритиш эйрспейс», немецкий «Даймлер-Крайслер Эйрспейс», испанская «КАСА»,

шведский СААБ, итальянская «Финмеканника-Аления». Речь идет о создании суперкомпании, производящей самолеты, вертолеты,

[1] *Bach J.* U.S. — Wesrern European Relations: The Transatlantic Partnership in The Shadow of Globalization (Honey M. and Barry T.- eds. Global Focus. U.S. Foreign Policy at the Turn of the Millennium. New York: St.Martin Press, 2000, p. 180).

[2] NATO Handbook: 50th Anniversary Edition. NATO Information Service, 1998.

[3] *Deulch J., KanterA., Scowcroft B.* Saving NATO's Foundation («Foreign Affairs», November/ December 1999, pp. 55—56).

328

космические корабли, управляемое оружие и другие военные системы.

Это создало бы серьезную конфронтацию в производстве военных самолетов и ракетных установок. Конгломерату «Боинг»— «Локхид» «Мартин»—«Рейтеон» противостоит группа европейских авиационных компаний, и в этой битве не на жизнь, а на смерть стоит вопрос о самом существовании европейской авиационной индустрии. Отказ от собственной авиационной промышленности будет неприемлем даже для дружественной американцам Британии. Глядя с американской стороны, представляется невероятным, чтобы американский конгресс позволил концерну «Нор-троп», хранителю технологии *стелс*, войти в предлагаемую ему долю совместно с европейскими компаниями — германской «Даймлер-Бенц-Аэроспейс», французской «Томсон», британской «Маркони». В будущем американскому авиационно-космическому могуществу будет противостоять союз «Бритиш Эйрспейс», германской ДАСА и французской Эроспасьяль. И нет сомнения в том, что к конкурентной борьбе присоединятся правительства всех заинтересованных стран.

Страны Европейского союза, стремясь в будущем достичь американского технологического уровня, расходуют в год на приобретения вооружений, исследования, разработки, испытания и оценки 36 млрд. долл., что равняется примерно 40% сходных американских расходов (США — 82 млрд. долл.). Средства, идущие на проведение операций и поддержку, также составляют 40% американских. Ощущая свое отставание, Европейский союз на рубеже столетий назначил специального координатора своей политики безопасности, создает центры внешнеполитического планирования, принял решение о формировании совместных сил быстрого реагирования.

Коллективное производство оружия ослабит зависимость от американцев. Американцы приходят к выводу, что «создание европейской военной промышленности является отличительной чертой эволюции ЕС, который сможет держаться политически на равных с Соединенными Штатами»[1]. Создание европейского военного консорциума приведет к соперничеству между «крепостью Европа» и «крепостью Америка», что нанесет капитальный удар по политическому единству и военной эффективности НАТО[2]. ЕС уже претендует на роль фундамента сепаратной западноевропейской военной системы. В 1999 г. Франция поддер-

[1] *Deutch J., KanterA., Scowcroft B.* Saving NATO's Foundation («Foreign Affairs», November/ December 1999, p. 59).

[2] Ibid., p. 60.

329

жала инициативу Германии о превращении Западноевропейского союза в военное крыло Европейского союза. Но для создания военной машины, сопоставимой с американской, западноевропейцам нужно будет минимум в четыре раза увеличить свои военные расходы. Они должны будут нагонять США в области производства сенсоров, точно наводимых боеголовок, военных спутников и пр.

Отчасти они уже делают шаги по этому пути. В феврале 2000 г. на своей встрече в Португалии французский министр обороны А. Ришар предложил общий для всех потолок для расходов на производство вооружений — 0,7 ВНП страны.

ЕС с их общим ВНП в 8,5 трлн. долл. тем самым обязуется расходовать по данным статьям примерно 60 млрд. долл. (против 36 млрд. ныне)[1]. Эта цифра уже ближе к 82 млрд. американских расходов на эти цели. Коллективное европейское производство оружия позволит ослабить зависимость от американцев.

Прочен ли главный военный союз?

В условиях сентябрьского кризиса 2001 г. Североатлантический союз, об уникальной эффективности которого в современном, все более хаотическом мире было столько сказано, оказался гораздо менее эффективным военно- и внешнеполитическим инструментом, чем ожидалось. За американцами первыми пошли британцы, оправдывая слова де Голля, что в случае кризиса Лондон всегда предпочтет континенту Атлантику (т. е. Америку.)

Но Бельгия, которая возглавляла Европейский союз в то полугодие, буквально осудила англичан и лично Т. Блэра за излишнюю готовность следовать за американцами и как бы повела за собой соседнюю Голландию. Голландский премьер засомневался в том, нужно ли упоминать о параграфе 5 Вашингтонского договора 1949 г. (о том, что нападение на одного члена союза равнозначно нападению на всех). Такой бунт в критический период испытания союза на прочность вызвал выброс энергии англичан. Британский премьер Т. Блэр вынужден был немедленно позвонить голландскому премьеру Виму Коку, и *только после этого* в (течение 35 часов после трагедии в Нью-Йорке и Вашингтоне) *все* члены Североатлантического союза — впервые за 52 года его существования — объявили о введении состояния взаимной обороны. Западноевропейцы заявили, что нарушена статья 5 Вашингтонского договора — согласились, что параграф 5 затронут,

[1] «Survival», Summer 2200, p. 14.

что в новом состоянии войны они стоят рядом с Соединенными Штатами.

В дальнейшем формально все члены военного союза реагировали «по-разному». Верная обязательствам Британия наносила удары параллельно действиям американских вооруженных сил — англичане приняли участие уже в первой воздушной атаке по целям в Афганистане 7 октября 2001 г.; 4200 солдат британских специальных подразделений выступили вместе с американцами. Однако эта активность Лондона только подчеркивала фактический разброд в действиях других европейских членов НАТО.

Франция объявила о своей готовности оказать Соединенным Штатам помощь с двухмесячным опозданием. (При этом проявили строптивость традиционные фрондеры. Министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин открыто не согласился с стратегией США, зацикленных на странах-«изгоях». В феврале 2002 г. он выразил свое недовольство отсутствием консультаций в рамках западного союза, указал на неправильность политической линии Вашингтона в палестино-израильском конфликте, предупредил от неожиданных ударов по Ираку.)

Канцлеру ФРГ Шредеру удалось с большими усилиями уговорить бундестаг предоставить военную помощь 3900 солдат бундесвера только на третьем месяце возникшей мировой борьбы с терроризмом. (Учтем при этом, что экономический лидер Европы расходует на военные нужды лишь 1,5 процента своего ВНП.) И ни у кого, кроме Британии не было транспортных средств для перемещения своих воинских контингентов к местам боев. Французский авианосец уже долгое время «намертво» стоит на ремонте в Тулоне — у него проблемы с ядерным реактором. Голландцы предложили свои небольшие силы морской пехоты, Рим и Мадрид — горно-стрелковые части, Париж — самолеты-разведчики. Остальные страны — члены альянса ограничились словесными выражениями солидарности либо остановились на отдельных жестах помощи. Европейские союзники послали пять

самолетов АВАКС со своими экипажами патрулировать американское воздушное пространство, освобождая самолеты слежения АВАКС для Афганистана. Они предоставили свое воздушное пространство вооруженным силам США.

Американская сторона достаточно отчетливо видела различие в готовности им помочь со стороны верных британцев и более хладнокровных «континентальных» членов НАТО. И пришли к пониманию того, что в критических обстоятельствах им следует полагаться прежде всего на себя, — помощь не последовала автоматически. Как характеризует сложившееся положение профессор Калифорнийского университета М. Трахтенберг, «Соединенные Штаты оказались вынужденными делать ставку на такую

331

систему международной безопасности, которая основана на мощи своей армии. Европа продолжает ориентироваться на развитие своего региона».

В США не возникло особо теплых чувств к союзникам. Формально они будто бы выполнили свой долг. Но практическая сторона оказалась более жесткой, чем ожидалось. Вашингтон едва ли был удовлетворен традиционными союзниками. Такие идеологи, как Р. Перл, весьма критически восприняли обращение союзников по НАТО к статье 5 Вашингтонского договора[1]. Все это было несколько призрачно: война объявлена, а союзники сидят в собственных окопах и не очень представляют себе характер легитимной реакции ожившего Североатлантического союза.

Фактом является, что в ситуации террористической атаки на США и в последующий период американского отмщения Североатлантический союз оказался *на периферии* американской войны с терроризмом, а Россия — в эпицентре. Только Россия могла убедить Узбекистан, Таджикистан и Киргизию предоставить американцам военные базы, снабдить основное орудие борьбы с талибами и Аль-Каидой — Северный альянс оружием и прочей помощью. Довольно неожиданно Москва стала более важным партнером США, чем даже самые близкие Вашингтону западноевропейские члены НАТО — тем оказалось сложнее оказать помощь американцам ввиду географической отдаленности, ввиду очевидных геополитических обстоятельств: только Россия могла оказать содействие вооруженным силам США в получении баз на территории своих союзников в Центральной Азии, только Россия смогла вооружить Северный альянс так, что его ударная сила оказалась необоримой, только Россия с ее афганским опытом оказалась *стратегическим* союзником Соединенных Штатов.

Американцы с большей охотой восприняли также предложение о помощи со стороны Турции — как секулярной республики с большим мусульманским населением, — чтобы хоть несколько смягчить впечатление от того, что христиане идут войной на мусульман. К тому же Турция расположена рядом и имеет культурные связи с узбеками и таджиками. Притом турецкая армия, постоянно воюющая с курдами, имеет боевой опыт действий, который необходим в битве с Талибаном в афганских горах. Турки же приветствовали шанс показать себя региональной сверхдержавой. Анкара ожидала также американской поддержки в стабилизации крошащейся банковской системы Турции.

Было бы ненужным упрощением полагать, что проблема заключается только в европейской пассивности. Ведь американ-

[1] «National Interest», Thankgiving 2001, p. 85.

332

ское руководство и не стимулировало европейской активности — Вашингтон менее всего желал обсуждать свою военную афганскую стратегию на брюссельском или любых других западноевропейских форумах. Совершенно очевидно, что Вашингтон президента Буша и министра обороны Рамсфелда очевидным образом не хотел влезать в томительную и вязкую выработку

совместной стратегии. Опыт Боснии и Косова их совершенно не вдохновлял. И сложилась весьма специфическая ситуация — самый большой и важный военный союз Америки оказался практически непригодным для решения западных задач инструментом в критический период. Старый альянс оказался способным решать только старые проблемы. Он уже никого не сдерживает в Европе, но и не готов действовать в глобальном масштабе. Философия Североатлантического союза, его структура, его миссия оказались устаревшими и не приспособленными для требований нового времени. (Учтем при этом, что Пентагон расходует на каждого из своих солдат в год 28 тысяч долл., в то время как западноевропейцы — в среднем 7000 долл.)

Следующий шаг — скажем, удар по следующему «гнезду терроризма» — Ираку может взорвать «старое НАТО» — в Западной Европе еще готовы послать войска в Афганистан, но не готовы к интервенции в Ираке (или в Сирии, Ливии, Судане, Йемене, Сомали или Иране). Решение проблемы модернизаций своего военно-политического союза потребовало бы от Вашингтона весьма радикальных перемен в мировидении, серьезного обращения к прежде игнорируемым проблемам.

Обнаружилось, что *не те* союзники оказались необходимыми лидеру Запада. Что толку от якобы боеготового механизма Североатлантического союза, если в первом большом кризисе XXI века он не может оказать Америке подлинно действенную помощь? Западные генералы оказались в убийственной для старой НАТО ситуации, когда параграф 5, единая ядерная стратегия НАТО (а с нею и практически все прежнее брюссельское планирование), оказались прошлогодним снегом. Если генералы ключевых американских натовских союзников готовятся в своем планировании к той войне, которая уже невозможна, нереальна, сугубо умозрительна? США обсуждали свою стратегию в Исламабаде, в Ташкенте и, конечно же, в Москве, ища поддержки нескольких стран, заглавными среди которых являются Россия и Пакистан.

Замкнуться на НАТО в эпоху подъема других материков, цивилизаций, культур, религий, геополитических центров стало для США непродуктивной и даже опасной стратегией. Созданная для достижения совершенно других целей коалиция не выдерживает тест на релевантность в начале XXI века, когда противостояние Востока и Запада Европы стало анахронизмом, а механизм воз-
333
действия на широкий мир за пределами Европы еще не создан. Встал вопрос о новых союзниках и даже о реформировании старого союза. На Западе начали зреть идеи весьма существенного коалиционного пересмотра, ревизии союзнических связей.

В глобальном аспекте более основательная опора США на НАТО ради контроля над критически важным регионом грозит выходом наружу нескольких проблем.

Во-первых, то, что важно и представляет интерес для США (желательная стабильность в Европе и Помощь на глобальном уровне), может вовсе не стать предметом обеспокоенности и заинтересованности западноевропейских столиц. И наоборот. Там, где западноевропейцы, видимо, столкнутся с самыми острыми для себя проблемами, США могут оказаться индифферентными. (Так, скажем, они не питают особого интереса к диалогу ЕС со средиземноморскими странами; Вашингтон в самой малой степени волнует западноевропейская безработица и общее отставание ЕС от американских темпов в 90-е годы.)

Гранды Западной Европы могут избрать линию противодействия Америке в вопросе о расширении рядов НАТО. Германия уже получила трех союзников — соседей, находящихся под ее безусловным влиянием, и она не спешит расширить членство еще более, пока не освоилась полностью с новым восточным

окружением. Британия была бы довольна, если бы пауза после принятия Польши, Чехии и Венгрии длилась достаточно долго, — она не видит особого выигрыша для себя в натовском членстве, скажем, Словении, Румынии, Болгарии и балтийских стран. Британское влияние здесь едва ли может соперничать с австрийско-итальянским в Словении и французским в Румынии;

Во-вторых, глобализация функций НАТО страшит западноевропейцев. Западноевропейскими лидерами НАТО владеют глубокие сомнения в отношении вовлечения в этнические конфликты, происходящие за пределами зоны действия НАТО, и они могут оказаться не готовыми вступить в действия, если их не подтолкнут экстраординарные политические императивы[1]. Аналитики отмечают, к примеру, что «Европа строит сепаратную «европейскую» оборонную индустрию... американская и европейские оборонительные системы все более отдаляются друг от друга, что может подорвать политическую основу общего союза»[2].

В-третьих, американцам и западноевропейцам, в случае различия взаимовосприятия, чрезвычайно непросто будет договари-

[1] «Foreign Affairs», May-June 1999, p. 214.

[2] *Deutch J., Kanter A., Scowcroft B.* Saving NATO's Foundation («Foreign Affairs», November/ December 1999, pp. 54—55).

ваться друг с другом — нет ни устоявшейся практики, ни необходимых механизмов компромиссного сближения взглядов. (Возможно, наиболее убедительным примером такого рода является урегулирование отношений с Ираком, когда тот в 1997 — 1998 годах фактически изгнал из страны международных инспекторов. Несмотря на исключительное по интенсивности давление американской стороны, европейцы не изменили своих позиций желаемым в Вашингтоне образом, что не позволило Соединенным Штатам выступить против Ирака так, как они хотели.)

НАТО может оказаться отнюдь не тем форумом, на котором союзники стремились бы к консенсусу. 19 членам союза трудно достичь его. Еще сложнее будет ситуация после второй волны принятия новых членов. Как создать механизм достижения этого консенсуса? На ближайшие годы, когда впереди маячит переход западноевропейской интеграции в политическую область, податливость европейцев не видится чем-то легко достижимым. Особенно если учитывать интересы новых членов (скажем, судьба 3,5 млн. венгров, живущих за пределами Венгрии, будет волновать Будапешт более, чем что бы то ни было другое.)

В-четвертых, западноевропейцы не окончательно смирились с постулатом о главенстве решений НАТО над ООН, даже американское предложение начать бомбардировку Югославии в марте 1999 г. было скрепя сердце принято западноевропейцами только тогда, когда на карту было поставлено само существование Североатлантического союза. Напомним слова наиболее близкого американцам британского премьера Тони Блэра, сказанные накануне рокового 24 марта: *«Уйти сейчас от решения означало бы разрушить способность доверять НАТО»*. В словах британского премьера звучит не убежденность, а своего рода обреченность. Более жестко высказался германский канцлер Шредер на конференции в Мюнхене в марте 1999 г., убеждая слушателей, что игнорирование СБ ООН в случае с Югославией было исключением и не должно становиться правилом[1]. Строго говоря, Франция и Германия хотели бы, чтобы натовские действия за пределами зоны ответственности НАТО осуществлялись лишь *«в случае ясно выраженного мандата ООН, но американская администрация и конгресс выразили недовольство такими ограничениями на свободу действий НАТО»*[1].

В-пятых, объективные обстоятельства — соотношение вооруженных сил. Их качественные характеристики в США и в за-

[1] Europaische Sicherheit. Band 43, N 3, Marz 1999, S. 10.

[2] House of Commons. Session 1998—99. Report: The Future of NATO:. The Washington Summit. London, 1999, p. XXII.

335

падноевропейских странах говорят о решающей диспропорции, препятствующей адекватной союзнической взаимопомощи. Европейцы не слепы в отношении современных реальностей: «*В то время как оборонная промышленность США подверглась значительной реструктуризации, Европа не предприняла должных усилий*»[1]. Двенадцать авианосных групп, стратегическая авиация, современные средства доставки, наличие баз в 35 странах позволят Соединенным Штатам действовать достаточно уверенно во всех регионах мира.

Чего никак нельзя сказать даже о самых крупных западноевропейских странах, имеющих впечатляющее колониальное прошлое. Ограниченные рамки военной деятельности Франции, Англии и других западноевропейских стран будут сужаться еще более в свете того, что относительно низкий уровень капиталовложений в военную сферу не позволяет им надеяться на некое сближение уровней в будущем. Напротив, наблюдается стойкая тенденция отрыва США от их ближайших союзников в области сверхточного оружия, слежения из космоса, противоракетной обороны, авиационной техники и пр. В этом смысле даже если европейцы пожелают оказать полномасштабную помощь патрону блока, их военных ресурсов будет явно недостаточно, у них не хватит средств существенно помочь Соединенным Штатам на далеких широтах.

НАТО - ЕС

Сторонников укрепления роли Североатлантического союза устраивает складывающаяся «трехступенчатая» военная структура: на вершине — военная мощь США, качественные параметры которой поднялись за последнее десятилетие над западноевропейскими стандартами еще выше; посредине — средние по военной мощи западноевропейские страны — Франция, Британия, ФРГ, которые только лишь начинают сотрудничество в военной области и осуществляют модернизацию лишь в отдельных видах вооружений; на низшей, третьей ступени находятся малые европейские страны, фактически не участвующие в интеграционных усилиях и довольствующиеся фактически устаревшим вооружением. Но такое положение не устраивает Западную Европу, находящуюся в процессе становления, как одного из мировых центров. Поиск взаимоприемлемого пути становится экстренной задачей западной дипломатии.

[1] Seventh Report, Session 1997—98. Aspects of Defence Procurement and Industrial Policy, HC 675, p. XXIX.

336

Английский журнал «Экономист» определил проблему так: «*Американский интерес к трансатлантическому сотрудничеству будет пропорционален готовности Европы встретить вызовы будущего: отравляющие газы, бактериологическое оружие, неподконтрольные ракеты, этнические войны на периферии НАТО и далее... Альянс не выживет ни в каком виде, если европейцы и американцы не договорятся о разделении труда*»[1].

Но где то «золотое сечение», то сочетание интересов отдельных стран, регионов, двух половин союза, сочетание несомненного американского лидерства и западноевропейской готовности смириться с этим лидерством? Проблема возникла не сегодня. История как всегда проявляет здесь свою пресловутую иронию. На грядущем этапе западноевропейского самоутверждения, с укреплением так называемой *европейской идентичности в области безопасности и обороны*, базирующейся на созданном еще в 1948 г. Западноевропейском союзе

(ЗЕС), на противоположном берегу Атлантики будут расти сомнения относительно оправданности курса на поощрение западноевропейской военной мощи.

Главный факт, определяющий будущее, заключается в независимости Европейского союза и отсутствии формализованных связей между НАТО и ЕС. Американские специалисты отмечают не только факт принципиальной самостоятельности западноевропейского объединения, но и *«отсутствие координации по линии НАТО — ЕС в отношении выработки политики на российском направлении, отсутствие непосредственных двусторонних консультаций даже по вопросу расширения. Это отчуждение отражает органическое стремление каждого из институтов ЕС и НАТО сохранить право на суверенное, независимое решение»*[2].

В прошлом реализация «плана Маршалла» и процесс создания НАТО, обеспечившие экономическое и военное сближение двух берегов Атлантики, виделись синхронными и взаимодополняющими. Ныне, на рубеже веков, ЕС и НАТО могут пойти раздельными, сепаратными путями. Большинство западноевропейских стран направит свою внешнеполитическую энергию на укрепление регионального объединения, а не на выработку межатлантического единства. Речь идет о единой валютной и экономической политике и пр.

Формируя желательный себе однополюсный мир, США начинают оказывать давление в направлении сближения ЕС и НАТО, в направлении прямой и косвенной координации деятельности двух этих межгосударственных механизмов. Уже выдвигают-

[1] «Economist», December 12, 1998, p. 20.

[2] *Hunter R.* Maximizing NATO... p. 203.

337

ся предложения о проведении совместных встреч на высшем уровне глав государств и правительств Североатлантического союза и Европейского союза, обосновывается необходимость выработки единой повестки дня, совместного макропланирования двух организаций. Это главное видимое направление будущей политики США на западноевропейском направлении.

Может оказаться препятствием, *во-первых*, зреющий в США вопрос, почему деньги и усилия американских налогоплательщиков должны использоваться при решении восточноевропейских конфликтов, в то время как богатые западноевропейцы отказываются нести свое бремя. *«Когда понимание этого утвердится, многие американцы начнут жаловаться на то, что Соединенные Штаты несут непропорционально большую долю бремени в Европе. Это в свою очередь поведет к призывам полностью вывести американские войска из Европы»*[1].

Во-вторых, европейская сосредоточенность на процессах внутрирегиональной интеграции, явное предпочтение укрепления ЕС перед консолидацией всей североатлантической зоны может в будущем дискредитировать американскую активность в Европе. По существу, американцы и западноевропейцы в основной своей массе идут параллельно — поворачивая фокус своего электорального внимания к внутренним проблемам. *«Память о «холодной войне» постепенно ослабевает, а вместе с нею и желание поддерживать модернизацию вооруженных сил, необходимость чего никак не диктуется первостепенными приоритетами»*[1]. Это отсутствие духа экстренности (столь умело разыгранного на рубеже 40—50-х годов) и является основным препятствием сближения двух регионов, чьи социальные структуры разнятся, а экономические интересы по многим параметрам расходятся. В этом случае пафос предложений по расширению союза неизбежно увянет, и на поверхность выйдет факт бессмысленности для ЕС отдать свою судьбу в руки

далекой заокеанской сверхдержавы.

Начиная с президента Клинтона и все более настойчиво при президенте Буше-мл. американская сторона после окончания «холодной войны» старательно делает вид, что ничего не произошло, ничего радикально не изменилось. На самом деле все изменилось именно радикально. «НАТО, — приходит к заключению М. Хирш, — даже если она расширится как политическая организация, теряет свою значимость даже со стратегической точки зрения. НАТО еще полезна — как это показала последняя стадия афганской кампании, — но как *передовой пост американ-*

[1] *Brown M.* Minimalist NATO... p. 217.

[2] *Hunter R.* Maximizing NATO... p. 203.

338

ской мощи, а не как особо ценный партнер. Возникают очертания новой мировой системы... Нравится это миру или нет, но американское могущество ныне является осью стабильности *во всех регионах от Европы до Азии, от Персидского залива до Латинской Америки.* Америка наблюдает за глобальной системой с недосягаемых высот, из космоса и из океанов (после 11 сентября это касается и прежде обойденных вниманием регионов — Центральной и Южной Азии)»[1].

- Едва ли не в отчаянии министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер сказал в мае 2002 г.: «Мы отстали от Америки на 200 лет. В институционном плане мы находимся еще на уровне статей «Федералиста»[2].

Политический аспект

> С ушедшей в прошлое ядерной угрозой многие европейцы не могут более мириться с идеей руководства этими простаками и морализаторами американцами.
> *М. Хирш, 2002*

Как формулирует У. Пфафф, «американское политическое сообщество все более воспринимает свою национальную роль в терминах гегемонии (используя этот термин в его необидном смысле), рационализируя свои обязательства защищать необходимую оборону международного порядка, что оправдывает неоспоримое первенство американской военной мощи, скрепляемое элементом национального мессианизма, замешанного на теории божественной предопределенности пуритан»[3]. Бывший внешнеполитический редактор «Ньюсуика» М. Хирш призывает союзников признать, что «американская односторонность неизбежна. Это означает признание реальности огромной американской мощи, признание благотворности американской опеки».

[1] *Hirsh M.* Bush and the World («Foreign Affairs», September/October 2002, p. 39).

[2] Между завоеванием независимости и принятием конституции федерации Соединенные Штаты пребывали в состоянии широкой автономии отдельных штатов, против которой за централизацию страны начали выступать авторы статей в газете с характерным названием «Федералист» (Мэдисон, Гамильтон, Галатин).

[3] *Pfaff W.* The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 1).

339

А Европейское сообщество для того и объединяет силы, чтобы не быть безнадежно зависимым.

Достижение этой цели — весьма сложная операция. Достаточно очевидно, что в течение ряда грядущих лет рождающаяся Западная Европа пока не будет представлять собой ни сообщества абсолютно независимых держав, ни наднациональный союз государств. Силовая основа Европейского союза не централизована, она распределяется между номинальной столицей ЕС Брюсселем и основными национальными столицами — основные решения пока принимаются

на национальной основе. Существует сложность не только в определении общей цели, но и единого понимания того, во что в конце своей эволюции превратится Европейский союз, — столь велики разночтения и видение будущего Берлином, Парижем и Лондоном. На фоне централизованных действий Вашингтона это несомненная геополитическая слабость.

Профессор английского Оксфорда Т. Эш видит проблему в том, что «Америка сегодня обладает гораздо большей властью, чем нужно для всеобщего блага... Она обладает безмерной глобальной «мягкой» властью над нашими головами. С точки зрения экономической мощи ее единственным соперником является Европейский союз. С точки зрения военной мощи у нее вообще нет соперников. Никто со времен Римской империи не обладал такой мощью... Даже архангелу опасно обладать таким могуществом. Авторы американской Конституции мудро определили, что ни одна ветвь власти не должна никоим образом доминировать над другими, так как даже самые лучшие люди могут впасть в искушение. То же самое применимо и к мировой политике»[1].

Европейские страны противостоят практике смертной казни в американских штатах. В апреле 1999 г. в Комиссии по гражданским правам ООН голосование поставило Соединенные Штаты в отчужденное положение, что поставило Америку в положение изолированной страны[2]. США и Западная Европа противостоят друг другу по вопросу о запрете установки мин (Соединенным Штатам в этом вопросе противостояли 134 страны).

Если Соединенные Штаты ввергнут себя на Ближнем Востоке в фиаско типа вьетнамского или окажут Израилю помощь сверх определенной меры, если США пойдут на интервенцию в отношении Ирака, если американское отчуждение Ирана примет одиозные формы (т. е. сложится ситуация, которую Западная Европа посчитает опасной для себя, для своего энергетического

[1] «New York Times», April 9, 2002.

[2] *Pfaff W.* The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 1).

340

снабжения из Персидского залива), тогда разрыв по линии ЕС — США станет реальным поворотом событий[1].

Профессор Калифорнийского университета М. Трахтенберг: «Соединенные Штаты сделали ставку на систему международной безопасности, основанную на мощи своей армии. Европа продолжает делать ставку на развитие региона. Европейскому выбору, возможно более эффективному на более длительный период времени, присуща относительная дипломатическая непоследовательность». Но укрепление американской империи породит «обиды» и опасности в будущем: «Мы можем прийти к тому, что отравимся нашей силой, дадим толчок безрассудной политике, основанной на навязывании своей системы и нашей идеологии всему остальному миру».

В подходе к международной системе три различия в стратегии лежат на поверхности:

— США смотрят на текущие события с глобальной точки зрения, а ЕС с региональной;

— США предпочитают действовать односторонне, а западноевропейцы — через международные организации;

— США не исключают для себя военного решения вопроса, а западноевропейцы подчеркивают политические и экономические возможности[2].

Культурный аспект

Серьезные сложности возникают в свете различных подходов в культурной области. Защита интеллектуального и культурного своеобразия становится в

Европе частью национального «кодекса чести». Учтем при этом, что прямые выборы в Европарламент создадут единое политическое поле. Совместные выпуски газет, общие телеканалы и пр. сформируют единое информационное пространство.

Сильной стороной западноевропейской мощи всегда была ее культура. Это превосходство ныне пошатнулось — Западная Европа отстает по эффективности системы высшего образования. Возможно, лишь Британия имеет сопоставимые с американскими по уровню университеты. Европейские университеты выпускают в два раза меньше специалистов в технических областях

[1] *Lieven A.* The Secret Policemen's Ball: the United States, Russia and the international order after 11 September («International Affairs», v 78, 2 2002 p. 257).

[2] *Burwell F., Daalder I.* (eds) The United States and Europe in the Global Areni. London: Macmillan Press, 1999, p. 289.

341

(здесь — в отличие от США — стремятся резко отделить гуманитарные науки от технических).

По оценке американского исследователя И. Катбертсона, «восприятие мира на двух сторонах Атлантики разнится друг от друга в поразительной степени... Внутренние трения и конкурирующие экономические интересы могут эскалировать слишком быстро и потопить под собой партнерство»[1]. Многолетний наблюдатель американо-европейских перипетий У. Пфафф (живущий в Париже) полагает, что «различие интересов, а не прихоть вызовут на протяжении грядущих десятилетий постоянно углубляющееся соперничество между Европой и Соединенными Штатами, конкурентное стремление укрепить свое экономическое и политическое влияние в остальном мире»[2]. 24 процента американцев считают Западную Европу критической угрозой себе[3].

Дрейф Европы в автономном от США плавании пройдет, видимо, ту промежуточную стадию, когда на основе партнерства более консолидированного Европейского союза с США западноевропейский «столп» обретет необходимую прочность. Подлинное определение Западной Европой отличного от американского «политического лица» произойдет тогда, когда все три «гранда» европейской политики — Германия, Франция и Британия найдут основу для координации своих курсов, для совместных действий, для отчетливо выраженных совместных оборонных усилий. Видимым шагом в этом направлении было бы создание чего-то вроде трехстороннего европейского директората. Это ослабило бы страх Франции перед большой Германией и опасения Берлина в отношении новой Антанты. Только в этом случае объединительная тенденция возобладала бы над тысячелетней тенденцией внутриевропейской розни.

По разные берега Атлантики возникает собственное восприятие мира. Очевидно, что европейские интересы не всегда будут совпадать с американскими. «Европейцы, — полагает Вашингтонский институт мировой политики, — гораздо более американцев обеспокоены возможностью коллапса России и начала гражданской войны на бывших советских территориях, чем риском восстановления Россией своих сил... Опасности со стороны растущих держав, таких, как Китай и Индия, а также угрозы со стороны держав-париев не видятся в Европе насущными и столь

[1] *Cuthbertson I.* Chasing the Chimera. Securing the Peace («World Policy Journal», Summer 1999, p. 93).

[2] *Pfaff W.* The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/1999, p. 8).

[3] «Foreign Policy», Spring 1999, p. 107.

342

важными»[1]. Назначение главой Европейской комиссии Романо Проди, а ответственным за политику в сфере безопасности Хавьера Соланы говорит о

возрастании интереса к самоутверждению.

Сенатор Дж. Байден приходит к выводу, что в ряде западноевропейских стран «мы видим преднамеренно селективный подбор фактов, касающихся жизни в США и американских действий, подающих США в наиболее невыгодном свете»[2]. Бывший глава отдела планирования французского МИДа, а ныне директор пользующегося престижем французского Института международных отношений Тьерри де Монбриаль утверждает, что «большинство избранных на официальные должности американцев являются полностью невежественными в международных делах... Американское общество, в отличие от французского, не стремится быть честным, работоспособным, находить прямую связь между миром идей и миром политики. Американское общество не стремится овладеть миром мысли... Они не теряют времени на ознакомление с обществами, которым они бесшабашно — и с огромной энергией — предлагают свои советы. Они просто указывают, как все нужно делать. Не называется ли все это империализмом?»[3].

68 процентов опрошенных французов выразили свою обеспокоенность относительно сверхдержавного статуса Соединенных Штатов. И только тридцать процентов признали, что за Атлантическим океаном есть хотя бы нечто, достойное восхищения. 63 процента не выразили чувства солидарности, чувства близости с американцами. Прилавки книжных магазинов в Западной Европе заполнены книгами с провоцирующими названиями: «Кто убивает Францию?», «Американская стратегия», «Американский тоталитаризм», «Этот мир — не всеобщий рынок», «Нет уж, увольте, дядя Сэм» (автор последней книги — член французского парламента). В Западной Европе постоянно пишут о сверхвооруженности американского общества, о смертной казни в Америке, о страданиях бедняков, об отказе американского сената ратифицировать договор о полном запрете испытаний всех видов ядерного оружия. Как пишет сенатор Байден, «монстр США стал повсеместно присутствующим и полным готовности навязать свои отталкивающие ценности всему миру»[4].

[1] *Cuthbertson I.* Chasing the Chimera. Securing the Peace («World Policy Journal», Summer 1999, p. 78).

[2] *Biden J.* Unholy Symbiosis: Isolationism and Anti-Americanism («The Washington Quarterly», Autumn 2000, p. 10).

[3] «Le. Figaro», 21 octobre 1999.

[4] *Biden J.* Unholy Symbiosis: Isolationism and Anti-Americanism («The Washington Quarterly», Autumn 2000, p. 12).

343

Социал-демократия против республиканизма

Для оформления европейского единства чрезвычайно важно сближение представлений о социальных ценностях между нациями-партнерами. В этом плане приход в 1998 г. к власти в Германии социал-демократа Г. Шредера сделал правящий слой Европейского союза более гомогенным. Во всех трех странах — лидерах Союза стала господствовать левая половина политического спектра: Л. Жоспен — во Франции, Т. Блэр — в Великобритании, прежний коммунист возглавил итальянское правительство. Социал-демократы победили в Швеции; они доминируют в Испании, Австрии и даже в посткоммунистических Польше и Чехии. Такой политический ландшафт весьма резко отличается от системы социальных воззрений, так или иначе доминирующих в США. Республиканцы Дж. Буша-мл. сокращают налоги на богатых, а в Западной Европе их увеличивают. Удовлетворенный капиталистическим ростом своей национальной экономики республиканский конгресс США в этом смысле весьма резко контрастирует с «более розовыми» западноевропейскими парламентами, осуждающими «вельветовую гегемонию» Соединенных Штатов.

Поражение социалистов во Франции несколько нарушило идейно-

политическую гомогенность, но все же следует признать весьма отличный от американского политический ландшафт Европейского союза. Это обстоятельство важно в цивилизационном плане, оно формирует различные общественно-политические ценности, различное восприятие мировых проблем и событий. Структуры ЕС — единый политический центр, парламент и министерства создают предпосылки независимой от Америки самоорганизации сходного по макропоказателям региона. Так формируется тот центр, самостоятельный выход которого на мировую арену сразу превратил бы современную однополюсную систему в биполярный мир. При этом «динамика развития силовых факторов поощряет соперничество, а общие культурные основы ведут к сближению»[1].

Стойкая европеистская Франция находит понимание с «новой» Британией и «новой», все более самоутверждающейся Германией. Поклонник Блэра канцлер Шредер также стал весьма по-иному смотреть на возможности подключения Лондона к европейскому строительству. Для Германии критически важна благосклонность Британии к расширению германской активности на востоке Европы. Франция поддерживает инициативу Герма-

[1] «Foreign Affairs», March/April 1999, p. 48.

нии о создании военного крыла Европейского союза, которое может взять на себя новые, более ответственные функции в миротворческих операциях, фактически оттесняя НАТО.

В Западной Европе немедленно отметили во внешнеполитической программе республиканцев классическое изложение доктрин политического реализма. Здесь напрочь исчезли такие цели, как поддержание международных организаций, вся совокупность гуманитарных проблем, провозглашение этических и моральных принципов, поддержка международного права. Эти цели если и не игнорируются, то весьма демонстративно отнесены к маргинальному кругу проблем. Такое разделение силовых реалистов республиканцев Буша-мл. и неких идеальных ценностей простительно для университетского диспута, но смертельно опасно, когда таким наделением руководствуется самая мощная страна мира — таково мнение значительного числа европейцев.

Америка незамедлительно отвечает тем же: французы нецивилизованны, поскольку не имеют юридической защиты «хабеас корпус», без которого американцы не мыслят социального порядка. Западноевропейский капитализм и его политическая система сверхжестоки, если допускают нынешний уровень безработицы. «Да, — пишет сенатор Байден, — можно возмущаться убийствами и рушащимися жилищами в Америке, но можно с легкостью указать на мрачные, погруженные в нищету пригороды Парижа, где изолированные от общества иммигранты встречают все виды социального зла»[1]. Отход Европы от Америки в значительной мере естествен.

Ближний Восток

У США и Европейского союза обнаружилось явственное различие политико-экономических интересов в ряде вопросов, касающихся региона Ближнего Востока. Специалист из университета Джорджа Вашингтона Г. Ней укоряет европейцев: «Если бы Европа выделила крупные силы для обороны Саудовской Аравии и зоны Персидского залива, была бы она сегодня столь благодушной в отношении Ирака и Саддам Хусейна? Если бы Европа имела 37 тысяч солдат на 38-й параллели в Корее и еще 40 тысяч в Японии, была бы она столь же заинтересована в умиротворении Северной Кореи, запрете на инженерные мины, которые защищают находящиеся там американские войска, или в отказе от

[1] *Biden J.* Unholy Symbiosis: Isolationism and Anti-Americanism («The Washington Quarterly», Autumn 2000, p. 13).

345
противоракетной обороны на театре войны, чтобы защитить американские силы за рубежом?»[1]

1. Главный фактор: Западная Европа в критической степени зависит от импорта энергетического сырья из ближневосточного региона — остановка этого потока ведет к коллапсу экономики Европейского союза; в то же время Соединенные Штаты в значительно меньшей степени зависят от импорта ближневосточной нефти. Америка старается подстраховаться — на случай противостояния со всем исламским миром — посредством резкого увеличения нефтяного экспорта недалекой географически Венесуэлы, (которая в 1990-е годы увеличила свою добычу до 3 млн. баррелей в день) и стала первым поставщиком сырой нефти на американский рынок. Сразу же после событий 11 сентября 2001 г. президент Буш призвал к большей независимости Соединенных Штатов от импорта нефти — всем было ясно почему, все знают *откуда* течет этот поток. Расширены связи с нефтеносными районами Канады, нефтедобывающей Мексикой, с трансконтинентальной Нигерией. 4 миллиарда долл. будут вложены в разработку шельфа Сахалина.

Различие интересов диктует различие позиций. США полностью стоят на стороне Израиля в ближневосточном конфликте; они назвали частью «оси зла» Иран и Ирак (присовокупив позднее к этой «оси» Ливию и Сирию); они готовы бомбить Ирак; не собираются покидать аравийские военные базы; всю ближневосточную стратегию строят на поддержке трех «умеренных» мусульманских режимов — египетского, саудоаравийского и пакистанского. ЕС не может держаться столь бескомпромиссной и агрессивной позиции, если желает избежать потрясений, подобных шоку 1973 г. Если бы все основные ближневосточные страны поддержали в апреле 2002 г. призыв Ирака к нефтяному эмбарго, то в США это вызвало бы некоторое повышение цен на бензин, а в Европейском союзе произошел бы экономический коллапс.

2. В западноевропейских странах уже живут более 20 млн. мусульман — они уже неистребимая часть западноевропейского политического ландшафта — а в Америке мечети все еще экзотический пейзаж. Безразличие к палестинцам в западноевропейских странах уже невозможно; в США произраильская позиция пользуется твердой общественной поддержкой.

3. Западная Европа не может просто причислить Сирию, Ливию, Иран и Ирак к некой «оси зла» и базировать на этом свою политику. Ведь речь идет о регионе-соседе, с которым у ЕС стабильные экономические отношения (не говоря уже об общем ис-

[1] «Guardian», April 29, 2002.

346
торическом прошлом). Европейский союз как раз именно сейчас развивает свою «средиземноморскую» политику, создает основу введения всего этого региона в сень геополитического влияния Брюсселя. Соединенные Штаты же безучастны к странам, столь далеким географически, цивилизационно и экономически. Для Вашингтона проблему взаимоотношений решает Шестой флот (Средиземноморье), массированное военное присутствие в Турции, в Центральной Азии, Закавказье, в Персидском заливе, на Аравийском полуострове.

В результате возникает не только несовпадение интересов, а их определенное противостояние на региональном уровне. Министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин открыто не согласился со стратегией США, зацикленных на странах-»изгоях». В феврале 2002 г. он выразил свое недовольство отсутствием консультаций в рамках западного союза, указал на неправильность политической линии Вашингтона в палестино-израильском конфликте, предупредил от неожиданных ударов по Ираку.

Потому-то удар по Ираку популярен в США и не популярен в Западной Европе. Согласно опросу газеты «Вашингтон пост» и телекомпании «Эй-би-си ньюс», не менее 70 процентов опрошенных американцев высказались за проведение военной операции с целью насильственного устранения от власти президента Саддама Хусейна[1]. В Европе такое же большинство выступает против удара по Ираку. А как американцы будут восстанавливать Ирак без поддержки Западной Европы?

Фактор России

Европейский союз покупает 62 процента российского газа, что составляет 20 процентов импорта ЕС в этом виде сырья. Российский газ — 70 процентов турецкого газового импорта. Российское правительство намерено в ближайшие 20 лет удвоить свой газовый экспорт в Западную Европу. Германские «Рургаз» и «Винтершаль», итальянская ЭНИ инвестируют в российские проекты. «Газпром» намерен построить колоссальный газопровод от полуострова Ямал до германской границы. Итальянская ЭНИ совместно с «Газпромом» строит газопровод через Черное море.

Обратим внимание: в конце 2001 г. Россия заключила стратегически важное соглашение с Европейским союзом о долговременном сотрудничестве в области энергетики. На Россию приходится 16 процентов нефтяного импорта ЕС. Страны ЕС покупа-

[1] «Guardian», April 29, 2002.

ют половину российской экспортной нефти. Наконец, пошли западные инвестиции. Лондонский «Джейнс форин рипорт» в марте 2002 г. пришел к выводу, что «каспийские резервы могут оказаться критически важными для глобального снабжения энергоресурсами».

Два обстоятельства придают особенный вес этому обстоятельству. Во-первых, нефтяные богатства Прикаспия оказались фантастическими. В Казахстане месторождение Кашаган оценивается в 50 млрд. баррелей. В российской части каспийского шельфа новое месторождение оценено в 5 млрд. баррелей. Во-вторых, нефтедобыча Персидского залива вступила в период стагнации. Весь каспийский шельф реально обещает дать 75 млрд. баррелей нефти — много больше прежде скептических оценок. Страны СНГ реально могут между 2002 — 2006 годами увеличить свой экспортный поток как минимум на 2 млн. баррелей в день. Французская «Монд» уже задает вопрос: «Не сможет ли Россия потеснить Саудовскую Аравию с места привилегированного нефтяного партнера Вашингтона?»[1]

Мы видим расходящиеся интересы: если США при помощи угрозы отчуждения ближневосточного региона стремится завладеть ключами от европейского будущего, то Россия, предоставляя энергетическую альтернативу, развязывает ЕС руки.

Страх в отношении потенциального конкурента

Американская политика исходит из того, что угроза, исходящая от сепаратизма Европейского союза, серьезна. Здесь затронуты самые важные стратегические интересы Соединенных Штатов. Именно на это направлена аргументация тех в США, кто призывает не просмотреть самого существенного в глобальной стратегии страны. Как характеризует ситуацию обозревающий европейскую сцену из Парижа У. Пфафф, «хотя большинство западноевропейцев пойдут на противостояние с Соединенными Штатами с величайшей неохотой, вопрос индустриального доминирования, стратегического суверенитета и выживания заставит их пойти на это»[2].

Р. Зеллик подчеркивает: «Трансатлантические и транстихоокеанские союзы должны пройти еще очень большую дорогу по пути обеспечения безопасности в восточной и западной части Евразии, где расположены державы, которые в прошлом представляли собой самую большую угрозу Соединенным Штатам.

1 «Le Monde», 18 mars, 2002.

[2] *Pfaff W.* The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 5).

348

Лишь партнерство с этими странами могло бы увеличить способность Соединенных Штатов справиться с неопределенным будущим Китая и России»[1].

Главная американская задача — сдержать силы сепаратизма в Европе, раскалывающие западный мир; ограничить горизонт самостоятельных сил; положить предел неопределенности в эволюции Европы; гарантировать работу объединительных механизмов; добиться координации политики двух-регионов. Есть все основания полагать, что Соединенные Штаты приложат немалые усилия, чтобы остановить отчуждение Европы и заручиться дружественностью западноевропейского центра. Жесткий диктат в отношении этого центра уже невозможен, но это вовсе не означает, что у Соединенных Штатов нет мощных рычагов (политических, экономических, военных, культурных) воздействия на регион, находящийся в процессе интеграционной консолидации.

Экономисты предупреждают, что *«Соединенные Штаты и Европейский союз находятся на пороге широкомасштабного торгового и экономического конфликта»*[2]*. Во время первого же визита в Западную Европу министра обороны республиканской администрации Дж. Буша-мл. — Д. Рамсфелда противоречия вышли за ранг «обычных» союзнических разногласий. Посланец Буша требовал ввести создаваемый Европейским союзом воинский контингент (60 тысяч европейских солдат) в подчинение НАТО, а западноевропейцы выразили свое неодобрение созданию сепаратной национальной системы стратегической обороны США. Это новый уровень разногласий, касающийся стратегического курса эволюции двух регионов.*

Прежде почти автаркическая экономика США теперь в огромной мере (30% валового внутреннего продукта США)[3] зависит от экспорта за пределы страны. Динамика торгового баланса США — ЕС говорит сама за себя. В 1991 г. американский торговый баланс в торговле с ЕС был положительным — 15 млрд. долл., в 1992 — 6 млрд., но уже начиная с 1993 г. он стал отрицательным: -5 млрд. в 1993 году, -12 млрд. в 1994 г., -15 млрд. долл. в 1996 г., -27 млрд. долл. в 1998 г.[4].

[1] *Zoellik R.* A Republican Foreign Policy («Foreign Affairs», Jan/Feb 2000. p. 74).

[2] *Bergsten F.* America's Two-Front Economic Conflict («Foreign Affairs», March-April 2001, p. 17).

[3] *Bach J.* U.S. — Wesrern European Relations: The Transatlantic Partnership in The Shadow of Globalization (Honey M. and Barry T.- eds. Global Focus. U.S. Foreign Policy at the Turn of the Millennium. New York: St Martin Press, 2000, p. 172).

[4] U.S. Total Balances with Individual Countries, 1991 — 1998 (Washington, DC: Dept. of Commerce, 1999).

349

Реальная жизнь в подвергающейся суровой экономической конкуренции североатлантической зоне в принципе поглощает сантименты и требует выбора, от которого зависит уровень экономического подъема и трудовой занятости стран-участников. На этом поле глобальной экономической битвы ощущается тенденция к выбору пути самостоятельного от США развития. Римский договор, Маастрихт, переход к единой валюте, реанимация Западноевропейского союза как возможной основы сепаратной военной системы — этапы долгого пути, ведущего к существенной самостоятельности. «Европейцы, — пишет английский журнал «Экономист», — желают укрепить свою мощь до такой степени, чтобы суметь

отделить себя от Америки. Нигде в мире нет такой силы, которая могла бы продемонстрировать столь мощный волевой акт»[1]. Они ищут пути восстановления своей значимости за счет активизации собственной стратегии и за счет объединения усилий.

Особенно наглядным видится противостояние двух торговых гигантов в Латинской Америке. Хотя США громогласно подают свою приверженность идее свободной торговли, они самым откровенным образом выразили свое недовольство стремлением Европейского союза создать зону свободной торговли со странами МЕРКОСУР (Аргентиной, Бразилией, Парагваем, Уругваем и Чили). Вашингтон посчитал наступление Брюсселя на данном направлении *контрпродуктивным*[2]. *В Азии США действуют через посредство организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АЛЕК), а западноевропейцы — посредством созданной ими Азиатско-Европейской организации сотрудничества (АЗЕМ), где ЕС напрямую имеет дело с десятью азиатскими странами, включая Японию и Китай. Все более американо-западноевропейские отношения обостряются на Ближнем Востоке. США выступают за создание нефтепровода Баку — Джейхан, а западноевропейцы хотели бы создания нефтепровода от Каспийского моря через Иран. (Американцы хотели бы видеть региональным лидером Турцию, а в ЕС очень ценят торговые контакты с Ираном.)*

В то же время идея создания зоны свободной торговли между собой (выдвинутая в 1995 г. концепция *Трансатлантической зоны*

[1] *McRae H.* The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 253.

[2] *Bach J.* U.S. — Wesrern European Relations: The Transatlantic Partnership in The Shadow of Globalization (Honey M. and Barry T.- eds. Global Focus. U.S. Foreign Policy at the Turn of the Millennium. New York: St.Martin Press, 2000, p. 174).

свободной торговли — ТФТА) так и не получила развития (равно как и идея 1998 г. *Нового трансатлантического торгового пространства*, отставленная под давлением Франции в том же году)[1].

Реалистично предположить, что Западная Европа, лишившаяся общего противника, все меньше будет интересоваться функцией партнера Соединенных Штатов. Самостоятельный курс представится ей более многообещающим. Только на этом — собственном маршруте исторического движения Западная Европа в будущем окажется способной на жертвы, ведущие к ее геополитическому подъему. Возможно, что крупнейшая величина региона — Германия, возвратившаяся к европейскому строительству после реструктуризации своих восточных земель, сумеет возглавить западноевропейское строительство. Твердую основу ЕС как межгосударственного образования составит Единая валютная система. «*Общая валюта даст Германии и Европе новую финансовую мощь, и это будет своего рода геополитической революцией*».

Желание Западной Европы значить больше в НАТО уже вызывает в США, по выражению Э. Понд, «шизофреническую реакцию и ведет к столкновениям в НАТО. Вашингтон не желает видеть противовес своим односторонним действиям»[2]. Трансатлантическая конкуренция в нескольких стратегически важных высокотехнологичных областях, которые обе стороны считают абсолютно необходимыми для своего экономического выживания, подводят атлантических военных союзников к грани разрыва. Логически напрашивающееся слияние крупнейших компаний в общем технологическом пространстве «политически неприемлемо, — пишет У. Пфафф, — для Европы. То же самое можно сказать о Соединенных Штатах, ибо любое такое слияние поставило бы у контрольных рычагов неамериканского партнера»[3].

Приобрел черты реальности следующий прогноз американского специалиста:

трансатлантическая кооперация не приобретает устойчивых форм, торговые отношения США и ЕС становятся жертвами обострившейся конкуренции, ВТО становится форумом раздора, а не сближения; враждебность и агрессивность Европейского союза заставит США обратиться к односторонней

[1] *Hindley B.* New Institutions for Transtlantic Trade? («International Affairs», January 1999.)

[2] *Pond E.* Come Together. Europe's Unexpected New Architecture («Foreign Affairs», March/April 2000, p. 11).

[3] *Pfaff W.* The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 1).

351

политике, руководствуясь сугубо национальными интересами. Многосторонняя торговая система деградирует в жестко соперничающий между собой регионализм, столкновение конкурентов по обе стороны Атлантики[1]. Весьма различный подход демонстрируется США и ЕС по таким ключевым вопросам, как ядерное нераспространение[2].

Завышенными оказались надежды тех, кто ожидал, что с освобождением от советской угрозы Западная Европа пойдет на глобальное партнерство с США, помогая им в неспокойных регионах Земли. Произошло почти противоположное — отсутствие общей военно-стратегической опасности начало постепенно разъедать атлантическую основу идеологии правящего класса США. Европа уже наметила курс, далеко не параллельный американскому. Западноевропейцы сосредоточились на собственных региональных проблемах. Помимо европейского Востока новая Европа будет занята сверхнаселенным слаборазвитым Средиземноморьем и многими проблемами, далекими от американских. Теперь, не нуждаясь в американском ядерном зонтике, Западная Европа менее ценит НАТО с ее безусловным американским главенством.

Американские исследователи У. Уоллес и Ч. Капчен говорят о *«страхе в США перед превращением Европы в подлинного глобального соперника»*[3]. *Оставить второй по могуществу регион Земли без всякого контроля американское руководство не готово — если только оно не согласно оставить планы долгого глобального лидерства. В обозримой перспективе «Вашингтон не желает видеть Западную Европу и Японию сильными настолько, чтобы дать ей возможность бросить вызов американскому лидерству. Соединенные Штаты будут стремиться сохранить свое геополитическое превосходство визави Западной Европы»*[4]. *Вашингтон готов немало заплатить за контрольные рычаги во втором по могуществу экономическом центре мира (способном мобилизовать и соответствующий военный компонент своего могущества). . .*

[1] *Steinberg R.* Transatlanticism and Multilateralism (In: Burweli F., Daalder I. (eds) The United States and Europe in the Global Arena. London: Macmillan Press, 1999, p. 235).

[2] *Burweli F.* Cooperation in US — European Relations (In: Burweli F., Daalder I. (eds) The United States and Europe in the Global Arena. London: Macmillan Press, 1999, p. 283).

[3] *Wallace W., Zielonka J.* Op. cit., p. 66.

[4] *Layne Ch.* Rethinking American Grand Strategy. Hegemony or Balance of Power in the Twenty-First Century? («World Policy Journal», Summer 1998, p. 12).

352

Трудности американской политики в отношении Европы

> Определяющим элементом глобальной системы является сосредоточение мощи, а не демократии, культуры, глобализиции или чего-либо иного.
> *Р. Кутан, 2002*

Кризисы бывали и раньше. В 1956 г. Соединенные Штаты осудили ближневосточную авантюру Англии и Франции; в 1966 г. Франция бросила вызов Америке выходом из НАТО; в 1980-х Европа встала на дыбы, протестуя против

размещения «Першингов»; в 1993 г. Вашингтон резко критиковал балканскую политику европейцев. Но то, что случилось в 2003 г., выходит за рамки «привычных» противоречий. Как пишет многолетний эксперт американо-европейских отношений — Кристофер Лейн, «война в Ираке породила очень особенный (межатлантический) раскол. Ущерб, принесенный связям Вашингтона с Европой администрацией Буша, — реальный, долговременный и *непоправимый»*[1].

Причины кризиса

Привычным стало обращение к различиям в истории, культуре, ценностях, идеологии. Все они имеют место, наиболее яркий пример обсуждения этих различий в последнее время — книга Роберта Кэгена, противопоставляющая гоббсовскую Америку кантовской Европе[2]. Речь идет не о противопоставлении многосторонности и односторонности, не о спорах о релевантности инспекций в Ираке (остановленных силовыми действиями Америки). Естественно, иракская тема катализировала спор, но подлинной причиной кризиса стал вопрос об *американской гегемонии.*

Речь идет о судьбе американского контроля над Европой. Если бы задачей Соединенных Штатов в Западной Европе была защита этой части света от некой внешней силы, то Вашингтону пришлось бы уйти из Европы после 1991 г. — миссия выполнена. Североатлантический союз был бы распущен за ненадобностью. Но американцы при обеих администрациях, республиканской и демократической, никак не приступили к собиранию чемоданов.

[1] *Layne Ch.* America as European Hegemon («The National Interest», Summer 2003, p. 17).

[2] *Kagan R.* Of Paradise and Power: America and the New World Order. New York: Alfred A. Knopf, 2003.

Напротив, они в два приема необыкновенно расширили котролируемый ими блок.

Вопреки старой максиме лорда Исмея о сути НАТО («Контроль над Германией, исключение России и вовлечение Америки»), официальный Вашингтон с начала до конца руководствуется в своей европейской политике совсем иной стратегией: *военный контроль над Европой, Америка во главе европейских процессов, европейцы лишаются стимула для политического единения.* Даже если бы «холодной войны» не было и в помине, данная стратегия требует американской гегемонии в Западной Европе. Потому-то НАТО и пережила развал Советского Союза — с ним и без него Вашингтон полон желания и руководствуется намерениями осуществлять контроль над Европой.

Администрация Дж. Буша-младшего ни в коей мере не считала себя обязанной уйти из Европы после того, как официальная миссия — сдерживать коммунизм — была выполнена. Говоря об официальной позиции администрации, ее тогдашние сотрудники Филип Желиков и Кондолиза Райс посчитали необходимым объяснить широкой публике суть позиции Соединенных Штатов: «Администрация твердо верит, что даже в случае немедленного исчезновения военной угрозы со стороны Советского Союза Соединенные Штаты обязаны будут сохранять значительное военное присутствие в Европе на протяжении всего обозримого будущего... Присутствие американских вооруженных сил должно обеспечить Соединенным Штатам центральное место как участника европейской политики... Администрация Буша полна решимости поддерживать основные элементы системы НАТО для обеспечения системы безопасности Европы даже в случае окончания «холодной войны»[1]. Администрация Б. Клинтона ни на йоту не отошла с этой позиции. Государственный секретарь М. Олбрайт выразилась вполне определенно: «Если бы НАТО не существовала сегодня, мы должны были

бы ее создать»[2]. Понятнее стала стратегия Соедненных Штатов в Европе после окончания Второй мировой войны — отнюдь не сдерживание потенциального агрессора, а контроль над важнейшим мировым регионом, в результате чего был создан «американский военный протекторат»[3].

[1] *Zelikov Ph.* and *Rice C.* Germany Unified and Europe Transformed: A Study in Statecraft. Cambridge: Harward University Press, pp. 169—170.

[2] *Asmus R.* Opening NATO's Door: How the Alliance Remade Itself for a New Era. New York: Columbia University Press, 2002, p. 261.

[3] *Layne Ch.* America as European Hegemon («The National Interest», Summer 2003, p. 21).

354

Дата видится определенной. Отмечая сороковую годовщину франко-германского договора, президент Ширак и канцлер Шредер выступили с совместной декларацией о том, что обе их страны будут сотрудничать в деле противостояния политике президента Дж. Буша-мл., направленной на решение противоречий с Ираком силой оружия. Провозглашено 22 января 2003 г. и немедленно получило отповедь на брифинге министра обороны США Д. Рамсфедда, презрительно осудившего «Старую Европу».

Способы сдерживания Европы

Во-первых, Соединенные Штаты категорически и без оговорок выступают против любой формы создания самостоятельной европейской военной системы. Вашингтон официально выступает против формирования западноевропейских сил быстрого реагирования, находящихся вне сферы компетенции НАТО (то есть Вашингтона). Аргументы однообразны: зачем дублировать натовские структуры; к чему делать то, что уже сделано или легко может быть сделано через посредство Североатлантического союза. Западной Европе следует помогать Америке, а не бросать ей вызов.

Во-вторых, Соединенные Штаты активно используют тактику «разделяй и властвуй». Вашингтон активно протежирует вступление в Европейский союз Турции, полагая, что тем самым введет в состав потенциального конкурента элемент почти инородного политико-цивилизационного значения, ослабит скорость формирования европейского «нуклеуса». «Соединенные Штаты также поддерживают расширение НАТО, питая надежду, что «Новая Европа» (Польша, Венгрия, Чешская Республика и Румыния), которая войдет в ЕС в 2004 году, будет на стороне Вашингтона против Франции и Германии по большинству важных вопросов. Для Соединенных Штатов Европа, которая будет говорить разными голосами, является *оптимальной;* именно поэтому Соединенные Штаты способствуют силам, стремящимся довести до краха процесс «надгосударственного строительства» в ЕС»[1].

В-третьих, американцы продолжают убеждать самых различных европейцев, что американское присутствие в Европе необходимо для контроля над потенциальным стремлением к региональному доминированию Германии. О германской угрозе в несколько завуалированных фразах говорил президент Дж. Буш-младший во время саммита НАТО в Праге в ноябре 2002 г.: «Тысячи наших солдат в униформе стоят от Балкан до Баварии, гото-

[1] *Layne Ch.* America as European Hegemon («The National Interest», Summer 2003, p. 25).

355

вые принести любую жертву ради будущего континента». Американский исследователь Кристофер Лейн приходит к выводу: «Американская политика направлена на поощрение внутриевропейского противовеса устремлениям Франции и Германии создать единый европейский противовес американской гегемонии».

И это в значительной мере удается Вашингтону. В январе 2003 г. руководители Британии, Италии, Испании, Португалии, Дании, Польши, Венгрии

и Чешской Республики *поддержали* политику США в отношении Ирака. Возникло своеобразное разделение на «Старую Европу» и проамериканскую «Новую Европу»[1].

Создалась ситуация, когда «Старая Европа», в составе прежде всего Германии, Франции и России, стала противостоять стремлению США к мировой гегемонии.

Невозможно просто отменить старый закон «политической гравитации», согласно которому независимые государства беспокоятся прежде всего о своей безопасности, из которого следует, что стремление одной страны к абсолютной гегемонии неизбежно вызывает желание остальных, не полностью потерявших свою независимость игроков на международной сцене, к группированию против гегемона.

Пока еще в Вашингтоне не ощущается тревоги. Здесь еще (с большим на то основанием) полагают, что феноменальная мощь Америки неодолима ни при каких дипломатических комбинациях. Попросту при современном раскладе сил формирование контрбаланса Америке не имеет реальной перспективы[2]. Оптимисты полагают, что сил у Америки хватит при любом раскладе сил.

Но зрелыми стали и сомнения. «Кумулятивный эффект американской экспансии — войны и последующие оккупации на Балканах, в Персидском заливе, Афганистане — в ходе войны с терроризмом; а также возможные будущие войны против Северной Кореи, Ирана, Сирии или с Китаем из-за Тайваня — будут иметь *нервирующий эффект* на мощь Соединенных Штатов»[3].

Вполне возможно, что Франция и Германия станут непосредственной целью американского давления, усугубляя расхождение двух материков. Тогда эти две страны (с ближайшими союзниками) неизбежно будут искать союзных связей с оттесненными историей Россией и Китаем. До сих пор Париж и Берлин

[1] *Layne Ch.* America as European Hegemon («The National Interest», Summer 2003,p. 26).

[2] *Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment Revisitrd («The National Interest», Winter 2002/2003).

[3] *Layne Ch.* America as European Hegemon («The National Interest», Summer 2003, p. 27).

356

демонстрировали весьма удивительную стойкость, не соглашаясь с Вашингтоном. И не случайно министр иностранных дел Франции Доминик де Вильпен сразу же после падения Багдада вылетел в *Тегеран*.

У Европейского союза, по основным прогнозам, большое будущее. Создатель «евро» Роберт Мунделл полагает, что в Европейский союз вступят еще не менее *пятидести* государств — и все они в конечном счете перейдут на евро[1]. Среди этих стран — все государства Центральной и Восточной Европы, Центральной Азии и даже некоторые государства Северной Африки. Евро станет подлинным соперником доллара. Европейская экономика будет расти быстрее американской. Европа загасит процесс уменьшения своего населения.

Как говорит, скажем, судьба Британской империи, ослабление внутренних сил может наступить довольно быстро. При всей мощи американской империи, ее внутренний потенциал не безграничен, как не безгранична и готовность американского народа слышать о своих жертвах в пустынях огромного неуправляемого мира.

Успокоительные мелодии

Оптимисты утверждают, что оба региона, Америка и Европа, притерлись к друг другу и нашли соответствующие роли. Европа выступает богатым банкиром, а Соединенные Штаты взяли на себя роль военной охранительной системы. И довольны друг другом. Бюджетный дефицит Соединенных Штатов из-за резкого снижения налогов, осуществленного Бушем (на 500 млрд. долл. в год) достигнет, в ближайшие годы цифры в 2 трлн. долл., если зарубежный капитал не ринется в

США, доллар начнет головокружительное падение в вихре возрастающей инфляции. Федеральная резервная система будет вынуждена поднять процентные ставки — и экономика Америки погрузится в кризис, который ударит по всем. Кризис убьет шансы Дж. Буша-мл. на переизбрание.

Отсюда мораль: два региона «смертельно» взимосвязаны, их взаимозависимость обоюдовыгодна, и Вашингтон с Брюсселем, сколько бы они ни ссорились в Совете Безопасности ООН, не пойдут на обострение двусторонних отношений.

Инвестирование в экономику Соединенных Штатов — в интересах западноевропейцев. Вложенные в американские предприятия и услуги деньги приносят больше прибыли, чем инве-

[1] *Rosecrance R.* Croesus and Caesar («The National Interest», Summer 2003, p. 33).

стированные в любом другом уголке планеты, и конечно же, прибыльнее инвестиций в Западной Европе. С подъемом американской экономики вложения в США станут еще более привлекательными. Эти инвестиции оставляют в тени даже огромную двустороннюю торговлю,

Исходя из сказанного и многого другого, следует, что «как мирная держава», Европа не желает или, по крайней мере, не должна желать отхода от Соединенных Штатов и создания своего собственного военного потенциала»[1]. Богатая Европа будет *нуждаться* в американской военной защите — это не вопрос вкуса, привязанности, предпочтения, каприза. Это вопрос исторической необходимости и выживания. И чем богаче будет становиться Европа, тем больше она будет нуждаться в Соединенных Штатах. Эта Европа еще очень долго будет *не в состоянии* осуществлять полицейские функции по всему миру. «Атлантическое экономическое и военное партнерство служит как американцам, так и европейцам, и оно будет все более прочным, как подлинная основа отношений двух сторон Атлантики»[2].

Как долго продлится однополярный мир?

Европейцы с охотой цитируют все оценки, говорящие о преходящем характере американской гегемонии.

1. Такие, как, скажем, оценка, данная Чарльзом Купчаном: «Две необратимые тенденции свидетельствуют о том, что период однополярности не может длиться долгие десятилетия. Ни одна доминирующая держава не способна поддерживать свою мощь бесконечно. Со временем встанут к мировому могуществу другие державы. Диффузия экономического могущества происходит ныне быстрее, чем когда-либо в истории. Ближайшим конкурентом Америки будет не некая отдельно взятая страна, а Европейский союз, который консолидирует ресурсы своих государств-членов»[3].

Европа уже превосходит Соединенные Штаты в торговле и финансах. В военной сфере Европа бесконечно отстает, но стремится несколько исправить положение созданием единых воору-

[1] *Rosecrance R.* Croesus and Caesar («The National Interest», Summer 2003, p. 33).

[2] Ibid., p. 34.

[3] *Kupchan Ch.* The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-First Century. New York: Alfred A. Knopf, 2002, p. 127.

женных сил. К 2025 г. Европа нагонит Америку (а позже оба региона ощутят растущую мощь Азии.).

2. Меняется сам характер американского интернационализма. «Однополярность покоится на существовании политического класса, который не только пользуется плодами доминирования, но готов предоставить свои ресурсы для поддержания всех «в строю» и расходовать на поддержание этого

доминирования»[1]. Но с окончанием «холодной войны» американское население — взятое в целом — не ощущает абсолютной необходимости нести расходы по полицейским функциям в масштабах всего мира. Нужно ли напрягать американское общество платить кровью и деньгами за поддержание глобального порядка? 11 сентября 2001 г. подняло патриотическую волну, но насколько продолжительна американская решимость? В период Тонкинской резолюции конгресса (август 1964 г.) американский народ готов был нести жертвы во Вьетнаме, но к концу 1960-х годов эта решимость иссякла. В отсутствие прямой и непосредственной угрозы Соединенным Штатам мобилизация общества на военные и паравоенные кампании будет все более сложным делом. Роль мирового полицейского сопряжена с очевидными жертвами. И в сегодняшней Америке интернационализм, по мере поступления сведений о новых жертвах в Ираке, теряет стойких сторонников. Вот уже сенатор-демократ Эдвард Кеннеди говорит об Ираке как о «не том месте», где следует прилагать американскую мощь.

Что мы видим в результате? «Совместите подъем Европы и Азии с упадком энергичного интернационализма в Соединенных Штатах, и вам станет ясно, что доминирование Соединенных Штатов в мире не может продержаться долго»[2].

Регионы с разными судьбами

Подкупающий мягкий тон неоконсерватора Роберта Кэгена делает его небольшую книгу о будущем американо-европейских отношений «О рае и мощи: Америка и Европа в новом мировом порядке»[3], популярной, это частично объясняет успех идей Кэгена в дискуссии об Америке и Европе.

[1] *Kupchan Ch.* The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-First Century. New York: Alfred A. Knopf, 2002, p. 129.

[2] Ibid., p. 132.

[3] *Kagan R.* Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order. New York: Alfred A. Knopf, 2003.

359

Кэген рисует Соединенные Штаты как страну из жестокого мира постоянного конфликта Гоббса, где побеждает сильнейший, где правит сила, где в борьбе за выживание в мире Марса приходится постоянно думать о вооруженной готовности. Эта воинственность развивалась в Соединенных Штатах долгое время, хотя готовность к территориальной экспансии характеризует все четыре века американской истории.

В Европе же царствует компромисс, государства отошли от силовых решений своих противоречий, где господствует пацифизм — господствует Венера. Благодушествующие европейцы начинают развивать в себе чувство морального превосходства над бездумно воинственными американцами. Величие европейских достижений сделало Старый Свет опасно слабым в силовом смысле. Но европейцы не задумываются над тем, что именно «молодой» энтузиазм Америки позволяет «старой» Европе предаваться расслабленному образу жизни — американский Марс защищает ее от мировых бед.

Куда девалась могучая традиция воинственных европейских государств? Кэген полагает, что две мировые войны, характерные неимоверной жестокостью, создали у европейцев новый менталитет. Сегодняшняя «кантианская» («Вечный мир») Европа пытается дистанцироваться от воинственной Америки, боясь, что вирус насилия ослабит их нынешнюю предрасположенность к мирному решению международных проблем.

Следует ли американцам предаваться печали? Опыт второй половины XX века показал, что Америка *может* обходиться без европейской помощи. Определенным фактом текущего времени является то, что Европа «никак не может остановить Соединенные Штаты»; ее поддержка может быть и полезна, но

она не является решающим обстоятельством. «Могут ли Соединенные Штаты готовиться к тому, что отвечать на стратегические вызовы им придется без помощи со стороны Европы? Простым ответом является то, что в реальности это уже и происходит»[1]. Европейцам, так или иначе, придется привыкнуть к ситуации, когда ее военная сила попросту не принимается во внимание. Именно в условиях европейского бессилия у американцев не осталось альтернативы *односторонним* действиям. А Европа должна признать оборонительную функцию Америки. Американская гегемония — это «приемлемая плата за европейский парадиз».

Возможно, Америке придется тоже относиться с несколько большим уважением к Европе, потому что когда два эти региона

[1] *Kagan R.* Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order. New York: Alfred A. Knopf, 2003, p. 23.

действуют совместно, им легче защищать свои общие ценности. Это важно: «Их общие устремленности имеют сходную природу». Американец Дэвид Каллео считает, что интеллектуальная анестезия Кэгена, «возможно, кажется удовлетворительной в Вашингтоне. Кэген выступает весьма убедительным адвокатом господствующих неоконсерваторов. Возможно, она получает позитивный отклик в Лондоне, но она определенно не приемлема ни в Париже, ни в Берлине, равно как неприемлема для Москвы и Пекина»[1].

Атлантическая стратегия США

Американцы признают силу европейского гиганта. 42 процента американцев — и 51 процент лидеров — считают Европу более важной для США, чем Азия (противоположного мнения придерживаются 28 процентов американцев)[2]. Государственное объединение таких размеров способно изменить соотношение сил в мире. В США можно выделить две крайние точки зрения: тех, кто верит в политическую Европу, и тех, кто сомневается в реальности ее создания

Еврооптимисты ожидают быстрого продвижения Брюсселя в двадцать первом веке к положению одного из бесспорных мировых центров. Так, один из ведущих американских экономистов Ф. Бергстен считает, что ЕС вскоре «достигнет равенства или превзойдет Соединенные Штаты по всем ключевым показателям экономического могущества и будет говорить единым голосом по широкому кругу экономических вопросов... Экономические отношения между Соединенными Штатами и Европейским союзом будут во все большей степени становиться основанием фактического равенства»[3].

Европессимисты полагают, что западноевропейские столицы вольно или невольно обменяли *углубление* интеграции на ее *расширение*. Возможно, в ЕС через определенное время будут входить 35—40 государств (включая, как указывает Ж. Атали, Украину и Грузию[4]). И это резко ослабит ее внутреннее сближение. Именно в свете того, что европейская интеграция «вглубь» будет медленной и что европейский механизм не будет похож на аме-

[1] *Calleo D.* Power, Wealth and Wisdom. The United States and Europe after Iraq («The National Interest», Summer 2003, pp. 6—7).

[2] «Foreign Policy», Spring 1999, p. 107.

[3] *Bergsten F.* America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 20.)

[4] «The National Interest», Summer 2000, p. 23, note.

риканский, «Америке не следует бояться возникновения соперника»[1].

В результате США еще на одно поколение останутся единственной сверхдержавой. Они указывают на то, что «Европа, несмотря на всю свою экономическую мощь, значительную экономическую и финансовую интеграцию,

останется *де-факто* военным протекторатом Соединенных Штатов... Европа в обозримом будущем не сможет стать Америкой... Бюрократически проводимая интеграция не может породить политической воли, необходимой для подлинного единства. Нет ударной силы воображения (несмотря на периодическую риторику относительно Европы, якобы становящейся равной Америке), нет страсти, создающей государство-нацию»[2]. 80 000-страничный договор, который предлагается подписать всякому новому члену ЕС, поражает воображение лишь своими 31 огромными разделами.

Калькуляция американских атлантистов: учитывая неизбежную грядущую американскую вовлеченность в азиатские дела, учитывая неизбежность кризисов в незападном мире, не следует радоваться европейским просчетам и временной немощи, следует помогать становлению потенциального глобального партнера. Да, у Америки впереди еще от 10 до 20 лет преобладания в мире. В дальнейшем же судьбу гегемонии гарантировать не может никто. И важно иметь глобального партнера. А если определенное отчуждение западноевропейского центра неизбежно, американцы постараются «подороже» продать свое согласие на частичный европейский сепаратизм. Доминирующий в США мотив — не гасить западноевропейскую военную активность тотально, не порождать у западноевропейцев чувства бессилия и 'зависимости, концентрироваться на реально критически важных проблемах, использовать ЕС в главном — в солидарном совместном контроле над Центральной и Восточной Европой. Ведь главная задача общая: инкорпорировать европейский Восток в Большой Запад.

У западноевропейской политики Вашингтона есть несколько оснований.

1. Осуществить стратегический контроль над европейским пространством *посредством НАТО и военного присутствия в Европе*. Максимально долгое сохранение НАТО — это лучший выход для Америки в двадцать первом веке, когда потенциальные конкуренты привязаны к статусу союзника. *«Только сильная НАТО с США как осевой державой,* — пишет американский исследователь

[1] «The National Interest», Summer 2000, p. 28.

[2] *Brzezinski Zb.* Living With a New Europe («The National Interest», Summer 2000, pp. 18, 20-21).

К. Лейн, — *может предотвратить дрейф Западной Европы к национальному самоутверждению и отходу от нынешнего уровня экономического и политического сотрудничества»*[1]. *Но НАТО, выполнившая свою миссию в Европе, — это своего рода «велосипед», будучи в бездействии, эта организация теряет равновесие и падает. Чтобы задействовать своих западноевропейских союзников, США пошли на расширение состава и функций блока (операции в сопредельных регионах и т. п.). В Вашингтоне в апреле 1999 г. на праздновании 50-летия НАТО в процессе выработки новой концепции союза более отчетливо, чем прежде, проявили себя несколько новых тенденций, развитие которых внесет существенные коррективы во внутреннее соотношение сил на Западе.*

2. Укрепить американские экономические позиции в западноевропейском регионе посредством активизации деятельности филиалов американских фирм, их активного инвестирования в Европе, привлечения в этот регион товаров высокой технологии, взаимослияниями фирм (как, скажем, «Даймлер — Крайслер»), кооперацией в производстве, высвобождением для европейских товаров части высокоприбыльного американского рынка. Все это, вместе взятое, может дать Америке долю контроля над экономическим развитием западноевропейского региона. Ошибкой было бы поддаться протекционистскому импульсу (как это уже случилось с рынком сталеплавильной промышленности в США, убоявшейся иностранной конкуренции)[2]. Целью американской внешней политики должно быть Североатлантическое соглашение о свободной торговле — «супер-НАФТА», на которую приходилось бы более половины мировой торговли и валового

продукта мира.

3. Старинное «разделяй и властвуй». Если европейцы не могли договориться между собой тысячелетия, почему это должно произойти сейчас? В США надеются на то, что Америка «навсегда» будет призвана в Европу благодаря страхам европейцев: Франция будет бояться германского преобладания; Германия — восстановления сил России; Британия — консолидации континента без ее участия; Европейское сообщество — нестабильности на Балканах; Центральная и Восточная Европа — быть «раздавленными» между Германией и Россией. Лишенный сплоченности Европейский союз не сможет противостоять Америке во вре-

[1] *Brzezinski Zb.* Living With a New Europe («The National Interest», Summer 2000, p. 17).

[2] *Bergsten C.F.* America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 22).

363

мя споров во Всемирной торговой организации, на раундах переговоров о снижении таможенных тарифов.

В этом ключе особое значение обретает возвышение в Европе Германии. В США рассчитывают на то, что их немецкие партнеры видят реальность достаточно отчетливо: если американцы покинут Европу, страх перед Германией будет таков, что произойдет немедленное объединение всех антигерманских сил. Этот страх является лучшим залогом приятия американских войск в центре Европы. Если же Германия окажется несговорчивой, а процесс ее самоутверждения стремительным, то Вашингтону придется переориентироваться на англосаксонского союзника в надежде на то, что Британия, также опасающаяся германо-французского главенства, сумеет затормозить опасную политическую эволюцию Европейского союза. Только веря в такой поворот событий, консервативный аналитик Ирвин Кристол мог сказать: *«Европа обречена быть квазиавтономным протекторатом Соединенных Штатов»*[1].

4. Привлечь Западную Европу к «управлению миром» — сформировать глобальный кондоминиум двух (относительно независимых друг от друга) западных регионов над трудноуправляемым миром. Если удастся «завязать» западноевропейский регион на эту задачу, то в XXI веке Европейский союз будет продолжать оставаться зоной опеки США, залогом крепости мировых позиций Вашингтона. При этом следует учитывать то обстоятельство, что Соединенные Штаты недостаточно сильны, чтобы доминировать в быстро растущем мире, полагаясь лишь на собственные силы. Переходу к определенной степени дележа прерогатив с Западной Европой нет альтернативы: *«Вопреки анахронистским разговорам о Соединенных Штатах как о «единственной сверхдержаве», следует признать, что США слишком слабы для доминирования в мире, если они будут полагаться лишь на собственные силы. Евроамериканский кондоминиум в системе мировой безопасности и мировой экономики — Пакс Атлантика должен заменить Пакс Американа — вот единственный выход»*[2]. *При этом Соединенные Штаты могут сохранить свое общее преобладание только за счет «дарования» Западной Европе в XXI веке определенной степени внутренней автономии.*

5. Использовать проамериканские силы в Европе. Далеко не для всех в Европе активное самоутверждение, делающее акцент

[1] *Layne Ch.* Rethinking American Grand Strategy. Hegemony or Balance of Power in the Twenty-First Century? («World Policy Journal», Summer 1998. p. 66).

[2] *Lind M.* Pax Atlantica, p. 6.

364

на противостоянии, привлекательно. Как пишет С. Эвертс из лондонского Центра европейских реформ, «подлинные союзники так редки в современном мире, а ведь по основным великим стратегическим вопросам европейцы ближе к Соединенным Штатам, они могут многое предложить Америке в области

экономики и дипломатии — в отличие от любой другой группы стран»[1]. Ему вторят американцы Уоллес и Зелонка: «Европейские союзники — со всеми их очевидными недостатками и слабостями — являются единственными надежными партнерами Соединенных Штатов, разделяющими американские ценности и американское бремя»[2].

6. При любом стечении обстоятельств сохранить ныне огромное военно-технологическое превосходство США. Даже в войне в Афганистане американцы *не делились* военными секретами с ближайшими военными союзниками. Информация американской военной разведки не поступала, скажем, в Германию или Францию.

Потенциал атлантизма

В ряде европейских стран очевидным образом преобладает стремление сохранить трансатлантические узы — им отдается предпочтение перед не проверенными еще вариантами западноевропейской самостоятельности. Речь идет о странах, где атлантизм сильные позиции — Британия, Нидерланды, Норвегия, Португалия. Сюда начинают примыкать новообразованные балтийские страны и «новички» натовской организации — Польша, Чехия, Венгрия.

. Из разных углов Европы выражается мнение, что у ЕС еще долго не будет общих органов, что в игру сверхдержав Брюссель вмешается еще очень не скоро. «Европейские граждане ныне не доверяют своим правительствам, они уже не готовы умирать за свои правительства. Индивидуализм и потребительская этика трансформировали западноевропейских граждан в летаргических индивидуалистов, возлагающих надежды на «мировое сообщество» (т. е. на Соединенные Штаты) в случае необходимости гасить пожар в одном из углов огромного мира... Они ценят богатство и благосостояние, а не способность вести боевые действия. В своем новом окружении традиционные заботы, такие, как защита гра-

[1] *Everts S.* America and Euroland («World Policy Journal», Winter 1999/ 2000, p. 7).

[2] *Wallace W.* and *Zielonka J.* Misunderstanding Europe («Foreign Affairs», November-December 1998, p. 67).

365

ниц, национальная идентичность, государственный суверенитет, подчинены стремлению к процветанию, демократическому правлению и индивидуальному благосостоянию»[1]. В грядущие десятилетия не следует ожидать возникновения Европы концентрических кругов, где одни страны находятся в центре, а другие — на периферии. «Система безопасности будет напоминать олимпийский флаг — круги на нем налагаются друг на друга. Здесь не будет одного центра. А будет несколько центров, три или четыре — и здесь не будет периферии»[2]. Всякий, кто постарается рассмотреть «великий проект» европейского строительства, будет сбит с толку — его попросту нет.

В ходе войны против терроризма западноевропейцы узнали то, что японцы осознали во время войны в Заливе в 1991 г.: что экономическая мощь — это одно, а политическое и военное могущество — другое, и они далеко не всегда конвертируются друг в друга. Европейский союз — большая величина на переговорах во Всемирной торговой организации или в битве многонациональных корпораций, но он невелик по значимости в мировой геополитике. Япония ничего не могла сделать против Саддама Хусейна, захватившего в 1990 г. Кувейт, пока в дело не вмешалась могучая Америка. Западноевропейцы фактически расписались в своем бессилии в экс-Югославии, пока американцы в 1995 г. не взяли инициативу в Боснии, а в 1999 г. в Косове. Даже генеральный секретарь Североатлантического союза лорд Робертсон позволил себе назвать Западную Европу «пигмеем». Базируясь на вышеназванных

основаниях, Америка надеется еще долго так или иначе контролировать европейские (а это значит во многом и мировые) процессы. Непосредственные задачи США на обозримое будущее — сохранить свой военный контингент в Европе, предотвратить принятие Европейским союзом политических и военных функций, предотвратить экономическое отчуждение.

Должно ли американское руководство открыто выражать свое недовольство ограниченностью возможностей своих европейских партнеров? Дж. Ньюхауз полагает, что предпочтительнее не обострять пункты разногласий: *«Вашингтону не следует высказывать свои опасения открыто; если он будет прямо выражать свои опасения, то вызовет прямые обвинения в стремлении сохранить Европу разделенной»*[3].

[1] *Ham P. van, Grudzinski P.* Aaffluence and Influence. The Conceptual Basis of Europe's New Politocs («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 84).

[2] Ibid., p. 87.

[3] *Newhouse J.* Europe Adrift. New York, 1997, p. 114.

366

Просто ли обеспечить контроль?

Обеспечить контроль над европейским развитием всегда было непросто для США — ведь органическое единство никогда не было стабильной характеристикой Запада. После снятия пресса «холодной войны» Старый Свет теряет основание прежней солидарности с Новым, ослабевает прежняя объединительная скоба. Смогут ли США гарантированно воздействовать на важнейший регион?

Двумя главными средствами непосредственного насильственного воздействия Соединенных Штатов на другие страны являются экономические санкции и военное вмешательство. Но, как характеризует эти рычаги С. Хантингтон, *«санкции могут быть эффективным средством воздействия только в том случае, если их поддерживают и другие страны, а гарантии этого, увы, нет»*. Что же касается военного вмешательства, то *«платя относительно низкую цену, Соединенные Штаты могут осуществить бомбардировку или запустить крылатые ракеты против своих противников. Но сами по себе такие меры недостаточны. Более серьезное вооруженное воздействие должно отвечать трем условиям: оно должно быть легитимизировано международными организациями, такими, как Организация Объединенных Наций, где русские, китайцы и французы имеют право вето; оно требует подключения союзников; наконец, оно предполагает готовность американцев нести людские потери. При этом, если даже Соединенные Штаты согласятся выполнить все три условия, их вооруженное вмешательство рискует вызвать критику внутри страны и мощное противодействие за рубежом»*[1].

Возможно, наиболее сильным аргументом и инструментом Америки явится то, что большинство западноевропейцев пока не желает ухода американских войск из региона. *«Во время растущей неясности и переменчивости (Западная) Европа не имеет адекватной альтернативы американскому военному присутствию и лидерству. Продолжающееся американское присутствие в Германии предотвращает ренационализацию обороны в Западной Европе и дает Центральной Европе определенные гарантии в отношении Германии и России»*[2]. *Напомним, что сугубо западноевропейские попытки решить боснийскую проблему оказались тщетными, и в конечном счете именно Америке пришлось мобилизовать свои вооруженные силы и дипломатию. И в случае с Косовом США продемонстрировали силу*

[1] *Huntington S.* The Lonely Superpower («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 39).

[2] Reflections on European Policy. Policy Paper. CDU/CSU Parliamentary Group. Bundestag, Bonn, September 1, 1994.

367

блока, чтобы угрозы НАТО не оказались «пустыми словесами» и блок не потерял престижа наиболее эффективной западной организации. В этом историческом контексте европейские союзники Соединенных Штатов еще не видятся пока эффективными конкурентами, способными предложить альтернативу безусловному преобладанию Америки.

Да, имея вооруженные силы в 1,8 млн. военнослужащих (против 1,4 млн. в США), тратя на солдата 20 тыс. долл. в год против 59 тысяч в США, Европейский союз *мог бы больше* участвовать в американской «мировой вахте», мог бы активнее помогать стране-гегемону держать контроль по всем азимутам. У Европы будут свои трудности, которые поглотят значительную долю ее энергии. Согласно данным ОЭСР, стареющая Европа будет в грядущие 25 лет чрезвычайно нуждаться в 35 миллионах представителей молодой рабочей силы, а к 2025 г. — в 150 миллионах новых рабочих. К 2030 г. государственные пенсионеры будут получать 5,5% ВНП в Британии, 13,5% во Франции, 16,5% в Германии, 20,3% в Италии. (В США на эти цели будет тратиться лишь 6,6%.)[1]. Не должно быть геополитического обольщения — скорее всего Брюссель в ближайшие десятилетия будет столицей не мощного единого государства, а весьма рыхлой европейской конфедерации. Торговля в пределах ЕС вырастет. Но достигнет естественных пределов: англичане не хотят отдавать свои деньги в германские банки. Тысячу лет продолжаются усилия по европейскому сплочению, и вопрос так и не получил окончательного решения. Из Вашингтона достаточно отчетливо видны экономические и интеграционные сложности союзников. Сенатор Джесси Хелмс в свое время привел такую метафору: *«Европейский союз никак не может выбраться из мокрого бумажного пакета»*. Поэтому не следует слишком рассчитывать на глобальную помощь Европы, достаточно иметь ее нейтралитет и контроль над значительной долей Евразии.

Вашингтон склонен усилить значимость своего военного союза с Японией и в целом несколько повернется к Азии. Не Европа видится частью политических сил в Вашингтоне главным экономическим партнером Соединенных Штатов. Главный представитель США на международных экономических переговорах предсказывает, что к 2010 г. Азия и Латинская Америка (именно в этом порядке) будут главными экономическими партнерами Америки. Европа будет оттеснена на третье место[2].

И без Западной Европы мощь США достаточна для присмот-

[1] «The National Interest», Summer 2000, p. 23.

[2] *Blackwill R.* and *Archnik K.* U.S. — European Economic Relations and World Trade. N.Y., 1998, p. 7.

ра над основными процессами. США расходуют на оборону 4 % своего валового национального продукта, а Франция и Британия — по 3,1%, ФРГ — 1,7%. Европейские члены НАТО расходуют на военные нужды лишь 66% суммы американского военного бюджета[1]. В Ираке и Косове объем ударов США и западноевропейских стран НАТО находился в соотношении 9:1. Будущее зависит от американской мощи, а не от узкого западноевропейского мыса Евразии.

Перспективы

Два сценария видятся реалистичными для развития событий в XXI веке.

Первый сценарий: процесс расширения Европейского союза продолжается, но идет с крайними трудностями —Европа превращается в структуру с многими уровнями (различные скорости интеграции), где поступательное движение сохраняется фактически лишь на верхнем уровне. Даже в этом случае избежать противоречий между двумя берегами Атлантики будет весьма сложно. Можно смело предсказать проявления сугубо культурных различий как на уровне элит,

так и в контактах населения обоих регионов, результатом чего будет постепенное взаимоотчуждение двух регионов. И в этом случае ЕС будет роковым образом ослаблен в проведении глобальной политики. *Но не откажется от достижения этой цели абсолютно.*

Второй сценарий: Европа, несмотря на все трудности, превращается фактически в централизованную державу, способную отстаивать свои позиции в мире, осознающую, что она — единственный реальный и возможный соперник Соединенных Штатов (если речь идет об историческом пространстве в три или четыре десятилетия). Ее экономика сохранит сравнимые с американскими размеры (увеличивающиеся по мере приема новых членов), ее технология будет находиться на сравнимом с американским уровне, ее дипломатические традиции позволят ей успешно маневрировать в хаотическом мире. В ее состав будут продолжать входить две ядерные державы со значительным запасом ядерного оружия и софистичными средствами доставки. В ее распоряжении будут значительные обычные вооруженные силы, экипированные почти на американском уровне и имеющие опыт взаимодействия друг с другом[2]. При реализации *второго* сценария — формирование факти-

[1] «Foreifn Affairs», November-December 1998, p. 72.

[2] *Bell C* American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 54).

369

чески нового огромного европейского государства — ЕС возобладает на континенте, а роль США резко ослабнет. Брюссель увидит мировые горизонты. Этот, *второй,* вариант развития беспокоит США более всего. Это кратчайший путь лишиться гегемонии. Столкновение интересов может быть купировано лишь появлением *третьей,* враждебной всему Западу силы. Или хладнокровным разделом мира на зоны влияния. Или стимуляцией раскола среди европейцев — ведь любая гегемония прежде всего стремится *divide et impera.*

Но существует опасность того, что американские усилия разделить европейцев могут лишь подтолкнуть европейцев друг к другу. Ведь «даже наиболее проатлантические европейские правительства признают, что их первостепенный интерес сегодня лежит в солидарности со своими европейскими соседями. И если США окажут давление «сверх нормы», европейский выбор, — пишет У. Пфафф, — будет предопределен. Экономический интерес, а не фривольный выбор вызовет углубляющееся соперничество Европы и Соединенных Штатов на протяжении грядущих десятилетий; это соперничество будет сопровождаться конкурентной борьбой за экономическое и политическое влияние в остальном мире. В той мере, в какой европейская индустриальная и экономическая независимость окажутся в зоне угрозы из-за конкуренции, которая не знает ничего среднего между поражением и победой, под угрозой окажется европейская суверенность»[1].

Не исключая реализации любого из указанных сценариев, отметим наиболее реалистический поворот событий: *Западная Европа* несколько отходит от атлантического русла. Произойдет сближение более атлантически настроенной Британии с европейски самоутверждающейся Францией, а вместе они найдут общий язык с более умеренной Германией. Произойдет изменение в подходе к проблеме расширения Европейского союза на Восток: западноевропейцы начнут смотреть на Восточную Европу не как на «варварский Восток», а как на интегрированную часть Европы, чья дополнительная сила укрепит западноевропейские позиции визави США.

Век атлантического партнерства отступает, потому что *«страны Северной Атлантики, видимо, никогда не достигнут интеграции столь глубокой, как у европейцев, и не смогут реализовать призыв США синхронизировать*

межатлантическое сближение с западноевропейским»[2]. *В этом случае однополярность неизбежно увядает, уступая место новому — биполярному миру.*

[1] «World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 8.

[2] *Bergsten C.F.* America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 34).

370

Дрейфование в почти противоположных направлениях может становиться все. более опасным — «будет увеличиваться разрыв между словесными обещаниями государств сохранить мировой порядок и реальностью, главным смыслом которой будет то, что *глобализация создает чрезвычайно неблагоприятные условия для исполнения великой державой своих обязанностей, для реализации своих прерогатив. Именно в такой обстановке завершится второе американское столетие»*[1].

Так или иначе, но поведение США в значительной мере будет напоминать поведение Британии в конце девятнадцатого века. Америке нужно будет либо доказывать потенциальным соперникам свою полезность, делать уступки, либо вставать в оппозицию к этим соперникам. Америка будет вынуждена либо делиться властью над миром, создавать системы взаимных региональных интересов, уступать на региональном уровне, либо готовиться к суровым временам.

3. КИТАЙ

> Размеры изменения Китаем расстановки сил в мире таковы, что миру понадобится от 30 до 40 лет, чтобы восстановить потерянный баланс. На международную сцену выходит не просто еще один игрок. Выходит величайший игрок в истории человечества:
> *Ли Куан Ю, 1999*

Глобальное смещение

Есть много оснований согласиться с футурологом Дж. Несбитом, определившим подъем Азии как «безусловно, самое важное явление в мире». Такие эксперты, как Р. Холлоран, полагают, что подъем Азии «лишит Запад монополии на мировое могущество. Модернизация Азии навсегда переделает мир»[2]. Реальной становится перспектива, что XXI в. будет *азиатским* — после XX *американского* века и XIX — *европейского* века.

Между 1990 и 2000 годами доля Азии в повсеместно растущем

[1] *RieffD.* A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 14).

[2] *Naisbitt J.* Megatrends Asia: N.Y.,1995, p. 7.

371

мировом экспорте увеличилась с 21,8 процента до 26,7 процента[1].

К 2050 г. на долю Азии придется, если экстраполировать современные тенденции, примерно 57% мировой экономики. Из шести величайших экономик мира пять будут азиатскими. Согласно прогнозу ЦРУ, после Китая с 20 трлн. валового национального продукта второе место займут США — 13,5 трлн. долл. Далее идет Япония — 5 трлн., четвертое место — Индия, 4,8 трлн., затем Индонезия — 4,2 трлн., Южная Корея — 3,4 трлн. и Таиланд — 2,4 трлн. долл. И Азия не остановится на достигнутом: если в 1995 г. валовой национальный продукт Соединенных Штатов был равен совокупному продукту Японии, Китая, Индонезии, Южной Кореи и Таиланда, вместе взятых, то через двадцать пять лет американский валовой продукт (который удвоится за это время) будет составлять менее 40% общего продукта указанных стран[2].

В Азии обозначился лидер — после столетий своего рода летаргии Китай

поднимается на ноги, начав с 1978 г. впечатляющее вхождение в индустриальный мир. Конфуцианский мир цивилизации континентального Китая, китайских общин в окрестных странах, а также родственные культуры Кореи и Вьетнама именно в наши дни, вопреки коммунизму и капитализму, обнаружили потенциал сближения, группирования в зоне Восточной Азии на основе конфуцианского трудолюбия, почитания властей и старших, стоического восприятия жизни — т. е. столь очевидно открывшейся фундаменталистской тяги. Поразительно отсутствие здесь внутренних конфликтов (при очевидном социальном неравенстве) — регион лелеет интеграционные возможности, осуществляя фантастический сплав новейшей технологии и традиционного стоицизма, исключительный рост самосознания, поразительное отрешение от прежнего комплекса неполноценности. Он успешно совмещает восприятие передовой технологии со стоическим упорством, традиционным трудолюбием, законопослушанием и жертвенностью обиженного историей населения.

КНР представляет собой самую быстрорастущую экономику мира. Факты роста претендента на преобладание в Восточной Азии впечатляют. Соединенным Штатам понадобилось сорок семь лет, чтобы удвоить свой валовой продукт на душу населения. Япония это сделала за тридцать три года, Индонезия за семнадцать, Южная Корея за десять лет. Китайская экономика росла в последние два десятилетия со скоростью восемь процентов в год. По оценке Всемирного банка, китайская экономика уже

[1] World Trade Organization, 2002; «Newsweek», October 7, 2002, p. 22.

[2] *Halloran R.* The Rising East («Foreign Policy», Spring 1996, p. 3—21).

372

превратилась в четвертый мировой центр экономического развития наряду с США, Японией и Германией. В состав КНР вошел тринадцатый по объему торговый партнер Соединенных Штатов (24 млрд. долл. взаимного оборота) — Гонконг.

В 1950 г. на Китай приходилось 3,3% мирового ВВП, в 1992 г. уже 10%, а по прогнозам на 2025 г. — более 20%. По объему ВНП Китай, согласно прогнозам, обгонит Соединенные Штаты уже в первые десятилетия наступившего века[1]. Импорт «Большого Китая» (КНР, Гонконг, Тайвань) составил в 2002 г. 630 млрд. — значительно больше, чем у Японии (521 млрд. долл.). (Отметим торговый дефицит США в товарообмене со *всеми* странами Азии.) Валютные резервы Китая составляют 91 млрд. долл., уступая в мире по этому показателю только Японии и Тайваню. Отметим огромное положительное сальдо торгового баланса КНР в торговле с США — импорт из Китая «отнимает» у США 680 тыс. рабочих мест.

К 2020 г., согласно американским прогнозам, Восточная Азия будет производить более 40 процентов мирового валового продукта. По оценке разведывательного сообщества США, через два-три десятилетия Китай превзойдет США по объему валового продукта, достигнет значительных высот в военной технологии, обзаведется своей зоной влияния в наиболее динамично растущей зоне — восточноазиатской, бросающей вызов экономико-геополитический гегемонии единственной сверхдержавы.

При этом китайцы смотрят на карту, значительно превосходящую карту собственно КНР, к китайской цивилизации они относят не только собственно континентальный Китай. С их точки зрения, все имеющие китайскую кровь, принадлежащие к одной расе, имеющие одну кровь и выросшие в одной культуре, являются членами одного китайского сообщества и в той или иной степени подопечны китайскому правительству. Прежде всего это китайцы Тайваня и Сингапура, китайские анклавы в Таиланде, Малайзии, Индонезии и Филиппинах; некитайские по крови меньшинства Синьцзяня и Тибета и даже «дальние

конфуцианские родственники» — корейцы и вьетнамцы. Китайская диаспора чрезвычайно влиятельна в регионе.

Китай получает весомую экономическую и политическую поддержку со стороны богатых и влиятельных диаспор в Сингапуре, Бангкоке, Куала-Лумпуре, Маниле, Джакарте. Конфуцианский мир Китая и китайских общин в окрестных странах обнаружил потенциал взаимосближения. Общие активы 500 самых

[1] *Betts R., Christensen Th.* China: Getting the Questions Right («The National Interest», Winter 2000/01, p. 8).

373

больших принадлежащих китайцам компаний в Юго-Восточной Азии 540 млрд. долл. Ныне китайцы составляют десять процентов населения Таиланда и контролировали половину его валового продукта; составляя треть населения Малайзии, китайцы-хуацяо владеют всей экономикой страны; в Индонезии китайская община не превышает трех процентов населения, но контролирует 70 процентов экономики. На Филиппинах китайцев не больше одного процента, и на них же падает не менее 35 процентов промышленного производства страны. Китай явственно становится центральной осью «бамбукового» сплетения солидарной, энергичной, творческой общины, снова увидевшей себя «срединной империей».

За последние десять лет китайский экспорт в США увеличился феноменально, в пять раз. Экономические и политические амбиции нового Китая уже ощутимы в Юго-Восточной Азии, Центральной Азии, на Дальнем Востоке, в акватории Южно-Китайского моря. В начале XXI в. Китай начал фактически возглавлять общеазиатский торговый блок, и напрямую встал вопрос, кто определяет условия экономического развития самого растущего региона мира. Гонконг внутри и хуацяо вовне стали новыми мощными инструментами растущего китайского могущества.

Неоспоримо, что Китай получает значительную прибыль от торговли с Соединенными Штатами. Но это ничего не гарантирует. Как пишут Р. Бетс и Т. Кристенсен, «КНР, возможно, не желает убивать курицу, несущую золотые яйца, но не хотят убивать ее и Соединенные Штаты и Тайвань. Почему тогда Пекин должен быть более склонен к отступлению, чем Вашингтон и Тайбей?»[1]. Взаимозависимость делает политический конфликт игрой, в которой каждая сторона ожидает от противостоящей, что та уступит, в результате чего происходит движение не к компромиссу, а к столкновению. К тому же твердая позиция может быть существенной для выживания политического режима, в то время как сторонние наблюдатели смотрят на то, что они калькулируют как «национальные интересы» Китая. В любом случае американские эксперты сходятся во мнении, что Соединенные Штаты не могут довольствоваться только экономическими стимулами для достижения геополитических целей[2].

Политическая картина в конце XX в. в КНР никак не напоминает 20-е гг. с их господством провинциальных генералов.

[1] *Belts R., Christensen Th.* China: Getting the Questions Right («The National Interest», Winter 2000/01, p. 12).

[2] *Rozman G.* A New Sino-Russian-American Triangle? («Orbis», Fall 2000, p. 550).

374

В Пекине нет чуждой маньчжурской династии, Китай не унижен соседями. Традиции строгой централизации государственной власти сильны как никогда. В то же время 72% населения — крестьяне, живущие в сельской местности, начали избирать своих руководителей — критически важный факт. Экспортно-мощная провинция поставляет треть своих товаров на национальный рынок — мощный якорь против сепаратизма. Внутренняя миграция также укрепит национальное единство.

Потенциал противостояния

Два подхода проявляют себя в республиканской администрации, когда речь заходит о Китае. *Первый* предполагает введение огромной страны в систему международных отношений, посредством которых — Всемирная торговая организация, Совет Безопасности ООН, Мировой банк, Международный валютный фонд и др. — КНР будет введена в дисциплинирующую систему мировых взаимосвязей, солидарных отношений. Понимание в Пекине прибыльности участия в мировой торговле, желание сохранить свой сегмент богатейшего — американского рынка, должны, по мысли представителей этого направления в администрации Буша, сделать китайскую протосверхдержаву дисциплинированным партнером Америки в сохранении того положения, которое обеспечивает ей мировое доминирование.

Второе направление меньше верит в благотворное воздействие общих организаций и учреждений, созданных в далекую иную эпоху. Оно более решительно, если не сказать брутально. Оно не призывает вторгнуться и поставить под прямой контроль 1,3 млрд. населения, но оно и не согласно удовольствоваться розовой водицей благих фантазий, основанных на вере в действенность старых организаций. Следует так или иначе содействовать изменению политического строя последней коммунистической державы. И не следует увлекаться «примирением» Китая, когда он «раньше времени» начнет самоутверждаться в Восточной Азии, где американские войска стоят в Южной Корее и Японии, где Седьмой флот бороздит воды поблизости от таящего опасности Тайваньского пролива. Старая геополитическая игра берет свое, полагаться на либеральные благоглупости не стоит.

Администрация Дж. Буша пришла к власти, будучи обеспокоенной потенциальным подъемом Китая. Апрель 2001 г. (инцидент со сбитым американцами китайским самолетом) рассеял многолетний словесный туман и внес несколько большую ясность во взаимоотношения самой мощной державы современности и державы самой населенной. Словно холодный душ пролился на прежние уверения во взаимном уважении, приятии, общем

375

будущем. Выявилась новая истина современных международных взаимоотношений: Соединенные Штаты Америки жестко оценивают желание Китайской Народной Республики быть лидером своего региона и постараются сделать многое, чтобы воспрепятствовать появлению в наиболее индустриально развитой зоне совсем недалекого грядущего — в Восточной Азии и тихоокеанском регионе в целом державы, чей вес и потенциал позволяет претендовать на лидерство до масштабов гегемонии..

Даже наличие в настоящее время положительного сальдо торговли КНР с США (оно составляет 80 млрд. долл. и позволяет Китаю покупать в мире все — включая, разумеется, практически последние модели российской военной техники) не сдержало китайской жесткости в отношении США. События 2001 г. оттенили мнение американского академического сообщества, мнение экспертов, что «вызов, представляемый растущим Китаем, являет собой главную проблему американской внешней политики... Гораздо более вероятно, что Соединенные Штаты окажутся в состоянии войны с Китаем, чем с любой другой крупной державой»[1].

Такие обстоятельства, как бомбардировка американцами китайского посольства в Белграде, а также публикация доклада Комиссии Кокса о китайском атомном шпионаже, вызвали обострение американо-китайских отношений[2]. Характерно то, как китайцы реагировали на бомбардировку своего посольства в Белграде: началась подписка на средства, которые позволили бы Китаю приобрести свой первый авианосец[3]. В США популярной становится точка

зрения, что самые опасные схватки будущего возникнут, скорее всего, из противостояния друг другу западного высокомерия, исламской нетерпимости и китайского самоутверждения[4].

В следующем десятилетии, пишут американские специалисты, «не Россия или некое государство-пария, а Китай, принявший на вооружение новую ядерную политику, станет главным предметом забот Америки. КНР модернизирует свой ядерный потенциал уже в течение 20 лет и будет продолжать движение в этом направлении, несмотря на противодействие других стран...

[1] *Bens R., Christensen Th.* China: Getting the Questions Right («The National Interest», Winter 2000/01, p. 7).

[2] *Carpenter T.* and *Dom J.* (eds.) China's Future. Constructive Partner or Emerging Threat? Cato Institute, 2000.

[3] *Lanxin Xiang.* The Chinese Military: Problems of Modernization. PSIS Ocasional Papers, № 3, Geneva, 1999.

[4] *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.,1996, p. 183.

376

Война в Персидском заливе и бомбардировка Косова усилили китайскую обеспокоенность в отношении точно наводимого обычного оружия, способного уничтожить существующую у Китая способность нанесения второго удара»

Исходя из общего опыта мировой истории следует предвидеть стремление новой силы пересмотреть прежний баланс сил который сформировался в то неблагоприятное для Китая время, когда он был слаб. Китай провозгласил, что «стремление к многополярному миру является растущей тенденцией.. Китай готовит себя к роли одного из центров будущего многополярного мира»[1]

Складывается картина энергичного возвышения величайшей страны мира, до восемнадцатого века привыкшей быть «срединной империей» - центром мира, а затем на полтораста лет униженной западной экспансией. Страной молодых, целеустремленных, жертвенных людей, готовых повторить путь Японии как ровни мировому авангарду. Известный американский исследователь Р. Холлоран отмечает «оживший в Китае менталитет Срединного Царства, в котором прочие азиаты видятся существами низшего порядка, а представители Запада - варварами»[2] Американский аналитик Д. Каллео отмечает, что «сегодня Китай является претендентом на роль сверхдержавы уже в близком будущем Со своим огромным, энергичным и одаренным населением будучи впервые с девятнадцатого века объединенным, Китай совершенно определенно находится на подъеме»[3]. На этом пути так или иначе — в Тайваньском проливе, при вступлении в ВТО в отношении к Тибету, в оценке внутренних процессов Китая на пути Пекина стоит Америка. Подъем Китая начинает напоминать дестабилизировавший мировую систему бросок Германии на рубеже XIX-XX вв. Американцы Р. Бернстайн и Р. Манро квалифицируют подъем Китая как «наиболее трудный вызов Китай представляет собой мощную экономику и впечатляющую военную силу. Происходит рост китайского влияния в Азии и в мире в целом. Китай предусматривает для себя глобальную роль»[4]

Кардинальный по значимости факт - окрепший Китай просто восстанавливает потерянное в начале восемнадцатого века положение безусловного лидера Восточной Азии. И после сверхиндустриализации 80-90-х годов китайцы сумели сохранить вер-

[1] «The National Interest», Summer 2000, p, 35

[2] *Halloran R.* The Rising East («Foreign Policy», Spring 1996, p. 17).

[3] *Calleo D.* The United States and the Great Powers («World Policy Journal», Fall 1999, p. 11).

[4] *Bernstein R.,Munro R.* The Coming Conflict with China N Y 1997 p. 19.

377

ность конфуцианской культуре, не изменяя своему прошлому, национальным традициям, самоуважению. Возможно, Америке придется убедиться, что конфуцианство, помноженное на современную технологию и менеджмент, —

страшное оружие противодействия любой форме внешнего диктата. В любом случае почти очевиден вывод, что Китай начал успешно совмещать передовую технологию со стоическим упорством, традиционным трудолюбием, законопослушанием и жертвенностью обиженного историей населения. США активно содействовали модернизации своего подлинного геополитического противника. Возможно, что Наполеон был прав, говоря, что Западу выгоднее, чтобы «Китай спал историческим сном».

Военный аспект

Пятьсот лет спустя после прихода Васко да Гамы в Индию (1498), вслед за экономическим самоутверждением начал смещаться баланс вооружений между Западом и Востоком. Десять азиатских стран вошли в мир баллистических ракет. Создаваемые рядом азиатских государств технологически совершенные системы потенциально угрожают западным позициям в Азии. Мир ступил не в эру «после «холодной войны», а в период «после Васко да Гамы», когда «западное военное превосходство тает по мере того, как индустриализация и новоприобретенное богатство Азии позволяют ей совершить военное обновление, которое внешней силе превозмочь будет чрезвычайно трудно»[1].

Мировые военные расходы стран мира сократились между 1987 и 2000 г. с 1,3 трлн. долл. до 840 млрд. долл., но эта мировая тенденция не касается Восточной Азии, которая за это же время увеличила свои военные затраты на 50% (с 90 до 135 млрд. долл.). Военные расходы Японии увеличились с 32,4 до 45,8 млрд. долл., Южной Кореи — с 7,9 до 11,5, Таиланда — с 2,3 до 3,8, Малайзии — с 1,3 млрд. до 2,1 млрд. долл. Но, конечно, наибольший скачок военных расходов произошел в КНР.

Новый Китай, полагают американские исследователи Р. Менон и Э. Вимбуш, «будет более склонным к проекции своей военной мощи за пределы своих границ для достижения желанных для себя целей. Мощь Китая будет расти в равной — или большей пропорции к ослаблению мощи Соединенных Штатов»[2]. Отме-

[1] *Bracken P.* The Second Industrial Age («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 149).

[2] *Menon R., Wimbush E.* Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 80).

378

тим впечатляющий скачок *военных* расходов КНР. Начиная с 1991 г. КНР увеличивала их на 17% в год, доведя, при оценке по официальному обменному курсу, до 40 млрд. долл. Большинство исследователей сходятся на том, что их цифра находится где-то между 28 и 50 миллиардами американских долларов — то есть в 4—7 раз превышает официальные цифры[1]. Лондонский институт стратегических исследований определяет эти расходы в 36 млрд. долл.[2] (а по реальной покупательной способности — до 90 млрд. долл.) За 1990-е годы китайцы удвоили свои военные расходы. НОАК находится в процессе постоянной модернизации. Впервые созданы мощные научно-исследовательские институты в сфере анализа внешнеполитического окружения. Основная статья расходов — *создание новых вооружений.* (КНР расходует по этой статье и доходы от продаж оружия противостоящим США странам — Ираку, Ливии, Сирии.) «В течение ближайшего десятилетия, — пишут Р. Менон и Э. Вимбуш, — высокоточные, обладающие большим радиусом действия ракетные системы станут доступными большинству главных стран региона; множество других систем вооружений драматически изменит нынешний баланс сил»[3].

НОАК создает мирвированные боеголовки, технологию *стелс*, нейтронную бомбу, дозаправляемую в воздухе авиацию, выказывает интерес к созданию современных авианосцев[4]. Западных специалистов особенно заботит ракетное оснащение Китая, поскольку «баллистические ракеты сводят на нет всю

стратегию выдвинутых вперед баз, предназначенных для удаленных боевых действий. Эти ракеты направлены на уязвимые места западных держав в Азии, которые до самого недавнего времени были неуязвимы для азиатских держав»[5].

Испытание ракеты ДФ-31 2 августа 1999 г. было своего рода предупреждением Вашингтону. Разрабатываемая ныне ракетная система ДжЛ-II предназначена для запуска с подводной лодки[6].

[1] «The National Interest», Fall 1999, p. 73.

[2] IISS, The Military Balance 1998—99. Oxford: Oxford University Press, 1998, p. 165-169.

[3] *Menon R., Wimbush E.* Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 79).

[4] Shen Zhongchang et al., 21st Century Naval Warfare (In: Pillsbury M. -ed. Chinese Views of Future Warfare. Washington: National Defense University Press, 1998, p. 261-274).

[5] *Bracken P.* Fire in the East. New York: Harper Collins, 1999, p. 48.

[6] *Kynge J., Fidler S.* China's Submarine-Launched Missile To Be Tested («Financial Times», June 3, 1999).

379

Мобильность китайских ракет позволяет им надеяться на выход из-под контроля американских спутников и прочих следящих устройств. (А Тайвань в случае атаки КНР будет в невероятно сложном положении, учитывая его островное положение и уязвимость морских путей. Тайваню в случае конфликта можно надеяться лишь на помощь Соединенных Штатов.) Не столь внушительные, если их сравнивать с американскими и российскими стратегическими ракетными силами, китайские стратегические силы (19 межконтинентальных баллистических ракет) все же могут нанести удар по Соединенным Штатам из бетонных шахт, расположенных в Западном Китае. Чтобы не быть нейтрализованными, китайцы создают более совершенные ракеты. Китайские стратегические ракетные силы находятся в процессе модернизации. На острие этих сил две новые ракеты — ДФ-31 и ДФ-41, имеющие твердотопливное запускающее устройство, оснащенные мирвированными боеголовками и способные достичь территории США.

Китай способен произвести до тысячи новых ракет в течение следующего десятилетия, и некоторые данные убедительно говорят о его способности производить 10—12 межконтинентальных баллистических ракет в год. Комиссия по национальной безопасности палаты представителей США (т. н. Комиссия Кокса) пришла к выводу, что к 2015 г. Китай будет способен «в агрессивной манере разместить до 1000 термоядерных боеголовок на своих межконтинентальных баллистических ракетах»[1]. По распространенному мнению, Китай догонит Америку в стратегических вооружениях через сорок пять лет[2].

В ответ на планы США по созданию системы ПРО Китай в октябре 1999 г. выделил дополнительные 9,7 млрд. долл. на свои стратегические силы. Если американцы разместят 200 перехватчиков на Аляске, «Китай может прийти к выводу, что это обеспечивает проникновение на его территорию, и наряду с другими мерами оснастит свои ракеты мирвированными боеголовками. Если Соединенные Штаты пойдут еще дальше и создадут широкий спектр запускаемых с воздуха, моря и космоса систем, тогда Китай пойдет на значительное усиление своих ударных возможностей... Китай скорее всего приступит к полномасштабному развитию мощных ядерных сил, разделяя мнение России и других критиков в том, что Соединенные Штаты не собираются останавливаться в развитии ПРО и намерены создать его полно-

[1] «Foreign Affairs», July/August 2000, p. 57.

[2] *Bell C.* American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 57).

380

масштабный вариант»[1]. Собственно, Китай рассматривает нынешнее стремление Вашингтона создать ПРО национального масштаба необратимым. В будущем

Китай предпочтет полнокровную программу ядерного вооружения любым попыткам договориться с американцами[2].

Ныне на вооружении армии КНР находятся 6 тыс. боевых самолетов, 9200 танков, 30 межконтинентальных баллистических ракет с разделяющимися боеголовками. По мнению Американской академии военных наук, к 2020 г. всеобъемлющая общенациональная мощь Китая уже сможет в определенной мере быть сравнимой с американской и превзойдет любую другую в мире[3]. Чтобы сохранить свою относительную энергетическую независимость, Китай будет упорно развивать военно-морской флот. Китайское строительство такого рода неизбежно обеспокоит такие морские страны, как Индонезия. Создается основа и арена военно-морской гонки XXI века. С другой стороны, Китай непременно будет искать надежные источники энергии в Центральной Азии. Он постарается ввести Казахстан и Киргизстан в сферу своего влияния (что, разумеется, не может понравиться Москве).

Китай изменил военную стратегию, переориентируя свои ВС с северного направления на южное, развивая при этом ВМС — планируя их оснащение авианосцем, совершенствуя способности дозаправки своих самолетов в полете, покупая истребители современного класса. КНР подняла вопрос о своем праве на острова Спратли, повторяя тезис о своем тысячелетнем владении ими. Китайские силы оккупировали остров Хайнань, превратив его в особую экономическую зону и создав на нем военно-морскую базу. В 1992 г. был принят «Закон Китайской Народной Республики о Внутреннем море (так стало называться Южно-Китайское море. — *А. У.)* и прилегающей зоне», создавший своего рода легальную базу для дальнейшего продвижения. Присоединившись в 1996 г. к Конвенции ООН по морскому праву, Пекин семикратно — на два с половиной миллиона квадратных километров — расширил экономическую зону в Южно-Китайском море. КНР своими военно-морскими маневрами как бы дала Тайваню ясный сигнал — не вовлекать США во внутрикитайские дела.

[1] *Roberts B., Manning R., Montaperto R.* China: The Forgotten Nuclear Power («Foreign Affairs», July/August 2000, p. 59).

[2] «Foreign Affairs», July/August 2000, p. 63.

[3] «Economist», July 31, 1999 (The Road to 2050).

381

Антиамериканское ожесточение

Идеология «Азия для азиатов» имеет долгую и устойчивую традицию. «Запад должен признать, что долгая эра контроля над Азией внешних для Азии держав — когда величайшая военная сила в Азии была не азиатской — быстро подходит к концу»[1]. Работа, семья, дисциплина, авторитет власти, подчинение личных устремлений коллективному началу, вера в иерархию, важность консенсуса, стремление избежать конфронтации, вечная забота о «спасении лица», господство государства над обществом (а общества над индивидуумом), равно как предпочтение «благожелательного» авторитаризма над западной демократией, — вот, по мнению восточноазиатов, «альфа и омега» слагаемых успеха в XXI веке. Появились идеологи «азиатского превосходства», призывающие даже Японию отойти от канонов американского образа жизни и порочной практики западничества, выдвигающие программу духовного возрождения, «азиатизации Азии» как антитезы западного индивидуализма, более низкого образования, неуважения старших и властей.

Новый мировой гигант уже сейчас смотрит на Запад без всякой симпатии. Более того, антизападничество и, прежде всего, антиамериканизм становятся частью национального самоутверждения и даже самосознания. У руководителей и интеллектуалов Китая складывается мнение, что после «благожелательности Запада» 70—80-х гг. в дальнейшем мир посуровел в отношении Китая, иссякло

желание помочь в его развитии.

В Пекине зазвучали аргументы о «теряющей влияние державе, отчаянно стремящейся предотвратить взлет Китая... Менталитет США не позволяет им отказаться от навязывания своей политики, которая нечувствительна к внутренним проблемам Китая»[2]. Ставшая бестселлером книга *«Китай может сказать нет»* призывает бороться с культурным и экономическим империализмом США, бойкотировать американские продукты, требовать компенсацию за такие китайские изобретения, как порох и бумага, ввести тарифные ограничения на импорт американских товаров, наладить союзные отношения с Россией на антиамериканской основе. В Пекине говорят о необходимости проведения нефтепроводов из Центральной Азии в Китай, с тем чтобы избежать возможности блокады Америкой и Японией морских путей

[1] *Bracken P.* The Second Industrial Age («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 156).

[2] *Lieberthal K.* A New China Strategy («Foreign Affairs», Nov.-Dec. 1995, p. 41).

382

доставки, т. е. избежать стратегической зависимости[1]. (Китай с 1993 г. стал «чистым» импортером энергии, он лидирует в растущем азиатском спросе на энергию и все более заинтересован в увеличении своей доли нефти из Персидского залива.)

В будущем Китай сам защитит себя после двухсот лет унижений. Дэн Сяопин был своего рода гарантом китайской сдержанности, после него сторонники «концепции самоутверждения» получают новый шанс. На китайском политическом горизонте не видно фигур прозападной ориентации, зато открыто проявляют себя сторонники жесткости. Такие действия США, как активизация вещания на «Радио Свободная Азия», раздражают руководство КНР, подходы США и Китая приходят в противоречие. В закрытом китайском документе 1992 г. говорится: *«Со времени превращения в единственную сверхдержаву США жестоко борются за достижение нового гегемонизма и преобладание силовой политики—и все это в условиях их вхождения в стадию относительного упадка и обозначения предела их возможностей»*. Закрытые партийные документы КПК характеризуют США как подлинного врага Китая. Президент КНР Чжао Цзыян заявил в 1995 году, что *«враждебные силы Запада ни на момент не оставили свои планы вестернизировать и разделить нашу страну»*. Министр иностранных дел КНР Цянь Цичень заявил перед ежегодным собранием лидеров АСЕАН в 1995 г., что США должны перестать смотреть на себя как на *«спасителя Востока... Мы не признаем посягательства США на роль гаранта мира и стабильности в Азии»*.

США, по мнению китайских лидеров, пытаются *«разделить Китай территориально, подчинить его политически, сдержать стратегически и сокрушить экономически»*[2]. *Начальник генерального штаба НОАК генерал Дзан Ваньян осудил «вмешательство американских гегемонистов в наши внутренние дела и их откровенную поддержку враждебных элементов внутри страны»*. Член Постоянного комитета Политбюро КПК Ху Интао обличил противника: *«Согласно глобальной гегемонистской стратегии США, их главный враг сегодня — КПК. Вмешательство в дела Китая, свержение китайского правительства и удушение китайского развития — стратегические принципы США»*. Его коллега по Политбюро Дин Гуанджен: *«США стремятся превратить Китай в вассальное государство»*[3]. *В аналитической работе «Может ли китайская*

[1] «Economist», July 31, 1999 (The Road to 2050).

[2] «New York Times», April 21, 1992, p. A10; «New York Times», August 1, 1995, p. A2.

[3] *Bernstein R.,Munro R.* The Coming Conflict with China. N.Y.,1997, p. 23-24.

383

армия выиграть следующую войну?» говорится: *«После 2000 г. Азиатско-Тихоокеанский регион постепенно приобретет первостепенное значение для Америки... Тот, кто овладеет инициативой в этот переходный период, завладеет*

решающими позициями в будущем... На определенное время конфликт стратегических интересов между Китаем и США был в тени. Но с крушением СССР он выходит на поверхность. Китай и США, фокусируя свое внимание на экономических и политических интересах в Азиатско-Тихоокеанском регионе, будут оставаться в состоянии постоянной конфронтации».

В 1993 г. группа высших офицеров Народно-освободительной армии Китая (НОАК) обратилась к Дэн Сяопину с письмом, требующим прекратить политику *«терпимости, терпения и компромиссов по отношению к США»*. В том же году общенациональное совещание представителей вооруженных сил и партии КНР приняло документ, осью которого, явилось следующее положение: *«Начиная с текущего момента главной целью американского гегемонизма и силовой политики будет Китай... Эта стратегия будет осуществляться посредством санкций против Китая с целью заставить его изменить свою идеологию и склониться в пользу Запада посредством инфильтрации в верхние эшелоны власти Китая, посредством предоставления финансовой помощи враждебным силам внутри и за пределами китайской территории — ожидая подходящего момента для разжигания беспорядков, посредством фабрикации теорий о китайской угрозе соседним азиатским странам — сеяния раздора между Китаем и такими странами, как Индия, Индонезия и Малайзия, посредством манипуляции Японией и Южной Кореей с целью склонить их к американской стратегии борьбы с Китаем»*. Решение США укрепить военные связи с Японией и Австралией было названо в Китае *«сдерживанием»*.

Пекин готов к «позитивному» и «негативному» вариантам будущего развития событий вокруг Тайваня, который Пекин твердо считает тридцатой провинцией КНР. *Первый* предполагал бы отказ США (и Японии) в поддержке стремления Тайваня к независимости — это облегчает сближение Пекина с Тайбеем. В этом случае новая стратегическая система в Восточной Азии не зависела бы от мощи США, их военного присутствия в Азии. *«Негативный»* вариант предполагает провозглашение Тайванем независимости от континентального Китая. В этом случае КНР готова увеличить свои военные усилия, более откровенно противостоять США в восточноазиатском регионе.

1 апреля 2001 г. произошло столкновение американского разведывательного самолета с китайским истребителем над террито-

384

риальными водами Китая. Самолет Китая исчез в морских волнах, а американский разведчик вынужден был приземлиться на китайском острове Хайнань. Последовала дипломатическая буря, в ходе которой официальный Вашингтон так и не выполнил категорическое требование Пекина принести официальные извинения по поводу гибели китайского пилота. А китайская сторона так и не выполнила требования Вашингтона возвратить самолет-шпион. Осложнение взаимоотношений привело к тому, что государственный департамент США рекомендовал американским гражданам воздержаться от поездок в КНР. На этом фоне Тайвань демонстративно запросил о возможности закупить новейшее американское оружие, и администрация Дж. Буша-мл. отнеслась к этой просьбе благосклонно. Нетрудно представить, что КНР также ускорит модернизацию своих вооруженных сил, в значительной мере связывая это с закупками военной техники у своего главного поставщика — России.

Именно в этом ракурсе смотрят китайцы на желание Вашингтона обзавестись противоракетным зонтиком. Китайцы воспринимают развертывание баллистической ракетной обороны как ключевой элемент американской стратегии «мягкого сдерживания» Китая и осуществления полицейских функций во всем мире. «Оппозиция Китая ракетной обороне основана на серьезной обеспокоенности в отношении возможности ядерного давления... С созданием

американцами противоракетной обороны китайские планировщики полагают, что — впервые с 1964 года — их страна оказалась уязвимой перед ядерным принуждением или шантажом»[1].

Строительство Америкой противоракетной обороны воспринимается Китаем как вызов и угроза его ядерному потенциалу[2]. Создание системы противоракетной обороны, как полагает 36. Бжезинский, «может спровоцировать интенсивную враждебность между США и Китаем»[3]. Единственный видимый ныне американцами выход — проведение с Китаем откровенных и серьезных переговоров[4].

«В Китае ожил, — пишет Р. Холлоран, — *менталитет Сре-*

[1] *Godwin P.* and *Medeiros E.* China, America, and Missile Defense: Conflicting National Interests («Current history», September 2000, p. 285).

[2] *Roberts B., Manning R., Montaperto R.* China: The Forgotten Nuclear Power («Foreign Affairs», July/August 2000, p. 53—54).

[3] *Brzezinski Zb.* Living With China («The National Interest», Spring 2000, p. 18).

[4] *Godwin P.* and *Medeiros E.* China, America, and Missile Defense: Conflicting National Interests («Current history», September 2000, p. 289).

дынного Царства, в котором другие азиаты видятся как существа низшего порядка, а представители Запада как варвары»[1]. *К. Либерталь из Мичиганского университета полагает, что «китайские лидеры обратились к национализму, чтобы укрепить дисциплину и поддержать политический режим»*[2]. Западные аналитики начинают сравнивать подъем Китая с дестабилизирующим мировую систему выходом вперед кайзеровской Германии на рубеже XIX—XX веков. О подъеме Китая как стратегическом мировом сдвиге говорят геополитики Р. Эллингс и Э. Олсен: *«Китай рассматривает себя в качестве естественным образом доминирующей державы Восточной Азии, что бы китайцы ни говорили. Китай следует этой политике шаг за шагом, и в отличие от Японии, оказывающей преимущественно экономическое влияние, он по мере того, как становится сильнее, стремится осуществлять, помимо экономического, политическое влияние»*[3].

Специализирующиеся по Китаю Р. Бернстайн и Р. Манро в книге *«Грядущий конфликт с Китаем»* квалифицируют подъем Китая как *«наиболее трудный вызов, потому что в отличие от СССР Китай не представляет собой могучей военной державы, основанной на слабой экономике, а мощную экономику, создающую впечатляющую военную силу. Ключом является постоянный рост китайского влияния повсюду в Азии и в мире в целом. Глобальная роль, которую Китай предусматривает для себя, связана с подъемом соперников Запада, антагонистичных США»*[4].

Дж. Модельски и У. Томпсон предупреждают: «Китайские лидеры видят в Соединенных Штатах сверхдержаву, вступающую в полосу упадка, но полную решимости сдерживать находящийся на подъеме Китай. Они бросят вызов интересам и позициям Соединенных Штатов в Восточной Азии, их военному и военно-морскому присутствию в западной части Тихого океана. Китайцы уже проявили себя на этом направлении в 1996—1999 гг. в ходе спора по статусу Тайваня, демократии в Гонконге, будущего Тибета, объединения Кореи и контроля над островами в Южно-Китайском море»[5]. По мнению американских специалистов, лю-

[1] *Halloran R.* The Rising East («Foreign Policy», Spring 1996, p. 17).

[2] *Lieberthal K.* Governing China: From Revolution through Reform. N.Y.,1995, p. 6.

[3] *Elling R., Olsen E.* A New Pacific Profile («Foreign Policy», Winter 1992-1993, p. 122).

[4] *Bernstein R., Munro R.* The Coming Conflict with China. N.Y., 1997, p. 19.

[5] *Modelski G., Tompson W.* The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach («International Studies Review». Summer 1999, p. 133).

бое противодействие однополюсному миру «сможет послужить сборным пунктом противников статус-кво в Азиатско-Тихоокеанском регионе, равно как и среди прочих недовольных современной системой во всем мире»[1]. При этом «в Пекине полагают, что у Соединенных Штатов не хватит национальной воли вступить в войну против Китая ради спасения Тайваня»[2]. Сомалийская аналогия, когда американцы покинули Могадишо, потеряв 18 морских пехотинцев, весьма популярна среди китайцев. И потом, даже воюя с Китаем в Корее три года (1950—1953 гг.), Вашингтон не рискнул нанести удар по Китаю. А ведь у Китая тогда не было ядерного оружия.

Что более всего возбуждает китайскую сторону, так это вольная или невольная поддержка Соединенными Штатами сепаратизма китайских территорий. Случай с Тайванем широко известен и одиозен. Такую же реакцию в Китае вызывает поддержка американцами тибетского сепаратизма. Центральное разведывательное управление США оказывало сепаратистам здесь прямую поддержку, о которой китайцам достаточно хорошо известно[3]. Китайцы жестко выступают против признания за Соединенными Штатами, как за глобальным гегемоном, права вторгаться в этнические проблемы.

Директор Института США Китайской академии наук (и бывшая переводчица Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая) Зи Зонгуан постаралась дать двусторонним отношениям обобщенную оценку: «В прошедшем десятилетии мы видели в американо-китайских отношениях больше спадов, чем подъемов. Их можно назвать *хрупкими*... Главным фактором здесь является американское отношение к превращению Китая в модернизированную, относительно сильную страну... Хотя официальные заявления остаются одними и теми же, по-прежнему стоит вопрос, до какой степени сильный Китай позволителен в сознании американцев. Америке кажется, что Китай развивается слишком быстро и его становится все труднее контролировать. Другими словами, ускорение китайской модернизации не всегда может видеться благоприятным для американских интересов. Многие в Китае полагают, что Америка вооружилась новой формой политики сдерживания, что она желает создать потолок китайскому развитию... В пользу этого говорит американская интерпретация американо-японского до-

[1] Ibidem.

[2] *Betts R., Christensen Th.* China: Getting the Questions Right («The National Interest», Winter 2000/01, p. 26).

[3] *Mann J.* How the CIA Tried, and Failed, to Protect Tibetans' Rights («International Herald Tribune», July 7, 1999).

387

говора безопасности и инициированный Соединенными Штатами проект противоракетной обороны театра военных действий в западной части Тихого океана»[1].

Этот китайский специалист, выступая в США, отметила растущее желание Америки сохранить преобладающее влияние в определении глобального развития в наступающем столетии. «Идея Pax Americana встроена в американское стратегическое мышление. Факт роста Китая рассматривается как потенциальный вызов американским стратегическим намерениям... Соединенные Штаты взяли на себя роль не только полицейского, но и судьи. Но кто будет судить о поведении самой Америки?»[2]

Понимание проблемы

69 процентов «простых» американцев и 97 процентов «лидеров» полагают, что через десять лет Китай будет играть значительно более важную роль. «Политически активные» американцы считают Китай самой важной страной для США. 57% и лидеров и общества в целом полагают, что китайское развитие

затрагивает американские интересы[3]. Уже сейчас китайский язык становится самым популярным языком в американских научных лабораториях[4].

Складывается впечатление, что чем быстрее растет Восточная Азия, тем с меньшей охотой западный мир готов приветствовать этот рост. В вопросе о преобладании в Азии ни США, ни КНР не готовы уступить. «Китайская долговременная цель регионального лидерства, если не превосходства, представляет собой прямую угрозу доминирующей роли Америки в регионе»[5]. КНР будет стремиться вовлечь в свою орбиту непосредственных соседей и ослабить американское влияние в своем регионе.

Китай не свободен от ошибок, а внешний мир может испытать испуг перед неожиданным использованием новой грандиозной мощи. Встает вопрос, всегда ли США будут готовы предоставлять китайцам и японцам свой рынок? Уже появились отчетливые сомнения: «По мере того как США начнут ощущать угрозу азиатского экспорта, они начнут воздвигать таможенные барьеры.

[1] *ZiZhongyun.* U.S. — China Relations. Breaking a Vicious Circle («World Policy Journal», Fall, 1999, p. 119).

[2] Ibid., p. 120.

[3] «Foreign Policy», Spring 1999, p. 110.

[4] «Foreign Affairs», May/June 2000, p. 134.

[5] *Schwenninger S.* American Foreign Policy in the Post-Cold War World («World Policy Journal», Summer 1999, p. 60).

388

Это произойдет достаточно мирно, когда речь идет о политическом союзнике — Японии. Китай, единственный потенциальный соперник в борьбе за мировое лидерство, не может рассчитывать на такую благожелательность»[1]. Американцы подчеркивают, что они *ничего* не должны Китаю.

Представители «реальполитик» в США попросту говорят, что «экономическая мощь неизбежно будет переведена в военное могущество, а могущество генерирует экспансию»[2]. С этой точки зрения интересы Вашингтона и Пекина противостоят друг другу в Восточной Азии, в Китайском море, по поводу Тайваня, судьбы двух Корей, американского союза с Японией, присутствия американских войск в регионе, постоянные рейсы американских военно-морских сил поблизости, давление США по вопросу гражданских прав — все эти проблемы, так или иначе, ведут к обострению двусторонних отношений и взаимному озлоблению. Именно КНР видится потенциально мощным противником Америки.

Так, К. Либерталь утверждает, что *«сильный Китай неизбежно представит собой главный вызов США и остальной международной системе»*[3]. *Р. Бернстайн и Р. Манро приходят к выводу, что «скоро Китай превратится во вторую по мощи державу мира и будет не стратегическим партнером США, а их долговременным противником»*[4]. *Колин Грей предупреждает, что «формирующаяся китайская сверхдержава в силу своих размеров, характера территории, населения, социальных традиций и места размещения меняет мировое соотношение сил. И китайское позитивное или негативное влияние на мировую систему не может быть переоценено»*[5]. *Складывается впечатление, что Вашингтон «не смог с должным вниманием воспринять рождение Китая как сверхдержавы»*[6]. *США должны противостоять Китаю в главных спорных (для Китая) пунктах — в Тибете и в Южно-Китайском море.*

Американские специалисты подчеркивают, что « *Тибет никогда не был провинцией Китая и не был в положении данника, не был*

[1] Ibid., p. 161.

[2] *Betts R., Christensen Th.* China: Getting the Questions Right («The National Interest», Winter 2000/01, p. 12).

[3] *Lieberthal K.* A New China Strategy («Foreign Affairs», Nov.-Dec. 1995, p. 36.

[4] *Bernstein R., Munro R.* The Coming Conflict with China. N.Y., 1997, p. 12.

[5] *Colin S.Grey*. How Geography Still Shapes Security («Orbis», Spring 1996, p. 26).
[6] «The Bulletin of Atomic Scientists», Jan.-Feb. 1997, pp. 18—19.

389

вассалом имперского Китая»[1]. Еще более открыто антикитайскую позицию занимают многие американские специалисты в отношении архипелага Спратли и Парасельских островов. США должны присутствовать здесь и опираться на антикитайские силы. *«В Южно-Китайском море должно осуществляться (также как и в Тайваньском проливе) постоянное военное присутствие США. Седьмой флот должен быть значительно укреплен, чтобы гарантировать свободное плавание через Южно-Китайское море и на всех морских путях Юго-Восточной Азии»*[2]. *Такие специалисты, как Э. Фогель, полагают, что США должны перманентно расположить 7-й флот между Тайванем и КНР и осуществлять открытую военную поддержку Тайваня.*

«Стремительно растущая способность бросить вызов американским интересам в Восточной Азии, а не способность угрожать континентальным Соединенным Штатам угрожает вовлечением Америки в военную конфронтацию в грядущие годы»[3]. Китаю не нужно обладать способностью победить США на Гавайских островах или в Персидском заливе. «Другое дело, когда боевые действия будут происходить в провинции Сычуань или в Тайваньском проливе. Каждый, кто думает, что конфронтация в *этих* местах будет простой прогулкой для вооруженных сил США, не понимает характера угрозы, которую представляет для Америки вызов, бросаемый НОАК американцам вблизи китайских берегов, не представляет себе, как трудно было бы Соединенным Штатам вести операции так далеко от дома... На своей территории Китай будет страшным противником»[4].

Стратегия Америки

Задачи США на XXI век можно в самом простом виде обрисовать так: замедлить возвышение Китая, не допустить превращения Китая в регионального лидера той части планеты, которая обещает быть центром мирового экономического развития. На определенном этапе эволюции Китая американцам придется пересмотреть свою китайскую политику в свете того, что китайцы приближаются к такому уровню развития своих ядерных сил, который так или иначе заставит США перейти в отношении Китая

[1] *Johnson Ch.* The Chinese Way («The Bulletin of Atomic Scientists, January - February 1997, p. 22).
[2] Ibid., p. 23.
[3] *Lilly J., Ford C* China's Military: A Second Opinion («The National Interest», Fall 1999, p. 71).
[4] Ibid., p. 72.

390

к испытанной в отношениях с Советским Союзом стратегии *гибкого реагирования* (чтобы любой спор не перерос сразу же в ядерное противостояние). Это означает, что американцы будут вынуждены увеличить (и значительно) численность своих обычных сил в регионе.

США обязаны относиться серьезно и к территориальным претензиям КНР на острова Южно-Китайского моря, где проходят жизненно важные для США морские пути, где геологи предсказывают открытие богатых месторождений нефти и газа. Близкие американской стороне Филиппины, Малайзия, Индонезия — потенциальные союзники США — с недвусмысленным трепетом воспринимают военно-морское строительство КНР, они видят в ближайшие десятилетия обращение китайцев к силовой дипломатии, к жесткому давлению, на более слабых соседей. Последние постепенно занимают все более жесткую антикитайскую позицию, что осложняет соблюдение американцами бесконечно долгого соблюдения некой формы нейтралитета.

Практически неизбежен прямой конфликт из-за Тайваня, рассматриваемого Пекином интегральной частью Китая, Соединенными Штатами, осуществляющими и прямую, и скрытую поддержку Тайваня, где на президентских выборах весной 2000 г. укрепили позиции сторонники независимости острова.

Азиатская стратегия США базируется на двух основаниях. *Первое* — военное. Вашингтон содержит 100 тысяч своих военнослужащих в Японии (Окинава) и Южной Корее. В близрасположенной океанской акватории размещен Седьмой флот США. Это военное присутствие гарантирует Америке важную долю контроля над двумя крупнейшими, могущественными экономическими величинами — Японией и Южной Кореей. Хотя американцы и покинули свои военные форпосты на Филиппинах (базы Субик-бей и Кларк-филд), отнюдь не собираются оставлять базы в Японии и в Южной Корее. Уменьшение численности американских войск на них — вовсе не свидетельство возможности ухода США из восточноазиатского региона. В таких обстоятельствах китайцы едва ли решатся рискнуть серьезно спровоцировать Соединенные Штаты[1].

Помимо этого, Соединенные Штаты являются фактическим военным ментором Тайваня, Пакистана и Саудовской Аравии, снабжая их современным оружием и приходя к ним на помощь в трудный час. Ни один важный вопрос в этом огромном регионе не может быть решен без учета интересов США. Напомним, что

[1] *Aldred K.* and *Smith M.* Superpowers in the Post-Cold War Era. London: Macmillan Press. 1999, p. 94.

США за оканчивающееся столетие вели здесь три крупномасштабных войны — против Японии, в Корее и Вьетнаме.

Главная идея, по убеждению стратегов Вашингтона: АТР как регион слишком важен, чтобы оставлять его эволюцию на волю тихоокеанских волн. Войска США должны оставаться на Окинаве и в Южной Корее, следует договориться о прямых военных связях с Сингапуром, флот США должен патрулировать основные магистрали. Госсекретарь США должен посещать не Ближний Восток, а жизненно важную для США Азию.

Второе основание — допуск избранных стран региона на богатейший американский рынок. Экономическая взаимозависимость долгое время была могучим стабилизирующим фактором в Азии — она была как бы связана общим желанием получить доступ на американский рынок. Открытие богатейшего американского рынка для высококачественных и дешевых азиатских товаров и было сделано с откровенной целью заполучить Азию на свою сторону в «холодной войне». Без этого допуска трудно представить себе феноменальный экономический подъем Японии в 1950—1980-х годах, рождение «четырех тигров» (Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур), невообразимый подъем КНР после 1978 г., ритм роста стран АСЕАН. Допуск на американский рынок — самый могущественный экономический рычаг Вашингтона. Недаром ежегодное возобновление статуса наибольшего благоприятствования Китаю подается как огромная уступка, за которую США хотели бы иметь компенсацию в той или иной сфере.

Некоторые круги в США предлагают *совместно* обсудить проблемы «прилегающего к Китаю соседнего российского Дальнего Востока»[1]. Поступают предложения о приглашении Китая в качестве постоянного участника «большой восьмерки» с превращением ее в «большую девятку», что сделает это собрание мировых грандов «более адекватным глобальным форумом мощи»[2].

В Вашингтоне думают о следующем поколении китайских политиков, чье образование получено не в России, а на Западе. Среди средств противодействия

антиамериканской эволюции Китая К. Райе выделяет «распространение информации, привлечение молодых китайцев к американским ценностям посредством образовательных обменов и обучения, поощрение роста класса предпринимателей, которые не зависят в достижении бла-

[1] *Brzezinski Zb.* Living With China («The National Interest», Spring 2000, p. 19).

[2] Ibidem.

392

госостоянии от китайского государства и готовы занять более влиятельные места в китайской жизни»[1]. Для реализации глобальных экономических и внешнеполитических целей Соединенные Штаты нуждаются в создании в Китае «лестницы, ведущей к процветанию среднего класса».

Уже Б. Клинтон назначил на обращенные к Азии посты в госдепартаменте и министерстве финансов в основном специалистов по Китаю. Когда критики усмотрели в этом знак неуважения к Японии, заместитель министра финансов Р. Олмен объяснил мотив назначений: администрация полагает, что в начале следующего века Китай получит все шансы *заменить Японию* в качестве главного экономического партнера США в Азии. Но проявлена была и жесткость. Президент Б. Клинтон в 1996 г. послал во время предвыборной кампании на Тайване к берегам острова (девятого по значению торгового партнера США) два авианосных соединения — величайшая со времен Второй мировой войны демонстрация силы, направленная против Китая. Б. Клинтон пообещал не сокращать далее контингент вооруженных сил США в Азии, он внимает предостережениям в отношении будущего китайского самоутверждения и не снимает свои «посты» на Окинаве, в Тайваньском проливе и южнее.

Обострение отношений в связи с атомным шпионажем и попаданием американской ракеты в китайское посольство в Белграде оживило жесткую линию, потребность выпутываться из сложной ситуации призвала к мобилизации компромиссности. Такая двойственность говорит о том, что значимость данной проблемы в двадцать первом веке будет лишь возрастать. В Вашингтоне приходят к выводу, что решение китайской проблемы не может быть искусственно отделено от выработки подхода к эволюции Азии в целом. В XX в. Вашингтон сепарировал эти две проблемы. В наступившем веке такая сепарация становится уже невозможной. Обнажается отсутствие в Азии подлинной системы коллективной безопасности. До сих пор США предпочитали подходить к экономическим и политическим проблемам раздельно. Но по мере продвижения в двадцать первый век невозможность такого разделения будет проявляться все явственнее.

Президент Буш воспринял китайскую проблему серьезно. В течение срока своего президентства он сделал в этом вопросе два поворота. В начале 2002 г. администрация Буша смягчила свою позицию в отношении ракетно-ядерного строительства в Китае. Но через год Пентагон весьма отчетливо выразил свою обеспокоенность этим ростом. Китайское ракетное строительст-

[1] *Rice C.* Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p.. 55).

393

во стало предметом специальных заседаний в Белом доме. В своей речи в Вест-Пойнте Буш заявил, не называя адреса: «Мы не можем полагаться на слова тиранов, которые торжественно обещают соблюдать договоры по нераспространению, а затем систематически нарушают эти соглашения... Мы будем противостоять этому всей возможной мощью».

При президенте Дж. Буше-мл. «восстали» тихоокеанские адмиралы и стратегические планировщики: директор стратегического планирования при министре обороны Рамсфелде Э. Маршалл и главнокомандующий Тихоокеанским флотом адмирал Д. Блэр выступили с идеей, что выдвинутые на передовые

рубежи американские вооруженные силы в Азии все более становятся уязвимыми перед китайской военной мощью, особенно ракетной. Оба эти влиятельных военных авторитета выступают за укрепление американских сил в регионе[1].

Как формулирует советница президента Дж. Буша-мл. К. Райс, «Китай не является державой, склонной сохранять status quo, напротив, он хотел бы изменить существующее положение, изменить баланс сил в Азии в свою пользу. Уже одно это делает его стратегическим соперником Америки»[2]. США будут отвечать на этот вызов, в основном, укрепляя Японию. Две страны подписали меморандум об обмене информацией в ракетной области, декларацию о взаимной безопасности, соглашение о снабжении Японии информацией с разведывательных спутников, совместную оценку стратегических угроз Японии, сообщение о создании Совета по высоким технологиям в военной сфере. В Вашингтоне выработали план передачи части ракетной технологии Японии.

Но отсутствие многосторонней системы безопасности ослабит возможности американского воздействия на Китай и Японию. Сближаясь с Китаем, США вызовут ухудшение американо-японских отношений. Не желая последнего, Вашингтон сделает шаги по сближению с Токио, базируясь на двустороннем договоре безопасности, но это немедленно будет воспринято как антикитайский шаг в Пекине. Едва ли создание азиатской системы коллективной безопасности сразу разрешило бы местные азиатские проблемы. Но без нее велика вероятность «динамического развития событий, которые поведут в будущем к многосторонней гонке вооружений между Китаем, его соседями и Соединенными Штатами. И в торговле давление поднимется ввиду вероятия девальвации соперничающих валют и создания внутрирегиональ-

[1] *Smith D., Corbin M., Hellman Ch.* Reiorging the Sword. Forces for a 21st Century Security Strategy. Washington, 2001, p. 52.

[2] *Rice C* Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 56).

394

ных торговых барьеров; это давление может перелиться в сферу безопасности»[1].

В Азии в XXI веке, утверждают Р. Менон и У. Вимбуш, «не будут следовать заранее спроектированным и получившим предпочтение траекториям. Здесь последует каскад множества неожиданных процессов. Возникнут новые центры мощи — Китай, Япония и Индия, они совместно с США создадут новый баланс сил, мало напоминающий структуру конца двадцатого века»[2].

Никто в мировой истории не отдавал мировую монополию без борьбы. Америка начинает более внимательно следить за системой межгосударственных отношений в Азии, за возникающими здесь новыми технологиями, привлекает к себе азиатский интеллектуальный капитал. Становится возможным предсказать возникновение биполярного мира с полюсами в виде США и Китая.

4. ХАОС

> Мир устрашен американской внешней политикой: дипломатия канонерок, колоссальный ядерный потенциал, вульгарно провозглашенная политика «доминирования по всему спектру», поразительное безразличие к неамериканским жизням, варварские военные интервенции, поддержка деспотических и диктаторских режимов, безжалостная экономическая стратегия, пожирающая экономику бедных стран как облако саранчи. Ее транснациональные компании — мародеры, которые овладевают воздухом, которым мы дышим, землей, на которой стоим, водой, которую пьем, мыслями в нашем сознании.
>
> *Арунхати Рой в «Гардиан», 18 сентября 2001 г.*

Грандиозной угрозой «пирамидальной» системе во главе с США является ослабление существующей уже три с половиной века, родившейся после

Вестфальского мира 1648 г. системы су-

[1] *Schwenninger S.* American Foreign Policy in the Post-Cold War World («World Policy Journal», Summer 1999, p. 63).

[2] *Menon R., Wimbush E.* Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 85).

395

веренных государств. Хотя государство-нация — сравнительно недавняя форма человеческого общежития (государство-нация было продуктом индустриальной революции XVIII в., результатом уникальных сочетаний исторических условий), гражданская дисциплина подданных государств все новое время была наиболее обязующим и обеспечивающим порядок фактором. Крах суверенных государств способен подорвать и основание американского могущества.

Впереди резкое ослабление этого стабилизирующего начала, значительная массовая радикализация, которая обрушится на человечество вследствие ослабления внутренних структур у суверенных государств, явственное ослабление государства по мере вхождения человечества в современную — третью научно-техническую революцию. Мощь и возможности государств-наций контролировать свою судьбу уменьшаются. Их ослабление разбудит цепную реакцию нерегулируемого насилия, вызовет к жизни силы, способные *обесценить* глобальное американское могущество. Радикализация слабеющих государств, безысходность не имеющего шансов бывшего «третьего» и части «второго» мира, не находящих своего места — ниши на мировых рынках, и ощущающих на себе последствия катастрофического ослабления государственных структур, породит колоссальную нестабильность, порождающую, помимо прочего, терроризм.

Эта угроза уже идентифицирована. «Концепция нации, — пишет американец Д. Риеф, — находится под ударом с множества сторон..: Возможно и даже вероятно, что первые десятилетия нового века будут эрой ускорения эрозии мирового порядка, построенного на системе государств»[1]. Словами американского специалиста В. Райнеке, государство «потеряло монополию на внутренний суверенитет, оно стало принадлежностью прошлого»[2]. Государства теряют свою национальную идентичность и, соответственно, организующую мощь по нескольким причинам.

Во-первых, и прежде всего, кризис государства сказывается, в частности, в том, что ослабляется гражданская лояльность, «приверженность флагу» — всем государственным атрибутам. К примеру, 34% американцев открыто утверждают, что не доверяют своему правительству. Согласно опросам общественного мнения, падение доверия к правительству зафиксировано в 11 из европей-

[1] *RieffD.* A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 11).

[2] *Reinecke W.* Global Public Policy («Foreign Affairs», Nov./Dec. 1997, p. 137).

396

ских стран[1]. Это происходит из-за недовольства государственным курсом, несогласием с государственной практикой, ощущением собственной маргинализации. В немалой степени сказываются скандалы на высшем государственном уровне (от Уотергейта 1972—1974 гг. до дела «Энрон» в США в 2002 г.), измельчание лидеров, разоблачающая роль средств массовой информации.

Во-вторых, растет давление негосударственных организаций. В 1909 г. в мире было 37 межгосударственных международных организаций и 176 негосударственных международных организаций, а в начале XXI в. межгосударственных международных организаций стало уже 260, а негосударственных международных организаций — 5472[2]. Если в середине девятнадцатого века в мире ежегодно созывались две или три международные

конференции, то ныне в год созывается более 4000 международных конференций[3]. Такие организации, как Г-8, ЕС, МВФ, ОЭСР, ОБСЕ, ПАСЕ, АПЕК, МЕРКОСУР и пр., принимают на себя ряд функций международных субъектов, попирающих самостоятельность суверенных держав.

В-третьих, интересы экономической экспансии начинают вступать в противодействие с прежним «священным» желанием четко фиксировать свои национальные границы. Государственные национальные банки не контролируют более национальную валюту. В случае с ЕС наднациональный *евро* заменил ряд важнейших мировых валют. Национальные банки подвергаются нашествию потоков иностранной валюты, приступам террористов, потоку наркотиков, радиоволнам самой различной информации, приходу разнообразных религиозных сект. На государственный суверенитет воздействует хотя бы тот факт, что полмиллиарда туристов посещают ежегодно самые отдаленные уголки планеты. По мнению одного из наиболее видных пророков упадка государств-наций в XXI веке — японца Кеничи Омае, потребности экономического роста не сочетаются со святынями национальной суверенности, что национальные границы препятствуют экономическому росту и в целом общественной эволюции. Он предсказывает создание «естественных экономических зон», или «региональных государств», которые сметут мощь прежних национальных столиц[4].

В-четвертых, такие социоэкономические факторы, как но-

[1] «Foreign Policy», Fall 1999, p. 46.

[2] *Held D. e.a.* Global Transformations. Politics, Economics and Culture. Cambridge: Polity Press, 1999, p. 53.

[3] *Zacher M.* International organizations (In: Krieger J. — ed. The Oxford Companion to Politics of the World. Oxford: Oxford University Press, 1993.

[4] *Kenichi Omae.* The End of the Nation State. New York: Free Press, 1995.

397

вые условия мировой торговли или один лишь возросший поток бедняков из бедных стран в богатые, изменят характер суверенного государства. Как может быть сохранен суверенитет государства в условиях, когда «многонациональные корпорации настаивают на том, что фундаментальной реальностью Интернета является отсутствие каких-либо ответственных за поток информации? И как сплетение государственной власти с националистической мифологией будет возможно в эпоху массовой миграции?»[1]. «Децентрализация знаний, — пишет историк П. Кеннеди, — работает в пользу индивидуумов и компаний, а не в пользу наций. Мировые финансы в их свободном разливе неостановимы, и трудно представить, как их можно контролировать.

Огромные многонациональные корпорации, способные перемещать ресурсы из одного конца планеты в другой, являются подлинно суверенными игроками мировой сцены. Перемещение наркотиков и международных террористов также являет собой угрозу традиционным государствам. (Напомним, что торговля наркотиками дошла до 300 млрд. долл., а организованная преступность стала наиболее острой мировой проблемой[2]). Кризис окружающей среды, рост мирового населения, неконтролируемая переливаемость нашей финансовой системы ведут к тому, что государства попросту входят в состояние коллапса»[3]. Подрыву авторитета государств (на что все активнее указывают алармисты) способствует быстро растущая опасность со стороны международного терроризма. Доступ к самой передовой технологии, к прежде недоступной современной технике оказался возможным благодаря распространению технологии, в огромной мере облегчает вооружение даже небольшой группе фанатиков, террористов, приверженцев любой экстремальной идеи — деструктивным общественным силам.

Процесс ослабления государственных организмов крайне болезнен и таит опасные последствия. Видя отступающее государство, гражданин теряет четкое

представление о лояльности. Как пишет американский специалист С. Стрейндж, «в мире многосторонней, претерпевшей диффузию власти наше собственное сознание становится нашим единственным компасом»[4]. Это сознание ищет солидарное культурное окружение, а не старинную лояльность к узкочиновничьим структурам.

[1] *Rieff D.* A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 12).

[2] *Castells M.* The End of Millennium. Oxford: Blackwell, 1998.

[3] *Kennedy P.* The Next American Century? («World Policy Journal», Spring 1999, p. 57).

[4] *Strange S.* The Retreat of the State. Cambridge, 1996, p. 199.

398

Этническое самоутверждение

В-пятых, еще более грозная сила наносит государственным системам удар со стороны этнического самоутверждения всех возможных видов. Словно проснулись демоны, спавшие историческим сном.

Принцип национального самоопределения был отчетливо выражен президентом В. Вильсоном восемьдесят лет назад: «Каждый народ имеет право избирать ту форму суверенности, которая для него предпочтительна». Государственный секретарь США Р. Лансинг записал в дневнике: «Эта фраза начинена динамитом. Она возбуждает надежды, которые никогда не будут реализованы. Я боюсь, что эта фраза будет стоить многих тысяч жизней»[1]. Но главенствовать этот принцип стал тогда, когда историческая память о нем (рассчитанном на конкретную цель — развал противостоящей Австро-Венгрии) стала почти забываться. При этом историческая память народов стала как бы ослабевать, и уже не все помнят, что случилось с распавшимся Китаем в 1920-х гг. и во время культурной революции, «с многими африканскими государствами после получения ими независимости, с современной постсоветской Россией»[2].

Приливная волна сецессионизма, обрушившаяся на весь мир сегодня, «является не только продуктом древних националистических импульсов и катастрофических социальных волнений. Она движима и глобализацией, которая не оставляет нетронутой ни одну страну мира»[3]. Дело скорее даже не в глобализации, а в примере и поощряющей силе, продемонстрированным двумя крупнейшими европейскими государствами в процессе феноменального проявления этнического самоутверждения Германией и Российской Федерацией в 1989 г. «Дипломатия Бонна создала чрезвычайно настораживающий прецедент... Послание, полученное Любляной, Загребом и всеми, кто того желал, значило, что принцип самоопределения может легитимно крушить многонациональные государства»[4].

Порожденная объединением Германии и провозглашением суверенности России цепь этнических выделений создала поток,

[1] *Moynihan D. P.* Pandemonium: Ethnicity in International Politics. New York: Oxford University Press, 1993, p. 83.

[2] *Waltz K.* Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 51).

[3] *Enriques J.* Too Many Flags? («Foreign Policy», Fall 1999, p. 31).

[4] *Buchheit L.* Secession: The Legitimacy of Self-Determination. New Hawen, 1978, p. 222.

399

способный привести к распаду даже самые устоявшиеся общества. Если в 1914 г. в Европе было 17 государств, в 1922 г. — 24, то в 2000 г. — 44 государства (22 из них возникли после провозглашения суверенитета России). К XXI веку международная система пришла с возникшей Эритреей. Шотландия и Уэллс проголосовали за создание собственных парламентов, взорвался снова Ольстер, идет война с курдами, в огне Кашмир, на виду у всех Косово. Грозит расколом Македония. Почти всем стало ясно, что этнические конфликты решительно заменили один большой — противостояние Востока и Запада. Вместе с Х. Ханнумом из Тафтского университета мы можем смело сделать вывод:

«Словесная дань уважения еще отдается принципу территориальной целостности, но распад в течение десятилетия Советского Союза, Югославии, Чехословакии и Эфиопии видится многими протонациями, претендующими на национальное самоопределение, как самый важный прецедент»[1].

Какими же будут выводы на XXI век? Все большее число специалистов на Западе признает, что «столетний опыт взаимоотношения движений националистического самоопределения и демократии обещает все более серьезные проблемы впереди»[2]. И в этом смысле, по меньшей мере, в начале XXI века не видят возможности выработки надежно проверяемых критериев, «оправдывающих» сецессию. Общая линия рассуждения специалистов — международные юристы, не историки — идет по следующему руслу: «Необходим континуум компенсационных мер, начинающихся с защиты прав личности, переходящих в защиту прав меньшинств и оканчивающихся сецессией исключительно в крайнем случае»[3].

«Национальное самоопределение» является самозваным надгосударственным приоритетом конца XX — начала XXI века, самоуспокоение безусловно является преждевременным. Принципом самоопределения руководствуются косовары в Косове, курды на Среднем Востоке, жители Восточного Тимора, сторонники шотландского парламента, жители Ириана, Квебека, Северной Ирландии и прочие борцы за национальное самоопределение.

США будут в XXI веке стоять перед необходимостью выработки отношения к центробежным силам современного мира. И если сейчас не будут найдены базовые правила, то термоядерной реакции этнического распада нет предела. Согласно мнению

[1] *Hannum H.* The Specter of Secession. Responding to Claims for Ethnic Self-Determination («Foreign Affairs», March-April 1998, p. 13).

[2] *Hodge C.* Op. cit., p. 13.

[3] «World Policy Journal», Spring 1997, p. 16.

Х. Ханума, «важно отвергнуть утверждения, что каждый этнически или культурно отличный от других народ, нация или этническая группа имеет автоматическое право на свое собственное государство или что этнически гомогенные государства желательны сами по себе. Даже в тех условиях, где гражданские права соблюдаются, глобальная система государств, основанных преимущественно на этническом принципе или на исторических претензиях, определенно недостижима»[1]. В любом случае обособление одной национальности будет означать попадание в якобы гомогенное окружение новых этнических меньшинств. История всегда будет делать полный круг — пусть на меньшем, но столь же значимом — витке исторической спирали. Снова определится этническое большинство и сработает прежний стереотип: добиваться прав не за счет равенства, а за счет сецессии.

Наивными теперь видятся все те, кто десятилетие назад провозглашал «конец истории», кто воспевал общемировую взаимозависимость, глобализацию международного развития, Интернет и CNN, экономическое и информационное единство мира. Оказывается, что преждевременная модернизация сознания отрывает от реальной почвы. А реальность — это то, что, встав на дорогу главенства принципа национального самоопределения, двадцать первый век становится временем, когда на карте мира возникнут еще двести государств и процесс их образования (а отнюдь не Интернет) будет смыслом существования нашего поколения, и следующего, и еще одного.

Определенная часть американского истеблишмента уже ведет серьезную подготовку к такому повороту мировой истории, к *приятию* «самоопределительной» фазы как неизбежной. Бывший председатель

Национального совета по разведке Центрального разведывательного управления США Г. Фуллер даже не питает сомнения в будущем: «Современный мировой порядок существующих государственных границ, проведенных с минимальным учетом этнических и культурных пожеланий живущего в пределах этих границ населения, ныне в своей основе устарел. Поднимающиеся силы национализма и культурного самоутверждения уже изготовились, чтобы утвердить себя. Государства, не способные удовлетворить компенсацию прошлых обид и будущих ожиданий, обречены на разрушение. Не современное государство-нация, а определяющая себя сама этническая группа станет основным строительным материалом грядущего международного порядка». В течение века, полагает Фуллер, произойдет утроение числа государств — членов ООН. И остановить этот поток невоз-

[1] Ibid., p. 16.

401

можно. *«Хотя националистическое государство представляет собой менее просвещенную форму социальной организации — с политической, культурной, социальной и экономической точек зрения, чем мультиэтническое государство, его приход и господство попросту неизбежны»*[1]. *Значительная часть американских специалистов призывает «главные державы, включая Соединенные Штаты (склонные искать стабильности в любой форме, поскольку это защищает полезное статус-кво), прийти к осознанию того факта, что мировые границы неизбежно будут перекроены»*[2].

Те, кто думает о будущем после сентября 2001 г., не могут не понимать, что смещение мирового восприятия к главенству этноцентризма не пощадит никого. Скажем, преобладающей становится точка зрения, что после неизбежного коллапса коммунистической системы в Китае Пекин не сумеет удержать в рамках единого государства исход жителей Тибета, уйгуров и монголов. Индия — Кашмир. И это только верхушка айсберга, поскольку практически всё современные государственные границы являются искусственными в том смысле, что все они (включая, скажем, кажущиеся после Линкольна прочными американские — по признанию некоторых американцев) — искусственны. И если не остановить триумфального шествия принципа национального самоопределения, более того, придать ему характер главного демократического завоевания, то можно с легкостью предсказать судьбу тамилов, майя, палестинцев — и так до конца необъятного списка огромной семьи народов.

Вслед за реализацией принципа самоопределения последует рост безработицы, развал городского хозяйства, забытье экологии, примитивизация жизни, проявится несоответствие нового государственного языка нормам современной технической цивилизации, осуществится крах социальной взаимопомощи. Может быть, самое печальное в том, что процессу нет даже приблизительного конца, дробление государств в случае начала процесса неограниченно. Американский специалист спрашивает: *«Небольшая Грузия получила независимость от Москвы, но сразу же ее северо-западная часть — Абхазия потребовала независимости. Кто может гарантировать, что северная мусульманская Абхазия не потребует независимости от южной христианской Абхазии?»*[3] *А северяне-эскимосы Квебека ? Если принцип самоопределения будет взят за основу, не может быть никакого консенсуса по вопросу «кому давать, а кому не давать»* атрибуты государственности. Американ-

[1] «World Policy Journal», Summer 1998, p. 30.

[2] Ibid., p. 19.

[3] *Fuller G.* Op. cit., p. 17.

402

цы сами говорят, что президент Буш теперь уже не пошлет войска в Калифорнию, пожелай она государственной обособленности. Линкольн жил во время

господства другого принципа в качестве главенствующего. Если само центральное правительство признало главенство принципа национального самоопределения, то ему весьма трудно найти нового генерала Шермана — тот не пойдет жечь Атланту, поскольку дискредитирован с самого начала, и ждет его не триумф с президентским постом в будущем, а скамья Гаагского международного трибунала.

Необратим ли процесс? Мир, посуровевший после 11 сентября 2001 г., должен будет принять трудное, но обязательное решение, вернее, осуществить выбор: территориальная целостность государств в опоре на Организацию Объединенных Наций, на солидарность пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН или национальное самоопределение. Пока же международное сообщество, по определению профессора колледжа Армии США С. Бланка, «делает попытки вытеснить на обочину ужасную дилемму выбора между территориальной целостностью государств и национальным самоопределением»[1].

Пробудившаяся колоссальная тяга к национальному самоопределению начнет в первые десятилетия XXI века раздирать на части даже самые стойкие исторически сложившиеся государства, даже те из них, которые всегда воспринимались как символы национального единства (такие, как Британия и Франция). Волна национального, националистического самоутверждения, поднявшаяся в 1989 г. и создавшая 22 новых государства только в Восточной Европе и на территории прежнего Советского Союза, катится вперед, в будущее, захватывая все новые страны и континенты. Перед глазами пример суверенной республики Югославии, чья судьба была проигнорирована даже в оплоте государственной суверенности — главной организации независимых государств — Организации Объединенных Наций.

Нет сомнения в том, что в наступившем веке суверенность самостоятельных стран подвергнется воздействию революционного самоопределения, хотя в XXI веке нет и определенно не будет общего для всех определения нации. Что связывает нацию более всего? Язык? Но у сербов и хорватов он единый. А Индия с ее семнадцатью языками — без единого преобладающего — сохраняет единство. Религия? Протестанты и католики являются лояльными гражданами единой Германии. В то же время общий ислам не предотвратил отход Бангладеш от Пакистана и множество трагедий типа курдской.

[1] *Blank S.* Drift and Mastery («European Security», Autumn 1997, p. 3).

403

Ныне, в более жестком мире борьбы с международным терроризмом, ООН как бы готовится к тому, что защита ею суверенных границ стран — участников мировой организации менее значима, чем проблемы гуманитарного свойства внутри отдельных стран. Кофи Анан, как бы подыгрывая западным странам, поспешил с заявлением о *необратимом* характере сдвига в сторону вмешательства во внутренние дела суверенных стран. Зависимость финансирования Организации Объединенных Наций от Комитета по выделению финансовых средств американского сената, с каждым годом все выше поднимающего свой «топор» над суммой предлагаемого вклада в ООН, окажется убийственной для эффективности этой крупнейшей международной организации. Вирус сецессионизма поражает не только (отнюдь не только) бедные уголки Земли. Напротив, относительно процветающие Западная Канада, Южная Бразилия, Северная Мексика, побережье Эквадора, Северная Италия стремятся к автономии во все более возрастающей степени, что породит сецессионистские движения. Две наиболее агрессивные сецессионистские группы в Испании — каталонцы и басконцы — принадлежат к наиболее процветающим.

Долгое время Соединенные Штаты — лидер современного мира — были сильнейшим защитником священности государственных границ повсюду в мире.

Даже когда они боролись с Багдадом, то не поддержали сепаратистов курдов и шиитов на юге Ирака. Они пока молчат о суверенности Косова. Несмотря на все движение наркотиков, Колумбия является третьим (после Израиля и Египта) получателем американской военной помощи — несмотря на всю борьбу местных сепаратистов. Но подспудно развиваются процессы противоположной направленности. На Аляске, столь богатой минералами, нефтью и газом, уже в 1990 г. был избран губернатор, базирующийся в местной политике на сецессионистской платформе.

Теперь некоторые из представителей 550 групп первоначального населения Соединенных Штатов требуют почти суверенных прав. И нельзя сказать, что их давление беспомощно и не приносит результатов. Признаки такой эволюции уже проявили себя. Скажем, в 1993 г. американский конгресс и президент Клинтон признали «столетнюю годовщину незаконного свержения гаитянской монархии... приведшую к подавлению внутренних прав на суверенность исконного гаитянского народа»[1]. Пятью годами позже губернатор Гавайев призвал гаитянцев и других жителей островов «выдвинуть план достижения Гавайями суверенности».

[1] «Foreign Policy», Fall 1999, p. 42.

404

По мере того как официальный Вашингтон признает права меньшинств по всему миру на национальное самоопределение, ему становится все труднее игнорировать требования собственных меньшинств.

Оглохший от сентябрьских пожаров на Манхэттене и в Вашингтоне мир помнит, что из официальных 309 границ между государствами мирового сообщества наций 52 (17%) являются спорными. Из 425 морских границ мира двадцать первого века 160 (38%) являются предметом спора. 39 стран нашей планеты сейчас, в начале XXI века, оспаривают 33 острова[1]. Даже крупные современные государства не застрахованы от распада в двадцать первом веке. В Сингапуре, скажем, видят Китай состоящим из сотен государств масштаба Сингапура. Согласно проявившей себя тенденции все чаще национальные рынки становятся менее важными, чем локальные, региональные рынки или глобальная рыночная среда в целом. Руководитель научных прогнозов ЕС Р. Петрелла полагает, что «к середине следующего столетия такие нации-государства, как Германия, Италия, Соединенные Штаты, Япония, не будут более цельными социоэкономическими структурами и конечными политическими конфигурациями. Вместо них такие регионы, как графство Орандж в Калифорнии, Осака в Японии; район Лиона во Франции, Рур в Германии, приобретут главенствующий социоэкономический статус»[2].

Национальное самоутверждение найдет свою легитимацию в мире, где более ста государств мира имеют этнические меньшинства, превышающие миллион человек. Не менее трети современных суверенных государств будут находиться под жестоким давлением повстанческих движений, диссидентских групп, правительств в изгнании. Современным политологам (таким, как, скажем, американец Ф. Закариа) остается лишь констатировать, что суверенность и невмешательство в начале XXI века стали «менее священными» международными правами[3]. А консультировавший Б. Клинтона М. Мандельбаум приходит к выводу, что «священность существующих суверенных границ уже не принимается мировым сообществом полностью»[4].

Идеологи нового национализма часто готовы заплатить едва ли не любую цену ради реализации своих мечтаний. «В дальней-

[1] «Foreign Policy», Fall 1999, p. 44.

[2] Ibid., p. 243-244.

[3] *Zakaria F.* The challenges of American hegemony («International Journal», Winter 1998-9, p. 24).

[4] *Mandelbaum M.* The Future of Nationalism («The National Interest», Fall 1999, p. 19).

405

шем процессы станут неуправляемыми... Тогда следует ожидать воцарения хаоса на протяжении нескольких десятилетий»[1]. Очевидно, что удовлетворение этнических требований, полагает американский исследователь Т. Герр, «только воодушевит новые группы и новых политических претендентов выдвинуть подобные же требования в надежде добиться уступок и прийти к власти. Запоздалыми пришельцами в этом деле являются представители Корнуолла в Британии, племя реанг в Индии, монголы в Китае — все они ныне представляют организации, борющиеся за автономию и большую долю общественных ресурсов»[2].

Так называемые права на сецессию *никогда* не признавались международным сообществом как некая норма. Международное право не признает права на сецессию и даже не идентифицирует — даже в самых осторожных выражениях — условий, при которых такое право могло бы быть отстаиваемо в будущем. К примеру, Северный Кипр в своем новом качестве существует значительно дольше, чем совместное проживание турецкой и греческой общин, но мировое сообщество так и не признало северокипрского государства, равно как инкорпорации Индонезией Восточного Тимора или претензий Марокко на Западную Сахару.

Как пишет заместитель издателя «Уорлд полиси джорнэл» Д. Рюэфф, «от Сомали до Руанды, от Камбоджи до Гаити, от Конго до Боснии *плохой новостью* является то, что все это вмешательство на стороне гражданских прав и гуманитарных ценностей почти на 100 процентов оказалось безуспешным»[3]. Хаос порождает еще больший хаос. Никто из сторонников вмешательства во внутренние дела не имеет *определенной* идеи: что же делать на следующий день после силового вмешательства.

Насилие над суверенитетом в одном месте немедленно породит продолжение процесса суверенизации на более низком уровне и поставит, как минимум, вопрос: «Если возможно вторжение в Косово, то почему оно невозможно в Сьерра-Леоне?»[4] Напомним, что Нигерия быстро ответила на него, введя в Сьерра-Леоне свой воинский контингент. Вслед за нею в 2000 г. то же сделала

[1] См.: *Modelski G., Tompson W.* The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach («International Studies Review». Summer 1999, № 1, p. 116).

[2] *Gurr T.* Ethnic Warfare on the Wane («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 63).

[3] *Rieff D.* A New Age of Liberal Imperialism? («World Policy Journal». Summer 1999, p. 3).

[4] Ibid., p. 8.

406

Британия. Что, собственно, никак не решило вопрос и не дало стабильных результатов. На пути отхода от принципа окончательности государственных границ прячутся самые большие опасности для мирной эволюции мирового сообщества. «Возникнет, — пишет американский политолог Дж. Розенау, — *новая форма анархии* ввиду ослабления прежней центральной власти, интенсификации транснациональных отношений, уменьшения значимости межнациональных барьеров и укрепления всего, что гибко минует государственные границы»[1].

Некоторые конфликты стали своего рода гибридами: одновременно и этнические, и революционные войны. Левые в Гватемале рекрутировали местных индейцев-майя в свое революционное движение, Йонас Савимби построил свое движение на поддержке народа мбунду, Лоран Кабила ввел революционную армию в Киншасу, состоящую из тутси, люба и других недовольных народностей восточного Конго. Вера в форме воинствующего ислама, христианства или буддизма может с легкостью мотивировать массовые движения. Китайское движение фалунгонг имеет практическую возможность политизировать свою

структуру и политизировать свои требования. Сегодня класс, этническая принадлежность и вера являются тремя главными источниками массовых движений, классовой борьбы и религиозного подъема.

Все громче высказываются мнения о вероятности в будущем «классических» образцов конфликтов. По мнению американца Р. Хааса, «легко представить себе схватку Соединенных Штатов и Китая из-за Тайваня, Соединенных Штатов и России по поводу Украины, Китая и России из-за Монголии или Сибири, Японии и Китая по региональным вопросам. Еще более вероятны конфликты, в которые вовлечены одна из великих держав и средней величины противник»[2].

Подрывающему мощь гегемона хаосу будут содействовать религиозный фундаментализм, национализм и расизм, подрыв авторитета международных организаций, приоритет местного самоуправления над общегосударственным (ведущий к распаду стран), религиозное самоутверждение, этническая нетерпимость, распространение оружия массового поражения и обычных вооружений, расширение военных блоков, формирование центров международного терроризма и организованной преступности, насильственная реализация принципа самоопределения меньшинств,

[1] *Rosenau J.* Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. Cambridge, 1997, p. 151 — 152.

[2] *Haass R.* The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. 41.

407

экономическое неравенство, неуправляемый рост населения, миграционные процессы, крах экологических систем, истощение природных ресурсов. Городские банды и криминальные структуры могут заместить сугубо национально-государственные структуры При этом информационные и коммуникационные технологии будут им служить эффективнее, чем государству.

Хаосу содействует распространение в мире автоматического стрелкового оружия, ручных ракетных комплексов типа «Стингер» и САМ-7 невиданных объемов взрывчатых веществ, более ста миллионов наземных мин. На горизонте появляются новые ускорители хаоса — опасности, связанные с кибернетической войной Важнейшие системы электронного управления подвергаются атакам хакеров, которые могут действовать по своей воле, а могут и пользоваться поддержкой своих государственных структур Кибернападениям могут подвергнуться контрольные системы современного индустриального общества, его жизненные центры — электростанции, системы воздушного транспорта, финансовые институты и вплоть до всего, что связано с биологическим и ядерным оружием. Напомним, что уже во время натовской операции против Югославии структуры НАТО и Пентагон подверглись нападению югославских и китайских хакеров. И чем больше зависимость индустриальных государств от компьютера, тем больше шанс дестабилизации именно в этом направлении. Как определяет эту опасность представитель вашингтонского Института мировой политики И. Катберсон, «кибернетическая война в будущем может оказаться атомной бомбой бедных»[1].

Еще более опасно распространение средств массового поражения — химического, биологического, ядерного. Еще 21 января 1999 г президент Клинтон указал на «огромную вероятность» того что группа террористов в ближайшие годы может угрожать Соединенным Штатам биологическим или химическим оружием Об угрозе биологического оружия он сказал, что она «заставляет его вскакивать ночью». Несколько позднее он объявил, что запросит у конгресса 2,8 млрд. долл. для будущей борьбы с биологическим, химическим и электронным терроризмом[2]. Вершина всесокрушающего хаоса - ядерный терроризм. В недавних публикациях американских разведывательных организаций указывается что по меньшей мере 20 стран, половина которых находится на Ближнем Востоке,

в районе Персидского залива и в

[1] *Cuthberson 1.* Chasing the Chimera. Securing the Peace («World Policy Journal», Summer 1999, p. 79).

[2] *Miller J.* and *Broad W.* Clinton Sees Threat of Germ Terrorism («International Herald Tribune», Jan. 23-24, 1999, p. 1).

408

Южной Азии, уже имеют (или имеют возможность создать) оружие массового поражения и средства ракетной доставки этого оружия[1]. Попадание его в руки террористических групп, «государств-париев», сепаратистских движений чревато дестабилизацией международного сообщества до состояния необратимого хаоса.

Существующие институты в XXI веке могут не выдержать революционных перемен, создавая предпосылки глобального хаоса. Реализация их права на самоопределение грозит поставить мир на порог грандиозного катаклизма, о котором весьма авторитетные специалисты уже сейчас говорят, что его не избежать: «В двадцатом веке спокойствие в международных отношениях зависело от мирного сосуществования суверенных государств, каждое из которых по-своему оправдывало свою легитимность. В двадцать первом веке речь пойдет о мирном сосуществовании между нациями *внутри* одного и того же государства, которые обосновывают *различные принципы* определения суверенитета. В некоторых местах — Босния или Косово — это может оказаться невозможным... Главной практической проблемой двадцать первого века будет обеспечение мирного сосуществования этих частей»[2].

На государства воздействует донациональный трайбализм, часто рядящийся в национальные движения. Американский исследователь М. Каплан предсказывает мир, состоящий из множества сомали, руанд, либерий и босний, мир, в котором правительства часто отданы на милость картелям наркоторговцев, криминальным организациям, террористическим кланам. Мир XXI века Каплан представляет «большой Африкой»[3]. От академических ученых чувство опасности передается политикам. В свое время госсекретарь США У. Кристофер предупредил Комитет по международным отношениям американского сената: «Если мы не найдем способа заставить различные этнические группы жить в одной стране... то вместо нынешних сотни с лишним государств мы будем иметь 5000 стран»[4].

[1] The Weapons Proliferation Threat. Washington: Central Inteligence Agency, March 1995.

[2] *Mandelbaum M.* The Future of Nationalism («The National Interest», Fall 1999, p. 22).

[3] *Kaplan R.* The Coming Anarchy («Atlantic», February 1994, pp. 44—76; *Kaplan M.* The Ends of the Earth: A Journey at the Dawn of the Twenty-First Century. New York: Random House, 1996.

[4] *Toffler A.* and *H.* War and Anti-War. Survival at the Dawn of the 21st Century. Boston, 1993, p. 242.

409

* * *

Европейский союз, Китай, развал упорядоченности в мировой системе предстают первостепенными претендентами на трансформирование однополюсного мира в более сложную галактику. ЕС уже примерно равен гегемону в торговой и валютной сфере. Ему предстоит проявить себя и в геополитике. Европейский союз посредством Финляндии уже имеет тысячекилометровую границу с Россией; членство Кипра вовлечет его в ближневосточные проблемы, а вхождение Турции создаст общие границы с Ираном и Ираком. И нет сомнений, полагает многолетний прежний директор лондонского Международного института стратегических исследований К. Бертрам, что европейская стратегия будет «очень отличной от американской». (Нынешнюю констелляцию сил Бертрам считает очень краткосрочной: «Американская однополярность дышит самодовольством, и в этом таится зарок ее временности»)[1].

Китай мыслит в рамках столетий. По китайским прогнозам, к 2050 г. страна будет, как минимум, «средних размеров державой», но во второй половине века

она раскроет свой глобальный потенциал. Действия Пекина в своем регионе будут зависеть от отношений с Соединенными Штатами в первую очередь, но также от политики Японии и партнерства с Россией.

Разворачивающейся мировой истории придется дать ответ по трем пунктам: последует ли вслед за смещением производительных сил смещение в юго-восточном направлении центра всемирного идейного творчества, осуществится ли самоценное политическое самоутверждение на новой индустриальной основе, не отпрянет ли мир к традиционным культурно-религиозным основам? Ответ на эти три вопроса составит суть грандиозных процессов двадцать первого века.

А между атлантическим побережьем Африки и южными островами архипелага Филиппин встает *четвертый* фактор, противостоящий Pax Americana, — враждебность миллиардного мира ислама. О нем — в следующей главе.

[1] *Bertram Ch.* Interregnum («Foreign Policy». Summer 2000. P. 45).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ИСЛАМ ПРОТИВ США

> Единственный серьезный вызов США был брошен не альтернативной стратегией модернизации, а ее категорическим отрицанием в виде радикальной религии.
> *А. Ливен, 2002*

Терроризм существовал всегда и всегда, увы, пребудет с нами — как всегда будет существовать праведный и неправедный гнев, исступление, чувство отчаяния или попранной справедливости, фанатизм, заблуждение, ненависть, моральный тупик и вспышки безумия. Что превратило терроризм из «профессионального риска монархов» (слова знавшего этот предмет итальянского короля Виктора-Эммануила Первого) в массовую угрозу, так это *«демократизация технологии»* — создание компактных средств массового террора, прежде доступных лишь могущественным государствам, и освещение террористических актов средствами массовой информации. Еще два десятилетия назад молниеносные глобальные коммуникации были привилегией крупных правительств или больших организаций, таких, как многонациональные корпорации или, скажем, католическая церковь. А ныне такая связь находится в пределах досягаемости даже очень небольшого круга частных лиц. Мы являемся свидетелями «приватизации войны» — обретения несколькими индивидуумами средств поражения, ранее мыслимых только для всесильных государств.

На вопрос, почему исламские фундаменталисты ненавидят Соединенные Штаты, президент Дж. Буш-мл. ответил: «Они ненавидят нашу свободу». Риторика такого рода не совсем убедительна. Своим ответом президент, по мнению Э. Басевича, профессора Бостонского университета, «искусно отвлек внимание от

411

последствий формирования империи»[1]. Войну с терроризмом Буш использовал как своеобразный референдум: нации мира должны сделать выбор —.либо они с Соединенными Штатами, либо они с террористами (и тогда они разделят их судьбу). Полагаем, это некий уход от рассмотрения проблемы отношения с теми, кто поднялся в небо в тот трагический час. Это был конфликт, ведущийся «от лица американской империи, война, в которой для того, чтобы исполнить миссию Нового Иерусалима, Соединенные Штаты, как никогда прежде, готовы обратиться к своей мощи, действуя подобно Новому Риму»[2].

1. ИСЛАМ МСТИТ ЗАПАДУ

До сегодняшних фундаменталистов вестернизации сопротивлялись в начале двадцатого века японские националисты, русские славянофилы, фашисты и японские милитаристы. И если Запад при этом сохраняет единство, радикальных исламистов встретит судьба прежних противников Запада: поражение и присоединение.

М. Хирш, 2002

В Соединенных Штатах распространено мнение известного исследователя ислама Б. Льюиса о том, что сегодняшняя ярость мусульман являет собой финальную стадию окончательного упадка исламского общества после тысячелетней борьбы с Западом за выживание и самоутверждение. И. Бурума и А. Маргалит видят в исламском фундаментализме лишь последнее воплощение «оксидентализма» — волнами надвигающихся попыток организовать действенное сопротивление вестернизации. «До сегодняшних фундаменталистов вестернизации сопротивлялись в начале двадцатого века японские националисты, русские славянофилы, фашисты и японские милитаристы. И если Запад при этом сохраняет единство, радикальных исламистов встретит судьба прежних противников Запада: поражение и присоединение. Но до полного поражения, видимо, много еще жителей Запада погибнет от рук террористов. Вот почему Буш должен ускорить

[1] *Bacevich A.* New Rome, New Jerusalem («Wilson Quarterly», Summer 2002, p. 53).

[2] Ibid., p. 54.

412

смерть исламизма созданием более привлекательной альтернативы. Эта война должна закончиться так, как заканчивались предшествующие американские войны против враждебных идеологий: одна из сторон должна победить тотально. И, будучи хорошими наследниками президента Вильсона, американцы должны сделать этот мир лучшим местом для жизни, чтобы противостояние не возобновилось вновь. Так раньше было в борьбе с Германией и Японией. Самые опасные элементы этих противников подчинились западным нормам»[1].

Основой самоутверждения исламизма стало осуществленное во второй половине XX в. практически полное признание в мусульманском мире идей материального развития Запада (и американских достижений как наиболее впечатляющих) при одновременном отрицании западных социальных ценностей и западных постулатов, эталонных показателей США, американских рекомендаций относительно наиболее релевантного общественного устройства. Представитель саудовской верхушки выразил это отношение так: «*Зарубежные товары просто ослепляют. Но менее осязаемые социальные и политические институты, импортированные из-за границы, могут быть смертоносными — спросите шаха Ирана... Ислам для нас не просто религия, а образ жизни. Мы в Саудовской Аравии желаем модернизации, но не вестернизации*»[2]. *Численность мусульман в 2020 г. достигнет 30% населения Земли. В Западной Европе уже живут 13 млн. мусульман, 2/3 эмигрантов, направляющихся сюда, исходят из арабского мира.*

Как известно, в первые столетия своего существования вихрь ислама овладел значительной частью Евразии и Африки. Но в последующие века мир ислама отступал перед западноевропейскими, российской и китайской империями. После того как турецкая армия в 1683 г. была отброшена от Вены, начались триста лет отступления мира ислама перед натиском Запада. Более и «хуже» того, эти триста лет были временем постоянного проникновения Запада в мир ислама. Проникновения военного, экономического, политического, идейного. Пиком можно считать ликвидацию исламской суннитской централизации в лице стамбульского султана и одновременно имама мусульманского мира в 1920-е годы, превращение новообразованной Турции в светское государство;

образование государства Израиль в 1948 г.

Два процесса как бы действовали вопреки друг другу. С одной стороны, слабело геополитическое влияние исламского мира,

[1] *Hirsh M.* Bush and the World («Foreign Affairs», September/October 2002, p. 40).

[2] «New York Times», July 10, 1994, p. 20.

413

столь могучего между VII и XVI веками; наблюдались его децентрализация, отступление перед колониальным натиском Запада, трудность модернизационных преобразований, неадекватность элиты в процессе мирового прогресса. Развал Оттоманской империи, контроль Британии и Франции над наследием Стамбула, Багдада, Индостана, Индонезии, Магриба и Леванта низвел мусульманский мир до положения сугубых жертв мировой эволюции. С другой стороны, колоссальный демографический рост исламского мира (12 процентов мусульман в мировом населении в 1900 г. и 30 процентов в 2000 г.) на фоне постоянного повышения стратегической значимости нефти — главного сырья мусульманского мира — начал медленный, но *обратный* процесс некоторого восстановления позиций, столь очевидно утерянных после семнадцатого века. От Алжира до китайского Туркестана возник своего рода исламский интернационал. И его частью стали многие миллионы мусульман, живущие на самом Западе.

Современный подъем ислама осуществил новый средний класс, возникший совсем недавно, в 70-е гг. Знаменем этого подъема стало новое «требование религии»: работа, порядок, дисциплина. Миллиардный исламский мир охватывает огромный регион — от Марокко до Казахстана, от Индонезии до Кавказа. К началу XXI века любая из стран, где преобладает ислам, становится уже *другой* (политически, в культурном отношении), более исламской, с радикализированной молодежью и интеллигенцией. Западная социология приходит к выводу: *«Ислам, предоставил достойную идентичность лишенным корней массам»*[1]. *Миллионы вчерашних крестьян, утроивших население гигантских городов исламского мира, стали его ударной силой. Ислам стал функциональной заменой демократической оппозиции, авторитаризму христианских обществ и явился продуктом социальной мобилизации, потери авторитарными режимами легитимности, изменения международного окружения. С. Хантингтон указывает на «негостеприимную природу исламской культуры и общества по отношению к западным либеральным концепциям»*[2]. *Ведущий западный специалист по исламу Б. Льюис определяет происходящее как «столкновение цивилизаций — возможно, иррациональная, но безусловная историческая реакция на древнего соперника — наше иудейско-христианское наследие, наше секулярное настоящее и мировую экспансию обоих этих явлений»*[3].

[1] *Gellner E. Up* from Imperialism («New Republic,» May 22, 1989, p. 35).

[2] *Huntington S.* Op cit., p. 114.

[3] «Atlantic Monthly». September 1990, p. 60.

414

Чувство исторического унижения, столь очевидное для мира Ислама, с трудом — в условиях отсутствия соответствующего эмоционального опыта — ощущается на Западе. Как формулирует У. Эко, «Бен Ладен знал, что в мире есть миллионы исламских фундаменталистов, которые, чтобы восстать, только и ждут доказательств того, что западный враг может быть «поражен в самое сердце». Так оно и произошло в Пакистане, в Палестине и в других местах. И ответ, данный американцами в Афганистане, не только не сократил этот сектор, но и усилил его»[1].

Инженер по образованию, Усама Бен Ладен (как и организатор покушения на МТЦ в 1993 г.) не смотрится фанатичным шахидом. Поразительна в нем холодная и абсолютная ненависть к Америке и всему, что ее олицетворяет. Он определяет Америку как «Союз крестоносцев и сионистов». Это ваххабит и радетель

духовной чистоты ислама. Его цель — избавить мусульманские страны от прозападных правительств. Как пишет Т. Видал, «Бен Ладен видится многим простым людям как истинный наследник Саладдина, великого воина, одержавшего победу над английским королем Ричардом и крестоносцами»[2].

В свое время Бен Ладен отправил 4 тысячи саудовцев в Афганистан для военной подготовки (совместно с американцами) борцов с Советской Армией в Афганистане. В ходе войны против 40-й Советской Армии в Афганистан прибыли не менее 25 тыс. волонтеров-арабов, шедших через Пакистан. Рекрутированием этих бойцов занимался, среди других, один из сыновей саудовского миллиардера Усама Бен Ладен. В боях за провинцию Пактия в 1987 г. он, вооруженный американским оружием, член Исламской партии единства, получил боевое крещение. Здесь же, в приграничных с Афганистаном пакистанских медресе, набрало силу движение Талибан.

В цивилизационном противостоянии Западу особую силу набирает авангард исламского фундаментализма, получивший военную подготовку в Алжире в ходе войны за независимость в 1954—1962 годах, в пяти антиизраильских войнах 1948—1973 гг., в иранской и ливийских революциях, в укреплении партии Баас в Сирии и Ираке, исламском самоутверждений боснийцев и албанцев в 1994—1999 гг., в движении талибов, северокавказских и синьцзянь-уйгурских сепаратистов в 1990-е годы. Не без под-

[1] «El Pais», 31, 03, 2002.

[2] Саладдин (1138—1193) объединил исламский мир, победив вождя крестоносцев Ричарда Львиное Сердце. По мнению ряда историков, он «полностью отдал себя мусульманской идее». По мнению, скажем, Г. Видала, «его дух вернулся».

415

держки Запада Усама Бен Ладен стал тем, кем он является сегодня для миллионов людей в ходе военной мобилизации исламского фундаментализма в Афганистане, направленного против советских войск. Центральное разведывательное управление США было активно в Афганистане с 1980 г., оно на протяжении 1980-х гг. разместило в Афганистане несколько тысяч тонн оружия[1].

На американские деньги в Пакистане были созданы лагеря подготовки моджахедов против просоветского правительства Афганистана в 1980 г., когда из США поступили первые английские винтовки «Энфилд». Идея заставить Москву заплатить за вхождение в Афганистан максимально возможную цену окончательно победила в Вашингтоне в 1983 г., для этого против коммунизма был полностью развернут исламский радикализм. Речь шла о радикализме суннитского толка с его требованиями всецело подчинить общество шариату (что полностью тогда отвечало интересам Саудовской Аравии, стремившейся утвердить свою исламскую легитимность в противовес шиитскому революционному Ирану). Пакистанские спецслужбы намеревались разыграть карту суннитского ислама, установить контроль над Афганистаном и осуществить прорыв в Среднюю Азию. Вся операция была спланирована совместно ЦРУ США, главой саудовских спецслужб Турки Ибн-Фейсалом и пакистанской межведомственной разведкой. Основная работа была поручена арабским братьям-мусульманам и пакистанской партии Джамаат-и-ислами. Начиная с 1984 г. тысячи боевиков-исламистов из стран Ближнего Востока двинулись в Афганистан.

На Западе вокруг моджахедов вроде Бен Ладена была создана аура героев. Складывается впечатление, что западные инструкторы полагали, будто самоотверженные «воины Аллаха» могут наносить удары только в одном, определенном для них направлении. Людей двенадцатого века вооружили военной техникой двадцать первого века, кочевнику-номаду вручили в руки «стингер» в наивной уверенности, что его целью всегда будут машины только с красными звездами на бортах — без полос. В негостеприимных горах тогда

погибли тринадцать тысяч советских солдат, воевавших с бесстрашным исламским порывом, реставрацией традиций джихада, помноженного (при помощи Запада) на хладнокровную организацию, на эффективное использование западных технических средств.

После поражения советских войск Бен Ладен покинул Афганистан, чтобы перенести войну с неверными в другие страны. Здесь —

[1] *Bearden M.* Afganistan, Graveyard of Empires («Foreign Affairs», November-December 2001, p. 20).

416

еще до войны в Заливе в 1991 г. — его антиамериканизм принял твердые формы. Америке в этом смысле не помогла помощь, оказанная президентом Клинтоном мусульманам Боснии и Косова в 1990-е годы. Бен Ладен возвратился в Афганистан из Судана в 1996 г., но широкую известность получил в 1997 г., когда в телеинтервью CHH признал свое организационное участие в убийстве в Сомали в 1993 г. 18 американцев. Герой 1980-х гг. стал для Запада сатаной 2000-х, а ведь Бен Ладен сохранил неоспоримую цельность, он всегда считал себя защитником ислама от посягательств — не важно откуда, с севера или запада, пришли его нынешние и потенциальные противники.

Под давлением США Пакистан закрыл несколько тренировочных лагерей в пакистанской части Кашмира. Но эти, тренируемые уже в новом веке для борьбы против Индии моджахеды, эти борцы за веру, улучшившие квалификацию в использовании современного оружия, никуда не делись. Они являются фактором эффективного насилия в будущем. В соседнем регионе президент Буш, охладевая к Арафату, стал говорить вместо «палестинского государства» о «Палестине». Но возможность для Буша разрешить ближневосточный узел, преуспеть там, где провалились президенты Картер и Клинтон, оказалась призрачной. Здесь выросла масса ожесточенных палестинцев, указывающих на клеймо «сделано в США», находимое на используемых израильтянами ракетах. За период после Второй мировой войны в этом регионе общего ареала исламской цивилизации велись десять крупномасштабных войн, унесших миллионы жизней. Выросло поколение, чью ненависть к Западу трудно измерить.

В таких странах, как Египет, Иордания, Пакистан, исламская ортодоксия находится на подъеме, в то время как в Саудовской Аравии феноменальное процветание правящей элиты вступило в явное противоречие с устремлениями основной массы населения, приверженного ваххабизму. Фактом является то, что Саудовское государство *не может* после войны в Заливе умиротворить исламских активистов.

Одержав победу в Афганистане, Бен Ладен в 1991 г. перебрался в Судан. В 1994 г. проамериканская королевская семья в Эр-Рияде лишила его гражданства Саудовской Аравии, но в исламском мире он уже был признанной величиной. Именно тогда Усама Бен Ладен пишет двенадцатистраничное «объявление войны» растлевающему исламский мир влиянию Соединенных Штатов. В его лице Америка получила наиболее последовательного противника, готового принести на алтарь своей страшной борьбы собственную жизнь.

Вся история терроризма свидетельствует о том, что абстрактные положения политической философии сами по себе недоста-

417

точны, чтобы спровоцировать силовое противодействие. Это очевидно в случае Израиля, где терроризм связан с арабо-израильским конфликтом, террористическими атаками в Индии, Шри Ланке, России, Испании, Британии, Колумбии, Алжире, Узбекистане. Эйфелеву вышку хотели уничтожить из-за связей французского правительства с алжирским военным режимом. Почему Аль-

Каида должна быть иной? Она является ваххабистской ветвью радикального Ислама, предубежденного против западной цивилизации. Но она же не борется слепо против этой цивилизации как таковой, в противном случае ей нужно было бы напасть на более продвинутые в цивилизационно западном отношении (чем сравнительно консервативные США) страны Западной Европы.

Как признает пакистанский президент генерал Мушараф, «события 11 сентября показали, что люди готовы умереть за Бен Ладена. Люди идут за ним потому, что не могут больше выносить бедности, отчаяния, бессилия. Бен Ладен дал своим ученикам проект, который оправдывал терроризм, и предоставил им финансовые средства для совершения этих актов. Парадоксально, главной мотивацией воинствующих исламистов была не религия, а политика. Террористы, атаковавшие Нью-Йорк и Вашингтон, отнюдь не были набожными. Они нанесли удар не во имя Аллаха, формальной причиной стал палестино-израильский конфликт»[1].

И для любого, кто желает не просто излить эмоции, но понять суть происходящего, следует увидеть *объяснимые* черты поведения террористов, рациональное в их мотивации и в целях. Отрицать, что названные проблемы противоречат установленному надолго внешнеполитическому курсу США, было бы противиться очевидности. В США уже говорят о «болезненных последствиях триумфализма, который овладел Соединенными Штатами после окончания «холодной войны»[2].

Аль-Каида направлена против США по совершенно рациональным для нее причинам:

— несогласие с военным присутствием США на Аравийском полуострове рядом с мусульманскими святынями;

— борьба с прозападными (умеренными, по западной терминологии) режимами, враждебными (особенно активно в случае с Египтом, Иорданией и Алжиром) правоверным мусульманам;

— Аль-Каида выступает против политической линии США в арабо-израильском конфликте.

Но есть и более широкий аспект проблемы — цивилизацион-

[1] «Le Figaro», Avril 8, 2002.

[2] *Simes D.* What War Means («The National interest», Spring 2002, p. 48).

418

ный конфликт, желание освободиться от контрольных механизмов западной цивилизации. Напомним, что американские вооруженные силы взяли под свое крыло политические режимы Египта, Саудовской Аравии, Пакистана, Турции. Пытались контролировать Ливан и Сомали. В 1990 г. американская армия высадилась в Саудовской Аравии, а позднее в Кувейте. В то же время окончилось противостояние Запада с Востоком, которое периодически позволяло (скажем, Египту, Алжиру, Индонезии, Сирии, Ливии, Ираку, Судану, Сомали) играть на великом противостоянии «холодной войны». Последовала буквально массовая фрустрация ожесточенных мусульманских политиков. Об этом ныне отчетливо свидетельствуют такие исламские средства массовой информации, как телекомпания «Аль-Джезира» из Катара.

Мусульманская элита Саудовской Аравии, Египта и многих других стран Магриба, Леванта, стран Персидского залива, начиная с Ирана и Ирака, ощутила чрезвычайную ненависть к тем, кого эта мусульманская элита считает компрадорами и «продавшимися Западу». Аятолла Хомейни и Саддам Хусейн стоят в том же ряду антизападных деятелей, где занял место Усама Бен Ладен. Именно Саудовская Аравия и Египет дали основу Аль-Каиды, Хезболлы и прочих антизападных террористических организаций, действующих от Марокко до Филиппин. В рекрутах и пожертвованиях здесь нет недостатка, и уход Бен Ладена

в данном случае ничего не изменит.

Настойчивость исламского мира, во многом противопоставившего себя западному миру, стала ощутимой в 1970-е годы: инициативы ОПЕК, иранская революция и пр. Уже тогда началась отчаянная борьба против того, чтобы «западный конструкт ограниченной применимости» был признан всемирно универсальным. Исламский мир не пожелал взять в качестве эталона набор стандартов, ограниченный цивилизационными правилами Соединенных Штатов, Великобритании и Франции. Мусульманская историческая матрица не совпадала с канонами либерального индивидуализма, и ей помогла марксистская критика прав человека, антропологическая критика высокомерия буржуазного империализма девятнадцатого века, отрицание универсализаторских претензий просвещенческой мысли североатлантического мира. Западная интеллектуальная гегемония превратилась в объект яростной критики: не имея возможности более владеть всем миром, Запад стремится замаскировать свою волю в якобы нейтральном и универсальном языке гражданских прав, которые навязываются без разбора всему миру. Примерам «идейного» столкновения цивилизаций, особенно открыто ощутимых в противостоянии с мусульманским миром, несть числа. Скажем, администрация Клинтона поддерживала избирательные права женщин в Катаре,

419

Омане и Кувейте; поддерживала основы парламентаризма в Йемене и в других странах. (Но когда речь зашла о двух «краеугольных камнях» американской политики в арабском мире — Египте и Саудовской Аравии, у Вашингтона опустились руки. Администрация Клинтона особенно опасалась перебрасывания «алжирской болезни» на Египет[1]).

С другой стороны, триумфализм Запада после победы над Ираком в 1991 г., нежелание ни республиканцев, ни демократов в США вооружиться конструктивной политикой в отношении своего рода «пасынков истории» привело к утере контактов со средним классом мусульманского мира, отторгнутого деятелями типа Мубарака, алжирского и турецкого военного руководства от непосредственных контактов с западным миром технологии, денег и идей. Э. Коэн называет это отношение Запада и, прежде всего, США «сочетанием клиентеллизма, реальполитик и культурного презрения» к миру Ислама, в то время как «Израиль платит цену за отсутствие интереса к прогрессу в гражданском обществе Палестины». В той степени, в какой «американские лидеры закрывают свои глаза на реальности больного и отвергнутого арабского сообщества как части большого исламского мира, они *будут терпеть поражения в попытках понять подлинную природу войны, в которую они оказались вовлеченными»*[2]. Ожесточение маргинализируемых *дважды* — и глобально, и на национальной арене — мусульманского мира (уммы в целом) стало зримым фактором мировой политики.

Напомним, что первая атака на Международный торговый центр была инспирирована в 1993 г. шейхом Омаром Абделем Рахманом. Именно проамериканизм официального Египта позволил египетскому подданному Рахману переехать в Нью-Йорк. Пример аятоллы Хомейни, вернувшегося с Запада, чтобы завоевать Иран, вдохновлял этого египтянина, создавшего в «западном Вавилоне» мечеть. Исполнитель того террористического акта был тишайшим инженером-химиком, обустроившимся в Америке, чьи дети учились в хороших американских школах. И вот этот «тишайший» набил пикап динамитом и поставил его в паркинг МТЦ. Характерно, что и его последователи пилоты-самоубийцы не испытывали страха. Они, похоже, были ведомы не слепой яростью, а твердой верой — назовем это версией мусульманской веры.

[1] *Indyk M.* Back to the Bazaar («Foreign Affairs», January-February 2002, p. 75).

[2] *Cohen E.* A Strange War («The National interest», Spring 2002, p. 32).

420

9/11

Бывают события, которые как сполохом молнии озаряют широкий горизонт и высвечивают даль, прежде закрытую пеленой обыденности. Падающие небоскребы Манхэттена и горящий Пентагон были таким моментом современной истории, которая раскололась на *до* и *после.*

Американские граждане были не раз жертвами террористических атак — в Ливане в 1983 г., в Средиземноморье в 1985 г., над Шотландией в 1988 г., в двух американских посольствах в Восточной Африке в 1998 г. Но все это происходило далеко от американских пределов. На этот раз террористические акты были совершены на американской территории и, собственно, в нервных центрах американской мощи. Погибло в один день в пять раз больше американцев, чем за три предшествующих десятилетия террористических атак. Вдвое больше, чем в Пирл-Харборе, в 30 раз больше, чем от рук Тимоти Маквея в Оклахома-сити.

Запад 11 сентября 2001 г. подвергся нападению не просто террористов, а при этом и истовых верующих ислама. Неудивительно, что президент-протестант, как и все соответствующее окружение, бросились доказывать, что ислам — это прекрасная и чистая, мирная и восхитительная религия, а смертники над Нью-Йорком и Вашингтоном являют собой отщепенцев-фундаменталистов, искажающих своими поступками суть учения Мухаммеда. Официальные лица посетили мечети, пригласили в Белый дом видных представителей исламской общины, выразили словесное восхищение великой мировой религией.

Государственная машина США постаралась показать экстремизм чрезвычайно далеким от массового ислама явлением, маргинальным ответвлением великой мировой религии, изгоем самого арабского и исламского мира. Многое было сделано, чтобы лишить происходящее характера Kulturkampf между Западом и Исламом. Успех этой идейной кампании относителен. «Узкое определение того, против чего мы воюем, как нелигитимного, как отщепенчества от здравых религиозных и национальных сообществ, — пишет американец Э. Коэн, — может благоприятно подействовать на наше сознание, может служить краткосрочным политическим целям и обеспечить успокаивающие границы нашим страхам. Но оно *не соответствует истине.* Аль-Каида питает силу из гораздо более широких движений в арабском и мусульманском мирах, где она обращается к артезианским потокам ненависти и возмущения, которые текут под поверхностью всех контролируемых обществ. Эта организация не может быть с легкостью изолирована или сведена исключительно к фанатикам. Даже беглый взгляд на арабскую прессу дает наглядную картину

421

спонтанных выражений восхищения унижением Соединенных Штатов. Сознательный отход многих исламских религиозных деятелей от безоговорочного осуждения таких приемов борьбы многое проясняет. Усама Бен Ладен ни в коей мере не является предметом осуждения во всем арабском и исламском мире — это неудобный факт, но это факт»[1].

И все же в этом случае оставить определение противника *историкам* нельзя. Слишком важен момент, слишком велика значимость направления применяемой американцами силы. Выяснение характера противника не может немедленно определить оптимальную стратегию, но оно может показать будущую направленность конфликта, обещающего быть долговременным.

Главным в данном случае является, увы, не мнение мирно беседующих с президентом США американских мусульман. Желает того Америка или нет, а наиболее важным внешним фактом для богатой и щедрой Америки теперь является то, что в огромном, более чем миллиардном мусульманском мире — от

Марокко до Южных Филиппин — ее теперь, после силовых действий против основной мусульманской общины Афганистана, пользуясь эвфемизмом, *любят меньше*. Особенно важно то, что это относится к быстро растущей демографически мусульманской молодежи. И на Западе (в частности, в США) на серпы мечетей население смотрит с *особым* чувством — что бы ни говорили мастера политической корректности.

При этом «нападение на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября может быть прелюдией гораздо более страшного будущего... В руках Аль-Каиды инструменты и технические приемы, которые прежде были доступны лишь Западу. Ободренные успехами в Иране, Судане, Ливане, мусульманские радикалы не намерены ослаблять свой натиск»[2]. Америка встретила страшного в своей решимости противника.

Человек, который повел самолет на Северную башню Международного торгового центра, — Мохамед Атта сознательно оставил в багаже документ, который был явно предназначен миллионам, которые могли прочесть это своеобразное политическое завещание террориста, превозносящего мученичество своих товарищей и обещавшего божественное вознаграждение 19 соучастникам-террористам. Знакомство с исламом в версии Атты потрясло миллионы американцев. В завещании египтянина Атты мы читаем мысли типичного мусульманина, который просит аллаха о небесной компенсации, предназначенной мученику за ве-

[1] *Cohen E.* A Strange War («The National Interest», Spring 2002, p. 47).

[2] *Fishbein R.* Echoes from the Barbary Coast («National Interest», Winter 2001/02, p. 50).

422

ру. Обращается к сообщникам: «Знайте, что сады рая ждут вас во всей своей красе. И женщины рая ждут вас, взывая: «Придите сюда, друзья Всевышнего». Они одеты в свои лучшие, прекрасные одежды». Атта пошел «дорогой своих покорных Аллаху предков в битву на стороне Аллаха». Захватив самолеты, террористы 11 сентября читали боевые молитвы ислама: «Не поможет ни снаряжение, ни высокие ворота, ни всяческое оружие достижению нашей цели, и может нам причинить что-либо никто, кроме Аллаха».

Это религиозно-эмоциональная сторона дела. Что касается воодушевляющих исторических реминисценций, то помощник Бен Ладена аль-Завахири напомнил о временах владения исламом Испанией и его победоносного движения к Вене — о великих для мусульманской цивилизации временах, после которых христианам удалось изменить течение мировой истории. Подобно тому, как в XIII веке Ибн-Таймийя сумел организовать всех мусульман на борьбу против монголов, так и сегодня вожди исламского мира найдут силы для организации огромного мира ислама. Семь столетий назад прозвучали слова, которые мусульмане произносят сегодня: «Сражаться в защиту религии и веры является коллективной обязанностью; нет более важной обязанности, чем сражаться с врагом, который искажает саму жизнь и веру»[1]. И американцы — это монголы тринадцатого века.

С точки зрения внутрицивилизационной исламской консолидации, целью самоубийственной атаки 11 сентября 2001 г. были не две башни Международного торгового центра, а главные основы западного влияния в мусульманском мире — прозападные режимы Пакистана, Саудовской Аравии, Египта и Алжира. Исламские активисты указывают, что только западное вмешательство (через посредство компрадорских прозападных режимов) не позволило исламским фундаменталистским партиям прийти за последние десять лет к политической власти в Алжире, Турции, Пакистане, Индонезии. В своей «Декларации войны» (октябрь 2001 г.) Бен Ладен указывает, что размещение американских вооруженных сил на Аравийском полуострове представляет собой величайшее надругательство над исламом со времен смерти Пророка. Цель этих сил —

вытеснить американцев с Ближнего Востока, свергнуть т. н. «умеренные» (т. е. прозападные) режимы и воссоздать единую мусульманскую нацию, руководимую воинствующей религиозной идеологией.

Организаторы сентябрьской акции апеллировали к умме, к мировому исламскому сообществу. К факту бедности, унижения, разочарования, униженности миллионов жизней в исламском мире. И цель поставлена была довольно прозрачная: Соединен-

[1] Цит. по: «Foreign Affairs», January-February 2002, p. 31.

423

ные Штаты развернутся всей своей невероятной мощью и постараются «убить летящую муху из ружья. Средства массовой информации будут неустанно показывать, как огромная сила используется против гражданского населения Афганистана, и вся умма будет шокирована тем, как безмятежно американцы несут страдания и убивают мусульман. Последующее возмущение разверзнет бездну между правительствами и обществами Ближнего Востока, и правительства, связанные с Западом, — многие из которых являются репрессивными, коррумпированными и не следующими законам — окажутся в изоляции»[1].

Часть единоверцев Атты на Западе, особенно приемлемые для западного истеблишмента муллы, поспешили отвергнуть оставленный документ, но миллионы единоверцев в мусульманском мире красноречиво молчали. Даже самые умудренные, далеко не молодые и даже связанные с Западом. Вот что пишет египетская «Аш-Шааб» через 10 дней после террористических актов: «Посмотрите! И это мастера демократии, которую они так часто обожествляют, но которые совершают преступные, варварские, кровавые дела, превосходящие по отсутствию моральных стандартов самые кровавые империи в истории. За последние десятилетия от рук американской цивилизации погибли пять миллионов человек, пусть Аллах примет их как мучеников». В той же легальной «Аш-Шааб» события сентября подавались так: «Посмотрите! Хозяину мира, Америке, нанесен удар. Сатана, который правит миром от востока до запада, горит. Спонсор терроризма сам горит в огне». Бен Ладен в своей «Декларации войны» утверждает, что то, что Америка «испытывает сегодня, — малая толика того, что мы испытываем на протяжении десятилетий. Наша нация чувствует это унижение уже более восьмидесяти лет. Убиты ее сыны, льется ее кровь, подверглись нападению ее святые места, и эти места управляются не по законам Пророка». Восемьдесят лет назад распалась Оттоманская империя. Он назвал 12 горячих точек, где умирают мусульмане, и отвел роль главного виновного Соединенным Штатам. «Вы знаете о размерах, намерениях и опасности американского присутствия на базах в этом районе (в Саудовской Аравии. — *А.У.)* Здесь правительство предало умму и присоединилось к неверным, помогая им в борьбе против мусульман... открывая Аравийский полуостров крестоносцам, режим выступил против Пророка»[2].

[1] *Doran M.S.* Somebody Else's Civil War («Foreign Affairs», January-February 2002, p. 23).

[2] Цит. по: «Foreign Affairs», January-February 2002, p. 33.

424

Исламистские фундаменталисты «ненавидят Соединенные Штаты, Германию и Францию... Они превозносят свои традиции и веру, хотя эти традиции уже не могут дать им всего мира. При этом взрывная демография ислама захлестывает и Запад. Воинствующий ислам пришел в движение»[1]. Следует при этом отметить, что сотни тысяч молодых и энергичных цивилизационных защитников ислама приобщились к современной технике и западной организации в ходе этого нового периода «бури и натиска», когда практически все границы исламского мира стали представлять собой линии фронта — от Сараева и Грозного на севере до Коломбо

на юге, от Алжира на западе до Филиппин на востоке.

Ведущий во второй половине XX века идеолог исламского мира Саид Кутб объясняет единоверцам враждебность Запада так: «Самый главный элемент — дух Крестовых походов, вошедший в кровь всего Запада. Он влияет на весь их мыслительный процесс, ответственный за империалистический страх пред духом Ислама и за попытки сокрушить Ислам. Инстинкты и интересы всего Запада связаны с сокрушением этой силы»[2]. Запад и Ислам вступили в продолжительную войну друг с другом. «Ислам в конечном счете, конечно же, победит, но только после преодоления величайших трудностей. Современная история, характерная доминированием Запада, представляет собой самое темное время во всей истории ислама»[3].

Уверение, что происшедшее ничего общего с религией не имеет, по меньшей мере, убедительно не для всех. С. Сакс из «Нью-Йорк таймс» высказался именно в этом духе: «Нетрудно предсказать, что разочарованные молодые люди в Египте и Саудовской Аравии от отчаяния обратятся к религии». По определению Н. Чанды и С Талботта, террористы, «претендуя на роль защитников беззащитных масс земли, они нашли способ атаковать самое могучее государство. Они определили способ нападения в стиле джиу-джитсу, превращая базовые черты американской мощи — открытость и мобильность — в уязвимые места Америки. Они отправили захватчиков, вооруженных самыми примитивными видами оружия (вскрывателями коробок), в самую сердцевину технологического совершенства современного мира. Американский историк П. Шредер: данные террористы «являются фанатичными идеологами и уголовными преступниками, но они не дураки и не сумасшедшие ни в каком клиническом смысле и по-

[1] *Fouad Ajami.* The Sentry's Solitude («Foreign Affairs», November/December 2001, p. 4).

[2] Цит. по: «Foreign Affairs», January-February 2002, p. 30.

[3] *Doran M.S.* Somebody Else's Civil War («Foreign Affairs», January-February 2002, p. 30).

425

казали высокую степень целенаправленной рациональности в преследовании своих целей; справедливым было бы сказать, что они ожидали и страстно желали ответной реакции Соединенных Штатов. Их очевидное желание стать мучениками борьбы за свое дело говорит нам об их готовности сделать невольными мучениками многие тысячи своих единоверцев и сограждан, равно как и спровоцировать военное отмщение американцев и их союзников. Это стандартная тактика для террористов и партизан — спровоцировать противника на кровавые ответные меры, с тем чтобы разрушить жизненные центры и заставить каждого сделать выбор между ними и национальными или религиозными противниками. Такой была калькуляция Гаврило Принципа, а он был значительно менее умным, чем нынешние террористы»[1].

Грозный знак впереди — возможная эволюция позиции Пакистана. Многочисленные пуштуны — офицеры армии Исламской республики Пакистан — при всех прозападных связях и симпатиях не могут быть в конкретной ситуации надежной прозападной силой в противостоянии президента Пакистана со своим исламским населением. И если США окажут на президента Мушарафа давление выше неощутимой в Америке нормы, его режим будет просто сметен. В чьих руках будет тогда ядерное оружие Пакистана? Не будем пугать себя сами, но представьте на минуту этот огромный неудовлетворенный, самый быстрорастущий мир от Атлантики до Тихого океана, от Лагоса до Джакарты, вооруженный ядерным оружием Пакистана. И не только его. Такие страны, как Нигерия, Иран, Египет, Ирак, Саудовская Аравия, Бангладеш, Индонезия, имеют два необходимо-обязательных компонента: нефтедоллары и получивших образование в западных университетах физиков. Остальное — воля, минимальное менеджеристское умение и определенная степень закрытости.

Преследуемый всем цивилизованным миром Усама Бен Ладен после первых же бомбардировок Афганистана заявил (посредством катарской телекомпании «Эль Джезира»), что «Америка открыла дверь, которую не сможет закрыть». Мы слышали много ламентаций уже практически бессильных людей. И Гитлер едва ли не до последнего дня в бункере намекал на имеющееся якобы у него «сверхоружие». Но мы, живущие в стране, имеющей восьмилетний афганский опыт, не можем легко отмахнуться от очередного пророка джихада. Можно смести с лица земли все учебные центры терроризма, но если мы оставим в неприкосновенности его постоянно пополняемые источники — поразительное материальное неравенство, нечувствительность к тем, кто

[1] *Schroeder P.* The Risks of Victory. An Historian's Provocation («National Interest», Winter 2001/02, p. 26).

426

считает себя обиженными (справедливо или несправедливо — в данном случае это не радикально важно), фактическое неравенство при формально провозглашаемом равенстве — тогда точность летчиков в октябре менее важна, чем фанатизм сентября. На существенное в текущей обстановке обстоятельство указывают американские исследователи: «Соединенные Штаты не способны дистанцироваться от Израиля, какую бы опасность политика Израиля ни несла американским жизням и американским интересам»1.

2. РЕАКЦИЯ АМЕРИКИ

> Одним из самых важных результатов атаки 11 сентября было превращение Соединенных Штатов в мирового гегемона.
>
> *А. Ливен, 2002*

> Все действия США после 11 сентября делают очевидным, что администрация Буша не испытывает большого желания осуществлять подлинное международное сотрудничество; никакого желания пожертвовать реальными или мнимыми американскими интересами ради такого сотрудничества; никакого интереса к заключению официальных международных соглашений, которые каким-либо способом могли бы ограничить свободу действий США; никакого желания выслушать почти единогласное мнение «международного сообщества» по любому пункту, который вызывает минимальное американское несогласие.
>
> *С. Патрик. «Каррент хистори», декабрь 2001 г.*

Вторник 11 сентября 2001 г. изменил мир. С этим утверждением согласится по меньшей мере Запад и, конечно же, Америка. Президент Буш обратился 20 сентября к объединенной сессии

[1] *Lieven A.* The Secret Policemen's Ball: the United States, Russia and the international order after 11 September («International Affairs», v. 78, 2, 2002 p. 258).

427

сената и палаты представителей со следующими словами: «11 сентября враги свободы совершили акт агрессии против нашей страны. Американцы знают, что такое война, — но за последние 136 лет они вели войны на чужой территории, за исключением одного воскресенья в 1941 г. Американцы знают, что такое военные потери, — но не в центре великого города в мирное утро. Американцы знают, что такое удар без предупреждения, — но никогда целью удара не были тысячи гражданских лиц. И все это пало на нас в один день — и ночь опустилась на ставший иным мир»[1].

Произошедшая в трагическом сентябре атака международных террористов на Нью-Йорк и Вашингтон с необыкновенной силой высветила *наиболее* важные факторы международной жизни, действие которых знаменует собой начало новой эпохи. Проблемы, считавшиеся латентными, пробили оболочку и отныне

определяют состояние современного мира.

На волне общенациональной сплоченности сразу же начались крупномасштабные дебаты, которые в общем и целом вращаются вокруг нескольких ключевых вопросов: что произошло? В чем причина атаки? Кто виноват? Откуда можно ждать следующий удар? И самое главное: что следует делать? Главными вопросами, без ответа на которые не стоило долбить даже пустынную афганскую землю, являются следующие: кто были люди, совершившие совмещенное убийство и самоубийство? Каковы их мотивы? Что вдохновляло террористов? За что они ненавидели Америку? За то, что Америка сделала, за предполагаемые грехи, за то, чем американцы являются, за предполагаемые и реальные американские доблести, за достоинства или недостатки? Ответ на эти вопросы требует широкого подхода к процессу отчуждения и антагонизма огромных районов мира.

Фанатики сегодняшнего дня не имеют индульгенции, они наносят удар по самым слабым, по беззащитным членам общества. Но мы, если претендуем на победу над терроризмом, должны постараться понять их умонастроение, причины их ожесточения, способы ликвидации их самоубийственного пафоса. Это не дань их умственно-эмоциональному ушибу, это наша тропа спасения. Постараемся хотя бы очертить мир, в котором не будет головокружительной разницы в условиях жизни, где процветающая часть человечества признает хотя бы моральные обязательства в отношении обделенных, где триумф глобализма не будет автоматически означать надругательство над традицией, исторической памятью и ментальным кодом менее удачливого. Хладнокровное безразличие, может, и не рождает фанатиков, но оно оправдывает их в собственных глазах.

[1] www.whitehouse.gov/news/releases/2001/09/20010920-8.html

428

Сущность терроризма

Четверть века назад американский исследователь Д. Фромкин предложил такой ответ на вопрос о сущности терроризма: «Терроризм — это насильственный акт, осуществленный для того, чтобы породить страх; но он направлен на то, чтобы вызванный им страх повел кого-то другого — не террориста — на действия, которые создали то подлинное, чего террорист в реальности желает»[1]. За последние десятилетия и годы общая численность террористических актов не выросла, но поразительно выросла численность жертв в результате одного такого акта. Это устрашающая тенденция.

В ноябре 2001 г. журнал «Нэшнл ревью» прямо обвинил Американскую ассоциацию исследований Ближнего Востока в «полном провале ближневосточных исследований как академического занятия, оказавшегося неспособным подготовить Соединенные Штаты к брутальному терроризму исламского радикализма»[2]. Кабинетные ученые, мол, влезли в дебри абстрактных догм, «расщепляют волос вдоль» и при этом игнорируют национальные интересы США. Завязалась дискуссия.

Самый краткий ответ на вопрос «как это случилось?» звучит примерно так: несколько преисполненных решимости людей хотели этого и оказались в состоянии сделать это, обойдя все охранительные преграды, воспользовавшись неадекватностью разведслужб США. Но вопрос о причинах их решимости, их интерпретации религиозных догм, их сознательного стремления стать самоуправляемыми ракетными установками захватывает гораздо более широкий диапазон проблем. И основой этих проблем была ненависть к Соединенным Штатам как к стране и народу.

Многие американские исследователи Ближнего Востока сознательно постарались избежать манихейства, избежать сознательной антагонизации огромного и важного региона, улучшить отношения с арабским миром и поэтому

старались не акцентировать внимания на эксцессах общей негативной оценки ислама. Но сказать, что специалисты по исламу не предупреждали западный мир, было бы неправдой. Напомним, что влиятельнейший журнал «Форин афферс» поместил *еще* в 1998 г. статью Б. Льюиса «Разрешение на убийство: Усама Бен Ладен объявляет Священную войну». В 1999 г. М. Фенди издал исследование, значительная часть которого посвящена карьере Бен Ладена со всем из

[1] Цит. по: «Foreign Affairs», January-February 2002, p. 22.

[2] «National Review», November 2001.

429

этой карьеры вытекающим. Значительное число исследований было осуществлено непосредственно для ЦРУ.

Администрация Клинтона уже сталкивалась с враждебностью, вылившейся, в частности, в несколько террористических актов против американских посольств и военных контингентов. Именно тогда, во времена президента-демократа, было создано короткое и простое объяснение, ставшее почти частью политической культуры в США: иностранцы будут *не любить* Америку, что бы она ни делала, просто потому, что она является самой мощной нацией на земле, приверженной при этом демократии и свободному рынку. Так грозное явление получило самоуспокаивающее объяснение, годное на все случаи жизни. Это был легкий ответ, и он привел американцев к представлению, что, словами американского аналитика Д. Саймса, «вмешательство во внутренние дела других стран будет ненакладным; Соединенные Штаты будут нести относительно скромные расходы, а не всю плату за последствия своих действий»[1]. Эта теория в конечном счете стала «общепринятым здравым смыслом», она стала привычным и поверхностно убедительным объяснением.

Но эта теория является ложной. Вся история терроризма свидетельствует против того, что абстрактные положения политической философии сами по себе достаточны, чтобы спровоцировать силовое противодействие. Это очевидно в случае Израиля, где терроризм связан с арабо-израильским конфликтом. Указанное объяснение не работает в случае террористических атак в Индии, Шри-Ланке, России, Испании, Британии, Колумбии, Алжире, Узбекистане. Эйфелеву вышку хотели уничтожить из-за связей французского правительства с алжирским военным режимом. Почему Аль-Каида должна быть иной? Возможно, она является ваххабистской ветвью радикального Ислама, предубежденного против западной цивилизации. Но она же не борется слепо против этой цивилизации как таковой, в противном случае ей нужно было бы напасть на более продвинутые, разрешающие гораздо больше, чем сравнительно консервативные США, страны Западной Европы.

Ощущая невозможность «максимально широкого» определения противника, Америка после шока постепенно «сузила» (иначе невозможен был конкретный ответ) территорию противника: террористическая сеть Аль-Каиды как организации с «искаженной формой исламского экстремизма» — цитируя президента Буша, По мнению Ахмеда Рашида, считающегося лучшим специалистом по мусульманским террористическим организациям (в

[1] *Simes D.* What War Means («The National interest», Spring 2002, p. 47).

430

2002 г. на Западе вышло его обстоятельное исследование «Джихад»), Аль-Каида продолжает действовать по всему миру. Основной проблемой для Запада являются «спящие» ячейки в Европе и других регионах, которые почти невозможно раскрыть. Члены этой организации уже много лет живут, будучи внедренными в западные общества, и могут быть задействованы в любой момент. Структура и силы Аль-Каиды и режим талибов понесли значительные потери в Афганистане, но это не нанесло никакого урона их оставшемуся всемирному

аппарату. Параллельно в Средней Азии действует Исламское движение Узбекистана (часть структур которого была развернута в Афганистане и пострадала в ходе боев).

Заново после сентября мобилизованные американские специалисты по Ближнему Востоку выдвигают четыре объяснения взрыву исламского терроризма в отношении Америки:

— влияние военного триумфа в войне с Ираком в 1991 г. Тогда США сознательно постаралось не ожесточить мусульманский мир. «Чтобы навести глянец на современный ислам, эксперты по Ближнему Востоку постарались занизить значимость мусульманского экстремизма, что привело к самоуспокоенности и самоуверенности»[1];

— США сконцентрировали свое внимание на том, что им кажется наиболее важным — на отношениях с «умеренными» режимами, с прозападными правительствами Саудовской Аравии, Египта, Иордании, на тенденциях развития связей этого региона с Западом. Это заметно отвлекло внимание от воинствующей части ближневосточного политического спектра. Недостаток внимания к радикальным режимам сказался. Потенциальная демократизация Ближнего Востока как бы закамуфлировала упорный радикализм;

— нефть как стратегическое сырье современной экономики заставляет как бы «сквозь пальцы» смотреть на особенности политического процесса в данном регионе.

— палестино-израильский конфликт так или иначе занимает в американских отношениях центральное место, как бы уводя в сторону возможность прямого воздействия мусульман на Америку.

Предпосылка новой эффективности исламского фундаментализма, вызвавшая 11 сентября, — глобализация. Можно, конечно, отворачиваться, пожимать плечами и т. п., но до сих пор глобализацию видели, в худшем случае, как раздражающий ис-

[1] *Kramer M.* Ivory on Sand: The Failure of Middle Eastern Studies in America. Washington: Washington Institute for Near East Policy. 2001, p. 12.

431

точник замешательства, причину пока *теоретических* баталий. В одном только 2000 г. границы США пересекли 489 млн. человек, 127 млн. легковых автомобилей, 11,5 млн. грузовиков, 829 тыс. самолетов, 2,2 млн. железнодорожных вагонов. «Возможно, наиболее серьезной угрозой, порожденной атакой 11 сентября, — пишет американец С. Флинн, — является обнаружение мягкого подбрюшья глобализации. Та же самая система, которая питала славные дни 1990-х годов — открытость американской экономики миру, — увеличила американскую уязвимость. На протяжении многих лет американские политики, переговорщики и лидеры бизнеса действовали исходя из наивного предположения, что у раскрытия ворот мировой торговли и путешествий нет побочного негативного эффекта»[1]. Американцы опомнились поздно — теперь в США не купить карт основных водных резервуаров, атомных электростанций, мостов и тоннелей. Карты нефте- и газопроводов изъяты из Интернета.

И любому, кто желает не просто излить эмоции, но понять суть происходящего, следует увидеть *объяснимые* черты поведения террористов, рациональное в их мотивации и в целях. Отрицать, что названные проблемы противоречат установленному надолго внешнеполитическому курсу США, было бы противиться очевидности. В США уже говорят о «болезненных последствиях триумфализма, который овладел Соединенными Штатами после окончания «холодной войны»[2].

Фактор религии

Не все в нашем мире определенно знают, насколько религиозным является американское общество. При общем джефферсоновском отделении государства от религии (Т. Джефферсон считал «Акт о религиозной свободе» своим высшим вкладом в американскую политическую жизнь) представить себе президента, сенатора или члена палаты представителей—атеиста весьма трудно. Религиозная жизнь в США весьма специфична, здесь мирно уживаются самые различные религии и верования вплоть до удивительных сект и культов. Преувеличить влияние христианской религии для США просто невозможно — это суть и душа Америки. По воскресеньям американцы идут в церковь.

Но при всей культурно-этнической пестроте американского общества фактом является практически абсолютное господство

[1] *Flynn S.* America the Vulnerable («Foreign Affairs», January-February 2002, p. 62).

[2] *Simes D.* What War Means («The National interest», Spring 2002, p. 48).

432

на политической арене США WASP — белых англосаксов *протестантов. Уже* избрание президента-католика (1960 г.) было своего рода общественной революцией. Представить себе президента США, клянущегося не на Библии, а на Талмуде, Коране, буддийских или индуистских текстах просто невозможно. По меньшей мере, в обозримом будущем. И церковь, на которой стоит американское государство, административный аппарат, армия, суды и истеблишмент, — это христианский протестантизм. Читатель может указать на вкрапления католицизма (ирландцы, итальянцы, испаноязычные, поляки), иудаизма (евреи), православия (восточные славяне), но все эти исключения лишь подтверждают правило: правящий американский мэйнстрим — христианский протестантизм. Надпись на долларе «Мы верим в Бога» означает совершенно определенного Бога.

В англо-саксонском мире сегодня героизируют «воинствующий христианский фундаментализм». Это явление Петерс из Колледжа армии США (Карлейль, Пенсильвания) подает как единственный достойный ответ воинствующему исламскому фундаментализму Бен Ладена. «Саддам как Валленштейн, Усама как Пикколимини, Колин Пауэлл как Ришелье, а все вокруг — от Колумбии до Индонезии — наемники». Петерс призвал к захвату нефтяных месторождений Персидского залива. Он готов воевать «хоть 100 лет».

Право

Объявлена войну терроризму — огромному, страшному, многоликому явлению. При этом жертвой Сентября стало и ***международное право.*** Обобщенно можно сказать, что международное право начиная с XVII века базируется на двух принципах — национальный суверенитет и равенство всех наций перед законом. Оба эти принципа были жестко проигнорированы Соединенными Штатами.

Непосредственно после атаки 11 сентября государственный секретарь Колин Пауэл провозгласил, что США находятся «в состоянии войны» с терроризмом. *Провозглашение войны* — юридический термин. И не самый удачный в данном случае: ведь так же можно объявить войну преступной уголовной деятельности или торговле наркотиками. Подобные антисоциальные действия могут быть ослаблены, уменьшены в объеме, но их невозможно «победить», искоренить полностью. Обычно другие страны действия, подобные американским после 11 сентября, называют «чрезвычайными операциями» (или как-то иначе), но не «войнами». Здесь терминология означает многое. В случае чрезвычайных операций главная ответственность передается разведывательным органам и

433

полиции, которым придаются чрезвычайные полномочия, — а там, где это необходимо, придаются войска. Задачей провозглашается изоляция террористов

от основной массы населения, изоляция их от источников снабжения. Но террористам в обычных случаях не придается статус стороны, ведущей регулярные *военные действия*. Они объявляются преступниками уголовного характера, и отношение к ним соответствующее. Как полагает англичанин М. Хоуард, «террористов не следует облагораживать приданием статуса ведущей войны стороны. Они преступники и должны рассматриваться обществом и властями как таковые. Объявлять войну террористам, или еще более безграмотно, терроризму, означает придать террористам статус, которого они не заслуживают, но которого жаждут. Это что-то вроде их легитимизации»[1].

Если они — сторона, ведущая *военные действия*, значит, с ними нужно и обращаться соответственно. Что еще важнее, пребывание нации в состоянии войны создает своего рода общественный психоз — противоположное необходимому состояние общества. Возникают совершенно ненужные ожидания и требования; публика требует четко обозначить противника. И лучше всего, если им будет некое враждебное *государство*. Не важно, если это не соответствует истине. Отныне использование силы видится не крайней мерой, а именно самой первой — и чем раньше будет применена сила, тем для публики лучше. Органы массовой информации требуют детального освещения происходящего. Отставные военные возникают на экранах с картами и графиками. Любое предложение ослабить применение грубой силы вызывает бурю негодования. Сторонники такой линии подаются как «соглашатели». В результате качества, необходимые для успешной борьбы, — строгая секретность, простор деятельности специальных служб, а главное — бесконечное терпение,— немедленно забываются под давлением гонки за непосредственным результатом.

Еще неудачнее выступил президент Дж. Буш с призывом «крестового похода против зла». Вместо полицейской операции возникла настоятельная необходимость в создании коалиции держав, возглавляемых Соединенными Штатами. А вовсе не о полицейской операции под флагом ООН, действующей от лица мирового сообщества против преступных действий группы лиц, которых ждет Международный суд. Американцы поддались эмоциональному порыву. Для них в происшедшем — не преступление против

[1] *Howard M.* What's in a Name? How to Fight Terrorism («Foreign Affairs», January-February 2002, p. 8).

человечности, а атака на Соединенные Штаты. Страна ждала катарсиса.

Но несколько иного ждал остальной мир. Как пишет американский исследователь М. Хирш, «вместо общего видения будущего мир получает боевые приказы от Буша; в результате мир все менее склонен следовать этим приказам, особенно в том случае, если Соединенные Штаты начнут крупномасштабную превентивную акцию против таких государств, как Ирак»[1]. (А если завтра Индия нанесет превентивный удар по Пакистану?)

Вместо битвы за умы и сердца людей началось соревнование в военной эффективности. А страдающей стороной выступила деятельность разведывательного сообщества, без успешной деятельности которого борьба с терроризмом принципиально не может окончиться успехом. И потом. Тот, кто в глазах одних — террорист, в глазах других — «борец за свободу». А терроризм может быть сокрушен только тогда, когда общественное мнение и внутри страны, и за рубежом поддерживает антитеррористическую деятельность, видя в террористах преступников, а не героев. Весь прежний немалый опыт показывает, что террористы начинают побеждать, когда им удается спровоцировать противостоящие власти на применение против них регулярных вооруженных сил. Когда ситуация для них становится беспроигрышной, они либо ухитряются избежать решающей битвы, либо попадают в нее, погибают и становятся героями,

мучениками, жаждущими отмщения.

А рядом уже погибли многие непричастные гражданские лица, и это страшный удар по престижу правительства. Англичанин Хоуард говорит, что это «все равно что попытаться искоренить рак горящим факелом. Какими бы ни были военные оправдания бомбардировок Афганистана, неизбежные сопутствующие потери резко ослабят огромный моральный подъем, последовавший за террористическими атаками против Америки... Причиненные ими жестокости так или иначе уйдут в глубину памяти, а вот каждое новое телевизионное изображение разбомбленного госпиталя или сделанных калеками детей, выброшенных из своих домов беженцев *будет усиливать ненависть и рекрутировать в ряды террористов*»[2]. И порождать сомнения в противоположном лагере. И предоставляют деятелям типа Бен Ладена платформу для глобальной пропаганды. Или делают из него мученика и идола для

[1] *Hirsh M.* Bush and the World («Foreign Affairs», September/October 2002, p. 23).

[2] *Howard M.* What's in a Name? How to Fight Terrorism («Foreign Affairs», January-February 2002, p. 11).

435

миллионов. В любом случае проблема терроризма оказывается неверно оцененной и неправильно решаемой.

Но напомним еще раз о юридической стороне дела. Провозглашение войны означает противодействие *некоему государству*. И сегодня уже не звучит апелляция к международному праву, к *господству закона*. Разговор о сокрушении государств и снятии ограничений на внеюридическое преследование может соответствовать эмоциональному порыву, но это бумеранг, он возвращается. Если подорвать созданную преимущественно Соединенными Штатами систему международного права, то что станет ее заменой? Ряд даже американских юристов и историков полагает, что «незамедлительный выбор Америкой войны *не совпадает с принципами международного сообщества*, которые требуют отвечать на международные угрозы — включая революционные, подрывные, террористические атаки на ту или иную страну, — руководствуясь не старым принципом lex talionis (око за око), но посредством организованных действий международных организаций. Подобные акции, включая легальные, моральные, дипломатические, военное давление, рассчитаны на то, чтобы «предотвратить возможный кризис от эскалации в войну и, если это возможно, найти решение, приемлемое для всех сторон с легальной, юридической точки зрения... В данном случае немедленное объявление войны терроризму может рассматриваться как несдержанная риторика на потребу дня, а вовсе не как тщательно продуманное решение»[1].

Запад, вместо закрепления благоприятствующей ему системы международных отношений, позволил себе систематическое нарушение мировой упорядоченности. Решающий шаг в сторону от господства международных норм был сделан весной 1999 г. нарочитым односторонним натовским актом — бомбардировкой суверенного государства Югославии. Диктат закона заменила пресловутая целесообразность. В апреле 2001 г. (значительно раньше предсказывавшегося срока конфронтации с Китаем) США, вместо извинений после сбития китайского самолета, приступили к давлению на КНР, придавая тем самым респектабельность односторонним действиям, неподчинению коллективным международным нормам. Американское правительство в последнее десятилетие сделало на внешней арене много такого, против чего американское население безусловно восстало бы, имей эти действия место на внутренней арене. Напомним о действиях в отношении Панамы, Гаити, Сомали, Судана, Югославии, Афганиста-

[1] *Schroeder P.* The Risks of Victory. An Historian's Provocation («National Interest», Winter

2001/02, p. 28).
436
на. Словесно отвергая возможность наказания *до* суда, Запад стал бомбить Афганистан, основываясь на *косвенных* доказательствах, наказывая *до* предъявления доказательств.

Тот факт, что террористы нарушают фундаментальные нормы цивилизованного общества, еще не означает, что цивилизованный мир должен реагировать подобным же образом. Ведь претензия на цивилизованность — это показ, что мы поступаем *не как* террористы. Это вовсе не означает прощения или оправдания, но это первый реальный шаг в сторону от повторения будущих нападений, в направлении их предотвращения.

. Даже в трагических условиях после сентября 2001 г. США *отказались* создать Международный суд и отвергают международное Соглашение по запрету использования биологического оружия. США отказались ратифицировать протокол Киото; отвергли позитивную значимость договора по ПРО и в декабре 2001 г. вышли из этого договора; не признали юрисдикцию Международного суда в Гааге; постарались поставить Североатлантический союз вне и над системой ООН; уменьшили уровень международной помощи — создавая тем самым респектабельность односторонним действиям, неподчинению коллективным международным нормам.

П. Шредер полагает, что «даже успешная кампания максималистского типа, направленная на другие, предполагаемые террористические государства, может принести огромный ущерб международной системе, вызвать обращение к односторонности и превентивному использованию силы... Сравнение 2001 года с 1914-м должно заставить нас глубже задуматься над судьбой международного права»[1]. Праву в таком мире не будет места. Если Запад во главе с США не сумеет придать новой жизни и солидарности глобальным международным организациям, попытается идти собственным путем, не сообразуясь с волей огромного большинства мирового населения, конфликт с не-Западом практически неотвратим.

Уроки

Нападение 11 сентября открыло новую главу в отношениях США с внешним миром. Старые отношения, союзы, привязанности как бы размылись, и создалась ситуация очередного пересмотра американской союзнической политики, формирования новой конфигурации американского военного присутствия в мире.

[1] *Schroeder P.* The Risks of Victory. An Historian's Provocation («National Interest», Winter 2001/02, p. 29).
437
Понятно почти спонтанное обращение к истории, к тем процессам, которые вызывали смертельную злобу и самоотреченную ярость девятнадцати самоубийц. Ощущается понятное желание понять, что просмотрела Америка, почему не прозвучали предупреждения от ее просвещенной элиты. Лучшие умы сходятся в том, что непростительное не означает принципиально непонятное и необъяснимое.

Америка начала извлекать первые уроки.

1. Специалисты сходятся в том, что катастрофа в сентябре не вызвала в Америке общенационального импульса «уйти, как улитка, в свою раковину». Как раз напротив, очевиден порыв «не отступить». Выступая в Белом доме по этому поводу, президент Буш сказал: «Это борьба всего мира, это борьба цивилизации»[1].

2. Вторая проблема, в растущем потенциале которой признаются американские специалисты, является «дитем одностороннего поведения США».

Словами Дж. Л. Геддиса: «Мы пренебрегли культивацией стабильных отношений с другими великими державами. Мы стали считать, что являемся величайшей из великих держав и более не нуждаемся в сотрудничестве с другими для защиты своих интересов. Мы позволили нашим отношениям с русскими и китайцами дегенерировать до такой точки в конце прошлого десятилетия, что контакты с Москвой и Пекином едва теплились»[2]. Словно мудрость Бисмарка поблекла перед эскападами Вильгельма Второго. Американцы расширили НАТО против желания русских не потому, что Польша, Чехия и Венгрия многое добавили к потенциалу Североатлантического союза; они бомбили Югославию вопреки отсутствию одобрения ООН — бесконечно озлобляя русских и китайцев, не обращая внимания на их недовольство. У руководства в Вашингтоне не было перед собой широкой геополитической картины. В частности, на Ближнем Востоке не замечены признаки демократизации Ирана.

3. Американцы благосклонно относились к преимуществам глобализации, но не желали видеть ее отрицательных черт. «Сами инструменты нового мирового порядка — самолеты, либерализация политики в отношении иммиграции и перевода денег, собственно мультикультурализм (в желании похитителей самолетов не увидели ничего странного) обернулись против мирового порядка.

[1] *Talbott S.* and *Chanda N.* (eds.) The Age of Terror. Oxford: The Perseus Press, 2001, p. VIII.

[2] *Gaddis J.L.* And Now This: Lessons from the Old Era for the New One. Yale, 2001, p. 13.

«Когда мы смотрим на прошедшее десятилетие, видно, что наша мощь превосходит нашу мудрость»[1].

4. США должны внести изменения в свое отношение к Ираку и конфликту Израиль — Палестина, «чтобы ослабить распространение злости и возмущения, которые питают терроризм»[2].

5. Создавая коалиции, следует основываться не на общих интересах, а на общих ценностях. Требуется большая склонность к компромиссу, большая, чем защита гражданских прав, требование открытия рынков, скрупулезный подход к демократическим процедурам. Американцы не должны обещать помощь косоварам, чеченцам и жителям Тибета. Только тогда они достигнут более широких целей — ибо терроризм не обещает справедливости никому. Требуется хотя бы частичная передача ресурсов в бедные регионы — нечто вроде «плана Маршалла» для большого мира. Только так США могут сохранить свое лидерство и привилегии.

6. Историк П. Кеннеди советует американскому руководству не действовать по всем азимутам и на всех фронтах. «Управлять означает выбирать. Великие державы всегда взвешивают обстоятельства... Некоторые американские военные обязательства должны быть сокращены или вообще отодвинуты во второй ряд, что, конечно же, вызовет жалобы как дома, так и за границей, Усиление дипломатического и политического внимания к Центральной Азии и к Персидскому заливу неизбежно вызовет ослабление внимания к Латинской Америке и Африке. Это нежелательно. В основе стратегии должна быть линия на максимально долгое сохранение американской мощи в нашем непредсказуемом мире XXI века — имея одну двадцатую мирового населения, владеть третью мирового производства — растущая доля благодаря стагнации японской экономики и падения России»[3].

7. Должны быть предприняты последовательные усилия для того, чтобы не перевести нынешний конфликт в войну с исламом или в войну против арабского мира. В любом случае важно не расширять масштаб конфликта; в необходимости «зауженного подхода» следует убедить американское общество.

8. Пакистан, если его союз с Западом примет одиозные формы, может взорваться. Тогда обиженный Юг (и мусульманский мир в частности) получит

ядерного защитника.

[1] *Gaddis J.L.* And Now This: Lessons from the Old Era for the New One. Yale, 2001, p. 17-18.

[2] *Schroeder P.* The Risks of Victory. An Historian's Provocation («National Interest», Winter 2001/02, p. 30).

[3] *Kennedy P.* Maintaining American Power: From Injury to Recovery. (In: Talbott S. and Chanda N. (eds.) The Age of Terror. Oxford: The Perseus Press, 2001, p. 58-59).

439

9. Более конкретные советы:

— сократить поток продаваемого за границу оружия;

— подготовить американское общество к возможным большим потерям;

— всячески стимулировать экономический рост; если же рост экономики затормозится, стимулировать общественную уверенность в грядущем подъеме;

— ускорить глобализационные процессы;

— ужесточить иммиграционный контроль;

— ослабить макдоналдизацию там, где она раздражает;

— постоянно следить за Китаем;

— обеспечить «умное» коалиционное строительство;

— отказаться от демонстративной односторонности;

— активно участвовать в воссоздании Афганистана;

— усилить поток инвестиций через Всемирный банк;

— уменьшить требовательность в отношении .гражданских прав.

В этих выводах звучит конкретика будней. Но есть более широкий контекст, без которого не понять проблемы стратегии в отношении сил, восставших против Америки.

3. ПРОБЛЕМА СЕВЕР - ЮГ

> Даже если многими террористами не движет непосредственно нищета, неравенство в процессе глобализации порождает восстание против Запада, использованное Исламом.
>
> *Хирш, сентябрь 2002*

До сентября 2001 г. подлинная пропасть в уровне жизни тридцати стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) — «золотого миллиарда» — и пяти остальных миллиардов мирового населения являлась преимущественно предметом статистики, делом справочников, обстоятельством страноведения. Удовлетворенный Запад мог это важнейшее обстоятельство практически игнорировать. Теперь ясно, до какой даты. После 11 сентября колоссальное различие в жизненном уровне стало *заглавным фактором мировой политики*. Отныне (если борьба с терроризмом рассчитана на годы и десятилетия) факт материального неравенства богатого Севера и бедного Юга *игнорировать невозможно*.

а) Мировая экономика концентрируется всего лишь в несколь-

440

ких ключевых странах, но распределение созданных богатств оказалось чрезвычайно неравномерным[1]. Согласно данным ООН, всемирный валовой продукт вырос за последние полстолетия с 3 триллионов долларов до 30 триллионов. В 1990-е гг. доля развивающихся стран в мировом ВНП составила 15,8 процента[2]. За последние пятнадцать лет доход на душу населения понизился в более чем 100 странах. Потребление на душу сократилось в более чем 60 странах. Население большинства стран Африки, Южной Азии и Латинской Америки испытало за последние тридцать лет *понижение* жизненного уровня. Кризисы, подобные разразившемуся в 1997—1998 гг., унесли с собой средний класс в Южной Корее, Таиланде и Индонезии. Неравенство в уровне доходов

увеличилось особенно заметно в Латинской Америке, в государствах бывшего Варшавского договора. «Трудный переход от системы центрального планирования к рыночной экономике в Российской Федерации и других восточноевропейских государствах создал самый быстрорастущий раскол и неравенство, когда-либо имевшие место здесь... Нищета порождает насилие»[3].

В начале XXI столетия пятая (богатая) часть населения планеты (Запад) имела:

— 86 процентов мирового внутреннего продукта — на нижние двадцать процентов приходился 1 процент;

— 82 процента мирового экспортного рынка — нижние двадцать процентов владели 1 процентом;

— 68 процентов иностранных прямых инвестиций — на нижние двадцать процентов приходится 1 процент;

— 74 процента мировых телефонных линий, главного средства современных коммуникаций, — а на нижние двадцать процентов приходятся полтора процента.

Эта пропасть не уменьшается, а увеличивается. За последние десять лет доля 10 процентов наиболее процветающего населения планеты увеличилась в мировом продукте с 50, 6 процента до 59,6 процента[4] и соответственно уменьшилась доля 90 процентов мирового населения. Представляющие развитый Север страны — члены ОЭСР (менее десятой части населения Земли) ориентиру-

[1] См.: *Hirst P.* The Global Economy — Myths and Realities («International Affairs», 1997, № 73, p. 425).

[2] *Hoogvelt A.* Globalization and the Postcolonial World (Held D. and McGrew A. — eds. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 355-356).

[3] *Buvinic M.* and *Morrison A.* Living in a More Violent World («Foreign policy», Spring 2000, p. 63—65).

[4] «Foreign policy», September/October 2000, p. 58.

441

ются на доход в 30 тыс. долл. на душу населения в год, в то время как жизненный уровень 85 процентов населения Земли не достигает 3 тыс. долл. в год. Особенно настораживает динамика. Специализированные агентства ООН рассчитали, что богатство 20 процентов наиболее богатой части мирового населения в 30 раз превосходило имущество 20 процентов наиболее бедных землян в 1960 г. К концу же XX века это соотношение дошло до критического — 78:1 [1]. Состояние 475 миллиардеров превосходило доход половины мирового населения[2]. Совокупное богатство 225 богатейших людей превышает 1000 млрд. долл., что равняется ежегодному доходу 2,5 млрд. бедняков, составляющих 47 процентов человечества. Общее состояние трех богатейших людей планеты превышает совокупный валовой внутренний продукт 48 наименее развитых стран[3].

И богатый мир не останавливаясь идет вперед. 97 процентов всех изобретений приходится на развитые индустриальные страны. На первые 10 компаний (все западные) приходится 84 процентов мировых исследований и разработок. Цифровая технология прочно закрепила два пояса технологического развития. 91 процент пользователей Интернета живут в «золотом миллиарде». Те, у кого высокий доход, образование — получают свободный и молниеносный доступ к информации. «Доступ остальных — труден, медлен, дорогостоящ. Когда люди из этих двух миров живут и конкурируют рядом, доступ к информации лишает бедных всякого шанса»[4]. Десять западных телекоммуникационных компаний владеют 86 процентами всего рынка телекоммуникаций. Чтобы приобрести компьютер, житель Бангладеш должен суммировать свою зарплату более чем за восемь лет, жителю развитого пояса достаточно одной месячной зарплаты. Что еще хуже: более 80 процентов патентов, выданных в развивающихся странах, принадлежат резидентам индустриальных стран[5].

б) Фантомом оказались надежды на рост частных инвестиций. За последние годы

века финансовый поток из богатых стран в бедные *сократился* на 80 млрд. долларов. При этом нужно иметь

[1] *Scholte J.* Can Globality Bring a Good Society? (Aulakh P. And Schechter M. (eds.) Rethinking Globalization(s.) London: Macmillan Press, 2000, p. 22).

[2] «Forbes», July 5, 1999.

[3] *Kiljunen K.* Global Governance. Helsinki, 1999, p. 14.

[4] Globalization with a Human Face. UNDR Report 1999, N. Y., 1999, p. 5-6.

[5] Ibid., p. 4.

442

в виду, что 95 процентов частных инвестиций идут в узкий ряд стран — в 30 государств. Фактом является, что технологический обмен, культурное сотрудничество и военная взаимопомощь осуществляется преимущественно внутри довольно узкой сферы Северной Атлантики и Восточной Азии — более 90 процентов прямых иностранных инвестиций не покидают круг развитых стран.

Складывается парадоксальная ситуация: в колониальный период — до 1960 г. — страны «третьего мира» получали половину прямых иностранных инвестиций. Эта доля упала до одной трети к 1966 г. и до одной четверти к 1974 г. В 1990 г. она составила лишь 16,9 процента. Если исключить облагодетельствованные восемь приморских провинций — из двадцати девяти — и Пекин — Китая, то картина инвестирования в развивающиеся страны будет выглядеть совсем печальной. В это же время 28 процентов развитых стран Земли получили 91 процент прямых иностранных инвестиций.

В банках «третьего мира» лежат лишь примерно 11 процентов всемирного банковского капитала (512 млрд. долл.). Между тем за одно лишь десятилетие 1975—1985 гг. инвесторы из развивающихся стран поместили в банки развитых государств не менее 200 млрд. долл. В 1990-е годы к этим инвесторам присоединились богатые люди из России и соседних стран. Поток выплат развивающихся стран по процентам прежних долгов втрое превышает поток экономической помощи из развитых стран в развивающиеся. Ассоциация 900 крупнейших транснациональных корпораций (ТНК) признала экстренную необходимость «продемонстрировать то, что новый глобальный капитализм может функционировать в интересах большинства, а не только в интересах менеджеров компаний и инвесторов»[1].

в) Доля развивающихся стран в мировой торговле составляла в 1962 г. 24,1 процента против 63,6 процента в индустриальных странах. В 1990 г. соотношение было 20,0 процента против 71,9 процента. На страны ОЭСР (19 процентов мирового населения) приходится ныне, в начале XXI века, 71 процент мировой торговли. . *Но речь, собственно, уже идет не о процветании, а о выживании большинства мирового населения.* Как подчеркивает один из руководителей американской программы помощи Л. Гаррисон, «лишения и отчаяние доминируют в национальной жизни развивающихся стран после десятилетия, прошедшего со времени

[1] *Scholte J.* Can Globality Bring a Good Society? (Aulakh P. And Schechter M. (eds.) Rethinking Globalization(s.) London: Macmillan Press, 2000, p. 23).

443

идеологического триумфа капитализма над социализмом»[1]. Может ли мир надеяться на *эволюционное* развитие, если, скажем, в Сомали более полумиллиона человек в 2001 г. из-за засухи умирает от голода? Если в Центральной Америке не менее полутора миллионов человек сейчас находятся на грани выживания в условиях хронической бедности, отягощенной ураганами и землетрясением? Полмиллиона умирают сегодня в Зимбабве после катастрофических ливней.

Более половины земного населения — более 3 млрд. людей — страдают от недоедания. Анализ, осуществленный экспертами ООН, показал, что 1,2 млрд. человек страдают тем или иным видом болезни от недоедания — они просто

голодают, а *втрое* большее число недоедает. В Индии от голода страдают 53 процентов населения, в Бангладеш — 56 процентов, в Эфиопии — 48 процентов[2]. Средний индус сегодня потребляет пищи в 5 раз меньше уровня жителя Северной Америки и Западной Европы. Средний африканец получает меньше калорий, чем сорок лет назад. В пяти африканских странах — Кении, Малави, Сьерра Леоне, Замбии и Зимбабве — хронически голодают 40 процентов населения. Пять миллионов детей умирает ежегодно от недоедания, а многие миллионы не способны учиться и овладевать профессиями, ощущая постоянный голод. Среди 4,4 млрд. человек, живущих в развивающихся странах, три пятых живут в условиях, не соответствующих минимальным санитарным требованиям: одна треть лишена нормальной питьевой воды, одна четверть не имеет адекватных жилищных условий, одна пятая недоедает. Почти одна треть жителей беднейших стран не доживает до 40 лет. 8 миллионов человек умирает ежегодно от загрязненности воды и атмосферы. Более 150 млн. человек никогда не посещало школу. Проведенное Международным институтом питания исследование показывает, что абсолютная численность и доля голодных в крупных урбанистических конгломерациях постоянно растет[3]. Примерно 150 миллионов человек — население, равное совокупному населению Франции, Британии, Нидерландов и скандинавских стран, — опустилось в нищету с распадом Советского Союза[4]. («Некогда индустриальная страна Россия обратилась к барте-

[1] *Harrison L.* Culture Matters («The National Interest», Summer 2000, p. 55).

[2] *Gardner G., Halweil B.* Underfed and Overfed. The Global Epidemic of Malnutrition. Worldwatch paper, N 150, W., March 2000, p. 11.

[3] *Haddad L., Ruel M., Garrett J.* Are Urban Poverty and Undernutrition Growing? Discussion Paper N 63, Washington, IFPRI, April 1999.

[4] *Speth J.G.* The Plight of the Poor. The United States Must Increase Development Aid («Foreign Affairs», May/June 1999, p. 13—14).

ру»[1].) Доклад ООН «О развитии» отмечает, что «присоединение к мировому рынку таких стран, как Мадагаскар, Нигер, Российская Федерация, Таджикистан, Венесуэла, не дало им экономического выигрыша. Эти страны укрепили свою мировую маргинальность»[2].

Более 1,3 млрд. живут менее чем на 1 доллар в день. За последние годы их численность, согласно данным Мирового банка, увеличилась на 200 миллионов[3]. В большинстве стран Латинской Америки «потерянное» десятилетие 1980-х годов сменилось стагнацией 1990-х годов и аргентинским крахом 2002 г. В большинстве стран Африки долги, болезни и вражда встали на пути экономического и социального развития. 55 стран — преимущественно в странах южнее Сахары, в Восточной Европе и в Содружестве Независимых Государств — демонстрируют падение доходов на душу населения.

Может ли смягчить противостояние помощь Запада? «План Маршалла», «Союз ради прогресса» и прочие широкомасштабные программы помощи ушли в прошлое, оставляя обделенное большинство мира наедине со своими, практически неразрешимыми социально-экономическими проблемами. Пик помощи Запада бедным странам был достигнут в 1991 г. — 70 млрд. долл. Эта цифра стала впоследствии уменьшаться. Помощь Севера Югу составляет в начале тысячелетия 0,25 процента северного ВНП — что на 50 процентов меньше рекордного уровня 1991 г. Уровень предоставляемой помощи по странам является таковым: Франция — 0,48 процента ВНП, Германия — 0,33 процента, Япония — 0,20 процента, Британия — 0,27 процента, США — 0,12— 0,08 процента от ВНП[4]. (При этом американское правительство *успокоило* своих налогоплательщиков: 80 процентов от всех сумм помощи фактически расходуется на нужды американских корпораций и американских консультантов)[5].

На США приходится 17 процентов помощи индустриального Севера

страдающему Югу. Даже официальные представители Комитета по помощи Организации по безопасности и сотрудничеству (ОБСЕ) упрекнули США в «неадекватности» помощи развивающимся странам. Международная помощь сельскому хозяйству в голодающих странах уменьшилась за последние годы на 50

[1] «Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 83.

[2] UNDP Report 1999, N.Y., 1999, p. 3.

[3] «Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 83.

[4] Development Assistance Committee, OECD, 1999.

[5] *Kapstein E.* Reviving Aid. Or Does Charity Begin at Home? («World Policy Journal», Fall 1999, p. 39).

445

процентов, а общая помощь наиболее богатых стран бедным опустилась до невиданно низкого уровня в 0,22 процента от их коллективного валового продукта. (Эта доля становится все ниже и все более удаляется от цели, поставленной Организацией Объединенных Наций, — 0,7 процента от ВНП)[1]. Факт сегодняшнего дня — нежелание делиться. «Призывы к богатым странам увеличить пожертвования на помощь международному сотрудничеству, — указывает американец С. Швенингер, — в течение многих лет не находили отклика, за исключением наиболее интернационально мыслящих стран среднего размера, таких, как скандинавские страны, — но даже они сокращают объем своей помощи»[2].

Главным условием выхода из состояния безнадежной отсталости является увеличение потребления энергии. В настоящее время в Европе потребляют энергии вдвое больше, чем в развивающихся странах, а в США и Канаде — в шесть раз больше[3]. Чтобы поддержать мировое потребление на уровне *одной трети* американского (на душу населения), мир должен к 2050 г. утроить производство энергии. Здесь ключевой элемент — нефть. В 1995 г. мировой спрос на нефть составлял 68 миллионов баррелей, из которых на развитые страны приходились 58 процентов, на развивающиеся — 31 процент, а на страны с переходной экономикой — 11 процентов. К 2010 г. потребность в нефти увеличится до 91 миллиона баррелей, из которых развитые страны претендуют минимум на 49 процентов, развивающиеся страны — на 41 процент, а страны с переходной экономикой — на 10 процентов[4]. Такие растущие страны, как Китай, и в ближайшие десятилетия будут извлекать основную массу необходимой энергии из нефти (после 1995 г. и Индия, и Китай превзошли возможности использования собственных нефтяных месторождений и все более обращаются к Персидскому заливу).

Можно ли представить себе, что развитые индустриальные страны откажутся от своей доли в пользу бедных государств (даже учитывая то обстоятельство, что в развитых странах все более значимое место занимает атомная энергия — 79 процентов во Франции, 60 процентов в Бельгии, 39 — в Швейцарии, 37 — в Испании, 34 — в Японии, 21 — в Британии, 20 — в США)? Едва

[1] *Gardner G., Halweil B.* Underfed and Overfed. The Global Epidemic of Malnutrition. WorldWatch paper, N 150, W., March 2000, p. 49.

[2] *Schwenninger S.* American Foreign Policy in the Post-Cold War World («World Policy Journal», Summer 1999, p. 69).

[3] BP Statistical Review of World Energy 1995, p. 36.

[4] World Economic and Social Survey 1995. W., 1995, p. 168.

446

ли. В условиях истощения природных ресурсов развитые страны постараются овладеть контролем над стратегически важным сырьем. Но откуда может прийти энергия к беднейшим двум миллиардам мирового населения, которые сегодня *абсолютно* не пользуются электричеством? Результатом такого неравенства, полагает И. Воллерстайн, может быть глобальный экономический коллапс[1].

Это неизбежно еще более обострит противоречия богатых и бедных. В том,

что бедный мир смирится с заведомым неравенством, существуют большие сомнения у самого Запада. Распространение оружия массового уничтожения делает ситуацию взрывоопасной. К месту отметить, что у стран Юга в 1998 г. появилось ядерное оружие, и число ядерных держав среди мировых стран-бедняков, которым мало что есть терять, может увеличиться. Особенно острый период, по ряду прогнозов, начнется после 2015— 2020 гг.

Итак, проблема Север — Юг обозначилась страшной новой гранью. Д. Уорнер в «Интернэшнл геральд трибюн»: «Рост неравенства в распределении богатств и отсутствие доступа к принятию политических решений ведет в конечном счете к агрессии, насилию и терроризму. Чем выше уровень фрустрации, тем выше уровни насилия. Чем выше уровень репрессий, тем выше уровень реакции на них»[2].

Взаимное ожесточение происходит в условиях фактической прозрачности развитого мира, обеспеченной благодаря современной технологии. Между 1980 и 2000 годами число телевизионных приемников на тысячу человек населения удвоилось — с 121 до 235. «Огромные возможности средств массовой информации сделали неравенство в доходах и в уровне жизни *видимым*, увеличилось число людей и стран, *знающих* о контрасте в благосостоянии»[3]. Молодое население все более отстающего в уровне развития и благосостояния Юга теряет иллюзии относительно занятия достойного места в мире. Ценность жизни в бедном мусульманском мире ничтожна, а ярость получивших образование детей этого голодного мира беспредельна. Именно эта ярость питает Исламскую армию Алжира, Революционные вооруженные силы Колумбии, Аль-Гамая-аль-Ислами в Египте, Исламскую армию Адена в Йемене. Потерявшие надежду на привлекатель-

[1] *Wallerstein I.* Peace, Stability, and Legitimacy, 1990—2025/2050.- In: Fall of Great Powers: Peace, Stability, and Legitimacy. Oslo. 1996.

[2] «International Herald Tribune», September 21, 2001.

[3] *Buvinic M.* and *Morrison A.* Living in a More Violent World («Foreign policy», Spring 2000, p. 65.)

447

ное будущее молодые и энергичные горожане Каира, Джакарты и Мехико-сити, которым нечего терять, и являются потенциальными рекрутами мирового терроризма.

Мир в начале XXI века значительно беднее и несправедливее, чем, скажем, полстолетия назад[1]. Все это создает два параллельных мира. Перспектива на ближайшие 30—50 лет не позволяет надеяться на приближение уровня бедных стран к уровню богатых[2]. Богатые страны консолидируются — «богатые индустриальные страны сближаются друг с другом, а менее развитые страны обнаруживают, что разрыв между ними и богатыми странами увеличивается»[3]. Противостояние богатых и бедных стран, возможно, превысит по интенсивности противостояние времен деколонизации. Нищета порождает насилие.

«Мы должны посмотреть на мир глазами наших противников... Готовность террористов умереть за свое дело малопонятна, если мы не вспомним тот факт, что продолжительность жизни в их странах чрезвычайно невелика. Существует огромное различие между богатством нашего населения и бедностью других стран»[4]. Заведующий программой помощи ООН развивающимся странам Дж. Спет предупреждает: «Риск подрыва огромным глобальным андерклассом мировой стабильности очень реален»[5]. События в таких странах, как Сомали, Руанда, Босния, Сьерра-Леоне, показали, что спонтанная реакция, реакция *ad hoc*, отнюдь не предотвращает гуманитарную катастрофу. Ожесточение обиженных уже ощутимо. Не только китайцы и мусульмане, но и *индусы* пишут о возможности «новой экономической «холодной войны» между индустриальным

Севером, руководимым США, и развивающимися странами Юга»[6]. Речь идет о явлении, превосходящем по своим масштабам даже прежнюю глобальную «холодную войну». «Одним из вероятных сценариев, — пишет С. Кауфман из Совета национальной безопасности США, — может

[1] «The National Interest», Summer 2000, p. 57.

[2] *Speth J.G.* The Plight of the Poor. The United States Must Increase Development Aid («Foreigh Affairs», May/June 1999, p. 122).

[3] *McRae H.* The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. Boston, 1994, p. 5.

[4] *Singer M.* The Challenge to Science: How to Mobilize American Ingenuity. (In: Talbott S. and Chanda N. (eds.) The Age of Terror. Oxford: The Perseus Press, 2001, p. 217).

[5] *Speth J.G.* The Plight of the Poor. The United States Must Increase Development Aid («Foreign Affairs», May/June 1999, p. 13).

[6] *Gurmeet Kanval.* The New World Order: An Appraisal-1.(«Strategic Analysis», June 1999, p. 352.)

448

быть инициируемая экономическим неравенством Севера и Юга война с массовыми потерями»[1].

Неравенство в мире прямо ведет к войне отчаяния. США, если они признают себя частью мировой экономики, просто обязаны обратиться к проблеме Север — Юг. Рушащиеся башни Международного торгового центра «должны подвигнуть США на концептуальный прорыв в проблеме разграничения богатых и бедных»[2]. Если этого не произойдет, будущее для США будет менее многообещающим.

4. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ РАЗЛИЧИЯ

До сентября 2001 г. отчетливое различие в языке, культуре, традициях, истории, ментальном коде, моральных ценностях семи мировых цивилизаций было практически обстоятельством этнографии, предметом изучения культурологов, делом музейных работников. После 11 сентября цивилизационные различия стали одним из ведущих факторов ***мировой политики,*** дальнейшее игнорирование которого способно обратить прогресс в регресс и вызвать массовый террор на основе жесточайшего противостояния цивилизаций. Прежняя система соподчинения и лояльности доминирующего Запада и попавших на протяжении пяти веков (между 1492—1991 гг.) в ту или иную форму зависимости шести незападных мировых цивилизаций начинает уходить в прошлое и замещается все более активным цивилизационным самоутверждением. Это создает ситуацию противостояния — к примеру, английский является языком 80 процентов вебсайтов, но этот язык не понимают девять из десяти жителей планеты.

Особенно активны (до степени агрессивности) исламская, китайская, индуистская цивилизации. Все три обрели во второй половине XX века ядерное оружие. В ареале самого Запада, ощетинившегося визовыми барьерами, уже созданы многомиллионные анклавы этих цивилизаций. (Именно из этих анклавов в Западной Европе и в США прибыли и поднялись в воздух сентябрьские террористы.) К концу XX века в США численность американцев европейского происхождения опустилась значительно ниже 80 процентов. А к 2020 г. их численность будет ниже 65 процентов. Это будет иная Америка.

[1] *Kaufman S.* Approaches to Global Politics in the Twenty-first Century. A Review Essay//International Studies Review, p. 201.

[2] *Hirsh M.* Bush and the World («Foreign Affairs», September/October 2002, p.39).

449

Часть Запада сознательно игнорирует цивилизационный фактор, сводя терроризм к экстремизму. Между тем лица девятнадцати террористов достаточно хорошо известны, их фотографии распространило американское правительство. Это сужает круг заблуждений, каждому заинтересованному видно общее —

принадлежность исламу. Это общее требует не всегда удобного признания вызова *другой системы ценностей*, другого менталитета, другой религии, другой цивилизации. Необходимость реалистической оценки волей-неволей приводит к выводу, что «часть ответа на вопрос о причине кровавого инцидента 11 сентября безусловно связана с одной из великих мировых религий — духовного дома нескольких великих цивилизаций. Пилоты, чьи имена и изображения шокируют людей во всем мире, пришли к заключению, что их влечет не только злость и ненависть, но и, хотя и гротескная, но убедительная для них версия мусульманской веры... Многие в мусульманском мире реагировали на террор мрачным и многозначительным молчанием (невысказанное мнение: «Мы всегда говорили вам, что пожнете бурю)»[1].

Ни для кого сегодня не является секретом, что страна Бен Ладена — Саудовская Аравия в течение десятилетий финансировала исламских экстремистов. Без поддержки определенных кругов Саудовской Аравии Бен Ладен никогда не мог бы стать тем, чем он сейчас является. Запад увидел после 11 сентября ликующие толпы палестинцев, сжигающих американские флаги, услышал мудро трактующих происшедшее египетских интеллектуалов — так, что было ясно, с кем их сердца. В Пакистане матери в массовом порядке начали называть младенцев Усамами. Сами американцы признают, что «от одного конца арабского мира до другого слышен неумолчный бой барабанов антиамериканизма... Арабские собеседники американцев говорят, что их регион имел бы необходимую стабильность, если бы США способствовали разрешению палестино-израильского конфликта, и что резкий антиамериканизм был вызван второй интифадой, развернувшейся в сентябре 2000 г.»[2]

Элемент противостояния мировых цивилизаций достаточно очевиден. Опрос общественного мнения, проведенный исследовательской службой «Гэллап» в Пакистане, Иране, Индонезии, Турции, Ливане, Марокко, Кувейте, Иордании и Саудовской Аравии, вызвал в западном мире немалый отклик. Среди 10 тысяч

[1] *Talbott S.* and *Chanda N.* (eds.)The Age of Terror. Oxford: The Perseus Press, 2001, p. XI:

[2] *Fouad Ajami.* The Sentry's Solitude («Foreign Affairs», November/December 2001, p.2).

450

опрошенных в этих девяти самых населенных исламских странах 77 процентов полагают, что бомбардировки Афганистана Соединенными Штатами неоправданны. 58 процентов отрицательно относятся к президенту Бушу и его политике (11 процентов — положительно). К США как к стране негативно относятся 53 процента опрошенных. Особенно негативно к США относятся в Марокко, Пакистане и Индонезии.

Цивилизационные различия можно не признавать, но они так или иначе выходят на поверхность сегодня и будут важнейшим фактором в будущем. Озлобленные, потерпевшие поражение на своей территории фундаменталисты практически всех цивилизаций обернулись к тому, что они считают источником своих политических поражений, своей маргинальности, своего унижения. Самоутверждение, все более часто насильственное, относится ко всем основным аспектам современной жизни, прежде всего к правам человека. Ислам в этом вопросе противоречил западной попытке подчинить себе все остальные цивилизации еще со времени формирования второй (после Лиги Наций) общемировой организации — ООН — во второй половине 1940-х гг. По поводу Всеобщей декларации прав человека делегация Саудовской Аравии выдвинула в 1947 г. свои возражения по поводу параграфа 16, касающегося положения женщин: «Авторы (западные. — *А.У.)* проекта декларации брали во внимание преимущественно стандарты, признаваемые западной цивилизацией, и игнорировали более древние цивилизации, в которых институт брака доказал свою мудрость на протяжении столетий. Не следует Комиссии провозглашать

превосходство одной цивилизации над другими ради установления единого стандарта, обязательного для всех стран мира» [1].

Имеет ли западный мир на это право? Сомнения гнездятся даже на Западе. «Западные активисты, — полагает М. Игнатьефф, — не имеют права преследовать традиционную культурную практику, если только эта практика продолжает получать одобрение тех, кою она касается. Гражданские права универсальны не как некое культурное предписание, а как язык моральной силы. Роль гражданских прав не в том, чтобы предписывать, а в том, чтобы освобождать их носителей, чтобы они *свободно* следовали своему предназначению»[2].

Защитники чистоты мусульманской веры обвиняют американцев в «разлагающем влиянии» на огромные массы привер-

[1] *Ignatieff M.* The Attack on Human Rights («Foreign Affairs», November/ December 2001, p. 102).

[2] Ibid., pp. 112-113.

451

женцев ислама, на «подлинные» естественные нравы и обычаи мусульманской строгости и убежденности[1]. Исламские ученые открыто утверждают, что американцы пришли доминировать в Саудовской Аравии и «довести ее до ужасающих западных моральных норм». Особенно воинственно настроенные защитники веры обильно цитируют это место Корана: «Те, кто ведет войну против Аллаха и его апостолов, кто распространяет хаос на земле, должны быть преданы смерти или распяты, или лишены рук и ног, или изгнаны из страны. Они будут преданы позору в этом мире и сурово наказаны в следующем»[2]. Что же касается союзников Запада в мусульманском мире, готовых на помощь Западу в борьбе с исламским фундаментализмом, то в их адрес цитируется Пророк Мухаммед: «Убивший своего союзника никогда не узнает аромата рая».

Восприятие Запада, а особенно Соединенных Штатов, в испытывающем горечь отставания мусульманском мире резко сдвинулось к воинственному неприятию. Чем длиннее становились мусульманские очереди в американские консулаты, тем более ощутимым становилось это ожесточение. «Многим, — пишет исследователь вопроса А. Аминат, — США представляются центром жадного, материалистического и не обращающего внимание на других мира, игнорирующего насилие и проповедующего вседозволенность. Поддержка Израиля, помощь непопулярным режимам, реактивные самолеты в небе Ближнего Востока интенсифицировали антиамериканские чувства»[3]. В результате экстремизм встал у порога многих исламских стран. Практически очевидно, что истоки склонности к озлоблению, насилию, вызову лежат в ощущаемом мусульманами чувстве упадка и поражения при встрече с Западом.

«Перед нами, — пишет М. Хоуард, — чрезвычайно глубокая и непреодолимая конфронтация теистического, основанного на традиционной культуре пласта, немногим отличного от Европы Средних веков в их противопоставлении секулярным материальным ценностям эпохи Просвещения... Вот почем) продолжительная война была бы ужасной. И даже более ужасными будут ее

[1] *Amanat A:* Empowered Through Violance: The Reinventing of Islamic Extremism (In: Talbott S. and Chanda N. (eds.) The Age of Terrorism. Yale, 2001, p. 49).

[2] *Fouad Ajami.* The Sentry's Solitude («Foreign Affairs», November/December 2001, p. 7).

[3] *Amanat A.* Empowered Through Violance: The Reinventing of Islamic Extremism (In; Talbott S. and Chanda N. (eds.) The Age of Terrorism. Yale, 2001, pp. 26-28).

452

последствия, если США обратятся к другим странам-изгоям, начиная с Ирака»[1]. И важно отметить то обстоятельство, что главная фронтовая линия пролегает не в непосредственно оккупируемом Западом Афганистане, а в государствах, где правительства модернизируют свои страны, — в Турции, Египте, Пакистане. Именно здесь приход воинствующего ислама к власти мог бы сместить

межцивилизационное противостояние в центр общемирового процесса.

Напомним, что влиятельные исламистские движения в Тунисе, Алжире, Египте, Турции были сокрушены прозападными силами в самих этих странах с гласной и негласной поддержкой Запада. Набирающий силу политический ислам ставит в вину Западу *несоздание палестинского государства, блокирование политических партий в Алжире и Турции, изоляцию Ирана, Ирака, Ливии, Сирии, Сомали.* С точки зрения политического ислама, устремившегося к политическому господству в своем более чем миллиардном мире, Запад сегодня продолжает тысячелетней давности напор крестоносцев на Палестину и *реконкисту* испанских монархов пятнадцатого века, изгнавших мавров с Пиренейского полуострова — остановивших поступательное движение ислама в Средиземноморье и на Балканах.

Масштабность атак на Нью-Йорк и Вашингтон, полагает американский исследователь современного ислама М. Доран, «делает очевидным, что Аль-Каида представляет себя борцом за спасение *уммы* от Сатаны в лице секулярной западной культуры»[2]. Молодежь мусульманских городов озлоблена тем типом отчуждающей людей вестернизации и модернизации, которым ислам предоставляет свою альтернативу, — ежедневные молитвы, пятничные собрания, группы изучения Корана, исламская благотворительность. Именно этим путем к экстремизму пришел, скажем, Атта — сын египетского адвоката и А. Аль-Завахири — врач из Египта, поднявшиеся в небо 11 сентября.

Пятнадцать из девятнадцати идентифицированных террористов вышли из Саудовской Аравии. (Из этой же страны вышел, как известно, и Усама Бен Ладен.) Становится все более трудным и опасным игнорировать тот факт, что в университетах нефтяной кладовой мира очевидным образом зреет недовольство цивилизационным превосходством Запада в целом и американским присутствием на саудовской территории в частности. Здесь самое

[1] *Howard M.* What's in a Name? How to Fight Terrorism («Foreign Affairs», January-February 2002, p. 13).

[2] *Doran M.S.* Somebody Else's Civil War («Foreign Affairs», January-February 2002, p. 28).

453

интенсивное религиозное образование в мире — и это при том, что «черное золото» льется мимо карманов населения страны и Саудовская Аравия после 25 лет высокой цены на нефть все же превращается в одну из просто развивающихся (и все более слаборазвитых) стран, где молодые люди полны страсти очистить страну пророка от неверных. По мнению Бен Ладена, разделяемому его соратниками, Саудовская Аравия *оккупирована* американцами: «Более семи лет Соединенные Штаты оккупируют земли ислама на самой священной его территории — Аравии, грабят ее богатства, свергают ее правителей, унижают ее народ, угрожают ее соседям, используют полуостров в качестве плацдарма для борьбы с соседними исламскими народами». Бен Ладен призывает убивать «американцев и их союзников во всех странах, где это возможно»[1].

Эти идеи разделяются толпами исповедующих ислам правоверных в Карачи, Каире, Аммане, мусульманским населением во всем огромном мире ислама. Американские исследователи отмечают прискорбный парадокс: «Чем более проамериканским является политический режим в данной стране, тем более антиамериканским является ее политический класс... Соединенные Штаты могут предоставлять щедрую помощь египетскому государству, но это не ослабляет антиамериканской ярости политических кругов Египта. Даже главные из поддерживаемых государством изданий излагают самые крайние теории об американо-израильском заговоре против их страны»[2]. Три десятилетия американской помощи не ослабили этого чувства. А ведь через несколько десятилетий «разгневанные молодые люди», ненавидящие западную

цивилизацию, будут владеть не только Меккой и Мединой, но и четвертью мировых нефтяных запасов.

(В конечном счете коммунизм был просто одной из форм модернизационной идеологии. Как *религия* он увял с первым поколением революционеров. А с остальными можно было иметь дело в той степени, в какой они стремились заимствовать западные технические достижения, стремились модернизировать не только технологию, но и общество.) Но ислам — религия, которой около полутора тысяч лет, число приверженцев которой обгоняет численность *всех* христиан на земле — более жертвенный противник. Оружие фанатиков из афганских и прочих пещер — симпатия более чем миллиардного исламского мира. Об этом говорит поведение *всех* стран мусульманского мира, их реакция на бомбовые

[1] *Fouad A/ami.* The Sentry's Solitude («Foreign Affairs», November/December 2001, p. 7).

[2] Ibid., p. 9.

454

удары по Афганистану и на войну в Ираке. Некую тень активной поддержки Антитеррористской коалиции оказал все еще кемалистски светский правящий слой Турции и советски светский слой Узбекистана, Таджикистана, Киргизии. Но все прочие так называемые умеренные режимы не посмели открыто участвовать в Антитеррористической коалиции хотя бы выборочно, в гуманитарных целях и т. п.

Одержимость, вооруженная современной технологией, может дать невероятные результаты. Война цивилизаций может быть самой страшной из войн. Нечувствительность представителей одной цивилизации к ценностям («лжеценностям») другой цивилизации может оказаться фатальной.

5. *ГОТОВНОСТЬ НЕ К ТОЙ ВОЙНЕ*

До сентября 2001 г. колоссальный отрыв технически совершенной военной системы Соединенных Штатов от менее оснащенных вооруженных сил остального мира, казалось, давал Вашингтону шанс на десятилетия силового доминирования, служил своего рода гарантом поддержания благоприятной для США (и для Запада в целом) системы мировых отношений, наделял Вашингтон ролью конечного судьи в международных спорах. После 11 сентября ***уязвимость*** Америки стала фактором *мировой политики.* Возникли сомнения, которых ранее не было: зачем Соединенным Штатам электронное высокоточное оружие, слежение из космоса, колоссальные по мощности боеголовки, самолеты-невидимки «стелс», глобальные по охвату радарно-командные системы типа НОРАД, если противник, вооружась ножом, просто берет билет на внутренние рейсы американских авиакомпаний? Буквально на глазах радикально изменился характер внешней угрозы стране. Оказалось, что США все еще готовятся воевать с СССР, хотя тот почил десять лет назад. «Вызывает боль то обстоятельство, что до 11 сентября Вашингтон, думая о защите американской территории, был занят исключительно национальной противоракетной обороной»[1].

И напротив. Несмотря на 33 млрд. долл. идущих на глобальную разведку, США *не знают,* кто их атаковал, с какой целью и с какими мотивами. Сами американцы отмечают «полный крах разведывательных служб. Нация не была предупреждена о напа-

[1] *Flynn S.* America the Vulnerable («Foreign Affairs», January-February 2002, p. 60).

455

дении и не была готова к защите»[1]. И теперь ясными являются только три обстоятельства: в мире будут существовать террористические организации, нацеленные на США; эти террористы будут иметь более широкий, чем ныне,

доступ к средствам массового поражения, включая химическое и биологическое оружие; будущие террористы знают лучше уязвимые места США.

Действительно страшной для Запада явилась та истина, что традиционное, привычное сдерживание «не работает». Если твой противник готов ради достижения своих целей совершить самоубийство, то ничто не способно сдержать его. Вся история «холодной войны» — это история реализации доктрины сдерживания с обеих сторон, с западной и советской. В этом морально-психологический код участников спора 1945—1991 гг. был един, никто не хотел умирать. «Холодная война» никогда не превратилась в горячую именно потому, что обе противостоящие стороны согласны были в одном: нужно избежать взаимоуничтожения. Но вот явились люди, на которых этот неписаный кодекс выживания не действует.

Стало ясно, что Америка может быть атакована только не в ходе обычных, стандартных боевых действий (в которых она практически непобедима), а посредством террористических действий — асимметричной тактики боевых действий. Американцы ныне рассуждают вполне здраво: «Борясь с терроризмом, защищающаяся сторона должна прикрывать все свои уязвимые точки — по всему мировому параметру; террористы же могут нанести удар лишь в одном — слабейшем месте». Это первое. Второе, «стоимость проведения террористической атаки является лишь малой долей стоимости обороны против этой атаки. Чтобы расстрелять аэропорт, террористу требуется только автомат «АК-47»; для защиты этого аэропорта требуются миллионы долларов. Атака 11 сентября стоила нападающим менее 2 млн. долл., а ущерб нанесла в сумму более 100 млрд. долларов»[2].

«Холодная война» оказалась замененной «наступившей продолжительной конфронтацией культур, которая, — полагает англичанин М. Хоуард, — не только осуществит размежевание мира, но и лишит его внутреннего единства в обществах, где растет *мультикультурализм*»[3].

[1] *Koh H.* Preserving American Values: The Challenge at Home and Abroad (In: Talbott S. and Chanda N. (eds.)The Age of Terror. Oxford: The Perseus Press, 2001, p. 175).

[2] *Bremer P.* A New Strategy for the New Face of Terrorism («National Interest», Spring 2002).

[3] *Howard M.* What's in a Name? How to Fight Terrorism («Foreign Affairs», January-February 2002, p. 12).

6. РЕАКЦИЯ АМЕРИКИ

Классический пример разрешения проблем американским способом описан британским министром иностранных дел Э. Греем в начале прошлого века. В 1913 г. Грей беседует с американским послом У. Пейджем о перевороте в Мексике и спрашивает, что будет после американского вмешательства. Незамедлительно последовал ответ: «Заставим их устроить выборы и жить согласно выработанным решениям». — «А если они не согласятся?» — «Снова вмешаемся и заставим голосовать». — «И будете делать это на протяжении 200 лет?» — спрашивает Грей. — «Да, — отвечает посол. — Мы будем стрелять в этих людей до тех пор, пока они не научатся голосовать и управлять собой сами»[1]. Так американцы и сделали тогда в Мексике. Предпоследний раз они обратились к этой тактике в Косове, в последний раз — в Афганистане.

По мнению американского историка П. Шредера, «реакция американского правительства на атаку 11 сентября была похожа на реакцию австро-венгерского правительства на убийство в Сараеве — принятие решения объявить войну, хотя это противоречит основам установленных правил и процедур международной

системы... Соединенные Штаты избрали войну, зная, что попытки разрешить кризис посредством существующей международной системы нормальным путем (ООН, НАТО, другие союзники, стандартное международное давление, оказывающая давление дипломатия, такая, как это было продемонстрировано на Балканах) может размыть конфликт, не решая основную проблему»[2].

Америка отреагировала почти единодушно: на нас совершено покушение, и почти все согласились, что закончена определенная эпоха. По почти всеобщему мнению, «дата 11 сентября 2001 г. представляет собой одно из тех сейсмических смещений, когда планета, кажется, дрогнула и сместила собственную ось. Пилоты из ада, которые уничтожили Международный торговый центр и часть Пентагона, оставили чувство раскола двух эпох, *до и после* катаклизма»[3]. Распространилось мнение, что наступила эра террора, а антитеррористическая борьба отныне не пустое упражне-

[1] *Ferguson N.* Clashing Civilizations or Mad Mullahs: The United States Between Informal and Formal Empire (in: Talbott S. and Chanda N. (eds.)The Age of Terror. Oxford: The Perseus Press, 2001, p. 121).

[2] *Schroeder P.* The Risks of Victory. An Historian's Provocation («National Interest», Winter 2001/02, p. 27).

[3] Цит. по: «Foreign Affairs», January-February 2002, p. 22.

457

ние в суесловии, а попытка предвидеть, предусмотреть удар и предотвратить его.

Довольно быстро стало понятно, что знакомые понятия и концепции почти не помогают. Эксперты начали с определения понятия *терроризм*, который словари трактуют как насилие, чаще всего применяемое в отношении гражданских лиц, осуществляемое с политическими целями. Хотя 11 сентября подпадает под это определение, все прежние контакты Америки с терроризмом не давали оснований ожидать того, что случилось.

Нападение 11 сентября было объявлено актом войны. Американцы сами признают, что «это странный тип войны, в ней нет линии фронта, нет концентрации войск, она ведется как бы в тени, против ускользающего противника, без ясной направленности действий, без представления о том, чем эта война должна закончиться»[1]. Однако войны, сколь жестокими они ни были бы, имеют некоторые непреложные законы. В войне всегда задействовано, в той или иной форме, самосохранение. Государства и нации идут на риск, но они, как бы там ни было, лелеют .надежду на выживание и достижение победы. В этом смысле сентябрьский противник Америки был иным. Террористов, поднявшихся в воздух утром 11 сентября, угроза неминуемой смерти, как видно, не только не пугала, но по-своему вдохновляла. Мегатонны, точечная аккуратность ударов, гарантированный второй удар — все эти понятия уходят в область динозавров, когда твой противник *готов* умереть, когда его не страшит уничтожение. Новая ситуация требует нового осмысления, нового ответа. Дж. Кеннан и Р. Макнамара как идеологи *сдерживания* уже не помогают. Требуются люди нетрадиционного мышления, ставящие во главу своего анализа проблемы Севера — Юга, проблемы цивилизационных различий, расширяющие горизонт прежнего, основанного на *«mutual assured distruction» — на «взаимном гарантированном уничтожении»* — анализа.

Со своих самых высоких трибун, устами своих самых влиятельных политиков Запад объявил войну терроризму. Никто не может быть беспечным наблюдателем проявлений террора, который завтра грозит превратиться в эквивалент третьей мировой войны. Но и объявлять войну явлению (а не государству) бессмысленно. Точно так же можно объявлять войну людской злобе, рассеянности, безразличию, трусости. Пышно и неэффективно. Терроризм представляет собой явление негосударственной, «подгосударственной», межнациональной деятельности. Это своего рода

тип вируса,

[1] *Hoge J.* and *Rose G.* (eds.) How Did This Happen? Terrorism and the New War. New York, 2002, p. 3.

458

который легко поддается мутации. Отход от здравого смысла заложен в основе. Война — это легальный, юридический термин, касающийся отношений между государствами. Термин война в приложении к терроризму имеет эмоционально-пропагандную основу. И как таковой в данном случае бессмыслен.

Выиграть объявленную войну с терроризмом *посредством одной или нескольких военных операций* невозможно. Если в разворачивающейся кампании по всемирной борьбе с терроризмом будут победители и побежденные, то это просто будет означать, что *на данном этапе* силу демонстрирует одна определенная сторона. Но, к сожалению, это почти со стопроцентной определенностью означает, что в смертельном диалоге будут следующие этапы. Позитивный элемент прямолинейного удара по известным базам террористов, при всей своей внешней эффектности, невелик в масштабах всего явления — иррациональной ненависти к Западу. В целом бомбометание и прочие сугубо силовые методы не уравновешивают эвентуальной дегуманизации и в этом плане не дают искомых результатов. В конкретной реальности — и в исторической протяженности — Запад нуждается не в уходе от контактов с пятью миллиардами незападного населения, а в более тесной структуризации мирового сообщества.

США в третий раз за столетие бросают вызов явлению внешнего мира — в первый раз это был нацизм, во второй — коммунизм, и вот наступает более серьезная эпоха — вызов брошен «не только жизням американцев, но и их душам». Возглавляя Запад, Америка полна решимости защищать свои интересы и позиции. Американские союзники (такие, скажем, как французский дипломат Ж.-М. Гуэнно) предвидят наступление «нового имперского века, где сила и влияние будет принадлежать обществам и организациям с развитыми технологическими и информационными возможностями»[1].

Объявлена война терроризму — огромному, страшному, многоликому явлению. Надо сказать, что американцы не в первый раз в своей истории встречают самоубийц в почти массовом масштабе. Наибольший ущерб террористы нанесли Америке, когда в ходе Второй мировой войны американские вооруженные силы начали приближаться к Японским островам. Пилоты с запасом топлива в одну сторону начали пикировать на американские корабли под разными углами без особого успеха: попасть в военный корабль, находящийся в открытом море, практически невозможно из-за плотности огня. Но японцы исхитрялись, и с массовым нападением камикадзе следовало бороться не только пулеметами

[1] «Strategic Analysis», June 1999, p. 362.

459

большого калибра. Следовало снять оторопь молодых американцев, устрашенных пилотами, которым жизнь была недорога. Фанатизм следовало показать во всей его зверино-ожесточенной неприглядности. Именно ради этого, когда один из летчиков-камикадзе рухнул в море рядом с бортом авианосца, его дневник привлек внимание как возможная иллюстрация фанатизма. Знатоки японского из американских университетов быстро перевели записи фанатика на превосходный английский. Зря старались, ничего ожидаемого, никаких отклонений от психики они не нашли. Обнажилась довольно грустная история деревенского парня, который воспринял приход в отряд камикадзе как судьбу, как один из естественных шагов своей жизни, шагов вынужденных и подчиненных коллективистскому сознанию специфической культуры. Летчик-самоубийца доверил дневнику бесхитростную радость по поводу нелетной погоды — еще

один день, еще одна толика радости в суровом мире. В. тексте не было ничего фанатического, это был *обыденный* японский стоицизм, чувство долга по отношению к своему обществу, дань коллективистской морали. Печатать для нужд вооруженных сил этот текст не имело смысла, он вызывал скорее грусть, чем стойкую ненависть к врагу.

Американцы не проигнорировали особенностей японской цивилизации. По крайней мере, они приняли в качестве условия согласия японцев на капитуляцию оставление императорской власти и многое другое. Макартур, имея практически диктаторские полномочия, будучи фактическим «проконсулом» Японии, *не порушил* традиционные общественные устои. И сегодня трудно представить себе налет на американские авианосцы представителя страны, которая не только сохранила свои цивилизационные устои, но в которой на душу населения сегодня приходится 30 тыс. долл. в год. Сегодня Япония поддерживает — хотя без видимой охоты — войну Америки против терроризма.

В новом тысячелетии Запад встретил угрозу, которой не ожидал: предельное ожесточение самоубийц, террор как инструмент политики обиженного бедного мира и маргинализированной цивилизации. Ответом стали операции в традициях Второй мировой войны — бомбометание, высадка десанта, вооружение танками союзников. Талибан и Аль-Каида оказались сметенными с лица земли практически за два месяца. Дан ли ответ на глобальный террор? Запад предпочел сделать вид, что *да*. Ему предстоит еще испытать сомнения, терроризм — более глубокое явление, чем сеть Усамы Бен Ладена. Западу предстоит всмотреться в *причины* ненависти тех камикадзе, которые завтра могут выступить с оружием массового поражения. Уничтожить часть внешних проявлений антизападной злобы вовсе не означает решить проблему формирования ненависти к Западу в целом.

460

«Создание широкой коалиции может успокоить Америку в том отношении, что она не одна в исламском мире. Удары по Афганистану — самое простое из возможного, гораздо менее сложное, чем решать проблемы в Персидском заливе и Египте... Но среди тех, кто обрушился на башни из стекла и стали, кто нанес удар по Пентагону, нет афганцев. Эти пришли из арабского мира, где антиамериканизм принимает отчаянные формы, где террор действует с молчаливого одобрения мужчин и женщин»[1].

Но уже сейчас слышен скепсис в отношении стойкости созданной американцами антитеррористической коалиции. Англичанин А. Ливен: «Коалиция против терроризма и надежды на наступление новой эры международной гармонии проявляют свою хрупкость в свете двух обстоятельств, двух аспектов американского подхода к миру. Первый — безоговорочная поддержка Соединенными Штатами Израиля, несмотря на то, что это вызывает отчуждение союзников США. Второе обстоятельство касается ограниченной способности американского руководства пойти на уступки другим государствам, приспособить американскую политику к чужим взглядам»[2].

7. АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ КОАЛИЦИЯ

После сентября изменились приоритеты, и строгая односторонность осваивавшегося еще в Белом доме президента Дж. Буша сменилась довольно неожиданным обращением к многосторонности: «Так же, как Пирл-Харбор изменил положение нашей страны, ее способность защитить свободу в Европе и Азии в ходе Второй мировой войны, так и это неожиданное нападение сокрушило схемы одинокого плавания Америки в ходе борьбы с терроризмом»[3]. В конечном счете Белый дом остановился на фразе «избирательная многосторонность». Все

главные центры власти — Белый дом, госдепартамент и министерство обороны — признали необходимость создания широкой коалиции. Даже несколько особняком стоявшее министерство обороны, как и конгресс, быстро одобрили кандидатуру представителя США в ООН. Ничего подобного не было до 11 сентября. Никто не может ныне

[1] *Fouad A/ami.* The Sentry's Solitude («Foreign Affairs», November/December 2001, p. 15).

[2] *Lieven A.* The Secret Policeman Ball: the United States, Russia and the international order after 11 September («International Affairs», v. 78, 2, 2002, p. 247).

[3] «New York Times», September 19, 2001.

461

с полной уверенностью сказать, каким будет мир после того, как осядет историческая пыль, поднятая падением башен на Манхэттене и бомбометанием в Афганистане.

В антитеррористическую коалицию, сформированную Вашингтоном, вошли такие неожиданные в качестве союзников страны, как Россия, Пакистан, Индия и даже обычно воздерживающийся от коллективных действий Китай. В условиях нетрадиционной угрозы безопасности Западу, находящемуся под прицелом международного терроризма, возникла новая, невиданная прежде система кооперации (беспрецедентная, скажем, во взаимодействии США, России, Узбекистана, Пакистана).

И кажется не исключением то, что если предшествующие пятьдесят лет характеризовались прежде всего противостоянием США и СССР, то последующие десятилетия могут быть временем сближения: а) Америки и Китая; б) Америки и Пакистана; в) Америки и Саудовской Аравии; г) США и Западной Европы; д) Америки и России.

Китайский фактор

Один из ведущих китайских специалистов, принимая группу американцев в конце октября 2001 г., заявил, что события 11 сентября, «которые рассматриваются как американское несчастье, произошли очень далеко от Китая. Зачем руководство Китая должно брать на себя слишком много политического риска?»[1]. Двусторонние отношения были заведомо испорчены вышедшим 30 сентября «Четырехлетним оборонным обзором» министерства обороны США. Через несколько дней после американской травмы жестким реализмом прозвучали слова официального американского документа: «Существует возможность того, что в регионе Восточной Азии предстоит противостояние со страной колоссальных ресурсов»[2]. В Пекине эти слова восприняли как неприкрытую угрозу Китаю, как сигнал американской убежденности в будущем противостоянии.

Некоторые обстоятельства сгладили остроту обозначившегося противостояния. Пекин должен думать о восстаниях в Синьцзяне, о предстоящих в 2008 г. Олимпийских играх, которым китайцами придается большое значение. Но более серьезными стали обозначившиеся геополитические обстоятельства. Главное

[1] *Lampion D.* Small Mercies. China and America after 9/11 («National Interest», Winter 2001/02, p. 108).

[2] Quadrennial Defense Review. Washington, D.C., September 30, 2001. p. 2-4.

462

среди них — движение России в западном направлении. «Для Китая это значит, что Соединенные Штаты заполняют новые ниши, последний участок на северо-востоке этого круга оцепления»[1]. Теперь Центральная Азия предоставила американцам свои аэродромы. США сняли санкции с Индии и Пакистана, заметно сблизившись с Пакистаном — главным союзником Китая в Азии и частью китайского контрбаланса Индии. Даже Иран попытался улучшить отношения с

Вашингтоном на волне лозунга президента Буша: «Кто не с нами, тот против нас». Снова возник старинный страшный призрак: Китай в кольце далеко не дружественных держав. Арабы отстраненнее, Япония и Индия — более настойчивые, Россия, обернувшаяся к Западу, среднеазиатские страны, сотрудничающие с Америкой. Государства к югу от Китая более отчуждены — они знают, кому принадлежит мощь и инвестиции совместно с технологией.

Американцы на встрече президента Буша с Цзян Цзэмином 19—21 октября 2001 г. показали, что на данном этапе Китай — далеко не самый главный партнер США. Это чувствовалось и в обсуждении тайваньского вопроса, в том, что американцы не согласились предоставить запасные части к стоящим мертвым грузом на китайских аэродромах вертолетам «Блэк хоук». Со своей стороны, Пекин не выразил открытой поддержки бомбардировкам Афганистана. Но более всего не понравилась китайцам следующая ремарка Буша: «Война с терроризмом не должна включать в себя преследование меньшинств». Попытки китайской делегации в Пекине внести в шанхайские документы осуждение сепаратизма успехом не увенчались.

Если следующей целью антитеррористической коалиции станет Ирак, Китаю будет трудно поддержать эти действия. И главное: Китай не хотел бы видеть 19 миллионов своих мусульман ожесточенными происходящей рядом битвой цивилизаций. Не забудем и то, что 30 процентов потребляемой нефти Китай импортирует преимущественно из стран Персидского залива. Без этой нефти китайский бум лишится важнейшего компонента. А вступление в ВТО грозит повысить уровень безработицы. В Синьцзяне и Тибете ждут своего часа сепаратисты. Активное сближение с США может подтолкнуть уйгуров, часть которых, как предполагается, имела контакты с Бен Ладеном. Китайское руководство внутри страны уже подвергается критике за излишнюю уступчивость по поводу эпизодов 1999 г. (Белград) и 2001 г. (сбитый самолет.)

[1] *Ba Ren.* The United States Meddles with Afganistan to Kill Three Birds with One Stone. Hong Cong, September 24, 2001.

463

Китайцы задают вопрос: если Америка в час своей нужды не готова продать запасные части к вертолетам, проданным более десятилетия назад, то что же можно ждать от нее в момент триумфа? Китайцы знают, что американское руководство не едино, что госсекретарь Колин Пауэл настроен более дружественно, но министр обороны Рамсфелд ожесточен китайской политикой в области распространения ядерного оружия и жесткостью Пекина в тайваньском вопросе. Президент Буш еще 25 апреля 2001 г. сказал, что будет препятствовать «всеми возможными средствами» попыткам овладения Тайванем. А в начале сентября 2001 г. Буш ввел санкции против одной из китайских фирм, заподозренной в содействии распространению ядерного оружия в Пакистане. 46 процентов американцев поддержали линию президента, но 34 процента заявили, что он слишком мягок в своей китайской политике[1].

Теперь, когда американцы смотрят на Китай из киргизской базы Манас — всего несколько сот километров до китайской границы, — Пекин имеет все основания почувствовать себя ущемленным.

Союзник Пакистан

Как и большинство стран, занятых (как заглавным) процессом «догнать Запад», Пакистан представляет собой разделенное общество. Эта разделенность видна уже из самого простого обобщения относительно трех «А» как фундамента пакистанской внешней политики: Аллах, Армия, Америка. Верхний — правящий слой страны традиционно говорит по-английски. Это армейский генералитет, высшая правительственная бюрократия, крупные землевладельцы, национальная

буржуазия. Политические и экономические связи напрямую связывают пакистанскую элиту с Соединенными Штатами, где живет 400-тысячная пакистанская диаспора, в университеты которой правящий слой Пакистана направляет своих детей. Брат президента Мушарафа — врач, практикующий в Чикаго, является американским гражданином.

В то же время другой Пакистан — основная масса его населения — не видит причин для проамериканских симпатий. Более того, практически весь «не говорящий по-английски» Пакистан относится к США с известной долей враждебности. Почти вся пресса на урду печатает в высшей степени критичные в отношении Америки статьи. Она отражает мнение мечети и улицы — пакистанец на улицах Карачи, Лахора, Исламабада, а особенно Пе-

[1] *Lampton D.* Same Bed, Different Dreams: Managing US-China Relations, 1989—2000. Berkeley: Unversity of California Press, p. 385.

464

шавара и Куэтты, видит в Соединенных Штатах силу не только антипакистанскую, но прежде всего антиисламскую.

В сентябре 2001 г. в Исламабаде у военного режима генерала Мушарафа — как и у его предшественников за три последние десятилетия — оказались все те же три союзника. Америка несколько отступила от страны после ее ядерных испытаний 1998 г., но заново обратилась к Исламабаду после Сентября: довольно неожиданно Америка оказалась чрезвычайно заинтересованной в сохранении режима, который еще недавно осуждался, а теперь оказался бесценным для американских планов и операций в глубине Азии. Как пишет А. Ливен из «Фонда Карнеги», «выживание Пакистана в его нынешней форме жизненно важно для интересов американской безопасности — это обстоятельство превалирует над всеми прочими. Коллапс Пакистана, приход внутренней анархии или исламистской революции нанес бы непоправимый удар по глобальной кампании против исламского терроризма. Таким образом, укрепление пакистанского государства и цементирование его сотрудничества с Западом стало невероятно важным для Вашингтона»[1].

На короткий период американская победа в Афганистане укрепила позиции президента Мушарафа в Исламабаде. Но в долгосрочной перспективе все для этого генерала выглядит менее радужно. На протяжении нескольких последних десятилетий наблюдается неуклонное падение веса Пакистана в своем регионе. Даже в краткосрочной перспективе можно с достаточной степенью вероятия предсказать, что очередное ухудшение экономического положения Пакистана заставит окружающую Мушарафа клику отставить генерала от руля управления государством и возвратиться к гражданскому правлению.

И что существенно для Америки: разгромленный под водительством США Талибан не оживет в Афганистане, если группе его приверженцев удастся возвратиться в свои пещеры; но у Талибана будет очень большой шанс превратиться в главенствующую афганскую силу, если за дело возьмется радикализированный пакистанский режим. Для того чтобы удержать Мушарафа на плаву в обстановке углубляющейся экономической рецессии, Вашингтон обязан неустанно следить за угрозами своему главному союзнику в мусульманском мире. Со своей стороны Мушараф уже пообещал своему народу, что, выступив на стороне США, он получит награды. Прав ли был незаурядный Мушараф или опрометчив? Вокруг Мушарафа слышны скептические ноты — амери-

[1] *Lieven Л.* The Pressures on Pakistan («Foreign Affairs». January-February 2002. p. 106).

465

канцы нарушали свое слово и прежде. Ничто не сделано по сию пору такого, чтобы пакистанское общество почувствовало, что на этот раз Вашингтон полон

решимости быть верным своему слову.

Складывается впечатление, что в Вашингтоне не полностью осознали центральной значимости для Пакистана его взаимоотношений с Индией. Поддержка Талибана была сильна в приграничных провинциях, где проживают пуштунские племена, — а это всего 10 процентов населения Пакистана. Остальной пакистанский мир живет в условиях латентной конфронтации с Индией. Доминирующая провинция Пакистана — Пенджаб (63 процента населения страны). В армии Пенджаб представлен еще более весомо, равно как и в административной элите. Относительно немного пенджабцев открыто сочувствуют соседям пуштунам и их проталибановским симпатиям. И Пакистан так ревностно помогал много лет Афганистану не по причинам мощи пуштунов или даже исламской солидарности, а прежде всего ввиду колоссальных опасений потерять стратегический тыл, противостоя огромной Индии. Как считает А. Ливен, «Мушараф продал свою поддержку текущей американской военной политики своим соотечественникам, сумев убедить их, что это наилучший способ избежать формирования враждебного альянса между Вашингтоном и Нью-Дели. И большинство населения, по-видимому, согласилось с этой калькуляцией; в октябре (2001 г.) опрос Гэллапа показал, что 56 процентов пакистанцев поддержали политику Мушарафа, и это при том, что 83 процента осудили кампанию Вашингтона»[1].

Перед Вашингтоном непростая задача: суметь поддержать Пакистан, не вызвав отчуждения Индии. А это непросто, так как внутри Пакистана американцы вынуждены держаться за единственный работающий и эффективный институт, за армию (много лет готовящуюся к очередному конфликту с Дели). Аналитики говорят, что если Пакистан не срывается в водоворот исламской революции, то не потому, что здесь сильна прозападная армия, а потому, что исламская оппозиция в Исламской Республике Пакистан еще слаба и неорганизованна. Вместе взятые, пакистанские исламистские партии на последних выборах получают всего лишь 6 процентов от всех зарегистрированных избирателей. Но и недооценивать ислам в Пакистане не следует. В конце концов — это главный стержень единства страны. Вторая по величине из двух относительно крупных исламских партий — «Джамиат-уль-Улема-э-Ислам» лидировала в противодействии американской

[1] *Lieven A.* The Pressures on Pakistan («Foreign Affairs», January-February 2002, p. 108).

466

кампании в Афганистане. В ней достаточно много пуштунов, она влиятельна на северо-западе страны и имеет связи с Талибаном.

Главное. На протяжении многих лет пакистанская армия пестовала, обучала исламских борцов для Афганистана. Сложились тесные связи, налажены определенные отношения. Речь идет о крупных лагерях подготовки, о налаженной системе снабжения оружием. Часть этих военно-тренировочных лагерей использовалась (и используется) против Индии в Кашмире. И вот главную пакистанскую организацию, борющуюся за контроль над Кашмиром («Жаиш-э-Мухамади»), США официально объявляют террористической организацией, с которой они намерены бороться. Теперь главная задача Вашингтона заключается в том, чтобы получить долю контроля над системой исламских медресе в Пакистане, чтобы под их эгидой не прятались и не росли наследники Талибана.

Будущность Пакистана как нового союзника США не обнадеживает. На протяжении 30 лет исламские политические партии правили страной и довели ее до развала своим непотизмом, некомпетентностью и коррупцией. Оба Бхутто и Шариф были свергнуты именно поэтому. Мушараф имеет западный опыт, его мать работала в Международной организации труда (Женева). Но перед ним почти непреодолимые препятствия. В частности, доминированием Пенджаба

недовольны те самые пуштуны, которые живут на огромной границе с Афганистаном. Показателем стабильности этого нового союзника США будут национальные выборы в Пакистане, намеченные на октябрь 2002 г. Американцы хотели бы, чтобы Мушараф ввел в стране «турецкую модель»: и признаки демократии, и контролирующие положение военные на случай поворота страны к исламскому фундаментализму.

Но все рычаги окажутся непригодными, если экономика Пакистана рухнет и обездоленные массы попрут соглашения с «неверными». Этот поворот не уходит с горизонта. А тем временем против 4 процентов пакистанского роста в среднем за 1990-е годы Индия противопоставляет 5,6 процента. И Пакистан расходует 30 процентов своего бюджета на военные цели, оставляя обездоленными огромные массы нищающего населения. А вокруг изобилие оружия; если его возьмут в руки исламские фундаменталисты, то в надежности такого союзника США можно будет усомниться. «Без успешно проведенных прогрессивных реформ, — считает А. Ливен, — мощь исламистов будет постоянно расти, особенно в дальней перспективе — несмотря на их поражение в Афганистане»[1]. Будем реалистами: Пакистан — не Турция, и бо-

[1] *Lieven A.* The Pressures on Pakistan («Foreign Affairs», January-February 2002, p. 113).

467

лее быстрая исламизация армии практически неизбежна. Армии с ядерным оружием. Именно разведка этой армии в свое время создала Талибан. И по крайней мере один из руководителей этой разведки (генерал Джавед Насир) был радикальным исламистом.

Руководство Пакистана много говорит о борьбе с фундаментализмом, но предпринимает не так много конкретных мер. Так, речь постоянно идет об овладении контролем над многочисленными медресе; несколько группировок были лишены официального статуса. Но ни один активист крайнего толка не предстал перед судом, за исключением убийцы американского журналиста Д. Перла.

В марте 2002 г. взрыв у американского посольства в Исламабаде подтвердил указанную тенденцию. Правительство США отозвало из своих посольств и консулатов в Пакистане родственников дипломатов, сократило дипломатическое представительство, понимая при этом, что полный уход из Пакистана в огромной мере ослабил бы позиции США в регионе.

Особую роль в Пакистане играют религиозные исламские школы — медресе. Традиция обучения в таких школах уходит в глубину тысячелетней традиции. Но в последние десятилетия они начали играть совершенно особую роль. Ныне они доминируют в образовательной системе Пакистана. И что очень существенно: они создали очень прочные связи с воинственными мусульманскими организациями. Здесь на арену выступают США: «Америка имеет жизненный интерес в том, чтобы Пакистан выполнил свои обещания как в том, чтобы Пакистан имел адекватную образовательную систему, и в то же время чтобы медресе не превратились в тренировочные пункты террористов»[1]. В настоящее время в Пакистане примерно 45 тысяч медресе, число учащихся в которых варьирует от нескольких десятков до нескольких тысяч. Особое влияние в них имеет т. н. деобандизм, родившийся в Пакистане, учащий тому, что Запад является источником разложения, что религиозное образование важнее светского.

В Пакистане лишь 40 процентов населения грамотно. Учитывая, что на образование расходуется примерно 2 процента валового продукта страны (один из самых низких показателей в мире), медресе заняли доминирующее положение в формировании пакистанского общества. Они бесконечно далеко отстоят от элиты, олицетворяемой, скажем, президентом Мушарафом, получившим образование на Западе. 15 тысяч сыновей бедняков ежегодно поступают в медресе — они в свое

время произвели Талибан и способны повторить этот опыт, государственного контроля

[1] *Singer P. W.* Pakistan's Madrassahs: Ensuring a System of Education not Jihad (Brookings Analysis Paper #14, November 2001, p. 10).

468

над ними нет. Не менее 15 процентов медресе непосредственно связаны с экстремистскими мусульманскими организациями. Эти медресе учат особому курсу ислама. «Ненависть позволена, джихад разрешает убийство невинных гражданских лиц, включая мусульман, мужчин, женщин и детей; террористы выступают в роли героев. Мученичество посредством самоубийства превозносится. В некоторых радикальных религиозных школах учат обращению с оружием, военным физическим упражнениям, учат произносить зажигательные политические речи (антиамериканские речи заучиваются наизусть). Оторванные от родителей ученики весьма чувствительны к такому обучению»[1].

Рекрутированная Усамой Бен Ладеном 55-я бригада иностранных добровольцев — основа Аль-Каиды — была создана из студентов таких школ. Правительственный Исламабад все эти годы поддерживал эти школы, потому что они давали готовых бойцов для боев в Кашмире, для влияния в Афганистане. Для боев в Чечне и на Филиппинах. И ученики оправдали оказанное доверие, лучшей иллюстрацией чего является захват пропакистанским Талибаном власти в Афганистане. Временами в те дни закрывались многие школы — ученики медресе все шли на фронт. Среди них было много и не пакистанцев, а пришедших в знаменитые медресе иностранцев-мусульман. Прибыли студенты из Китая, Индонезии, Казахстана, Саудовской Аравии, Таджикистана, Узбекистана, Йемена. Их агрессивность всемерно поддерживалась учителями. Выпускники этих школ часто лишь увеличивают число безработных. Альтернатива — нести пламя веры в далеких краях. Или служить в пакистанском Межведомственном разведывательном директорате.

Саудовская Аравия

Правительство Саудовской Аравии в своей внутренней политике постоянно балансирует. Но вовсе не таким образом, как это довольно часто изображают на Западе — якобы противостоя либеральной внутрисаудовской оппозиции, которая будто бы требует либеральных реформ, либерализации режима, открытости, прозрачности системы управления, большей терпимости в рождающемся светском государстве. На самом деле подлинная оппозиция официальному Эр-Риаду исходит от сугубо консервативных элементов саудовского полуфеодального и феодального общества, взбешенного присутствием на святой земле западных войск и вообще «неверных» вблизи Мекки и Медины. Парадокс

[1] *Singer P. W.* Pakistan's Madrassahs: Ensuring a System of Education not Jihad (Brookings Analysis Paper №14, November 2001. p. 12).

469

заключается в том, что наибольшая угроза саудовскому режиму лежит *справа* — со стороны выпускников тех многочисленных медресе, на финансирование которых так щедро правительство Саудовской Аравии.

В свете этого американское правительство, предельно дорожащее своим влиянием на официальный Эр-Риад (25 процентов мировой нефти), менее всего хотело бы политических перемен на Аравийском полуострове — они могут привести к повторению триумфального возвращения нового Хомейни в сердце исламского мира. Только роль Хомейни на этот раз готов сыграть Усама Бен Ладен. И если Вашингтон остережется перенести боевые действия после Афганистана на Ирак, то прежде всего в свете потенциального дестабилизирующего воздействия, которое «поход на Багдад» может возыметь на саудовскую политическую систему. Американцы сами признают, что «хрупкость

Саудовской Аравии и деликатность наших отношений с ее правительством настоятельно требует осторожности»[1].

Центральная Азия

Система ирригационных сооружений советского периода, обеспечивавшая сток талой воды с горных хребтов Таджикистана и Киргизии в такие плодородные долины, как Ферганская, пришла в запустение в раздробленном мире пяти возникших в 1991 г. независимых стран. Объем воды для полива уменьшился на 50 процентов, и не менее 30 процентов прежде возделываемой земли пришли в запустение. Скажем, Таджикистан снизил производство зерновых на 47 процентов, и почти полтора миллиона его жителей встали на грань голода. Политическая и прочая инфраструктура оказались поколебленными, и сельские районы страны открыли двери силе, которая пообещала их защитить — исламу.

Борьба с политическим исламом за власть оказалась для правящей элиты пяти среднеазиатских республик неожиданно жестокой. Их противники — радикализированные исламисты ведут войну на уничтожение. Ислам этих прозелитов — вовсе не умеренный суфизм, но заимствованные у Талибана воинственные обертона, постоянно питаемые исламскими медресе Пакистана и ваххабизмом Саудовской Аравии.

Россия в свое время почти не затронула ислама — в начале XX в. здесь было более 20 тысяч мечетей, более 100 активно действующих медресе с 10 тысячами учащихся. Первые ваххабиты (сторонники Абдула Ваххаба, стремившегося в восемнадцатом столе-

[1] *SchlesingerJ.* A Test by Terrorism («National Interest», Spring 2002, p. 54).

470

тии очистить ислам от суфизма) прибыли сюда из Саудовской Аравии в 1912 г. В 1990-х гг. произошло масштабное оживление ислама во всех формах — от реформированного образца, пришедшего из секулярной Турции, до гораздо более воинственных форм. Популярности воинствующему исламу добавили репрессии посткоммунистических режимов региона. Эти фундаменталисты помнят, что после мирового распространения Ислама Средняя Азия была вторым по важности регионом после Саудовской Аравии. Они лелеют планы создания исламского всеобщего братства верующих на манер Аравии седьмого века. Их идеал включает в себя антизападный и антирусский джихад.

В 1998 г. Юлдешев создал в талибанском Кабуле Исламское движение Узбекистана. Хизб-ут-Тахрир аль Ислами и Исламское движение Узбекистана — самый большой и организованный источник терроризма в Центральной Азии. Их мотивация в обездоленном регионе привлекательна, помощь извне существенна, связи с радикальным исламским миром — с Пакистаном, Саудовской Аравией, синьцзянь-уйгурами, Кашмиром, остатками Талибана — разветвлены. Во второй половине 1990-х гг. лидер воинствующего узбекского ислама Тахир Юлдешев встречался в Афганистане с Усамой Бен Ладеном, он ожидает удобного момента возвратиться в Фергану и Ташкент. В феврале 1999 г. в центре Ташкента этой организацией были взорваны шесть бомб.

Юлдешев так определил свои задачи: «Целями Мусульманского движения Узбекистана является жестокая борьба против угнетения в нашей стране, против взяточничества, против неравенства, а также за освобождение наших мусульманских братьев из тюрем. Именно за это мы проливаем кровь, а создание исламского государства будет следующей проблемой. Мы объявили джихад ради создания религиозной системы, религиозного правительства. Мы желаем создать систему шариата. Мы желаем создать модель ислама, которую нам завещал Пророк». В августе 2000 г. его союзник Намангани вторгся в плодородную Ферганскую долину с востока (со стороны Киргизии) и с юга (со стороны

Узбекистана и Таджикистана). На помощь среднеазиатским правительствам пришли Россия, Китай и США — они предоставили Ташкенту и Бишкеку оружие. 15 сентября 2001 г. администрация Клинтона внесла Исламское движение Узбекистана (ИДУ) в список террористических организаций. Ташкентский суд приговорил Юлдешева и Намангани, разместившихся в Мазари-Шарифе, к смертной казни. С отрядом в 2500 человек Намангани в декабре 2000 г. вторгся в Таджикистан, желая разжечь в Центральной Азии исламскую революцию. В его отряде были чеченцы из России и уйгуры из Китая. Именно в это время у ИДУ ус-
471
танавливаются тесные отношения с Усамой Бен Ладеном, с чеченскими сепаратистами и пакистанскими фундаменталистами.

Конкурирующая Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами — Партия исламского освобождения (ПИО) является мощной, хотя и децентрализованной силой, скрывающаяся по всей Центральной Азии. Центр прячется где-то в Фергане, но члены одной ячейки не знают никого, кто стоит выше, и так сохраняют свои ряды. Это движение запрещено на Ближнем Востоке, но имеет своих представителей в Западной Европе (центр базируется в Лондоне). ПИО быстрее других воспользовалась благоприятными обстоятельствами 1991 г. Ее миссионеры быстро приобрели в Центральной Азии значительное влияние. Утверждают, что организация имеет 60 тысяч активных сторонников только в Ташкенте. ПИО растет, быстро распространяясь на Киргизию и Таджикистан, несмотря на массовые уголовные процессы против них (например, в Киргизии в июне 2000 г.).

Цель ПИО — присоединить Центральную Азию к проектируемому Всемирному исламскому халифату, восстановить «Хали-фат-э-Рашида» — единое исламское государство, которое существовало короткое время после смерти пророка Мухаммеда. Антисемитизм этой организации носит очень агрессивную форму: «Мы не хотим убить всех евреев, но они должны покинуть Среднюю Азию» (слова лидера ПИО). Президент Каримов сказал в узбекском парламенте, что «таких людей нужно убивать выстрелами в голову. Если нужно, я буду стрелять сам». В Киргизии и Таджикистане были арестованы 2 тысячи ее представителей. Из 6 тысяч заключенных в Узбекистане фундаменталистов не менее половины составляют члены ПИО. Это движение угрожает всем светским правителям Центральной Азии, России и Китаю. (В то же время американцы так и не решились поместить ПИО в список террористических организаций. В целом американская политика до сентября 2001 г. была двуединой и парадоксальной: правителям этих стран одновременно оказывали помощь в борьбе с исламистами и осуждали за нарушения гражданских прав.)

Учитывая общее обнищание Средней Азии (в небогатом и прежде Таджикистане уровень жизни понизился на две трети по сравнению с 1990 г., а в Узбекистане, Казахстане и Киргизии — на две пятых), трудно представить себе потерю боевиками исламистских организаций массовой базы. Что парадоксальнее всего: Запад неумеренно хвалил Таджикистан за создание коалиционного правительства, а ведь ценой этого компромисса были 60 тысяч погибших в предшествующей гражданской войне. Президентам Каримову, Акаеву, Рахмонову недостаточно благожелательно смотреть на строительство мечетей, исламский фундаментализм
472
судит его по более жестким критериям. В стремлении укрепить свою власть они готовы на помощь, откуда бы она ни пришла.

США вошли в незнакомый им регион вместе с помощью натовской программы «Союза ради мира» и инвестициями нефтяных компаний. С 1994 г. Запад во главе с США оказывал помощь в подготовке личного состава армий центральноазиатских государств, но не поставлял оружия (что осуществляли

Россия и Китай). Основным экономическим рычагом Америки в Центральной Азии явилась разработка американскими компаниями энергетических ресурсов и строительство нефтепроводов. Интенсивность этого процесса резко возросла в сентябре 2001 г. — к погрязшим в долгах центральноазиатским жертвам воинствующего ислама присоединилась могучая Америка.

Американцы в сердце Евразии

Воспользовавшись готовностью России и среднеазиатских республик оказать помощь в борьбе с международным терроризмом, администрация президента Буша впервые в истории проникла туда, где после Тамерлана была своего рода «заповедная зона» России, — в страны Центральной Азии — Узбекистан, Таджикистан и Киргизию. Это своего рода междуполье, где сходятся православная, мусульманская, китайская и индуистская цивилизации. Превосходный плацдарм для контроля над Евразией во все четыре стороны света.

Войны в Югославии и Афганистане, пишет французская «Монд», «стали инструментом проникновения США в эти ключевые области, благодаря которому Америке удалось вывести их из-под прежней опеки России... Расширяется стратегическая «паутина» США на периферии бывшей советской территории, что вызывает определенное беспокойство в определенных кругах на местах. 1500-й контингент американцев разместился на авиабазе в Ханабаде, на юге Узбекистана, недалеко от афганской границы, а другой передовой отряд неподалеку от международного аэропорта Манас в Киргизстане готов к дислокации; американские эксперты работают над созданием авиабазы в Кулябе, на юге Таджикистана; грузины ожидают прибытия 200 солдат элитных американских подразделений, которые, видимо, будут размещены в Вазиани, недалеко от Тбилиси, где до прошлого года располагалась российская военная база. «Американцы стремятся утвердиться на Кавказе и «окружить» Каспийское море... Они всегда желали влиять на ситуацию в регионе. Они уже очистили Балканы и Центральную Азию. Теперь они окружат Каспийское море и «очистят» его. А мы помогаем им своими необдуманными

473

действиями», — заявил генерал Руслан Аушев, бывший президент Ингушетии»[1].

Осенью 2001 г. войска Запада благодаря России оказались в сердце Средней Азии, у них уже свои договоренности с Каримовым, Рахмоновым и Акаевым. Они высадились в Кабуле, Мазари-Шарифе и Кандагаре. Чье влияние они замещают поблизости от нефтеносного Каспия, а также склонного дружить со всеми Казахстана, отчужденной Туркмении, мечущейся Грузии? Получение военных баз в среднеазиатских республиках открывает американцам новую точку обзора Китая, России, Афганистана, Центральной Азии. Рядом в поле зрения оказался космодром Байконур, откуда производятся не только гражданские, но и военные запуски, и Чечня, на проблему которой у России и США разные взгляды. И если возможность военного вторжения — это скорее козырь, чем реальная угроза, то комфортные условия для наблюдения уже используются. Электронное разведывательное оборудование уже завезено и установлено. Логика событий говорит о том, что РФ и КНР ослабили свое положение. США, воспользовавшись удобным моментом войны с терроризмом, разместили свой военный контингент и технические средства на территории крупнейшей (по населению) страны Центрально-Азиатского региона — Узбекистана и в соседних Таджикистане и Киргизстане., Киргизия не имеет общей границы с Афганистаном, от которого ее отделяет Таджикистан. Однако американцам и французам удалось получить от таджикского правительства разрешение на использование воздушного пространства страны, а также крупной и удобной авиабазы Манас, неподалеку от Душанбе.

Уже в конце 2001 г. ряд влиятельных политиков США озвучил следующие новые идеи: «Когда афганский конфликт завершится, мы не уйдем из Центральной Азии; мы хотим поддержать центральноазиатские страны в их стремлении реформировать экономику и общество так же, как они поддержали нас в войне с терроризмом. Это долговременные отношения». В конце января 2002 г. помощник госсекретаря США по делам Европы и Евразии Э. Джоунс посетила Казахстан, Узбекистан, Киргизию, Таджикистан и Туркмению. Ее откровения достойны цитирования: «Страны Центральной Азии просят нас более активно участвовать в их делах, и нам хотелось бы усилить степень своего участия... Присутствие в Киргизии будет значительным и долговременным». Америка не оставит страны региона «наедине с их проблемами». Прибыв в январе 2002 г. в Ташкент, лидер демократического большинства в сенате США Т. Дэшл пообещал «наращи-

[1] «Le Monde», 2 avril, 2002.

474

вать усилия здесь в целях отстаивания интересов США в Средней Азии. Наше присутствие в регионе отныне носит долговременный характер, и с правительствами стран Средней Азии на этот счет уже существует необходимый уровень доверия».

Стратегические соображения привели к быстрой отстройке авиабазы Манас, заключению договора с Узбекистаном сроком на 25 лет о создании американской военной базы в Ханабаде с оплатой правительству Узбекистана в размере 300 млн. долл. в год. Нет сомнения в том, что американская решимость закрепиться в данном регионе окрепла по мере подсчетов возможных объемов энергоносителей региона[1]. В Узбекистане уже разместились 3 тысячи американских солдат; в Киргизии планируется размещение также 3 тысяч солдат. США заключили договор с Таджикистаном, где размещены 10 тысяч российских солдат. Американцы провели секретные переговоры с Арменией (одним из ключевых союзников России) и с Казахстаном. 200 американских советников будут помогать грузинской армии. Благодаря умелому геополитическому маневру Вашингтон получил возможность решать несколько проблем сразу:

— воздействие на третье в мире нефтегазовое месторождение большого Каспия;

— изоляция неугодного Америке Ирана;

— возможность оказывать давление на уязвимое место Китая (Синьцзянь-Уйгурский автономный округ) с тыла;

— контролировать Афганистан не только изнутри, но и извне;

— поддерживать своего союзника Пакистан с наземных баз;

— реагировать на ныне ядерное противостояние на Индостане с севера.

Все сказанное сводится к тому, что США довольно неожиданно укрепили свои геополитические позиции за счет, в первую очередь, России, а также Китая, Ирана, Индии. Теперь, пишет

[1] США — самая энергопотребляющая страна мира. При этом ее зависимость от импорта нефти давно превысила 50 процентов, и эта зависимость продолжает возрастать. Согласно статистическому отчету «Brirish Petrolium Amoco», при сохранении нынешнего уровня годовой добычи в 370 млн. тонн нефти в США не более 3 млрд. тонн., или примерно на 8,5 лет. В марте 2000 г. эксперт Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне Р. Эйбл заявил на слушаниях в американском конгрессе: «Мы в полном смысле сидим на крючке дешевой нефти и сейчас гораздо меньше, чем когда-либо, способны прийти к разумному пониманию будущего». Даже не принимая во внимание необходимость экономического роста, США уже через 6 лет будут восполнять недостающую часть с помощью повышения спроса на импортируемую нефть и газ. Это повышает значимость источников нефти.

475

американская «Крисчен сайенс монитор», когда Соединенные Штаты ведут войну с терроризмом в Афганистане и впервые посылают свои войска в богатые

энергоресурсами регионы Средней Азии и Кавказа, можно говорить, что намечаются границы новой американской империи. Эти стратегические регионы, прочно входившие в российскую, а позднее в советскую сферу влияния, вместе с ближневосточными плацдармами сегодня являются домом для 60 тысяч американских военных. Некоторые из этих солдат строят долговременные базы в удаленных уголках Средней Азии, что ставит критические вопросы относительно будущей роли Америки в регионе»[1].

После Балкан и Центральной Азии весной 2002 г. американцы противопоставили себя России на Южном Кавказе. На Западе в отношении поведения российского руководства есть определенное недоумение. Так, французская «Монд» пишет: «Многим обозревателям, привыкшим мыслить стратегически, трудно расшифровать поведение российского президента, которое, по их мнению, противоречит дипломатическим и экономическим обязательствам по отношению к США. С одной стороны, Москва разыгрывает карту «американского увязания» в Грузии и Центральной Азии, тогда как Россия усиливает свой экономический и военный потенциал. Это рискованное пари подразумевает длительное присутствие американцев в этих ключевых зонах, что не отвечает российским интересам. С другой стороны, Москва не обладает достаточными средствами, чтобы соперничать с американской мощью, отныне США играют первым номером на Южном Кавказе и в Азии. Будучи прагматиком, Владимир Путин пытается извлечь выгоду из американского присутствия в экономическом и стратегическом плане — предоставление новых кредитов от МВФ и Всемирного банка усиливает позиции России в мировой экономике. Тот факт, что Россия на равных говорит с США о проекте противоракетного щита и о принципиальных вопросах в военной сфере, может позволить ей по своему статусу обойти Японию, Китай и ЕС»[2].

Укрепление американской позиции в Грузии имеет два аспекта — военный и экономический. С военной точки зрения речь идет о близости таких стран, как Ирак и Иран. С экономической точки зрения речь идет о нефтяных и газовых месторождениях каспийского бассейна. Здесь Америка сталкивается со своим натовским союзником — Турцией, позиция которого значительно усилилась в данном регионе после подписания согла-

[1] «Christian Science Monitor», March 19, 2002.

[2] «Le Monde», Avril 2, 2002.

шений о военном сотрудничестве с Азербайджаном (1999) и с Грузией (февраль 2002 года). Если Анкара и Вашингтон — члены НАТО — смогут под прикрытием борьбы с терроризмом утвердиться в Грузии, то включение Тбилиси в орбиту НАТО перейдет со стадии лозунгов и поползновений к стадии осуществления. Опорой России в регионе является дружественная Армения, но и она испытывает давление со стороны американской дипломатии. Интересы России и Америки приходят в прямое соприкосновение. Так, подписав соглашение об аренде радиолокационной станции в азербайджанском Габале, Москва дала понять, что намерена перевооружить и модернизировать систему ПВО Азербайджана (не ставя при этом под вопрос стратегическое партнерство с Арменией). Английские специалисты из «Экономист интеллидженс юнит» склонны полагать, что Армения не перейдет на сторону Запада и останется важнейшим союзником России на Кавказе. Разумеется, Армения обеспокоена российско-азербайджанским сближением и в ответ уже подписала соглашение о военном сотрудничестве с Вашингтоном. Но при этом Ереван особо подчеркнул, что отношения с Россией остаются краеугольным камнем армянской политики.

Слабой стороной американского подхода к Южному Кавказу является вновь приобретенная черта американской политики — поддержка национальных

меньшинств — особенно после того, как США выступили в Косове на стороне албанцев. Если США всерьез решили закрепиться в Закавказье, им придется занять более четкую позицию по вопросу о Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии,- Джавахетии, Аджарии и пр. Нетрудно представить себе инициативу русской дипломатии, в крайнем случае склонной признать независимость абхазов и осетин. Ныне американская интервенция в Грузии (а именно термин «интервенция» употребляется в западных средствах печати) будет поставлена перед выбором — признавать Нагорный Карабах и Абхазию или помогать Тбилиси и Баку сокрушить их независимость.

Ближневосточный конфликт

В ближневосточном конфликте 50 процентов американцев поддерживают Израиль и только 15 процентов — палестинцев. 49 процентов оправдывают Шарона, а 66 процентов осуждают Арафата[1]. Разрыв во мнениях, сформировавшийся между Европейским союзом и США по поводу самого тяжелого израильского кризиса за последние 20 лет, — самый разительный.

Институционализация вышеуказанных новых факторов ми-

[1] «Corriere della Sera», 11. 04. 2002.

477

ровой политики внесла существенные коррективы в систему международных отношений и во взаимоотношения Запада с пятью незападными миллиардами мирового населения. Благосостояние и даже выживание Запада стали напрямую зависеть от характера отношений Север — Юг, общежития цивилизаций, адекватного понимания современной угрозы, консолидации всех жертв терроризма, разделяющих страх перед массовым насилием в мире. Это диктует военное строительство нового типа и качества. Главное: Запад теперь вынужден по-новому строить свои отношения с внешним миром, важной частью которого является Россия.

Три пути

Как гарантировать предотвращение трагедии 11 сентября? Анализирующая мировой процесс Америка разделилась на три лагеря, каждый из которых отстаивает свой путь: изоляционизм, односторонние действия и создание многосторонней коалиции. Изоляционизм держался недолго — большинство американцев достаточно отчетливо поняло, что сокращение внешних обязательств не укрепит американской безопасности, более того, изоляция лишь подчеркнет уязвимость Америки. Основная линия спора прошла *между односторонностью и многосторонностью*. Как написал в «Нью-Йорк таймс» У. Сэфайр, «одно- не означает изо-. Отказываясь от лидерства, мы можем очень быстро лишиться мирового руководства». Сторонников одностороннего лидерства возглавили такие идеологи, как Р. Каган, У. Кристол, Ч. Краутхаммер. Последний писал: «Многосторонность будет означать погружение американской воли в месиво выработки коллективных решений — приговорить себя к реакции на события, передать дела в многоязычную говорильню, в комитеты со странными акронимами»[1].

Воинственно настроенная на внутренние проблемы и *односторонность* во внешнем мире (во время предвыборной кампании 2000 г. Дж. Буш не мог вспомнить имени пакистанского президента — что шло ему в позитив, как и общее игнорирование мирового общественного мнения) администрация Дж. Буша-мл. логикой событий, провозглашением максим типа «кто не с нами, то против нас» вынуждена была развернуться к внешней арене и *многосторонним* действиям.

В своем обращении к конгрессу с посланием «О положении страны» в конце

января 2002 г. президент США пообещал одержать победу над терроризмом. Война с терроризмом, по его мне-

[1] *Krauthammer Ch:* The New Unilateralism («Washington Post», June 8, 2001).

478

нию, не окончилась после победы в Афганистане — она «только начинается». Глава Белого дома отметил, что террористические лагеря продолжают действовать «еще в дюжине стран», и США, исходя из необходимости вести борьбу с терроризмом в мировом масштабе, направили своих военнослужащих на Филиппины и свои корабли к берегам Сомали, чтобы «заблокировать поставки оружия и создание террористических лагерей». Тысячи обученных террористов все еще находятся на свободе. «Эти враги рассматривают весь мир как поле боя, поэтому мы будем преследовать их, где бы они ни находились». США «выигрывают войну с терроризмом, но обнаруженные у террористов в Афганистане материалы «подтвердили наши худшие опасения».

У террористов в Афганистане были обнаружены схемы американских электростанций и объектов общественного водоснабжения, детальные инструкции по созданию химического оружия, разведывательные карты американских городов, а также описание известных мест в Америке и по всему миру». Буш напомнил, что лагеря террористов до сих пор остаются на территории целого ряда стран, и «если эти страны не предпримут меры, их примет Америка». Довольно сильные выражения прозвучали в адрес Северной Кореи, Ирана и Ирака — «оси зла». Американский президент назвал эти страны частью «оси зла» и предупредил, что их стремление обзавестись оружием массового поражения является «серьезной и растущей угрозой», которую США не потерпят. Президент Буш предложил крупнейшее за последние два десятилетия увеличение расходов на оборону — на 47 млрд. долл.

Внутри страны идет заметное ужесточение правил, прежде гораздо более либеральных. Хуже всех достается нелегальным иммигрантам. Стала распространенной практика требования документов и депортация в случае отсутствия таковых. Обозначились признаки полицейского государства: библиотеки обязаны сообщать Федеральному бюро расследований о запросах на подозрительную литературу. Руководство компаний обязали сообщать в ФБР о случаях запроса их сотрудников через служебный компьютер относительно взрывчатых веществ. Транспортные компании потребовали общенационального введения удостоверения личности с персональными отпечатками пальцев, но многим это показалось уж слишком похожим на оруэлловское видение будущего полицейского режима.

«Ось зла»

В послании президента США Дж. Буш-мл. «О положении страны» за 2002 г. в порядке развития антитеррористической кампании определил следующие за Афганистаном цели. Он назвал

479

«осью зла» Иран, Ирак и Северную Корею. Раздел «Ось зла» в послании президента США к нации 2002 г. стал шоком для стран, которые оказали Соединенным Штатам самую существенную поддержку в первой фазе начавшейся 11 сентября 2001 г. войны с терроризмом. Президент Буш-мл. определил весной 2002 г. следующую фазу антитеррористической войны — противостояние «оси зла» — Ирану, Ираку и Северной Корее. Фактически это означает объявление своего рода войны правительствам этих стран, фактическое начало операции по их смещению. Все эти три страны имеют программы создания биологического оружия. Иран и Ирак имеют химическое оружие. КНДР лидирует в производстве средств доставки — ее ракеты весьма впечатляющего

радиуса действия уже были испытаны.

Ключевые союзники США определили этот курс как исключительно опасный. Им непонятно, почему оказались в одной связке Ирак, Иран и Северная Корея. Последующие заверения в том, что Америка не имеет намерения в ближайшее время применить военную силу против двух последних из вышеназванных стран, просто усилили страхи, что администрация Буша планирует бомбить или вторгнуться в Ирак.

Иран при этом является очень значительным рынком сбыта российского оружия. Обе страны весьма тесно сотрудничают в реализации проектов создания нефте- и газопроводов через Пакистан на юг, в порты Индийского океана. Имеет место и ядерное сотрудничество Москвы и Тегерана в Бушере. Второй «изгой» — Ирак — традиционный партнер России, и президент Путин открыто заявил, что «для урегулирования иракской проблемы силовое решение является далеко не единственным и далеко не лучшим». Третий «изгой» — КНДР — пользуется поддержкой Москвы. Ким Чен Иру в 2001 г. был оказан в России исключительно теплый прием. Маршал Язов консультирует ныне военное ведомство Северной Кореи.

Отчего американское руководство, не пользуясь поддержкой ни старых, ни новых партнеров по антитеррористической коалиции, назвало своих противников поименно? Два обстоятельства очевидны. Во-первых, 11 сентября понизило порог толерантности американского правительства. Прежде у американцев не было столь очевидных примеров, не было убедительного для американского общества стереотипа привязки террористических актов к конкретным правительствам. Эмоциональная настроенность американцев такова, что они готовы сделать скорее ошибки, чем бездействовать. Во-вторых, видимый успех того, что называют антитеррористической операцией в Афганистане, подстегнул правительство США. Распространилось убеждение, что не следует ждать, следует действовать. Ныне военная машина Америки,

480

«разогревшаяся» в афганских горах, имея низкий уровень собственно американских потерь, готова к следующим шагам на международной арене. У американцев более отчетливо проявляется то, что было прежде несколько замаскировано, — их вновь обретенная воля.

Заметим, что ныне американское руководство не готово «улучшать» недружественные себе режимы, оно взяло курс на их категорическую замену. Ничего менее. Америка снова — как перед Вьетнамом — впадает в состояние, что «все возможно». С противником не следует говорить, это аморально, да и бессмысленно.

Но смещение режимов — весьма непростое предприятие. И страны, названные в американском «черном списке», отнюдь не покорные жертвы. Семидесятимиллионный Иран характерен очевидной лояльностью населения правительству в Тегеране, нравится это американцам или нет. Северная Корея безусловно небогатая страна, но ее вооруженные силы — это не полупартизанский Талибан. И они вооружены не только «Калашниковыми». Уже сейчас северокорейская артиллерия может поражать южнокорейский Сеул. Посетив Южную Корею, президент Буш был вынужден сказать, что «у нас нет намерения вторгаться в Северную Корею». Остается Ирак. Пока военная машина смазана, пока успех в Афганистане не размыт партизанской войной и спорами внутри нового афганского правительства, пока верные британцы стоят в строю, а Москва хотя и считает это предприятие ошибкой, но уже заверила Вашингтон, что краха антитеррористической коалиции не произойдет, есть все основания ожидать, что Америка попытается силовым путем свергнуть режим президента Саддама Хусейна.

Весенний (2002 г.) визит вице-президента Р. Чейни по одиннадцати ближневосточным странам носил характер «разведки боем». Каждый из собеседников Чейни старался убедить вице-президента, что до окончания конфликта израильтян и палестинцев думать о военной акции США на Ближнем Востоке нереалистично. В этом сошлись все арабские режимы. Правящий в Саудовской Аравии принц Абдула заявил по каналу ABC 15 марта: «Я не верю, что это было бы в интересах Соединенных Штатов, в интересах мира, в интересах региона. И я не верю, что эта акция даст желаемые результаты».

Очевидно, что подход к каждому из названных государств «оси зла» будет особенным. Если целью будет избран Иран, американской задачей будет изоляция соседнего Ирака. Выступление против Багдада требует хотя бы минимального содействия т. н. умеренных арабских режимов. Ключом к выяснению отношений с Северной Кореей явится степень выполнения Пхеньяном

481

соглашения 1994 г. о прекращении производства обогащенного плутония.

Даже умеренные американские наблюдатели отмечают, что «к несчастью, администрация Буша кажется настроенной на конфронтацию, а не на конструктивный подход к Пхеньяну. Она прекратила переговоры и выдвинула предварительные условия, явно неприемлемые для Северной Кореи... И хотя угроза обращения к силе кажется контрпродуктивной в случае с Ираном и Северной Кореей, она может дать результаты в случае с Ираком. Более чем 10 лет экономических санкций, переговоров и дипломатической активности не смогли умерить аппетит Саддама к ядерному, химическому и биологическому оружию. Но, если поставить Саддама перед выбором — арсенал средств массового поражения или собственная шея, он может избрать шею»[1]. В целом, борясь с «осью зла», президент Буш опирается на всемирный страх перед производством экстремистскими режимами оружия массового поражения, что после 11 сентября обрело новую весомость.

Противодействие американским планам противостояния «оси зла» оказали прежде всего западноевропейские союзники. Удар по Ираку здесь видится преимущественно как безответственная авантюра. «С точки зрения европейцев, Вашингтон представляется непредсказуемым, эксцентричным и импульсивным — и все это действует союзникам на нервы... Когда недоуменные вопросы приходят не только от хронических критиков вроде французов, но также и от таких друзей, как Германия и даже Великобритания, Вашингтону следовало бы прислушаться»[2].

Даже наиболее лояльное американцам английское правительство отложило на неопределенный срок публикацию досье, в котором содержались доказательства террористических приготовлений Саддама Хусейна. Давая понять, что Великобритания считает открытое нападение на Ирак политически невозможным, британское правительство отказалось придать гласности документы, в которых якобы доказывалось, что Ирак игнорирует требования Организации Объединенных Наций и разрабатывает средства массового поражения. Одним из главных объяснений такого поведения считается боязнь оппозиционной к правительству лейбористской партии, которая считает указанные доказательства малообоснованными и неубедительными. Критически к этим документам относится и англиканское духовенство. Британский истеблишмент пришел к согласию, что подобное досье против С. Хусейна должно быть «фактографическим», а не сугубо

[1] «San Jose Mercury News», March 24, 2002.

[2] «International Herald Tribune», March 29, 2002.

482

предположительным. По сведению правительственных лиц, служба MI-6 озабочена тем, чтобы в досье не содержалось такой информации, которая могла

бы угрожать ее разведывательным источникам. Но страдающей стороной явилась доказательность. Основные аргументы напоминают о том, что было обнаружено инспекторами ООН еще в 1998 г. Характерно, что даже Центральное разведывательное, управление признает, что данные, полученные позднее, когда инспекторов по вооружениям выслали из Ирака, «далеко не надежны». Английские разведывательные службы отвергли также американские утверждения, что глава террористов — угонщиков самолетов Мохаммед Атта перед началом операции встречался в Праге (Чехия) с офицером иракской разведки.

Иорданский принц Хасан бин Талаль предсказывает «полное изменение политической карты региона. Будет ли это система суверенных государств, этнических общностей, трайбалистская система, балканизация, нечто новое в международной системе?»[1]. Специалисты называют местные режимы «племенами с флагами». Государства здесь были созданы не естественным ходом событий, а прежними европейскими колонизаторами. Сначала создавалась политическая карта, вооруженная граница, а потом — государственные атрибуты. Местные народы воспринимают насилие как естественный источник т. н. государственного строительства.

Пока ясно только то, что арабский мир унижен, и это унижение, во-первых, взорвет современную хрупкую систему в этом регионе и, во-вторых, наложит арабское национальное унижение на общецивилизационное унижение мира ислама. В таких странах, как Египет, Иордания, Пакистан, исламская ортодоксия находится на подъеме, в то время как в Саудовской Аравии феноменальное процветание правящей элиты вступило в явное противоречие с устремлениями основной массы населения, приверженного ваххабизму. Фактом является то, что Саудовское государство *не может* после войны в Заливе умиротворить исламских активистов.

КНДР

Что касается Северной Кореи как одной из частей злостного трехчлена, то американцы далеко не все склонны считать режим Ким Чен Ира принадлежащим «оси зла». Не все американцы по-

[1] «Newsweek», October 7, 2002, p. 19.

483

лагают, что Пхеньян стремится обзавестись оружием массового уничтожения.

Да, с одной стороны, северокорейское руководство нарушило несколько международных соглашений, включая договор о нераспространении ядерного оружия и посылая ракетные системы в нестабильные государства Среднего Востока и Южной Азии. В КНДР вооруженные силы насчитывают 1,2 млн. солдат, что, разумеется, огромная цифра при общем населении в 22 млн. Северокорейские баллистические ракеты могли бы представлять угрозу соседним странам, прежде всего Южной Корее и Японии. Правительство Северной Кореи отказалось допустить международную инспекцию своего ядерного арсенала. И официальный Вашингтон настаивает на существовании свидетельств скрытой деятельности северных корейцев в ядерной сфере.

С другой стороны, северокорейский режим не демонстрирует слепого фанатизма, напротив, видны черты определенного прагматизма и стремления найти компромиссные решения. Правительство КНДР дало обещание прекратить развитие своей ядерной программы в обмен на помощь в поставках нефти и содействие строительству атомных электростанций со стороны американцев. Было сделано несколько жестов по примирению с корейским Югом.

Критики американского курса в отношении КНДР указывают, что сам

Вашингтон сделал несколько неожиданных поворотов в своей корейской политике. Жесткая новая риторика правительства Буша достаточно неожиданно сменила более умеренный подход Клинтона, что не способствует обсуждению корейской ядерной программы и прочих интересующих США вопросов. По крайней мере администрация Буша не сумела доказать всем, что Северная Корея — это неразумное милитаристское государство, которое понимает только язык силы. Не будет ли ее словесное ожесточение более опасным, чем попытки компромисса?

Даже американские специалисты по Северной Корее критически относятся к, мягко говоря, прямолинейному курсу по отношению к Пхеньяну. Так, С. Харрисон указывает на постоянно проявляемую американской стороной неспособность выполнять обещания, данные северокорейскому руководству. Он пишет: «Северная Корея настойчиво продвигалась по пути нормализации начиная с 1994 г., когда две стороны пришли к договоренности, согласно которой Пхеньян согласился заморозить свою программу создания ядерного оружия в обмен на поставки нефти и строительство западными фирмами атомных реакторов. В 1999 г. администрация Клинтона односторонне изменила основные пункты согласованной политики, и дипломатические переговоры

484

на высоком уровне возобновились снова. Вашингтон подорвал соглашения, подписанные под его давлением»[1]. Сторонники жесткой линии в США стали указывать на то, что американские интересы страдают от этого неожиданного сближения с Северной Кореей. При всем этом специалисты, как С. Харрисон, убеждены, что продвижение северокорейских конструкторов по пути создания ракетного оружия преувеличено, равно как и общий потенциал северокорейской военной машины. Харрисон советует администрации Буша «осознать ту реальность, что Северная Корея *не* является на грани краха, и прекратить давление на ракетную программу корейцев как условие нормализации отношений»[2]. Другой американский специалист, К. Кольдер, полагает, что в Вашингтоне недооценивают рациональность Ким Чен Ира и его прагматизм. Специальная группа совета по внешним сношениям опубликовала в 2001 г. доклад, в котором указывает, что в случае односторонней жесткости с американской стороны дипломатические приобретения последних лет окажутся под угрозой. И все же преобладающим мнением в США является то, что ядерные специалисты КНДР приобрели достаточно обогащенного плутония для производства по меньшей мере одного ядерного заряда.

3 апреля 2002 г. правительство КНДР впервые дало понять, что готово к диалогу с администрацией Буша. Официальное северокорейское агентство сообщило о том, что Север «решил возобновить переговоры» с организацией, созданной Америкой, Японией и Южной Кореей для претворения в жизнь соглашения 1994 г., по которому КНДР обещала прекратить развитие программы разработки ядерного оружия. Но ни администрация президента, ни американские законодатели не интерпретировали публично это заявление как официальный ответ на угрозы и предложения Соединенных Штатов, а только по минимуму как согласие восстановить сотрудничество с Организацией по развитию энергетики на Корейском полуострове. В центре внимания — вопрос о строительстве указанной организацей на территории Северной Кореи двух легководных ядерных реакторов (напомним, что в 1994 г. Америка выразила желание помочь в финансировании данного проекта стоимостью 4,6 млрд. долл.; а до ввода в строй реакторов пообещала Северной Корее топливный мазут). Реализация проекта отодвинута как минимум до 2008 г. Администрация Буша-мл. ведет сложную политику. Эта политика соче-

[1] Foreign Affairs. Background Brifings. Focus on the «Axis of Evil»: North Korea. April 2002.

[2] Ibid.

485

тает в себе жесткость и тот самый пряник, от которого Пхеньян не может отказаться. На фоне причисления Северной Кореи к «оси зла» такая политика видится двусмысленной.

* * *

Обращаясь к драме сентября, следует сделать вывод: если целью атаки 11 сентября было изгнание американцев с Ближнего Востока, свержение прозападных режимов здесь, начало «столкновения цивилизаций», то задачи террористов реализованы не были. Но в более глубоком смысле богатый западный мир не сможет избежать серьезных кризисов, связанных с потрясающим мировым неравенством, с культурным антагонизмом, с геополитическим наступлением единственной сверхдержавы. Задача террористов оказалась реализованной в том смысле, что «униженные и оскорбленные» увидели уязвимые места, которые никак не прикрываются бомбометаниями в горах Гиндукуша.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ФАКТОР РОССИИ

Во второй раз за сто лет

Перед Россией в начале XXI века стоит проблема исторического выбора в условиях резкого ослабления страны, обнаружившейся хрупкости ее воли, раздрая национальной элиты, потери исторической целеустремленности.

Если искать исторические параллели, то несложно увидеть нечто подобное в крушении царизма и русско-германского фронта, когда весной — летом 1917 г. центробежные силы превозмогли центростремительное притяжение государства, не сумевшего взять под свой контроль процесс самозащиты в начавшей разваливаться стране. В июне 1917 г. первая российская республика погибла, когда ее творец и лидер — министр иностранных дел П. Н. Милюков покинул правительство князя Львова, который передал власть социалисту А. Ф. Керенскому. Великая страна пошла по швам вследствие попустительства сладкоголосых пустоплясов федерализации страны. Тогда, после взрыва сепаратизма летом 1917 г. и распада спасительного армейского щита, судьбы страны изменили ей. Понятие Россия стало эфемерным.

Почти столетием спустя политическую ответственность за судьбы страны взяли также относительно немногочисленные политические силы, выступившие под знаменем либерализации, политической свободы и рыночного капитализма. Эти силы решают по существу ту же задачу модернизации экономической и социальной системы страны посредством провозглашения курса на уход из мира обездоленных в мир технически зрелых, финансово обильных, могущественных государств Запада.

Упокоились последние свидетели первой республиканской катастрофы, ушли в небытие три поколения, и вот уже *вторая* российская республика стала обнаруживать черты резкого ослаб-

487

ления по прежней причине. Государство пошло вразнос из-за того, что и правители, и управляемые если и любят отечество, то только *свою*, умозрительную Россию. *Правители* — как потенциальную часть Запада, как грядущий результат демократических преобразований (как «цивилизованную», «нормальную» страну), в ходе которых пройдут огонь очищения коммунистические грешники и косная масса обретает вкус к рынку и свободе.

Управляемые же не могут уразуметь, почему им, вознесшим Россию «от деревянной сохи до ядерного оружия» (слова Черчилля), жертвовавшим жизнью в индустриализации и войне, кто сеял и жал, кто дважды за век в мировых войнах спас Запад, предлагают не принять благодарность, а *покаяться*. Причем перед теми, кто пустил по ветру сбереженное веками труда и подвига могущество Российского государства.

Россия сделала неимоверные по своей жертвенности шаги ради того, чтобы сломать барьеры, отъединяющие ее от Запада как от лидера мирового технологического и гуманитарного прогресса. В период между 1988 и 1993 гг. Запад не услышал от России «нет» ни по одному значимому вопросу международной жизни, готовность новой России к сотрудничеству с Западом стала едва ли не абсолютной. Почти в эйфории от собственного самоотвержения, без всякого ощутимого физического принуждения Россия начала фантастическое по масштабам саморазоружение, зафиксированное в Договоре по сокращению обычных вооружений (1990 г.), развале Организации Варшавского Договора и Совета экономической взаимопомощи. Москва пошла на феноменальные сокращения своих обычных вооруженных сил в Европе, полагаясь на обещание Запада, данное в Парижской хартии ноября 1990 г. «О *безблоковой* Европе».

Какие бы объяснения ни выдвигал позднее западный мир (русские выдохлись в военной гонке; коммунизм достиг предела общественной релевантности; либерализм победил тоталитарное мышление; национализм сокрушил социальную идеологию и т. п.), практически неоспоримым фактом является то, что российская элита сделала свой выбор по *собственному* (не)разумению, а не под давлением неких неумолимых объективных обстоятельств. Произошло добровольное приятие почти всем российским обществом, от левых до правых, идеи сближения с Западом и его авангардом — Соединенными Штатами. Приятие, основанное на надежде завершить дело Петра, стать частью мирового авангарда, непосредственно участвовать в информационно-технологической революции, поднять жизненный уровень, осуществить планетарную свободу передвижения, заглянуть за горизонты постиндустриального общества.

Россия в 1997 г. скрепя сердце согласилась с приемом трех новых членов НАТО и вступила в Совет Россия — НАТО, который

488

был западными союзниками полностью *проигнорирован* в процессе принятия решения о *первом* за историю Североатлантического союза силовом действии за пределами зоны традиционной ответственности НАТО — бомбардировке Югославии весной 1999 г. Государственный секретарь М. Олбрайт объявила, что белградское правительство под давлением массовых налетов авиации Североатлантического союза сдастся на *четвертый* день — пойдет на условия, ведущие к отделению югославской провинции Косово. Американцы недооценили решимости югославов. На 78-й день бомбардировок, когда Белград был готов стоять и дальше, ельцинский Кремль решил оказать помощь Западу. Посланный в Белград В. С. Черномырдин, спасая США и НАТО от ситуации своего бессилия, в буквальном смысле заставил президента Милошевича (на глазах у всего мира) подписать капитуляцию перед Западом.

Но даже эта помощь не вызвала у американского руководства желания видеть в России партнера. Желание России получить под временный контроль небольшую территорию Косова (чтобы уберечь от репрессий сербское меньшинство Косовского края) было отвергнуто Вашингтоном самым энергичным образом. Узнав о движении российских войск к косовской столице Приштине, американская сторона начала недельные дебаты на Смоленской площади и в соседнем Хельсинки — ровно столько, сколько нужно было для оккупации всего Косова войсками НАТО и полной изоляции здесь небольших

российских войск. Запад полностью блокировал единственную просьбу России образовать анклав вокруг исторических православных монастырей и Косова поля — что позволило бы 100—200 тысячам местных косовских сербов найти убежище и избежать насилия албанской Армии освобождения Косова.

Итоги похода на Запад

Благие мечтания, благодарность не входят ингредиентом в американскую политическую культуру. Выразило ли американское руководство благодарность за море крови Советской Армии, пролитой в течение трех лет — до 6 июня 1944 г., когда она фактически один на один сражалась с вермахтом на европейском континенте, спасая жизни *миллионов* американцев? Ленд-лиз оборвался в один день — в день Победы, когда Россия была уже *не нужна*. Названная в качестве первостепенной помощи цифра 6 миллиардов долларов так и осталась пустым обещанием, как и согласованные в Ялте 20 млрд. долларов репараций — доля репараций из индустриального Рура.

Инициированное Россией окончание «холодной войны» сбе-

489

регло Западу, лишившемуся императивов гонки вооружений (по западным же оценкам), более 3 трлн. долл. Россия вывела свои войска с территории стран прежнего Варшавского договора и фактически передала в западную зону влияния Восточную Европу. Теперь, вместо того чтобы сражаться посредством союзников друг против друга во Вьетнаме и Анголе, американские и российские вооруженные силы сотрудничают друг с другом в Боснии и Косове.

Россия потеряла не только статус сверхдержавы, но ощутила подлинный исторический регресс во всех основных областях жизнедеятельности. Лишившись прежних гарантированных рынков, она обрушила свою промышленность, прежде всего тяжелую и высокотехнологичную. Ее валовой национальный продукт опустился до 350 млрд. долл.; ВНП на душу населения — 2400 долл. в год. По оценке известного американского русолога Т. Грэма, «на заре двадцать первого века Россия остается очень далеко от реализации надежд, широко распространенных и в России и на Западе во времена развала Советского Союза. Если в данном случае и произошел хоть какой-то «переход», то не к рыночной демократии, а к традиционной российской форме правления — во многих отношениях далекой от современности. Россия никоим образом не интегрировалась в западный мир — вопреки целям, поставленным российским и западными правительствами десятилетие назад. Вопрос о месте России в мире снова стоит во всей своей актуальности»[1]. Россия, полагает американец Дж. Курт, «потерпела большее поражение, чем Германия в Первой мировой войне... Из центра мировых событий Россия спустилась на периферию европейского континента, и она остается центральной нацией только для пустот Центральной Азии»[2].

Россия достаточно быстро обнаружила, что коммунизм не был единственной преградой на пути сближения с Западом. Православие, коллективизм, иная трудовая этика, отсутствие организации, иной исторический опыт, отличный от западного менталитет, различие взглядов элиты и народных масс — все это и многое другое смутило даже стопроцентных западников, увидевших трудности построения рационального капитализма в «нерациональном» обществе, сложности создания свободного рынка в атмосфере вакуума власти, формирования очага трудолюбия в условиях отторжения конкурентной этики.

Россия в результате радикального социально-экономическо-

[1] *Graham Th.* Russia's Decline and Uncertain Recovery. Washington, 2002, p. 73.

[2] *Kurth J.* The American Way of Victory. A Twentieth-Century Trilogy («The National Interest», Summer 2000, p. 12).

490
го поворота так и не достигла трех желанных для новой России высот: подключения к технотронной цивилизации, повышения жизненного уровня, свободы межгосударственного перемещения. Постепенно в общественное сознание стала проникать тщета потуг доморощенных идеологов «планетарного гуманизма», вызрело грубореалистическое осознание наивности самовнушенных верований, тщетности примиренческих потуг, своекорыстия внешнего мира, главенствующего мирового эгоизма, железобетона национальных интересов.

Следование за Западом в деле внедрения рыночных отношений стало ассоциироваться с потерей основных социальных завоеваний в здравоохранении, образовании и т. п. Ныне, в жестких условиях проторынка, российская интеллигенция не только нищает в буквальном смысле, но лишается того, что делало ее авангардом нации, фактором национального обновления — авторами толстых журналов, выпускаемой миллионными тиражами «Литературной газеты», бесплатно печатаемых книг. В результате она отходит от рычагов общенационального влияния. Значительная ее часть опускается на социальное дно, некоторая часть этой интеллигенции покидает страну. Только за один 1993 год *сорок тысяч* ученых выехали за пределы страны. В начале двадцать первого века цифра выехавших достигла уже 300 тысяч человек. Мост между Востоком и Западом стал терять самое прочное свое основание — прозападную интеллигенцию. В частности, исчезает тот дух уважения американской цивилизации, без которого слом «холодной войны» растянулся бы еще на долгие десятилетия. Суровый факт: для восстановления утраченного интеллектуального потенциала понадобятся поколения.

Благодарность Запада

Что Россия получила в ответ? Конкретно следовало бы выделить следующее.

1. Вопреки косвенным обещаниям, *США не оказали целенаправленной массированной помощи* демократизирующемуся региону. За крахом «тоталитарных структур» в России отнюдь не последовало некоего нового варианта «плана Маршалла» — помоши Запада «самой молодой демократии», такой помощи, которую Америка оказала Западной Европе в 1948—1952 гг. Спасая демократию в Западной Европе, американцы умели быть щедрыми. «План Маршалла» — 13 млрд. долл. 1951 г.=100 млрд. долл. в текущих ценах, «стоил» американцам 2 процентов американского валового продукта. Помощь же России, спорадически и безответственно предоставляемая на неведомые цели коррумпированным прозападным политическим силам, составила всего 0,005 процента американ-
491
ского ВНГТ. Разница демонстрирует степень желания жертвовать в союзнических целях. Фактически Запад не захотел осуществить по-западному эффективную реструктуризацию национальной российской экономики.

В прошедшее десятилетие американская помощь России концентрировалась в области ядерного разоружения, экономических реформ и гуманитарных проектов. Россия получила за последнее десятилетие XX века 5,45 млрд. долл. в виде помощи. Основная ее доля — сокращение бывшего ядерного потенциала СССР. (И почти ничего не сделано в сфере сближения двух народов. В Америке учатся лишь 5,3 тысячи российских студентов — сравните со 100 тысячами китайцев, и лишь небольшая доля этих студентов поддерживается американским правительством. Международные обмены междудвумя странами увяли.) Все дело сводится к уменьшению российского стратегического потенциала, уменьшению его примерно на пять тысяч единиц.

2. Столь привлекательно выглядевшая *схема недавнего прошлого* —

соединение американской технологии и капиталов с российскими природными ресурсами и дешевой рабочей силой — оказалась мертворожденной. На фоне сотен млрд. долл. инвестиций в коммунистический Китай скромные 8 млрд. долл. западных инвестиций в Россию выглядят лучшим свидетельством краха экономических мечтаний российских западников. Хуже того. Ежегодный отток 15—20 млрд. долл. из России на Запад питает западную экономику за счет обескровливания российской экономики. Новая ментально-социальная особь — *новые русские* — не стали связующим звеном. Хуже того, их грубый реализм стал разъединяющим началом в отношениях России и Запада. Их сомнительного происхождения накопления обильно направляются *за* отечественные пределы, в то время как инвестиции так нужны именно отечественной промышленности.

Что же касается предоставления России хотя бы малой доли гигантского американского национального рынка (такое предоставление вывело в экономические гиганты Тайвань и Южную Корею прежде и КНР ныне), то здесь не отменены даже такие символы «холодной войны», как дискриминационная поправка Джексона — Вэника. Москве не предоставлен даже стандартный статус наибольшего благоприятствования в торговле. Поход на Запад не привел Россию в НАТО, ОЭСР, МВФ, ГАТТ, новый КОКОМ и другие западные организации. Ужесточение западного и введение восточноевропейского визового барьера сделало изоляцию России такой, которая напоминает «железный занавес».

3. Несмотря на окончание военного противостояния, Америка, к удивлению московских идеалистов, расширяет зону действия НАТО в восточном направлении, выходя на российские грани-

492

цы. В Москве ворошат архивы. В июле 1990 г. в личном письме Горбачеву президент Буш пообещал: «НАТО готово сотрудничать с вами в строительстве новой Европы». Американский президент пообещал «постепенную трансформацию НАТО»[1]. Запад по меньшей мере дважды (особенно недвусмысленно на сессии 1991 г. в Копенгагене) пообещал не воспользоваться сложившейся ситуацией ради получения геополитических преимуществ над Востоком.

Как подтвердилось довольно скоро, обещания в политике — вещь эфемерная. В январе 1994 г. президент Клинтон указал на возможность расширения НАТО за счет бывших членов Организации Варшавского договора. Американские политические реалисты преподнесли дипломатам новой России довольно жестокий урок приоритета конкретного силового анализа над «новым мышлением для нашей страны и для всего мира». Не сразу последовавшая реакция Москвы впервые за много лет никак не сложилась в гарантированное «да».

В ответ на роспуск Организации Варшавского Договора и вывод войск из Германии и Прибалтики Североатлантический альянс ответил экспансией на Восток. Стоило ли крушить Организацию Варшавского договора, Совет экономической взаимопомощи, демонтировать СССР ради того, чтобы получить польские танки развернутыми против России, а аэродромы прибалтийских государств сокращающими критическое подлетное время боевых самолетов и крылатых ракет? Забота Запада о безопасности абсолютна, забота России — претенциозная нервозность. Столь жестко американцы поставили вопрос стране, практически исчезавшей под давлением с Запада в 1612, 1709, 1812, 1920 и 1941 годах, потерявшей в двадцатом веке треть своего населения.

Строго говоря, речь идет не об армейской «добавке» к многомиллионному контингенту НАТО, не о современных аэродромах в часе автомобильной езды от российских границ и даже не о контроле над территорией, послужившей трамплином для наступлений на Москву. Речь идет о неудаче курса, начатого Петром Великим и патетически продолженного демократами-западниками

начиная с 1988 г., — речь идет о новой изоляции России.

4. В этом смысле не менее важен визовый барьер, которым отгородили Россию США, Великобритания, Шенгенская зона Европейского союза. Не ради новых границ разбивался «железный занавес», не ради этого крушили Берлинскую стену, чтобы воспрепятствовать российским гражданам прибывать в Калининград хотя бы так, как в пик «холодной войны» прибывали в Западный Берлин. Мечты о едином культурном пространстве, о возможности купить сегодня билет и быть завтра в Берлине, Париже, Лондо-

[1] *Dobrynin A.* In Confidence. N.Y., 1995, p. 635.

493

не споткнулись о визовые барьеры как замену «железному занавесу». Игнорирование России в новой системе европейской безопасности меняет всю парадигму благорасположения к Западу, восторжествовавшую в 1991 г. над коммунистическим изоляционизмом.

Взаимонепонимание

Под давлением суровых экономических и социальных обстоятельств рассасывается та прозападная интеллигенция, чья симпатия и любовь в отношении Америки были основой изменения антиамериканского курса при позднем Горбачеве и раннем Ельцине. Именно эта интеллигенция создавала в России гуманистический имидж Запада, именно она готова была рисковать, идти на конфликт с правительственными структурами ради защиты и сохранения связей с эталонным регионом. Именно эта, любившая Америку интеллигенция прививала студентам и читающей публике любовь к заокеанской республике, ее культуре, литературе, джазу и т. п. Именно они окружили Горбачева, их вера в солидарность демократической Америки была едва ли не беспредельной. Теперь ей не дают визы в американском посольстве, а в латышском просят предъявить свидетельства о (не)наличии судимостей и туберкулеза. И это после полустолетия обличения железного занавеса.

Возможно, самое главное: восприятие американской и российской элит не соответствуют друг другу; одно и то же явление трактуется по- разному. Поистине, в контакт входят две разные цивилизации, западная и восточноевропейская. Убийственное дело — историографически проследить за переговорами между Востоком и Западом. Это в блистательных книгах С. Тэлбота о переговорах по СНВ все логично и рационально. В реальной жизни логика и рациональность не всегда правят бал. На западных собеседников эмоциональный натиск Востока, его фантастическое жертвенное самоотречение не производят ни малейшего впечатления. Есть холодное удивление по поводу спешки Шеварднадзе и Горбачева в деле объединения Германии, уступок на советско-американских саммитах, восприятия вежливости как товарищеской преданности, наивная вера в доброго заокеанского партнера.

По ту сторону благоглупости волновали мало. Жалобы коммунистических сотоварищей-коллег вызывали лишь поднятие бровей и вежливые — столь ценимые — тривиальности. Кого в США всерьез интересовало то, что так волновало устроителей московских торжеств: посетит ли президент США Красную площадь или только Поклонную гору? Стоит лишь положить по одну сторону воспоминания М. Горбачева, Б. Ельцина, А. Добрынина,

494

А. Черняева, а по другую, скажем, Дж. Буша, Б. Скаукрофта, Дж. Шульца, Дж. Бейкера, Дж. Мэтлока, С. Тэлбота, описывающих одни и те же события, чтобы убедиться в рационально-эмоциональном тупике, доходящем до уровня несовместимости внутреннего мира двух сторон.

То, что было так важно одной стороне (овации толпы, обращение по именам,

дружеское похлопывание, обмен авторучками и прочая тривия), не имело никакого значения для другой стороны, хладнокровно фиксирующей договоренности, предельно логичной в методах их достижения, демонстрирующей неукоснительное отстаивание национальных интересов. *«Новое мышление для нашей страны и для всего мира»* жестоко столкнулось с *хладнокровным реализмом* как единственной легитимной практикой зашиты национальных интересов. Самое печальное во всем этом то, что не происходит накопления опыта. Восток и не собирается изменять эмоциональному началу, на Западе и в голову не приходит подменить бюрократию застольем.

Но уже приходит новое поколение, не очарованное западными ценностями, ощутившее на себе прелесть «джунглей рынка», часто недовольное несправедливым отношением к себе и к своей стране. И будут ли новые, более жесткие и эгоцентричные интеллектуалы такими же приверженцами западных ценностей?

Да и в Америке видны серьёзные перемены. На сегодняшний момент ушли в прошлое трактователи типа Дэвида Ремника, восторженные певцы ельцинской России. Вперед в Америке выдвинулись чрезвычайно критично настроенные к «безумствам реформаторов» Питер Редуэй и Дэвид Саттер. Новая волна американских аналитиков не смеет вторить восторженному самовосхвалению деятелей типа Строуба Тэлбота. Все более убедительным становится вывод, что прошедшее — признает сведущий американский специалист — «было десятилетием утерянных надежд»[1].

В условиях игнорирования нужд России в *ее* трудный час в среде российского общества на массовом уровне возник вопрос: нужно ли было *спасать Запад* в *его* трудный час? Если в 1993 г. почти 74 процента россиян, согласно опросам общественного мнения, благоприятно относились к Соединенным Штатам, то через десять лет численность придерживающихся такого мнения сократилась ниже 50 процентов опрошенных[2]. Распространилось мнение, что западной дипломатии *чувство благодарности неведо-*

[1] *Graham Th.* Russia's Decline and Uncertain Recovery. Washington, 2002, p. 73.

[2] Ibid., p. 77.

495

мо. В западной политической философии (и даже в западном менталитете) такого понятия, видимо, нет.

В самих Соединенных Штатах распространилось мнение, что Америка попросту «покупает российских лидеров, чтобы те восприняли буквально все — экспансию НАТО, американское влияние в Сербии и Узбекистане, помощь в Афганистане, модификацию ПРО и прочее. Видимость обращения с Россией как с великой державой — это просто незначительная плата за право воздействовать на национальные российские интересы»[1].

Опыт не может не отрезвлять, слишком уж болезненно и очевидно падение. Россия в начале XXI века почувствовала дискредитированными свои уступки и жертвы, а свою концепцию привилегированного партнерства с США — отвергнутой и дезавуированной. Осмысливая этот горький опыт, начатый горбачевским «вселюбием», Россия постепенно стала возвращаться к более национально очерченным идеалам, вынужденная — под прессом неблагоприятных обстоятельств — возвратиться к канонам трезвого национального эгоизма.

1. США — РФ: ПОЯВЛЕНИЕ ОБЩЕГО ВРАГА

Пентагон не считает, что угроза со стороны России исчезла полностью; здесь продолжают полагать, что следует думать о будущем исходя из

возможностей данного агента мировой политики, а не его (возможно, временного) нынешнего миролюбия; угроза должна оцениваться исходя из потенциала, способностей, а не из (возможно, краткосрочных) намерений... Ответом должны послужить расширение НАТО и создание национальной системы противоракетной обороны.

У. Перри (бывший министр обороны США), декабрь 2001 г.

Изменение соотношения сил

Происходящее одновременно расширение НАТО, увеличение числа членов Европейского союза, всевластие США, кризис Организации Объединенных Наций, резкое замедление интегра-

[1] Odom's Russia: a forum («National interest», Winter 2001/2002, p.l 19).

496

ционных тенденций в СНГ, появление в восьми из пятнадцати бывших советских республик американских войск во всей остроте ставит вопрос о подлинном месте России в современном мире. Где это место?

Печальным фактом является довольно очевидное стремление влиятельных западных сил (и проявивших себя восточноевропейских ненавистников России) оттеснить гигантскую страну подальше от мировых центров, поглубже к вечной мерзлоте северовосточной Евразии. Самовнушение? Сошлемся на мнение авторитетного и уравновешенного англичанина — Дж. Хэзлема: «Простым фактом является вытеснение России на задворки Европы, чего не может скрыть никакая казуистика»[1].

Не будем обольщаться. С подписанием в 1990 г. в Вене Соглашения о сокращении обычных вооружений и вооруженных сил в Европе Советский Союз уничтожил колоссальное число своих самолетов и танков — одностороннее разоружение России сломало превосходство Востока над Западом в конвенциональных вооружениях на Европейском театре. Военная организация НАТО резко превзошла и почившую Организацию Варшавского Договора и Советскую (Российскую) армию по всем основным показателям. Это превосходство увеличивается еще больше с принятием в Североатлантический союз новых государств; это превосходство станет еще большим с приемом в НАТО всех «желающих» в течение близлежащих лет.

Таблица1. **Соотношение современного и будущего военного потенциала НАТО и России.**

	НАТО	НАТО-19 + кандидаты НАТО	НАТО-максималь-но	Россия
Численность (млн.)	4,4	0,86	5,26	1,2
С резервистами (млн.)	7,09	1,54	8,63	2,4
Танки	36 425	10 495	46 920	25 550
Корабли ВМФ	641	36	677	454
Базы ВВС	27	0	27	4

[1] *Haslam J.* Russia's seat at the table: a place denied or a place delayed? («International Affairs», № 1, 1998, p. 122.

497

	НАТО	НАТО -19 + кандидаты НАТО	НАТО-максималь но	Россия

Военные самолеты	9843	2084	11 927	9529

При этом следует учитывать, что Россия сегодня живет за счет военных резервов СССР. Осталось лишь 37 процентов от прежде неприкасаемых резервов. 100 процентов вертолетов работают за пределами уже отработанного ресурса. Весьма реалистические прогнозы предупреждают, что через 10—20 лет РФ будет не в состоянии отразить внешнюю угрозу. Армия уже практически не может проводить полнокровные испытания, учебу и широкомасштабные маневры. В военной сфере ныне на страны НАТО приходятся 45 процентов мирового ВВП, а на Россию — чуть больше 1 процента. Военные расходы НАТО составляют 46 процентов мировых — не менее чем в десять раз больше российских.

Согласно прогнозу Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции до 2015 года», Россия к 2015 г. *не сумеет* «полностью интегрироваться в международную финансовую и торговую систему». Даже при самом оптимистическом варианте экономического роста в 5 процентов в год через 15 лет объем производства российской экономики будет меньше американского в пять с лишним раз.

Помимо прочего, российское руководство как бы ожидало «премии» за крушение коммунизма, как минимум, благожелательного адаптационного периода. Как оказалось, напрасно. Во взаимном товарообмене не отменены даже такие одиозные символы «холодной войны», как поправка Джексона — Вэника, блокирующая предоставление Москве стандартного (общего для всех торгующих с США стран) статуса наибольшего благоприятствования в торговле.

С завершением противостояния в «холодной войне» Запад предоставил России преимущественно займы — весьма непродуктивный вид экономической помощи для России, менее прочих дающий стимулы производству. Трудно не согласиться с выводом, что деньги были потрачены бездумно. Выросший до 150 млрд. долл. российский долг стал не связующим звеном, а постоянным раздражителем в системе отношений Россия — Запад. Сказалось различие в трудовой этике, в знании практической экономики, в менеджеристском искусстве, в восприятии экономических реалий, в мировоззрении, фактически — в психологии.

Поход на Запад *не привел* Россию сразу в его ряды, закрытыми оказались двери полноправного членства в НАТО и «восьмер-

498

ке», ОЭСР, МВФ, ВТО, организации — наследницы КОКОМ и других западных организаций. Недопуск России в основные экономические организации Запада в условиях жесткого кризиса российской экономики и сопутствующего чувства уязвленности приобрел характер злонамеренного манкирования российскими интересами. На Россию несомненно произвело негативное впечатление прекращение основных видов помощи, в том числе и гуманитарной.

Западные специалисты не считают нужным скрывать, что «будучи стеснена в финансах, Москва сможет иметь ракет и боеголовок даже меньше, чем ей позволяют международные соглашения»[1]. И теперь, как пишет американский эксперт по России Т. Грэм, «после десятилетия великих разочарований, приведших Россию к упадку, на Западе — и особенно в США — возникло искушение списать Россию как окончательно потерянную державу, которая уже мало значит для мира. В американской элите широко распространено чувство, что у Соединенных Штатов нет ни времени, ни энергии, ни ресурсов, необходимых для формирования хороших отношений с Россией»[2].

Между тем Россия лучше узнает Запад. Увеличивается количество людей, побывавших в Соединенных Штатах и более адекватно, хотя нередко односторонне, воспринимающих его. Это дает им опыт свободы, но привозят они

с Запада в основном не плоды его духовного и материального развития, а, говоря словами русского философа С. Франка, «черствеющие крохи с его пиршественного стола».

Совет Америки. Лучший совет, который Запад дает современной России, заключается в следующем: хаос и разброд, потеря идентичности и массовое разочарование происходит в России не по причинам материально-экономическим, а ввиду безмерных амбиций, неуемной гордыни, непропорциональных объективным возможностям ожиданий. Запад в лице его лучших представителей искренне и доброжелательно советует понять, что Россия — средних возможностей страна с отсталой индустриальной базой, не нашедшей выхода к индустрии XXI века. Нам честно, откровенно и с лучшими побуждениями советуют уняться, погасить гордыню, прийти в себя, трезво оценить собственные возможности и жить в мире с самим собой, не тревожа понапрасну душу непомерными претензиями и ожиданиями.

[1] http://news.bbc.co.uk/low/russian/news/newsidl077000/1077540.htin

[2] *Graham Th.* Russia's Decline and Uncertain Recovery. Washington, 2002, p. 74.

499

2. ЗНАЧИМОСТЬ РОССИИ

> Россия, если подходить к делу реалистически, едва ли готова продолжать следовать самоубийственному рыночному романтизму. Движимая внутренними процессами, Россия отвергнет предназначенное ей «место» в новом мировом порядке и тем самым поставит под сомнение стратегию Запада.
>
> *С. Бланк, 2001 г.*

Последовать западному совету?

А почему бы и нет? Почему нужно, «против моря бед вооружась», в энный раз испытывать свою судьбу, ставить непомерные задачи, звать к недостижимым вершинам, будоражить покой современников, настаивать на более славном предназначении страны? Не лучше ли вооружиться вышеприведенным советом, который полностью согласуется с библейской моралью о смирении неуемной гордыни, не лучше ли спокойно возделывать свой сад — без потуг на деятельное участие в мировых делах, без разорительных посягательств на почетное место в мировых советах, без раздражающих Запад слов о якобы имеющей место «обреченности» России быть великой державой?

Увы, дельный совет о смирении, трезвой самооценке и спасительном уходе в обыденность едва ли реалистичен. И вовсе не из-за неких «младотурков», российских самураев, козней невзрослеющего самолюбия или частного умысла. Можно с впечатляющими цифрами и убедительными аргументами выиграть спор, показав малость и неадекватность материальных сил и ресурсов России в мире триллионных валютных потоков, глобализации рынка и информатики, в мире недосягаемых высоких технологий и массового организованного производства. Совет *стать средней державой* едва ли осуществим по чисто психологической причине: полтораста миллионов жителей России органически, по воспитанию и исходя из самооценки *не согласны* с участью удовлетвориться судьбой *средней, второстепенной державы*. При всех стараниях практически невозможно имплантировать в национальное сознание граждан России согласие с *второстепенным* характером международной роли страны, согласие с ее маргинальностью.

Прочным фактом современной жизни является то, что от балтийских шхер до Берингова пролива новая-старая Россия с удивительной силой — тихо, но прочно — таит глубинное *несо-*

500
гласие с западным историческим анализом, с логикой жестоких цифр, с предрекаемой второстепенной судьбой. И в обеих столицах, и в провинции, в негромких беседах раздаются суждения, что это не в первый раз — страна распадалась и исчезала в 1237, 1612, 1918 годах, она стояла на краю гибели в 1709, 1812, 1941 годах, но восставала в 1480, 1613, 1920, 1945 годах. И этот национальный код невозможно изменить, он не только живет в массовом представлении, он составляет *его сущность*, являясь основой национальной психологической парадигмы.

Хорошо это или плохо? Наверное, *плохо* для ревнителей глобализации, кто делает ставку на «нормальную» страну, кто с наилучшими намерениями жаждет рекультуризации, торжества нового рационализма разместившегося между Азией и Европой народа. Увы, с реальностью следует обращаться всерьез: Россия была, есть и будет такой, какой она живет в воспоминаниях, восприятии и мечтах ее народа. А населяющий ее народ, что бы ни говорили ему иностранные или доморощенные витии, считает заведомо *плохим* уход с международной сцены, превращение в пассивный объект мировой политики.

Наверное, *хорошо*, если видеть в ориентированном на более высокий уровень национальном самосознании и гордости основу гражданственной жертвенности. Английский писатель Ричард Олдингтон писал о патриотизме как о «прекрасном чувстве коллективной ответственности». Уникальное ли это явление? Отнюдь. Если размышлять над судьбами хрестоматийных фаворитов второй половины XX века (скажем, над возрождением Германии или Японии), мы не поймем секрета их общепризнанного успеха, если не усмотрим главного: даже в годину национального поражения эти народы сохранили неколебимое самоуважение, своего рода «коллективное помешательство» в виде несгибаемой уверенности в воссоздании своего могущества, в конечном занятии почетного места в мировой семье народов. Эта вера в свою звезду стала главным основанием, без которого целенаправленный упорный труд этих народов не получил бы формы, стимула, постоянства, *смысла*.

Если сравнение с прежними тоталитарными агрессорами вызывает смущение, то обратимся к классическим демократиям. В главных испытаниях лидеры ведущих демократических стран *всегда* обращались к беспроигрышному элементу — к чувству национального самоуважения, уязвленной гордости, обиды за униженную объективным ходом событий страну. Президент Ф. Д. Рузвельт с неизменным успехом использовал формулу, что «мы, американцы — как народ — не можем, будучи вместе, потерпеть поражение». Это относилось и к Великой депрессии, и ко Второй мировой войне. Уинстон Черчилль в самый мрачный для своей страны час обращался к немеркнущим примерам патриотизма ко-
501
ролевы Елизаветы Первой, не склонившейся перед Великой Армадой, к образам герцога Мальборо и адмирала Нельсона. Президент де Голль говорил о Франции как о «мадонне с фресок». Мы напоминаем умонастроение лидеров *демократических* стран, а не самоослепленных национал-диктаторов. В чувстве обостренного патриотизма есть жизненно важный потенциал, который с блеском использовали такие примерные интернационалисты, как Вудро Вильсон и несчетный сонм борцов с национальным самоограничением.

Народы готовы вынести многое, когда их «осеняют праведные знамена». И, напротив, сервильность вождей ведет таких лидеров в долину национального забвения (чему пример — недавняя российская история). В этом плане смена кремлевского руководства характерна именно обращением к общепонятному патриотическому чувству. То, что было благом для других стран в их трудный час, не может быть абсурдной и кокетливой претензией в трудный час России.

Эта глубокая вера в свою судьбу является *важнейшей* предпосылкой упорного труда на долгом пути возвращения, вдохновенной творческой мысли ученых, спокойной уверенности учителей грядущих поколений, упорства созидателей материальной основы национального подъема. Это та основа, на которой можно строить будущее. Если бы этой веры в себя и свою судьбу не существовало, на национальной истории России можно было бы поставить крест. Но именно на вере в себя и в свое будущее покоится могущество современных гигантов — тех держав, чьи могущество и усилия определят ход XXI века. Откровенная цель уважающих себя народов — не попасть на задворки истории, быть ее творцами. Это мироощущение в высшей степени присуще России.

Утверждать, что Россия исчерпала свой шанс в истории, что она не поддается реформированию, — значит отрицать очевидное. Петр Великий триста лет назад начал процесс, в результате которого, пожалуй, никто в мире не сомневается в русском гении, в способности России адаптировать любую реальность и достичь вершин в любом из проявлений человеческого духа и таланта. На пути своего многовекового развития Россия — единственная из незападных государств Земли — *никогда* не была колонией Запада. Совмещая вестернизацию с модернизацией, она создала адекватную своим историческим нуждам военную систему, позволившую ей выстоять под ударами Карла XII, Наполеона и Гитлера. Двести лет назад родился Пушкин, после которого умственная жизнь России лишилась вторичности и провинциальности. Сто лет назад начался рекордный экономический выход России из патриархального состояния на высший технический уровень.

Все успешные реформаторы России отличались тем, что осознавали особенности своей страны. Две главные: коллективизм и огромные, трудно связываемые между собой пространства. От-

502

сюда роль государства, исключительно важная во всех развитых странах, но критически необходимая в случае российского варианта реформ. Страна, никогда в своей истории не знавшая самоуправления, нуждалась и нуждается в консолидирующей силе. Здесь не место развернутому историческому анализу, но исключительно важно подчеркнуть, что народы в своем развитии действуют так, как направляют их история и география, как диктует обобщенный итог их общественного развития, их выработанная веками общественная этика. Восточноевропейский набор традиций, обычаев, эмоционального опыта близок западному в той мере, в какой история заставила эти два региона взаимодействовать. Он отдален от Запада в той мере, в какой история Запада была принципиально иной, отличной от истории Восточной Европы. Пренебрежение этим отличием, обращение со своим народом как с некоей абстракцией создало предпосылки национальной неудачи.

И сегодня, находя свое место в новом мире, имеющем всемирного лидера, делая крутой поворот к Западу, Россия должна строить свою модернизацию не на уходе государства из социально-экономической сферы, не на безоглядном следовании в фарватере всесильной сегодня Америки, а учитывая свои этно-конфессиональные и психо-ментальные особенности страны, которая тысячелетие шла своим собственным путем и не опускалась до состояния покорной обреченности в самые тяжелые времена. Певцы безоглядного вестернизма улетят на теплый Юг при первой же настоящей буре, но 150 миллионам россиян некуда отступать, им жить и умирать на земле, завещанной жертвенными предками. Эта земля рождала титанов ума и духа, и нет основания усомниться в ее плодородии тогда, когда смятение охватило ее — вопреки тысячелетней славной истории.

Никакая прозападная «гибкость» элиты не может в одночасье изменить того, что является частью национального генетического кода: никогда не быть ничьим

сателлитом, идти на любые жертвы ради самостоятельного места в истории, ради свободы выбора в будущем, ради сохранения этого выбора у грядущих поколений. Медленно, но верно Москва будет освобождаться от поразительных иллюзий захвативших власть провинциальных вождей, изменивших национальной истории. Безоговорочные западники не выдержат испытаний, они уступят место более принципиальным и недвусмысленным радетелям национальных интересов".

Что влечет за собой ослабление России

Россия все же сохранила немалое из наследия СССР. Вовне — место постоянного члена Совета Безопасности ООН, свободу выбора пути, образования союзов, формирования партнер-

503

ских соглашений с любыми потенциальными союзниками. Внутри — ракетно-ядерный меч, созданную величайшими усилиями оборонную промышленность, систему научных исследований и всеобщего образования, медицинскую самозащиту и колоссальные ресурсы наших безграничных просторов.

Но если случится невероятное, и народ России перестанет верить в себя, отвернется от своей истории и от своей мировой роли, то само ослабление великой страны способно вызвать некий тектонический сдвиг мировой системы, чреватый революционными переменами. Переход России в разряд «отвергнутых» усиливает значимость *восьми* потенциальных опасностей, способных возникнуть перед Вашингтоном в глобальном раскладе сил.

1. Никогда не следует *исключать* неожиданно быстрого восстановления сил России. После фактического поражения в Первой мировой войне и после страшных опустошений Второй мировой войны Россия восстала, подлинно как «птица Феникс». При определенном идейном повороте и трансформации правящих сил жертвенная черта национального характера может проявить себя с удивительной силой. Слабость может уступить место решимости, а что касается мобилизационного развития, то исторически в нем равных России нет.

2. *Потеря контроля над Евразией.* После пяти войн (две в Европе и три в Азии), которые США вели в двадцатом веке, перед ними встает (словами главы Библиотеки конгресса Дж. Биллингтона) «по существу та же задача, которую решала Британия в предшествующие столетия в континентальных войнах: предотвратить авторитарную гегемонию *одной державы* над величайшей земной массой и хранилищем ресурсов. Подобная главенствующая империя маргинализировала бы и свела бы в конечном счете до положения вассалов государства, развившиеся на морской периферии в Северной Европе и Северной Америке... Если Россия обратится к скрытно-фашистскому авторитарному национализму, угрожающему ее хрупкой правящей коалиции, в то время как радикальные мусульманские государства и ленинистский колосс — Китай начинают экспансию своей мощи, то тогда двумя вероятными итогами, угрожающими демократическим государствам, будут распространение этнического и религиозного насилия югославского образца либо формирование альянса авторитарных стран против малочисленного демократического мира»[1].

Россия граничит с регионами, представляющими первостепенную стратегическую значимость для США: Западная Европа, Персидский залив, Восточная Азия, Южная Азия. Стратегиче-

[1] *Billington J.* The West's Stake in Russia's Future («Orbis», Fall 1997, p. 546).

504

ская направленность указанных регионов, равно как и внутренний региональный баланс в них, зависят от процессов, происходящих в России. Резкое усиление или ослабление Москвы способно разбалансировать всю прежнюю, достаточно

хрупкую систему внутренней стабильности в этих регионах. Маргинализация огромной России способна подвигнуть кремлевских руководителей на сознательные дестабилизирующие меры.

3. *Совершенствование и распространение оружия массового поражения.* Хотя «холодная война» считается оконченной и обычные вооружения России резко ослаблены, «Россия все же обладает, — напоминают американские специалисты, — способностью нанести удар по центрам населения и инфраструктуре Северной Америки; не подчиняющиеся международным законам государства могут получить, часть ее арсенала»[1]. Грандиозный ядерный стратегический потенциал России, ее неимитируемая способность быстро мобилизовать феноменальные разрушительные средства массового поражения делают вопрос глобального выживания во многом функцией понимания условий этого выживания России.

Россия является единственной страной мира, способной физически уничтожить Соединенные Штаты Америки. Согласно подписанному в Москве в мае 2002 г. Договору о сокращении стратегических потенциалов, даже через десять лет Кремль будет распоряжаться минимум 1700 единицами ядерных боезарядов стратегической доставки. (В свое время теоретик ядерного сдерживания Р. Макнамара пришел к выводу, что для уничтожения США или СССР достаточны 500 ядерных боезарядов стратегической доставки — поражение 30 процентов населения и 70 процентов промышленного потенциала.) В руках Москвы сегодня и в обозримом будущем находится орудие всесокрушающего убийственного ответного удара, неотвратимого в случае решимости отчаявшихся русских.

Россия создала эту гарантию национальной самозащиты, и она может еще долго полагаться на нее. При всех поворотах переживающей сложности национальной экономики, на вооружении России остаются в боевом составе стратегических ядерных сил три дивизии межконтинентальных баллистических ракет шахтного базирования СС-18 («Сатана») — сохраняя эти 200-тонные ракеты на боевом дежурстве до 2014 г.; и одна дивизия «тяжелых» ракет железнодорожного базирования СС-24 («Скальпель»). Ракеты СС-18 выбрасывают над районом цели до 50 боеголовок, из которых (рабочая схема) 40 могут быть ложными целями — что ставит перед американской Национальной противоракетной обороной на десятилетия вперед неразрешимые задачи. Десять боеголовок МБР имеют ядерный заряд в 1 мегатонну.

[1] *Billington.* Op. cit., p. 545.

505

4. Характер *национальной самоидентификации российского государства.* Если Россия признает своими гражданами лишь тех, кто живет в ее пределах, то она явится охранительницей мирового статус-кво. Но если она не откажется от опеки 25 миллионов русских, живущих в республиках, прежде входивших в СССР, то она может стать «ревизионистской» страной. У России огромные возможности в соседних экс-советских республиках, в соседних странах *православно-ортодоксального* ареала, родственной цивилизационной характеристики. Прежний «второй» мир содержит немалый общий советский элемент, и если бы Россия, при определенном социально-политическом повороте, могла воззвать к некоему подобию «социального реванша», реакция могла бы быть весьма внушительной. (В 1919 г. большевики восстановили большую Россию, переведя суть противостояния в русло социальной перемены; в пятнадцати бывших советских республиках наблюдается такое цивилизационно-экономическое падение, что призыв к социальному равенству не мог бы остаться вовсе без ответа — учитывая и очевидную дискредитацию демократов первой волны, оказавшихся недостаточно стойкими перед мирскими соблазнами, перед

возможностями обогащения.)

5. *На фоне глобального демографического взрыва Россия может возглавить теряющий свои позиции Юг,* противостоящий «золотому миллиарду» благополучных стран индустриального Севера; заменить противостояние Восток — Запад не менее ожесточенным противодействием Север — Юг, воспользоваться ожесточением маргинализированных историей стран. Ярко проявившая себя к началу XXI века этническая ненависть проявляется на фоне постоянного увеличения значимости природных ресурсов, обладание которыми становятся оружием обездоленных. При всех неурядицах и ослаблении Москва сохранила возможности оказания военной помощи ближним и дальним странам в масштабах, не доступных никому из потенциальных соперников (или противников) Соединенных Штатов.

Феноменальное природное богатство России всегда останется с ней. Это положение кладезя природных ресурсов смягчит политико-экономическую катастрофу 1990-х годов. Мировая индустрия — и прежде всего индустрия Запада (и США в частности) сможет найти в российском газово-нефтяном богатстве своего рода *единственную альтернативу* Персидскому заливу. Это богатство в критической степени важно для мировой экономики. Допуск или недопуск к этим богатствам может стать мощным оружием, равно как и средством раскола враждебных России коалиций.

6. Даже одно лишь ослабление контрольных функций Москвы над своим арсеналом непосредственно и прямо воздействует на судьбы Америки. Несмотря на обнаружившуюся стратегическую слабость визави США, Россия продолжает быть (и будет та-

506

ковой на долгие годы впереди) бесконечно сильнее своих непосредственных соседей. Она будет обладать несомненными способностями воздействовать на ситуацию в таких критически важных странах, как Украина и Грузия, не говоря уже о менее самостоятельно настроенных странах так называемого ближнего зарубежья и Балтийского региона. Упомянем одни лишь безграничные топливные ресурсы России, ее транспортные артерии, ее, словами Дж. Ная, «софт пауэр» — возможность идейного, культурного, цивилизационного влияния, фактор 25 млн. русских, живущих в соседних странах.

7. Право *вето* в Совете Безопасности ООН дает России критическое по важности влияние в наиболее значительной международной организации, способность противостоять Америке на уровне глобальной организованности. Никакая легитимность в проведении силовых мероприятий глобального масштаба невозможна без участия и согласия Москвы. Попытка заменить ООН Северотлантическим союзом способна ускорить конфронтацию по линии Запад — остальной мир.

8. Союзническая стратегия Америки, ее попытки (эффективность этих попыток) осуществить союзническое строительство будут в немалой степени зависеть от предрасположенности и согласия России. Особенно это касается Западной Европы, которая так или иначе готова вывести Европейский союз на глобальный уровень могущества. Если Вашингтон не сможет вести достаточно умелую дипломатическую игру с Москвой, это геополитическое строительство может принять крайне нежелательное для Америки направление.

Все вышесказанное так или иначе обязывает Вашингтон не упиваться своей победой в «холодной войне» и соответствующим поражением ее прежнего евразийского противника, а следовать более умудренным и осторожным курсом.

3. РОССИЯ В АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ КОАЛИЦИИ

Чудом эпохи после «холодной войны» является то, что Россия сумела перенести коллапс, который сделал ее стратегически неуместной, без революции и реваншизма.

Ч. Краутхаммер, 2002

Президент Путин после незамедлительного выражения сочувствия жертвам 11 сентября, размышляя в своей сочинской резиденции, увидел в решимости жаждущей мщения послесен-

507

тябрьской Америки редкий в истории шанс обрести могучего союзника. И российское руководство решило воспользоваться этим шансом: на волне сочувствия жертвам страшного Сентября, обозревая свои сузившиеся возможности, решая задачи национальной безопасности, российское руководство решило присоединиться к американскому гиганту, провозгласившему знакомое: «Кто не с нами, тот против нас». Путин, преодолевая внутреннее сопротивление, принял решение о значительной коррекции внешнеполитического курса России, о повороте в сторону сближения с Америкой.

Прозападные силы поддержали поворот Путина. Как велики эти силы? По оценке заместителя председателя Комитета Государственной Думы по вооруженным силам — от 10 до 15 процентов всей российской элиты. С точки зрения Союза правых сил (Б. Немцов), возник уникальный час вхождения России в Запад, шанс, упущенный в 1945 и 1989 гг. А последний министр иностранных дел А. Бессмертных считает, что «происходящее может быть использовано в интересах России. Альтернативой союзу с Западом является создание проблем Западу посредством поддержки Ирана, Ирака, Северной Кореи и Кубы, либо ей придется отстраниться от международных дел вовсе — чего наше географическое и геополитическое положение не позволяют»[1].

Поддержка Америки оказалась популярной в Москве: 85 процентов москвичей выразили ту точку зрения, что «нападение на США равнозначно нападению на все человечество... Русские присоединились, — пишут Т. Болтон и М. Макфол, — к Америке в час ее нужды»[2]. Не только словесные выражения соболезнования (телефонный звонок президента Путина, первым выразившего готовность помочь), но весьма конкретные действия России осенью 2001 г. привели к определенному изменению взгляда американцев и ряда их союзников на Российскую Федерацию, ее роль в мире, на ее потенциал и возможную важность для Запада в будущем.

То, что своего рода эйфория была, в этом нет сомнения. В России стали полагать, что там, где не помогли прежние шаги навстречу (согласие на объединение Германии, ликвидация превосходства СССР в обычных вооружениях над НАТО, развал Варшавского договора, запрет КПСС, вывод российских войск из Центральной и Восточной Европы), поможет общий *страх и*

[1] Цит. по: *Walker M.* Post 9/11: The European Dimension («World Policy Journal», Winter 2001/02, p. 40).

[2] *Cotton T.* and *McFaul M.* America's real Real Russian Allies («Foreign Affairs», November-December 2001, pp. 45—47).

508

общий враг. Россия, потрясенная драматическими событиями Сентября, *снова* пошла по проторенной Горбачевым и Ельциным дороге. Абсолютное большинство опрошенных службами общественного мнения в России выразили симпатию к подвергшейся нападению Америке. Только 6 процентов опрошенных посчитали, что «Америка понесла справедливое наказание». А 79 процентов опрошенных осудили подобную точку зрения, говоря о солидарности с американцами[1].

Население России страшится представить террористический акт в Нью-Йорке

и Вашингтоне как «конфликт цивилизаций». Осознанно или интуитивно, но население России понимает, что межконфессиональный конфликт в стране будет непоправимой национальной катастрофой. Представляется, что это отразилось на оценке событий в США. На вопрос (заданный 13—14 октября 2001 г.), началась ли война с международным терроризмом или война между христианами и мусульманами, 55 процентов опрошенных склонились к первому объяснению и только 26 процентов ко второму. В опросе 22—23 сентября виновниками террористических актов агрессивных приверженцев ислама назвали только 3 процента.

Анализируя конкретную ситуацию и отвечая на вопрос, кто подготовил террористическую атаку на США, 15 процентов российских респондентов ответили, что приверженцы ислама, 12 процентов — приверженцы Бен Ладена, 7 процентов — арабы, 6 процентов — афганцы, 4 процента — талибы, причем в представлении российских граждан талибы — это скорее дикая орда, нежели изощренный противник, обладающий достаточным интеллектом для удара такой силы по Америке. Видимо, сказалось то, что образ талибов в России начал складываться еще осенью 2000 г. во время выхода талибов к Таджикистану. Треть российского населения высказывалась о талибах крайне негативно. Российские респонденты опросов более критичны к США при высказываниях о мотивах террористов, совершивших нападение. Здесь главенствующая версия — наказание за гегемонизм, за самоуверенность и жесткую уверенность в собственной правоте. 22—23 сентября 2001 г. на вопрос о целях террористов 16 процентов ответили — запугивание, устрашение; 15 процентов — месть; 11 процентов — демонстрация уязвимости США. На вопрос: «Согласны ли вы назвать атаку на Америку расплатой за американскую политику?» 63 процента ответили — «согласны». И только 22 процента не согласились. На вопрос «почему многие страны поддерживают военные действия США в Афганистане» три отве-

[1] www.fom.ru, 6 ноября 2001 г.

509

та доминировали: объединение против террористов (28 процентов); следование за лидером (16 процентов); страх, стремление к безопасности (15 процентов.)

Российское общество раскололось примерно поровну, отвечая на вопрос, правильно ли США действуют, нанося ракетно-бомбовые удары по Афганистану. 40 процентов респондентов ответили, что правильно, им 13—14 октября противостояли 42 процента, считающие, что неправильно. На вопрос, сумеют ли США добиться своей цели, наиболее общим ответом было «не скоро». Интересны представления российских граждан о целях военных действий США в Афганистане:

— отомстить — 29 процентов;

— уничтожить очаг терроризма — 21 процент;

— укрепить свое господство — 14 процентов.

Даже на уровне обыденного сознания в России начала пробиваться мысль, что мир очень изменился и Россия в новом раскладе сил может быть востребована. Об этом можно судить по динамике ответов на вопрос «Возможно ли в текущей ситуации усиление позиций России?». 22—23 сентября 2001 г. на этот вопрос положительно ответили 30 процентов респондентов; 13—14 октября — 39 процентов, а 27—28 октября — 45 процентов. Это был пик позитивной оценки возможности России в новом раскладе сил.

Особую статью представляет собой оценка степени дружественности Соединенных Штатов и России. Здесь наблюдается та же динамика в ответе на вопрос о влиянии событий в США на российско-американские отношения. 22—23 сентября в их улучшение поверили 35 процентов, а 27—28 октября уже 44 процента. Очень существенно отметить вектор симпатий россиян в оценке

желательности сближения России и США. В вопросе 27—28 октября 2001 г. в пользу сближения высказались 69 процентов (!) опрошенных. 17—18 февраля 2001 г. в такую возможность верили 32 процента, 29—30 сентября — 38 процентов, 3—4 ноября — 43 процента[1]. Это-то и позволило многим прийти к выводу, что у России и Америки впервые после Второй мировой войны обнаружился *общий враг*. Это очень существенное обстоятельство, без него Кремлю было бы труднее делать столь крутой вираж в своей внешней политике. Именно на эту динамику опирался президент Путин.

Решение Москвы было обусловлено рядом геополитических,

[1] Статистические данные взяты из исследования, проведенного под руководством А. Ослона: «Америка: взгляд из России. До и после 11 сентября. Москва, Институт Фонда «Общественное мнение», 2001, с. 24-34.

510

экономических и цивилизационных соображений. Выделим основания вестернизма путинского курса.

1. Главное среди этих соображений носило *геополитический* характер. Что лучше: стоять в одиночестве (с пустынной Сибирью) перед двумя гигантами — более чем миллиардным Китаем и столь же многочисленным мусульманским миром, или хотя бы частично полагаться на мощь самой могущественной страны мира, нежданного союзника в борьбе с исламским экстремизмом на собственно российской территории, на которого Россия может положиться и в схватке с экстремизмом в Чечне, и на далекой заставе 201-й российской дивизии, стерегущей выход из кипящего Афганистана?

2. Главная текущая проблема — чеченская, фактор уязвимости перед лицом исламистского суннитского экстремизма. Борьба против мусульманского религиозного фундаментализма на Северном Кавказе (и на центральноазиатских границах), в случае присоединения к общей антитеррористической войне, получала самого мощного в мире союзника. Для окружения российского президента показалось неразумным изолироваться от американской борьбы с Аль-Каидой и Талибаном — единственным политическим режимом, признавшим мятежное правительство Чечни. Именно суннитские исламские добровольцы, связанные с Аль-Каидой, возглавили чеченский поход на Дагестан и пытались распространить антироссийский джихад на весь Северный Кавказ и другие мусульманские регионы России. В Центральной Азии Талибан всячески стремился разрушить региональную стабильность близких к России режимов. Воспользоваться миром и безопасностью ради развития своего огромного потенциала? Возник редкий в истории шанс, и российское руководство в определенной степени позволило себе воспользоваться этим обстоятельством.

Террор в Чечне подталкивал российских политиков к поискам *легитимации* силовых действий; ярость Америки создавала новую обстановку вокруг вопроса о мусульманском фундаментализме.

3. Слабость России, особенно очевидная на фоне мощи США, слабость, столь ярко себя проявившая в военной сфере (а ведь в XVII—XX вв. российская армия была не слабее лучших западных); в 2003 г. годичный военный бюджет США превысит *весь* государственный бюджет РФ; даже *турецкая* армия могла позволить себе технологические новинки, недоступные российской армии, ослабленной коллапсом государства и социальной деморализацией.

4. Отчаянная нужда российской экономики в западных инвестициях.

5. Потенциал вестернизма как 300-летней исторической тра-

511

диции российского развития. Газета «Интернэшнл геральд трибюн» пришла к выводу, что «Путин покончил со столетиями российских колебаний между Востоком и Западом и сделал стратегический выбор в пользу того, что будущее

его страны бесспорно лежит в Европе. Как он понимает, дорога к этой цели требует восстановления российской экономики, что возможно только с помощью Запада... Может быть, через 10 или 15 лет, когда российская экономика будет в рабочем порядке, Россия сможет снова бросить вызов глобальному лидерству Америки и начать осуществлять геополитическое влияние в Восточной Европе, на Ближнем Востоке и в других местах. Но ныне приоритеты смещаются на внутренний фронт — улучшение благосостояния населения, приглашение иностранных инвестиций, уменьшение стоимости внешней политики, поиски стабильности для экономического роста:.. Мы находимся при формировании явления исторических пропорций, Россия окончательно решила стать западной страной»[1].

Россия обратилась к Америке не с пустыми руками. Вот что предложил Америке Путин в ее час нужды:

— обмен разведывательной информацией;

— открытие российского воздушного пространства для полетов американской авиации;

— поддержка обращения к центральноазиатским государствам с целью предоставления американским вооруженным силам необходимых военных баз;

— военная поддержка Северного альянса в его борьбе против Талибана.

В Вашингтоне определенно оценили готовность России быть союзником в борьбе против терроризма. Америка нуждалась в международной поддержке, и Россия, вопреки психологическому грузу предшествующих пятидесяти лет, высказала свои чувства с русской широтой и открытостью.

Важен был не только психологический аспект дела. Огромная территория России соседствовала со Средним Востоком и давала значительные преимущества стороне, которая становилась союзником Российской Федерации. Помимо очевидной политической значимости, *четыре* обстоятельства отметили в США, повышающие стратегический вес РФ даже в сопоставлении с ближайшими для американцев — западноевропейскими союзниками: — Россия могла влиять на ряд окружающих ее государств, таких, как Узбекистан и Таджикистан, в ту или иную сторону (чего Западная Европа сделать не могла);

[1] «International Herald Tribune», February 14, 2002.

512

— Россия имела боеготовые войска (чего в данный конкретный момент в Западной Европе не было);

— Россия имела транспортные самолеты для транспортировки вооруженных сил к театру военных действий (а незначительному контингенту бундесвера и других западноевропейских армий пришлось просить их у *Узбекистана и Украины);*

— Россия реально и остро нуждалась в союзниках по борьбе против исламского фундаментализма на Северном Кавказе и в других местах (что для Западной Европы смотрелось как гораздо более отдаленная проблема).

Указанные обстоятельства поставили отношения России с Америкой в новую плоскость, характерную гораздо большей степенью сотрудничества. Названы были конкретные формы такого сотрудничества. В конце сентября 2001 г. представитель США на глобальных торговых переговорах Р. Зеллик охарактеризовал в Москве главные проблемы, в решении которых Вашингтон мог бы помочь неожиданному новому союзнику: прием в ВТО, отказ от дискриминационной поправки Джексона — Вэника, предоставление России статуса страны с «рыночной экономикой».

Россия ищет компромисса

Отныне Вашингтон не мог не видеть в России основной потенциальный инструмент, который мог либо вооружить Китай и мусульманский мир (начиная с Ирана), либо стать очень ценным союзником в борьбе с мировым терроризмом. В Соединенных Штатах стал ощутим новый расклад общественных предпочтений: в ноябре 2001 г., согласно опросам общественного мнения, 25 процентов американцев назвали Россию «союзником», а 45 процентов — «дружественной страной». Ситуация, в которой три четверти американцев считают Москву потенциальной союзницей, позволила лидерам Америки опробовать прежде немыслимые схемы. В конгрессе США вызрела идея фактического списания Америкой американской части долга СССР — из 5 млрд. этого долга Америке американские законодатели предлагают 3,5 млрд. перенаправить на цели выполнения «плана Нанна-Лугара» — финансирования проектов в российской ядерной технологии и технике[1].

В октябре — ноябре 2001 г. многим в России стало казаться, что ей предстоит стать новым стратегическим партнером Соеди-

[1] Программа Нанна-Лугара вкупе с соглашениями СНВ-1 и СНВ-2 привела к сокращению российского военного потенциала на 5 тыс. боеголовок, к полному уничтожению ядерного оружия Украиной, Казахстаном и Беларусью. Перри, в частности, предлагает включить в нее тактическое ядерное оружие.

513

ненных Штатов. Россия самым активным образом помогла Соединенным Штатам, она предоставила свое воздушное пространство для американских самолетов, разведывательные данные, свои союзнические связи и лояльности и дала согласие на размещение американских военнослужащих в среднеазиатских республиках. Чтобы продемонстрировать свое благорасположение, Москва закрыла свою станцию прослушивания на Кубе (Лурдес) и военно-морскую базу во Вьетнаме (Камрань). С российского благословения американские войска вошли в крупнейшую страну Средней Азии, в Узбекистан, а затем в Таджикистан и Киргизию, обустраивая здесь для своих нужд такие первоклассные военно-воздушные базы, как Манас. Вооруженные силы Соединенных Штатов разместились именно на тех базах, которые были построены Советской Армией в ходе восьмилетней истребительной войны с моджахедами Афганистана, — получили базы в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии. В дальнейшем именно вооруженный российским оружием Северный альянс проделал в ходе войны, двигаясь с севера на юг (Мазари-Шариф, Кабул, Кандагар), значительную долю «грязной» работы за американцев. Это обернулось стремительным поражением Талибана в ноябре — декабре 2001 г.

Значимость России для боевых действий вооруженных сил США стала почти общепризнанной. Как оценил ситуацию английский политолог А. Ливен, «Россия совершенно очевидно является центральным элементом в определении будущего «коалиции против терроризма» и пост-11 сентября международного порядка. Она играет ключевую роль в определении событий в Центральной Азии и Афганистане; ее разведывательные службы вносят значительный вклад в проводимую Америкой военную кампанию; она имеет очень большое собственное мусульманское население — между 1996 и 1999 годами мятежная российская республика Чечня стала важной базой международных суннитских исламистских радикалов; и если Соединенные Штаты попытаются улучшить отношения с Ираном — или усилить давление на него, — политические и экономические связи России с этой страной будут для США главным фактором. Если «война с терроризмом» заставит Соединенные Штаты вывести свои войска с Балкан, то и тогда Россия будет играть заглавную роль в оказании помощи Европейскому союзу по поддержанию мира — или в реализации противоположного курса. Эти и другие факторы увеличили значимость России»[1].

[1] *Lieven A.* The Secret Policemen's Ball: the United States, Russia and the international order after 11 September («International Affairs», 78, 2002, 2, p. 251).

514

Осень 2001 г. с ее трагическими событиями и настроенностью Америки «воздать должное» организаторам террора дала, помимо прочего, новый шанс американо-российским отношениям. Ответ на вопрос, что должно случиться, чтобы народы, «распри позабыв», сблизились между собой, казалось, был найден. *У Запада и России появился общий противник.* Таким врагом в недели, последовавшие за 11 сентября, стал *террор,* конкретным воплощением которого стал Талибан, мулла Омар и Усама Бен Ладен. Вот что писал лондонский «Нью стейтсмен»: «Враждующие лагери и нации мира объединились против общего врага — глобального терроризма. Приоритеты американской внешней политики изменились с захватывающей дух скоростью. Озабоченность национальной ракетной обороной ушла на второй план. Как оказалось, американская безопасность лежит не в одиноком пути по высокой дороге технологии, а в высокой политике глобального союза. Старые распри с Москвой забыты по мере того, как американцы начали свою кампанию в Афганистане для своей «защиты», потребовавшую сотрудничества с Россией. Равным образом США понимают, что они нуждаются в арабской и мусульманской поддержке и поэтому будут стремиться к реальному перемирию между Израилем и палестинцами. Во время, когда вера в бога, класс, нацию и правительство в значительной мере исчезли, общий страх человечества оказался последним средством создания единых уз, нового сплава национальной и международной политики. Страх перед глобальным терроризмом создал почти революционную ситуацию»[1].

Американцы приглушили критику Российской армии в Чечне — критиковать Российскую армию в свете массированных бомбардировок Афганистана было сложно. «Американцы ощутили сложность различения тех, кто ведет боевые действия, от тех, кто эти действия не ведет; и, что оказалось еще более важным, нежелание нести людские потери американскими регулярными войсками потребовало опоры на союзников, вовлекающей косвенно Соединенные Штаты в их жестокости. Более того, многие из американских комментаторов правого политического крыла, столь громкие в обличении российской тактики в Чечне, стали столь же громко призывать Соединенные Штаты следовать столь же крайне безжалостной тактике в Афганистане и повсюду, где началась битва с исламским фундаментализмом»[2]. Многим из американских обозревателей Чечня второй половины 1990-х го-

[1] *Beck U.* The Fight for a cosmopolitan future («New Statesman», November 5, 2001, p. 33).

[2] См., например: *Will G.* General Sherman advice («Washington Post», Dec. 27, 2001).

515

дов стала видеться неким повтором Сомали, государства, разрушенного исламским экстремизмом. Поддерживать выталкивание России с Северного Кавказа стало видеться в Америке бездумным курсом.

Это испытание скрепило личную дружбу президента Путина и Дж. Буша. Взаимная теплота в российско-американских отношениях достигла «невозможного» пика в совместном заявлении президентов Путина и Буша во время встречи в Шанхае 19 ноября 2001 г[1].

4. ВОЗМОЖНОСТИ КОАЛИЦИОННОГО ПЕРЕГРУППИРОВАНИЯ

> Россия входит в альянс не на равных. У нее будет лишь право на то, чтобы согласиться с решениями других, консультативный, но не решающий голос. У России больше нет веса на международной арене. 13 лет назад россияне еще надеялись спасти свою страну от крушения, но Запад не пришел к ним на помощь. Напротив, Запад позволил стране пасть в пропасть, слова одобрения зазвучали не в адрес побежденного СССР, а в адрес России,

обратившейся к либеральной шоковой терапии. Страна не выдержала, и, когда катастрофа стала тотальной, русские поняли, что им ничего не остается, как согласиться быть в НАТО на «вторых ролях», чтобы сохранить лицо. Новая эра неприветливо встречает Россию. А Запад упустил возможность распространить демократию на крупнейшую страну мира. *«Тан», 1 июня 2002 г.*

Два подхода

Обнаружилось радикально важное обстоятельство: в сентябре 2001 г. *общая* угроза проявилась как для Запада, так и для страны, «сдерживать» которую и был создан Североатлантический союз, — для России. Общность противника потребовала, как минимум, общего для Брюсселя и Москвы планирования — хотя бы в самых

[1] Weekly Compilation of US Presidential Documents 37: 46, 2001.

516

общих чертах. Все это создавало предпосылки нереальной прежде перспективы сближения Москвы с военным блоком Запада.

Посетив зимой 2001 г. штаб-квартиру НАТО в Брюсселе, президент Путин заметил, что видит в НАТО перемены, в свете которых эта организация не смотрится более старым военным альянсом, направленным против России. «Говорят, что НАТО становится скорее политической, чем военной организацией. Мы наблюдаем за этим процессом. Если дело пойдет таким образом, то все изменится значительно... Мы верим, что происходящее ведет к качественной перемене в отношениях России и Запада». Для демонстрации своей благорасположенности Россия сделала несколько недвусмысленных жестов — объявила о своем уходе с баз Камрань (Вьетнам) и Лурдес (Куба)[1].

В результате этой эволюции Запад предпринял попытки коррекции своей союзнической стратегии. Исторически это не ново: ведь была же Россия важнейшим союзником Запада в двух его главных испытаниях XX века — в двух мировых войнах? Начиная с ноября 2001 г. речь зашла о возможности весьма радикальной трансформации НАТО из организации, противостоявшей Советскому Союзу — России, в организацию новой европейской безопасности — и даже с глобальными функциями. Трудно представить себе сближение России с направленной, собственно, против нее военной организацией; но России; при определенном повороте событий, могло бы выгодно войти в новый — «наднатовский» альянс, хотя бы частично гарантирующий ее внутреннюю целостность и протяженные границы, хотя бы несколько страхующей опасности жизни рядом с переменчивыми и потенциально опасными соседями.

Лидером поисков более адекватного ответа на современные угрозы традиционно выступила Британия, гибкость дипломатии которой стала эталонной. (Представляется, что Лондон ищет гарантии от экономического и политического доминирования в Европе Германии. Напомним, что именно ради избежания этой угрозы Лондон выступил в 1914 и 1939 годах.) Складывается впечатление, что современная британская дипломатия, надеясь сохранить свободу маневра в Европе, стремится, *с одной стороны*, быть наиболее лояльным союзником Вашингтона, *с другой* — искать новые пути приобщения к европейскому балансу сил России.

Витающие в воздухе новые идеи выразил в середине ноября 2001 г. премьер Тони Блэр. «План Блэра» предполагал трансфор-

[1] См. западную оценку этих уступок: *Storey I., Thayrer C.* Scramble for Cam Ranh Bay as Russia prepares to withdraw («Jane's Intelligence Review», 13: 12, Dec. 2001).

517

мацию взаимоотношений России и НАТО из системы 19 плюс 1 в «систему двадцати участников», где Россия могла бы даже подписать Вашингтонский

договор (возможно, без параграфа 5 — о том, что нападение на одного члена альянса равнозначно нападению на всех членов союза). В условиях глобального смещения угроз для Запада Россия могла бы войти в Североатлантическую организацию не как некая периодически консультируемая величина, а как интегральная часть новой системы безопасности в Европе. Как писала американская газета «Крисчен сайенс монитор», «вступление России в НАТО завершит процесс создания такой структуры взаимоотношений европейских государств, которая в конечном итоге принесет постоянный мир. Неопределенность же с принятием России в альянс не только будет большой прорехой в мозаике, но также может возродить традиционную российскую ксенофобию... У Запада есть второй шанс навсегда закончить «холодную войну», покончить с разделением Европы и сделать Россию полноценным партнером НАТО в борьбе с терроризмом и в деятельности по предотвращению распространения оружия массового поражения»[1].

Речь зашла о геополитическом сдвиге впечатляющих пропорций: Россия входит в обновленный западный союз, приобретает новых союзников и представляет собой фактор его фактической глобализации в стратегически важных по времени и месту основных событий обстоятельствах. В Москве заговорили о важнейшем после 1989—1991 гг. повороте во внешнеполитической ориентации России. Вхождение в западный военный союз России могло бы иметь главное для нее позитивное значение — блок НАТО потерял бы свою *антироссийскую* направленность. И это была бы уже новая НАТО, потенциально полезный партнер в реализации российских интересов.

Выдвижение инициативы Блэра вызвало на Западе борьбу двух политических проектов.

Первый, олицетворяемый британским руководством и поддерживаемый такими лидерами Запада, как канцлер Шредер и президент Ширак, ориентировался на идею вовлечения Российской Федерации в стан Запада: у Москвы ослабнет соблазн воссоздавать некий «третий мир» на оси Пекин — Нью-Дели — Москва; Россия встанет в лагерь защитников столь выгодного Западу статус-кво в мире; пути распространения российского оружия массового поражения (биологического, химического, ядерного) будут заблокированы; североевразийская нефть и газ станут подлинной альтернативой энергетическому сырью бунтующего про-

[1] «Christian Science Monitor», April 8, 2002.

518

тив Запада Ближнего Востока; проблема потенциальной реинтеграции постсоветского пространства на антизападной основе будет если не решена, то минимизирована. (В русле этого подхода генеральный секретарь НАТО лорд Робертсон высказался весьма оптимистично: «Я знаю, где место России. Оно между Испанией и Португалией».)

Второй проект представили противники введения Москвы в круг Запада. Он исходит из того, что огромная неуправляемая Россия, чреватая внутренними конфликтами, способна дестабилизировать пространство западного ядра; по своим экономическим показателям (2,4 тыс. долл. в год на душу населения) Россия никак не соответствует общему уровню в 30 тыс. долл. в год на душу «золотого миллиарда»; Запад лишится благоприятной для него «прокладки» между североатлантическим миром и колоссальным Китаем и миллиардной мусульманской цивилизацией; НАТО возьмет на себя опасную функцию гаранта границы России с Китаем в необозримой Сибири; поток наркотиков, нелегальных иммигрантов и российского криминала захлестнет (через неуправляемую Россию) благополучный Запад.

Типично мнение Г. Киссинджера: «С принятием России в НАТО

Североатлантический союз превратится в мини-Организацию Объединенных Наций, либо в антиазиатский — особенно антикитайский союз западных индустриальных демократий. Русское членство в Европейском союзе, с другой стороны, разъединило бы два берега Атлантики. Такой шаг неизбежно подтолкнет Европу к поиску различной от американской позиции... Более тесные отношения России с Европой, чем у Европы с США (или просто сравнимые)", вызовут кризис в межатлантических отношениях — вот почему Путин так обхаживает некоторых из американских союзников»[1].

Идея трансформации НАТО, предусматривающая непосредственное членство России, рассматривалась на главном форуме Североатлантического союза 7 декабря 2001 г. Запад не был единодушным. Великобритания, Италия, Испания в общем и целом показали свое желание видеть Россию в рядах НАТО. Франция и Германия не спешат, боясь, что традиционные дипломатические отношения, основывающиеся на столкновении-согласии между США и Евросоюзом (в котором Париж и Берлин играют первую роль), будут сотрясены вхождением неудобной России. Наибольшими противниками введения Москвы в круг НАТО стали ее недавние союзники по Организации Варшавского договора.— при-

[1] *Kissinger H.* Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century. New York: Simon and Schuster, 2001, p. 79.

519

нятие России, с их точки зрения, обесценивало их недавно приобретенное членство в главной организации Запада, девальвировало их новую идентичность. В этой ситуации критически важное значение приобретала позиция единственной оставшейся сверхдержавы — Америки. Решающим было мнение американского руководства, и оно не поддержало британскую идею.

Вашингтон в конечном счете посчитал, что *двум военно-стратегическим гигантам «не место в одной берлоге», что полнокровное принятие РФ в Североатлантический союз грозит подорвать фактическое единоначалие, создаст фактор нежелательной напряженности, в определенной степени свяжет руки Вашингтону в приведении его глобальной политики. В результате идеи России как полнокровного двадцатого члена НАТО оказались похороненными.*

Администрация Буша *не поддержала* инициативу Блэра, сведя радикальные предложения о России как полноправном члене к банальным благоглупостям о необходимости расширять *дискуссионное* сотрудничество. Британский научный журнал: «Администрация Буша, находясь под давлением сторонников жесткого курса в США, давлением со стороны Пентагона Рамсфелда, со стороны восточноевропейских и балтийских государств и их лобби в Соединенных Штатах, резко отвергли предложение Тони Блэра, направленное на укрепление связей НАТО с Россией»[1]. Вопреки ожиданиям российских западников прорыва в отношении новой, дружественной России сделано не было.

Паллиатив был найден в формировании *совещательного* органа «НАТО — РФ», параллельного уже имеющемуся (с 1997 г.) Комитету Россия — Североатлантический союз. Получила развитие идея «бокового приставного стула» в виде приглашения Москвы в сугубо совещательный «Совет двадцати», в рамках которого Москва могла бы обсуждать острые международные вопросы вместе с девятнадцатью членами Североатлантического союза. Вместо выражений признательности России США подтвердили дату «ноябрь 2002 г.» как время принятия решения относительно очередного расширения НАТО в восточном направлении, включая Прибалтику.

Заметим, что ничего подобного не говорилось в *ноябре* 2001 г., когда американские и британские специальные войска отчаянно нуждались в Афганистане в боевой поддержке. Пыл тех, кто приветствовал новое отношение к

России в момент, когда стояла задача взятия Кабула и Кандагара вооруженным русским оружием

[1] *Lieven A.* The Secret Policemen's Ball: the United States, Russia and the international order after 11 September («International Affairs», 78, 2002, №2, p. 253).

520

Северным альянсом, значительно остыл. Мавр сделал свое дело, он больше не был нужен.

Нейтральные страны Западной Европы охарактеризовали ситуацию так: «В определенных вопросах НАТО хотела бы иметь Россию в качестве союзника: в борьбе против терроризма, в решении проблем нераспространения оружия массового уничтожения, в вопросах противоракетной системы тактического назначения, а также при проведении поисковых и спасательных работ на море. Предоставить России право соучастия в принятии решений, предусматриваемых статьей 5 Североатлантического договора о нападении на одного из союзников по НАТО, Америка не решилась. В основополагающих вопросах, имеющих стратегическое военное значение, таких, как прием в Союз трех стран Балтии, НАТО решительно внесла оговорку, обеспечивающую ее тыл. Так, если кто-то из членов альянса будет возражать против решения, принятого в рамках двадцатки, Россия должна будет выходить за дверь, а решение утверждают уже только представители 19 стран. Альянс не желает ни в коем случае предоставлять России право вето»[1].

Визит Дж. Буша-мл. в Москву и Пратика ди Маре

Как представляется, особенностью англосаксонского мира является «хождение в гости без подарков». Никто не продемонстрировал это лучше и нагляднее, чем президент США Дж. Буш, посетивший в мае 2002 г. обе российские столицы. В ответ на «проглоченный» российской стороной выход Америки из Договора о запрете на создание национальных систем противоракетной обороны, на помощь в битве с Талибаном, на молчание в отношении расширения НАТО, уход из Вьетнама и Кубы американская делегация согласилась 25 мая 2002 г. только на то, чтобы лапидарные три страницы подписанного в Москве документа о сокращении стратегических потенциалов были названы *Договором*.

Нет сомнения, что Москва оценила бы сокращение ее долга Западу (он был создан несуществующим государством — Советским Союзом), Москву «согрела бы» пролонгация процесса подготовки к вступлению в Североатлантический союз бывших советских республик; Россия оценила бы снятие пошлин на российскую сталь, она увидела бы добрый знак в хотя бы некотором откладывании в будущее строительства национальной системы противоракетной обороны. Москва благодарно приняла бы программу масштабной помощи, которая могла бы улучшить инфра-

[1] «Die Welt», 22 Marz, 2002.

521

структуру России и облегчить переход от планового хозяйства к саморегулируемому. Наконец, чисто символические жесты тоже хороши — правительство США ни от кого не зависит при чисто номинальном объявлении России страной с рыночной экономикой. Увы, американское руководство не пошло даже на это.

Подлинная помощь оказывается Западной Германией своим пяти восточным землям — а ведь ГДР была самой развитой частью социалистического лагеря, уровень жизни в ней был вдвое выше, чем в СССР. В отношении же России Америка не провела операции, подобной «плану Маршалла».

Америка ограничилась поверхностными явлениями, словесной риторикой.

Президент Буш сказал, что «два бывших противника объединились как партнеры, преодолев 50 лет вражды и десятилетие неопределенности».

Два вопроса интересовали американского президента в Москве и Петербурге в мае 2002 г.: 1) Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов. Упор американской стороной делался на *последнем, остаточном* элементе, оставшемся у Москвы от недавнего статуса сверхдержавы. Главный аргумент сторонников подписания ССНП: это единственный способ заставить американский ядерно-ракетный арсенал сокращаться параллельно со стареющим российским. Американская сторона открыто заявляет, что *не собирается уничтожать ни носители, ни боезаряды*, она желает не уничтожать снимаемые с боевого дежурства ракетные ядерные боеголовки, а *складировать* их. В этом смысле Московский договор 2002 г. потерял значительную долю своего смысла — ведь фактического сокращения стратегических арсеналов двух лидирующих держав не происходит. Американцы даже не скрывали снисходительного тона. Скажем, известный исследователь Ч. Краутхаммер писал, что майский Договор о сокращении стратегических потенциалов является «уступкой русской чувствительности. Он нам ничего не стоит... ничего не стоящее великодушие. Мы имеем дело со страной, пережившей самую катастрофическую утрату могущества, произошедшую не на полях сражений»[1].

2) Как сдержать возможное распространение оружия и технологии средств массового поражения из российских арсеналов. Американцы приложили всевозможные усилия, чтобы приостановить, заморозить все контакты России с Ираном в сфере (хотя бы потенциально), обеспечивающей продвижение тегеранского режима к плутониевым компонентам и ракетным технологиям.

В русле *декоративной* политики 28 мая 2002 г. на натовской

[1] «Washington Post», May 30, 2002.

522

военно-воздушной базе Пратика ди Маре (неподалеку от Рима) политическими лидерами Североатлантического союза и России было подписано соглашение, полностью отразившее опасения Вашингтона предоставить Москве полноправное членство в Североатлантическом союзе. Созданный новый «Совет двадцати» никоим образом не отменяет главенства в жизнедеятельности НАТО Североатлантического совета, на котором страны НАТО обсуждают и принимают совместные решения. Россия *не стала* членом альянса, и на нее не распространяется договор о коллективной безопасности, согласно которому все члены НАТО обязуются приходить на защиту друг друга в случае необходимости. В новом российско-натовском документе нет никаких взаимо-сдерживающих обязательств. Там не сказано, что НАТО должна уважать волю Москвы или что Россия должна ограничить свободу своих решений, а значит, в зависимости от ситуации каждая сторона поведет себя согласно собственным критериям: НАТО не будет обращать внимания на Россию, и наоборот. Орган, о котором идет речь, — совещательный. Если в новом совете из 20 стран не удастся достичь консенсуса в обсуждении конкретных вопросов, тогда 19 участниц НАТО оставляют за собой право убрать спорную тему с обсуждения.

Критическая оценка созданного органа прозвучала немедленно. Известный специалист по России Дж. Кьеза: «Слишком рано говорить о том, что Россия стоит одной ногой в НАТО. На самом деле, не было решено практически ничего. Постоянный Совет уже существовал однажды, но, несмотря на название, он - практически не функционировал. Документ остается очень неопределенным и не привязывает НАТО к России, особенно в случае возникновения трений. Но как только Совет окажется перед лицом одного из многочисленных односторонних решений США, посмотрим, согласится ли Кремль приспособиться»[1].

Как и идея полного членства РФ в ЕС, натовское наступление России вызвало

в Брюсселе и ряде западных столиц «лишь удивление... Полное членство в Европейском союзе вещь нереальная»[2]. Хотя отмечается, что вскоре у России будет граница с расширенным ЕС в 2 тыс. км.

Для российской стороны был важен ритуал: мировой лидер считает возможным иметь эксклюзивные контакты именно с Россией. Российские структуры предпочитают действовать в трансе, слыша лишь то, что им мнится, — видимость интимных переговоров двух наиболее мощных в военном отношении дер-

[1] «Liberazione», 30. 05. 2002.

[2] «Berliner Zeitung», Juni 2, 2002.

523

жав сохранена. Чистый кредит для российской стороны во многом имеет парапсихологические свойства — присутствие РФ в «восьмерке» (в обмен на молчание по поводу первой волны расширения Североатлантического союза).

Обходится официальным молчанием тот факт, что к 2003 г. по меньшей мере *восемь из пятнадцати* советских республик — нынешних ближайших соседей России — либо вступят в НАТО (как балтийские государства), либо допустят присутствие американских войск на своей территории (Грузия, Узбекистан, Азербайджан, Киргизия, Таджикистан).

5. *РЕАЛЬНОСТЬ ПОСЛЕ ЭЙФОРИИ*

> Американская политика стала излишне настойчивой, самососредоточенной, нечувствительной к интересам других.
>
> *Дж. Л. Геддис, 2002*

Опыт все же чему-то учит. Даже западная пресса отметила трезвость восприятия российским населением невпечатляющих московских договоренностей мая 2002 г. 66 процентов россиян полагают, что Америка преследует *только свои интересы* и не обращает внимания на интересы России. Категорически и безоговорочно новый процесс между НАТО и РФ восприняла лишь «прослойка западников, которая к тому же и превратила Россию в олигархию... Такая нормализация означает узаконение тех богатств, которые они извлекли из закромов государства»[1].

Даже самым неисправимым оптимистам стало ясно, что ожидания массированной помощи напрасны, о них нужно было говорить до роспуска ОВД, СЭВ, СССР, а не после; до вывода войск из Германии и Восточной Европы, а не потом; до подписания договора о сокращении обычных вооружений, а не годы спустя. Только сейчас в России получает распространение трезвая мысль, что западный мир *более прагматичен, чем представлялось ранее.* Одновременно идет откат в сторону идеи, что Россия сама обладает огромным богатством и что полагаться нужно на собственные ресурсы. Пиком новой умудренности было заявление Кремля, что на этот раз «Россия ничего просить не будет». В России впервые начинает превалировать мнение, что положение должника незавидно, что помощь может служить только до-

[1] «Liberazione», 30. 05. 2002.

524

пингом, что социальные проблемы не менее важны, чем экономические.

В России также впервые растет трезвое понимание того, что она не столь уж важна и привлекательна для Запада. Общая тенденция к созданию ресурсосберегающих технологических процессов может ослабить прежнюю значимость российского энергетического сырья для Запада. Пик запоздалого отрезвления — это появление точки зрения, что Россия — одна из развивающихся стран. До сих пор Запад не показал своей заинтересованности в возникновении

экономически сильной России. Опыт должен продиктовать и то, что страна, способная на величайшее самоотвержение и жертвы, едва ли согласится на положение сырьевого придатка Запада. Россия скорее предпочтет любую форму самоотвержения, найдет связи с экономически отставшим миром, может выбрать изоляцию, но никогда не согласится с судьбой второсортного экономического партнера. Наверное, в интересах Запада иметь спокойную, экономически стабильную и умиротворенную Россию, восхищающуюся достижениями западной цивилизации и дружественную североатлантическому миру.

Реальность быстрого обесценения казавшегося в России в октябре — ноябре 2001 г. столь важным союза преподала ей, как минимум, *четыре* урока.

1. Решение, принятое 28 мая 2002 г. в Пратика ди Маре, представляет собой поверхностный паллиатив — западный военный союз не открыл двери к полномасштабному членству Российской Федерации. Созданный новый орган («двадцатка») должен пройти проверку, подобную той, которой *не прошел* Постоянный совет Россия — НАТО весной 1999 г. Если и этот орган окажется лишенным черт эффективного обсуждения проблем и подлинного согласования позиций между Россией и Западом, то дело сближения между ними получит суровый удар. Сближение с военным блоком Запада будет в России дискредитировано на долгое время. .

2. Выйдя 13 декабря 2001 г. из Договора 1972 г. о запрете на создание национальной системы противоракетной обороны, Вашингтон нанес удар по системе стратегической стабильности в мире. Самое поразительное в решении администрации Дж. Буша был его *тайминг — время, когда решение оказалось принятым:* не теряя ни дня после того, как фактические союзники России в Афганистане — бойцы Северного альянса — выполнили (за американцев) грязную и опасную работу. Когда еще не были похоронены трупы на улицах Кандагара и шли бои в афганских горах. Очевидно и стремление Америки прекратить процесс консультаций и руководствоваться собственным, односторонним подходом.

3. В марте 2002 г. своего рода момент истины наступил на фо-

525

руме стран НАТО и государств-претендентов на вступление в Североатлантический союз, имевшем место в Бухаресте. В условиях деятельного участия России в Антитеррористической коалиции западный блок без особого вреда для своих интересов мог объявить мораторий на приближение военного союза к границам России. Ничего подобного не последовало. Присутствовавший заместитель государственного секретаря США Р. Армитэдж с благосклонностью высказался за вступление трех прибалтийских государств — и даже не планировавшихся ранее Болгарии и Румынии.

Как писал французский журнал «Нувель обсерватер», «Вашингтон не сделал ни малейшей уступки, требуя вступления стран Балтии в НАТО и проникая на задний двор России — в Грузию. Эксперты Пентагона убеждены в том, что все российские уступки в регионах, прежде считавшихся жизненно важными для Москвы, имеют лишь одно объяснение: необходимость. По их мнению, русские поняли, что не в состоянии защититься от возможной угрозы с Юга, и поэтому нуждаются в американском заслоне»[1]. Говорить о некоей «деликатности» в отношении России как-то даже нелепо. «Посматривая на Россию, — писала итальянская «Стампа», — стратеги из Пентагона создают восточноевропейскую подстраховку, — именно на Черном море — для того достаточно реалистичного случая, если исламские союзники в этом регионе (Саудовская Аравия, Турция и др.) окажутся ненадежными или бесполезными во время более широкого кризиса, спровоцированного нападением на Багдад, что удвоило бы, к тому же, остроту израильско-палестинского конфликта... Грузия — четвертая по счету бывшая

советская республика, которая была буквально оторвана от российского влияния в течение всего одного года после Киргизии, Узбекистана и Таджикистана. Азербайджан был потерян для России еще в предыдущие годы. Если прибавить к ним и три прибалтийские республики, то всего получится восемь»[2].

4. Ситуация с главным союзником по Антитеррористической коалиции оказалась еще хуже в свете ядерного планирования администрации Буша. В пик союзнических действий эта администрация предписала своему министерству обороны разработать планы применения ядерного оружия «на случай непредвиденных обстоятельств» против семи государств, одним из которых была названа Россия. Секретный доклад Пентагона от 8 января 2002 г. попал в прессу благодаря особым связям газеты «Лос-Анджелес

[1] «Nouvel observateur», 16 mars 2002, p. 14.

[2] «La Stampa», 27/ 03, 2002.

526

таймс». Он предусматривает готовность США к нанесению ядерного удара по России, Китаю, Ираку, Северной Корее, Ливии и Сирии. Для этого вооруженные силы США должны располагать «всем спектром средств сдерживания». В 56-страничном докладе говорится, что Россия не является более официальным «врагом», но указывалось, что американское ядерное оружие должно быть применено в ситуациях трех типов: против целей, неуязвимых для атак с применением неядерного оружия; в ответ на атаку с использованием ядерного, биологического и химического оружия; «в случае внезапных военных акций».

В докладе указывается опасность: Россия располагает 6 тысячами единиц оружия стратегического назначения и общим арсеналом в 10 тысяч единиц ядерного оружия; от Москвы в настоящее время ждать угрозы не следует, но *«нельзя исключить»*, что дружественные отношения могут ухудшиться. В докладе нет детализации того, как Россия могла бы использовать свое ядерное оружие против США, но в нем есть недвусмысленное указание на то, что *этот арсенал может стать недружественным и опасным для Америки*. Многолетнюю ситуацию «взаимного гарантированного уничтожения» сменяет период, когда американская сверхдержава берет на вооружение принцип одностороннего гарантированного уничтожения. Секретный доклад Пентагона предусматривает возвращение США к прежней стратегии в области военного противостояния и к старому, более чем десятилетней давности определению России как *потенциального противника*. Хороший итог курса, начатого в 1989 г., впечатляющая благодарность за помощь в афганских ущельях 2001 г.

Этот доклад был подписан министром обороны США Рамсфелдом и в настоящее время используется стратегическим командованием США для практических разработок. Идеологическое основание выдержано в лучших традициях времен ядерного противостояния.

Нельзя отказать американцам в понимании того, что означает подобное отношение к своим только что названным союзникам посреди крестового антитеррористического похода. Представляющий Фонд Карнеги за международный мир (Вашингтон) Дж. Циринционе: «Это как динамит. Могу себе представить, что эти страны будут говорить в ООН»[1]. Представляющий А Р. Норрис из Совета защиты природных ресурсов назвал доклад «ясным предупреждением, способным спровоцировать разработку ядерного оружия, а не отвратить от него»[2]. Анализируют немцы: «Мо-

[1] «The Los Angeles Times», March 9, 2002.

[2] «The Wall Street Journal», March 11, 2002.

527

сква неожиданно оказалась в числе государств, составляющих «ось зла»... Американские планы опасны для Путина, пошедшего прозападным курсом, который не приносит никаких положительных для него результатов. Он все

больше ослабляет свои позиции по отношению к русским элитам. Так, американцы все глубже продвигаются в постсоветском пространстве. Американские солдаты уже находятся в Средней Азии и на Кавказе»[1]. Как признают западные аналитические центры, «взятые вместе, эти созданные американцами препятствия сделали Путина и его твердо прозападную риторику в высшей степени уязвимой перед критикой антиамериканского характера. Риск для Запада заключается в том, что не только представители элит, но и простые русские стали видеть в его деятельности повторение опыта Горбачева и Ельцина, которые оказывали Западу уступку за уступкой, но в ответ получили мизерно мало»[2].

Итак, суровая действительность оказалась холодным душем, во многом загасившим эйфорию поздней осени 2001 г.: в 2002 г. она нашла себя в списке официально обозначенных целей американского ракетно-ядерного потенциала среди таких целей Америки, как Ирак, Иран, Сирия, Ливия. Эйфория октября — ноября 2001 г. иссякла очевидным образом.

Тернистый путь на Запад

Что России дал новый союз с Западом? Россия реально и жестоко понадобилась Америке на *слишком короткое* время. Как говорят дружественно настроенные американские специалисты, «бедой России является то, что война закончилась слишком быстро и победно». Короток оказался тот час, когда Вашингтон реально нуждался в содействии влиятельнейшей в рассматриваемом регионе державы. Наступили «геополитические будни», Америка воспользовалась войной с международным терроризмом для значительного расширения своего влияния в геополитическом сердце Евразии. Американские войска впервые разместились в середине евразийского хартленда — в Афганистане, Узбекистане, Таджикистане, Киргизии. Американские вооруженные силы возвратились на Филиппины. Они впервые высадились в Закавказье, в Грузии. Они ныне владеют большими базами в 45 странах мира, а располагаются (на той или иной основе) в ПО странах

[1] «Die Welt», 11 Marz, 2002.

[2] *Lieven A.* The Secret Policemen's Ball: the United States, Russia and the international order after 11 September («International Affairs», 78, 2002, 2, p. 253).

528

мира. Над этой империей действительно никогда не заходит солнце.

Если Россия еще думает о своей безопасности, то она не может не задавать вопрос, что американцы делают в Центральной Азии и в Закавказье? Надолго ли они пришли и каковы их планы? В конечном счете Алма-Ата и Ташкент были построены и русскими руками, у нас долгая, общая с народами данного региона история, хорошие отношения и союзнические военные обязательства. 201-я российская дивизия охраняет весь регион, все секулярные режимы Центральной Азии от мусульманского вторжения. В конце концов, Россия в ответе за наследие предшествующих поколений. Да и за судьбу будущих, которые будут соседствовать с более чем миллиардным миром ислама. Что означает приход американцев, в какой степени это позитивный фактор стабильности, а в какой он попросту подрывает позиции Российской Федерации в регионе?

Что касается экономической стороны дела, то в ходе акции на Среднем Востоке Запад снял с Пакистана и Индии санкции, простил долг важной в данной ситуации Иордании, элиминировал долги Польши. Произошло почти полуторамиллиардное списание долга Пакистана. Парижский клуб перераспределил пакистанский долг (который составляет 12 млрд. долл.) на 38 лет. Исламабаду обещан миллиард долларов в качестве компенсации пакистанских потерь в связи с событиями 11 сентября и помощь в военной сфере.

А что же Россия? Ведь, что ни говори, она, имея значительное мусульманское население, рискует, она заведомо ослабляет свои позиции на Востоке. Намерены ли американцы списать хотя бы часть долгов СССР (государства, переставшего существовать), предоставить российским (скажем, металлургическим) предприятиям часть американского рынка, показать солидарность во *взаимной* борьбе с терроризмом? Ведь очень болезненной и не решенной финансовой проблемой «холодной войны» является долг советской эпохи западным кредиторам, составляющий 42 млрд. долл. Еще со времени развала Советского Союза обсуждается возможность прощения долга несуществующей страны или его части. Последовавшее после 11 сентября 2001 г. сближение России с Западом повысило шансы решения этой проблемы — если уж «холодная война» действительно позади. (Польша и Египет получили такое облегчение в начале 1990-х годов, а Югославия в 2001 г.) И прощение долга послужило бы — одним из многих, доступных Западу способов — стимуляцией дальнейшей дружественности Запада. Финансовое положение России и инвестиционный климат в ней действительно улучшились бы в случае хорошо структурированного соглашения об облегчении долга.

529

Благие мечтания. Вместо ожидавшейся экономической помощи американцы вводят тарифы на русскую сталь. В начале марта 2002 г. правительство США ввело новые тарифы (до 30 процентов), окончательно подрывающие позиции российского металлургического экспорта в США. Объявленные американцами тарифы коснутся примерно трети российской стали и обойдутся России в ближайшие три года потерей 1,2 млрд. долл[1]. В ответ Россия ввела запрет на импорт куриного мяса, который оценивается в 600 млн. долл. и которое в Россию вывозят 38 американских штатов.

Только в одном случае начинают блестеть глаза американских партнеров России: когда речь заходит о нераспространении оружия массового поражения. Но полностью разоружиться Россия не может, даже если бы очень хотела — уж больно неадекватна компенсация за одностороннее разоружение.

В апреле 2002 г. Вашингтон уведомил Москву, что свертывает многие новые проекты в сфере разоружения, поскольку подвергает сомнению соблюдение Россией договоров о запрете химического и биологического оружия. Будут отменены дополнительные ассигнования на некоторые осуществляемые проекты. В телеграмме Государственного департамента США говорилось, что Соединенные Штаты не имели возможности удостовериться в том, что Россия соблюдает свои обязательства по существующим договорам и американская администрация не намерена инициировать новые инициативы или обеспечивать новые ассигнования на программы по снижению угроз от ядерного или биологического и химического оружия[2].

Если благодарность американцев существует, то почему она *выборочная*, почему не облегчается бремя советских долгов стране, которая лишила Америку и Запад в целом бремени противостояния? Которая заявила о солидарности с Америкой в ее трудный час? Даже традиционно симпатизирующие Западу «Известия» пишут по поводу американской политики в отношении России: «Все вернулось на круги своя: та же риторика, тот же надменный тон, что и до 11 сентября». Госдепартамент вновь стал позволять себе жесткую критику российских методов в Чечне (словно слепые и ковровые бомбометания в Афганистане не были жестоки в отношении гражданского населения). В интересах ли США разбудить латентную ксенофобию и направить стоицизм российского народа против сытого меньшинства человечества?

[1] «The New York Times». March 11, 2002.

[2] «The New York Times», April 8, 2002.

6. СПОРЫ ПО ОБЕ СТОРОНЫ АТЛАНТИКИ

Россия: оппозиция

Прозападное перегруппирование встретило внутреннее противодействие в России. Решая проблему отношений с США, степень сближения с Западом, возможности отказа от привычной исторической суверенности, в смятенной России сформировалась оппозиция.

Не все в России готовы следовать за Америкой безоговорочно. Сказывается, по меньшей мере, наличие многомиллионного мусульманского населения. Эксперт из Казани полагает: «Сценарий, которого пытался добиться Усама Бен Ладен, когда проводил террористические акты в Америке, — объединить мусульманские страны против Европы и Америки. Это был бы самый худший сценарий. Но складывается такое впечатление, что сейчас Америка готова реализовать этот сценарий своими действиями в Афганистане. Хотя на уровне политических заявлений ведется борьба с международным терроризмом, а не с мусульманскими странами. Очень велики опасения, что Америка не удержится на этой очень узкой черте. Она заставит своими действиями поделиться страны на «своих и чужих»[1].

Так думают не только в Казани, вот мнение специалиста из Барнаула: «Если каким-то образом будут втянуты в этот конфликт другие страны, то это может привести к особо плохим последствиям, прежде всего — для нашей страны. Мы — своеобразный буфер, и у нас много мусульман. В истории России все религии соседствовали между собой более или менее мирно, а в настоящее время возникает такая опасность. Если американцы будут решать все новые проблемы вооруженным путем, будут втянуты и другие страны, то это может плохо закончиться для России. Мы должны с особой осторожностью относиться к проблеме на Северном Кавказе, а мы волей или неволей, наверное, обижаем чувства мусульман, которые у нас в России, и они — наши россияне»[2].

Ощутимо было опасение ринуться в ту пропасть, где Россия может остаться в одиночестве. Вот как выразил это чувство эксперт из Нижнего Новгорода: «Мы должны не как индивидуалисты выступать — ни в Европе, ни в Азии, а совместно с европейскими партнерами. К тому же у нас неплохие отношения со мно-

[1] Фонд «Общественное мнение». «Америка: взгляд из России. До и после 11 сентября. Москва, Институт Фонда «Общественное мнение», 2001, с. 85.

[2] Там же, с. 86.

жеством арабских стран, и нельзя от этого отказываться ради бесперспективной дружбы с Америкой. Когда мы будем действовать и в Европе, и американцы нас будут уважать. Мы живем и в Европе, и в Азии, и здесь нам нужно укреплять сотрудничество с Китаем, Индией, странами Юго-Восточной Азии и с Европой. Это будет нашим ресурсом. Тогда у нас будут и нормальные отношения с американцами».

Приведенные мнения говорят о том, что на уровне общественности Россия не бросилась опрометью и очертя голову, она выразила свои опасения. Более того, эксперты во время опросов указали, что США не смогут добиться своей цели (63 процента опрошенных), а если и добьются, то очень не скоро (27 процентов). Большинство российских исследователей (62 процента) даже на ранней стадии операции в Афганистане и в Ираке были уверены, что США не ограничатся ракетно-бомбовыми ударами, а введут сухопутные войска. Многие при этом указывали на советский афганский опыт и на многолетнюю ситуацию в Чечне. Эксперт из Москвы указывает на слабость дипломатического искусства

американцев: «Прежде чем начать бомбить, их дипломатия абсолютно почти не работала... Арабские страны есть, там у них своя организация есть — почему не собирали их вместе, почему не поговорили? Потом, есть и другие организации — ничего не делали абсолютно. В одно государство съездил помощник президента по национальной безопасности, министр обороны — и все дела. Больше ничего не делали»[1].

Уже в октябре 2001 г. звучали предостережения относительно того, что Вашингтон проявляет неоправданный апломб, что момент раздумий в американской политике заменен инерцией. Российские исследователи вспоминали в качестве примера Югославию. Звучала и более жесткая критическая нота: «Одна из причин американской активности — желание распространить свое господство на Восток. Им надо там закрепиться. Очевидно стремление распространить свое господство в эти страны, создать свои базы, в случае лучшего исхода этой войны — и экономической опутать сетью. Это просто очень удобная причина. Вроде это действительно такая волна народного гнева, но на этой волне плывут и политики, и экономисты — все, кому выгодно»[2].

В общем и целом отношения рядовых российских граждан к американской военной операции в Афганистане и Ираке можно

[1] Фонд «Общественное мнение». «Америка: взгляд из России. До и после 11 сентября. Москва, Институт Фонда «Общественное мнение», 2001, с. 101.

[2] Там же, с. 103.

532

охарактеризовать как сочувственное в отношении жертв сентябрьской трагедии, но достаточно скептическое (и в ряде случаев неодобрительное) в отношении американского на него ответа «по всему азимуту». Значительная часть россиян оказалась склонной подозревать США в преследовании сугубо собственных геополитических и экспансионистских интересов. Высказываются опасения относительно возможности расширения боевых операций на территории стран, соседних с Россией.

Западу нет альтернативы

Итак, сформировались два политических крыла, *pro et contra*. На прозападном фланге естественное российское сочувствие американцам в их национальной трагедии придало новую силу спору об оптимальном курсе России в отношении Америки. Обществу были предложены два практически противоположных по направленности курса.

Первый подход к проблеме отношений с Западом исходит из обыденной логики, даже из американского фольклора: «Если мы не можем побить этих парней, присоединимся к ним». Этот лагерь предлагает завершить период перехода от «холодной войны» присоединением к лагерю победителей, покончить с двусмысленностью этого переходного периода, осознать степень экономического ослабления страны, невыгодность неопределенного положения России, пытающейся найти свой путь будучи расположенной между тремя противонаправленными миллиардами населения Запада, Китая, мира ислама; между богатым Севером, и бедным Югом, между стареющим североатлантическим миром и молодым голодным миром Южной и Юго-Западной Евразии. Модернизация страны требует ограничения активной внешней политики и нахождения своей ниши (пусть теперь уже менее престижной и влиятельной) в *лагере Запада*. Иная внешнеполитическая ориентация означает лишь отвлечение ограниченных ресурсов. С точки зрения «западников второго призыва», целесообразно придерживаться стратегии «избирательной вовлеченности» и «сосредоточивания», отказа от погони за фантомом «сверхдержавности», ориентации не на защиту прошлых позиций, а на завоевание

позиций в мире будущего, на избежание конфронтации с крупнейшими странами в менее важных аспектах международной жизни, на «реалистически достижимую интеграцию с миром передовых и стабильных держав»[1].

Прозападная часть политического спектра России фактиче-

[1] Стратегия для России. Повестка дня для Президента-2000, с. 92—96.

533

ски продолжила курс Шеварднадзе — Козырева: сближение с Западом превосходит все прочие приоритеты; следует покориться неотвратимому и попытаться найти в этом нечто позитивное для себя; оценить способность НАТО сдерживать конфликты между государствами-членами, возможности НАТО стабилизировать вечно беспокойный Центрально-Европейский регион; по достоинству оценить наличие силы, готовой пойти на материальные и людские жертвы ради замирения конфликтов, подобных югославскому. И идти на сближение с развитыми демократиями, мощными Соединенными Штатами, богатыми цивилизованными соседями.

Суть этой позиции в том, чтобы «смирить гордыню», ослабить внешнеполитическую активность, решительно обратиться к внутреннему переустройству, оптимизировать работу внешнеполитических органов; использовать такие сильные стороны России, как нефтегазовые месторождения (у России есть шанс превратиться для индустриального Запада в альтернативу все более нестабильному Ближнему Востоку). Эта школа сближения с Западом, не видящая альтернативы этому сближению, даже если оно будет осуществляться в условиях *младшего партнерства* России, приходит к выводу, что у России фактически нет альтернативы стратегическому повороту в сторону сближения со стабильным Западом. В противном случае России придется пойти на новую масштабную национальную мобилизацию, что окончательно обескровит ослабевшее в 1989—1998 гг. российское государство. *Не достаточно ли России мобилизаций ?* Скажет ли спасибо (с пафосом выдвигают свой коронный аргумент безудержные западники) своему руководству омский рабочий, когда он снова будет привязан к проходной своего оборонного завода, будет обречен на спартанскую жизнь ради *всего лишь* того, чтобы никто и никогда не считал Россию *младшим* партнером? Радикальные западники видят лишь один — безусловно, отрицательный — ответ на свой риторический вопрос. Опытные скептики говорят: подобная ориентация будет означать еще одну жестокую мобилизацию для измученного народа, давайте пощадим не избалованный благосостоянием народ, не будем посягать на высокий международный статус, согласимся с подчиненным положением в складывающейся пирамидальной картине мира, где страна уже не находится на его вершине.

Они не знают омского рабочего. Его наследственная жертвенность не знает предела. Это его национальный код, он срабатывает безукоризненно, если речь идет о правом деле, о безопасности и престиже его страны. Не стоит подвергать сомнению его патриотизм, десять столетий тому порука. И его риторический (и вполне конкретный) вопрос касается прежде всего не тягот трех-

534

сменной суровой работы, а причины бессмысленно растранжиренного национального авторитета, влияния, безопасности, чувства гордости за свое государство. Кто, как и зачем это сделал? Если это историческая ошибка, то зачем ее повторять?

Несогласие на «младшее партнерство»

Прозападную радикально-демократическую волну, на удивление, *не беспокоит* ситуация deja vu: то, что подобные же надежды разбились в начале 1990-х годов о западную непреклонность и эгоизм. Что обмена российского

разоружения у мощного Советского Союза на сближение с Западом не произошло, несмотря на безудержную жертвенность Горбачева и Ельцина (объединение Германии, роспуск ОВД, разоружение советских войск и их вывод в свои пределы). Эти неисправимые радикальные западники не осуществили союза с Западом при гораздо более благоприятных условиях, но это их не остановило в новом веке, их разоруженческое безумие и детская вера в хорошее, видимо, неукротимы.

Но высокие надежды на общее с Западом будущее довольно быстро ушли в прошлое после эйфории якобы *окончательного сближения* сентября — ноября 2001 г. В частности, краткосрочность и успешность операции в Афганистане сыграли против безудержных российских сторонников сближения с Западом. Вслед за военным триумфом Запад во главе с США своими действиями в декабре 2001 г. в значительной мере погасил бурнопрозападную тенденцию в ориентации по меньшей мере части думающей России.

Может ли российское общество согласиться на положение *младшего партнера* в союзе с США? Может ли страна, выстоявшая в Сталинграде, дважды в XX веке спасавшая Париж, победившая в самой ожесточенной из войн, пойти на заведомую второстепенную роль в глобальном военно-политическом союзе XXI века?

Лишенный иллюзий и основанный на генетическом самоутверждении подход исходит из тех идей, которые в свое время разделяли У. Черчилль и Ш. де Голль: теряющее под собой почву, слабеющее государство не должно соглашаться с пессимистической оценкой своих возможностей. Напротив, полагал гений англосаксонского мира XX века Черчилль, *«In defeat defiance» — «В поражении — вызов»*, таково было кредо британского политика, видевшего и высший взлет своей страны и ослабление ее потенциала после двух мировых войн. Таким же был пафос великого француза, увидевшего на протяжении своей долгой жизни сползание Франции с лидирующих позиций, закат колониального могущества Франций. В тот момент, когда де Голль в противостоянии с Вашингтоном в 1942—1945 и 1958—1968 гг. признал бы второстепенный статус своей страны, это признание стало бы

535

подлинной фиксацией низкого статуса его страны в мировом раскладе сил. Согласиться с второстепенностью означало для них раствориться в свите блистательного лидера. Ни история, ни национальный менталитет Британии и Франции не позволили наступить на горло самоуважению. Почему Россия должна быть иной? Самая большая по территории страна мира, населенная самым жертвенным народом, гордая победительница в величайшей из войн, вооруженная с 1949 г. ядерным оружием, гарантирующим ее неприкосновенность, показавшая совсем недавно способности своей науки и индустрии в освоении космоса, в ядерной физике, в авиации и металлургии, способна преодолеть смутное время — плода ее растерявшейся элиты, не сумевшей совладать с деструктивным ураганом 1990-х гг.

Значительная часть российского политического спектра, критически оценивая скудные итоги российского вестернизма, пришла к выводу о невозможности слепо следовать курсом «на Запад при любых обстоятельствах». Вопрос о приеме в НАТО прежних военных союзников СССР вызвал у политических сил России подлинные конвульсии, мучительную переоценку ценностей, потребовал обращения к реализму — на фоне болезненной для России демонстрации такого реализма со стороны Запада. Аргументы типа «вы *звали демократический Запад, и он пришел к вашим границам*» потеряли силу. Уже вскоре обозначился практически национальный консенсус по оценке действий Запада после «холодной войны».

Плохо или хорошо, но в значительном сегменте отечественной политической жизни воцарился стереотип: мы сделали важнейшие внешнеполитические уступки, а Запад воспользовался «доверчивостью московитов», ворвался в предполье России, начал вовлекать в свою орбиту помимо восточной части Германии прежних союзников России — предполагаемые ворота в благословенный Запад, и даже более того, прежние части Советского Союза. Типичная для российского мышления контрастность немедленно вызвала «патриотическую реакцию», превратила особую внешнеполитическую проблему в заложника острых политических страстей.

Создается не очень привлекательная картина весьма серьезного разочарования России в трансокеанском союзе. Может быть, Россия «слишком требовательна», когда говорит о желательности помощи ее демократии, незрелому рыночному хозяйству, новым структурам, приближающимся к западным? Что же, точка зрения, что «мы слишком требовательны», имеет хождение и в России. Совершенно справедливым было бы указать, что Соединенные Штаты никогда *не обещали* такой помощи, у американцев нет особых «моральных угрызений». В данном случае мы

536

касаемся вопроса, который по своей сути выходит за рамки американо-российских отношений в более широкую плоскость межгосударственных и даже человеческих отношений. Богатые не обязаны помогать бедным, демократии, строго говоря, не обязаны чем-либо жертвовать в пользу соседей. И Запад вправе философски наблюдать за неудачами российских реформ. Но при этом Запад с Соединенными Штатами во главе должен принять лишь одно условие — он должен быть готов платить за последствия.

У бедных только одно оружие против безразличия богатых — они объединяются. В нашем столетии, возможно, самым убедительным случаем такого объединения был период военного поражения и практического распада России в 1917 г., когда большевики провозгласили Россию родиной всех *униженных и оскорбленных*, создавая угрозу Западу, которая в конечном счете — в своем ядерном варианте — переросла все мыслимые прежние угрозы. Повторение социал-дарвинистского подхода, предоставляющего Россию собственной участи, сегодня возможно только при исторической амнезии Соединенных Штатов. Погребенная собственными проблемами, основная масса которых — плод незрелой модернизации, Россия опустится в окружение «третьего мира» с одним известным багажом — своей сверхвооруженностью.

Борьба мнений в США

Элита США неоднозначно восприняла происшедшее в сфере российско-западных отношений, разгорелась дискуссия об оптимальных отношениях с Россией.

Противники сближения. Известный русолог М. Макфол составил реестр имеющихся противоречий: «Договор об ограничении вооружений СНВ-2, расширение НАТО, торговля с Ираном и Ираком, новый российский драконовский закон, санкционирующий деятельность лишь определенных религий. Эта старая повестка дня говорит лишь о том, что контуры нового послекоммунистического стратегического партнерства между Соединенными Штатами и Россией еще не определились. Заново звучат аргументы, что, учитывая баланс сил на международной арене, Соединенные Штаты и Россия попросту *обречены* быть противниками. Представители этой точки зрения полагают, что последний экономический кризис в России выдвинет к рычагам власти российских лидеров, враждебных Западу, что вынудит западный мир снова сдерживать угрозу России рынкам и демократии... Если демократия и капитализм

потерпят здесь поражение, тогда умножится число спорных вопросов между Россией и Соединен-
537
ными Штатами и возникнут новые угрозы американской безопасности»[1].
Против России в Америке «играют» три образа: страна дефолта 1998 г., неукротимой коррупции; страна растущего авторитаризма «сомнительного демократа» Путина; страна, где свободная пресса в агонии, а война в Чечне уродует моральный облик нации. Противники сближения с Россией выдвинули аргументы и геополитического характера: «Решительный поворот России в сторону Запада оживляет исламские страхи относительно «столкновения цивилизаций»; новый стратегический союз Россия, Северная Америка и Европа мог бы показаться угрожающим для многих. Мусульман пришлось бы разубеждать в том, что христианский мир объединился против них. Африканцы и азиаты увидели бы «союз белых». Китай усмотрел бы блокирующую их силу. Ислам, Китай и Африка могли бы увидеть в этом союз богатых против бедных. Выросла бы опасность глобальной войны с расовым оттенком»[2]. Не нуждающийся в рекомендациях Г. Киссинджер напоминает о связях России с «государствами-изгоями»: «Соединенные Штаты должны осудить поддержку Россией иранской ядерной программы, систематические нападки на политику Америки в Персидском заливе, особенно в отношении Ирака, осудить нападки России на то, что она называет американской
гегемонией»[3].

По животрепещущему вопросу НАТО — РФ антироссийская партия полагает, что принятие России в Североатлантический союз означало бы ненужную Америке выдачу гарантии нерушимости сибирским границам России, открытым против потенциальных китайской и исламской угроз. Членство России в НАТО означает для Запада выход на тысячекилометровые границы по Амуру и Уссури, по соседству с огромным исламским населением на юге и растущим китайским экономическим гигантом на востоке. Сближаться с Москвой вплоть до членства в общем военном блоке означает «послать американские войска — а также британские, французские и германские— умирать на берегах Амура ради сохранности Сибири»[4].

Своего рода сигналом «поставить Россию на место» послужи-

[1] *McFaul M.* Russia's Summer of Discontent («Current History», October 1998, p. 311).

[2] *Walker M.* Post 9/11: The European Dimension («World Policy Journal», Winter 2001/02, p. 41).

[3] *Kissinger H.* Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century. New York: Simon and Schuster, 2001, p. 77.

[4] «World Policy Journal». Winter 2001/02, p. 39.

538
ла статья генерала и аналитика ЦРУ У. Одома, опубликованная в американском журнале «Нэшнл интерест». Генерал Одом призвал отдать дань реализму и не церемониться с обессилевшей Россией, которой еще многие десятилетия предстоит выбираться из пропасти, в которую она сама себя бросила[1]. Одом советует Бушу не повторять Клинтона и «толкать» Россию в сторону прогресса. Россия *не* великая страна, она не представляет собой серьезно действующий на мировой арене фактор. И не следует бояться ее ржавого стратегического арсенала.

Такие интерпретаторы, как П. Редуэй, Р.Стаар, Р. Пайпс, Э. Лутвак, все чаще обращаются к цивилизационным различиям — иначе им трудно объяснить сложности капиталистической трансформации России. Базовой идеей этой школы является тот постулат, что «целью НАТО и Атлантического союза была не просто защита Запада от Советского Союза. НАТО была также защитницей Запада от Востока, а говоря точнее, западной цивилизации от восточной отсталости, тирании, варварства. Формирование НАТО было тесно связано и четко легитимизировано с распространением идей западной цивилизации, с

распространением академических курсов, основанных на этих идеях в американских университетах»[2]. Дж. Курт, отвергая Россию по цивилизационному признаку, говорит о тесном взаимодействии *«между (1) идеей западной цивилизации, (2) жизненными интересами Соединенных Штатов и (3) членством в Атлантическом альянсе»*[3]. *Да, коммунизм повержен, но осталось различие между Западом и не-Западом, ключевое для определения американской стратегии различие. И ныне Россия (как, помимо прочего, свидетельствует опыт 90-х годов) вовсе не потенциальная часть Запада, а потенциальный его противник.*

Влиятельно *геополитическое* объяснение значимости России. Представляя его, два известных знатока России — Д. Йергин и Т. Густафсон недвусмысленны в определении главной стратегической посылки Вашингтона: «Если Россия восстановит свою экономическую и политическую мощь, она станет конкурентом и соперником Соединенных Штатов; это будет не идеологическое соперничество, а соперничество великих держав»[4]. Такой теоретический постулат близок У. Одому, Колину Грею, Зб. Бжезинскому.

[1] *Odom W.* Realism about Russia («National Interest», Fall 2001, p. 32—39).

[2] *Kurth J.* NATO Expansion and the Idea of the West («Orbis», Fall 1997, p. 561).

[3] *Kurth J.* Op. cit., p. 563.

[4] *Yergin D., Gustafson Th.* Russia 2010 and What It Means for the World. N.Y., 1995, p. 256.

539

Вице-президент Р. Чейни, набравший известность параллельно с боевыми действиями министр обороны Д. Рамсфелд (поддерживаемый энергичным замом П. Вулфовицем) и советник по национальной безопасности К. Райс открыто выразили скептицизм относительно новоявленного союза с Россией. Советник по национальной безопасности К. Райс прежде всего заинтересована в приостановлении распространения российского влияния на страны СНГ. Ее очевидным образом интересует ослабление зависимости стран СНГ от российских энергоносителей и транспортных коридоров. В июне 2001 г. она довольно неожиданно навестила Киев, как только улучшение российско-украинских отношений стало ощутимым. В этом Райс нашла убежденного союзника в министре обороны Д. Рамсфелде. Для обоих сближение Вашингтона с Москвой не представляется приоритетным. Оба полагают, что интересам США не соответствует «излишняя» степень сближения Америки с проходящей трудный участок пути своего развития Россией. Рамсфелд в настоящий момент «отвечает» за то, чтобы двери НАТО оставались для России закрытыми (на этой почве у Рамсфелда были столкновения с Пауэлом).

Особенно негативно относится к России американское разведывательное сообщество и министерство обороны. Эти ведомства ставят своей главной целью остановить поток не контролируемого американцами русского экспортного оружия. Их главная задача — остановить распространение российских технологий в сфере оружия массового поражения. Их цель номер один на этом пути — изолировать Иран и, соответственно, оказать воздействие на российскую сторону.

В любом случае «Пентагон не считает, что угроза со стороны России исчезла полностью; здесь продолжают полагать, что следует думать о будущем исходя из *возможностей* данного агента мировой политики, а не его (возможно временного) нынешнего миролюбия; угроза должна оцениваться исходя из потенциала, способностей, а не из (возможно краткосрочных) намерений... Ответом должны послужить расширение НАТО и создание национальной системы противоракетной обороны»[1]. Дополнительно — постоянный крупномасштабный сбор самой широкой разведывательной информации «подобной той, которую получала американская подводная лодка слежения в

случае, когда потонула подводная лодка «Курск»[2]. Эффективным средством видится продолжение финансирования России в области сворачивания

[1] *Smith D., Corbin M., Hellman Ch.* Reforging the Sword. Forces for a 21st Century Secutity Strategy. Wasington, 2001, pp. 55, 59.

[2] Ibid., p. 59.

540

ядерных исследований и уничтожения оружия массового поражения. Очень многие американские специалисты не согласились с высказанным в марте 2001 г. намерением администрации Дж. Буша-мл. сократить эти программы[1].

Наибольшую опасность Соединенным Штатам представляет прямая или косвенная помощь решительным антагонистам со стороны технологически оснащенной России — она с ее расстроенным военным потенциалом (результатом многих десятилетий соперничества на глобальном уровне) в этом ряду стоит первой. Программа Нанна — Лугара не покрывает всех аспектов замороженного военно-экономического наследия Советского Союза. Химическое и биологическое оружие, «грязные» ядерные отходы, квалификация многих тысяч специалистов — все это в случае похолодания в американо-российских отношениях немедленно станет предметом обхаживания международных террористов, равно как и заинтересованных государств. Да и сама Москва, согласно циркулирующему в США мнению, в случае разочарованности попыток мирными, дипломатическими средствами пробиться в ряды Запада может поддаться чувствам разочарованного отвергнутого партнера: «Россия тоже может обратиться за стратегическим решением к международным преступникам, ведущим необъявленную войну»[2].

Если при Клинтоне министерство финансов излучало в отношении Москвы своего рода симпатию, то при президенте Буше министр финансов П. О'Нил намерен развивать мировую торговлю, а не потворствовать экзотическим режимам. Важно то, что американский бизнес не нашел своей ниши в российской экономике. Многонациональные корпорации уже имеют болезненный опыт ведения дел в России. Инвесторы несколько благожелательнее, но они тоже не имеют особого интереса к укреплению двусторонних отношений. Негативно сказывается на этих отношениях спад американской экономики, падение доходов, резко возросшая безработица, заставляющая американское правительство защищать свой рынок. И «простой факт жизни заключается в том, что Вашингтон не может заставить американские компании инвестировать в России»[3].

Вышеназванная группа политиков сумела очевидным образом «отодвинуть» от руля власти менее жестко настроенного го-

[1] *Lobsenz G.:* Nonproliferation Aid To Russia («Defense Week», March 19, 2001, p. 7).

[2] *Kaplan R.The* World of Achilles. Ancient Soldiers, Modern Warners («National Interest», Winter 2001/02, p. 40).

[3] *Bremmer I.* and *Zaslavsky A.* Bush and Putin's Tentative Embrace («World Policy Journal», Winter 2001/02, p. 49).

541

сударственного секретаря К. Пауэла с тем, чтобы повернуть президента Дж. Буша-мл. в сторону большей жесткости по отношению к миру (в том числе и к России.) Своего рода апофеозом давления разведывательно-военного сообщества на формирование официального курса страны является изменение военно-стратегической доктрины США, произошедшее в начале 2002 г. Государственный секретарь Колин Пауэл мог сколько угодно утверждать, что «доктрина не носит оперативного характера», а выражает, мол, только *направление осмысления* мировых угроз. В реальной жизни сменившая документ 1994 г. новая доктрина, выдвинутая Пентагоном в 2002 г., весьма отчетливо определяет место и знак России в американском стратегическом планировании.

Основная масса американских потенциальных инвесторов в российскую

экономику колеблется, во многом ожидая правительственных сигналов.

Сторонники сближения. Как пишет Т. Грэм: «Игнорирование России — нежизнеспособный выбор. Даже сократив свои возможности, Россия остается критически важной для обеспечения безопасности и процветания Соединенных Штатов и будет оставаться таковой в будущем»[1]. Бывший посол в СССР Дж. Мэтлок отмечает «исключительное по значимости географическое положение России, что делает ее бесценной в отражении прямых угроз американской безопасности. Размышления типа «великая» или «невеликая» бессмысленны. Америка попросту «нуждается в сотрудничестве с Россией для обеспечения своих фундаментальных интересов»[2]. С точки зрения Мэтлока, Одом изображает не реальную Россию, а карикатуру на нее. Россия найдет в себе силы преодолеть период слабости. Разве может мало значить союзник, в руках которого 45 процентов мирового ядерного оружия? Западу более страшна слабая Россия, сопровождающая свой упадок ядерным распространением. «Сдерживание, изоляция и пренебрежение институциональным развитием в России является политикой, способной трансформировать русскую революцию в угрозу американской безопасности»[3].

Сторонники сближения также исходят из *геополитических* реалий, но делают противоположные по сути выводы: вне достаточного контроля США в современном мире находятся четыре «великих неизвестных» величины — конфуцианский Китай, индуистская Южная Азия, мусульманский мир (каждый из которых

[1] *Graham Th.* Russia's Decline and Uncertain Recovery. Washington, 2002, p. 74.

[2] Odom's Russia: a forum («National interest», Winter 2001/2002, p. 117).

[3] *McFaul M.* Op. cit., p. 312.

542

включает в себя более чем миллиардную массу населения) и расположенная на севере евразийского континента Россия. Последняя колеблется в выборе союзников. И она ближе цивилизационно, чем три первые величины. Следует ли стимулировать союз *всех* антиамериканских сил? Россия — это шанс. Она, безусловно, в упадке, но способна подняться. Интересам Америки соответствует ее интеграция не в лагере обиженных, а в лагере Запада. Развал России никоим образом не служил бы интересам Соединенных Штатов.

Идея союзнических отношений с Россией получила значительное развитие в академическом сообществе (в отличие от сообщества военных теоретиков). Выражая противоположную одомовской точку зрения, профессор из Беркли М. Малиа подчеркивает, что глобальные потрясения 11 сентября «снова вернули Россию в игру и сделали ее нашим союзником» и не следует считать поворот президента Путина «очередной потемкинской деревней»[1]. Это серьезный поворот петербуржца, и залогом стабильности здесь являются тесные связи российского президента с премьером Блэром и канцлером Шредером.

Для посла Дж. Мэтлока (дипломатическое сообщество) критерий важности России заключается в способности Москвы укреплять или ослаблять безопасность Соединенных Штатов. «По этому критерию Россия может скорее помочь, чем навредить Соединенным Штатам, а в текущие дни мы нуждаемся в любой возможной помощи»[2]. Отталкивать Россию в посуровевшем для Америки мире — просто безответственно. Профессор Дж. Хаф из университета Дьюка подвергает суровой критике картину, на которой российские генералы «не имеют чувства национальной гордости, профессионализма и заботятся только о личном обогащении». Эта картина не соответствует реальности. Не все помнят, что между провозглашением США свободной страной и избранием на пост президента Дж. Вашингтона прошло много времени — гораздо больше, чем провели в состоянии хаоса русские[3].

Известный английский русолог — англичанин Дж. Хоскинг (Лондонский университет) называет позицию Одома нереалистической и высокомерной. Беда России — в буквальном следовании назидательным советам МВФ. Россия стала укрепляться только тогда, когда после дефолта 1998 г. перестала смотреть в рот западным партнерам. Трудно переоценить потенциал России. «Ее ресурсы обильны, и они еще недостаточно мобилизованы. Россия обладает высококвалифицированной рабочей силой, ее

[1] Odom's Russia: a forum («National interest», Winter 2001/2002, p. 116).

[2] Ibid., p. 117.

[3] Ibid., p. 119.

543

научная и техническая база позволяет решать буквально любые задачи. Это и случится в будущем»[1]. Списывать со счетов такую державу просто недальновидно.

Профессор Колумбийского университета Р. Легвольд уверен, что Россия восстановит, по крайней мере, часть своего могущества. Сейчас Москва спасает единство российского государства, укрепляет государственный механизм, увеличивает базу своей поддержки. Главное: Россия попросту нужна Америке, оказавшейся в сложном положении[2]. Такой же точки зрения придерживаются патриархи американской русистики Дж. Кеннан, Дж. Геддис, Ч. Капчен. Т. Грэм указывает на критическую значимость России в случае осложнения американской политики в отношении КНР. «Создание стабильного баланса в Азии будет осложнено в случае ослабления позиций России в этом регионе... США непосредственно заинтересованы в укреплении позиций России на Дальнем Востоке... Если же американцы будут просто стимулировать рыночные реформы в России, то та скоро попросту уйдет с Дальнего Востока». Вторая зона совместных интересов — Центральная Азия, буфер на пути всех угроз, направляющихся из Южной Азии. «Весомое российское присутствие здесь совпадает с американскими интересами в данном регионе». И в Европе Россия в конечном счете станет привлекательным магнитом для американских и западноевропейских инвестиций. «Если Россия все еще останется за пределами НАТО, то возникнет необходимость в создании новой суперструктуры, включающей в себя Россию»[3].

Чтобы избежать превращения России в изгоя мирового сообщества, в «ничейную землю» между поднимающейся Восточной Азией и Европой, американские специалисты предлагают «создать на самом высоком уровне американо-российскую группу по выработке макростратегии во главе с двумя президентами, где их доверенные полномочные представители будут начальниками оперативного штаба. Нужен механизм для того, чтобы направить обе страны в одном общем направлении... договора для этого не нужно. Нужно американо-российское сотрудничество в ряде проектов вроде раннего предупреждения о воздушном и ракетном нападении, с тем чтобы снизить зависимость от срочных процедур пуска баллистических ракет, и нужна прозрачность в области средств ядерного нападения малой дальности... Следует начать выстраивать новую стратегию «гарантированного взаимного со-

[1] Odom's Russia: a forum («National interest», Winter 2001/2002, pp. 121-122).

[2] *Mcfaul M.* Op. cit., p. 312.

[3] *Graham Th.* Russia's Decline and Uncertain Recovery. Washington. 2002, pp. 77-79.

544

трудничества» — комбинацию минимальных ядерных сил; медленно наращиваемую совместную оборону от нападения с использоваием баллистических ракет; и что важнее всего, такое наделение законным статусом сотрудничества по всем направлениям, какого заслуживают настоящие союзники»[1].

Россию следует поощрить, оказать поддержку в реконструкции своего

собственного регионального формирования посредством углубления Содружества Независимых Государств. Если Россия будет исключена из заглавных образований на Востоке и на Западе, она начнет конструировать собственный центр силы[2]. России следует позволить консолидировать СНГ прежде всего экономически, а Запад может помочь в этом процессе, делясь опытом формирования Европейского союза. При этом СНГ даже при активных усилиях интеграторов останется не более чем конфедерацией. Тогда сближение — а не расхождение — Запада с Россией будет продолжаться. Тогда, по мнению А. Рубинстайна и Н. Петро, «в будущем столетии, если демократические институты выживут в России и в западных государствах СНГ, станет возможным для всей Европы в целом постепенно избавиться от наследия биполярной системы противостояния Востока и Запада (с Центральной Европой в качестве буферной зоны) и превратиться в единую зону свободной торговли и безопасности, предусмотренную Хартией для Новой Европы... Россию не следует искусственно изолировать, она должна стать интегральной частью Европы»[3].

Экономическая эволюция бывших советских республик оказалась ошибочной (за исключением, в некоторой степени, Эстонии). В то же время Россия, при всей ее нестабильности, проявила себя главной экономической силой, от которой зависит поступление энергии. Одно лишь это, полагают Петро и Рубинстайн, способно стимулировать реинтеграцию и делать легитимным требование Москвы, что этнические русские, живущие за пределами Российской Федерации, должны рассчитывать на лучшее отношение и что Россия имеет право защищать их права[4]. Новая демографическая перепись должна подтвердить или опровергнуть «цифру в двадцать пять миллионов русских, живущих за пределами России, и тем самым сделать шаг в разрешении споров по поводу права Москвы игнорировать суверенитет других

[1] «International Herald Tribune», April 4, 2002.

[2] *Kupchan Ch.* After Pax Americana. Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity («International Security» Fall 1998, p. 76).

[3] *Petro N., Rubinstein A.* Russian Foreign Policy: From Empire to Nation-State. N.Y., 1997, p. 188.

[4] *Petro N., Rubinstein A.* Op. cit., p. 123.

545

стран и вмешиваться в их дела на стороне этих русских»[1]. Ключевую роль сыграет экономическое развитие всех стран региона. Экономическая самодостаточность будет стимулировать политическую самостоятельность, и наоборот. Россия не будет стремиться к «имперскому восстановлению», ей будет достаточно общего преобладания на прежней советской территории.

Противостоя идеологически зашоренным и геополитически настороженным идейным противникам, сторонники концепции постепенного сближения указывают как на наиболее предпочтительную альтернативу — на открытие для России дверей Европейского союза и Североатлантического союза. Включение России в НАТО способствовало бы трансформации, превращению ее из организации коллективной обороны в организацию коллективной безопасности. Такое развитие событий позволит предотвратить образование новых разделительных линий, предотвратить антагонизацию невключенной в НАТО России[2]. Сторонники этой идеи признают (ради реализма), что в настоящий момент ни ЕС, ни НАТО не готовы к включению в свои ряды кого бы то ни было за пределами Центральной Европы, опасаясь потери эффективности вследствие «размывания» сплоченности рядов. Ч. Капчен полагает, что включение России в НАТО создаст в Европе два балансирующих друг друга центра — франко-германский и Россию, более стабильную геополитическую систему, ослабляющую стремление отдельных стран к превосходству. Заглавные страны в данном случае будут отделены друг от друга значительной земной массой, своего

рода буфером. «Включение России в Европу не приведет к распаду Европейского союза, но может несколько ослабить центростремительные силы... Включение России в Европу должно стать центральным пунктом текущей повестки дня, исключенные из подобных процессов страны всегда стремятся изменить геополитические основания»[3].

Исключить Россию из основных интеграционных процессов значило бы антагонизировать ее в опасной степени. «Ревизионистские государства в развивающемся мире, особенно вооруженные средствами массового поражения, и те, чьи размеры и население делают их доминирующими державами в своих регионах, могут явиться главными противниками статус-кво»[4].

[1] *Bilinsky Y.* Russian Foreign Policy in Search of a Nation.(«Orbis», Fall 1997, p. 648).

[2] *Goodby J.* Europe Undivided: The New Logic of Peace in U.S.-Russian Relations. Washington, 1998.

[3] *Kupchan Ch.* Op. cit., pp. 76-77.

[4] *Hill E., Kennedy P.* Pivotal States and U.S. Grand Strategy («Foreign Affairs», January-February 1996, pp. 33—51).

546

Значительный отклик получило мнение председателя комитета по международным делам американского сената Байдена, который видит в качестве самой большой проблемы будущего — распространение оружия массового поражения, а самым большим «распространителем» — современную Россию. В этом плане для Соединенных Штатов и для Запада в целом нет более важной задачи, чем установление рабочих отношений с Москвой. Именно здесь будет решаться американское будущее, и высокомерное пренебрежение в данном случае неизбежно обратится против самих американцев. Настроенная на сотрудничество часть американского политического спектра, теряя позиции, стремится все же доказать, что в мире будущего игнорирование России принесет Америке только потери.

Сторонники использовать новую дружественность России для обоюдовыгодного сближения указывают, что «возникающее партнерство между .Соединенными Штатами и Россией является самым значительным геополитическим перегруппированием со времен Второй мировой войны»[1]. И американцы достаточно отчетливо представляют себе, что «многое будет зависеть от процессов как внутри России, так и в мире в целом — процессов, находящихся за пределами воздействия Соединенных Штатов. Вызов для Запада в целом, и прежде всего для Соединенных Штатов, заключается в более глубоком понимании происходящих в России процессов, чтобы способствовать переходу России на западный путь, чтобы ощутить вовремя возможную тщету попыток переустройства России для того, чтобы приготовиться к опасности возможного российского коллапса»[2].

Поначалу казалось, что даже в умах самых больших противников России происходили большие перемены. Как писали сами американцы, «Буш и его команда должны теперь воздержаться от чтения лекций Путину о превосходстве политической системы Америки и, вместо этого, сконцентрировать свои усилия на том, чтобы показать преимущества интеграции с Западом... Буш должен возглавить усилия, упрощающие эту интеграцию. Хорошим стартом было бы членство России во Всемирной торговой организации. Действуя еще смелее, Буш должен был бы определить конкретные этапы вступления России в НАТО»[3].

В правительственных кругах США сторонниками новых со-

[1] *Bremmer I.* and *Zaslavsky A.* Bush and Putin's Tentative Embrace («World Policy Journal», Winter 2001/02, p. 47).

[2] *Graham Th.* Russia's Decline and Uncertain Recovery. Washington 2002, p. 80.

[3] Ibid., p. 55.

547

юзных отношений с Россией выступил Государственный департамент и

министерство торговли. Принятие России как союзника встретило в американском правительстве серьезную оппозицию. Сторонником укрепления отношений с Россией и двустороннего партнерства выступил государственный секретарь Колин Пауэл. Он соглашался на создание совместного с Россией органа. В основе этого лежат геополитические причины: «Я не вижу причин, по которым любой будущий лидер России, страны, которой принадлежит только 55% территории бывшего Советского Союза, найдет необходимым вернуться к агрессивной политике»[1]. *Коалиция* ему представляется более перспективной схемой американской внешней политики, чем одиночное плавание. Пауэл нашел весьма стойкого союзника в лице министра торговли Д. Эванса, установившего устойчивые отношения с российским министром экономического развития Г. Грефом. Сторонники вовлечения России указывают, что в новом мировом раскладе сил сегмент России уменьшился весьма значительно, но не абсолютно. Россия все же сохранила немалое из наследия СССР. Вовне — место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Внутри — ракетно-ядерный меч. Это обеспечило для нее свободу выбора пути, образования союзов, формирования партнерских соглашений.

Знамение времени: в палате представителей США большинство высказалось за прекращение финансирования 24 спутников космического слежения, что фактически делает невозможным развертывание системы Национальной противоракетной обороны — роковой вопрос российско-американских противоречий. Прозвучала основательная критика односторонности в сфере стратегических вооружений со стороны как демократов, так и части республиканцев. Так, по мнению У. Перри, «ракетная оборона должна быть *одним из элементов* национальной политики; безоглядное же следование ей вне контактов с программами, препятствующими распространению, способно ослабить, а не укрепить американскую безопасность»[2].

Но госсекретарь Колин Пауэл, ориентирующийся на укрепление отношений с Россией, проигрывает трио Чейни — Рамсфелд — Вулфовиц битву за привлечение России к Западу. Однако весьма значительная часть американского истеблишмента продолжает утверждать, что «интеграция России критически важна для внешней политики США в целом, она должна быть ключевым элементом американской политики в отношении России,

[1] «The New York Times», May 29, 2002.

[2] *Perry W.* Preparing for the Next Attack («Foreign Affairs», Nov.-Dec. 2001, p. 33).

548

поскольку достижение самых важных целей Америки будет зависеть от согласия России участвовать в общем процессе глобализации»[1]. Звучит признание в том, что основная задача Америки не решена. Блокируя ее, Соединенные Штаты «рискуют однажды спровоцировать создание самодостаточного торгового блока от Атлантики до Тихого океана»[2].

7. *ВОЗМОЖНОСТИ РОССИИ*

> Все действия Соединенных Штатов по ограничению распространения ядерного оружия могут быть легко перечеркнуты Россией, если она, к примеру, решит продавать ядерную технологию, боевые системы или расщепляющиеся материалы.
>
> *У. Перри, 2002*

Обидчивость в политике смешна. Если Россия будет упиваться несправедливостью, допущенной в отношении нее, сетовать на несовершенство мира, на жесткость решений, принятых без ее участия, скажем, в отношении НАТО, Боснии, Косова или Ирака, то она останется всего лишь один на один со

своей эмоциональной травмой. Следует признать, что эволюция американской политики произошла не из-за неких антирусских настроений Вашингтона, а в очень большой степени из-за того, что российское руководство пошло на раскол прежней страны, а в дальнейшем не сумело ясно выразить свои собственные интересы, не сумело показать себя стабильным партнером — если уж она стучит в двери Запада. Если уж корабль российского государства уменьшился, тем важнее для него верный компас и карта, определенный курс и четко намеченные цели. Только тогда Россия могла бы предъявить претензии к тем, кто блокирует ее движение в будущее.

Безопасностью не торгуют

Америка может заблуждаться относительно конечной реакции России, получившей представление о том, как к ней относится союзник —лидер глобальной коалиции. *Страны не торгуют безопасностью. Россия вынуждена будет обратиться к усовершенство-*

[1] *Talbott S.* The Battle for Russia's future («Wall Street Journal», September 29, 1997).

[2] *Haslam J.* Op. cit., p. 130.

549

ванию своего ядерного потенциала. Гонка вооружений, замедлившаяся в треугольнике США — Россия — Китай в течение последних пятнадцати лет, неизбежно возобновится практически вне зависимости от того, каково состояние бюджета РФ и каковы технологические сложности КНР. Исследовательско-конструкторские бюро, научные лаборатории ядерных физиков, проектировщики ракетной техники снова увидят свой патриотический долг в предотвращении всего, что могло бы напомнить 22 июня 1941 г.

Возможности России еще достаточно велики — это признают даже определенные противники «слишком быстрого и безоглядного» сближения. По признанию бывшего министра обороны США У. Перри, «все действия Соединенных Штатов по ограничению распространения ядерного оружия могут быть легко перечеркнуты Россией, если она, к примеру, решит продавать ядерную технологию, боевые системы или расщепляющиеся материалы»[1].

В новом раскладе сил сегмент России уменьшился очень и очень значительно. Но не абсолютно. Смятение и слабость пройдут. Россия оправится. И начнет играть в ту же игру, которую ей навязывает Запад. Потому-то с таким вниманием в США следят за российско-китайским диалогом, определяют значимость ролей в колоссальной оси Москва—Пекин. (Напомним не менее чем шоковое впечатление, производимое предложениями типа сделанного в свое время премьер-министром Примаковым — о сближении в пределах треугольника Россия — Китай — Индия.)

Придет время, и российские инвестиции (а не танки) вернутся в Восточную Европу. Этот вариант предполагает сближение со «второй Европой», с теми восточноевропейскими странами, которые очень быстро убедятся, что в «первой Европе» их не очень-то ждут, что экономическая конкуренция — вещь серьезная, что их рынки и ресурсы не вызывают восхищения на Западе. Откатная волна почти неизбежна. Конечно, она не приведет к новому СЭВу, но венгерский «Икарус» и чешскую «Шкоду» ждут только на одном, нашем рынке. Обоюдовыгодные сделки не могут не дать позитивных итогов. В конце концов, работает восточноевропейский цивилизационный фактор, связи полустолетия нельзя рушить с детским восторгом перед красотой крушения. У нас с Восточной Европой примерно равный технический уровень, и мы примерно на равную дистанцию отстали от ЕС. Мы можем дать энергию (газ и нефть), предоставить свой рынок. Прошлое невосстановимо, но оно и не проходит бесследно.

Китай, Индия, Иран — вот первая тройка покупателей рос-

[1] *Perry W.* Preparing for the Next Attack («Foreign Affairs», Nov.-Dec. 2001, p. 33).

550

сийского оружия, держащая на плаву российскую военную промышленность и создающая особые связи.

Даже после реализации Договора о сокращении стратегических потенциалов (подписанного на американо-российском саммите 2002 г. в Москве) через десять лет Кремль будет распоряжаться минимум 1700 единицами ядерных боезарядов стратегической доставки. (Дополнительно складированы будут многие тысячи ядерных боезарядов, способных быстро быть возвращенными в строй.) Это много больше, чем нужно для уничтожения любой цивилизационной инфраструктуры, любой страны, избранной в качестве цели. С момента объявления Соединенными Штатами в декабре 2001 г. о выходе из Договора об ограничении систем противоракетной обороны Россия пошла на модернизацию 200-тонных межконтинентальных баллистических ракет СС-18 («Сатана»), сохраняя их на боевом дежурстве до 2014 г. Ракеты данного типа выбрасывают над районом цели 50 боеголовок, что теоретически ставит перед американской системой Национальной противоракетной обороны пока — и на десятилетия вперед — неразрешимые задачи. Грандиозный ядерный стратегический потенциал России, ее способность быстро мобилизовать феноменальные разрушительные силы средств массового поражения делают вопрос глобального выживания во многом функцией понимания условий этого выживания России. Даже одно лишь ослабление контрольных функций Москвы над своим арсеналом непосредственно и прямо воздействует на судьбы Америки.

Россия приступила к созданию мощного подводного флота нового поколения (подводные стратегические лодки класса «Юрий Долгорукий», вооруженные 16 ракетами стратегического назначения с разделяющимися головными частями). Впереди испытания ракет СС-27 — мобильных МБР на твердом топливе с исключительной точностью попадания.

Изменение нефтяного уравнения

Казалось, что нефтяному могуществу мусульманского мира не может противостоять никто. Между 1990 и 1998 годами страны СНГ снизили уровень добычи с почти 12 млн. баррелей нефти (590 млн. тонн в год), добывавшихся в СССР, до 6 млн. баррелей в день (менее 300 млн. тонн нефти в год). В России добыча нефти пала до 40 процентов уровня 1990 г. Бурение новых скважин почти прекратилось, инвесторы бежали из этой сферы. Только после финансово-промышленного краха 1998 г., после поразительной девальвации рубля Россия сумела привести нефтедобычу в более дисциплинированный процесс, улучшить свое менеджеристское искусство, воспользоваться помощью государства и благоприят-

551

ной конъюнктурой и начать активное инвестирование в эту ключевую по значимости отрасль. «Лукойл» значительно увеличил свой нефтяной поток.

Довольно неожиданно, именно после сентябрьской трагедии в США, Россия и Казахстан (пользующийся российскими нефтепроводами) начали постепенно изменять прежнюю ситуацию, характерную опековской монополией. Осенью 2001 г. обнаружилось то важнейшее обстоятельство, что США и весь индустриальный Запад *могут* хотя бы в некоторой степени ослабить свою исключительную зависимость от арабской нефти: у Ближнего Востока *впервые* стал проявлять себя энергетический конкурент — Россия и ее ближайшие соседи. На мировой арене показали свою мощь российские нефтяные компании. Западные оценки происходящего стали звучать драматически: «Владимир Путин понял, что его страна может захватить «нефтяную власть»[1].

Впервые за 22 года — в феврале 2002 г. Россия вернула себе лидерство среди стран — производителей нефти: 7, 28 млн. баррелей в день. Министр энергетики И. Юсуфов, выступая в Совете Федерации, провозгласил в качестве своей цели «значительно увеличить производство нефти, чтобы захватить господство на мировом рынке и обойти арабских конкурентов». Нефтяная промышленность новой России стала в 2001 — 2003 годах увеличиваться примерно на 30 млн. тонн в год, доводя производство до примерно 400 млн. тонн. Превращение России в действенного конкурента стран Персидского залива могло произойти только благодаря следующим обстоятельствам.

В Каспийском бассейне, по минимальным оценкам, разведаны примерно 70 млрд. баррелей нефти — богатейшее месторождение нефти за пределами Персидского залива. На севере Евразии, на северных российских месторождениях забили фонтаны нефти, ослабляющие грозную мощь ОПЕК. Открытые на Каспии месторождения оказались богаче, чем ожидалось. Вторая после «Лукойла» компания «Юкос» увеличила добычу на 17 процентов. Все это дало основания для положительной переоценки экономических возможностей России, (где нефть дает 25 процентов от всего экспорта). В октябре 2001 г. завершилось создание трубопровода, по которому к Новороссийску пошла неожиданно богатая казахстанская нефть. А «Лукойл» и «Юкос» проявили интерес к конкурентному нефтепроводу Баку — Джейхан.

Рост экспорта нефти стал основой положительных макроэкономических показателей 1999—2003 гг., 90 процентов роста ВНП приходится как раз на нефтедобычу. Весь рост нефтедобычи идет

[1] «Reppublica», 09. 04. 2002.

552

на экспорт. Безостановочно работают грузовые терминалы Вентспилса (34 млн. т), Таллина (29,4 млн. т), Клайпеды (19 млн. т), Риги (13,4 млн. т.). Но единственный настоящий нефтяной терминал на этом направлении есть лишь в Вентспилсе, а настоящий мощный нефтеперегонный завод — в литовской Клайпеде. Скоростными методами был создан нефтяной терминал близ Петербурга — выход в Финский залив, — в стратегических целях Россия создала гигантский, уступающий лишь Новороссийску порт Приморск, стоимостью в 2 млрд. долл. Выход на запад российских и центральноазиатских энергоносителей становится грандиозной стратегической задачей.

Нефтяной экспорт одной только России дошел до 4 мбд в 2001 г. — второе место в мире после Саудовской Аравии с ее 7 мбд. В конце 2001 г. Россия заключила стратегически важное соглашение с Европейским союзом о долговременном сотрудничестве в области энергетического сотрудничества. На Россию стало приходиться 16 процентов нефтяного импорта ЕС.

Прямую и косвенную помощь конкурентам Персидского залива стали оказывать западные компании, заключившие крупные сделки в России и в странах Каспийского региона. Наконец, стали ощутимы западные инвестиции. В октябре 2001 г. « Экссон-Мобил» объявила об инвестировании 4 млрд. долл. на протяжении пяти лет в добычу нефти на Сахалине. «Бритиш Петролеум» тоже. Среди западных компаний на максимальную долю региональных запасов, а также на нефтепроводы претендует английская компания «Бритиш Петролеум» (она масштабно инвестировала в сахалинские месторождения), итальянская «ЭНИ» и американская «Шеврон Тексако». Именно они устремились на казахстанские месторождения, которым, судя по всему, принадлежит более 70 процентов нефтяных запасов Большого Каспия. Разрабатываемое итальянской компанией «ЭНИ» богатое месторождение Кашаган выйдет на полную мощность в 2008 г. Россия намерена перекачивать кашаганскую нефть по своим трубопроводам в Новороссийск, но «ЭНИ» и правительство Казахстана контактируют с иранцами

для проведения самого короткого нефтепровода в направлении Персидского залива.

Российские нефтяные компании завязали рабочие отношения с «Экссоном-Мобилом», «Коноко», «Амоко», «Ройял Датч-Шел», «Холибертоном» и другими западными компаниями, уже измеряя ширину нефтяного потока с Сахалина. Французская «Монд» задает вопрос: «Не сможет ли Россия потеснить Саудовскую Аравию с места привилегированного нефтяного партнера Вашингтона?»[1]

[1] «Le Monde», 18 mars, 2002.

553

Российское руководство оценило новые возможности, связанные прежде всего с новыми источниками Каспийского бассейна. Нефтяные богатства Прикаспия оказались фантастическими. Лондонский «Джейнс форин рипорт» в марте 2002 г. пришел к выводу, что «каспийские резервы могут оказаться критически важными для глобального снабжения энергоресурсами». Весь каспийский шельф реально обещает дать 75 млрд. баррелей нефти — много больше прежде скептических оценок. Страны СНГ реально могут между 2002 — 2006 годами увеличить свой экспортный поток, как минимум, на 2 млн. баррелей в день.

В одной только российской части каспийского шельфа новое месторождение оценено в 5 млрд. баррелей. В Казахстане месторождение Кашаган оценивается в 50 млрд. баррелей. Президент Путин совершил поездку по странам региона, стремясь создать нечто вроде каспийского ОПЕК, руководимого Россией. Путин интенсивно обсуждал проблему с руководством Казахстана, Азербайджана, Узбекистана и Туркменистана. Минимальное согласие было достигнуто со всеми; азербайджанцы хранили настороженность, а три среднеазиатские республики продемонстрировали готовность войти в картель.

Складывается впечатление, что Россия и Казахстан могут самым впечатляющим образом увеличивать добычу и экспорт нефти во все ближайшие годы. Уровень производства нефти в концу 2002 г. достиг 7,23 млн. баррелей в день, что на 4 процента выше уровня 2001 г. Топливно-энергетический комплекс и развитие инфраструктуры, прежде всего транспортной, должны стать ключевыми направлениями сотрудничества между странами Центрально-Азиатского региона.

Но основной прирост добычи российской нефти в период до 2020 г. падает на Восточную Сибирь — месторождения Красноярского края, Иркутской области и Республики Саха. Суммарный прирост добычи нефти в России к 2020 г. составит примерно 105 млн. тонн. Российская компания «Транснефть» намерена построить нефтепровод для транспортировки российской нефти в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Речь идет об уникальном проекте колоссального по протяженности нефтепровода, создании выносных причальных устройств для приема танкеров грузоподъемностью до 300 000 тонн. В Азиатско-Тихокеанский регион будет экспортироваться 50 млн. тонн российской нефти. Речь идет о поставках в регион, где потребляется 27,8 процента общемирового потребления, где ежегодное потребление между 2000 и 2020 годами увеличивается на 9 процентов в год. Общая протяженность трассы нефтепровода Ангарск — Хабаровск — Находка составит 3765 км, и эта золотая жила должна оживить российский Дальний Восток.

554

По прогнозу аналитической фирмы «Стратфор», Россия через несколько лет обойдет Саудовскую Аравию как экспортер нефти. По американским оценкам, «ключом к созданию картеля является потенциал увеличения добычи. Предполагается, что к 2012 году на Каспии будет добываться и экспортироваться

7 млн. баррелей нефти в день, что примерно равно нынешним показателям экспорта входящего в ОПЕК нефтяного гиганта — Саудовской Аравии. Нельзя исключить возможность того, что Путину удастся убедить бывших сателлитов России в необходимости сообща извлечь большую пользу на мировом рынке»[1].

Российские нефтяные компании начали бурить нефть в Алжире, Судане, Ливии. В Восточной Европе крупнейшая российская нефтяная компания «Лукойл» приобрела заводы по нефтепереработке на Украине, в Польше, Румынии и Болгарии, приобрела сеть заправочных станций на восточном побережье США. Вторая по величине российская нефтяная компания «Юкос» приобрела контрольный пакет предприятий «Транспетроль» в Словакии. Международное агентство по энергетике оценивает ситуацию так: «Российские нефтяные компании хотят контролировать рынок. Под контролем рынка они понимают контроль над трубопроводами»[2]. Речь идет о грядущей нефтедобыче на острове Сахалин и о транспортировке печорской нефти в США через Арктику с помощью танкеров-ледоколов.

Отмечается, что, хотя большая доля российской нефти в настоящее время добывается частными компаниями, Кремль сохранил решающее влияние на уровень ее добычи и экспорта. Опираясь на нефтеэкспорт, Москва получает дополнительное оружие в своей геополитике.

По мнению «Нью-Йорк таймс», «Россия, может быть, уже не является военной сверхдержавой, но она стала за последние годы колоссом в нефтяном бизнесе — явление, имеющее важные политические последствия для Соединенных Штатов и их союзников. Москва уже имеет возможность ограничить способность Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) манипулировать ценами на нефть. Россия может укрепить репутацию ответственного и надежного поставщика энергоресурсов»[3].

«Готовясь бросить вызов Саудовской Аравии как лидеру Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), Россия, — пишет американская газета «Крисчен сайенс монитор», — беспокоится о защите своих растущих экономических интересов в Сред-

[1] Newsweek, April 3, 2002.
[2] «New York Times», April 2, 2002.
[3] «The New York Times», November 30, 2001.

555

ней Азии и на Кавказе, которые вдоль и поперек исполосованы нефте- и газопроводами — и где могут быть проложены новые потенциально прибыльные маршруты»[1]. По американским оценкам, Москва «встала на путь превращения в следующий Хьюстон — глобальную столицу энергодобычи»[2]. Канадская газета назвала президента Путина «нефтяным царем мира».

Российский прирост в объеме дополнительного миллиона баррелей в день пришелся на период, когда саудовский экспорт замер на уровне 2000 г., а нефтедобыча Персидского залива вступила в период стагнации. В феврале 2002 г. Россия обошла Саудовскую Аравию по добыче нефти и стала крупнейшим ее производителем в мире. Все это позволило с определенными оговорками сделать вывод, что у Запада впервые за многие десятилетия появилась подлинная альтернатива глухой зависимости от арабской нефти. Проарабский ОПЕК впервые встретил конкурента в деле снабжения главных мастерских мира энергией. При этом позиция России, вошедшей в Антитеррористическую коалицию, оказалась противоположной саудовской, что придает *особый*, стратегический вес ее нефтепроводам.

15 ноября 2001 г. картель ОПЕК начал войну против России, второго крупнейшего экспортера нефти в мире, по поводу квот сокращаемого экспорта нефти. Раздражение ОПЕК в отношении России было очевидным. Маневры

России в отношении ОПЕК объясняются, помимо прочего, ясно обозначившимся желанием России войти в Запад, использовать сложное положение западной промышленности визави ОПЕК для общего сближения России с западным миром, увеличить свою долю на мировом нефтяном рынке.

Имея в виду пользу как экономическую, так и политическую, Соединенные Штаты размещают в данном регионе свои вооруженные силы и посылают военных советников в Грузию. «Ни для кого в Каспийском регионе не является тайной, что Грузия имеет большее отношение к маршрутам транспортировки нефти, чем к охоте на Усаму Бен Ладена»[3].

Природный газ

В мировом энергетическом потреблении довольно резко растет доля *природного газа*. На газ приходится 23 процента мировых запасов энергии. Уже в ближайшее время газ превзойдет камен-

[1] «Christian Science Monitor», March 19, 2002.

[2] «Washington Post», December 15, 2001

[3] Newsweek, April 3, 2002.

556

ный уголь как источник энергии (24 процента). Перевод сжиженного газа по трубным газопроводам дал новые возможности газу. В условиях роста влияния «зеленых» снабжение газом стало мировым фактором.

По запасам газа чемпионом является уже не Персидский залив, а Россия. Ей принадлежит 32 процента мировых его разведанных запасов. Россия значительно превосходит Иран (15 процентов), Катар (7 процентов), Саудовскую Аравию с Объединенными Арабскими Эмиратами (4 процента), США и Алжир (3 процента). Здесь нет ОПЕК. Вместе с богатой газом Средней Азией (второе после России место в мире) Москва будет иметь в своих руках немыслимый по мощи рычаг. Минимального взаимопонимания России с Ираном достаточно, чтобы Запад имел дело почти с монополистом на газовом рынке, поскольку обильные газом Туркменистан, Узбекистан и Казахстан в значительной степени зависят от российской системы газопроводов.

Западный мир уже ощутил это обстоятельство. Европейский союз покупает 62 процента российского газа (20 процентов импорта ЕС в этом виде сырья). Российское правительство намерено в ближайшие 20 лет *удвоить* свой газовый экспорт в Западную Европу. Германские «Рургаз» и «Винтершаль», итальянская «ЭНИ» инвестируют в российские проекты. «Газпром» намерен построить колоссальный газопровод от полуострова Ямал до германской границы. Итальянская «ЭНИ» совместно с «Газпромом» строит газопровод через Черное море.

Китай, Япония, Южная Корея с большим интересом относятся к месторождениям газа в Якутии, Восточной Сибири и на Сахалине. Огромный растущий рынок Азии дает России новый шанс.

Почти нет сомнения в том, что Россия и Иран будут доминировать на рынках энергии Южной Азии. При этом «Газпром» уже активно сотрудничает с иранскими компаниями. Как полагает Брукингский институт (Вашингтон), «имея систему газопроводов и прочую инфраструктуру, с помощью иностранных инвестиций, увеличения производительности Россия может ответить на растущие требования покупателей газа. Уже осуществив вторжение в Европу, она, вероятно, повторит его в Азии. В 2002 г. Россия является растущей энергетической державой. Она может стать энергетической супердержавой в следующие 20 лет»[1].

С трибуны Мирового экономического форума М. Касьянов выдвинул идею «стратегической энергетической оси». 70 процентов российского

государственного бюджета обеспечивает импорт

[1] *Hill F.* Russia. The 21st Century's Energy Superpower? («Brookings Review», Spring 2002, p. 31).

557

нефти и природного газа. Продавая газ и нефть Западной Европе, Россия может решающим образом ослабить зависимость этого региона от США, владеющих контролем над ближневосточной нефтью[1]. При этом Россия явно отдаляется от ОПЕК. На фоне второй (после 1989—1991 гг.) попытки выйти на союзные с западными отношения фактор нефти обретает едва ли не решающее значение.

В августе 2002 г. министр энергетики Соединенных Штатов Спенс Эбрахам объявил, что Вашингтон финансирует исследование четырех нефтеносных районов в Восточной Сибири с целью определения предположительных запасов нефти и газа[2]. В июле 2002 г. компания «Юкос» отправила первую партию российской нефти в Соединенные Штаты; груз прибыл на терминалы в Техас. Американцы приветствовали эти поставки как способ избавиться от сверхзависимости от нефти Персидского залива[3]. А в октябре 2002 г. около ста представителей нефтяной промышленности двух стран встретились в Хьюстоне (Техас) для обсуждения возможностей двустороннего взаимодействия. В результате Экспортно-импортный банк Соединенных Штатов выделил 100 млн. долл. для закупки оборудования и услуг такими российскими компаниями, как «Лукойл», «Юкос» и «Сибнефть». Было условлено, что государственная российская компания «Роснефть» получит содействие американской «Марафон Ойл корпорейшн» в деле транспортировки российской нефти в Северную Америку. Впервые в истории американский стратегический запас примет российскую нефть[4].

Перспективы

Будущее невозможно выстроить в одной плоскости, слишком сложен наш мир. Москва должна решить, что она может осуществить совместно с Вашингтоном, а чего определенно не может. Если уж не получилось стратегического партнерства в целом, то необходимо определить, какие его отдельные элементы возможны. В целях прояснения перспектив есть смысл выделить крайние точки, зафиксировать экстремальные тенденции.

Худшее, что могло бы произойти, это бездумная ссора России с Западом, легковесная потеря ею авторитета на Западе, по-

[1] *Haslam J.* Russia's seat at the table: a place denied or a place delayed? («International Affairs», N 1, 1998, p. 129.

[2] *Raff A.* U.S. Will Fund Oil Study in Siberia («Moscow Times», August 2, 2002).

[3] «Oil and Gas Journal», August 5, 2002, p. 23-25.

[4] «Oil and Gas Journal», October 7, 2002, p. 27-29.

558

теря ею возможности технологического обновления при помощи Запада, потеря западных инвестиций и кредитов, при том что после включения в Североатлантический союз Польши, Чехии и Венгрии процесс развития НАТО будет, видимо, идти своим путем, автономно, независимо от реакции Москвы.

Первый вариант развития отношений между Россией и Соединенными Штатами видится как торжество американской русофилии и российского западничества. В политике всегда полезнее плыть вместе с лидером, а не против него. Поэтому будет проявлено стремление добиться соглашения с США хотя бы по возможному минимуму. Ведь Россию со Штатами связывает достаточно многое. Нужно вернуться к конструктивному диалогу хотя бы в ограниченных рамках: подтвердить заинтересованность в ООН, в ядерном нераспространении, сходство позиций на ряде региональных направлений.

Россия никак не реагирует, не предпринимает специальных инициатив, соглашается на все действия мирового региона-лидера, передоверяет фактически

свою безопасность другим. Этот путь уже глубоко освоен в период Шеварднадзе — Козырева, он соответствует идеализму многих западников, он не требует дополнительных усилий и лишних затрат. Возможно, он соответствует менталитету части общества. По рекомендации Америки Россию приглашают в Североатлантический союз, предоставляют права ассоциированного члена Европейского союза, принимают в Организацию экономического сотрудничества и развития (клуб 30 наиболее развитых стран мира), приглашают на саммиты большой «восьмерки». Проблема Калининграда смягчается, визовые барьеры между Западом и Россией понижаются; формируется определенная степень таможенного взаимопонимания, позволяющего хотя бы некоторым отраслям российской промышленности занять нишу на богатом западном рынке. Осуществляется главное, чего желали отчаянные западники 1988—1993 годов: союз западного капитала и технологии с российской рабочей силой и природными ресурсами.

В результате жизненный уровень в России (ныне пятнадцатикратно более низкий, чем в США) повышается, интеллигенция пользуется западными стандартами свободы, в России впервые в текущем веке возникает чувство защищенности и (что бесценно в стране с нашим менталитетом) приобщенности к мировому прогрессу и лидерству. Сбывается мечта Петра, Сперанского, Пестеля, Чаадаева, Милюкова, Сахарова: Россия входит в мир Амстердама, и входит не как квартирант, а как полноправный союзник, участник, составная величина Большой Европы от Владивостока до Сан-Франциско. Чтобы не было мировых войн, чтобы объединился христианский мир, чтобы пятисотлетняя революция За-
559
пада, возглавляемого в двадцатом веке Соединенными Штатами, включила наконец в себя — а не подмяла — Россию.

Стоит ли детально говорить о сложностях реализации данного проекта? Эту сложность ощутили на своих плечах все вышеупомянутые деятели русской истории — от императора Петра до академика Сахарова. Не будем говорить об особом человеческом менталитете, иной культуре, религии, традиции, цивилизации. Скажем о Западе: практически невозможно представить себе охотное приглашение России в НАТО, ОЭСР, ЕС и т.п. Этого не хочет Запад, как бы ни бились в истерике западники козыревского набора. И шенгенские визовые правила не будут изменены ради въезда российских пролетариев умственного и физического труда — слишком велико напряжение собственного социального котла с 18 млн. безработных. И инвестиции западных фирм не польются в криминализированный мир русского полубеззакония, где коррупция чиновников на всех уровнях и отсутствие поддержки государственных структур отобьют охоту у любого западного или восточного прозелита.

Но не имеющая ясной и привлекательной идеологии, харизматических и упорных лидеров, подобия плана (а не его бюрократической замены-суррогата) реинтеграция на просторах СНГ завязнет в мелочных спорах и в обычной готовности видеть источник своих неудач не в себе, а в соседе. Проза жизни будет заключаться в том, что НАТО, вопреки восточным ламентациям, расширится до Буга и Карпат. При этом Запад, не допуская в свой лагерь, будет все же выдавать России антиаллергены в виде займов МВФ, в виде полудопуска на раунды «восьмерки», в виде давосских шоу, фондов, льготных контактов и т. п. Восточная Европа станет зоной влияния Запада, Украина — полем довольно жесткой битвы, Прибалтика — западным бастионом. Российская тяжелая промышленность опустится на дно, но не оскудеет труба трансконтинентального газопровода, и часть нефтегазодолларов смягчит евразийский пейзаж. Русская интеллигенция разорится (9/10) или уедет (1/10), властителями дум на короткий период станут специалисты по лизингу и маркетингу, а затем воцарится

смягченный вариант компрадорской философии. Материально-морально-идейные различия между двумя столицами и российской провинцией, а не мечты о сверхдержаве станут главной проблемой и темой.

Усеченная, замиренная Россия в границах 1992 г. будет постепенно терять рынки в соседних странах, международное влияние и даже исконную любовь 25 миллионов зарубежных русских, отверженных в странах своего проживания. Россия перестанет быть одним из бастионов мировой науки, она станет бедным потребителем второсортных товаров из Европейского союза, пре-

560

вращаясь постепенно из субъекта в объект мировой политики. Скорее всего, очевидцы не ощутят драмы: погружение будет медленным и, возможно, смягченным западной благотворительностью. Но определенно закроется петровская глава русской истории.

Ожесточение

Очертим другую крайность. *Второй* вариант: ***ожесточение.*** Если Запад не ощутит опасность ожесточения России, в мировом соотношении сил могут проявить себя новые антизападные тенденции. Мечтания российских западников рухнут окончательно. НАТО, таможенные барьеры и визовые запреты встали на пути России в западный мир. Логика западной политики фактически предполагает отторжение России в северную и северо-восточную Евразию.

Что остается России? Профессор стратегических исследований Колледжа армии США С. Бланк приходит к выводу: «Лишенная обещанной ранее зарубежной помощи, потрясенная незавершенными преобразованиями внутри, Россия, если подходить к делу реалистически, едва ли готова продолжать следовать самоубийственному рыночному романтизму. Движимая внутренними процессами, Россия отвергнет предназначенное ей «место» в новом мировом порядке и тем самым поставит под сомнение стратегию Запада»[1].

России придется устраивать свою судьбу собственными усилиями, мобилизуя как оставшееся влияние в рамках СНГ, так и за счет поиска союзников вне элитного западного клуба — прежде всего в Азии, в мусульманском, индуистском и буддийско-конфуцианском мире. В этом случае Россия снова восстанавливает таможенные барьеры с целью спасения собственной промышленности. С той же целью она просто обязана будет заново выйти на рынки своих прежних советских потребителей в Средней Азии и Закавказье и, по мере возможности, в восточнославянском мире. Прежние военные договоры с Западом потеряют силу. Парижский договор 1990 г. о сокращении обычных вооружений будет восприниматься как величайшая глупость всех веков. (Ведь Горбачев подписал его, уже загоняемый Ельциным в угол, едва ли не в состоянии стресса. И главное — подписал его в связке с Хартией о новой Европе, *безблоковой*, свободной, стремящейся к единству. Где эта Хартия? Почему блок НАТО существует и расширяется?) Россия восстановит способность массового выпуска стратегических ракет с разделяющимися головными частями, создаст новые закрытые города, мобилизует науку. Ростки феде-

[1] *Blank S.* Drift and Mastery («European Security», Autumn 1997, p. 2).

561

рализма увянут, окрепнет унитарное государство с жесткой политической инфраструктурой, что предопределит судьбу прозападной интеллигенции.

Сценарий *конфронтации* предполагает мобилизацию ресурсов с целью сорвать строительство очередного санитарного кордона. Стране не привыкать к очередной мобилизации — это почти естественное состояние России в двадцатом веке. Потребуется автаркия, подчеркнутая внутренняя дисциплина, плановая (по крайней мере, в оборонных отраслях) экономика, целенаправленное

распределение ресурсов. Для внешнего мира наиболее важным было бы укрепление военного потенциала страны, энергичный выход на внешние рынки (в том числе и на рынки стран, обозначенных американцами *изгоями).* Интенсифицируются усилия по формированию военного блока стран СНГ, пусть и в ограниченном составе, осуществится координация действий стран, оказавшихся за «бортом» НАТО, причем не только из СНГ. Шанхайская «шестерка» обретет внутреннюю логику. Американцы почувствуют себя неуютно в Центральной Азии — возобновится военное сотрудничество с потенциальными конкурентами Америки, со странами, далекими от симпатий к Западу. Россия прекратит создавать моноблоки, увеличится число ракет, оснащенных разделяющимися головными частями — мобильных, базирующихся в трех средах.

Этот курс предполагает и попытки нахождения более расположенных к сотрудничеству стран Запада, использование «германского актива» политики России, равно как и англо-французского опасения германского могущества. Активизация европейской политики не может не дать результатов, это — проторенная дорога российской дипломатии: Петр нашел союзников против шведов, Елизавета успешно участвовала в «семилетней войне». Екатерина, обеспечив благосклонность Вены, утвердилась в Новороссии. Она создала Северную лигу. Она обеспечила жизнеспособность родившихся Соединенных Штатов созданием Лиги вооруженного нейтралитета. Александр Первый и дружил с Наполеоном (Тильзит), и создал большую антифранцузскую коалицию. Весь XIX век Россия дружила с Пруссией-Германией, в XX веке поставили на Антанту против центральных держав. С 1941 г. Советская Россия вместе с Британией и США успешно противостояла всей объединенной немцами Центральной и Западной Европе. Регион-сосед никогда не был и не является сейчас монолитом. Речь не идет о противопоставлении одних государств другим, но в политике, как и в жизни, нет статики, а происходящие изменения почти неизбежно порождают возможности. Воспользоваться ими — обязанность дипломатии России.

Главная цель этих усилий заключается в том, чтобы показать серьезность обеспокоенности страны, на чей суверенитет много-

562

кратно посягали в ее истории. Пусть Запад взвесит плюсы и минусы введения в свое лоно нескольких держав, которые уже и без того находятся в западной зоне влияния. Если, скажем, Франция не считает свое членство в Североатлантическом союзе достаточной гарантией своей безопасности и параллельно развивает независимые ядерные силы, то почему Россия, двукратная спасительница Франции в нашем веке, должна положиться на судьбу, не раз ее подводившую?

Отторгнутая Западом Россия укрепит связи с жаждущими военного сотрудничества Ираном, Ираком и Ливией, но глобально будет строить союз с Китаем, допуская товары китайской легкой промышленности на российский рынок, модернизируя тяжелую и военную промышленность своего крупнейшего соседа, чей ВНП в течение пятнадцати грядущих лет, если экстраполировать современные тенденции, превзойдет американский. Определенную склонность к координации макрополитики показала Индия, еще один гигант XXI века. Такое сближение бывшего «второго» и «третьего» миров создаст новую схему мировой поляризации при том, что больше половины мировой продукции будет производиться не в зоне Северной Атлантики, а на берегах Тихого океана.

Надо ли подчеркивать, что для России этот вариант будет означать ренационализацию промышленности, воссоздание внутренних карательных органов и формирование идеологии, базирующейся на сопротивлении эксплуатируемого Юга гегемону научно-технического прогресса — Западу.

Рационализация противостояния не займет много времени, состояние национальной мобилизации и мироощущение осажденного лагеря — привычный стереотип для России двадцатого века. Запад будет отождествлен с эксплуатацией, безработицей, коррупцией, криминалом. Неоевразийство будет править бал, резко усилится тихоокеанская обращенность, ориентация на евразийскую дисциплину, а не на западный индивидуализм. Россия будет всматриваться не по-дилетантски в китайский опыт, постигая суть успеха этого уверенно (в отличие от России) догоняющего Запад региона. Пекин, который ныне, словами английской «Файнэншл таймс», «очень глубоко озабочен новым курсом России и, в особенности, тем, что она терпимо относится к присутствию американских вооруженных сил в Средней Азии, на западном фланге Китая»[1], получит свободу рук в Южно-Китайском море, а граница по Уссури — Амуру — Казахстану будет признана окончательной.

Японские сборочные заводы появятся во Владивостоке и Хабаровске. Фаворитом Москвы будет Сеул. Российско-китайско-японско-южнокорейские компании приступят к последней кла-

[1] «The Financial Times», April 15, 2002.

563

довой мира — Сибири. Усилятся связи с Латинской Америкой, еще одной жертвой Запада. Не вызывает сомнения, что Россия в состоянии сделать много такого, что не может не подействовать на западные державы, не может не вызвать у них новые мысли, сомнения, обеспокоенность, тревогу, недовольство, страх, желание взвесить «за» и «против» нового российского курса (и как части его — военного строительства). Ясно выраженное недовольство может быть обозначено в рациональных терминах и передать суть обеспокоенности страны, отодвигаемой на обочину мирового развития.

Единовластный лидер всегда порождает фронду, стремление коллективными усилиями сдержать его сверхмощь. Это относится во многом к старым европейским державам, одна история которых взывает к самоутверждению. Еще очевиднее ситуация с «обиженными историей» азиатскими державами, в своей истории входившими в ранг первостепенных субъектов мировой истории. Главные среди них — Китай, Индия, Иран — определенно ощущают одиночество, находясь в достаточно сложном положении и окружении. Союзные связи с Россией здесь приветствуют. Желает ли Запад видеть Россию арсеналом и дипломатическим союзником Востока?

Да, российский военный бюджет составляет всего 8 млрд. долл., но не стоит забывать, что ядерное оружие — это, в сущности, оружие бедных. Решение Вашингтона выйти из Договора по ПРО так или иначе развязывает руки России. Диапазон мер сохранения российских средств, гарантирующих национальное выживание, достаточно широк. «Даже если современная НПРО продемонстрирует 90-процентную надежность в ходе полевых испытаний, это еще не будет гарантией того, что создаваемая противоракетная система будет соответствовать реальной угрозе. Творцы американской политики должны понять фундаментальные ограничения оборонительной системы (так же как это поняли их предшественники и вынуждены были осознать ограниченность противовоздушной обороны против вооруженных ядерным оружием бомбардировщиков)... невозможность защитить себя от крылатых ракет или налета бомбардировщиков, не говоря уже о более совершенных средствах доставки»[1].

Фактом, который не следует недооценивать, является то, что наш арсенал спасения, оружие самообороны, способность второго удара при любом повороте событий сохранят свою действенность еще минимум на десятилетие. Никакая противоракетная система не сможет в грядущие 10—15 лет остановить

убийствен-

[1] *Peny W.* Preparing for the Next Attack («Foreign Affairs», Nov.-Dec. 2001, p. 40).

564

ную контратаку. Как полагает, скажем, бывший военный министр США, Россия «может использовать технические и тактические контрмеры, такие, как фальшивые боеголовки, глушение радаров, радиоактивное ослепление радаров, — все это позволяет обойти американскую НПРО... Создать противодействие (российскому ответу) будет не просто. Эта внутренняя уязвимость воздушной и ракетной оборонительной системы является проблемой (американской стороны. — *А.У.),* которая *никогда* не будет решена»[1]. Колоссальная подъемная тяга российских ракет — прежних жидкотопливных СС-18 и СС-19, а также мобильных МБР типа «Тополь-М» — позволяет установить очень большое число боезарядов вместо нынешних моноблоков.

В Соединенных Штатах полагают, что наиболее тяжелый период для российской военной промышленности пришелся на 1999—2002 гг. — только *половина* запрошенных средств поступила на производственные мощности[2]. В дальнейшем наиболее благоприятный для военной промышленности сценарий выглядит таким образом:

1. Увеличение российских военных расходов с 2,6 процента валового национального продукта РФ в 1999 г. до 6—6,5 процента в 2005 г.

2. Сокращение численности вооруженных сил с 1,2 млн. военнослужащих до 550 тысяч.

3. Радикальное изменение приоритетов государственного бюджета в пользу исследований и разработок, направленных на создание нового поколения вооружений и поддерживающих технологий[3].

В период 2010—2020 гг. произойдет качественный переход на новый тип ведения боевых действий. Разумеется, происшедшее в 1990-е годы ослабило российские позиции. Но в двух из пятнадцати критически важных сфер Россия (по оценке американцев) сохранила творческий потенциал — уникальные ядерные технологии и лазерное оружие[4]. Чтобы сохранить статус великой военной державы, Россия должна, *во-первых,* приложить согласно плану на 2001—2010 гг. чрезвычайные усилия, добиваясь прорывов в остальных из 15 критически важных отраслей, сохраняя ядро научно-оборонительного потенциала. *Во-вторых,* необходима переориентация на эффективное оружие будущего.

[1] *Peny W.* Preparing for the Next Attack («Foreign Affairs», Nov -Dec 2001, p. 39).

[2] *StaarR.* A Russian Rearmament Wish List («Orbis», Fall 1999, p. 606).

[3] Независимое военное обозрение. Февраль 5—11, 1999.

[4] *Staar R.* A Russian Rearmament Wish List («Orbis», Fall 1999, p. 607).

565

Государственный заказ на период 2001—2004 гг. составит 22—24 процента военного бюджета, а расходы на научно-исследовательские проекты и разработки за этот период составят 43 процента военного бюджета[1].

Предположительно основные военные расходы произведут следующее.

1. Серийное производство межконтинентальной баллистической ракеты «Тополь-М-2» (по натовской классификации СС-27.)

2. Новая ракетная ядерная система тактического назначения радиусом действия до 400 км.

3. Миниатюрные ядерные боеголовки до 100 кг.

4. От 10 до 16 стратегических подводных лодок класса «Юрий Долгорукий», вооруженных баллистическими ракетами SS-NX-28, каждая из которых будет вооружена 16 ракетами, оснащенными мирвированными боеголовками, имеющими от 16 до 96 боезарядов[2]. .

Перспективные военные исследования и разработки включают в себя

следующее:

1. Оружие направляемой энергии[3].

2. Плазменное оружие, способное ионизироать атмосферу, уничтожая входящие в нее ракеты.

3. Новый радар, распознающий самолеты-невидимки «стелс».

4. Не распознаваемые радарами крылатые ракеты.

5. Противосамолетная система С-400; покрытые плазмой самолеты пятого поколения с технологией «стелс»[4].

Осуществляя примерно указанное и участвуя в современной революции в военном производстве, Россия, как полагают некоторые американские исследователи, сможет «обойти Соединенные Штаты, не говоря уже о Китае и других потенциальных противниках, производя новый «эффект Спутника»[5].

Ограничители

Более полная реализация этого сценария потребовала бы жесткой политической воли; готовности населения; материальных жертв и адекватных физических ресурсов. Именно последнее делает практически невозможным активное реагирование в ответ на расширение НАТО. Предел ставит та экономическая катаст-

[1] Независимое военное обозрение. Февраль 5—11, 1999.

[2] «Комсомольская правда», 7 августа 1997 г.

[3] «Comparative Strategy», №2, vol. 13, 1994.

[4] Независимое военное обозрение. Февраль 5—11, 1999.

[5] *StaarR.* A Russian Rearmament Wish List («Orbis», Fall 1999, p. 610).

566

рофа, которая постигла страну в течение десятилетия т. н. либеральных реформ. Валовой внутренний продукт России сократился на 55 процентов. Инвестиции в российскую экономику сократились на 73 процента. На 84 процента сократились расходы на военную промышленность. В 1990 г. ВВП России составлял 5 процентов мирового (СССР — 8,5 процента.) На долю РФ ныне приходятся 20 процентов валового национального продукта СССР 1990 г. и чуть больше 1 процента мирового валового продукта.

Согласно обсуждавшимся в Кремле в 2002 г. планам «догнать» наименее экономически развитого члена Европейского союза— Португалию, советник президента по экономическим проблемам Ларионов указал, что для этого понадобится не менее 15 лет феноменального, немыслимого экономического роста в 8 процентов в год. Практически это означает, что первая половина наступившего столетия *не будет* временем сближения основных экономических показателей Российской Федерации с «золотым миллиардом» Запада. На этом фоне следует напомнить о неуклонном лидерстве США в технологической революции и тот факт, что валовой национальный продукт современной России составляет 5 процентов валового продукта США. Две стороны все более переходят в совершенно разные весовые категории.

Более и хуже того, на горизонте появились четыре всадника Апокалипсиса: колоссальная утечка капитала из страны; нарушенный механизм государственного управления, ведущий к сепаратизму; массовая безработица; посуровевшее внешнее окружение.

1. Возможно, *первая* опасность — самая насущная и страшная. Год за годом корыстный слой вывозит свои капиталы за пределы страны, лишая ее стимулятора развития, обращая и без того скудный национальный капитал из средства спасения своей страны в источник процветания заграничных банков и компаний. Какое-то время страна еще сможет продержаться на нефтедолларовом допинге, но наступают сроки расплаты с внешними кредиторами, и неправедный

многомиллиардный исток национального богатства может довести страну до комы. И уж определенно до ненависти к очередному социальному конструкту, позволяющему смертельно опасное валютное кровопускание — отток основной денежной массы.

Напомним, что в годы Великой депрессии каждый отплывающий из США лайнер означал уход из национального рынка одного миллиарда долларов. И президент Рузвельт был вынужден «заморозить» банковскую систему, ввести средства государственного регулирования, чтобы сохранить в стране доллары. В сходных обстоятельствах гордые Британия и Франция отказались вы-
567
плачивать международные долги (мы говорим только о *демократических* странах). Самый убежденный западный демократ вне всякого сомнения закроет национальные границы, если через них — как у России сегодня — *вывоз капитала будет значительно больше ввоза*, что ведет к неизбежному истощению финансовой системы с сопутствующим крахом социальных устоев в финале.

2. Когда Б. Франклин, Дж. Вашингтон и его соратники увидели опасность необратимой самостоятельности штатов, они поступили не совсем конституционно — созвали в Филадельфии совет 55 «мудрецов» и за закрытыми дверями написали новую конституцию, резко усилившую федеральный центр. Теперь в американском национальном пантеоне нет более славных героев—их конституции поклоняются новые и новые поколения американцев. Не меньшая, чем от старой американской конфедерации, опасность исходит от самодовлеющих регионов — субъектов Российской Федерации. Тем больше оснований утверждать, что созданная впопыхах конституция 1993 г. не икона.

3. Наличие безработицы в стране, кричащей о непролазном объеме предстоящих усилий по своему обустройству, — нонсенс. Безработный отец семейства гарантирует деградацию семьи, что в свою очередь ведет к деградации общества. Франклин Рузвельт не моргнув глазом мобилизовал безработных на общественные работы — и Америка гордится дорогами, мостами, общественными зданиями той поры. В России — уникальной стране бездорожья неиспользование готовой трудиться рабочей силы преступно. Тем более если столь нужны новые нефтепроводы и терминалы в Петербурге и многое, многое другое.

4. Возглавлявший комиссию по денацификации Германии американский философ Дж. Дьюи говорил о роковой опасности сочетания двух обстоятельств — краха национальной экономики и национального унижения. Это сочетание возникает в России, когда на ее западных границах воздвигаются новые бастионы НАТО, когда голос страны в ООН игнорируется, когда международные финансовые институты демонстративно выдвигают условия. Россия не просит об особых и льготных условиях. Но она вправе рассчитывать на то, что ее ослаблением не воспользуются слишком легковесные в своих геополитических размышлениях политики. Но если она усомнится в дружественности проводников второй волны расширения НАТО на восток, если она ощутит вызов на Каспийском море, если ее влияние в Европе будет девальвировано, тогда реализуются условия, о которых говорил великий Дьюи, и она усомнится в целесообразности дружбы с Западом.

В новом мире после сентября 2001 г. Россия находится в сложном положении. 145-миллионная страна оказалась изолиро-
568
ванной между миллиардными Западом, Китаем и исламским миром. Милостивая природа дала России важнейшее стратегическое сырье, критически необходимое западному индустриальному миру. На фоне второй (после 1989—1991 гг.) попытки после сентября 2001 г. выйти на союзные с западными отношения

фактор нефти обретает едва ли не решающее значение. Встает вопрос, сможет ли Россия так воспользоваться своим энергетическим богатством, чтобы смягчить последствия исторического падения, открыть глаза на геополитический смысл мировой политики, осуществить реиндустриализацию, воспитать национально чувствительную элиту, обрести надежных союзников, вырастить конкурентоспособных и технологически адекватных производителей, чтобы когда-нибудь в будущем снова войти в ряды тех, кто определяет ход мирового развития?

При имеющемся раскладе сил, даже если учитывать, что россиянам не привыкать затягивать пояса, сугубо силовая реакция России едва ли сулит успех. Зато велика опасность окончательного обескровливания российской промышленности, замедления технологического роста. Если ослабевшая Россия антагонизирует самый влиятельный регион мира, будущее не влечет особых надежд. Объективные обстоятельства диктуют менее воинственное поведение, делают почти обязательной большую готовность к реализации компромиссного сценария. Но, обозревая опыт пребывания в антитеррористической коалиции, судя по отторжению России от основных западных организаций, жесткости после совместной борьбы, одним из вариантов ее будущего является присоединение к огромному незападному миру.

Младший партнер

Тысячу лет назад, в 1095 г., византийский император Алексий Комнин, казалось, нашел верное средство защиты своей империи от терзавших его державу турок-сельджуков и арабов. Он пригласил бороться за Гроб Господень западных крестоносцев. Именно эта «помощь» более всего и подкосила могущество Византии. Вначале крестоносцы расположились на территории Сирии, которую византийцы видели своей сферой влияния. А в 1204 г. крестоносцы вошли в Константинополь, навсегда подорвав могущество великой империи. Избави бог от друзей наших. Желание России быть частью (хотя бы косвенно) совместной с Западом военной машины представляет собой весьма крутой исторический поворот. Во всей актуальности встал вопрос, резонна ли позиция России, решившей помочь американскому гиганту в его мировой вахте? Американцы за поддержку списывают часть долга Пакистана, снимают с него (и Индии) санкции, про-

569

щают долг важной в данной ситуации Иордании, элиминируют долги Польши. А что же Россия? Ведь, что ни говори, она, имея мусульманское население, рискует, она заведомо ослабляет свои позиции на Востоке. Намерены ли американцы списать хотя бы часть российских долгов, предоставить российским (металлургическим и прочим) производителям часть американского рынка, показать солидарность во *взаимной* борьбе с терроризмом?

Можно ли представить себе Россию в едином военно-политическом союзе с Западом? Разумеется, противоречия первоначально кажутся непреодолимыми. России едва ли выгодно таскать каштаны из огня конфликта, подобного афганскому, не имея подлинного права голоса в Североатлантическом союзе. Россия желает своего рода *воссоединения* с Западом после обрыва тех связей, которые так много обещали Киевской Руси, и которые прервала монгольская конница в XIII в. Романовский период сближения был прерван злосчастной первой мировой войной, а затем семидесятилетним идейным противостоянием. Опыт Горбачева — Ельцина разочаровал, но осталась жива надежда. Не забудем отметить, что окончание Россией «холодной войны» сберегло Соединенным Штатам, по западным оценкам, 1,3 трлн. долл[1].

Опасность усеченного суверенитета

Шаги и действия России навстречу США имели свои последствия. Осенью 2001 г. Россия потеряла то, чем владела пять столетий после «стояния на Угре» в 1480 г. Впервые в своей истории после монгольского ига она стала *младшим* партнером в коалиции, в антитеррористическом союзе, ведомом Америкой.

Внутри своего общества американцы очень хорошо знают о жизненной необходимости той или иной степени социальной солидарности. Если же вовне, на мировой арене, они отойдут от солидарности со страной, стремящейся разделить общие ценности и освоить единые цивилизационные принципы, то плата за пренебрежение бедами недостаточно модернизирующейся России может оказаться для США более чем высокой. Основы буржуазной западной цивилизации будут в очередной раз стерты внутри России, ксенофобия и социальное мщение будут править бал в стране с тысячами ядерных боеголовок. «Третий мир» получит озлобленного, решительного и готового на жертвы партнера. И тогда нетрудно предсказать новое, теперь уже ядерное средневековье. В конечном счете, Запад — это менее десяти процентов населения Земли, а принцип *«все люди рождены равными»* рас-

[1] *Colton T.* and *McFaul M.* Op.cit., p. 48.

570

пространился повсеместно. Оставить Россию начала XXI века один на один со своими проблемами недальновидно по любым стандартам.

Созданная в довольно скорые сроки Антитеррористическая коалиция потребовала от президента Буша довольно резкого отхода от прежде демонстративно подаваемой односторонности действий. Но, чтобы наспех созданный альянс обрел устойчивые долговременные формы, требуются долговременные настойчивые усилия и создание новых форм сотрудничества государств (на основе реформированного Североатлантического союза либо на другой организационной основе). Способны ли импровизаторы в Вашингтоне на долговременные настойчивые и конструктивные усилия? Это открытый вопрос. Его решение потребовало бы весьма радикальных перемен в мировидении американской элиты, серьезного обращения к прежде игнорируемым проблемам.

Россия и США на фоне Ирака

Опыт быстрого отчуждения Соединенных Штатов после *огромной* помощи России в войне против Ирака поубавил энтузиазм у тех, кто хотел за счет благорасположения Америки войти в политико-экономические системы Запада. Что дала России готовность помочь Соединенным Штатам в их битве за Афганистан? Появление американских войск в Центральной Азии и Грузии, ревнивое отношение к сближению Москвы с Минском и Клевом. Под вопросом оказался поставленным столь высоко ценимый Россией статус постоянного члена Совета Безопасности ООН — какой в этом статусе толк, если Соединенные Штаты пренебрегли Организацией Объединенных Наций при выборе Ирака как цели и обрушились на эту страну без санкции ООН.

Реакция России на иракскую кампанию Америки весной 2003 г. весьма отличалась от той, что имела место осенью 2001 г. в случае с Афганистаном. Президент Путин назвал военную акцию США против Ирака «огромной ошибкой». Совместно с еще одним постоянным членом СБ ООН — Францией и непостоянным членом Совета Безопасности — Германией, при благожелательной к противникам вторжения в Ирак позиции КНР — Россия *не поддержала* американо-британскую военную акцию против Ирака.

Не может быть двух мнений: суверенитет *всех* независимых государств, от Британии до Ирака (по шкале приближенности к имперскому центру), претерпел ущемление. Стало более ясно, что неоконсерваторы круга Чейни — Рамсфелда —

Вулфовица
571
готовы к крупным авантюрам, даже будучи практически в одиночестве на мировой арене. Имперская логика получила новое *подтверждение* на короткой дистанции, на дистанции одного месяца. Но в дальнейшем перед администрацией Дж. Буша-мл. встали менее легко решаемые задачи:

— Долгосрочное объединение оккупационными войсками или выбором нового азиатского Петэна, иракского варианта Корзая практически невозможно — как и в Афганистане, управлять многонациональной и многоконфессиональной страной лидер одной из этно-конфессиональных фракций *не может*. Отныне шииты, сунниты и курды будут жить собственной замкнутой этнической жизнью (так же, как это происходит с пуштунами, таджиками и узбеками в современном Афганистане).

— Сила, десятилетия сдерживавшая исламский фундаментализм 26-миллионного Ирака, сдерживавшая на основе секулярного подхода партии Баас, исчезла. Победили аятоллы (60 процентов населения того, что прежде было Ираком — шииты) и новый региональный лидер Иран. Ослаблены сунниты региона (а значит, проамериканская Саудовская Аравия), баасистская Сирия и заново исламизирующаяся Турция, чья территориальная целостность на этот раз решительно поставлена под вопрос.

— Во всю силу встал главный взрывной вопрос региона — национальное самоутверждение сорока миллионов курдов, самой быстрорастущей демографически ветви средневосточного населения. Разоружить пешмергу, воюющую уже третье поколение за национальное самоопределение, будет для американцев сложнее деморализованных «федаинов» Хуссейна. Это приводит в крайнее состояние Турцию, готовую в данном вопросе идти наперекор самым близким западным покровителям, поскольку речь идет о собственном выживании турецкого государства в том виде, как его создал Кемаль Ататюрк.

— Обида миллиардного мусульманского мира, испытавшего колоссальное унижение в долине Тигра и Евфрата, — большая плата за мимолетный триумф, за флаг, закрывший голову скульптуре Саддама Хусейна в Багдаде. Словами президента Египта Мубарака, которого едва ли кто-то может назвать антизападным правителем, «Отныне возникнут тысячи бен ладенов».

Что же до России, то ее суверенитет ослаблен этой новой демонстрацией готовности Вашингтона улучшать все, что видится *потенциальной* угрозой геополитическому царствованию США. Конкретно символами этого ослабления является украинский батальон в Кувейте и такие договоренности, как новый договор США с Узбекистаном. В двух ключевых для Москвы точках, на двух суперприоритетных направлениях российской внешней политики укрепляются режимы, более угодные имперскому правле-
572
нию США в мире, более преданно смотрящие в глаза имперского покровителя. Теперь с ними, повязанными войной с Америкой, президент Буш готов иметь дело с большей степенью независимости, чем до иракской войны.

«Стратегическое партнерство» с США — лозунг, желанный прозападному крылу в Москве, но бессмысленный для правящих неоконсерваторов в Вашингтоне. И за огромную помощь в Афганистане Москва не стала ближе Вашингтону; фрондерство же в иракском кризисе заставит американцев, так сказать, «прищуриться» в отношении России еще больше. Ясно одно: и в последующих неизбежных кризисах новый Черномырдин в конечном счете полетит выкручивать руки очередному Милошевичу, а Примаков — новому Саддаму Хусейну, хотя подталкивать тонущую жертву — далеко от самых простых моральных норм.

Первый урок очевиден для очень многих стран: если правило невмешательства во внутренние дела (суверенности) уже не действует, то нужно найти более действенную гарантию менее оспоримого типа суверенности. Речь, естественно, идет об обладании ядерным оружием. Тип суверенности, скажем, Пакистана, завидный. Никто не посмеет «улучшать» его внутреннюю систему по понятной с 1998 г. причине. Это своего рода греческая трагедия — ты стремишься чего-то избежать, но своего типа рок влечет тебя к самому нежелательному итогу. Американцы стремятся избежать ядерной вооруженности ряда стран, но пример бомбимого и сжигаемого Ирака более убедительно, чем что-либо, говорит: не вступай в спор с США, пока они не убедятся в наличии у тебя «финального оружия».

Второй урок касается всех, кого не прельщает даже самое завидное место в новой империи. Собственно, это история и психология всего человечества на протяжении всего исторического пути: номера 2, 3, 4, 5 *всегда* объединялись против номера 1. Так восстанавливалось естественное равновесие сил, которое, как кажется, больше соответствует канонам демократии, свободного изъявления, независимого развития.

Третий урок уже пытался быть извлеченным из Вьетнама, но сознательно был погашен целенаправленными усилиями всех *неприемлющих* итоги Вьетнама — от президента Рональда Рейгана до президента Джорджа Буша-мл. Не ставь себе задачу, которая не по силам никому. Даже такому гиганту, как США, *принципиально не по силам* задача «исправления» всего мира. Этому препятствует культура, прошлое, традиции, гордость двух сотен государств.

Американцы одержали в Ираке формальную победу. Хусейна постигла судьба Бен Ладена — быть гонимым американским государством. Что касается демократического порядка — он не сможет быть установлен, так как эта проблема не решается си-

573

лой. Этому противостоят культура и национальная психика. Мы видим и пример находящегося в состоянии хаоса Афганистана, а ведь ему было так много обещано. Но главная жертва — независимость и суверенитет независимых государств. Со времен Римской империи мир не знал такого посягательства на главное право независимой страны — собственного выбора пути развития. Россия стоит перед выбором: ее действия будут строго оцениваться в далекой заокеанской стране, либо мы восстановим баланс в пошатнувшемся мире. Но Россия оказалась в хорошей компании — французы и немцы на Западе, а китайцы на Востоке ищут ответ на тот же вопрос. В результате Россия в 2003 г. стала более отчетливо выражать свое желание сблизиться с Европейским союзом.

Два полка стратегических сил ежегодно, замена моноблоков на мирвированные боеголовки наряду с пополнением стратегического подводного флота — вот современный способ России сохранить свое стратегическое могущество. В послании президента В.В. Путина в 2003 г. предусмотрено значительное увеличение военного бюджета, то же мы видим и в бюджете 2003 г. При оснащении российских МБР кассетными боеголовками никакая система ПРО еще несколько десятилетий *гарантированно* не обесценит труда создателей оборонительной системы страны 1940— 1980-х годов. В пределах своих границ мы вправе реформировать свой мир без оглядки. Еще несколько десятилетий.

Россия не одинока в этом своем мироощущении. В маргинализации абсолютного большинства мирового населения заключается главный парадокс современного мира: обладающие оригинальными культурными чертами большие и малые государства теряют свою специфичность. Если попытаться проанализировать состояние гордых прежних участников мировой истории, то нетрудно убедиться в общности главного аспекта их мучительного развития:

Россия, Китай и Индия чрезвычайно отличаются друг от друга, но эти различия в потоке исторического развития гасит общая черта — стремление сократить дистанцию, отделяющую их от *Запада*. В этом смысле они (как и большинство других стран Евразии, Латинской Америки, Африки) абсолютно «неспецифичны», а единообразны — потому что подчинены (как безусловной исторической необходимости) решению двух задач: сохранить внутреннее своеобразие (в противном случае ломка структур породит революционные катаклизмы) и сократить разрыв между собой и Западом, поскольку только это может превратить их из объектов мировой истории в ее реальных субъектов. Языки, религии, установления могут быть различными, но направленность усилий одна — сто семьдесят стран Земли прилагают отчаянные усилия, чтобы войти в круг тридцати стран Орга-

574

низации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в круг презираемого, составляющего предмет восхищения и зависти, раболепия и ненависти Запада.

— Никогда не следует *исключать* неожиданно быстрого восстановления сил России. После фактического поражения в Первой мировой войне и после страшных опустошений Второй мировой войны Россия восстала подлинно как птица Феникс. При определенном идейном повороте и трансформации правящих сил жертвенная черта национального характера может проявить себя с удивительной силой. Слабость может уступить место решимости, а что касается мобилизационного развития, то исторически в нем равных России нет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ПЕРСПЕКТИВЫ ГЕГЕМОНИИ

> Доминирующая дипломатическая и военная роль, которую будут продолжать играть Соединенные Штаты в мировых делах, породит озлобление и сопротивление.
>
> *Д. Смит, М. Корбин, К. Хелман, «Переплавляя меч», 2001*

> После того как Афины возглавили греческую коалицию против персидской агрессии — подобно тому, как Соединенные Штаты возглавили коалицию против державы на Востоке — они попытались превратить свое лидерство в гегемонию. Последовавший конфликт разрушил Грецию как политический и военный фактор на все времена.
>
> *«Спектейтор», 15 февраля 1997 г.*

Путешествуя в 1880-х годах по Британии, американский путешественник Роберт Лэйрд Кольер сделал вывод: «Они достигли превосходства. Как нация они в высшей степени эгоистичны и высокомерны. Ни один народ в мире не является столь нелюбимым за пределами своих границ». История знает множество случаев, когда ее герои вовсе не считали себя виновными в ошибках и преступлениях. «Римляне считали славными грабежи парфян; правоверные католики считали справедливым деяния испанской инквизиции; «отцы-основатели» Соединенных Штатов считали рабство экономической необходимостью; боснийские сербы считали справедливыми этнические чистки; умиротворители нацистов считали самым главным

576

«мир в наше время» — урок: чем дольше длится иллюзия зла, тем сложнее от ее избавиться»[1]. А что же относительно «имперских наследников» англичан — американцев? Увы, приходится, отдавая дань реализму, признать падение их популярности.

Смещение командой Буша-мл. фокуса с Аль-Каиды к Ираку чрезвычайно

повлияло на популярность Соединенных Штатов в мире. Престиж Соединенных Штатов уменьшился более чем на 15 процентов в таких странах, как Германия, Франция, Россия, Турция, Бразилия, Нигерия, Иордания. Поразительны и многозначительны перемены в видении Америки самой населенной мусульманской страной — Индонезией — с 75 процентов положительно относящихся до 83 процентов негативного отношения. В таких союзных натовских странах, как Британия, Германия, Франция и Италия, российский президент В. Путин стал более популярным политическим деятелем, чем президент Соединенных Штатов. Поддержка Соединенных Штатов в ключевой стране (в борьбе с терроризмом) — Пакистане опустилась до 20 процентов. Опросы в России и семи преимущественно мусульманских странах указали на растущее чувство угрозы со стороны Соединенных Штатов. Как пишет М. Олбрайт, «я никогда не думала, что придет день, когда Соединенных Штатов будут бояться те, которым США не имеют ни намерения, ни желания нанести ущерб»[2]. Американский политолог М. Уокер приходит к выводу, что «Соединенные Штаты, несмотря на все блага благожелательной гегемонии, так же ныне непопулярны, как когда-то владевшие империей англичане»[3].

Строго говоря, подобное изменение отношения и подобные высказывания приводят американцев в ступор. Их, самую щедрую и склонную *помочь* нацию, упорно не любят (а после войны в Ираке и *сильно* не любят) даже в союзных странах.

А влияние имперского всемогущества на внутреннюю жизнь страны? Как бы ни преподносили благотворные черты американской гегемонии такие ее идеологические лидеры, как Г. Киссинджер, даже они признают: «На Соединенные Штаты ляжет бремя, нести которое бесконечно не могло и не может ни одно общество... Дорога к империи ведет и к внутреннему упадку, потому что посягательство на всемогущество размоет внутренние ограничители. Ни одна империя не избежала пути, ведущего к цезаризму, если только не следовала примеру Британской империи, разде-

[1] «Foreign Affairs», September-October 2003, p. 11.

[2] *Albright M.* Bridges, Bombs, or Bluster? («Foreign Affairs», September-October 2003, p. 6).

[3] *Walker M.* What Kind of Empire? («Wilson Quarterly», Summer 2002. p. 47).

577

лившей свои полномочия еще в самом начале этого процесса. В долго существующих империях каждая проблема превращается в вопрос внутренней жизни, потому что внешний мир уже не обеспечивает необходимого противовеса. И по мере того, как масса вызовов растет и удаляется от исторической внутренней основы, междоусобная борьба становится все более ожесточенной, а насилие всеобщим»[1]. Нетрудно предположить, что США не исключение из мировой истории, что дальнейшее укрепление американской империи способно породить внутренние «обиды» американцев на внешний мир и, что еще более значимо, обиды внешнего мира на державу, взявшую на себя роль верховного арбитра.

Цена процесса индустриализации

Сверхмогущество Соединенных Штатов будет ощущаться на фоне колоссального индустриального подъема в рамках всего мира, который по-новому поставит вопрос о справедливости доли США в распределении мировых ресурсов. Живущие в США неполные пять процентов земного населения пользуются 40 процентами используемых ресурсов. Справедливо ли это? Для ответа на этот вопрос важно учесть то обстоятельство, что *исчезло* преобладание ритма индустриализации по отношению к росту народонаселения.

До начала XXI века процесс индустриализации и экономического развития значительно обгонял рост народонаселения. При утроении за последние

полстолетия населения Земли (с 2, 5 млрд. человек до более 6 млрд.) мировой валовой продукт (МВП) между 1950 и 2000 годами увеличился *почти в семь раз* — с 6 трлн. долл. до 41 трлн. долл. МВП на душу мирового населения вырос с 2500 долл. в 1950 г. до 5750 в 1999 г[2]. Можно привести много примеров общемирового экономического прогресса за последние полвека. К примеру, в 1950 г. в мире было 53 млн. частных автомобилей, а через полвека в десять раз больше — 520 млн. единиц. Рост современных отраслей индустрии и связанные с ним процессы впечатляют еще больше. Скажем, услуги информационной технологии, стоившие 327 млрд. долл. в 1997 г., вырастут втрое — до 1 трлн. долл. в 2008 г[3].

Специально отметим, что основой феноменального экономического броска мировой экономики является исключительно интенсивное *потребление энергии*. При этом источники этой

[1] *Kissinger H.* Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century. New York: Simon and Schuster, 2001, p. 287—288.

[2] *Brown L, Renner M., Halweil B.* Vital Signs 2000. New York: W.W. Norton and the Worldwatch Institute, 2000, p. 71.

[3] The World in 2003. The Economist, London, 2003, p. 102.

578

энергии меняются постоянно. В 1850 г. 90 процентов мировой энергии давала древесина; ее превзошел в 1890-х годах — в качестве главного источника энергии — уголь, доля которого в мировом производстве энергии поднялась до более чем 60 процентов в 1910-х годах. «Царь уголь» был главным источником энергии до 1960-х годов; в дальнейшем его место заняла гораздо легче транспортируемая нефть. (Уголь как источник энергии опустился еще ниже — в 1999 г. природный газ обошел его как источник энергии.) Королевский военно-морской флот Британии в 1908 г. перешел с угля на нефтепродукты, а фордовские конвейеры сделали массовым автомобиль, который вместе с самолетом и тепловыми станциями сделали нефть важнейшим мировым сырьем.

В современном мире на нефть, природный газ и уголь приходятся соответственно 32, 22 и 21 процент от мирового производства энергии. Однако потребляет мировое население энергетические ресурсы крайне неравномерно. Более четверти глобального потребления угля падает на США (26 процентов мировой добычи). Наблюдается увеличение использования угля в Китае, Индии и Японии, но падает в Западной и Восточной Европе, включая Россию которая, как и Англия, прекратила субсидирование добычи угля.

Что касается нефти, то здесь наблюдается ежегодное увеличение ее потребления на протяжении последних полутора десятков лет на 1,2 процента в год. Опять же самый внушительный показатель приходится на США — 18 баррелей на душу населения в год, в Канаде — 13 баррелей, в Западной Европе, Японии и Австралии — 6 баррелей на душу населения в год[1]. Соединенные Штаты потребляют *более четверти мировой нефтедобычи* (Япония — 8 процентов, Китай — 6 процентов, Россия — 4 процента мировой добываемой нефти.) Потребление природного газа в мире растет на 1,9 процента в год — газ заменяет уголь в гигантских силовых генераторах. США потребляют *27 процентов добываемого в мире газа;* Европа — 20 процентов. В обоих регионах наблюдается тенденция еще более масштабно использовать газ.

Ключ к экономическому развитию — *электричество*. В развитых странах (9590 киловатт/час в год на душу населения) электричество на 37,2 процента производится за счет сгорания угля, 6,8 процента — за счет нефти, 16 процентов — за счет сгорания газа; 14 процентов — за счет гидроэлектростанций; 26 процентов — за счет атомных электростанций. В остальных странах средняя цифра потребляемого электричества 6518 киловатт/час в год на душу населения

(уголь — 39,6 процента; гидростанции —

[1] The Worldwatch Institute. State of the World. 2001, New York, 2001, p. 109.

579

22,7 процента; газ — 19 процентов; нефть — 10,7 процента; ядерная энергия — 7,4 процента[1]).

Согласно прогнозу ЦРУ США, потребление энергии вырастет к 2015 г. на 50 процентов[2]. На нефть будет приходиться примерно 39 процентов всех потребляемых на планете энергетических ресурсов. (На уголь придется 24 процента; на природный газ — 22 процента, на атомную энергию — 6 процентов[3].) На нефть и газ, взятые вместе, будут приходиться две трети общемирового источника энергии. Мир будет приближаться к американскому показателю насыщенности автомобилями — 775 автомобилей на тысячу жителей; 52 процента нефти пойдет на снабжение автотранспорта.

Львиная доля потребляемых ресурсов придется на Северную Атлантику[4]. КНР удвоила за 1990-е годы свой ВНП на основе буквально «бешеного» роста потребления энергии — на мировом рынке появился «супертигр», также претендующий на углеродные ресурсы. Потребление энергии между 2002 и 2020 годами в Китае будет расти на 4,3 процента в год — самый интенсивный в мире рост, предполагающий спор за энергетическое сырье ради выживания и подъема экономического уровня.

Экономические лидеры настроены на все более активное использование углеродных носителей энергии. Посмотрим на прогноз министерства энергетики США. Расчетной единицей в нем является общеупотребимая в мировых расчетах единица — т. н. *British thermal unit (BTU),* которая позволяет обобщенно анализировать соотношение основных источников энергии.

Таблица **1. Мировое потребление энергии между 2000 и 2020 годами (в квадрильонах БТУ). Данные за 2000 г. и прогноз на будущее.**

Вид сырья	2000	2005	2010	2015	2020
Нефть	157,7	172,7	190,4	207,5	224,6
Природный газ	90,1	111,3	130,8	153,-	177,5
Уголь	97,7	107,1	116,0	124,8	138,3

[1] Источник: World Bank. The World in 2003.

[2] The U.S. National Intelligence Council's Global Trends 2015: Excerpts, Commentaries, and Response («Environmental Change and Security Project Report», Summer 2001, p. 60).

[3] Department of Energy. International Economic Outlook, 1999, p. 142—143.

[4] См.: *Adriaanse e.a.* Resource Flows: The Material Basis of Industrial Economies. Washington, D.C.: World Resources Institute, 1997.

580

Вид сырья	2000	2005	2010	2015	2020
Атомная энергия	24,5	24,9	25,2	23,6	21,7

Источник: *U.S. Department of Energy. Washington, 2001, A2.*

В течение грядущих двадцати лет потребление нефти увеличится не менее чем в полтора раза; потребление газа — вдвое, угля — как минимум на 40 процентов. Наибольшую значимость приобретет нефть. В последние годы мировая потребность в нефти росла на 1,5 — 2 миллиона баррелей в день (мбд.) По оценке министерства энергетики США, проекция на будущее предполагает рост потребления нефти с 77 мбд в 2002 г. до 120 мбд в 2020 г[1]. Потребление ее крайне неравномерно. Американская и западноевропейская зависимость от импорта нефти давно превысила 50 процентов и продолжает возрастать чрезвычайными темпами.

Таблица 2. **Прогноз мирового потребления нефти по регионам (в млн. баррелей в день).**

Регион или страна	2000	2005	2010	2015	2020
Развитый мир	44,9	47,4	50,1	52,3	54,5
США	19,5	21,2	22,7	23,7	24,7
Западная Европа	14,4	14,8	15,3	15,6	16,0
Восточная Европа и бывший СССР	6,0	6,1	6,4	6,6	6,9
Развивающиеся страны	26,2	31,4	37,0	42,9	48,7
Китай	4,6	5,0	6,4	8,1	8,8
Мир в целом	77,1	84,8	93,5	101,8	110,1

Источник: *U.S. Department of Energy. International Energy Outlook 1999, Table A4.*

Самая энергопотребляющая страна мира — США, где автомобильный пробег населения увеличился с 1,5 трлн. миль в 1982 г. до 2,5 трлн. миль в 1995 г. — в более мощных автомобилях. Средний американский (хорошо отапливаемый) дом увеличился

[1] *Morse E.* and *Richard J.* The Battle for Energy Dominance («Foreign Affairs». March/April 2002, p. 18).

581

за последние тридцать лет на треть[1]. Здесь нефтепродукты, как потребительский товар, стоят втрое дешевле, чем, скажем, в Западной Европе. Эксперт Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон) Р. Эйбл заявил на слушаниях в американском конгрессе: «Мы в полном смысле сидим на крючке дешевой нефти и сейчас гораздо меньше, чем когда-либо, способны прийти к разумному пониманию будущего». (Повышение цен на нефть на 2 долл. за галлон означает дополнительное бремя на каждую американскую семью до 2 тыс. долл. в год, 250 млрд. долл. общим объемом — весьма политически рискованное увеличение налогов для любого американского политика[2]). Исключительная зависимость от ископаемых ресурсов таит в себе немало неизвестного и неожиданного.

Критическое обстоятельство: конечность ресурсов

Рост был достигнут лидерами индустриальной экспансии за счет легкого и бездумного обращения с общим достоянием землян — их невосполняемыми *конечными* сырьевыми ресурсами нашей планеты[3]. За последнюю треть XX века человечество потребило *треть* естественных богатств Земли[4]. Нефть, природный газ, уголь, уран — все эти ископаемые интенсивно используются уже значительное время. Соединенные Штаты, напомним, потребляют примерно 30 процентов всех сырьевых материалов, добываемых на нашей планете[5]. Особенно ощутимы потери лесной зоны, рыбных богатств, питьевой воды, горючего. Леса нашей планеты уменьшаются на 0,5 процента в год (что равно всем лесам Великобритании). 70 процентов тропических лесов уже истощены.

Существуют ресурсы, не имеющие эквивалентных заменителей, — прежде всего, это пресная вода, без которой невозможны не только экономический прогресс, но и сама жизнь. Рост населения на Юге и уровня жизни на Западе увеличивает потребность в пресной воде. Пресной воды на нашей планете примерно три процента от общего запаса воды. Потребляется примерно 12 тысяч кубических километров в год, и из имеющихся на планете за-

[1] «Wall Street Journal», January 7, 2000.

[2] *Feldstein M.* Achieving Oil Security («National Interest», Spring 2002).

[3] *Gardner G.* and *Sampat P.* Mind over Matter: Recasting the Role of Materials in Our Lives. WorldWatch Paper, № 144. Washington, D.C.: Worldwatch Institute, 2000, p. 71.

[4] *Klare M.* Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan, p. 18.

[5] Worldwatch Paper, № 144. Washington, D.C.: Worldwatch Institute, December 1998, p. 15.

582

пасов половина уже задействована. Без экстренных мер к середине XXI века вся наличная пресная вода *будет использована*. Водные ресурсы природа разместила в ограниченном числе стран. Нил протекает по территории девяти стран, Меконг — пяти, Евфрат — трех.

Разведанные запасы нефти на планете оценивались в 1 033 млрд. баррелей. Этого объема при современном темпе употребления нефти всего лишь еще на сорок лет[1]. Если же потребление возрастет всего лишь на два процента в год (а именно это предсказывает федеральное американское министерство энергетики), то срок потребления разведанной нефти сократится до 25—30 лет.

Нефтяные ресурсы распределены на нашей планете крайне неравномерно, о чем дает представление нижеследующая таблица.

Таблица 3. **Глобальные резервы и добыча нефти.**

Страна-производитель (по значимости)	Обнаруженные запасы (млрд. баррелей)	Доля запасов (в %)	Производство (млн. бар/день)
Саудовская Аравия	261,5	24,8	9,2
Ирак	112,5	10,7	2,2
Объединенные Эмираты	97,8	9,3	2,7
Кувейт	96,5	9,2	2,2
Иран	89,7	8,5	3,8
Венесуэла	72,6	6,9	3,3
Россия	48,6	4,6	6,2
Мексика	47,8	4,5	3,5
США	30,5	2,9	8,0
Ливия	29,5	2,8	1,4
КНР	24,0	2,3	3,2
Нигерия	22,5	2,1	2
Норвегия/Британия	16,1	1,5	6,0
Общий объем	949,6	90,1	53,9

Источник: *BP Amoco, Statistical Review of World Energy 1999; «Foreign Affairs», March/April 2002, p. 16 — 31.*

[1] BP Amoco. Statistical Review of World Energy 2000. London: BP Amoco, 2000, p. 4.

583

Четырнадцать стран владеют 90 процентами всей разведанной нефти: Саудовская Аравия, Ирак, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Иран, Венесуэла, Россия, Мексика, США, Ливия, КНР, Нигерия, Норвегия, Великобритания. 63 процента мировых запасов находятся на Ближнем Востоке. Пять стран доминируют: Саудовская Аравия, Ирак, ОАЭ, Кувейт, Иран — в их руках две трети мировой нефти. 25 процентов мировых запасов (261 млрд. баррелей) приходится на Саудовскую Аравию. Основные прогнозы говорят об увеличении зависимости западной в целом и американской экономики в частности от нефти Персидского залива.

Таблица 4. **Импорт нефти из Персидского залива между 1997 и 2020 гг. (в млн. баррелей в день — мбд.).**

Импортирующие регионы или страны	1997	2020 (прогноз)	Рост
Северная Америка	2,0	4,1	105%
Западная Европа	3,5	3,7	6%
Китай	0,5	5,3	960%

Источник:U.S. *Department of Energy.* International Energy Outlook 2000. Table 13.

Зависимость Америки от нефти огромна. Нефти собственно в США не более 3 млрд. тонн. Согласно «British Petroleum Amoco», при сохранении нынешнего уровня годовой добычи в 370 млн. тонн ее хватит на 8,5 года. При современном темпе использования собственно американских месторождений (2,8 млрд. баррелей в год) американцы истощат свои национальные месторождения к 2010 г[1]. Даже в отсутствие экономического роста США уже через 6 лет обязаны будут восполнять потребление импортом.

США постоянно диверсифицируют источники нефтяного импорта. Совет национальной безопасности США доложил президенту, что «Венесуэла стала первым заграничным поставщиком нефти и доля Африки увеличилась до 15 процентов импортируемой нами нефти»[2]. Специалисты предвидят нахождение еще от 200 до 1600 млрд. баррелей[3]. При современном ритме по-

[1] *Klare M.* Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan, p. 55—56.

[2] U.S. National Security Council. A National Security Strategy for a New Century. Washington,D.C: White House, October 1998, p. 32.

[3] *Klare M.* Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan, p. 41.

584

требления (73 млн. баррелей в день) таких запасов хватит на шестьдесят лет. Кладовые Земли грозят истощением. При ежегодном росте потребления нефти на 1,9 процента нефть на Земле иссякнет в 2040 году. Уже в третьем десятилетии XXI века человечество начнет ощущать нехватку нефти[1]. Кризис наступит в середине XXI века.

По мере того как старые месторождения истощаются, мировое соперничество растет. Выбор как у индустриальных, так и у развивающихся стран невелик: введение рационирования; субсидирование импорта нефти; задействование стратегических резервов. Или *использование силы*.

Новооткрытые месторождения ценны не только «черным золотом». Параллельно с нефтью здесь располагаются несметные, самые крупные в мире запасы газа. Они исчисляются в 665 трлн. кубических футов — одна восьмая мировых запасов[2]. По долгосрочным международным расчетам, доля нефти в общем балансе мира сократится, но по физическому объему будет примерно такой, как сейчас. В мировом энергетическом потреблении довольно резко возрастет доля *природного газа*. На газ приходится 23 процента мировых запасов энергии. Газ, как было показано выше, превзошел каменный уголь как источник энергии. Перевод сжиженного газа по трубным газопроводам дал новые возможности газу.

В условиях роста влияния «зеленых» снабжение газом стало мировым фактором. Вместе с богатой газом Средней Азией (второе после России место в мире) Москва будет иметь в своих руках немыслимый по мощи рычаг. Почти нет

сомнения в том, что Россия и Иран будут доминировать на рынках энергии Южной Азии. «Газпром» уже активно сотрудничает с иранскими компаниями. Стратегия «Газпрома»: Западная Европа, Северо-Восточная Азия, Восточная Азия. И действовать одновременно. Брукингский институт (Вашингтон) приходит к выводу, что, «имея систему газопроводов и прочую инфраструктуру, с помощью иностранных инвестиций, увеличения производительности Россия может ответить на растущие требования покупателей газа. Уже осуществив вторжение в Европу, она, вероятно, повторит его в Азии. В 2002 г. Россия является растущей энергетической державой. Она может стать энергетической супердержавой в следующие 20 лет»[3].

А в Северо-Восточной Азии намереваются довести закупки

[1] «Scientific American», March 1998, p. 78—83.

[2] *Klaire M.* Resource Wars. The New landscape of Global Conflict. N.Y.: Henry Holt and Company, 2001, p. 2.

[3] *Hill F.* Russia. The 21st Century's Energy Superpower? («Brookings Review», Spring 2002, p. 31.)

585

энергии до трети мировых. Китай, Япония, Южная Корея с большим интересом относятся к месторождениям газа в Якутии, Восточной Сибири и на Сахалине. Огромный растущий рынок Азии дает «Газпрому» новый шанс. Напомним, что основной прирост добычи нефти в период до 2020 г. падает на Восточную Сибирь — месторождения Красноярского края, Иркутской области и Республики Саха.

Вероятие конфликтов

С полной уверенностью можно утверждать, что удовлетворяющего всех режима эксплуатации сырьевых источников создать невозможно. Почти полное исчезновение идеологических конфликтов неизбежно «выпятило» значимость мировых источников сырья. При этом увеличилась не только чисто экономическая стоимость сырьевых ресурсов, но геостратегическая значимость приобщения к драгоценным ресурсам. Возникающее их истощение ставит проблему борьбы за доступ к жизненно важным сырьевым материалам в конкретную плоскость[1].

Постоянное увеличение мирового спроса, уменьшение запасов сырья и усиление требований и претензий отдельных государств делают мирное распределение мировых ресурсов маловероятным. Рыночные силы создают могучий резонанс локальным конфликтам. Глухие раскаты грома из Сьерра-Леоне, Заира и Боливии — предвестье того, что глобализируется в ближайшие десятилетия. «После Второй мировой войны постоянная погоня за природными ресурсами была скрыта политическими и идеологическими требованиями американо-советского соперничества; окончание этого соперничества более реалистически осветило наличную картину»[2].

Очень существенно то, что изменились параметры стратегического могущества. Еще несколько лет тому назад ядерная стратегическая мощь и могучие союзники были главным мерилом значимости государства в мире. После 1991 г., после глобализационного вихря масштаб экономики вкупе со способностью к технологической инновации стали определяющими параметрами влияния государства в мире. Осуществлять руководство мировым сообществом отныне может лишь динамичная экономика, способная обойти конкурентов в области экономического роста и

[1] *Homer-Dixon Th.* Environmental Scarcities and Violent Conflict («International Security», Summer 1994, p. 5—40.

[2] *Klare M.* Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan, p. 24.

586

обновления, в завладении мировым рынком высокотехнологичных товаров, в их

мировом экспорте. Даже министерство обороны США пришло к выводу, что «национальная безопасность зависит от успешного вторжения в глобальную экономику»[1].

Велик потенциал споров по поводу богатств прибрежного морского дна. Яркий пример — Южно-Китайское море, где в битве за ресурсы дна столкнулись семь государств — Китай, Индонезия, Филиппины, Тайвань, Малайзия, Вьетнам и Бруней.

«Конфликт, — пишет американский исследователь М. Клер, — может возникнуть между государствами, имеющими доступ к жизненно важному сырью или запасам этого сырья, равно как и внутри государств по вопросу о распределении ограниченных доступных ресурсов. По мере того как будут расти цены, конкурирующие группы и элиты в богатых ресурсами странах получат мощный стимул для захвата и удержания контроля над ценными шахтами, нефтяными месторождениями и лесными угодьями. Результатом станет неизбежный конфликт по поводу критически важных ресурсов»[2].

Возможность конфликта увеличивается в свете того факта, что, как бы ни старался Запад диверсифицировать источники своего нефтяного импорта, Венесуэла и Нигерия по многим причинам (в частности, из-за внутренней нестабильности в этих странах) пока не могут найти подлинной замены феноменально богатому нефтью Персидскому заливу. Из этого следует, что стремление доминировать в этом регионе будет лишь расти. Учитывая, что четверть мировых запасов этого драгоценного сырья находится под юрисдикцией Саудовской Аравии, а еще 11 процентов в Кувейте, немудрено, что американцы не имеют желания покидать военные базы, созданные на территории Саудовской Аравии и в Кувейте в 1990 г. — в ходе войны в Персидском заливе.

Стремительно растет важность тех проливов, через которые проходят огромные танкеры с нефтью. Министерство энергетики США выделило шесть «важнейших точек нефтяного транзита», через которые в день провозится примерно 30 млн. баррелей нефти, что составляет примерно 40 процентов потребляемой в мире нефти в целом. Первый — Ормузский пролив, выход из Персидского залива в Индийский океан — 15,4 млн. баррелей в день (мбд). Второй по важности пролив — Малаккский (между Малайзией и индонезийским островом Суматра), соединяющий Ин-

[1] Institute for National Security Studies (INSS.) Strategic Assessment 1999, Washington, 1999, p. 30.

[2] *Klare M.* Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan, p. 20.

587

дийский океан и Южно-Китайское море (9,5 мбд). Третий стратегически важный пролив — Баб-эль-Мандеб (между Йеменом и Эритреей) у входа в Красное море (3,3 мбд). Четвертый — Суэцкий канал, соединяющий Красное море со Средиземноморским (3,1 мбд). Пятый — Босфор, соединяющий Черное море со Средиземноморским (1,7 мбд). Шестой — Панамский канал, связывающий Атлантический и Тихий океаны (0,6 млн. баррелей в день). (Для Японии наиболее важен район Южно-Китайского моря; для Западной Европы — Суэц.)

Стратегия Вашингтона

Недавно раскрытые документы Совета национальной безопасности США показывают, какую невероятно большую роль сыграло стремление администрации Г. Трумэна контролировать нефтяные богатства Персидского залива в начале «холодной войны». Американцы — документ NSC 26/2 за 1949 г. — планировали даже применение на Ближнем Востоке «радиологического» оружия.

В долгие годы «холодной войны» вопрос о доступе к главным (для экономики) ресурсам планеты был волею логики борьбы отодвинут на второй план. И лишь теперь, когда Америка осталась единственной сверхдержавой, подлинным гегемоном мирового развития, проблема *конечных земных ресурсов* заняла первое место в списке приоритетов американского руководства. Внешнеполитическая и военная машина США всей своей мощью развернулась к сырьевым источникам, питающим могучую экономику Запада.

На слушании по своему утверждению в ранге государственного секретаря У. Кристофер — уже после окончания «холодной войны» — заметил, что будет *«продвигать дело экономической безопасности Америки с такой же энергией и стойкостью, с какой мы вели «холодную войну»*[1] (выделено самим Кристофером). Правительство США сделало экспансию внешней торговли и инвестиций стратегической внешнеполитической целью Америки, что, в частности, сказалось в оказании давления на партнеров и потенциальных конкурентов. Кредо американского правительства: «Наши экономические интересы и интересы нашей безопасности связаны между собой неразделимо»[2]. «Современный поворот внимания к ресурсам, — пишет М. Клэр, — представляет собой более чем поворот к прошлому; более всего этот поворот

[1] Department of State Dispatch, January 25, 1993, p. 46.

[2] A National Security Strategy for a New Century. Washington, D.C.: White House, December 1999, p. 21.

588

отражает растущую важность индустриальной мощи и экономических компонентов безопасности»[1].

Выраженное на государственном уровне приравнивание интересов экономики к соображениям безопасности неизбежно повысило интерес мощных американских компаний к конечным земным ресурсам, ибо без постоянного и гарантированного потока природного сырья самая могучая экономика мира рискует замедлить свой бег. Особое значение имеет поток, нефти и газа. «Процветание нашей экономики зависит от стабильности в ключевых регионах, с которыми мы торгуем, которые импортируют товары критической важности, такие, как нефть и природный газ»[2].

После окончания «холодной войны» военно-морской флот США переориентировался на охрану морских коммуникаций страны, тех океанских путей, которые связывают экономику США с общемировой. Адмирал Мэхен снова стал релевантен, об этом заявили новые идеологи Америки[3].

Сразу же после событий 11 сентября 2001 г. президент Буш призвал к большей независимости Соединенных Штатов от импорта нефти — всем было ясно почему, все знают, *откуда* течет этот поток. Двигаясь в собственном направлении, Саудовская Аравия неофициально заявила, что американские военные больше не являются желанными на Аравийском полуострове (о чем сообщила газета «Вашингтон пост» 17 января 2001 г.). Эр-Риад открыто осудил позицию Вашингтона в палестино-израильском конфликте и начал активное давление в пользу подъема цен на свое стратегическое сырье.

Вашингтон внимательно следит за стратегическим треугольником Персидский залив — Каспийский бассейн — Южно-Китайское море. В этом треугольнике добываются 74 процента мировой нефти, и «обойти» его мировому гегемону никак нельзя. Политические амбиции, религиозные распри, стремление овладеть колоссальными нефтяными богатствами владеют этим регионом начиная с 1908 г., когда в Иране были обнаружены первые большие месторождения нефти. Ныне американские официальные лица выступают за американское военное присутствие в регионе и готовы применить силу в случае посягательств на нефтяные богатства региона.

[1] *Klare U.* Resource Wars. The New landscape of Global Conflict. N.Y.: Henry Holt and Company, 2001, p. 7.

[2] Ibidem.

[3] *Peek R.* The Importance of Maritime Chokepoints//» Parameters», US Army War College, Summer 1997, p. 61—74.

589

Военная машина США весьма отчетливо воспринимает эти сигналы политического руководства. Здесь понимают, что «тогда как дипломатия и экономические санкции могут быть эффективными в реализации некоторых экономических целей, *только военная мощь может обеспечить постоянный поток нефти и других критически важных материалов* из отдаленных регионов планеты в случае кризиса или войны. В качестве уникального средства обеспечения экономической безопасности нации вооруженные силы (США) начали систематически увеличивать свой потенциал защиты потоков наиболее важных сырьевых материалов»[1].

Немудрено, что американцы не имеют желания покидать военные базы, созданные на территории Саудовской Аравии в 1990 г. в ходе войны в Персидском заливе, хотя стоимость содержания американских войск здесь значительна — 60 млрд. долл. в год. Вашингтон, безусловно, хотел бы владеть долей контроля над Саудовской Аравией.

Генерал Бинфорд Пей, командующий американскими войсками в Заливе, так определил свою линию поведения в конгрессе США: «Опыт говорит нам, что враждебные нам лидеры уважают лишь военную силу»[2]. Уже в 1995 г. помощник министра обороны США Дж. Най объявил, что Америка «будет готова защищать жизненно важные американские интересы в данном регионе — *односторонне, своими собственными силами,* если это потребуется»[3]. А глава центрального командования США (отвечающего за Ближний Восток и Персидский залив) генерал Э. Зини сказал на слушаниях в американском конгрессе в 1999 г., что «американская жизненная заинтересованность в Персидском заливе имеет долговременный характер... Соединенные Штаты должны иметь свободный доступ в этот регион, где наличествуют 65 процентов мировых нефтяных запасов»[4].

Американцы предполагают три типа угроз своему доминированию. 1) Ирак снова наносит удар по Кувейту и Саудовской Аравии; 2) Иран закрывает пролив Ормуз; 3) в Саудовской Аравии происходит революция. Вооруженным силам США поставлена задача в случае необходимости совладать со всеми тремя

[1] *Klare M.* Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan, p. 9.

[2] *Binford Peay J.H.* Promoting Peace and Stability in the Central Region. Report to the House Appropriations Committee Subcommittee on National Security. March 17, 1997.

[3] Department of State News Briefing. Pentagon, Washington, D.C., May 17, 1995.

[4] *General A.* Zinni. Prepared Statement Before the Senate Committee on Armed Services. Washington, D.C , April 13, 1999.

590

кризисами одновременно. Свою стратегию американцы построили достаточно просто: опираться на Турцию, Саудовскую Аравию, Кувейт, Иорданию, Бахрейн и ОАЭ; противостоять Ираку и Ирану. Главные военные опорные пункты — 27 военных баз в Турции (самая важная — Инджерлик), база Дахран в Саудовской Аравии, одна американская бригада в Кувейте, вторая в Катаре.

Разумеется, речь идет о «нормальном» положении — до обострения зимой — весной 2003 г. — когда в регионе были размещены 65 тысяч американских войск, когда в Персидском заливе уже стояла армада американских судов, частью которой являлись два авианосца. В последующем численность американских войск была доведена до четверти миллиона военнослужащих (плюс 30 тысяч союзников-англичан). Число авианосных соединений дошло до шести (половина

общей численности американских авианосцев). Противоракетные комплексы «Пэтриот» готовы снять любую блокаду Ормуза. В Эр-Рияде американцы фактически содержат огромные силы безопасности, страхующие саудовскую династию. 57-тысячная национальная гвардия полностью вооружена американцами. (Еще в 1981 г. президент Рейган объявил, что США «не допустят» инсургентам свергнуть саудовскую династию[1].)

И исламский фундаментализм желает воспользоваться энергетической зависимостью Запада. Американская военно-воздушная база Дахран, размещенная на Аравийском полуострове, оскорбляет чувства тех, для кого хадж в Мекку и Медину является самым важным событием жизни. Согласно опросу лета 2001 г., палестинская проблема является «наиболее важной взятой отдельно» проблемой для 63 процентов жителей Саудовской Аравии, и примерно столько же арабов этого королевства выразили свое недовольство американским военным присутствием[2]. В сентябре 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне обнаружилась страшная степень решимости воинов джихада и в США (как формулирует известный аналитический центр — Брукингский институт), «напряженность в отношениях между Соединенными Штатами и Саудовской Аравией вызвала стремление освободиться от зависимости от потока ближневосточной нефти»[3].

Важным средством влияния Соединенных Штатов стала продажа оружия странам региона. За период после 1990 г. Вашингтон продал своим союзникам в регионе вооружений более чем на

[1] «The New York Times», October 2, 1981.

[2] *Telhami S.* Understanding the American Oil Strategy («Brookings Review», Spring 2002, p. 35).

[3] Ibid., p. 33.

591

пятьдесят млрд. долл[1]. Были проданы самолеты Ф-15 и Ф-16, танки М-1 «Эбрамс», атакующие вертолеты «Апач», антиракетные комплексы «Пэтриот». США продали ОАЭ самую последнюю модель истребителя Ф-16 — более совершенный, чем находящийся на вооружении армии США. Это самый большой в истории трансфер вооружений.

Все это обеспечило американское доминирование в Персидском заливе — самой важной кладовой мира. И нетрудно предположить сохранение этой стратегии на все первые десятилетия XXI века.

США и Каспий

Стратегический интерес Соединенных Штатов к Каспийскому региону впервые был определенно выражен государственным департаментом в апреле 1997 г. — в специальном докладе конгрессу. В нем говорилось, что США, как главный в мире потребитель энергии, имеют прямой интерес в «расширении и диверсификации» мировых энергетических запасов. Причем интерес не только экономический, но и стратегический, касающийся области безопасности страны. Вероятие неожиданного прекращения движения традиционных потоков энергетического импорта настоятельно требует «содействовать быстрому освоению каспийских энергетических ресурсов для укрепления безопасности Запада»[2]. Через три месяца, выступая в университете Джона Гопкинса (21 июня 1997 г.), заместитель государственного секретаря С.Тэлбот заявил об исключительной американской заинтересованности в независимости и стабильности центральноазиатских республик. «Для Соединенных Штатов чрезвычайно важно, чтобы американские нефтяные компании получили доступ к региону, где расположены не менее 200 млн. баррелей нефти»[3]. Через десять дней, 1 августа 1997 г., президент Клинтон детально обсудил эту тему в беседе с Гейдаром Алиевым, президентом Азербайджана. Американский президент демонстративно пообещал президенту Алиеву поддержку любых планов экспорта

азербай-

[1] *Grimmett R.* Conventional Anns Transfer to Developing Nations, 1990— 1997. CRS Report to Congress. Washington, D.C.:Library of Congress, Congressional Research Service, July 31, 1998.

[2] U.S. Department of State, Caspian Region Energy Development Report, Report to the House International Relations Committee Pursuant to H.R. 3610, April 15, 1997, p. 1.

[3] *Talbott S.* A Farewell to Flashman: American Policy in the Caucasus and Central Asia. Address at the Johns Hopkins School of Advanced International Studies. W., D.C. July 21, 1997.

592

джанской нефти на Запад. Клинтон: «В мире растущих энергетических запросов наша нация не может позволить себе полагаться в энергетическом обеспечении на единственный регион»[1].

Это никогда не бывает случайным словосочетанием у американцев. Когда президент Соединенных Штатов заявляет, что на кону безопасность страны, это фактически означает, что правительство страны практически готово, борясь за свои права, применять силу. Заявление Клинтона не могло быть воспринято легковесно. Через полтора месяца после встречи Клинтона с Алиевым начались военные учения «Центразбат-97» — демонстрация того, что Каспий представляет жизненный интерес для США. Так глубоко в просторы СНГ американцы еще не забирались. Теперь они демонстрировали и волю и решимость. В то же время заместитель помощника государственного секретаря Келлехер и генерал Шихан сопроводили американские войска на учение в Казахстан.

Вторые учения Центразбата прошли в сентябре 1998 г., когда несколько сот американских солдат прибыли из Форта Драм (штат Нью-Йорк) в Ташкент, а затем на базу в Северную Киргизию[2]. В 1999 г. командование подготовки и доктрин создало компьютерную модель Каспийского бассейна для опробования различных сценариев вмешательства вооруженных сил США в дела региона[3]. Речь на американо-азербайджанских переговорах зашла о создании военной базы в Азербайджане[4].

Инерция созданного процесса требует от США установления особых военных отношений с центральноазиатскими странами на территории прежнего Советского Союза. Во всем объеме встает техническая проблема транспортной связи США с регионом. Произошло нечто важное. США руководствуются сугубо эгоистически-национальными геостратегическими интересами. Впервые нынешние союзники по Антитеррористической коалиции оказываются соперниками, находясь плечо к плечу.

В этом плане стоит обратить внимание на оценки собственно американских специалистов: «Стремясь к ослаблению зависимости Запада от Персидского залива, американские лидеры обратили огромное внимание к проблеме использования ресурсов Каспийского моря. Вашингтон увеличил свои военные возможности в данном регионе. Это, в свою очередь, немедленно вызвало оза-

[1] Visit of President Aliev. The White House, August 1, 1997.

[2] www.acom.mil/centraz.nsf/ News on June 21, 1999.

[3] *Myers S.L.* A Modern Caspian Model for U.S. War Games//«New York Times», March 15, 1999.

[4] *Kinzer S.* Azerbaijan Asks the U.S. to Establish Military Base//«New York Times», January 31, 1999.

593

боченность Москвы, которая рассматривала этот регион как традиционную сферу своего влияния. Российские лидеры также прилагают усилия к тому, чтобы обеспечить поток нефти и газа по российским нефте- и газопроводам. Сцена определилась для долговременной силовой борьбы между Соединенными Штатами и Россией»[1]. При этом исследователи отмечают, что речь идет не только об экономических выгодах, но о геостратегических соображениях. В современной ее форме борьба представляет собой «наступление западных интересов, встречающее русских, ведущих арьергардные бои на своем собственном прежнем заднем дворе»[2].

За период 1998—2003 гг. Соединенные Штаты оказали восьми прикаспийским государствам фантастическую помощь — более миллиарда долларов[3]. Более всего получила Грузия (300 млн.), которую Вашингтон считает ключевым игроком. Министерство обороны США оказало помощь в модернизации грузинской армии. Особенное внимание было уделено защите нефтепроводов. То же внимание к энергетике характерно для отношения Вашингтона к Казахстану и Азербайджану (последнему оказала значительную военную помощь союзная с США Турция). Казахстан, в частности, получил от Америки скоростное морское судно для укрепления своего влияния на Каспии. Президент Назарбаев подписал с американским правительством соглашение об обмене офицерами и регулярном военном контакте. Так США становятся «не совсем чужой» силой на Каспии. Представитель Совета национальной безопасности США открыл смысл происходящего так: «Разбить монополию России на контроль над транспортировкой нефти из каспийского региона»[4]. В настоящее время и США и Россия стремятся укрепить свои военные позиции в данном регионе.

Двух обстоятельств — соперничества Москвы и Вашингтона, а также стремления местных режимов извлечь максимум из этого соперничества достаточно для дестабилизации обширного региона. К этому следует добавить собственные интересы Турции и Ирана, общий социальный крах в регионе, усиление межэтнической розни. В результате немалое число специалистов, в частности про-

[1] *Klare M.* Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan, p. 83.

[2] *Pope H.* Central Asia Crisis Forges Tenious Cooperation («Wall Street Journal», September 8, 1999. Klare M. Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan, p. 89).

[3] U.S. Department of State. Congressional Presentation for Foreign Operations. Fiscal Year 2000. Washington DC: Department of State, 1999.

[4] «Washington post», September 22, 1997.

594

фессор М. Б. Олкотт (Колгейтский университет, США), предрекают агрессивную борьбу за энергию Каспийского бассейна, «создание зоны нестабильности и кризиса, которая может простираться от Черного моря до Индийского океана, от Уральских гор до бассейна реки Тарим в Китае»[1]. Еще более откровенен М. Клер: ни США, ни Россия «не могут контролировать социальное и политическое развитие каспийского региона, не могут предотвратить порывов насилия. В результате они могут оказаться в ситуации, когда их жизненно важные интересы окажутся под угрозой и единственным способом решения проблемы будет прямое военное вмешательство. Именно таким путем ход событий в Каспийском бассейне может создать условия для широкомасштабного конфликта в регионе»[2].

* * *

Со времени Второй мировой войны Соединенные Штаты вытеснили Британию с положения гегемона в областях основных энергетических ресурсов мира. Ныне многие просто забыли, что прежде Британия была более влиятельна, чем США, в таких «драгоценных» с точки зрения энергетики местах, как Венесуэла, Нигерия, Аравийский полуостров, полуостров Апшерон, вся зона Персидского залива. Венесуэлу американцы «вернули» при президенте Теодоре Рузвельте, в Нигерию и Бруней вошли после деколонизации; в Баку американцы вошли не в далеком 1918 г., а почти столетием позже.

Противостояние в Персидском заливе тоже началось не сразу, а со строительства ленлизовских баз для СССР в 1942 г. Союзники и противники США в данном регионе прошли значительный эволюционный и революционный путь. Скажем, Иран проделал путь от главного союзника США в регионе до

главного антагониста. Дело осложняет и обостряет фактор уже обозначившейся конечности земных ресурсов. Соединенные Штаты могут ввести в зону влияния Ирак с его десятью процентами мировых запасов нефти. Но уже соседний Иран представляет собой гораздо более сложную задачу. Потенциальные объекты экспансии начинают учиться страшному уроку: прежде чем бросаешь вызов единственной сверхдержаве, обзаведись оружием массового поражения — как мы сейчас видим, уважают лишь сильного, ему,

[1] *Olcott M.B.* The Caspian's False Promise («Foreign Policy», Summer 1998, p. 96).

[2] *Klare M.* Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan, p. 108.

595

как Пакистану и Индии, позже прощают переход в другой силовой класс.

Конечность ресурсов бросает вызов человеческим способностям решать технические задачи. Но пока массовое опреснение воды и искусственный синтез бензина далеки от практического решения, а значит, битва за ресурсы — условие выживания и прогресса — грозит стать реальностью начавшегося с силовых акций века. Америка может возглавить всемирные усилия по рациональному использованию ресурсов планеты. Если же она будет поступать подобно образу действий, продемонстрированному в ходе подписания, обсуждения и ратификации протокола Киото, то ее ждут трудные времена. Речь идет об экономическом выживании миллиардов людей, что не прихоть в условиях значительного упрощения процесса вооружения оружием массового поражения. Негативное отношение Вашингтона способно создать могущественную коалицию держав, готовых многое отдать за доступ к средствам экономического подъема.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
КОНЕЦ ВЕСТФАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ

1. ЧТО ОБЕЩАЕТ НОВЫЙ МИР

Мир смотрит на очередной тектонический сдвиг в системе международных отношений — попытку создания мирового общежития под американским руководством. Одним из главных критериев жизнестойкости этой схемы является ее «отношение к будущему», то, что новая американская стратегия обещает ведомому большинству человечества. В двух предшествующих случаях американская внешнеполитическая стратегия *обещала* лучшее будущее. В первом случае президент Вудро Вильсон обещал в будущем уничтожить милитаризм и гарантировал свободу демократического развития для всех. Во втором случае президент Франклин Рузвельт обещал после победы над фашизмом гарантию гражданских свобод и поворот к социальному прогрессу всего мирового сообщества. Ныне, в *третьем* подходе, президент Джордж Буш-мл. *не артикулирует своего видения будущего, не обещает неких благ членам глобальной коалиции*, он просто обрисовывает некую борьбу «свободы и зла». На горизонте официального Вашингтона *нет позитивной повестки дня* рождающегося нового мира. Такое молчание в отношении более достойного будущего способно ослабить ту спонтанную симпатию, которую проявило большинство мира к Америке после трагедии 11 сентября. И, что еще более важно, *не принять* того мира, который видится оптимальным из Вашингтона.

Если предлагаемое участие в борьбе против терроризма не влечет за собой строительства более справедливого и процветающего мира, увеличение значимости общемировых институтов, а, напротив, предполагает мощный порыв «ревизионистского государства использовать свои временные силовые

преимущества для
597
создания благоприятного *для себя* мирового порядка... то цена такого порыва будет высокой. Дипломаты и главы правительств иностранных держав начнут задаваться вопросом: «Как добиться сотрудничества в сдерживании, подрыве и возмездии росту американского могущества... Именно *великое стратегическое видение, доведенное до крайних пределов, сделает мир более разделенным и опасным — а Соединенные Штаты более уязвимыми»*[1].

Такое развитие событий способно создать в будущем опасность для Америки: «Мы можем прийти к тому, — полагает американский исследователь М. Трахтенберг, — что *отравимся* нашей силой, дадим толчок безрассудной политике, основанной на навязывании своей системы и нашей идеологии всему остальному миру». Новая имперская политика потребует от Соединенных Штатов той степени жертвенности, на которую эта страна, похо-. же, уже не способна. Для мобилизации такой степени жертвенности американцы (как народ, общество и индивидуумы) должны будут изменить свою устоявшуюся систему ценностей. Раньше такую мобилизацию облегчал пафос борьбы против посягающих на мировую гегемонию кайзера и Гитлера. В данном случае американское общество должно *само* создать образ врага, ради крушения которого релевантны любые жертвы. Подаваемая как историческая самооборона внешняя политика как таковая (скажем, в случае ответа самоубийцам из Аль-Каиды) может означать лишь односторонность действий, что так или иначе в конечном счете ведет к новой форме мирового диктата.

На какую легитимность может рассчитывать Америка в грядущем? Мощь прежних империй базировалась на трех элементах, центральных по отношению к имперской идеологии: мир, процветание, культура. Римская империя долго держалась на этих «трех китах», равно как и Британская империя — верховный распорядитель долгого мира XIX века. Америка XXI века обещает мир и процветание тем, кто согласится вместе с нею жить в глобализированном по американским канонам мире.

Модель для внешнего мира не совсем получается в свете исключительных условий, уникального опыта США и реальных на сегодня проблем страны. В свое время наполеоновская Франция и викторианская Британия вызывали, без преувеличения, массовое восхищение и желание имитировать. Многие восхищаются и современной Америкой, ее мощной экономикой, системой образования, ее уровнем жизни, издательствами, фильмами, музыкой и т. п. В то же время американское давление на другие

[1] *Ikenberry J.* America's Imperial Ambition («Foreign Affairs», September/ October 2002, p. 60).

598
страны с целью создания всемирной открытой экономики вызывает явственное противодействие. Требования Вашингтона в отношении политических перемен создают Америке немало врагов. Культурное воздействие часто называют культурным империализмом.

(Исходя из соображений внутренней политики (сбалансированный бюджет) правительство США под давлением конгресса сократило за 1990-е гг. число своих заграничных консулатов и миссий, уменьшило численность посольств. По относительному показателю внешней помощи США стоят в конце списка стран — членов ОЭСР в расчете на душу населения. Внешняя помощь США сейчас меньше одной двадцатой их военного бюджета.)

Обратим внимание на особенность исторического пути к вершине могущества нынешнего гегемона — нежелание нести жертвы, опора на жертвенность других. Здесь лучше говорить не от себя, а предоставить слова третьим, сторонним наблюдателям, в данном случае англичанам: «Даже во время

Второй мировой войны, когда американцы потеряли почти 300 000 своих жизней, можно утверждать, Америка победила, используя миллионы русских солдат как свой щит против Гитлера, точно так же, как недавно Америка использовала Северный альянс в Афганистане»[1].

Трудно сказать, смогут ли американцы *в долгосрочной перспективе*, словами президента Дж. Кеннеди, «вынести любое бремя, заплатить любую цену», но достаточно ясно одно: существует определенного рода национальный консенсус, готовность заплатить за имперское могущество определенную плату. Возникает вопрос уже другого рода — как и в случае с Вьетнамом, не пойдут ли американцы на приложение таких сил, отпор которым способен подорвать их ныне невероятную мощь; необходимость успеха способна вызвать имперское перенапряжение, в котором достижение успеха будет невозможным и самоистребительным.

Ценность упреждающего удара

«Доктрина Буша» вызвала зримое противодействие в самих Соединенных Штатах. Тридцать два видных американских политолога (в основном представители школы «политического реализма») выступили в газете «Нью-Йорк таймс» с возражениями против «безрассудной», с их точки зрения, доктринальной догмы

[1] «The Economist», June 29, 2002 (A Survey of America's World Role, p. 8).

599

неоконсерваторов[1]. И немедленно получили в ответ обвинения в отрыве от реальности, в благодушествовании в то время, когда над Западом нависает смертельная угроза. Это первый «козырь» неоконсерваторов; а второй — это то, что в современном мире, где господствует феноменальная военная мощь США, создать антиамериканский союз попросту *невозможно*.

В США в общенациональном масштабе растет понимание того, что *гегемония* — огромная цель. Она требует исключительной концентрации мощи и энергии. Владение ею дает невероятные возможности, но путь безусловного овладения ею чреват опасностями, ее поддержание накладно, ее реализация способна антагонизировать колоссальные силы.

Правы ли «неоконы» с их предупреждающими, предвосхищающими ударами? Политолог Джек Снайдер размышляет на эту тему так: «Это правда, что малые государства-изгои и им подобные не могут собственными силами создать контрбаланс американской мощи в традиционном понимании такого баланса. Справедливо и то, что такие страны — потенциальные противники, как Россия и Китай, так сказать, «устали» от противостояния американцам и их военным экспедициям. Но, если даже несравненная мощь Америки понижает вероятие создания традиционного союза-контрбаланса, уже сами американские действия создают некий функциональный эквивалент такого союза. Предшествующие расширяющиеся империи в конечном счете обнаруживали себя перенапряженными, даже если противостоящие альянсы создавались очень медленно. Например, хотя потенциальные жертвы Наполеона и Гитлера с большим трудом оформляли противостоящие коалиции, эти империи атаковали столь большое число оппонентов практически одновременно, что значительные союзы *де-факто* в конечном счете обретали форму противостояния. Сегодня аналогичная форма перенапряжения — политического и военного — может найти себя, если страны посчитают американские усилия по предотвращению ядерного вооружения и стремление насадить демократию силой в мусульманские страны постоянным серьезным фактором»[2].

Даже очень «малоотчетливый» союз против односторонних действий одной державы может оказаться мощным фактором международных отношений в

условиях, когда огромное большинство мирового сообщества, начинает видеть себя объектом чужеродной политики и потенциальной жертвой этой политики. Вьетнам

[1] «New York Times», September 26, 2002.

[2] *Snyder J.* Imperial Temptations («The National Interest», Spring 2003, p. 37).

600

и Алжир в 1960-х годах возобладали над значительно более мощными странами-противниками. Палестина может не возобладать, но стоимость совладания с нею становится грандиозной, трудноперенесимой. И мир ожесточенных не может в этих условиях не смотреть на потенциальные источники оружия массового поражения как средства своего рода *баланса*. Очень опасный поворот событий.

У всех наблюдателей возникает общий вопрос: способны ли такие руководители, как команда Дж. Буша-мл., на трезвый отход от гегемонии в случае непредвиденных препятствий, когда очередные — Иран, КНДР и далее по списку «оси зла» — введут Вашингтон в клинч с историей, с конечностью собственных ресурсов, с неготовностью американского населения нести жертвы в условиях малоубедительного их трактования? Отметим несколько наиболее важных моментов, ставящих под сомнение «доктрину Буша».

1. Классическим примером предвосхищающего удара является хорошо известный «план Шлиффена», тщательно обосновавший необходимость такого удара по Франции и детально разработавший такой удар через Бельгию. При всей изощренности этого плана, он, по сути, бросает вызов здравому смыслу. Оборона всегда обходится дешевле, чем наступление на неведомое большое. Представьте сегодня Соединенные Штаты, периодически наносящие удары по *пятимиллиардной* периферии мира. Только убежденный враг Америки мог бы посоветовать ей встать на этот путь, где ей придется озираться без конца и края, тратя свои конечные ресурсы.

2. Гораздо реалистичнее представить себе Северную Корею, применяющей ядерное оружие, не в слепой ярости наносящей удар по Сеулу, а в беспросветном отчаянии столкнувшейся с сверхмогущественными Соединенными Штатами, пожелавшими изменить политический режим в Пхеньяне. Именно превентивное наступление вооруженных сил США, как видится, скорее всего прочего могло бы вызвать то, чего по понятным причинам опасаются и боятся в США.

3. Доктрина «превентивной агрессии», помимо прочего, страшна тем, что превращает *потенциального* противника в неотвратимо реального. При этом государства — *потенциальные* члены антиамериканского союза невольно подталкиваются к формированию такого союза. И делают это быстрее и эффективнее из-за страха встретить американский удар в одиночку.

4. Американское руководство не может бесконечно использовать логику, исходящую из положения, что «показать слабину» для Америки смертельно опасно: «Если мы не покажем готовность приложить силу в данном конкретном случае, то доверие к

601

нам в мире падет до нуля»[1]. Исторический опыт не может не подсказывать американцам, что именно на этом основании (плюс «доктрина домино») им объясняли важность борьбы с Вьетконгом, с вьетнамским сопротивлением (что, мол, если уступить во Вьетнаме, то падет весь Индокитай, за ним неизбежен переход на противоположную американцам сторону Таиланда, Малайзии и Индонезии; а за ними и коммунизация всей Азии). Нельзя же верить бесконечно в надуманное «падающее домино»?

5. Титаны дипломатии стремились поставить своего противника в положение «первого атакующего», чем выигрывали в глазах общественного мнения. Надо ли вызывать тень великого Бисмарка, чтобы напомнить, что он находился под

постоянным давлением своих генералов, жаждавших получить приказ выступать. Бисмарк же назвал *превентивную войну* чем-то «похожим на совершение самоубийства из-за страха смерти»[2]. Более импульсивные наследники канцлера Бисмарка бросили Германию в цепь авантюр, которая завершилась для этой страны двумя мировыми поражениями.

Что сдерживает мирового лидера

Ирак 2003 года был первым испытанием «доктрины Буша», ее сердцевины — обоснования необходимости «упреждающего удара». Один из высших представителей администрации указал прямо и непосредственно: «Ирак — пример того, что случается, когда Соединенные Штаты что-либо ставят в свою повестку дня, а затем привлекают весь остальной мир к решению поставленной задачи».

Ирак 2003 г. являет собой и пример «доктрины Буша» в действии, и первое испытание этой доктрины.

Критики указывают, что вторая война против Ирака являет собой яркий пример нарушения того правила, которое ввел в американскую дипломатию первый империалист американской истории — президент Теодор Рузвельт: «Говори тихо и неси с собой большую дубину». Растиражированная агрессивность, громкая несдержанность на всех форумах, начиная с трибуны ООН, — вот что мы видели на подходах и в ходе трехнедельной войны двух никак не равных сил. Сторонник реалистического подхода к решению проблемы не может не смутиться провинциальной не-

[1] *Ramsfeld D.* Testimony before the House Armed Services Committee, September 18—19, 2002.

[2] *Craig G.* Germany: 1866 — 1945. N.Y.: Oxford University Press, 1978, pp. 24-25.

602

сдержанностью команды, которую не сдерживают даже вопросы жизни и смерти. Фанфары по поводу «предвосхищающего удара» никому не нравятся, это некая некорректная несдержанность представителей страны, где общественная жизнь регулируется политической корректностью.

Война — всегда тяжелая трагедия. Неизбежна ли была иракская трагедия весны 2003 г.? Даже представляющий ближайшего союзника Америки в этой войне посол Великобритании в Организации Объединенных Наций сэр Джереми Гринсток полагает, что, прояви Белый дом еще чуть-чуть изобретательности и выдержки, и американская сторона могла добиться принятия «второй» резолюции Совета Безопасности ООН. Тогда проблема была бы всемирной, а ныне Франция и Россия сделали ее американской проблемой.

Проблемы для Соединенных Штатов начались не с так и не сбывшимся столкновением с саддамовской армейской элитой (испарившиеся четыре ударные дивизии), а с ломкой представления о том, что население Ирака страстно желало избавления от диктатуры и приступит немедленно к созданию демократического государства тотчас же после изгнания из Багдада Саддама Хусейна.

Назовем (мельком) более серьезные проблемы, чем разгром иракской армии, которая, как оказалось, никогда не имела ядерного оружия и средств его доставки. 1) Как управлять 60 процентами иракских мусульман, которые являются *шиитами* и смотрят, как на священный, на иранский город Кум? 2) Можно ли разоружить вчерашнего союзника — почти пятимиллионный (в Ираке) народ курдов? 3) Как сохранить лояльность ключевого в регионе союзника — Турции, более всего на свете боящегося восстания воодушевленной курдской *трети* 67-миллионного турецкого населения? 4) Как уберечь американскую армию от партизанской войны, столь памятной по Вьетнаму? 5) Где среди местного населения найти носителей демократических ценностей, если они здесь никогда не имели распространения? 6) Как сплотить, на чем основываться в поддержании

единства Ирака, если прежняя элита (баасистские сунниты) стала меньшинством, а шиитское большинство дружественно антиамериканскому Ирану?

Следуя «доктрине Буша», Соединенные Штаты нанесли упреждающий удар по Ираку, но в результате трехнедельной победоносной кампании не только не решили своих проблем, но обрели, как мы видим это сейчас, *гораздо более масштабные* проблемы. Отчего потеряла влияние Британская империя? Оттого, что принимала активное и непосредственное участие в двух мировых войнах, доведших ее до изможденія. Между тем, если бы Брита-

603

ния содержала большую армию в мирное время — убедительное для Германии сдерживание, то она не изошла бы жизненными силами в мировых катаклизмах. В пик имперского влияния (между 1870 и 1914 годами) Британия расходовала на военные нужды 3,1 процента валового внутреннего продукта в год[1] — не столь уж напряженное бремя. Не более напряжено оно пока и у Соединенных Штатов, но несколько обстоятельств «работают» против продолжительного имперского всемогущества.

1. У власти в США республиканцы, доминирующий элемент их внутриполитической философии — снижение уровня налогов в стране. А ведь империя требует жертв, в том числе и финансовых. Даже на военные нужды Соединенные Штаты в годы «холодной войны» расходовали значительно *относительно* больше, чем сегодня. Республиканцы президента Дж. Буша-мл. уже произвели несколько подобных налоговых сокращений. Не собираются ли они доминировать в мире «бесплатно», пользуясь просто ослаблением (последовательно) мусульманского мира после 1700 года, Китая после 1850 года, Западной Европы после 1914—1945 годов, России после 1991 года? Ведь все поименованные силы прилагают старания восстановить свою мощь — военную в том числе—и настроены на координацию своих усилий.

2. Встает вопрос, как могут Соединенные Штаты контролировать огромный внешний мир, если бюджеты двух главных механизмов-доноров, Государственного департамента и Американского агентства международного развития, совокупно составляют всего один (!) процент федерального бюджета? Американское правительство тратит 16 процентов на военные нужды, но ведь империя не может жить одним лишь покорением непокорных.

3. Изменить функции военных? На этот счет внутри республиканской администрации идет борьба, и похоже, что побеждают те, кто, словами Джозефа Ная, предназначает военному ведомству ограниченную функцию: «Вломиться в дверь, избить диктатора и возвратиться домой, а не приступать к тяжелой работе создания демократического общества»[2].

4. Главное. Даже если Соединенные Штаты произведут более серьезную, чем просто создание Министерства внутренней безопасности, внутреннюю мобилизацию, и идеологическую и материальную, все равно жестким фактом реальности будет то, что *все более растущий объем процессов в мире остается за пределами*

[1] *BootM.* The Savage Wars of Peace. Small Wars and the Rise of American Power. New York: Basic Books, 2002, p. 351.

[2] *Nye J.* U.S. Power and Strategy After Iraq («Foreign Affairs», July-August 2003, p. 67).

604

контроля даже самого могущественного государства. У Соединенных Штатов нет инструментов, воли и психологического настроя на постоянной основе вмешиваться во внутренние дела бесчисленного множества государств, заниматься постоянным мониторингом происходящих в этих государствах внутренних процессов, силовым вмешательством на постоянной основе.

5. Трудности в Ираке начались не с выдвижением американских армейских

частей против элитных иракских формирований, а после того, как эти формирования исчезли неведомо куда. Американский народ в общем и целом воспринял как «приемлемые» потери полтораста человек в ходе боевых действий между Тигром и Евфратом (примерно такими же были потери в афганской кампании). Но американское общество начало испытывать конвульсии после 1 мая 2003 г., когда президент Буш объявил об одержанной победе, а еженощные потери американских военнослужащих начали приближаться к цифре собственно боевых потерь. Мир оказался для американской армии и общества едва ли не более болезненным, чем объяснимый военный период.

Особое внимание следует обратить на демографические процессы, быстро меняющие мир и влекущие за собой последствия стратегического характера.

2. ШАНСЫ ГЕГЕМОНИИ

> Для лидеров США вопрос заключается в том, чтобы использовать свою грандиозную мощь для преобразования мира таким образом, чтобы продлить американское преобладание, безопасность и процветание далеко на грядущие годы, избежав при этом перенапряжения.
>
> *Т. Грэм, 2002*

Отношение к внешнему миру

Американская *самоцентричность* отмечалась (справедливо) многократно. Но примитивным было бы утверждение об абсолютной потере американцами интереса к миру за пределами их границ. Помимо прочего, американцы желают знать, откуда следует ожидать опасности. Самоутверждение в условиях противостояния Америке — весьма рискованное предприятие. Окружающему миру будет трудно противостоять феноменальной силе Америки.

605

Однако самоуспокоению нет места. Мировая история учит, что любой вакуум немедленно заполняется, любая гегемония вызовет противодействие. В США не закрывают на это глаза, идет постоянное обсуждение очередных вызовов: Японии, которая может сказать «нет», китайского восхождения, российского потенциала, западноевропейского интеграционного строительства. Постоянно проводятся опросы общественного мнения на эту тему. Какие же угрозы видят американцы на своем историческом горизонте?

Таблица 1. **Уровень угроз безопасности США несколько лет назад и в будущем (в % от общего числа опрошенных).**

	В 1999 г.		В 2010 г. (прогноз)
Распространение оружия масс, поражения	18,6	Распространение оружия масс. поражения	16,3
Негативно настроенные гос-ва	12,8	Гегемония КНР	14,1
Международный терроризм	11,3	Негативные гос-ва	10,6
Гегемония КНР	9,7	Межд. терроризм	10,0
Уход США с позиций лидера	9,5	Уход США с поз. лидера	9,0
Мировая экономика	7,7	Мировая экономика	8,9
Исламский фундаментализм	6,4	Восставшая Россия	7,0

Восставшая Россия	6,4	Исламский фундаментализм	6,3
Торговля наркотиками	5,7	Торговля наркотиками	4,6
Этнические конфликты	3,8	Этнические конфликты	3,7
Организованная преступность	3,4	Организованная преступность	3,4
Информационная война	1,7	Информационная война	2,5
Окружающая среда	1,6	Окружающая среда	2,0

Источник: *«Orbis», Fall 1999, p. 632.*

606

Как видим, растущую озабоченность вызывает усиление Китая, оружие массового поражения будет казаться менее страшным — как и международный терроризм, как и ухудшение окружающей среды. Эволюция России ставится на один уровень с исламским фундаментализмом.

Американцы воспринимают внешние угрозы следующим образом (в процентах, начиная от наиболее значимых):

международный терроризм (80%);
применение химического и биологического оружия (75%);
возникновение новых ядерных держав (73%);
эпидемии (71%);
превращение Китая в мировую державу (57%);
поток иммигрантов в США (55%);
конкуренция Японии (45%);
эк. соперничество со странами с низким жизненным уровнем (40%);
исламский фундаментализм (38%);
военная мощь России (35%);
региональные этнические конфликты (34%);
экономическое соревнование с Западной Европой (24%).

Источник: «Foreign Policy», Spring 1999, p. 104.

Большинство американцев в общем и целом предпочитают интернационализм изоляционизму, но при этом не склонны к жесткой вовлеченности и сопутствующим издержкам. (В этом отношении американская империя повторяет эволюцию Британской империи. В качестве молодых офицеров британские генералы Второй мировой войны Монтгомери и Александер видели страшные потери Первой мировой войны, обескровившие целое поколение. Став старшими военачальниками, они прежде всего думали о минимизации людских потерь. Такую же эволюцию претерпевают американские младшие офицеры периода вьетнамской войны — теперь четырехзвездные генералы более всего боятся массовых людских потерь.[1])

Мир не окрашен для американцев одной краской, они выделяют более важные для себя страны, за чьей политикой следует следить в первую очередь. Шкала жизненных интересов разме-

[1] Значительно менее мощная французская армия в стране со стойкой военной культурой нашла более адекватное сочетание консюмеризма и человеческих жертв. В ходе полицейских операций в Боснии французы потеряли примерно сто военнослужащих, что, однако, не вызвало общественного кризиса.

607

щает такие страны (по степени уменьшения значимости для США в % населения и политических лидеров):

Таблица 2. **Интерес, проявляемый к данной стране (в процентах).**

Страна	Общественность США	Лидеры США
Япония	87	94
Россия	77	93
Саудовская Аравия	77	88
Китай	74	95
Израиль	69	86
Канада	69	89
Кувейт	68	89
Мексика	66	93
Британия	66	84
Иран	61	72
Германия	60	83
Южная Корея	54	82
Южная Африка	52	52
Тайвань	52	52
Босния	51	48
Куба	50	48
Египет	46	66
Афганистан	45	45
Франция	37	57
Индия	36	36
Индонезия	33	50
Бразилия	33	75
Турция	33	33

608

Страна	Общественность США	Лидеры США
Гаити	31	33
Польша	31	42
Эстония, Латвия, Литва	27	30

Источник: *«Foreign Policy», Spring 1999, p. 103.*

В опросах американского общественного мнения только в одном случае американцы выражают готовность применить американские вооруженные силы за пределами США — в случае вторжения Ирака в Саудовскую Аравию.

В результате внешняя политика США находится под влиянием интересов отдельных групп, влиятельных частных, а не общенациональных интересов, не общенациональной стратегии. Некоторых американских политологов это раздражает: «Если современная эра американского превосходства подойдет к преждевременному окончанию, а за ней последует период повышенного насилия и окончания процветания, то объяснением этому будет американская глупость, а

не внезапный подъем противника»[1].

Нечасто, отмечает У. Пфафф, «американцы задаются вопросом, имеют ли они достаточные моральные и интеллектуальные ресурсы для осуществления роли гегемона... Но реальность, сила вещей эвентуально поставят во всю ширь этот вопрос, даже если сейчас он и непопулярен»[2]. Некоторые умудренные американцы задают роковой вопрос уже сейчас: «Великий вопрос американской внешней политики уже сейчас заключается в противоречии между настойчивым желанием оставаться главной глобальной силой и постоянно растущим нежеланием платить цену за такую позицию»[3].

Международный опыт сверхмощной Америки вызывает не только триумфализм. По мнению сотрудника Института мировой политики (Вашингтон) И. Катбертсона, «кампания возмущения по поводу китайского шпионажа, возмущение китайского правительства и общества по поводу бомбардировки посольства КНР в Белграде, резкая реакция России на акцию НАТО в Юго-

[1] *Haas R.* The Squandered Presidency. Demanding More from the Commander-in-Chief («Foreign Affairs», May/June 2000. p. 140).

[2] *Pfaff W.* The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 8).

[3] *Tucker R.* The Future of a Contradiction («National Interest», Spring 1996, p. 20).

славии ускорили процесс понимания как элиты, так и общественного мнения в Соединенных Штатах, что не все довольны видеть Америку единственным мировым гегемоном... Односторонние американские действия быстро мобилизуют возмущение, переходящее в противодействие и ярость, о чем говорят тысячи антиамериканских демонстраций и беспорядков... И это не лучшая реклама западных и особенно американских принципов, когда становится ясно, что мы готовы жертвовать кровью и богатством только тогда, когда возникает опасность неполучения естественных ресурсов, каковым, в частности, является нефть, от поставок которой зависит Запад»[1].

Цена гегемонии может стать непомерной. В свете этих обозначившихся уже в начале 90-х годов факторов в США начался общенациональный «спор» об оптимальном поведении страны в условиях обнажившихся новых благоприятных обстоятельств.

3. ЛИДЕРСТВО В НЕУДОВЛЕТВОРЕННОМ МИРЕ

> Трудно понять, почему администрация Буша несет такую большую дубину и при этом говорит так громко — почему она посчитала необходимым объявить некоторые ценности «необсуждаемыми».
>
> *М. Хирш, 2002*

Отмечая свое девяностолетие, патриарх американской политологии Дж. Кеннан дал весьма критический анализ возможности для Соединенных Штатов осуществлять мировую гегемонию: «Перед нами в высшей степени нестабильный и неудовлетворенный мир — преисполненный противоречий, конфликтов и насилия. Все это бросает нам такой вызов, к которому мы не готовы. В течение 60 лет внимание наших руководителей и общественного мнения было монополизировано *совсем другими угрозами*... Наши государственные деятели и общественность не приспособлены реагировать на такую мировую ситуацию, в которой нет четко выраженного фокуса для проведения национальной политики»[2]. Кеннан не утверждал, что Америка нуждается в четко прописанной великой стратегии (имитирующей стратегию сдерживания),

[1] *Cuthbertson I.* Chaising the Chimera. Securing the Peace. («World Policy Journal», Summer 1999, p. 74).

[2] *Renwick N.* America's Word Identity. The Politics of Exclusion. New York: St.Martin's Press,

2000, p. 210.
610
но он констатировал факт, что Вашингтон едва ли готов к решению проблем нового мира XXI века. Он указал и на внутреннее разъединение, и на противостояние несклонного быть управляемым внешнего мира. .

Неприемлемые материальные расходы. Такие американские исследователи, как У. Грейдер (посетивший немалое число заграничных баз — места дислокации американских войск на самых разных широтах), приходят к выводу, что на определенном этапе чисто материальная цена поддержания огромной зоны влияния окажется неприемлемой для большинства американцев. Грейдер пишет: «Даже если современный консенсус по поводу поддержания текущих уровней вооруженных сил сохранится, бюджетное напряжение, уже видимое и ощутимое, станет в конечном счете непереносимым. Цена еще более дорогостоящих исследований и разворачивание новых систем вооружений, необходимых для обеспечения минимального уровня американских потерь, значительное повышение зарплат и пенсий военнослужащим, рассчитанное на предотвращение их ухода в гражданские области, на поддержание нынешнего масштаба воинского контингента и индустриальной инфраструктуры, создаст бремя, которое, попросту говоря, станет невыносимым для американцев даже в период экономического процветания»[1].

С одной стороны, ослабление желания выполнять внешнеполитические обязательства и предпринимать инициативы за пределами границ США произойдет еще более естественным образом в случае замедления роста американской экономики, когда расходы на социальные нужды выйдут на первый план и нанесут удар по бюджету вооруженных сил США. При этом создание высокотехнологичных видов вооружений может *очень быстро* стать настолько дорогостоящим (учитывая безусловный настрой американского населения на предотвращение *всех* возможных потерь), что начнет поглощать основную массу ассигнований на военные нужды, создавая объективно нужду в его увеличении.

С другой стороны, усилия по сохранению в армии «лучших и самых ярких» станут бессмысленными в случае продолжения экономического бума в экономике страны. Американская армия начнет терять самый квалифицированный персонал. Скажем, гражданские авиакомпании будут сманивать лучших военных пилотов. Способность содержать армию, годную к глобальной миссии, станет все более трудной. Эти взгляды наиболее убедительным образом выразил бывший пилот ВМС сенатор Маккейн, весьма

[1] *Greider W.* Fortress America: The American Military and the Consequences of Peace. N.Y.: Public Affairs, 1998, p. 146.
611
ярко проявивший себя на начальной стадии избирательной кампании республиканцев в 2000 г.

С третьей стороны, настроения молодого поколения американцев едва ли окрашены в героический дух жертвенной обороны трансконтинентальных границ — вех всемирной зоны влияния. Американское общество эволюционировало в направлении не тяги к имперской славе, а в направлении ценностей комфорта, долголетия, индивидуального самоутверждения. «Наше общество, — подчеркивает Д. Риефф, — сделало *здоровье* общепризнанно наиболее важной социальной ценностью... В Америке индивидуумы, попавшие в катастрофу или ущемленные неудачным поворотом событий, немедленно принимаются искать, кого можно в этих несчастьях обвинить. В таком культурном контексте старые доблести жертвенности, подчинения, дисциплины и риска теряют свой смысл, и неудивительно, что армия США должна приспособиться к этим реалиям»[1].

В течение уже долгого времени американцы полагают, что проблема может

быть решена за счет революции в передовой военной технологии, позволяющей наносить сверхточные удары, сохраняя при этом людскую силу. Отсюда огромные усилия по созданию целого потока направляемых лазерным лучом ракет, управляемых снарядов и бомб, которые должны минимизировать людские потери. Подлинная проблема заключается в том, что не желающее ничего слышать о людских потерях американское население в то же время выросло в твердой вере в буквально безграничную американскую военную мощь.

Для лидерства в мире США нуждаются в самом образованном населении. В то же время серьезные исследователи отмечают, что американская система образования дает сбои, что американские дети учатся меньше на 40—80 дней в год, чем их сверстники в Европе и Японии; качество образования также желает лучшего. Инвестиции в образование, инфраструктуру и исследования сократились. Американцев будет заботить, что их правительство «ничего не сделало для повышения уровня образования тех, кто не учится в университетах. Для экономики первого мира массивная рабочая сила третьего мира — не самый прочный экономический фундамент»[2].

Мир не разделяет многие из американских ценностей. Мы видим, как возглавляемая канадцами группа из 20 стран отвергла «американский культурный экспорт», целые коалиции фактиче-

[1] *Rieff D.* Susteining the Unsustainable («World Policy Journal», Spring 1999, p. 94).

[2] *Туроу Л.* Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 152.

612

ски препятствуют Соединенным Штатам снова осуществить меры военного воздействия на Ирак. Собственно, остается загадкой не это противодействие, а удивительное *непротивление* европейских и азиатских стран диктуемому Америкой порядку, их прямая и косвенная поддержка.

«Другие нации, — размышляет У. Пфафф, — имеют собственные мифы национального происхождения, своей уникальности и судьбы. Американский опыт представляет для других народов некоторый исторический интерес, но особого политического значения он не имеет. Другие общества могут восхищаться Соединенными Штатами, эти общества могут завидовать американцам по-хорошему и по-плохому. В Соединенные Штаты продолжается иммиграция тех, кто жаждет того, что воспринимается как свобода и приобщенность к материальным богатствам. Но огромное большинство человечества *индифферентно к американским порывам,* если вовсе не враждебно к ним; элита прочих наций мира не готова воспринимать такую иерархию политических обществ и культур, в которой Соединенные Штаты всегда находятся на вершине»[1].

Как долго

> Построение империи обречено на поражение: все империи в истории, неважно, насколько могущественными они были, пали под напором недовольства своих подданных и врагов. Соединенные Штаты, слишком углубившись в односторонность, идут по этому же пути.
>
> *М. Хирш, 2002*

Ничто не вечно, любой процесс имеет как начало, так и конец. Сомнения в способности США долго вести за собой мир проникают в собственный анализ, в прогнозы американского будущего. «В ближайшем будущем — от пяти до десяти лет — американское вмешательство в заграничных делах, — пишет американский исследователь Ф. Закария, — будет происходить благодаря стимулам внешнего мира — вакуум власти, гражданские войны, проявления жестокости, голод; но характер вмешательства в дела внешнего мира будет определяться внутренними

обстоятельствами — прежде всего внутренними приоритетами, бо-

[1] *Pfaff W.* The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 6).

613

язнью крупных потерь и стратегического перенапряжения, гибели американцев. Американцы будут стремиться достичь своих целей, вооружившись риторикой интервенционизма — делая вид активной задействованности — и в то же время в действительности отстоя от реального участия в том, что касается траты времени, денег и энергии. В результате Вашингтон во все большей степени будет превращаться в пустого по своей сути гегемона»[1].

Даже многие апологеты «мировой вахты» Америки определяют образовавшийся в начале третьего тысячелетия мир несравненного американского могущества как не владеющий полностью инструментами этого могущества, как такой, в котором есть *«единственная сверхдержава, но не сформировался однозначно однополюсный мир»* или как *«однополюсный мир без гегемонии»*. Тем самым подчеркивается «неабсолютный» характер американского преобладания в мире, где США, являясь единственной сверхдержавой, «периодически проявляют себя как гегемон в двусторонних, региональных и функциональных отношениях, но не могут позволить себе самоутверждения *всегда и везде*, что не позволяет считать Америку в полном смысле *системным гегемоном*»[2].

Когда идеологи, подобные Р. Кагану и У. Кристолу, утверждают, что «мир во всем мире и безопасность Америки зависят от американской мощи и воли использовать эту мощь» и говорят о необходимости поддерживать «стратегическое и идеологическое превосходство»[3], они, собственно, говорят об исчезнувшем мире, где была жесткая дисциплина. О мире, который более не существует, который ушел невозвратно вместе с Берлинской стеной. «Творцы американской политики уже не смогут создать парадигму, которая была бы безусловно поддержана всем американским обществом... Энергичное использование мощи зависит от ощущения исполняемой миссии, а этого ощущения, увы, нет. Последние рейганисты плетут соломенных чудовищ, пользуются алхимией слов, стараясь укрепить хребет иррациональности в американцах, пытаясь превратить побочные конфликты в центральные, но время крестовых походов ушло, нечего призывать туда, где нет цели»[4].

[1] *Zakaria Fareed.* The Challenges of American Hegemony («International Journal», Winter 1998—9, p. 20).

[2] *Wilkinson D.* Unipolarity Without Hegemony(«International Studies Review», Summer 1999, p. 145).

[3] *Kagan R.* and *Kristol W.* Present Dangers: Crisis and Opportunity in Artierican Foreign and Defense Policy. New York: Encounter books, 2000.

[4] *Rieff D.* A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 9).

614

В этих сомнениях зреет ответ на вопрос, обречено ли мировое сообщество в грядущие десятилетия на американское лидерство вплоть до гегемонии? Такой обреченности, такой исторической заданности в развитии человечества не существует. При всей своей колоссальной силе, контроль США над внешней для этой страны сферой не абсолютен и уж, более того, никак не свободен от человеческой ошибки. И все большую значимость будут приобретать процессы внутри Соединенных Штатов, общества, меняющегося демографически, социально, нравственно.

4. ФАКТОРЫ, ОСЛАБЛЯЮЩИЕ ГЕГЕМОНИЮ

Есть два вида реакции на американские действия. Первый заключается в том, чтобы сесть на собственные руки и предоставить Америке право решать

проблемы, определенно зная, что в бурном современном мире есть пределы возможного даже для сверхдержавы. Второй тип реакции предполагает создание более сложных условий существования Америке посредством поддержки противостоящих сил; этому может способствовать распространение ракетной и ядерной технологии, поддержка и инвестиции в странах-париях. Именно этой дорогой идут Франция, Китай и Россия. *«Экономист», 29 июня—5 июля 2002 г.*

Есть основания предположить, что к 2020 г. «внутренняя поддержка международного лидерства может значительно ослабеть. Если США перестанут быть богатейшей страной в мире, почему они должны будут платить за безопасность стран, способных обеспечить эту безопасность?.. США оставят в Европе лишь символические силы. И в Азии останется лишь небольшая часть контингента 1990-х годов. Америка придет к выводу, что Европа способна защитить себя сама, равно как и Япония. США сохранят особый интерес к таким регионам, как Ближний Восток и Латинская Америка... Но прямые угрозы Соединенным Штатам потеряют свою убедительность, и население страны будет все более выказывать нежелание вмешиваться во все спорные мировые вопросы, если только на кону не будут прямые американские инте-

615

ресы. *США не вернутся к изоляционизму, но они придут к выводу, что не в состоянии решить все мировые проблемы лишь собственными силами»*[1].

Слабые места гегемона

Вопреки фанфарам и желанию немедленно наказать ускользающего противника, американцам не удержать своего бесспорного лидерства на многие десятилетия. Колоссальная военная мощь США не нуждается в комплиментах, но эта мощь малопригодна для решения поставленной задачи прежде всего по следующим причинам:

1. Противник (в данном случае преследуемый терроризм) не собирается на некое Ватерлоо, он понимает свою слабость в открытом противостоянии и намерен, сохраняя инициативу, бить по уязвимым точкам громоздко-сложного механизма современной западной цивилизации. В США уже засекретили основные нефте- и газопроводы, убрали их маршруты с общедоступных карт, но колоссальная уязвимость высокоиндустриального мира остается. Особенно интенсивно в последнее время обсуждаются открытость доступа к электростанциям всех видов и региональным электроподстанциям[2].

2. Информационная открытость западного мира, накладываясь на гедонистическую характеристику этого мира, делает практически невозможным такое применение американской (и союзной ей вооруженной силы западного характера), которое чревато большими людскими потерями. 96 убитых были пределом для войны в Заливе, 9 человек среди американской морской пехоты явились пределом для попыток контроля над Сомали в 1993 г.[3]

[1] *McRae H.* The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 220-221.

[2] См.: *Homer-Dixon Th.* The Rise of Complex Terrorism («Foreign Policy», Jan.-Feb. 2002, p. 17).

[3] Если взять в качестве предмета анализа продукцию столь важного в идеологическом обеспечении и в создании общенационального пафоса Голливуда, две последние ленты — «На территории противника» («Behind Enemy Line») и «Падение черного орла» («Black Hawk Down») — об участии ударных американских сил в войнах в Боснии и Сомали, то главный вывод, предлагаемый многомиллионному зрителю, сводится к вопросу: что мы делаем в этих диких землях, где массовый и все же невидимый противник, во-первых, играет не по правилам; во-вторых, полон решимости проливать свою и чужую кровь в собственных гражданских войнах, где доблестные американцы, даже в лучшем для себя случае, не могут отличить победу (такой ценой) от поражения. Для превращения США в подлинный Рим современности ему нужен римский воинственный дух и военно-жертвенные ценности. Для этого современные США должны радикально изменить внутреннюю систему ценностей своего общества. Что едва ли реально.

616

3. «Американская разведка была создана совсем в другое время и для решения очень отличных от сегодняшних проблем»[1]. Ее переспециализация давно назрела. ЦРУ, ФБР и Агентство национальной безопасности практически не делятся секретной информацией. Полагаясь только на технические средства разведки, Соединенные Штаты *не знают*, откуда ждать следующего удара, каким будет характер этого удара и где расположены его цели. Страны типа России, исторически изощренные во внутренней борьбе с террором, убедились, что лишь наличие агентуры в противостоящем лагере дает некоторые результаты. В спешном порядке в США ставится задача создания большой группы экспертов, знающих язык, культуру, общественные условия, экономические факторы, воздействующие на страны, где проявило себя организованное противостояние мировому лидеру. Но время бесценно, а когда агентурная сеть будет внедрена и заработает?.. Американские специалисты в данном вопросе жалуются на нежелание рекрутов пойти на то, что по существу является жертвой собственной жизни. Да и репутация разведорганов еще несет исторические пятна.

4. В определении противника в американском государственном анализе просматривается очевидная нелогичность, своего рода непотизм, одиозное прощение потенциально главных противников и указание — как на главных — на наиболее одиозных. Самый яркий пример, пожалуй, сопоставление Афганистана и Саудовской Аравии. Именно в последней правит весьма агрессивный ваххабитский режим, пропаганда антиамериканизма весьма софистична и открыта. Напомним, среди 19 сентябрьских террористов 15 вышли из Саудовской Аравии. Но четверть мировой нефти — это более чем весомый аргумент, и жертвой удара становится глухой Афганистан. Встает резонный вопрос, не получат ли американцы в результате новый Иран? Нового Хомейни?

5. Находясь в апогее своей мощи, США, словами Г. Киссинджера, «не сумели выработать общей концепции своего поведения в мире новых реальностей. Победа в «холодной войне» стимулировала самоуверенность; удовлетворение существующим положением делает политику простой проекцией на будущее знакомых понятий; поразительные экономические успехи влекут политиков к смешиванию стратегии с экономикой, делают их нечувствительными к политическому, культурному и духовному

[1] *Deutsch J.* and *Smith J.* Smart Intelligence («Foreign Policy», January-February 2002, p. 31).

617

воздействию гигантских трансформаций, вызванных американской технологией»[1].

6. Но **главное** все же не в указанных моментах органической слабости. Главное в том, что 90 процентов мирового населения *не удовлетворены* существующим положением, которое грозит абсолютной маргинализацией абсолютного большинства земного населения, многих стран с традициями жертвенного противостояния судьбе и обстоятельствам.

Где выход из складывающегося и грядущего противостояния? Прежде всего это смягчение противостояния Север — Юг. Дж. Стерн из Гарварда настоятельно указывает, что, если Соединенные Штаты хотят избежать второго Сентября, они «больше не могут позволить другим странам опуститься в хаос» — если Америка не обратит внимания на проблемы образования, здоровья и экономического развития зарубежных стран, то «придут новые бен ладены»[2]. Пассивность же самоубийственна, промедление смертельно опасно. «Мы должны двигаться, — отражает все более популярную точку зрения Швенингер, — в направлении некой системы глобального налогообложения, которая не зависит от хрупкого благорасположения национальных правительств, хотя и контролируется ими»[3].

Конкретным советом звучит делаемый вывод, что вводимый, скажем,

Организацией Объединенных Наций (весьма скромный) налог в 0,1% на нынешние мировые трансакции мог бы помочь развитию. Специально созданная международная компьютерная система могла бы фиксировать прохождение этого потока и налагать справедливый и относительно малочувствительный для облагаемых налог. Мировые трансакции ныне составляют 500 трлн. долл. в год (ежедневно в мировых трансакциях проходят примерно 1,5 трлн. долл.) Указанный налог дал бы солидную сумму в 500 млрд. долл., которые можно было бы использовать для помощи бедным странам.

Такие исследователи, как американец У. Грейдер, полагают, что необходим «новый Бреттон Вудс, новое соглашение, восстанавливающее равенство между богатыми и бедными, для развитых и развивающихся стран»[4]. Должно возникнуть нечто вроде

[1] *Kissinger И.* Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century. New York: Simon and Schuster, 2001, p. 19.

[2] «National interest», Winter 2001/2002, p. 14.

[3] *Schwenninger S.* American Foreign Policy in the Post-Cold War World («World Policy Journal», Summer 1999, p. 69).

[4] *Greider W.* The American Military and the Consequences of Peace. N.Y.: Public Affairs, 1998.

618

легально оформленного мирового сообщества. Это предложение, судя по всему, будет воспринято без всякого энтузиазма питающими отвращение к налогам нациями, жестко стерегущими свой финансовый суверенитет. «Но для американского политического класса, включающего в себя новую экономическую элиту, которая обогатилась на *мировом* рынке, преждевременно превозносить достоинства нового — глобального, безграничного рынка и в то же время категорически отказываться от финансирования политической инфраструктуры, необходимой для обеспечения ее жизнедеятельности»[1].

Скептицизм внутри

Сомнения испытывают сами американцы. Нельзя сказать, что американские политики и их советники, софистичная и изощренная среда заокеанской политологии, не ощущают хрупкости любого владычества, опасности подняться над другими. Здесь меньше, чем могло бы быть, иллюзий относительно союзнической верности и лояльности. Напротив, немалое число американских политологов весьма критично оценивают теряющих критическое чутье идеологов имперской системы. Как формулировал весной 2002 г. известный американский обозреватель У. Пфаф, «похоже, что многие в администрации Буша убеждены, что военной силой можно добиться желательного разрешения политических проблем. Они полагают, что Ариэль Шарон делает то, что нужно делать в его ситуации. Грубой силой можно решать политические проблемы, но этот метод обычно несет с собой новые проблемы... Эдмунд Берк однажды заметил, что для нации нет большего бедствия, чем порвать со своим прошлым... Холодная война оторвала США от прошлого. После окончания ее возврата к прошлому не произошло. Стратегам в Вашингтоне статус империи представляется удачным выбором. Считается, что таким образом удастся увеличить стабильность международного сообщества и решить проблему терроризма, государств-изгоев, оружия массового поражения и т. д. Но американское политическое, экономическое и культурное влияние не носит стабилизирующий характер. Оно опрокидывает прочные структуры, преследуя добрые или дурные цели. Администрация Буша — это правительство крестоносцев»[2].

Критически оценивая глобальный мессианизм, значительная часть американской элиты выражает сомнения и в потенциале

[1] Ibidem.

[2] «International Herald Tribune», April 8, 2002.

619
США. В частности, патриарх американской политологии Дж. Кеннан с недоверием относится к способности Соединенных Штатов осуществлять мировую гегемонию: «Перед нами в высшей степени нестабильный и неудовлетворенный мир — преисполненный противоречий, конфликтов и насилия. Все это бросает нам такой вызов, к которому мы не готовы. В течение 60 лет внимание наших руководителей и общественного мнения было монополизировано *совсем другими угрозами*... Наши государственные деятели и общественность не приспособлены реагировать на такую мировую ситуацию, в которой нет четко выраженного фокуса для проведения национальной политики»[1]. Кеннан констатирует факт, что Вашингтон оказался неготовым к решению проблем XXI века, проблем несклонного быть управляемым внешнего мира. Сторонники этой точки зрения сомневаются в необходимости «глобальной вахты», способной вызвать вовне неприятие Америки, а внутри американского общества — перенапряжение.

Внушительное число аналитиков утверждает, что «однополярность — это иллюзия, это краткий момент, который не может длиться долго»[2]. «Почему, — пишет американский исследователь Г. Уиллс, — другие нации обязаны следовать за руководством США, а не за национальным руководством?»[3] Ф. Закария предсказывает, что «подъем антиамериканских настроений будет ощутим во всем мире — от коридоров Кэ д'Орсэ до улочек Южной Кореи дипломаты будут высказывать свое недовольство американской демонстрацией силы»[4]. Благожелательная гегемония — этот американский словесный оборот воспринимается в остальном мире как нарушение логики. Британский дипломат пишет: «О желании мира иметь американскую гегемонию можно услышать только в Соединенных Штатах. Повсеместно в других местах говорят об американском высокомерии и односторонности»[5]. Америка не всегда права, более того, она часто не права и сомнамбулически не ощущает этого, находя новый Вьетнам, новое Сомали, новое Косово. «А если наши ракеты, — пишет американец Э. Басевич, — сокрушат пассажирский поезд, убьют не-

[1] *Renwick N.* Ameriea's Word Identity. The Politics of Exclusion. New York: St.Martin's Press, 2000, p. 210.

[2] *Snyder G.* Alliance Politics. Ithaca, 1997, p. 18.

[3] *Wills G.* Bully of the Free World («Foreign Affairs», March/April 1999, p. 50.

[4] *Zakaria F.* The challenges of American hegemony («International Journal», Winter 1998-9, p. 24).

[5] «The National Interest», Spring 2000, p. 55.

620
задачливых беженцев или поразят зарубежное дипломатическое представительство, мы выражаем соболезнование в ожидании, что наши жертвы поймут нас»[1].

Мультикультурализм

Двести с лишним лет *кредо* американского общества являлась вера в то, что *права личности, отдельного индивидуума* безусловно важнее *прав групп*, построенных на этнических, религиозных или прочих основаниях. Национальным лозунгом был: *e pluribus unum — едины в многообразии.* Президент Т. Рузвельт предупреждал, что «единственным абсолютно верным способом погубить нацию целиком было бы позволить ей превратиться в клубок ссорящихся между собой национальностей»[2]. Такие историки и политологи, как А.М. Шлезингер и С. Хантингтон, предупреждали и предупреждают сейчас *перестать воспевать превосходство группы над индивидуумом*, отдельного сообщества над гражданином.

На рубеже третьего тысячелетия произошло качественное изменение. Национально главенствующей стала точка зрения *отдельных этнических общин*.

Пресловутый плавильный тигель наций практически перестал работать. Более того. С 1970 года число американцев, имеющих многорасовые корни, увеличилось в четыре раза. После трех лет ожесточенных эмоциональных дебатов между традиционалистами и активистами многорасовости в самоидентификации американцев произошли существенные перемены. В национальном цензе (проводимом каждые десять лет) 2000 г. респондентам впервые было дано право идентифицировать себя *по расовому признаку*. Теперь американцы впервые подчеркнуто открыто указали на свою принадлежность к одной (или нескольким) из четырех мировых рас — белая, афроамериканская, азиатско-тихоокеанская, индейская-эскимосская. (Испано-язычные остаются в особой этнической группе.)

«Ассимиляция американских этнических меньшинств во враждебное принявшее их общество стала *не соответствующей духу времени* среди как уже утвердившихся, так и недавно организованных, ориентирующихся на свои национальные государства диаспор... Многие диаспоры, обосновавшиеся в Соединенных Штатах, не ощущают давления американского государства в поль-

[1] *Bacevich A.* Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization («National Interest», Summer 1999, p. 7.)

[2] *Schlesinger A.* The Disuniting of America Reflections on a Multicultural Society. N.Y., 1992, p. 118.

621

зу ассимиляции, они не видят особой привлекательности в ассимиляции в американское общество и даже не стремятся получить здесь гражданство»[1]. Происходит нечто весьма важное: главная эмигрантская страна в мире меняет ориентиры, переходит от практики ассимиляции в одну большую американскую нацию к торжеству «множественных» лояльностей. Главенствующим для многих американцев становится проявление воли диаспор, проявляющих больше лояльности к покинутой, чем к приобретенной родине.

Произведенная реформа будет иметь долговременные последствия. Совсем не ясно, как будут использоваться новые демографические данные. «Будет ли, — спрашивает журнал «Экономист», — дочь афроамериканского отца и белой матери считать себя черной женщиной в случае, если легислатура штата постарается создать округ с преобладающим черным населением? А как быть с гражданином, утверждающим себя в качестве потомка белых, черных и азиатов? Будет ли правительство считать его одним из них?»[2]

Итак, в то время как богатство Америки и ее мощь занимают высшую ступень в мировом табеле о рангах, национальное единство американского народа начинает испытывать на себе давление отдельных этнических общин. Экономическое равенство и культурная цельность начинают терять свою значимость и в будущем станут находиться на значительно менее высокой отметке, чем на протяжении прежних двух с лишним веков американской истории. Складывается ситуация, когда главными противниками Соединенных Штатов в будущем явятся не Китай, Россия, ислам или некая враждебная коалиция, а нечто более приближенное к центру американской мощи: подлинная угроза американскому единству, культуре и мощи окажется размещенной значительно ближе — и имя ей мультикультурализм.

Происходит своеобразное *дробление* внешнеполитической стратегии как между элитой и обществом, так и между потомками различных меньшинств. Американцы польского происхождения приложили максимальные усилия, чтобы увидеть Польшу в НАТО. Выходцы из Кубы формируют антикастровскую политику Вашингтона, китайское лобби прессирует в пользу благожелательности к КНР, армянские сообщества заняты выработкой армянской политики США и т. п. Диаспоры предоставляют наиболее квалифицированные и софистичные аргументы, аналитиче-

[1] Цит. по: «Foreign Affairs», September/October 1997, pp. 38—39.
[2] The World in 2000. The Economist Publications. London, 2000, pp. 54—55.
622
ские материалы, выдвигают кандидатов для дипломатических миссий и даже рекрутов в добровольческие силы. Диаспоры оказывают огромное воздействие на американскую политику в отношении Греции и Турции, закавказских стран, в дипломатическом признании Македонии, поддержке Хорватии, введении санкций в отношении Южной Африки, помощи черной Африке, интервенции на Гаити, расширении НАТО, введении санкций против Кубы, решения конфликта в Северной Ирландии, установлении отношений между Израилем и его соседями. *Основанная на диаспорах политика может иногда совпадать с общими национальными интересами США, но может проводиться и за счет американских интересов и американских отношений с давними союзниками.*

Как сказал известный историк А. Шлесинджер на лекции в Центре стратегических и международных исследований (Вашингтон), Соединенные Штаты начинают проводить внешнюю политику «скорее не в духе традиционной политики сверхдержавы, как серию усилий, предпринимаемых под давлением отдельных групп избирателей... Результатом является потеря связности, цельности американской внешней политики. Такое едва ли ожидается от ведущей мировой державы»[1]. Все это позволило сделать вывод (С. Хантингтон), что «внешняя политика как совокупность действий, предназначенных защищать и реализовывать интересы Соединенных Штатов как единой общности, противостоящей другим коллективным общностям, будет медленно, но постоянно исчезать»[2].

Без помпы и громких деклараций в Америке периода ее геополитического триумфа произошла своего рода революция — замена базовых ценностей, низвержение общеобъединяющих ориентиров. Для многих стран, возможно, такая «смена вех» не столь и существенна. Китай с 5000-летней историей и 92%-ным этническим преобладанием в собственной стране был и останется Китаем вне зависимости от господствующих идей и политической философии. Британия, Франция, Япония, Германия и немалое число других стран были и останутся собой вне зависимости от очередного идеологического поветрия.

Но не мультикультурная Америка. Считать триумфом Америки не формирование единого сплава в тигле многих национальностей, а радость пестрого *многоцветья мультикультурализма*, привело к логическим результатам. Гарвардский профессор С.

[1] Цит. по: «Foreign Affairs», September/October 1997, p. 40.
[2] *Huntington S.* The Erosion of American National Interests («Foreign Affairs», March/April 1999, p. 42).
623
Хантингтон задает вопрос: «Смогут ли Соединенные Штаты пережить конец своей политической идеологии? Соединенные Штаты и Советский Союз напоминают друг друга в том, что не являются нацией-государством в классическом смысле этого слова. Обе страны в значительной мере определяли себя в терминах идеологии, которая, как показывает советский пример, является более хрупким основанием единства, чем единая национальная культура, базирующаяся на общей истории. *Если мультикультурализм возобладает и если консенсус в отношении либеральной демократии ослабнет, Соединенные Штаты присоединятся к Советскому Союзу в груде исторического пепла»*[1].

Речь идет, прежде всего, о процессе формирования национальной стратегии. Никогда господствовавшие между 1776—1865 гг. англосаксы и преобладавшие в период 1865—1991 гг. американо-европейцы не строили свою внешнюю политику на неких *кровных* преференциях. Но ситуация изменилась после краха коммунистического Востока. Комиссия по Американским национальным

интересам пришла к выводу: «После десятилетий необычной сосредоточенности на сдерживании советской коммунистической экспансии мы являемся свидетелями проводимой Вашингтоном политики спонтанных действий и шагов. Если дело будет продолжаться подобным образом, это плавание по течению представит угрозу нашим ценностям, нашей собственности и даже нашим жизням»[2].

Конгресс американцев польского происхождения заполонил Белый дом и Капитолий в 1994 г. телеграммами, требующими включения Польши в НАТО[3]. Кубинское лобби определяет политику США в отношении Кастро, а еврейское — в отношении Ближнего Востока. Армянское лобби влияет на политику Вашингтона в Закавказье, греческое — в отношении Турции (оно сумело даже блокировать отправку в Турцию американских вертолетов и фрегатов). Вторжение на Таити диктовалось давлением черных американцев. В результате, как выражается бывший министр обороны Дж. Шлесинджер, Соединенные Штаты «менее, чем какая-либо другая великая держава, проводят внешнюю политику в традиционном значении этого слова... Это скорее аккумуляция

[1] *Huntington S.* The Erosion of American National Interests («Foreign Affairs», September/October 1997, p. 35).

[2] American National Interests. A Report from the Commission on America's National Interests. Cambridge, Harvard University, 1996, p. 1.

[3] *Waller D.* How Clinton decided on NATO expansion («Time», July 14, 1997).

624

отдельных целей, к которым стремятся различные коллективы избирателей»[1].

Все эти перемены отразились на позиции Белого дома, ощутившего на себе силу этнического давления внутри страны и упорство неподатливого мира вовне. На внутренней арене переход к «многорасовости» стал своего рода «переходом Рубикона». Президент Клинтон первым поставил «разнообразие выше единства той страны, которой он управляет. Поддержка реализации собственной этнической и расовой идентичности означает, что недавние эмигранты более не являются объектом того давления, которое испытали на себе прежние эмигранты, стремившиеся интегрироваться в американскую культуру. В результате этническая идентичность стала более важной и увеличивает свою значимость в сравнении с национальной идентичностью... Не имея общей культуры, основа национального единства становится хрупкой»[2].

Едва ли проводимая в таком ключе политика способна укрепить «монолит США». Под новый мировой порядок гегемонии США подкладывается заряд огромной разрушительной силы. Увеличиваются основания для сомнений в том, что американский народ пойдет на большие материальные жертвы, на жертвы жизнями своих сограждан ради достижения целей, преследование которых — дело рук лишь одного из этнических меньшинств. Поэтому президент Буш-мл. постарался вернуться к «плавильному тиглю», отходя от одиозного мультикультурализма. Но можно ли вернуть джинна в бутылку?

Американская национальная идентичность в XXI веке будет находиться под угрозой *мультикультурализма*, наносящего удар *снизу*, и *космополитизма* (порожденного глобализмом) *сверху*. Эта *верхняя* линия водораздела в американском обществе будет пролегать между «денационализированной элитой и националистическим обществом. Обращенный к международным связям класс бизнесменов, официальных лиц, академических ученых и журналистов возник вследствие их постоянных путешествий, взаимодействия друг с другом, под защитой политики расширения внешней торговли, инвестиций за пределы страны и получения именно там доходов, продвижения по всему миру либеральной демократии и рыночной экономики. Эти цели противодействуют экономическим интересам и культурным привязанностям основной массы американского

общества. В результате, как и предупреждал Кофи Анан, возникла националистическая, антилибе-

[1] *Schlesinger J.* Fragmentation and hubris («National Interest», Fall 1997, p. 17).

[2] *Huntington S.* The Erosion of American National Interests («Foreign Affairs», September/October 1997, p. 34).

625

ральная и популистская реакция на глобализацию»[1]. Учитывая, что «патриотизм и религия являются центральными элементами американской идентичности»[2], возникает *вторая* (после мультикультурализма) сила, противодействующая национальному единству американского народа.

Само понятие «однополярность», полагают многие, все больше будет вызывать массовое противодействие, и в этом смысле был, возможно, прав С. Хантингтон, предложивший свой эвфемизм — «одно-многополярность», как бы намекая на то, что главенство США *не будет* жестокой гегемонией. Не будет тотальной и всепроникающей. Иначе цена главенства во всем мире становится слишком высокой — как выразился государственный секретарь США У. Кристофер, «любой кризис неизбежно становится нашим кризисом»[3]. И Вашингтон в этом случае должен превратиться во всемирное Министерство по чрезвычайным ситуациям, число которых в мире, судя по всему, будет постоянно увеличиваться.

5. ПЕРЕХОД ОТ ОДНОПОЛЮСНОГО МИРА

> США должны вести дела с Китаем и Японией, Индией и Пакистаном, умиротворять Уолл-стрит и экологов, следить за своими текущими интересами и стабильностью в мире, за свободной торговлей и черной металлургией. Весь мир для Америки — огромный Ближний Восток, слишком большой кусок пирога для одной страны. Мировое господство — это не панацея. Мир нуждается в другой организации. Миру, и США, в первую очередь, нужны другие великие державы.
>
> *«Ле Тан» (Женева), 24 мая 2002*

Естественная диффузия мощи предопределяет шаткость положения лидера. «Американцам неизбежно придется примириться, — приходит к заключению экономист Л. Туроу, — с потерей

[1] *Huntington S.* Robust Nationalism («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 39).

[2] Ibid.

[3] *Bell C* American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 61).

626

своего положения господствующей в мире экономической, политической и военной державы. Рациональный подход требует, чтобы американцы играли активную, но меньшую роль на мировой сцене»[1]. Ему вторит известный политолог Р. Хаас (занявший в администрации Дж. Буша-мл. пост главы отдела планирования государственного департамента): «Способность Соединенных Штатов быть постоянно впереди со временем, конечно же, ослабнет. Существуют частичные исключения, но общая долгосрочная тенденция подвергнет главенство Соединенных Штатов эрозии»[2]. Отсутствие непосредственных соперников, забвение прямых (и даже косвенных) угроз неизбежно порождает коварную самоуверенность, чувство самодовольства, чреватое невниманием к проблемам других, что стимулирует их объединение, ведущее к конечной потере лидером своего могущества. В то же время «фактом является, что остальной мир реагирует на американскую мощь в классической манере поиска противовеса, ведь не мотивы и намерения важны, а относительная мощь государств»[3].

Противостояние Соединенным Штатам в ближайшие годы могло бы

осуществиться лишь в случае безответственного поведения Вашингтона, неожиданного ослабления американской мощи или паралича национальной воли.

Для тех, кто склонен преувеличивать влияние и возможности США, стоит только взглянуть в сторону Израиля и Палестины, где могущественная Америка распростерлась в очевидной немощи. А впереди самое страшное: возможная смена режимов в трех наиболее стратегически важных для Вашингтона столицах — в Эр-Рияде, Исламабаде и Каире. Если русская революция определила течение XX века, то исламская революция в указанных столицах может определить течение XXI века.

Слабые места «доктрины Буша»

История учит, что гегемония — с трудом удерживаемая позиция. Особенно если речь идет о десятилетиях нашего бурного времени. Гегемон не может не совершать ошибки. Его внутреннее психологическое поле не может быть постоянно настроено

[1] *Туроу Л.* Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 376.

[2] *Haass R.* The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. 2.

[3] *Rodman P.* The World's resentment («The National Interest», Summer 2000, p. 33).

627

на жертвенность. Внутренние проблемы статистически чаще преобладают над потребностями контроля в отдаленных пределах.

Если мы обратимся к таким эпохальным документам американской международной дипломатии, как Атлантическая хартия президента Ф. Рузвельта, то увидим прежде всего схему некоего прогресса для всего человечества, некие выражения надежды на всеобщий прогресс. И ныне в правительственной риторике официальная цель доминирования США, разумеется,- — всеобщее благо. Но уже не столь явственно различимое благо. В оформившейся летом 2002 г. «доктрине Буша» нет прежних упражнений в футурологии; всем страждущим *не* рисуется приветное будущее. Здесь нет вильсоновского обещания сделать *демократию защищенной повсюду*, нет рузвельтовского упования на коллективную мудрость мира, защитный рефлекс Объединенных Наций. Есть обещание наказать врага Соединенных Штатов, обещание не останавливаться ни перед чем в обеспечении американской безопасности.

Вызревшая на протяжении 2002 г. «доктрина Буша» (см. особенно существенное в этом плане выступление президента Буша перед выпускниками Вест-Пойнта в июне 2002 г.) не получила еще массовой, гарантированной поддержки самого американского общества. Более того, более или менее очевидно, что пока американский электорат (считает, скажем, известный политолог Ч.-М. Мейнс) «не желает платить долларами и кровью за установление Нового мирового порядка или за внедрение норм демократии в странах, о которых американцы ничего не знают. Они не против более тесных отношений с другими крупными странами, но они не поддерживают даже умеренную критику таких ключевых держав, как Китай. Они устрашены варварством многих конфликтов в мире, но наивно думают, что ООН должна остановить эти конфликты без поддержки Вашингтона»[1].

В большом историческом смысле Америка не может рассчитывать на феноменальную историческую исключительность по причине конечности лидерской миссии, определенной природой человеческих и межгосударственных отношений. Гегемония (полагает живущий в Париже американский обозреватель У. Пфафф) «является внутренне нестабильной, поскольку международная система естественным образом стремится к балансу и противится гегемонизму. Гегемон постоянно находится в опасности»[2]. В то же время «гегемон обуреваем гордыней и эксцесса-

[1] *Maynes Ch.* Pax Americana: The Impossible Dream («Foreign Service Journal», March 2000, p. 24).

[2] *Pfaff W.* The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 8).

628

ми изнутри, и угрозами извне»[1]. В конкретно-исторической ситуации проявлением этой гордыни стала выдвинутая в 2001 — 2002 гг. т. н. «доктрина Буша».

Американская политика, которая при президенте Буше оставляет только за Соединенными Штатами право определять, какие государства представляют собой угрозу и какой способ обращения с ними является оптимальным для преграждения им дороги к овладению средствами массового поражения, *ослабляет* многосторонние международные механизмы — наиболее эффективные в деле поддержания режима нераспространения.

Администрация Дж. Буша-мл. формально определяет своих союзников как «могущественную коалицию цивилизованных наций». Но цивилизованные нации действуют посредством консенсуса, а не под ударами главенствующего бича, действуя в направлении указующего перста лидера. Дипломатия является средством общения цивилизации; международный суд — апелляционная инстанция цивилизации. Язык «доктрины Буша», ставящий американских солдат выше международной юстиции, зарубежных производителей — жертвой местнических интересов, отклоняется от столетиями выработанных правил цивилизованного общения, касается ли это глобального потепления или импорта череповецкой стали.

Отношения с союзниками (даже натовскими), по выражению М. Хирша, «зияют пустотой». Общей цели нет, единственная цель — безопасность США[2].

1. «Доктрина Буша» не определяет самого существенного обстоятельства — что такое «война с терроризмом». Что означает быть в одной коалиции с Соединенными Штатами? Является ли военный союз временным? Члены определенной президентом Бушем «могущественной коалиции цивилизованных наций», собственно, не знают, завершилась ли с боями за афганские пещеры их союзническая миссия. Бомбить Багдад большинство *не* собирается. От ступора и неловкости до гордости стоять рядом с могущественными Соединенными Штатами — вот спектр мнений и чувств активных и пассивных участников Антитеррористической коалиции. Это не здоровое явление, это не стабильное явление.

2. Американская имперская стратегия уменьшает значимость многосторонних соглашений, наносит удар по уже имеющейся

[1] *Pfaff W.* The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 8).

[2] *Hirsh M.* Bush and the World («Foreign Affairs», September/October 2002, p. 20).

629

институциональной инфраструктуре, ослабляет дух сотрудничества, необходимые для долговременной успешной политики нераспространения.

3. Доктрина «предупреждающих ударов» открывает немыслимый по опасности «ящик Пандоры». Как только США возьмут на себя смелость заблаговременно наносить удары по потенциальным обладателям оружия массового поражения (ОМП), прочие великие державы, начиная с России и Китая, а затем Индия, Пакистан, Израиль и западноевропейские страны возьмут себе право предупреждать угрозу своей жизнедеятельности.

4. Новые приверженцы односторонних предупредительных действий будут постоянно занижать «планку» убедительных доказательств угрозы, требующей нейтрализующего удара. Сдержанность будет постоянно страдающей величиной, и современные жалобы США на то, что международные организации действуют

слишком медленно, явятся *всеобщим* обоснованием жестких односторонних действий, включая предупредительные удары по жизненным узлам любой противостоящей стороны.

5. Преобладающая мощь американских обычных вооруженных сил в сочетании с политикой предупредительных ударов *заставит* потенциально враждебные государства ускорить свои национальные программы создания СМП как *единственного* средства отвратить США от своей сверхэнергичной оборонительно-наступательной стратегии.

6. Если даже предупредительный удар был успешным и нарождающиеся СМП потенциального противника оказались уничтоженными, перед США и всем мировым сообществом встает во всей сложности задача восстановить минимальный уровень цивилизованной жизни в пораженной стране. Это неизбежно потребует от США взаимодействия с ими же ослабленными ООН и прочими международными организациями. Этот парадокс может дорого обойтись Вашингтону в международном плане — обращение за содействием к странам, не принимавшим участия в решении нанести удар, может оказаться контрпродуктивным.

7. Восстановление пораженной страны может стать исключительно непопулярным внутри США. Возникнет опасение «имперского перенапряжения», стимулирующее все формы изоляционизма (никогда не умирающие в США).

8. Сонм проблем — от реакции на подъем Китая до понижения торговых тарифов — требует взаимодействия США с ведущими государствами мира. Реализация подобной кооперации становится все более осложненной по мере обращения Америки к односторонним действиям. «Невозможно представить себе подчиненное согласие потенциальных зарубежных партнеров на самоназначенный американский глобальный протекторат в об-

630

ласти безопасности при одновременном «бизнесе как обычно» в других областях международной жизни. Ключевым элементом политики стран, недовольных самоназначенным односторонним курсом США и противостоящих этому курсу, будет прекращение стандартного и традиционного сотрудничества с США»[1].

Парадокс: ничто не способно так зримо и очевидно ослабить позиции США в мире, как демонстративная односторонность. Фактический отказ от коллективной ответственности, взятой на себя американцами при президенте Ф. Рузвельте (опора на ООН и пр.), и переход к курсу, напоминающему внешнюю политику сторонников односторонних действий — Т. Рузвельта и Р. Рейгана, вызвал в США спор об оптимальном подходе к гегемонии.

Односторонность была бы более релевантной стратегией, если бы США поставили перед собой цели, которые внешний мир мог бы анализировать, обсуждать, обуславливать. Увы, нет оснований говорить о наличии четко и конкретно определенной и выраженной долговременной американской стратегии в мире. Скажем, предполагается усиленное военное строительство, активизация деятельности американского разведывательного сообщества, но нет планов, по поводу которых внешний мир мог сформировать суждение, не ожидая спонтанной активности Вашингтона. Лозунги типа «нового мирового порядка», увеличения зоны демократии и свободного рынка, гуманитарных интервенций не могут рассчитывать на заведомо данную мировую индульгенцию.

Односторонность американского внешнеполитического поведения подвергается сомнению и критике еще и потому, что она не является уже ответом на некую (прежде советскую) угрозу, а проявляется как *качество само по себе* — как неукротимое стремление к лидерству. Это не первый в истории случай, когда лидерство, параллельно с огромными возможностями, несет с собой опасность противостояния с недовольным внешним миром.

Несмотря на всемогущество после 1991 г., США отнюдь не овладели всеми контрольными рычагами мирового развития. Они не сумели, скажем, восстановить порядок в таких странах, как Сомали и Колумбия, не смогли предотвратить распространение ядерного оружия в Южной Азии. Им не удалось предотвратить цивилизационный коллапс в Руанде и Конго, создать антииракскую коалицию после 1992 г., свергнуть нежелательные для

[1] *Ikenberry J.* America's Imperial Ambition («Foreign Affairs», September/October 2002, p. 57).

631

себя режимы на Кубе, в Ливии, Ираке, Северной Корее, Конго, Малайзии, решающим образом повлиять на экономическую политику Европейского союза и Японии, эффективно вмешаться во внутренние процессы КНР, получить в свои руки ведущих террористов (начиная с Бен Ладена), разрешить противоречия между Израилем и Палестиной, остановить поток движущихся в Америку наркотиков, реально закрепить внесевероатлантические функции НАТО.

6. КАК УДЕРЖАТЬ ДОМИНИРУЮЩИЕ ПОЗИЦИИ

> Опыт, несмотря на все успехи, со всей неотвратимостью оставляет чувство выбитости из колеи и фрустрации, ибо все достижения так и не достигают чаемых надежд и потребностей. И так часто то, что казалось находящимся в пределах досягаемости, ускользало из рук.
>
> *Д. Ачесон, 1951*

Американская элита, лидеры обеих политических партий верят в возможность удержания главенствующих позиций в мире. Примером могут служить сказанные в американском сенате слова государственного секретаря М. Олбрайт: мы (американцы) должны сохранить за собой функции «авторов истории своего времени»[1]. А если так, то дело в правильной стратегии, в разумном расходовании сил, в нахождении оптимальной схемы преобладания. Предполагается, что выбор адекватной стратегии продлит пребывание США на мировой вершине в функции «авторов» истории XXI века.

По существу же США будут вынуждены — это будет их исторической судьбой в XXI веке — решать задачу предотвращения *объединения* потенциальных конкурентов и соперников. Прежде всего, важна форма, стиль, верное обращение с переменчивым миром. Американский исследователь Г. Биннендийк призывает вспомнить старую мудрость президента Теодора Рузвельта: «Говори вежливо, но неси большую дубину»[2]. Но за счет стилевых особенностей не решишь роковую задачу преобладания и контроля. Дебаты в США, как и в остальном мире, дают основания

[1] «World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 2.

[2] *Binnendijk H.* Back to Bipolarity? («The Washington Quarterly», Autumn 1999, p. 13).

632

для размышлений по этому поводу. Выделим *десять способов* решения этой задачи, вытекающих из интенсивной мозговой атаки, которую проводят сторонники закрепления американских позиций в мире на максимально долгое время в двадцать первом веке.

Неолиберальная модель

Неолиберальная модель торгово-экономической активизации. На рубеже тысячелетий часть американского истеблишмента, как кажется, увидела магическую формулу сохранения гегемонии в экономическом развитии на основе финансовой либерализации, направленном на экспорт в промышленном росте. У этой модели три основания:

— «высвобождение» мировой финансовой системы способно либерализовать

потоки капитала, бросающегося туда, где технологии и квалифицированная рабочая сила создают наиболее эффективное производство. Рыночные силы формируют «твердую основу» открытой системы, создающей (де-юре или де-факто) ведомую Америкой политико-экономическую коалицию, включающую в себя помимо США Западную Европу. Рыночное сближение, создающее политическую и экономическую конструкции, породит и общую военную систему;

— ориентация на экспорт (столь блистательно прежде продемонстрированная Японией, Тайванем, Южной Кореей) мобилизует мировую конкуренцию, не позволит американской экономике впасть в эгоистическое самолюбование, предотвратит технологическое отставание;

— сохранение за Соединенными Штатами роли первого в мире потребителя, наиболее выгодного рынка и главного «стабилизатора» мирового экономического роста обеспечит массовый приток в американскую экономику международного капитала.

Такая схема предполагает увеличение значимости международных финансовых институтов, обеспечивающих долговременное движение капитала между развитыми и развивающимися странами. США увеличат финансирование важных проектов в развивающихся странах. Глобальная «сеть финансовой безопасности» уменьшит риск, связанный с интеграцией мирового рынка, с глобализацией. В будущем Соединенные Штаты осуществят реформирование МВФ, стремясь реализовать две цели: создание гигантской трансатлантической зоны свободной торговли (1); эффективная либерализация важных развивающихся стран (2),

Условием в данном случае является отказ Соединенных Штатов от практики санкций по отношению к отдельным странам.

633

(За последнее время США вводили санкции в отношении 26 отдельных стран, в которых проживает половина человечества. Эти санкции стоили Америке более 20 млрд. долларов (потерянный экспорт), 200 тысяч рабочих мест и никаких практических выгод)[1]. Соединенные Штаты — крупнейший экспортер мира и страна с одними из наиболее низких таможенных тарифов — могут получить самые большие выгоды именно благодаря либерализации мировой торговли.

Оборонительный щит над Америкой

Если дипломатические усилия по удержанию гегемонии не дадут результата, то, по мнению жестких сторонником в гегемонии, «следует взять увесистую дубину, — полагает американский аналитик Г. Биннендийк. — Требуется усилить готовность вооруженных сил к непредвиденным случайностям, следует избежать старения вооружений. Предложение администрации израсходовать дополнительные 112 млрд. долл. в предстоящие пять лет дают необходимые ресурсы»[2].

По мнению давних сторонников рейгановской СОИ и новых приверженцев противоракетной системы национального масштаба президента Дж. Буша, условием *sine qua non* американской стратегии глобального доминирования становится создание ПРО стратегического масштаба (которая могла бы прикрыть не только территорию США, но и три критически важных для США региона — Западную Европу, Восточную Азию и Персидский залив). «Только хорошо защищенная Америка будет способна сдержать — и, если нужно, отбросить — агрессивные режимы, бросающие вызов региональной стабильности. Только в том случае, если Соединенные Штаты закроют себя от угрозы шантажа ядерным, биологическим и химическим оружием, они смогут эффективно влиять на формирование желательного им международного окружения, соответствующего

их интересам и принципам»[3]. Критическую важность в этом случае приобретает позиция ближайших союзников — Западной Европы, противодействие России, недовольство Китая.

[1] *Cutter B., Spew J., Tyson L.* New World, New Deal. A Democratic approach to Globalization («Foreign Affairs», March/April 2000, p. 91—92).

[2] *Binnendijk H.* Back to Bipolarity? («The Washington Quarterly», Autumn 1999, p. 14).

[3] *Kagan R.* and *Kristol W.* The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 67).

634

Имитация Британии

Третий способ представляет собой *имитацию поведения Британии*, когда та в XIX веке добилась доминирующей мировой позиции, но тоже не могла рассчитывать на повсеместный контроль в свете демографических, экономических, транспортных, социальных и прочих ограничений. Такая имитация диктует отстояние от мелочной опеки и контроля, равно как и отказ от автоматически обязывающих союзов на дальней периферии и предполагает энергичное вмешательство в заморские дела лишь в случае открытого заявлении о себе претендента (или группы претендентов) в качестве противников благоприятного для гегемона статус-кво. Английский король Генрих VIII первым выдвинул принцип *Cui adhaero praeest — Тот, кого я поддерживаю, возобладает.* И британский лев сражался на стороне противников испанской гегемонии в Европе, против французов во времена Людовика-Солнца и Наполеона, против немцев кайзера Вильгельма Второго и Гитлера. То есть Вашингтону предлагается выбор стратегии *борьбы с возникающим претендентом на мировое могущество по мере возникновения угрозы* и посредством поддержания сил, выступающих против очередного претендента.

Можно согласиться, что Америка в некоторых отношениях напоминает Британию. В 1881 г. на Британию приходилось 25 процентов мирового ВНП — столько же, сколько приходится сегодня на Соединенные Штаты. США сегодня (как Британия тогда) являются финансовым центром мира. Британия 1880 г. являлась — как и США сегодня — единственной сверхдержавой мира. Сходно и практически «островное», охраняемое двумя океанами положение, обладание неоспоримо преобладающей военно-морской мощью и другими элементами «проекции мощи» в практически любые земные регионы (непререкаемая военно-воздушная мощь и космические средства слежения).

Британский способ сохранять свое лидерство посредством «бросания своей мощи» на весы в решающий момент может в XXI веке оказаться привлекательным для Вашингтона. Даже если бы, скажем, Россия и Китай совместили свои потенциалы, «Соединенные Штаты могли бы сдерживать их настолько долго, что смогли бы нанести неприемлемый ущерб каждой из этих стран»[1]. Для США в данном случае было бы важным добиться противостояния такому союзу ЕС и Японии; бросая свой вес на чашу исторических весов, Америка гарантировала бы преобладание *своей* коалиции.

И все же, сколь ни выигрышным смотрится такой вид пове-

[1] *Joffe J.* How America Does It («Foreign Affairs», September/October 1997, *p.* 20).

635

дения, такая стратегия, США XXI века очень отличаются от Британии XIX века *Во-первых*, Лондон не был, по существу, интегральной частью мировой системы. Он отстоял от основных заморских процессов, лишь периодически в них вмешиваясь. Вашингтон же самым непосредственным и существенным образом *является* звеном мировой системы — он непосредственно вовлечен в региональные балансы, он содержит войска в ключевых регионах, он присутствует явственно и зримо почти повсюду. Ухудшение положения в любом из важных регионов практически немедленно сказывается на США. *Второе* отличие — Америка не может рассчитывать на то, что региональные конкуренты

просто своим соперничеством нейтрализуют друг друга. Трудно представить, скажем, как Европейский союз может нейтрализовать Китай. *В-третьих,* хотя Соединенные Штаты и могут периодически высаживать десант (как это было в Персидском заливе в 1991 г. и в Косове в 1999 г.), но полагаться лишь на «точечные удары» Вашингтон не сможет. Геополитический бум XXI века не будет похож на плавное течение XIX столетия.

И главное. Как ясно теперь, три миллиона квадратных миль колоний не укрепили Британию, а, напротив, рассредоточили ее ресурсы. Ясное видение центральной проблемы безопасности оказалось замутненным вниманием к кризисам в самых отдаленных районах Азии и Африки. Увлекшись наведением порядка в Занзибаре, Судане и Уганде, Лондон «просмотрел» бросок вперед своего подлинного противника — кайзеровской Германии, сконцентрировавшей свою мощь в решающем регионе, Европе и изменившей соотношение сил здесь кардинально. Британский лев развернулся к Европе тогда, когда стало практически поздно, а исправлять сложившуюся ситуацию стало весьма накладно. Почему подобной участи должен избежать американский орел?

Имитировать «блестящую изоляцию» Британии может оказаться для лидерских притязаний США *контрпродуктивно*. В этом случае следует вспомнить «правило Уолтера Липпмана», сформулированное им в 1941 г.: не связывай себя обязательствами, которые превосходят твои возможности, постоянно думай о балансе обязательств и мощи, оставляй часть мощи в резерве. В противном случае недалеко и до банкротства. «Соединенные Штаты должны обеспечить свои планы ресурсами, когда наличествует национальное намерение выполнить взятые обязательства, когда есть возможность выполнить взятые обещания, когда политика осуществляется в реальной жизни, а не в риторике»[1]. Перекос вызовет кризис.

[1] *Zakaria Fareed.* The Challenges of American Hegemony («International Journal», Winter 1998-9, p. 19).

636

Модель Бисмарка

Если учитывать геополитический опыт, то Соединенные Штаты должны следить прежде всего за *центральным* балансом сил. Тогда вперед выйдет *бисмарковская* модель поведения. После объединения Германии канцлер Бисмарк, руководя рейхом в условиях превращения его в ведущую силу Европы, заботился прежде всего об избежании изоляции страны в Европе и мире. (К современной — как и к тогдашней ситуации можно применить слова британского премьера Дизраэли: «Перед нами новый мир. Прежний баланс сил полностью разрушен».) Именно по причине разрушения прежнего баланса бисмарковская Германия (как и США сегодня) была самым уязвимым участником нового уравнения мощи в мире. Подобным же образом Америка XXI века будет стоять перед задачей в некоторых отношениях подобной — избежание изоляции. США в будущем (как и Германия на рубеже XIX—XX веков) могли бы *сокрушить каждую из стран, взятых в отдельности, но не могут* возобладать *над всеми соперниками, взятыми вместе).*

Основное правило Бисмарка было высказано им русскому послу Сабурову: «Вся политика может быть сведена к формуле постарайся быть среди *троих* в мире, где правит хрупкий баланс *пяти* великих держав. Это единственная подлинная защита против формирования враждебных коалиций». Подобным же образом стратегией Соединенных Штатов в грядущем могло бы стать тщательно отслеживаемое и скрупулезно осуществляемое противодействие попыткам создания (потенциально) враждебных коалиций на основе присоединения к сильному большинству. Согласно этой схеме поддержание баланса как защиту статус-кво Америке следует осуществлять не *извне* (подобно Англии

Пальмерстона и Гладстона), а *будучи в центре системы* — как бисмарковская Германия. Популярной метафорой при данном подходе является сравнение Соединенных Штатов с *осью*, а Западной Европы, Японии, Китая, России, Ближнего Востока со *спицами* этой оси.

Поддерживать второго

Пятый способ удержать глобальное доминирование в XXI веке заключается в том, чтобы в каждом из мировых регионов поддерживать *вторую* по значимости державу, тормозя тем самым выделение региональных лидеров, ставя на их пути к возвышению могучее препятствие в виде (квази) союза с *противником* претендента на местный контроль. Это означает, что в Западной Европе следует поддерживать Британию против лидера Европей-
637
ского союза Германии. В Восточной Азии следует поддерживать военный и экономический союз с Японией как страховку на случай проявления претензий Китая на региональное лидерство. Следует поддерживать в Восточной Европе Украину, страхуясь тем самым от курса России на региональное лидерство. В Латинской Америке США должны поддерживать Аргентину в пику явственно выделяющейся Бразилии. В регионе Персидского залива оптимальный курс Вашингтона заключается в поддержке Саудовской Аравии как противовеса 70-миллионому Ирану. В Южной Азии логический выбор — ориентация на Пакистан как фактически единственное препятствие региональной гегемонии Индии.

Следует воспользоваться тем обстоятельством, что большинство значимых стран так или иначе нуждается в США — для страховки против влиятельных соседей, если те выйдут на дорогу самоутверждения. Фактом реальной жизни является то, что в Евразии США имеют лучшие отношения с Россией, Китаем, Японией, Южной Кореей, чем они сами между собой. В будущем стратегия США должна заключаться в том, чтобы основные мировые силы нуждались в Америке в качестве противовеса соседям (предлагая свой самый прибыльный рынок, являясь поставщиком технологии и т. п.). Скажем, на Ближнем Востоке США, полвека назад заменив после Суэца Англию и Францию, стали посредником между арабами и Израилем, в отношениях между умеренными и радикальными арабскими режимами.

Сила этого подхода в том, что региональная держава номер 2 весьма часто с охотой соглашается опереться на помощь величайшей мировой державы, способной, во-первых, оказать экономическую, военную и политическую поддержку; во-вторых, помочь реализации «заветных чаяний» страны, желающей нейтрализовать регионального координатора. Это весьма эффективный способ быстро «войти» в местный расклад сил, оставляя «жертвенную часть усилий» самой державе номер два в регионе. Негативной стороной этого подхода является сравнительно быстрое отчуждение региональных лидеров. Никто еще не доказал, что поддерживать местный номер 2 против местного № 1 беспроигрышно. Здесь таится опасность просчета, антагонизации наиболее важных лидеров второго мирового звена.

Избранные партнеры

Выбор среди всего мирового расклада сил *нескольких преференциальных партнеров*. Утверждение, что Соединенные Штаты могут все на мировой арене делать собственными силами и под-
638
держивать свое первенство без союзнической помощи, является стратегической ошибкой. При таком сочетании психологических и материальных факторов все

большую привлекательность обретут схемы раздела глобальных прерогатив с избранными союзниками, с потенциальными соперниками. По опросам общественного мнения, осуществленным чикагским Советом по международным отношениям, 72 процента американцев считают необходимым в случае кризисной ситуации не предпринимать односторонние действия и заручиться поддержкой союзников[1]. «Что будет означать американское лидерство в отсутствие демократических союзников? Какого типа нацией станут Соединенные Штаты, если они позволят Великобритании, Германии, Японии, Израилю, Польше и другим демократическим странам отгородиться от мировых вызовов, выдвигаемых внешним миром? США должны быть не «прибрежным балансиром», не спасителем других в экстремальных условиях. Они должны находиться в постоянном контакте со своими союзниками и активно этих союзников использовать»[2].

Америке нужны союзники — но не декоративные сателлиты, а организованные и эффективные партнеры. Правильное видение будущего мира, утверждает Ч. Капчен, «требует от США создания директората, состоящего из главных держав Северной Америки, Европы и Восточной Азии»[3]. Логично предположить членство в таком директорате «первых» стран своих регионов — Японии, Германии, России, Индии, Бразилии. В интересах Соединенных Штатов было бы «привлечь Россию, Китай и Индию на *правильную* сторону глобализации и демократизации... Россию следует привязать к Западу... Китай включить в ВТО... Изменением позиции по Кашмиру улучшить отношения с Индией»[4].

Логично предположить сближение «группы семи» — наиболее развитых стран западного мира. Такие экономисты, как Л. Туроу и Г. Кауфман, как финансист Дж. Сорос, выступили адвокатами более регламентированного регулирования внутри «большой семерки», создания эффективных многонациональных заемных организаций, координации стратегии ведущих банков, регламента-

[1] «Foreign Policy», Spring 1999, p. 102.

[2] *Kagan R.* and *Kristol W.* The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 63).

[3] *Kupchan Ch.* Life after Pax Americana («World Policy Journal» Fall 1999, p. 26).

[4] *Binnendijk H.* Back to Bipolarity? («The Washington Quarterly», Autumn 1999, p. 13.)

639

ции правил и стандартов инвестирования и отношений между заимодателями и должниками.

Предлагается не замыкаться в рамках уже обозначившейся «семерки» и расширить ее состав с тем, чтобы не антагонизировать лидеров отдельных регионов. Считается логичным, оправданным и выигрышным для Соединенных Штатов закрепление полного членства России, а также приглашение на форумы и дискуссии — вплоть до предоставления полного членства — Бразилии, Китая, Индии. Имеются и более широкие идеи. Скажем, предложения о создании мирового директората в составе десяти членов, пять из которых были бы постоянными: «Соединенные Штаты сосредотачиваются на Западном полушарии; Россия и, возможно, Германия наряду с ротирующимися представителями новообразованного Западноевропейского союза безопасности отвечают за Европейский регион; Китай и Япония плюс ротирующийся член из Юго-Восточной или Восточной Азии курируют Дальневосточный регион; одно или два государства от Ближневосточного региона плюс альтернативный представитель средиземноморских стран и стран Персидского залива полномочны на Ближнем Востоке; одно или два африканских государства — в Африке. В оперативном плане региональные организации безопасности будут обращаться с петициями к Организации Объединенных Наций, которая создаст международный Директорат Безопасности для поддержания мира»[1].

Наиболее логичным и привлекательным видится сплочение «большой восьмерки» плюс такие важные страны, как Китай, Индия, Бразилия. Подобная «группа одиннадцати» могла бы установить минимальные нормы и правила ради выгоды всех участников, США в первую очередь.

Соединенные Штаты должны энергично руководить этим процессом, выступая в роли честного международного шерифа. Именно *«шерифа*, а не *полисмена*. Последний должен демонстрировать большую степень власти, большую способность действовать в одиночестве, большую последовательность в *собственных* действиях. По контрасту шериф должен осознавать недостаточность своих прерогатив в многих отношениях, он обязан работать вместе с другими, и он обязан решать, где ему следует проявлять власть, а где воздержаться от ее проявления»[2].

В этом подходе есть *за* и *против*. Позитив в возможности

[1] *Santis De H.* Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 50).

[2] *Haass R.* The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. 6.

640

опоры на подлинно мощные и растущие страны, способные оказать поддержку мировому лидеру. Негатив в том, что однозначная поддержка регионального лидера способна превратить его внешнеполитические замыслы в реальность — в итоге чего степень воздействия на него Соединенных Штатов в искомом регионе в дальнейшем сокращается. С другой стороны, получая немедленную поддержку, выигрывая на короткой временной дистанции, Соединенные Штаты рискуют в этом случае проиграть в отдаленной исторической перспективе. Лояльность и союзническая готовность подлинно крупных стран не может быть гарантированной *всегда и повсюду*.

Координированные действия

Седьмой способ американский идеолог де Сантис называет стратегией *координированных действий*. Даже не организуя союзников, можно добиться взаимопонимания с ними и на этой основе создать безусловно преобладающую силу в мире. Эта доктрина ориентируется скорее на интересы, чем на некие (общие) ценности в системе международных отношений. Она предполагает скорее региональную, чем глобальную координацию действий. При этом координация не будет посягать на прерогативы национальных органов — напротив, будет поддерживать собственную мощь союзных государств-наций, учитывать их интересы.

Разумеется, учитывая лидерство Соединенных Штатов, *взаимокоординация* будет прежде всего означать «штабное планирование» Америки и периодическое делегирование полномочий региональным партнерам. Региональными «шерифами» в различных ситуациях могут быть разные союзные страны. Конкретные задачи потребуют конкретных действий — *взаимокоординация* будет приспособлена к потребностям реального мира, к меняющимся обстоятельствам, а не к догмам. В этом случае политический и экономический ландшафт XXI века будет сформирован не хаотическим потоком событий, а корреляцией потребностей стран, входящих в авангардную группу. *Взаимокоординация* будет отличаться тем, что особые, наиболее насущные интересы политически и экономически значимых сил не будут игнорироваться, будут учитываться посредством сотрудничества и взаимодействия — а стало быть, и не будут чреваты взрывом или созданием узлов противоречий[1].

[1] *Santis De H.* Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 44).

641

В этом есть нечто сходное с поведением крупных корпораций,

осуществляющих слияние не только внутри национальных границ, но и с компаниями других стран. К примеру, «Бритиш Петролеум» объединилась с американской «Амоко Ойл», германский «Даймлер-Бенц» с американским «Крайслером» — так создаются стратегические союзы, что укрепляет мощь лидеров, и вместо смертельных ссор происходит совмещение мощностей, умножающих общую силу, осуществляется полюбовный раздел зон влияния. Чем не пример для США в региональном и глобальном плане?

Наиболее эффективным воплощением данной стратегии было бы расширение полномочий Североатлантического союза. Это знакомая тропа. Лишь НАТО, пишет американский исследователь И. Катбертсон, могла бы обеспечить «необходимое планирование и кризисное регулирование, реализующее глобальную проекцию мощи; в противном случае приходилось бы полагаться только на американскую вовлеченность»[1]. Проблема в данном случае заключается в отсутствии энтузиазма у европейских членов НАТО в отношении глобального расширения функций блока.

Единство Западного полушария

Восьмой способ заключается в повороте США к странам своего — Западного полушария. Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА) уже привела к удвоению объема торговли США с непосредственными соседями, укреплению соседских отношений. В этом направлении сделаны и другие шаги. В апреле 1998 г. на «саммите двух Америк» 34 государства Западного полушария провозгласили в качестве цели формирование «зоны свободной торговли двух Америк». У США есть возможность создать зону свободной торговли для обеих Америк (ФТАА), которая не замыкалась бы сугубо на торговле, а определила бы сотрудничество в военно-политической сфере, равно как и в совместной охране окружающей среды, борьбе с преступностью, обеспечении гражданских прав и свобод.

Союз англосаксов

Группа американских политологов разочарована перспективами единения всего Запада. Слишком пестрая картина, слишком необязательный и аморфный получается (если получается)

[1] *Cuthbertson I.* Chasing the Chimera. Securing the Peace («World Policy Journal», Summer 1999, p. 81).

642

союз. Следует сузить круг подлинных союзников до тех из западных стран, которые разделяют американские ценности. Предлагается искать помощь в осуществлении глобальных функций у социально идейно-цивилизационно родственных стран — Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии, а также Ирландии и ряда островных стран Карибского и Тихоокеанских бассейнов. Ибо «только на Западе, и прежде всего среди сообщества англоязычных стран, был найден и осуществлен средний путь между анархией и деспотизмом»[1]. Именно среди этих стран возможен союз единомышленников, подлинно понимающих друг друга народов. Главное общее достояние — единый язык (чего нет, скажем, в объединяющейся Европе) — сильнейшее средство сближения, взаимопонимания, единства. И неважно, что население США более пестро, чем население Объединенного Королевства. Фактом является, что даже тридцать миллионов американских выходцев из Африки при помощи языка Шекспира создали общую культурно-политическую традицию; даже те, кто населяет Карибский бассейн (бывшие английские колонии), имеют благодаря общему историческому опыту и привнесенному Англией наследию предпосылки взаимопонимания.

Американский исследователь Р. Конквест, придерживаясь указанной

позиции, обосновывает органичность всемирного союза англосаксов, взаимодополняемость предлагаемого альянса. «Такие страны, как Объединенное Королевство, Канада и Австралия, имеют навыки и способности, но не имеют средств действовать автономно, их активность может иметь лишь локальный эффект. Но и их интересы глубоко вовлечены в события мировой сцены, и они могут внести свой немалый вклад... Такие страны, как Объединенное Королевство, могут разделить с Америкой не только политическую, но и военную ответственность»[2].

Лондон — логичный и привлекательный союзник. Британия экономически более связана с США и Канадой, чем с Европейским союзом — ее торговля с Северной Америкой вдвое превосходит торговлю со всеми странами ЕС, вместе взятыми (и доля ЕС уменьшается, а торговый поток из США в Британию растет). За последние десять лет прямые инвестиции США и Канады в Британию в полтора раза превзошли инвестиции в британскую экономику Европейского союза. В то же время британские инвестиции в Северную Америку вдвое превышают инвестиции прочих стран ЕС. Нелишне упомянуть, что США и Канада за по-

[1] *Conquest R.* Toward an English-Speaking Union («The National Interest», Fall 1999, 65).

[2] Ibid., p. 67.

643

следние пятнадцать лет создали на два миллиона больше новых рабочих мест, чем все страны Европейского союза. США и Канада при вступлении Британии в НАФТА не потребовали бы от нее некоей жертвы суверенитета (чего нельзя сказать о членстве в ЕС.) В НАФТА нет аналога единой сельскохозяйственной политики, против которой всегда выступал Лондон. В ней нет строгой социальной политики, подобной проводимой Германией и Францией — никогда не вызывавшей симпатии Лондона. Главное: Британия не отдала бы Соединенным Штатам долю своего суверенитета, как это предвидится в случае с ЕС. Громадность США? Если Канада, 40 процентов ВНП которой приходится на США, не теряет свой суверенитет, то почему это должно случиться с Британией?

Именно сейчас многие решения, касающиеся Британии, принимаются в ее отсутствие. Став же членом НАФТА, Британия могла бы более определенно защищать свои интересы. (Не следует, скажем, забывать, что в конфронтации с Ираком Британия, Канада и Австралия «подтолкнули» Соединенные Штаты к силовым мерам. В этом случае взаимозависимость возникла не вследствие жесткого напора Вашингтона, а из-за собственного желания англосаксонских стран — американских союзников.) Все это делает логичным, привлекательным и предпочтительным для Британии выбор ассоциации с Североамериканской зоной свободной торговли (НАФТА) как альтернативы углублению связей с ЕС. Подобный выбор базировался бы на предпочтении англоамериканской модели свободного рынка, характеризующегося умеренным налоговым обложением и ограниченными социальными расходами. Со временем будут опровергнуты и аргументы тех, кто считает, что в таком союзе Британия потеряет свою историческую оригинальность, попадет под жесткий американский контроль.

Канада уже пригласила в 1998 г. Британию в НАФТА. Прежде главенствовавшая «тирания расстояний» при помощи реактивной авиации, спутниковой связи и пр. преодолена. Подобная ассоциация была бы определяющей силовой структурой в дальнесрочной перспективе. «Если Соединенные Штаты и остальной англоязычный мир смогут совместить свою мощь, они обеспечат создание силового центра, вокруг которого будет создано новое мировое сообщество»[1]. Этот союз для США гораздо более благоприятен, чем словесно поощряемый Вашингтоном Европейский союз, который на самом деле раскалывает Запад. В отличие от

[1] «The National Interest». Fall 1999, p. 68.

644

Брюсселя англоязычный союз не будет никого отталкивать или игнорировать. В конечном счете и западноевропейцы будут благодарны за действенный союз мирового охвата, выигрышно «не напоминающий» их немощный интеграционный результат.

Тенденция предпочтительного сближения трех англоговорящих стран — США, Британии и Канады — усиливается[1]. Примечательно, что в Лондоне заговорили о необходимости не ограничивать себя европейскими рамками, желательности определить трансатлантические перспективы[2]. Идею эту поддерживают такие аналитические центры, как Институт предпринимательства (Вашингтон), у нее появились сторонники по обе стороны Атлантики. Уже зашла речь о созыве межконтинентального конгресса, формировании аппарата, процессе координации внешней политики, оборонительной системы, экономического пространства. Это будет подлинный центр и пример для прочих стран.

Трудности реализации такого союза очевидны. Ряд стран третьего мира видит в ней возрождение колониализма. В Британии против идеи объединения стран английского языка выступают левые лейбористы, не желающие содействовать укреплению «цитадели мирового капитализма». В Соединенных Штатах идее противятся ультрапатриоты, не желающие видеть мировой курс США определяемым кем-либо, помимо американского правительства и конгресса. И все же идея союза англоговорящих стран может иметь будущее.

Изоляционизм

Два столетия назад в положении современных Соединенных Штатов находилась Великобритания — она тоже испытывала страх перед потерей глобального могущества. Один из ее великих мыслителей и ораторов Эдмунд Берк выразил свои сомнения так: «Я боюсь нашей мощи и наших амбиций; я испытываю опасения в отношении того, что нас слишком сильно боятся... Мы можем обещать, что мы не злоупотребим своей удивительной, неслыханной доселе мощью, но все страны, увы, уверены в противоположном, в том, что мы в конечном счете своекорыстно воспользуемся своим могуществом. Раньше или позже такое состояние дел обязательно произведет на свет комбинацию держав, направ-

[1] *Black C.* Britain's Atlantic Option. And America's Stake. («The National Interest», Spring 1999, p. 19.

[2] Ibid.

645

ленную против нас, и это противостояние закончится нашим поражением»[1]. Пессимизм Берка — на новом этапе англосаксонского могущества — разделяется немалым числом специалистов как внутри США, так и в огромном внешнем мире.

Логику Берка хорошо понимают (и солидарно разделяют) те, кого называют *неоизоляционистами* — наследники движения «Америка превыше всего», либертарианцы, убежденные пацифисты, все те, кто отвергает миссионерский пыл гегемонистов. Многие американские традиции восстают против силового господства, против откровенного диктата в бушующем неблагодарном и ожесточенном мире. Еще в 1939 г. историк Ч. Бирд яростно утверждал, что «Америка это не Рим». Теоретики *изоляционизма* ведут традицию от Дж. Вашингтона (призвавшего отстоять от внешних конфликтов) и от сенаторов периода эпилога Первой мировой войны (отказавшихся связать судьбу США с Лигой Наций). *Не стоит преувеличивать готовности США на привлечение других суверенных стран к решению глобальных проблем.* «Почему, — спрашивает известный американский социолог Дж. Айкенбери, — государство-гегемон, находясь в зените своей мощи, должно прилагать силы для

институционализации порядка, который неизбежно ограничивает его автономию?»[2]

Изоляционизм начала XXI века покоится на трех основаниях:

а) Непосредственной опасности стране не существует, преувеличенное внимание к странам, находящимся на периферии мирового развития — Сомали, Боснии, Косову, Сьерра-Леоне, способно лишь ослабить первую страну мира, дело которой — передовая технология, мировой университет, преобладающие вооруженные силы.

б) Америке не следует демонстрировать излишние амбиции: все мировые проблемы все равно не решишь (зачем пахать море?), участие США лишь обостряет конфронтационный элемент в них. Ангажированность в очередном принципиально неразрешимом кризисе вызовет новый «синдром Вьетнама», раскол американского общества, утрату морального лидерства.

в) США *не могут позволить себе* сверхактивность во внешнем мире, Соединенным Штатам *не нужна* пустая активность за далекими морями, поскольку внутренние американские проблемы не терпят отлагательства и потому что ресурсы даже самой богатой страны ограниченны. Сохраненная внутри страны энергия —

[1] Цит. по: «Foreifn Affairs», November/December 1999, p. 16.

[2] *Ikenberty J.* America's Liberal Hegemony («Current history», January 1999, p. 26).

646

лучшая гарантия внешней мощи государства. Что внешнее перенапряжение опасно — оно затрагивает основы американской мощи.

Последний пункт занимает в изоляционизме центральное место. Даже находясь в апогее своего влияния в мире, Америка должна прежде всего думать о сохранении ресурсов; не обращаться с людскими и природными ресурсами как с восстановимыми. Вся совокупность внешних усилий США — оборонные расходы, разведка в глобальных масштабах, помощь зарубежным странам, широкие дипломатические усилия — медленно, но верно подтачивает мощь нации. Историк П. Кеннеди упорно отстаивает все более популярные идеи — тезис об опасности *перенапряжения* в мире — от него погибли все мировые империи. Новый изоляционизм весьма влиятелен в конгрессе (более половины которого хвалятся отсутствием заграничных паспортов), он находит своих выразителей среди таких претендентов на высший пост в стране, как Пэт Бьюкенен и Росс Перо.

Возникает очень существенное различие во взглядах американской элиты и основной массы населения. Согласно опросу Совета по международным отношениям (Чикаго), лидеров интересует распространение ядерного оружия, а общество — распространение наркотиков, наплыв иммигрантов, дешевый импорт, потеря работы американскими рабочими. 60 процентов общества считают необходимым повышение (сохранение) тарифных барьеров против импорта. А среди элиты такой позиции не наблюдается. Общественность выступает против программ экономической помощи и внешнеполитических авантюр, в чем ей противостоит американская элита. (Отсюда битва против ВТО, массовые демонстрации против МВФ в 1999—2002 гг.)

Вначале элита реагирует на пассивность массы избирателей высокомерно.«Когда массы населения, — пишет американский исследователь Г. Уиллс, — теряют интерес к внешней политике, внешнеполитическая элита приходит к заключению, что этот предмет находится за пределами понимания большинства. Эта тенденция быстро усиливается ростом секретности в вопросах национальной безопасности»[1]. Но потерю заинтересованности избирателей трудно компенсировать. Отстояние большинства населения лишит проведение американской внешней политики необходимой электоральной, финансовой,

моральной поддержки. Единственный способ преодолеть эту апатию среднего аме-

[1] *Wilh G.* Bully of the Free World («Foreign Affairs», March/April 1999, p. 55).

647

риканца — указать ему на страшные ракеты Северной Кореи сегодня и китайские ракеты завтра.

Конгресс на тропе изоляционизма. В апреле 1999 г. палата представителей конгресса США отвергла предложение послать наземные войска США в Косово. А в октябре того же года американские законодатели отвергли предложение ратифицировать Договор о всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия. Председатель подкомитета по боевой готовности комитета по вооруженным силам палаты представителей США Г. Бейтмен признал, что «очень хорошо осведомлен о бытующей в рамках республиканской партии точке зрения относительно того, что Америке не стоит стараться быть мировым полисменом, что она слишком часто берет на себя миссии, не представляющие собой жизненной важности с точки зрения национальной безопасности США... Значительную часть республиканцев в конгрессе можно определить как группу, объединенную лозунгом «Прочь из Организации Объединенных Наций»[1]. В проект военного бюджета на 2000 фин. год сенатор К. Хатчисон внес поправку, призывающую сократить глобальные обязательства США и вывести американцев из тех мест, где их обязательства уже выполнены — прежде всего из Южной Корей и Саудовской Аравии.

Администрация президента Буша-мл. до апреля 2002 г. придерживалась идеи *не следовать* за Клинтоном и не выступать посредником между Израилем и Палестиной. Эти же тенденции были видны и в действиях, подобных введению весной 2002 г. неоправданных налогов на импорт стали, сопровождаемых угрозами международной структуре свободной торговли.

Знамя *неоизоляционизма* несут два лагеря — неоконсерваторы и реалисты.

1. Такие *неоконсервативные* идеологи, как П. Бьюкенен, полагают, что Соединенные Штаты должны дистанцироваться от турбулентного внешнего мира: «С исчезновением советской угрозы Америка не будет более зависеть от того, что происходит за ее пределами»[2]. Благоденствующая Америка (пресловутый «средний класс») середины наступившего века будет жить в закрываемых на ночь общинах, окруженных персональными телохранителями, оплачивая гигантские страховочные счета. (В условиях не спадающей преступности 1,3 процента ВНП идет в США на поддержание закона и порядка; помимо полумиллиона официаль-

[1] Цит. по: *Kitfield J.* The Falk Who Live on the Hill («National Interest», Winter 1999/2000, p. 50-51).

[2] *Wills G.* Bully of the Free World («Foreign Affairs», March/April 1999, p. 56).

648

ных полицейских в стране существует целая армия в 800 тысяч частных охранников; в США работают около миллиона юристов.)

13 процентов ВНП США идет на медицинское обслуживание — доля, в два раза большая, чем в Западной Европе или Японии. Средняя семья, страхующаяся и ловящая свой гедонистический шанс, не сможет аккумулировать значительный капитал. Эта семья будет жить ненамного лучше (материально), чем их предки в 1970 г., особенно если в семье будет один работающий. Средняя семья в Западной Европе и Японии догонит американскую семью по доходам — а это даст «решающий» аргумент в пользу отказа от «мировой опеки».

Признаки этого уже налицо. Между 1988 и 1996 годами ежегодная американская помощь сельскому хозяйству бедных стран сократилась на 57 процентов (с 9,24 млрд. долл. до 4,0 млрд.). Между 1986 и 1996 годами сократились займы, даваемые бедным странам на развитие своего сельского хозяйства (с 6 млрд. долл. до 3,2 млрд. долл.) [1].

Изоляционисты, близкие к взглядам П. Бьюкенена, открыто выступают за уход вооруженных сил США на свою собственную территорию (будучи при этом готовыми нанести удар по потенциальному противнику). Гарантии американской помощи следует дать лишь очень узкому кругу стран. Изоляционисты (при всей пестроте этого идейно-политического явления) считают ошибкой не только высадку американских войск на Гаити, бомбардировку Югославии, но и высадку в Персидском заливе и войну против Ирака. С точки зрения американских изоляционистов, в интересах соединенных Штатов было бы:

— выход из Пакта Рио-де-Жанейро, обязывающего США отвечать за безопасность всего Западного полушария;

— отказаться от всех военных договоров и соглашений, которые автоматически вводили бы США в состояние войны;

— вывести американские вооруженные силы из Западной Европы и Южной Кореи. Америка должна быть одинокой и хорошо вооруженной, а не хорошо вооруженной и связанной по рукам;

— пересмотреть членство США в международных организациях, таких, как НАТО и ООН, отвергнуть все концепции международных законов, которые могут оказать сдерживающее, «связывающее» воздействие на Соединенные Штаты.

2. *Реалисты* усматривают в международных отношениях пре-

[1] *Paarlberg R.* The Global Food Fight («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 35-36).

649

жде всего борьбу за могущество между суверенными государствами, в которой национальные интересы полностью преобладают над идеологическими пристрастиями и модами повседневности. Реалисты не желают платить цену за идейную чистоту консервативной политики, за крестоносный поход идеалистов в поисках земли обетованной.

Реалисты замечают, что страсти, терзавшие американских консерваторов в 1930-е годы в отношении троцкистов, в 1950-е годы по поводу «холодной войны», распространения демократии сегодня — все это преходящие эмоции, за которыми консерваторы не видят суть явлений. Реалисты считают оптимизм прямолинейных консерваторов смехотворным. В их мире все воюют против всех, «неоконсервативный империализм не только обречен на поражение, но и на рождение яростной реакции внешнего мира, стремящегося сократить американское правление»[1].

Консерваторы более популярны — они обращены к популярным ценностям. Американцев не зря называют нацией, «приверженной принципам», и они всегда верили, что их принципы всемирно-универсальны. От основания республики и до наших дней американское внимание сконцентрировано на события внутренней жизни (которые большинство из них считает всемирно-значимыми). Это заранее обуславливает неизбежность столкновения консерваторов и реалистов. Мнение таких реалистов, как Дж. Кеннан, о том, что зарубежный опыт также имеет значение и должен быть принят во внимание, воспринимается многими американцами как весьма оригинальное.

7. АМЕРИКАНСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ ИЗВНЕ

> Только в Соединенных Штатах складывается впечатление, что весь мир желает американского лидерства. В реальности же речь идет об американском высокомерии и односторонности.
>
> *«Форин афферс», 1999*

Как формулируют политологи, «для того чтобы быть успешной, любая политическая доктрина должна быть привлекательной для самых различных

аудиторий — не только внутри страны.

[1] *Rose G.* Present Laughter or Utopian Bliss? («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 43).

650

Гегемония не выдерживает этого теста»[1]. Даже сами американцы, отдавая дань реализму, признают, что «момент однополюсности, который так восхищает американцев, кажется, вызывает радость далеко не всюду. Большинство главных стран мира — даже наши друзья — сделали главной темой своей внешней политики создание противовеса американскому могуществу»[2]. А если так, то важно определить характер восприятия страны во внешнем мире. Напомним, что доля американского населения — меньше пяти процентов в общемировом населении. Для укрепления уникального положения США необходима та или иная степень молчаливого согласия окружающего мира. Как этот мир смотрит на фантастический подъем Америки? Окружающий мир на природу американского первенства смотрит с четырех точек зрения.

1. *США как краеугольный камень мирового порядка.* Что бы там ни говорили, Америка остается единственным подлинным основанием пусть несовершенного, но все же функционирующего мирового порядка. Только США могут гарантировать сохранение основных параметров статус-кво, могут решающим образом влиять на организации типа Международного валютного фонда. Только США могут осуществлять маневры своих вооруженных сил в глобальном масштабе. Вашингтон не нуждается в неком зафиксированном кодексе поведения типа Стратегической концепции, принятой странами НАТО. «Европейцы достаточно хорошо знают, что мир будет гораздо более опасным местом, если у США не будет двусторонних и многосторонних союзнических обязательств, а также военных средств для поддержания этого порядка»[3]. Меньше, чем западноевропейцы, верят во всемогущую стабилизирующую руку Америки азиатские союзники Соединенных Штатов. И все же многие из них полагают, что США могут и в дальнейшем играть свою роль колоссального буфера, разделяющего между собой Китай, Тайвань, Японию и Корею.

2. *Благожелательный* лидер. Возможно, убедительнее многих представил такое видение Америки политолог М. Мандельбаум: «Вообразите себе 400-килограммовую гориллу, думающую лишь о своих бананах, а все вокруг смотрят на нее»[4]. США — единст-

[1] *Haass R.* The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War N.Y., 1997, p. 55.

[2] *Rodman P.* The World's resentment («The National Interest», Summer 2000, p. 33).

[3] *Heisburg F.* American Hegemony? Perceptions of the US Abroad («Survival», Winter 1999—2000, p. 16).

[4] *Sanger D.* US is 80-Pound Gorilla («International Gerald Tribune», July 19, 1999).

651

венная сверхдержава мира, у нее нет настоящего соперника. Она обладает бесподобной военной мощью, главенствует в самых мощных военных союзах, доминирует в информации. Мир не может игнорировать ее, но США фокусируют свое внимание на собственных внутренних делах. Скорее сильная, чем брутальная; скорее простодушная и, возможно, наивная, чем злостная или злонамеренная, — таковы грани подобной оценки. Даже оценка Соединенных Штатов Америки французским министром иностранных дел Ведрином как «гипердержавы» не содержит уничижительного оттенка, не предполагает неких злобных мотивов в их поведении. В его оценке только намек: «Разве США не слишком велики для того, чтобы быть справедливыми и не следовать только собственным интересам?»

3. *Счастливый своими полномочиями шериф.* США откровенно указывают на свою превосходящую военную силу как на инструмент своей внешней политики, во многом игнорируя веками выработанные методы дипломатии[1]. Обращение к вооруженной силе в странах, столь различных, как Афганистан, Панама, Сомали,

Гаити, Босния, Сербия, Иран, позволяет говорить о новой «дипломатии канонерок». Очевидна при этом тяга к односторонности в принятии практических решений. Такие регионы, как, скажем, арабский мир, без всякого энтузиазма восприняли полицейские меры против Афганистана. Они почувствовали, что происходящее в горах Гиндукуша или Тора-Бора может оказаться и их судьбой.

Все это объективно подстегивает тягу ряда режимов к обретению оружия, которое исключило бы югославский вариант. «Косово на протяжении двух месяцев бомбардировок демонстрировало, до каких пределов могут дойти Соединенные Штаты в некоторых типах кризисов, — пишет бывший директор лондонского Международного института стратегических исследований. — Наблюдая за превосходящей все возможное американской военно-воздушной силой, страны типа Ирана приходят к выводу о необходимости избежать ошибки Ирака — действовать агрессивно, имея при этом в своем распоряжении надежные ядерные силы, которые сдерживали бы Соединенные Штаты... При этом США могут уничтожить фармацевтическую фабрику в Хартуме и китайское посольство в Белграде — ощутима удивительная легкость ошибочной калькуляции». В нейтральных странах испытывают страх в отношении того, что Вашингтон может допустить непоправимую ошибку, действуя против Северной Кореи или —

[1] *Haass R.* The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997.

652

что гораздо более значимо — против Китая. Никто не знает, как далеко могут зайти США в своей защите Тайваня.

Критики Соединенных Штатов указывают на то, что Вашингтон все реже употребляет экономический рычаг, полагаясь в возрастающей степени на голую силу. Американская внешнеэкономическая помощь с годами постоянно уменьшается, составляя в начале XXI века лишь *четверть* внешней помощи, предоставляемой внешнему миру Европейским союзом. В Вашингтоне постоянно говорят о непопулярности в американском обществе оказания помощи другим странам. Но в американской столице никто, собственно, не приложил сил, чтобы сделать эту помощь популярной среди американцев. Мировой шериф оказался очень скупым. На военные цели Америка сегодня расходует около 400 млрд. долл., а свой взнос в ООН постоянно задерживает. (Напомним, что совокупный бюджет ООН, Мирового банка и Международного уголовного суда составляет сумму, меньшую 20 млрд. долл.) После бомбардировки Косова группа югославских экономистов задала вопрос: «Имела бы место дезинтеграция прежней Югославии и ужасные межэтнические войны, если бы последний премьер-министр единой Югославии Анте Маркович (в 1991 г. — *А.У.)* получил от Запада запрашиваемый кредит в 4 млрд. долл.?»[1]

4. *Грубое, идущее своим собственным путем государство.* Представление о том, что Соединенные Штаты грубо ломают более или менее установившийся порядок и поэтому являются противниками *статус-кво,* имеет немало приверженцев. Ясно, что Вашингтон никогда не подчинится Совету Безопасности ООН. Это особенно ощущают боящиеся американского всемогущества государства, прежде всего Россия и Китай. То, как все более проявляющий свою исключительность лидер ломает статус-кво, впечатляет многих:

— экспансия НАТО без обозначения ее крайних возможных пределов содержит намерение ввести в блок прибалтийские государства, изолируя при этом Россию;

— активное соперничество с Россией в Средней Азии и в Закавказье;

— закрепление военного присутствия в Центральной Азии и Закавказье в качестве рычага воздействия на Россию в настоящем и на Китай в будущем;

— «даже благожелательный в отношении США российский наблюдатель не сможет найти успокаивающей рациональности в

[1] Prentice E.-A. Cost of NATO Damage Estimated at $29 bin («The Times», July 7, 1999).

653

американской политике в Каспийском регионе, арене легитимных территориальных, экономических интересов, интересов безопасности региона, включая Россию. Более подозрительно настроенные русские могут найти такую политику недопустимой»[1];

— противопоставление Японии Китаю в качестве противовеса;

— косвенная поддержка сепаратизма Тибета и Синьцзянь-Уйгурского автономного округа;

— решительная поддержка Тайваня, препятствующая окончательному объединению Китая; принятие на вооружение такой стратегии военного сдерживания на Ближнем и Среднем Востоке, которая предопределяет враждебность двух наиболее мощных арабских стран региона при одновременной поддержке ряда слабых государств-клиентов, чье внутреннее состояние близится к революционному взрыву; продолжение укрепления американских вооруженных сил с особым акцентом на воинских частях, способных быть использованными в отдельных районах; воинственная риторика в отношении режима нераспространения оружия массового поражения отказ американского сената ратифицировать договор о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия; применение бомбардировок против суверенных государств без мандата ООН; нападение на страну, которая сама не совершила агрессии в отношении соседей (Югославия), что подрывает саму идею суверенности государств, революционная мера в отношении сложившейся мировой системы; американцы не желают поставить себя в положение хотя бы частично ущемленной суверенности — американцы категорически противятся созданию Международного уголовного суда, под чью юрисдикцию они бы подпадали; одновременно, проводя политику глобализации, США принуждают другие страны крушить основные традиции своего существования;

— в отношении проблемы гражданских прав США как бы создали две зоны. В пределах первой (большинство мирового населения) они выступают жесткими судьями. В пределах второй (от Турции до Индии) они не придают подобным нарушениям абсолютного, категорического значения — вполне очевидная политика двойных стандартов;

— несогласие подписать «протокол Киото», означающее игнорирование мировых экологических проблем;

— своевольное нарушение мировой стратегической стабильности в свете одностороннего выхода из Договора 1972 г. о запре-

[1] См. «Survival», Winter 1999-2000, p. 9.

654

те на создание национальных систем противоракетной обороны и начало создания подобной американской системы.

Ощущающие опасения страны видят не «невольное» вмешательство США, а сознательное и целенаправленное вмешательство, дерзкую целенаправленную политику. Вышеуказанные типы восприятия Америки (прежде всего в ракурсе ее роли в международном сообществе) не могут быть статичными в век постоянных динамичных перемен. Они могут угаснуть в случае проявлений американской дружественности. Но они могут стать растущим феноменом, если, скажем, сенат США по-прежнему будет отвергать Договор о всеобщем запрете на испытания ядерного оружия во всех средах, стараясь одновременно, грубо нарушая прежние договоренности, реализовать национальную систему противоракетной обороны.

Обстоятельства внешнего характера

В отличие от периода Бреттон-Вудса (1944) США не могут заставить всех сесть за стол переговоров и принудить принять созданную американцами торговую систему.

Л. Туроу, 1999

Фаза почти неестественного по мощи подъема одного из субъектов мировой политики не может длиться бесконечно. *Американский век* может *не* наступить по объективным причинам.

Во-первых, Соединенным Штатам, даже будучи близким к *гегемонии*, будет чрезвычайно трудно контролировать *все основные* мировые процессы. Мир значительно более сложен, чем его подают безоглядные сторонники «воспользоваться уникальным шансом»; мир практически непредсказуем, в своей эволюции он опасен, и даже малая точка на горизонте способна принести разрушительную бурю. Предотвратить *все* проявления мировой анархии не может никакая сила, будь она даже преисполнена невероятной жертвенности; но даже малую жертвенность возродить весьма сложно, поскольку любые сегодняшние подрывные процессы неспособны угрожать жизненным устоям США — а значит, бесконечная жертвенность неоправданна.

Даже если учитывать только материальные обстоятельства. Полвека назад США производили половину мирового валового продукта, в своей торговле имели колоссальное положительное сальдо, хранили у себя две трети мирового запаса золота, кредитовали едва ли не все развитие мира. В начале XXI века на США, в которых живут менее пяти процентов мирового населения,

655

приходится примерно 20 процентов мирового валового продукта. У них хронический торговый дефицит, золотые запасы Америки вдвое меньше европейских. Америка превратилась в крупнейшего мирового должника.

Для поддержания гегемонии США, по оценке экспертов, должны увеличивать в год военный бюджет на 60—80 млрд. долл[1]. Это минимальные цифры. Сторонники укрепления американской гегемонии в конгрессе США предлагают расходование дополнительно 60—100 млрд. долл. в год на протяжении ближайших двадцати лет. Поддержание благоприятного для себя соотношения сил требует от США расходов на военные нужды не менее 3,5 процента своего ВНП. Законодатели и население не всегда видят в этих расходах резон. Неизбежные новые экономические проблемы наложат ограничения на внешнеполитические возможности. Не забудем, что уже наказание Саддама Хусейна за захват Кувейта было осуществлено за счет экономической помощи Германии, Японии и Саудовской Аравии. Одна лишь операция в Боснии, оцениваемая примерно в 10 млрд. долл. в год, никак не может осуществляться за счет только американских средств. Соединенным Штатам при определенном стечении обстоятельств может оказаться сложно сохранить обязательное условие американской гегемонии — «сохранение более эффективного контроля над европейскими военными возможностями в рамках и контексте НАТО»[2].

Во-вторых. Будущее уже не может предоставить Америке прежних, невероятно благоприятных условий. В начале XXI века долг США перевалил за 1 трлн. долл., увеличиваясь ежегодно на 15—20 процентов (одна лишь Япония владеет американскими облигациями на 300 млрд. долл., а Китай — на 50 млрд. долл.). В будущем инвестиции иностранцев в США значительно превзойдут американские инвестиции за рубежом, знаменуя собой окончание великого наплыва американских инвестиций во внешний мир. Теперь этот мир сам пришел в Америку.

Присоединение к агрессивному экспорту Японии и «тигров» Китая, Индонезии, Малайзии и Мексики провело к напряжению в американской

экономике, к потере целых отраслей, к безработице и падению жизненного уровня даже квалифицированных рабочих. Дополнительные (колоссальные) мощности, созданные новыми индустриальными странами в производстве полупроводников, выплавке стали, текстильной — ориентированной на экс-

[1] «Foreign Affairs», July/August 1996, p. 23.

[2] *Rice C.* Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 54).

656

порт мировой промышленности (в Китае, например, на уже перегруженный экспорт ориентируется примерно 70 процентов промышленности), сделали ясным, что в новом веке экспортные отрасли производителей будут работать быстрее, чем способна потребить их продукцию Америка. В то же время в стране с многотриллионным долгом нельзя потреблять выше некоей планки — дальнейшее растущее потребление поведет к опасному долгу страны.

К тому же стареющее население Америки явится менее перспективным массовым покупателем будущего. Сохранение баланса национальной экономики США потребует от американского правительства ограничить допуск на национальный рынок иностранных экспортеров. Все большее число развитых и развивающихся стран встретит горькое разочарование на прежде казавшемся бездонным рынке Америки. Привязанность тех, кто построил свою экономику (а соответственно, и политику) на использовании сегмента богатейшего американского рынка, неизбежно ослабнет.

В-третьих, Соединенным Штатам, поднявшимся на необычайную вершину, все труднее рассчитывать на *солидарность* союзников. Действует неистребимое правило: отчуждение лидера, почти автоматическое формирование контрбаланса. Скажем, европейские союзники выступают против излишнего рвения Вашингтона в вопросе о наказании Ирака. Ощутимо было сопротивление политике в Косове. Вашингтону не удалось принудить Россию отказаться от строительства атомного реактора в Иране, военного сотрудничества с Китаем и Индией. Канада вопреки американскому сопротивлению налаживает контакты с Кубой. В мире нарастает критическое отношение к отказу США ограничить процессы, загрязняющие окружающую среду.

Многократно повторяемое положение: в условиях паранойи «холодной войны» солидарность союзников проявлялась почти автоматически. Но исчезновение «общей миссии» неизбежно поведет дело союзнических отношений по руслу экономической конкуренции, а на этом пути солидарность уступает место жестоким законам рынка, и потенциальные (прежние) союзники могут весьма быстро ожесточиться — что мы уже многократно видели в ходе восьми послевоенных раундов торговых переговоров в рамках ГАТТ и теперь уже ВТО. Соединенные Штаты могут усугубить ситуацию, дав выход «праведному гневу» в отношении ненадежных союзников, неблагодарности клиентов, жесткости несправедливой конкуренции, тяготы решения «неразрешимых» проблем — общей цены лидерства, переходящего в гегемонию.

В-четвертых, периферия всегда объединяется против центра.

657

Остальные страны начинают ощущать, что они не могут более доверять, сотрудничать, получать нечто позитивное от гегемона, они начинают предпринимать действия по созданию контрбаланса. Диффузия капитала, технологии и информации трансформирует внутреннюю жизнь огромного числа стран, порождает неожиданную жизненную силу, трансформирует прежний образ жизни; это делает более пестрой, многосторонней и непредсказуемой — в любом случае это развитие подрывает статус-кво, столь благоприятный для Соединенных Штатов.

В то же время колоссальная военная мощь никогда не будет достаточной для

контроля по всем азимутам. «Американские вооруженные силы показали себя непобедимыми до тех пор, пока конфликт мог быть сдержан в пределах определенных географических и технических границ. Любая выступившая против США держава примерно размеров Кувейта или Кореи использует только обычное оружие, она не нападает на базовые структуры, которые позволяют американской мощи оказывать мировое воздействие. Но держава, которая осуществляет свою военную программу как раз с намерением нейтрализовать эти главные американские преимущества, имеет лучшие шансы — как в ходе ведения военных действий, так и в том, чтобы (это более важно) — сдержать само американское выступление... Вместо того чтобы конкурировать в производстве более совершенных танков и самолетов — отдавая сферу технологического совершенства Западу, Азия сдвигается в сторону средств массового поражения и баллистических ракет, средств доставки боеголовок. Разрушительные технологии Азии разворачиваются прямо перед глазами Запада, но остаются едва ли не замеченными, поскольку Запад концентрируется на проблеме своего общего лидерства... Это не вопрос о двух «нациях-изгоях», идущих всем вопреки. Если создание баллистических ракет и средств массового поражения делает государство «парией», то в Азии существуют уже как минимум восемь таких государств. Израиль, Сирия, Ирак (если он избежит санкций ООН), Иран, Пакистан, Индия, Китай и Северная Корея — все реориентируют свои военные системы с пехотных войск на сокрушительные технологии. Некоторые страны стремятся к обретению химического и биологического оружия; некоторые создают атомное оружие; некоторые строят все эти виды вооружений. Но общим является направленность на баллистические ракеты»[1].

[1] *Bracken P.* The Second Industrial Age («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000. p. 152).

658

Язык и религия

Для создания мира, фактически контролируемого из одного центра, необходимы как минимум две предпосылки: *языковое сближение и религиозная совместимость*.

Lingua franca. Гегемония или просто главенство США требует утверждения всемирной роли английского языка. В современном мире признанными являются примерно 1200 языков. Но среди них, разумеется, есть гиганты. Первое место занимает китайский язык, на котором говорят 890 миллионов человек. На английском разговаривают 310 миллионов, по-испански 280 миллионов, по-арабски — 200, на бенгали — 195 миллионов, на хинди — 190 миллионов, по-португальски и по-русски — по 180 миллионов, по-японски — 130 миллионов, по-немецки — 100 миллионов[1].

Между 1950 и 1990 годами из ста освободившихся колоний 56 были британскими и одна — американской. Английский язык был государственным языком во многих странах, но так не могло продолжаться вечно. В освободившихся странах начали набирать вес суахили, хауса, хинди, урду и другие местные языки. Одновременно происходит процесс расширения ареала испанского языка в обеих Америках, французского в некоторых прежних колониях. Арабский распространяется в Северной Африке и на Ближнем Востоке, китайский в собственно Китае и на прилегающих территориях, хинди — в многоязычной Индии. Французы тратят миллиарды марок на распространение зоны употребления французского языка. Германское правительство финансирует работу 78 Институтов Гете, арабизируется язык берберов в Северной Африке и жителей Южного Судана. В Сингапуре проходит двадцатилетняя программа «Говори по-китайски». Важность местных языков будет возрастать по мере того, как популярные писатели, влиятельные торговцы, создатели фильмов, миссионеры, различные отряды местной интеллигенции будут активно

стремиться к расширению зоны действия своего языка. Все борцы за местную идентичность будут волей или неволей выступать против мирового *lingua franca*.

Реальностью является уменьшение во второй половине XX века числа говорящих по-английски с 9,8 процента земного населения до 7,6 процента, и эта тенденция продлится в 21 в. Английский язык не становится стержнем мирового общения — если говорить о всемирном масштабе. Может ли быть

[1] «Foreign Policy», Winter 1998/99, p. 31.

659

управляем мир страной, чей язык непонятен 92 процентам мирового населения? (Напомним, что доля земного населения, говорящего на всех диалектах китайского языка, равна 18,8 процента[1]).

Что ни говори, «профессиональные лингвисты колеблются предсказать, говоря об отдаленном будущем, дальнейшую глобализацию английского языка. Исторически языки поднимаются и падают вместе с военными, экономическими, культурными и религиозными силами, поддерживающими его. Есть основания полагать, что влияние английского языка в конечном счете ослабнет. Прежде всего потому, что на нем говорит лишь незначительное и нетипично удачливое меньшинство. По мере глобализации всего — от торговли до коммуникаций — произойдет регионализация и усиление значимости региональных языков. Арабский, китайский, хинду, испанский и несколько других региональных языков уже начинают расширять зону своего влияния — и период их бурного роста еще впереди»[2].

Да, до 90 процентов сайтов в Интернете созданы по-английски. Но число пользователей Интернета в США выросло в последний год века на 40 процентов, а в Китае на 500 процентов, в Индии — на 300 процентов. «От Астурии до Зулу, — пишет лингвист Дж. Фишман, — практическая зависимость мира от местных языков растет в той мере, в какой эти языки способствуют формированию местной идентичности». А это означает, что на пути главенства одной страны, говорящей не на самом распространенном языке, встает весомое препятствие.

Что касается религиозной совместимости, то за XX век две главные прозелитические религии — западное христианство и ислам — не добились решающего перевеса в свою сторону. Но в сопоставлении численности своих приверженцев наметилась неблагоприятная для Запада в целом и для США в частности тенденция. Численность западных христиан увеличилась с 26,9 процента мирового населения до 29,9 процента в 2000 г. и понизится до 25 процентов в 2025 г. В то же время численность мусульман поднимется с 12, 4 процента в 1900 г. до 30 процентов мирового населения в 2025 г. Для апологетов однополярного мира это создает весомое препятствие[3].

[1] World Almanac and Book of Facts, 1999.

[2] *Fishman J.* The New Linguistic Order. («Foreign Policy», Winter 1998/ 99, p. 27).

[3] UN Population Division. Department of Economic and Social Information and Policy Analysis/World Population Prospects. N.Y., 1993.

660

Требование равенства в торговле и финансах

Заглядывая в будущее, многие футурологи полагают, что «любая система торговли по самой своей природе неизбежно уменьшит роль США в мировой экономике, поскольку многие господствующие позиции Америки в организациях вроде Всемирного банка или МВФ, полученные после Второй мировой войны, подвергнутся сомнению и протесту. В любой новой системе Соединенные Штаты будут иметь меньше прав голоса и меньше влияния. Как только начнутся переговоры о новой системе торговли и американской публике станет ясной потеря Америкой былого могущества, эта публика не поддержит новые соглашения... в таких бумажных организациях, как Всемирная торговая организация (где каждая страна имеет один голос). В отличие от периода Бреттон-

Вудса (1944) США не могут заставить сесть всех за стол переговоров и принудить принять созданную американцами торговую систему»[1]. Отныне США не могут безоглядно следовать только собственным интересам.

Угрозы, которые Америка встретит в будущем, будут мало похожи на угрозы десятилетней давности. Америка должна быть готовой к отражению атак террористов, а не к запуску боевых ракет. Вопреки фундаментально изменившейся реальности, стратегия и тактика вооруженных сил США не изменились принципиально со времен «холодной войны». Воздушные силы требуют создания новых типов бомбардировщиков; наземные силы хотят разработки новых танков и бронетранспортеров; ВМС — 14 авианосных соединений. Но кто будет сражаться с партизанами на улицах Могадишо или Митровицы? Это означает, что американские вооруженные силы в XXI веке встретят свои задачи неадекватно. Вооруженные силы США — при всех их феноменальном могуществе — будут становиться все менее эффективным инструментом в силовых конфликтах, которые обещает нам XXI век.

Наука и технология

Война 2002 г. в Афганистане явилась предметом гордости сторонников односторонних действий: Америка явила миру мощь своей военной машины, построенной на высокой технологии. Отметим, однако, что очень большая часть американской военной технологии произведена американскими *коммерческими* компаниями, выдающими технологию роботов, авиационной и

[1] *Туроу Л.* Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 182—183.

661

космической оптики, спутников, приборов для ориентации вооруженных сил, телекоммуникации. Значительная часть этого высокотехнологичного оборудования произведена *не военно-промышленным комплексом США*. Ситуация изменилась в худшую для США сторону — и изменения этой тенденции не предвидится в будущем, несмотря на резко увеличившиеся военные расходы администрации Буша. Такие американские прежние военные секреты, как Интернет, стали ныне практически всеобщим достоянием. Современные высокотехнологичные американские компании для выживания зависят от международных рынков. В реалиях сегодняшнего дня технология *двойного использования* являет собой основу американского высокотехнологичного экспорта.

К примеру, «суперкомпьютеры, необходимые для ведения боевых действий уровня XXI века — определяющие все, от формы боеголовки до определения погодных условий в случае удара с воздуха, — являются продуктом тех американских компаний, которые получают по меньшей мере *половину* своих доходов от зарубежных продаж. Другими словами, американское военное превосходство зависит от стабильности и открытости мировой экономики, чего в таких размерах никогда не было ранее»[1].

Не следует считать, что Япония остановила свой «бег вдогонку» Соединенным Штатам навеки. 20 апреля «Нью-Йорк таймс» напомнила своим читателям: «Японские лаборатории построили самый быстрый в мире компьютер, машину столь мощную, что объем обрабатываемой ею информации превосходит мощность 20 самых быстрых американских компьютеров, взятых вместе, и далеко обходит предшествующего рекордсмена — компьютер, построенный ИБМ. Это достижение указывает на то, что технологическая гонка, о которой многие американские инженеры думают, что они ее уже выиграли, далеко не завершена»[2]. При этом американцы фиксируют растущее сотрудничество Японии с Китаем.

Разумеется, сыграет свою роль и обычная человеческая косность в отношении

революционных прорывов науки. Мощные новые технологии провоцируют отчаянное сопротивление. (Напомним, что создание двигателей внутреннего сгорания вызвало небывалое сопротивление уязвленных поклонников лошадиной тяги. Мирное использование атомной энергии вызвало к жизни не менее упорное сопротивление.) Клонирование и создание

[1] *Hirsh M.* Bush and the World («Foreign Affairs», September/October 2002, p. 39).

[2] «The New York Times», April 20, 2002.

662

систем управления генными процессами порождает небывалый протест. Потребители и сторонники охраны окружающей среды в Европе напрочь отвергли подвергшиеся генетическому воздействию виды растений, исходящие в основном из США, как опасные для человеческого здоровья и благополучия окружающей среды.

Критики вторжения в тайную мастерскую живой природы требуют жесткого обозначения тех товаров и продуктов, которые подверглись указанному воздействию. 72 процента всей земли, засаженной семенами подвергшихся генетической обработке растений, находятся в США, 17 процентов в Аргентине и 10 процентов в Канаде. На девять других стран, чьи ученые так или иначе имели дело с современной генной инженерией, — Китай, Австралия, Южная Африка, Мексика, Испания, Франция, Португалия, Румыния, Украина — приходится только один процент. Лишь несколько ферм во Франции, Испании и Португалии сеют генетически обработанные семена[1]. «Гринпис» использует термин «дьявольские химикаты». В Британии принц Чарльз и певец Пол Маккартни выразили возмущение насилием над природой. Во Франции коалиция фермеров, профсоюзов, защитников окружающей среды и левых сил борется не только с GM (генетически измененными) продуктами, но и с сетью «Макдоналдса», «Кока-колой» и другими «потенциально опасными» учреждениями. В результате отступления теоретических социальных мечтаний и восстания «зеленых» с их критикой некритического приложения науки произошел кризис модернизма, что имеет — и будет иметь невероятные по важности последствия.

Тревожным для Америки знаком является ослабление интереса к техническим дисциплинам в университетах и колледжах. Только 6 процентов среди американцев в возрасте 24 лет имеют ученую степень (к таковой в США приравнивается и диплом об окончании университета) в естественных науках.

Таблица 3. **Пропорция обладателей научной степени в естественных и инженерных науках.**

Британия	10%
Финляндия	10%
Южная Корея	9%

[1] *Paarlberg R.* The Global Food Fight («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 26).

663

Россия	8,5%
Австралия	8%
Сингапур	7,9%
Тайвань	7,7%
Япония	7,6%
Канада	7%
Европейский союз	6,5%
США	6%

Источник: *«Economist», June 29 — July 5 2002, p. 26.*

В то время как история, экономика и филология дают 75 процентов научных степеней, отличные и хорошие оценки в компьютерных классах и по химии получают лишь 60 процентов американских студентов. Тенденция необорима: все меньше американцев желают совершенствоваться в естественных науках и в инженерном деле. Поневоле Америке приходится все больше опираться на приезжие таланты.

Фрагментация Запада

Американское могущество покоится на факте политико-военного контроля Соединенных Штатов над вторым по геостратегическому могуществу центром мира — Западной Европой, оформленным во второй половине 1940-х годов. Североатлантический союз продолжает функционировать, несмотря на окончание «холодной войны», равно как и огромный товарообмен вкупе с колоссальными взаимными инвестициями. Дружественность западноевропейского региона, его нынешнее открытое или молчаливое согласие с курсом Вашингтона являют собой *основу* американского мирового могущества. Без господства на Западе немыслимо и мировое могущество США. Так было и так есть, но в это условие глобального могущества Америки вкрадывается новое обстоятельство. Речь идет о различии в демографической эволюции двух регионов.

Главным показателем является наличие исламского элемента и соотношение этого элемента к общей массе населения в двух главных западных регионах. Начало 1960-х годов принесло в мир Запада совмещение двух процессов — окончание «бэби-бума» и массовую деколонизацию. Человеческое воспроизводство упало

664

на Западе ниже отметки 1,5 ребенка на семью (напомним, для сохранения демографического статус-кво необходим уровень 2,1 ребенка). Производители в западноевропейских странах в условиях установившихся систем «welfare state» и неготовности среднего класса оставлять рабочую силу для конвейерного и «грязного» производства обратились к готовым источникам рабочей силы, которые синхронно создавала деколонизация, процесс формирования новых стран с неустойчивой экономикой, легко выбрасывающей «излишнюю» рабочую силу.

Этими источниками для Франции стали Алжир, Марокко, Тунис и страны бывшей французской Западной Африки; для Германии — Турция, для Британии — Индия, Пакистан и Вест-Индия, для Голландии — Индонезия и Суринам, для Бельгии — Бельгийское Конго. (В Соединенные Штаты в это же время устремились низкооплачиваемые рабочие из Мексики и Пуэрто-Рико.) Эти рабочие уже получили первоначальную «трудовую подготовку» на плантациях, примитивных фабриках, несложных заводских линиях, в системе обслуживания колониальных администраций. Перебазироваться в прежнюю метрополию им часто помогало знание ее языка, связи с колониальной администрацией и военными кругами метрополии. Историческим фактом является то, что самый большой сегмент прибывшего в Западную Европу «дополнительного» населения оказался мусульманским.

Именно молодые мусульмане явились своего рода «твердым ядром» необходимого Западной Европе контингента рабочей силы. Полустолетием ранее представителей иной культуры и религии встретил бы вал недоброжелательства; но на фоне великих военно-социальных катастроф первой половины XX века в Западной Европе образовался своего рода «фронт терпимости» к представителям иной культуры, языка, религии, что и помогло новопришельцам преодолеть первоначальную неприязнь[1]. В результате в отдельных странах Западной Европы сформировались весьма четко выраженные и определенные мусульманские

общины, переместившиеся из прежних колониальных империй и Турции в производственные центры заглавных европейских стран. Эти общины составили до 10 процентов населения этих стран, постоянно (сейчас и в будущем) наращивая объем своего присутствия за счет гораздо более высокого уровня рождаемости и за счет прибытия родственников и прочих новых иммигрантов.

[1] См.: *Bell C.* Normative Shift («The National Interest», Winter 2002/03).

665

Иммиграция в США. В Соединенных Штатах, как известно, англосаксонское большинство страны было значительно разбавлено массовой иммиграцией 1890—1910 годов, когда на Эллис-Айленд высадились славяне, евреи и итальянцы из Восточной и Южной Европы. Обеспокоенный правящий класс Америки с впечатляющей энергией провел своего рода операцию по «американизации» прибывших, всячески стимулируя работу так называемого плавильного тигля. Бурный экономический рост помог включению новопришельцев в «средний класс», поднял по социальной лестнице вверх. Америка изменилась, но не в своих основах.

Бурно выраженная «обеспокоенность» по поводу «изменяющей Америку» иммиграции привела к принятию в 1924 г. Иммиграционного акта чисто запретительного свойства. На протяжении четырех десятилетий Соединенные Штаты жестко ограничивали въезд в страну новых иммигрантов. Это очевидным образом помогло ассимилировать славян, евреев и итальянцев в общей структуре американского общества. Примечательно и то обстоятельство, что тогда не наблюдалось массового притока иммигрантов из американской колониальной империи, из Филиппин и Латинской Америки. Между 1920 и 1960 годами Америка, несколько изменив свое лицо, сохранила главные из предшествующих демографическому притоку характеристик. Да, евреи несли с собой марксизм, а итальянцы — анархизм, но оба явления были изжиты как болезни роста, уступив место либеральной демократии, свободному рынку и конкуренции индивидуумов.

Ситуация изменилась с принятием Иммиграционного акта 1965 г., открывшего ворота самой богатой страны мира перед новой волной иммиграции. Заметим: прежде всего перед *неевропейской* иммиграцией (перед иммиграцией из Европы режим *устрожен.)* Теперь в Америку направились потоки иммигрантов из *Американской* империи — из Латинской Америки (Пуэрто-Рико, Мексика, Доминиканская Республика, Гаити, центральноамериканские страны), Южной Кореи, Южного Вьетнама, Тайваня, Филиппин. Одно можно сказать твердо: в Западную Европу и Соединенные Штаты направляются два *очень разных* потока иммигрантов.

Различие этих потоков самым наглядным образом подчеркивает самый продолжительный конфликт современности — между мусульманами и израильтянами, приобретший еще большую значимость в свете подъема мирового терроризма. В Западной Европе более 5 процентов — верующие ислама; в США их меньше одного процента. Глава исследовательской группы «Америка и Запад» Джеймс Курт характеризует возникшую ситуацию та-

666

ким образом: «Ясно выраженное различие между Европой и Америкой заключается в относительной силе мусульманского и еврейского сообществ — мусульмане сильны в Европе и слабы в Америке; евреи слабы в Европе и сильны в Америке — это уже создало великую разделительную линию между Европой и Америкой... Потребуются поистине огромные усилия, чтобы сдержать действие этого разграничения по всем линиям контактов и внешнеполитическим проблемам»[1].

Раскол в обоих регионах. Не меньшее разделяющее значение имеет фактор образования и в Западной Европе, и в Соединенных Штатах ситуации «двух

наций». Будущее принесет новую значимость этому процессу.

Не будет преувеличением сказать, что внутри главных западноевропейских стран создается весьма отчетливая ситуация, когда главенствующая (пока) нация будет год за годом становиться все более старой, приверженной ценностям «среднего класса» и идеологии консюмеризма; тяжело работающее мусульманское меньшинство будет расти и молодеть, накапливая жесткое отношение к правящему слою. Что самое важное: огромный исламский анклав в главных западноевропейских странах будет *не* частью западноевропейского населения, Европейского союза (и привилегированного региона американской империи), а частью мировой исламской *уммы*. Как предсказывает Дж. Курт, живущая в Западной Европе мусульманская часть мирового ислама «обретет характер заселенного инородного анклава, и, образовавшиеся в одном и том же регионе, две нации будут смотреть друг на друга с растущим взаимным презрением; в новой растущей антиевропейской нации будет расти ярость, а в среде старой европейской нации распространится величайший страх. Это создаст самые благоприятные условия для эндемического исламского терроризма, направленного против запуганного — некогда имперского населения»[2].

В результате постимперская иммиграция — бумеранг западноевропейского имперского прошлого — расколет западноевропейский регион, являющийся ныне главным союзником единственной сверхдержавы. Не может быть сомнения в том, что это ослабит Североатлантический союз и отразится на межкультурных и экономических связях. Менее пяти процентов мирового населения — население Соединенных Штатов — вольно или невольно лишится главной мировой опоры. Разумеется, это будет

[1] *Kurth J.* Migration and the Dynamics of Empire («The National Interest», Spring 2003, p. 10).

[2] Ibid., p.ll.

667

многолетним процессом, но альтернативы ему на настоящий момент не видно.

Важнейшие процессы будут иметь место в самих США. Величайшее иммигрантское общество в современной Америке — латиноговорящие (37 млн. человек) — неизбежно будет стремиться к тому, чтобы создать политическую компоненту своего растущего экономического и социального влияния в Соединенных Штатах. Не видно альтернативы формированию и внутри Соединенных Штатов *двух наций*. *Первая* будет включать в себя евро-англичан, говорящих по-английски представителей потомков европейских народов. Это будет богатая, но старая и слабая нация. *Вторая* нация включит в себя представителей латинской расы, выходцев и посланцев латиноамериканских народов. Эта нация будет бедной, но молодой и энергичной. Неизбежны взаимные, подозрения, доходящие до презрения и ярости[1]. Не будет изменой реализму предсказать латинский терроризм, в ходе которого молодые *latinos* смогут многому научиться у своих невольных исламских партнеров в Европе. Характерной чертой Америки станут закрытые цепями и стенами богатые белые пригороды, ощетинившиеся против экстремистов «бронзовой расы». Такие стены уже стоят в юго-западных штатах Америки. Именно это обстоятельство станет главным в национальной жизни современной «единственной метрополии». Пример Северной Ирландии стоит перед глазами.

Новая силовая ситуация

Главная проблема Америки в начале XXI века — проблема распространения средств массового поражения. Государства, которые овладеют такими средствами, как бы выходят за рамки полной зависимости. Будущее американской безопасности зависит от действий, предпринимаемых сегодня по предотвращению распространения завтра ядерного и биологического оружия.

Усилия по достижению успеха в данном случае зависят от степени договоренности, согласия и слаженности действий основных не-' зависимых военных и индустриальных действующих лиц на мировой арене. «Достижение действенного сотрудничества (в данной сфере) является главной задачей в обеспечении американской национальной безопасности»[2].

[1] *Andreas P.* The Making of Amerexico: (Mis)Handling Illigal Immigration («World Policy Journal», Summer 1994).

[2] *Perry W.* Preparing for the Next Attack («Foreign Affairs», November-December 2001, p. 45).

668

Даже ближайшие союзники США (даже Британия) склонны выступить против расширения географии конфликта. «Ясно, что курс, предполагающий наказание вплоть до свержения правительств в Ираке, Сирии и Иране ради искоренения международного терроризма, — пишет американский историк П. Шредер, — является курсом, который не поддержат даже ближайшие американские союзники и который способен взорвать антитеррористическую коалицию»[1]. Известный обозреватель У. Пфафф указывает, что «благодаря позиции администрации Буша неконтролируемый палестино-израильский конфликт наносит колоссальный ущерб позициям США на Ближнем Востоке и во всем мире»[2].

Скажется несоответствие военной системы Запада и бросаемых ему вызовов. Противник будет ждать западный ответ не в тех военных условиях, к которым новых проконсулов готовят ныне в Вест-Пойнте и Аннаполисе. Их ожидает голодная молодежь городов «третьего мира», чрезвычайно возросшая воинственность ислама и индуизма. «В результате, — пишет Р. Каплан, — поднимется новый класс воинов, более жестоких, чем когда бы то ни было, — и лучше, чем прежде, вооруженных. Этот феномен охватит армии убийственных тинэйджеров в Западной Африке; российскую и албанскую мафии; латиноамериканских наркоторговцев; самоубийц с Западного берега Иордана; соратников Бен Ладена, сообщающихся между собой по электронной почте... Это жертвы неравенства и глобализации. Ведь глобализация представляет собой социал-дарвинизм. Она означает экономическое выживание сильнейшего — тех групп и индивидуумов, которые проявили себя дисциплинированными, динамичными и изобретательными в своем стремлении к выживанию. Культуры, которые не смогут конкурировать с технологией, произведут несчитанное число воинов. Их уже можно увидеть в исламских школах пакистанских трущоб. Здешние дети не имеют моральной или патриотической идентичности, за исключением той, что им дали религиозные наставники. Век химического и биологического оружия превосходно устраивает религиозное мученичество... А будущее обещает развитие и распространение компактных примитивных ядерных устройств, химического и биологического оружия»[3].

[1] *Schroeder P.* The Risks of Victory. An Historian's Provocation («National Interest», Winter 2001/02, p. 28).

[2] «International Herald Tribune», April 8, 2002.

[3] *Kaplan R.* The World of Achilles. Ancient Soldiers, Modern Warriers («National Interest», Winter 2001/02, pp. 38-39).

669

Как полагают сами американские специалисты, наиболее вероятной угрозой являются действия террористической группы, доставляющей ядерное или биологическое оружие на грузовике, торговом корабле, самолете или лодке — атака, похожая на опыт 1993—2001 гг. Противостоящая сила — многонациональная организация, имеющая свою базу и сочувствующие правительства. Против такого рода деятельности США фактически безоружны. «В реальной атаке мы должны ожидать использование агрессором обмана, ловушек, порчи работы радаров, осуществляемое при помощи радиоактивных

средств ослепление радарных систем, попытки пробиться через национальную противоракетную систему. Вашингтон не знает, какие еще контрмеры могут быть предприняты против американских систем»[1]. Наиболее эффективным способом противодействия было бы тщательное разведывательное слежение, но пока этого в американской практике не видно. В течение ближайших нескольких лет в США, видимо, будут созданы ракетные системы обороны театра военных действий, одно из средств защиты. По расчетам бюджетной службы конгресса США, средних размеров такая система обойдется в 50 млрд. долл. плюс 10 млрд. долл. на сенсорные устройства в космосе. Полный спектр слежения в глобальном масштабе потребует создания дополнительных наземных станций на территории России или в Средней Азии[2].

Важнейшей стратегической задачей Соединенных Штатов становится создание подлинно эффективного режима нераспространения ядерного оружия. Это возможно только в случае активного и доверительного взаимодействия с Россией и Китаем. «Ради вовлечения в процесс Москвы и Пекина Вашингтон должен быть готов к компромиссам по другим вопросам»[3]. Пока этого не наблюдается. Напротив, стремление США создать НПРО реально ведет Китай к расширению своих стратегических военных программ, что не укрепляет, а ослабляет американскую безопасность.

И трезвомыслящие американцы уже сейчас отказываются верить в войну без потерь, в пули, которые обезоруживают, но не убивают. «Реализм требует признать, что война без потерь — это миф... Лесные плотные заросли встанут щитом перед электронным прослушиванием и лазером, а в тесно населенных городах боевые действия без гражданских потерь невозможны. Компьютерные сенсоры насытятся необрабатываемыми данными. В свое

[1] *Perry W.* Preparing for the Next Attack («Foreign Affairs», November-December 2001, p.36).

[2] Ibid., p. 40.

[3] Ibid., p. 43.

670

время количественные измерения и теория игр завели Америку Макнамары во Вьетнам»[1]. Волны, демобилизующие толпу, вызывая в ней рвотный инстинкт, могут лишь еще более мобилизовать массы противника. И они обратятся к оружию и приемам бедных — захват заложников, помещение своих складов и военных объектов под школами и больницами.

Главная опасность для Америки лежит в ее импульсивном стремлении использовать свою мощь для того, чтобы «стереть зло несмотря на последствия; Дж. Кеннан называл это «слепым эгоизмом обиженной демократии»[2]. Америка просто обязана помнить о римском правиле *respice finem* — никогда не забывай о цели того, что ты делаешь. Или слова Черчилля о фанатике, который, несмотря на то что потерял свою цель в тумане, удваивает свои усилия. Латентный вариант подобного поведения зреет повсюду на Западе, как и предупреждения: «В XXI веке, как и в XIX, мы будем первыми начинать боевые действия — в виде операций специальных сил, либо создавая компьютерные вирусы против командных центров противника, — и мы будем морально оправдывать все это. Моральный базис американской внешней политики будет определяться настроением нации и ее лидеров, а не некими абсолютами международного права»[3]. В теории мир определяют международные законы и право; в реальности взаимоотношения между государствами все больше придерживаются лишь кода дуэли.

Примером того, как легко может Америка стать врагом самой себе, является то, что администрация президента Дж. Буша-мл. *только* 7 апреля 2002 г. изменила свою тактику и вместо постоянно провозглашаемого как первоочередная цель нападения на Ирак наконец-то решила принять участие в

урегулировании палестино-израильского конфликта — едва ли не в последний момент избежав двух главных опасностей: объединения против нее всего исламского мира и решительного отчуждения в этом вопросе Западной Европы, катастрофические последствия чего она ощутила бы практически немедленно.

Возможно, наилучшим курсом для Америки было бы «объявить о победе в ближайший подходящий момент и отправить домой, а не укреплять свою доминирующую роль в каждом следующем регионе». Но общественное мнение, «сконцентрированное

[1] «National Interest», Winter 2001/02, p. 43.

[2] *Schroeder P.* The Risks of Victory. An Historian's Provocation («National Interest», Winter 2001/02, p. 36).

[3] *Kaplan R.* The World of Achilles. Ancient Soldiers, Modern Warners («National Interest», Winter 2001/02, p. 45).

671

на жалости к самому себе по поводу потерь, экзальтации по поводу собственных достоинств, задавит голоса оппозиции наступательной тактике»[1]. Политики, думающие о выборах, помимо прочего, нуждаются в триумфах. И американские войска будут стоять в турбулентных регионах, «вмешиваясь в политические процессы этих регионов, оказывая давление на местные правительства — и так до бесконечности»[2]. А местное население будет симпатизировать террористам, все более проникаясь ненавистью к западным ценностям. «Они видят в Америке главную деморализующую силу» и будут презирать сотрудничающие с американцами правительства. «Атака становится главной формой терроризма, потому что у этих людей нет более эффективного средства ответа»[3].

В докладе специалистов ООН по разоружению и по правам человека (апрель 2002 г.) указывается, что «отказ Соединенных Штатов от подписания и пренебрежительное отношение к целому ряду международных договоров, от соглашений о запрете на ядерные испытания, о нераспространении оружия массового поражения и о запрете на инженерные мины до соглашения по проблемам изменения климата на планете и по правам женщин и детей, подрывает усилия многих государств по укреплению главенствующей роли международного права»[4].

Не поняты многие уроки. США полны решимости строить космический щит в то время, когда их ожидает абсолютно иная угроза. Более приземленная, менее софистичная, но жертвенная и страшная в силу уязвимости современной технической (телекоммуникации, потоки органических энергоносителей, линии электропередач и пр.) цивилизации Запада. И угроза распространения оружия массового поражения никак не решена. Такое оружие в руках столь решительных людей может быстро перевернуть весь ход мировой истории. Между тем «в арабском мире в особенности население растет во взрывной проекции, а высокий уровень безработицы не пользуется вниманием неэффективных, коррумпированных и репрессивных режимов... Здесь люди не участвуют в дележе плодов современности, они получают лишь токсины индустриального мира»[5].

[1] *Schroeder P.* The Risks of Victory. An Historian's Provocation («National Interest», Winter 2001/02, p. 35).

[2] Ibid., p. 34.

[3] Ibid., p. 33.

[4] «The New York Times», April 4, 2002.

[5] *Hoge J.* and *Rose G.* (eds.) How Did This Happen? Terrorism and the New War. New York, 2002, p. 5.

672

8. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Самая важная проблема заключается в том, что неоимпериалистический подход неприемлем и не удержится долго.

Не гранитной является и *воля* гегемона. Образ глобального шерифа в общем и целом, вопреки пропаганде и жесткому прессу десятилетий «холодной войны», не импонирует большинству американцев. Более того, значительно изменился фокус их непосредственного внимания.

Ослабление жертвенности

Возникает подозрение, что жертвенность не является главной чертой современного поколения строителей империи. «Они полагают, что выгоды от имперского порядка перевесят бремя и ответственность... Они думают, что сохранение мира на Балканах и обеспечение опорных пунктов США в Центральной Азии — вовсе не повод для среднего американца бросаться в ближайший пункт вербовки в вооруженные силы... Если говорить откровенно, большинство американцев умирать за это не намерены»[1]. В этом смысле главным противником Американской империи являются не Китай как новая сверхдержава, и не Аль-Каида как лидер ислама, а *спорная готовность* американского народа платить по имперским счетам. Там, где льется кровь, пусть это будет не американская кровь.

Важнейший вопрос: готовы ли они на жертвы ради сохранения статус-кво, готовы ли они на материальные и даже людские жертвы ради постоянного и жесткого контроля над внешней средой? Интервенционистский опыт Америки (от Вьетнама до Косова) породил противодействие внутри США в свете неубедительности для многих необходимости подвергать себя риску и преодолевать непредвиденные сложности. «Примерно 15—20 лет будет длиться война между двумя капитальными американскими традициями: грубое индивидуалистическое полагание лишь на самих себя, создавшее американский капитализм и сделавшее США богатейшей страной мира, — и более новая тенденция от-

[1] *Bacevich A.* New Rome, New Jerusalem («Wilson Quarterly», Summer 2002, p. 57).

673

казываться от излишней ответственности за последствия своих действий»[1]. И возобладает вторая традиция. Американцев покидает жертвенность в достижении далеких целей при растущей обращенности к внутренним проблемам. В бюджете страны внутренние расходы ежегодно несопоставимо масштабнее трат на внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность. Это устойчивая тенденция.

На национальном уровне в США возврата к самоуверенности 50-х годов не произойдет, роль международных проблем ослабевает. В 1998 г. лишь 13 процентов американского населения высказывались за активное лидерство США в мировых вопросах, а 74 процента хотели бы видеть свою страну действующей в этих акциях не в одиночестве[2]. Большинство (55—66 процентов) высказывает ту точку зрения, что «происходящее в Западной Европе, Азии, Мексике и даже Канаде не оказывает воздействия (или оказывает малое воздействие) на их жизни. Среди американцев будет сказываться недовольство «бременем» организации международных сил в самом широком спектре — от Ирака до Югославии (где США используют силу), угрожая экономическими санкциями 35 странам. Как бы ни оплакивала внешнеполитическая элита этот факт, Соединенные Штаты лишаются внутренней политической базы, необходимой для создания и поддержания однополярного мира»[3].

Американскую общественность ныне больше беспокоят внутренние проблемы — ухудшение окружающей среды, распространение наркотиков, криминал, терроризм. «Общественный интерес к политико-военным проблемам,

который определял международные дела во время «холодной войны», упал даже среди тех, кто характеризует себя интернационалистами... Общественность в общем и целом протестует против одностороннего вмешательства Соединенных Штатов в разрешение споров в отдаленных местах — в Банье Луке, Тимишоаре, Центральной Африке — особенно если это представляет угрозу военному персоналу американских вооруженных сил. Поддержка американского участия в миротворческих операциях ослабла. Отказ конгресса вносить взнос в ООН не вызвал общественного возмущения»[4]. Амери-

[1] *McRae H.* The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 223.

[2] «Foreign Affairs», March/April 1999, p. 36-41.

[3] *Huntington S.* The Lonely Superpower («Foreign Affairs», March/April 1999, p. 40).

[4] *Santis De H.* Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 44).

674

канские законодатели отказались дать президенту особые полномочия для заключения торговых соглашений с внешними партнерами страны.

Проблема заключается в том, что «американцы любят считать себя первой мировой державой, но они не имеют глубоких исторических обид или страстей, необходимых для того, чтобы доминировать над другими или реформировать других; они не склонны наделять свое слабеющее правительство необходимыми полномочиями, а себя заковывать в дисциплину, требуемую для осуществления глобальной гегемонии»[1]. Как пишет У. Пфафф, противостоящий изоляционизму «интернационализм является более теорией, чем практикой и основывается на значительном невежестве относительно происходящего за рубежом. Конгресс не всегда отражает общественное отношение, но в той мере, в какой он это мнение отражает, американский ответ на угрозы национальным интересам — даже коммерческим интересам — чаще всего является односторонним и несущим черты ксенофобии. Это шаткое основание для проведения политики глобальной гегемонии»[2].

Расширяется пропасть между *продолжением оснащения* таких вооруженных сил, которые выиграли две мировые войны, готовых вести одновременно две войны типа тех, что имели место в первой половине XX века, и неготовностью общества и элиты платить кровью, убивать и жертвовать собой в этих конфликтах. На пути силовой политики встает новое фундаментальное правило (мы цитируем в данном случае американца Д. Риефа): «Население Соединенных Штатов не потерпит ни длительной войны (подобной вьетнамской), ни ощутимых, значительных потерь»[3]. Если эта пропасть будет расширяться, то центральная роль Америки в мире подвергнется изменениям довольно быстро. «Вот почему, — пишет Д. Риеф, — факт отсутствия у США соперника где-нибудь на горизонте делает современную ситуацию такой настораживающей»[4].

Несколько субъективных факторов, ощутимых и в США, и за их пределами, следует выделить особо.

[1] *Calleo D.* The United States and the Great Powers («World Policy Journal», Fall 1999, p. 17).

[2] *Pfaff W.* The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 7).

[3] *Rieff D.* Sustaining the Unsustainable («World Policy Journal». Spring 1999, p. 93).

[4] *Rieff D.* A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 12).

675

Во-первых, происходит дегероизация американского политического Олимпа, а собственно, и самой американской политической системы. Между Уотергейтом и скандалами периода Клинтона исчезла аура, которую мир видел над воином-политиком Эйзенхауэром и «юным цезарем» Джоном Кеннеди. «Потрясенная неурядицами внутренняя сцена Америки, — пишет историк П. Кеннеди, — внутренняя направленность ее очень особенных культурных войн предопределяет

растущую сложность нахождения лидеров, которые фокусировали бы свое внимание на международных проблемах... Все это ослабит способность мирового лидерства Америки»[1].

Во-вторых, как бы завершился своего рода «крестовый поход» американцев во внешнем мире. Они одержали все возможные победы. Не пора ли почить на лаврах? Возникает картина, когда основная масса американского населения все еще поддерживает идею мирового лидерства, но, повторяем, весьма нерасположена «платить» за него — она явно не готова к самоотверженности, она против американских жертв. Американцы не расположены видеть свою страну глубоко вовлеченной в долгосрочные внешнеполитические кризисы. Речь не идет о неком возврате американского изоляционизма, но явно иссякает энтузиазм следовать клятве президента Дж. Кеннеди «заплатить любую цену» за свое лидерство в мире.

Об ослаблении интереса простых американцев к прежде привлекательному миру можно судить хотя бы по туристическим потокам. В XX веке число американцев, выезжавших за границу, значительно превышало численность иностранцев, посещавших Соединенные Штаты. На рубеже XX—XXI веков эти цифры почти сравнялись (по 45 млн. человек выезжали из США и приезжали в них). Численность иностранцев, навещающих Америку, в XXI в. будет значительно больше массы американцев, выезжающих за границу.

В-третьих, во внешнем мире растет убежденность в том, что американский опыт практически неимитируем, что повторить американский путь не сможет никто. Хотя бы потому, что недостаточно земных ресурсов, и уровень американского потребления, воспроизведенный в массовых масштабах, просто опустошит планету — основных ископаемых при американском темпе потребления хватит лишь на несколько десятилетий.

Соответственно, нетрудно предположить, что будут расти со-

[1] *Kennedy P.* The Next American Century («World Policy Journal», Spring 1999, p. 57).

676

мнения в воспроизводимости, имитируемости столь пропагандируемой системы ценностей, в либерально экономической модели Америки, подаваемой как неизбежное, будущее человечества («конец истории» и т. п.). Как приходит к выводу американский исследователь де Сантис, «либерально-демократическая идеология, может быть, и одержала триумф над государственнической коммунистической альтернативой и над азиатской моделью индустриального планирования и политической опеки. Но это не означает, что другие нации торопятся повторить американский путь, еще менее готовы они последовать путем, который считают противоречащим их интересам. И чем больше необходима будет помощь других стран для реализации американских инициатив, тем больше те будут настаивать на собственном пути»[1].

В-четвертых ослабевает магнетическая притягательность массовой культуры США. Даже средний американец не будет доволен жизнью в стране, где «половина браков завершается разводом, где в двухчасовом фильме сотня сцен насилия. Уже есть признаки изменения системы ценностей — призыв к контролю над оружием, реформация системы общественного здравоохранения»[2]. Скепсис набирает сторонников. «С распадом Советского Союза никакая сила уже не угрожает существованию Америки и никакая внешнеполитическая идея не возбуждает общественного интереса. Конгресс во все большей степени «балканизирован» — многие демократы не убеждены в достоинствах свободной торговли, а республиканцы питают слабый интерес к международным проблемам, у них нет желания посвящать время международным делам. Президент должен учитывать эти тенденции»[3].

В-пятых неясен ответ на вопрос, как совместить прием огромного числа

иммигрантов (столько же, сколько принимает у себя весь остальной мир) с центральной ролью Интернета и построенной на нем экономики со всеми новыми присущими ему (Интернету) ценностями? Как сочетаются между собой национализм м космополитизм, мир клятвы новой родине и анонимный мир современных массовых коммуникаций?

В-шестых, критически важным обстоятельством является

[1] *Santis De H* Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 44).

[2] *McRae H.* The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 224.

[3] *Haas R.* The Squandered Presidency. Demanding More from the Commander-in-Chief («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 140).

677

разлад в отношениях между внешнеполитической элитой США и основной массой американского населения. Обратимся к социологической статистике. Согласно опросам чикагского Совета по международным отношениям, 98 процентов американской элиты категорически выступают за мировое лидерство. Гораздо сложнее отношение к этому вопросу основной массы американцев. Американская общественность не выразила никакого энтузиазма по поводу новой предполагаемой атаки против Ирака в феврале 1998 г., не выказала энтузиазма в случае с балканской военной интервенцией весной 1999 года. Расширение НАТО на восток получило весьма сдержанное одобрение незначительного большинства американцев.

Элита уже не может преподносить своему народу нечто «логически безукоризненное» типа стратегии «сдерживания». (Сдерживать СССР уже поздно, а КНР еще рано.) В то же время 72 процента американцев полагают, что Соединенные Штаты не должны слишком вовлекаться в международные дела, а должны концентрироваться на внутренних национальных процессах — этого мнения элита явно не разделяет. По умозаключению Ф. Закариа, «общественность более не верит, что элита идет правильным путем. Общественность полагает, что элита слишком интернационально настроена, слишком концентрируется на грандиозных проектах — таких, как поддержание стабильного мирового порядка или расширение зоны свободной торговли, а не на интересующем американский народ улучшении внутриамериканской жизни»[1].

Обратимся хотя бы к мировой торговле. 79 процентов представителей элиты выступают за ликвидацию таможенных барьеров и расширение мировой торговли, среди широкой общественности такую идею поддерживают лишь 40 процентов населения[2]. Только 51 процент представителей элиты считают защиту американских рабочих мест «очень важной целью» — каковой ее считают 84 процента общественности. Такого водораздела между широкой публикой и элитой не существовало в годы «холодной войны», но он обрел очевидную зримость в начале третьего тысячелетия. И если настроенные на долгосрочную гегемонию политики не сумеют создать массовую поддержку жесткому международному курсу страны, внутреннее основание гегемонии прогнется, несмотря на все физическое могущество.

[1] *Zakaria Fareed.* The Challenges of American Hegemony («International Journal», Winter 1998—9, p. 25).

[2] America's Place in the World II. Washington DC: Pew Research Center for the People and the Press. October 1997, p. 18.

678

Как резюмирует де Сантис: в конечном счете «Соединенные Штаты не владеют достаточными ресурсами и необходимой волей, чтобы осуществлять свою (контрольную) работу бесконечно»[1]. Более углубленные в себя, менее прозелитирующие, как носители новых ценностей американцы встретят жесткое конкурентное давление менее избалованных исторической судьбой соперников-

конкурентов. И судьба Америки может оказаться стандартной для мирового центра: цена «имперской вахты» окажется для более самососредоточенного общества все менее и менее приемлемой.

[1] *Santis De H.* Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 49).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
БУДУЩИЙ МИР

Сцена создана, судьба определена. Все это произошло не по выработанному нами плану, но рукой Господа Бога.

Президент Вудро Вильсон, 1919

Нет ни малейших сомнений в том, что Соединенные Штаты способны на лицемерие и брутальность в массовых масштабах.

С. Розен, 2003

1. ЖЕЛАЕМОЕ ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ

Расширение внешнего присутствия

Американская армия ныне расположила 368 тысяч солдат в 120 странах. До 11 сентября 2001 г. за границей Соединенных Штатов находились 20 процентов наличного армейского персонала; через два года на воинской службе за пределами страны находилась почти половина американской армии[1]. За неделю до начала боевых действий в Ираке заместитель министра обороны П. Вулфовиц предсказал, что жители Ирака «как народ Франции в 1940-х годах видит в нас желанных освободителей. В мае 2003 г. предполагалось к сентябрю 2003 г. оставить в Ираке 30 тысяч американских солдат. Это была

[1] *Thompson M.* and *Duffy M.* Is the Army Stretched Too Thin? («Time», September 1, 2003, p. 36.)

излишне оптимистическая оценка. Осенью 2003 г. в Ираке находились 140 тысяч американских солдат и 20 тысяч солдат их союзников. Десять американских дивизий как десять имперских легионов стремятся контролировать огромный мир. Их *не хватает*. Сенатор-демократ Дж. Рид предлагает призвать на действительную службу семь бригад национальной гвардии, чтобы увеличить армию США еще на 20 тысяч, создать одиннадцатую дивизию. Предлагаемое создание *двух* армейских дивизий обойдется американским налогоплательщикам в 10 млрд. долл. в год (в добавление к уже достигшему 400 млрд. долл. военному бюджету Соединенных Штатов). Расширяется Миротворческий институт армии США в Карлейле (Пенсильвания). Член комитета по вооруженным силам палаты представителей Айк Скелтон: «Мы должны признать новые реальности нашей глобальной миссии и создать адекватные этой миссии вооруженные силы»[1].

В будущем американские планировщики предполагают осуществить «более радикальные изменения в размещении американских вооруженных сил за пределами Соединенных Штатов, чем это было полстолетия назад, больше, чем было сделано изменений после Вьетнама или окончания «холодной войны»[2].

Крупные базы (такие, как Рамштейн в Германии, Мисава и Иокосука в Японии) будут основой для гораздо менее масштабных баз, разбросанных по гораздо более широкому спектру. Огромные запасы военного и военно-морского оборудования будут подготовлены во многих странах с тем, чтобы быть всегда готовыми к приему быстро растущего персонала. Пентагон уже готовит серию новых баз в Азии, Европе, на Ближнем Востоке, в Персидском заливе.

Будет значительно увеличено военное присутствие американских вооруженных сил в Азии. Вашингтон увеличивает доступ, совместное проведение учений и маневров на Филиппинах, Малайзии и в Сингапуре. Присутствие здесь

будет уже «освоенным» базированием на островах Гуам и Диего-Гарсия, дополнительно оснащаемым бомбардировщиками и запускающими крылатые ракеты подводными лодками. Предполагается, что Вашингтон запросит о возможности военного присутствия во Вьетнаме. Уже ведутся переговоры с Индией о доступе американцев на базы в Южной Азии. В Европе Болгария и Румыния предлагают свои порты и аэродромы, «близкие к потенциальным кон-

[1] *Thompson M.* and *Duffy M.* Is the Army Stretched Too Thin? («Time», September 1, 2003, p. 39.)

[2] *Campbell K.* and *Ward C.* New Battle Stations? («Foreign Affairs», September-October 2003, p. 95.)

681

фликтам на Кавказе, в Центральной Азии и на Ближнем Востоке»[1].

Европейское командование вооруженных сил США готовит расширение военного присутствия в Африке, регионе колоссальных потенциальных конфликтов. Размещение в 2003 г. двух тысяч американских военнослужащих в Джибути предполагает контроль над Африканским Рогом и далее. Ведутся переговоры о подобных же базах в Западной Африке. «Новые американские базы в Центральной Азии, созданные в ходе афганской кампании, будут оставаться необходимыми Соединенным Штатам на долгое время и для таких долговременных целей, как война с терроризмом и, возможно, контроль над растущим Китаем»[2]. Резко увеличена будет американская база в Катаре. Как пишут американские исследователи, «Соединенные Штаты не могут подвергнуть себя риску отказа к доступу в ключевые регионы, и поэтому будет диверсифицирован и расширен список баз, с которых могут быть начаты боевые операции»[3].

Военный мир будущего

Военные теоретики современной Америки полагают, что ошибкой является простая экстраполяция современных процессов в сфере глобальной силовой политики на будущее. «Такая стратегия позволяет *предсказать* будущее, а его нужно не предсказывать, а *создавать*»[4]. *Ключом к миру 2025 г., как полагают Д. Смит, М. Корбин и К. Хелман, «в котором американские ценности будут доминировать и в котором Америка останется лидером, является изменение баланса основных элементов национальной мощи. Военная мощь, которая в последние 60 лет была доминирующим элементом во внешней политике США, должна быть дополнена политическими, экономическими, социальными и информационными компонентами национальной безопасности»*[5].

Военные вызовы XXI века американские теоретики делят на пять групп: ядерная война; крупномасштабная война на театре военных действий с применением обычных войск и вооружений; террористические атаки на собственно американскую террито-

[1] *Campbell K.* and *Ward C.* New Battle Stations? («Foreign Affairs», September-October 2003, p. 97—98.)

[2] Ibid., p. 98.

[3] Ibid., p. 99.

[4] *Smith D., Corbin M., Hellman Ch.* Reforging the Sward. Forces for a 21st Securitu Strategy. W., 2001, p. 25.

[5] Ibid., p. 10.

682

рию и на американские базы за рубежом; конфликты локального масштаба; подъем держав, поставивших себе целью достижение равенства с США. Два первых вызова в той или иной степени являются наследием «холодной войны». В обозримом будущем более вероятными будут конфликты третьего и четвертого типа (плюс наркоторговля, международная преступность, проблемы иммиграции, столкновения по поводу охраны окружающей среды). Пятый тип конфликта определится, скорее всего, не скоро. Но он, по сути, неизбежен — вопрос только в

сроке вызревания полновесного конкурента.

Ответ на два первых типа вызовов — уже хорошо знакомая стратегия «сдерживания». Труднее определяемый («квантифицируемый») вызов — конфликты третьего и четвертого типа, прежде всего терроризм. Для полномасштабного ответа на вызов пятого типа Америка должна сохранять свою колоссальную экономическую базу и держать ритм постоянного технологического обновления.

При таком подходе — согласно возобладавшему мнению — прежняя подготовка к ведению одновременно «двух с половиной» войн должна отойти в прошлое ввиду «возросшей интеграции интересов наиболее крупных держав» на фоне «технологических прорывов, необходимых для поддержки общей стратегической установки США... способности точно знать намерения и способности союзников, друзей, возможных и уже идентифицированных противников, способности идентифицировать потенциальные внутренние взрывы внутри зарубежных наций»[1]. Две полномасштабных войны одновременно — это сегодня нереалистический сценарий. США могут подвергнуться террористической атаке, но полномасштабная агрессия сразу на двух театрах военных действий не видится реальной. Министр обороны республиканской администрации Д. Рамсфелд перешел от доктрины «двух с половиной войн» к доктрине «одной полномасштабной войны»[2]. Окончание «холодной войны» уменьшило тягу американцев к постоянному размещению очень крупных воинских формирований и поддерживающих их структур в большой удаленности от континентальных Соединенных Штатов. В то же время крах мировой экономики типа депрессии 1929 г. также не видится вероятным будущим, равно как и полномасштабная битва за уменьшающиеся естественные ресурсы Земли. Потенциальные угрозы Соединенным Штатам не зафиксированы, эта страна

[1] *Smith D., Corbin M., Hellman Ch.* Reforging the Sward. Forces for a 21st Securitu Strategy. W., 2001, p. 27—28.

[2] QDR 2001: The Battle Begins; Jane's Defense Weekly, May 16, 2001.

683

может понизить или интенсифицировать такую угрозу. Первой линией обороны США стали экономика и дипломатия.

Но и военная сфера не пребывает в забвении. «Идеальным» с точки зрения Вашингтона миром является такой, в котором «Соединенные Штаты доминируют дипломатически, в военной сфере и с точки зрения окружающей среды»[1]. Этому способствовало бы развитие вооружений четвертого поколения. Вот какие показатели благоприятствовали бы (согласно мнению американских специалистов) обеспечению американского стратегического могущества в глобальных масштабах на уровне 2025 г.

1. Наличие не более 500 ядерных зарядов в арсенале России; замораживание ракетно-ядерного военного строительства Китая.

2. Введение в действие гораздо более жесткого и действенного режима контроля над ядерным, химическим и биологическим оружием в мире.

3. Создание эффективного механизма преодоления политико-военных кризисных ситуаций, быстрой ликвидации ущерба от международных конфликтов.

4. Общее сокращение потока расходов на обычные вооруженные силы в мире.

Для достижения этих целей от собственно Соединенных Штатов будет требоваться следующее:

— интенсификация активности по созданию соответствующего американским интересам международного правопорядка;

— создание системы конкретных международных договоренностей по использованию основных мировых ресурсов;

— постоянное наблюдение за процессами внутри РФ и КНР, непрерывный мониторинг ориентированности этих стран;

— неослабное внимание к арабскому миру, к процессам внутренней эволюции, поддержание прозападных режимов в трех ключевых странах — Саудовская Аравия, Пакистан, Египет;

— минимизация ущерба от образа Америки как мирового и корыстного полисмена, укрепление связей с местными элитами в ключевых странах внешнего мира;

— внешнеполитические акции США должны иметь характер «экспедиций», а не продолжительных войн;

— гарнизоны в дальних странах предпочтительно иметь небольшими и мобильными;

— глобальной и интенсивной стратегической разведке должен быть отдан первостепенный приоритет;

— расширенная агентура по всему миру необходима для бо-

[1] *Smith D., Corbin M., Hellman Ch.* Reforging the Sward. Forces for a 21st Securitu Strategy. W., 2001, p. 30.

лее точного знания и понимания иностранных культур и характера действий зарубежных правительств;

— должны быть изысканы фонды для контроля и желательного уничтожения стратегического ядерного потенциала России;

— продолжение исследовательских работ по совершенствованию американских вооружений, сохранение превосходной материальной базы американской военной промышленности; продолжение процесса усовершенствования технологически сложного американского оружия, увеличение отрыва в этой сфере между Соединенными Штатами и остальным миром.

На этом, втором этапе США лишаются геополитического противовеса и становятся во главе неведомой в новое время и потенциально опасной системы — с единственным лидером во главе, с величайшим соблазном превратить все неамериканское в отклонение от нормы.

2. ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ГЕГЕМОНИИ

> Америка будет идти односторонним курсом, потому что она может себе это позволить.
>
> *М. Хирш, 2002*

Насколько долго продлится наступающий «американский век»? История говорит, что доминирование может быть продолжительным, гегемония может оказаться долговременной — о чем говорит история, скажем, Рима или Византии. Столетие длилось преобладание Британии. Ничто не предвещает значительного ослабления в ближайшие десятилетия. («Но кто может сказать определенно? Сверхдержавы поднимаются, а потом теряют влияние, как может свидетельствовать Михаил Горбачев»[1]).

Причина исторической устойчивости «пирамид доминирования», полагает американец Д. Уилкинсон, в том, что «однополярность является внутренне стабильной и может длиться десятилетия. Однополюсная конфигурация обладает внутренними саморегулирующими факторами»[2]. Дисциплина, пусть даже навязанная, лучше хаоса. В однополюсном мире быстрее разреша-

[1] *Glennon M.* What's Law Got to Do with It? («Wilson Quarterly», Summer 2002, p. 61.)

[2] *Rosenau J.* Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. Cambridge, 1997, p. 103—114; *Wilkinson D.* Unipolatity Without Hegemony («International Studies

Review», Summer 1999, p. 141).
685
ются возникающие конфликты, он внутренне эффективнее менее централизованных систем.

Прогноз большинства футурологов в отношении возможности продления на будущее превосходных современных показателей Америки, в отношении сохранения ею исключительных мировых позиций, обретенных между 1942 — 2002 годами, сводится к тому, что заокеанская республика имеет все возможности в течение нескольких десятилетий владеть ключевыми мировыми позициями в Северной Америке, в Западном полушарии, в Западной Европе и Восточной Азии, во всех четырех океанах и космосе, в военной мощи и военных исследованиях, на основных мировых рынках, в науке и практических разработках, в информационной революции, в производительности труда, в привлечении наиболее талантливых иммигрантов, в мировом университетском образовании, в ведущих средствах масс-медиа, в популярной культуре, в привлечении молодежных симпатий и в международной помощи. Практически Америке обеспечены десятилетия сильнейшего воздействия на мир и на ход мировой эволюции.

Действуя в качестве прототипа экономики нового образца, США увеличивают мощь своей индустриальной поступи и военного могущества, что позволяет им сохранять глобальное влияние. Складывается впечатление, что умелая мобилизация американских ресурсов и ослабление потенциальных противников может обеспечить Соединенным Штатам положение лидирующей державы мира как минимум на 20 лет в будущем. Даже самые критичные аналитики (в данном случае Д. Риеф из Института мировой политики, Вашингтон) приходят к выводу о прочности обретенных Америкой позиций. Незачем ломать копья: «В начале нового тысячелетия кажется очевидным, что ни одно государство и никакой союз государств не сможет в обозримом будущем посягать на гегемонию Соединенных Штатов — в традиционном понимании этого термина»[1]. Такие исследовательские центры, как аналитическая служба влиятельнейшего британского журнала «Экономист», тиражируют свой вывод о безосновательности сомнений в дальнейшем бурном росте экономики США и соответствующего роста их могущества[2].

В случае с американской гегемонией четыре фактора сыграют решающую роль: наличие ресурсов, твердость национальной

[1] *Rieff D.* A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 7.)

[2] *Grook C.* Gambling on the new economy (In: The World in 2000. The Economist Publication. London, 1999, p. 14).

686
воли, успешная стратегия и дипломатия, привлекательность своего общества.

Австралийский политолог К. Белл предполагает, что гегемония Америки будет длиться как минимум еще сорок лет, а может быть, и значительно дольше — многое будет зависеть от американской стратегии. Долговременная гегемония принесет революционные перемены в окружающий мир, она «внесет серьезные изменения в самые старые — в самые базовые нормы и соглашения, которыми долгое время руководствовалось сообщество государств»[1].

Раз установившуюся, американскую гегемонию будет чрезвычайно трудно низвести с пьедестала в свете приверженности всего мирового авангарда — западных демократий общим принципам открытости, взаимности, многосторонности, общим экономическим и политическим основам, общим институтам развитого индустриального мира. Для потенциального государства-противника становится все более сложным ввести в мировой обиход новую совокупность принципов. По мнению американского исследователя Р. Фалька,

американская гегемония «становится в высшей степени институционализированной. Лишь крупномасштабная война или мировой экономический кризис могут нанести удар по американской гегемонии. Если даже большая коалиция государств выдвинет альтернативный тип порядка, для того чтобы быть принятым, благо перемен должно быть слишком очевидным, а это трудно себе представить. Пока на горизонте нет достойных претендентов»[2].

И они не скоро появятся — столь велико американское могущество. Реальностью современного мира является то, что лишь несколько крупных держав способны в будущем радикально воздействовать на международный мир, стабильность и процветание. Большинство из них пока либо дружественны Соединенным Штатам, либо испытывают ту или иную форму зависимости. Поразительным образом потенциальные противники крайне осторожны и не рискуют противопоставить себя американской мощи. Дж. Айкенбери: «Не видно признаков того, что некие страны приступают к фазе создания контрбаланса американской мощи»[3].

[1] *Bell C.* American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 55).

[2] *Falk R.* World Orders, Old and New («Current History», January 1999, p. 20).

[3] *Ikenbeny J.* America's Liberal Hegemony («Current history», January 1999, p. 26).

687

Трудно сомневаться в том, что США постараются воспользоваться исключительно благоприятными обстоятельствами для *имперского* контроля над мировым развитием, речь идет о 20 — 30-х годах своего рода Pax Americana. Физические обстоятельства могущества позволяют утверждать, что США фактически являются и еще долгое время будут преобладающей мировой силой. Но природа доминирующей роли США будет меняться. На *первой* фазе своего возвышения (1945 — 2000) источником американской мощи были огромные ресурсы. В дальнейшем США становятся крупнейшим в мире должником. Они начинают принимать на свою территорию больше иммигрантов, чем все остальные страны мира, вместе взятые. На *второй* фазе (начинающейся в новом веке) увеличивается значимость того, что Дж. Най назвал «мягкой силой» — способность достичь большего не подталкиванием, а привлекательностью американского общества, выгодностью не противостоять Соединенным Штатам, а пользоваться плодами дружбы с ними.

Сторонники закрепления американской гегемонии утверждают, что самая опасная система — биполярная: «Жесткая биполярная система обычно возникает на закате исторического цикла, и в любом случае она ведет к конфликту, изменяющему саму систему. Биполярность — не единственная причина конфликта, но она создает такую совокупность обстоятельств, которые почти неизбежно ведут к конфликту»[1]. Из этого следует, что движение к восстановлению биполярности (с любыми действующими лицами в качестве соперника США) следует остановить и заблокировать.

Поиски оптимума

Главными угрозами Соединенным Штатам называют прежде всего ядерное оружие в руках наследников Советского Союза и других стран, истощение экономических ресурсов, нетрадиционные угрозы в виде миграции населения и загрязнения окружающей среды[2]. И, разумеется, терроризм. В этих обстоятельствах строительство своей империи предполагает следующее:

— значительно более активное участие в определении легальных, экономических, касающихся природных ресурсов обстоя-

[1] *Binnendijk H.* Back to Bipolarity? («The Washington Quarterly», Autumn 1999, p. 10.)

[2] *Jervis R.* The Future of World Politics. (In: Lynn-Jones S. And Miller S.-eds. America's Strategy in a Changing World. Cambridge, 1993, p. 25.)

688
тельств развития в планетарном масштабе, касающихся национальных интересов США;

— поддержание тесных связей с союзниками (Североатлантический союз, Европейский союз, Организация американских государств), с ключевыми государствами Дальнего Востока, Ближнего Востока, Азии и Африки;

— поддержание эволюции в системе отношений безопасности с Россией, Китаем, Индией, Бразилией и другими растущими региональными силовыми центрами;

— создание военной структуры, способной эффективно отвечать на остающиеся угрозы или чрезвычайные обстоятельства, восприимчивые к военной силе;

— ослабление зависимости от топливных ресурсов в пользу восстанавливаемых энергетических ресурсов[1].

3. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Пять столетий Запад владел миром, демонстрируя несокрушимую энергию и волю. Все гордые незападные государства так или иначе, после Колумба, да Гамы и Ченселора, после выхода американцев за Аллеганы, после достижения испанцами Тихого океана, после колонизации Африки и Азии, подчинились Западу. Несколько волн промышленно-научных революций закрепили опеку конкистадоров и колонизаторов над громадными просторами мира. Десятилетие назад не устояла в антизападном противостоянии Россия — последний избежавший прямого западного контроля район Евразии. Экономический триумф Соединенных Штатов породил поистине жесткую уверенность военно-экономического лидера мира в практически необратимом овладении им главными рычагами мирового развития. Глобализация закрепила возможности Запада и его американского авангарда осуществлять мировое доминирование. Зашла речь о «конце истории».

Но именно тогда, когда даже самые большие скептики умолкли, пораженные военно-научно-техническим превосходством Запада и его неоспоримого авангарда — Америки, история еще раз начала демонстрировать изумленному человечеству, что для нее нет неоспоримых канонов. И нам остается только потрясенно смотреть в лицо новым фактам, резко меняющим мировую панораму, подвергающим сомнению контрольные функции мирового гегемона — Соединенных Штатов.

[1] *Smith D., Corbin M., Hellman Ch.* Reforging the Sword. Forces for a 21st Century Security Strategy. Washington, 2001, p. 26.

689

Долгие столетия после катастрофического четырнадцатого века (когда в результате войн и эпидемии чумы Западная Европа потеряла более трети своего населения) Запад отличался стабильным ростом своего населения. Довольно долгое время западное население держалось на весьма стабильном уровне в 180 млн. человек. И только в XVIII веке население Запада начало быстро расти. В 1900 г. на Европу, Северную Америку и тогдашнюю Российскую империю приходилось 32 процента мирового населения. Такой большой процент объясняется демографическим взрывом, сопровождавшим индустриальную революцию. К середине XX века достигло цифры в 750 млн. человек, то есть более одной четвертой мирового населения, составившего 3 млрд. человек. Но уже начался более быстрый рост незападных регионов мира.

За последовавшие пятьдесят с лишним лет население Земли удвоилось (до шести с лишним млрд. человек), а Запад по существу прекратил даже

воспроизведение уже достигнутого уровня своего населения. В 1950 г. доля индустриального мира пала до 29 процентов от всего населения планеты. В дальнейшем ритм этого падения ускорился: 25 процентов в 1970 г., 18 процентов в 2000 г., уже всего лишь *одна шестая* населения планеты — малообещающая проекция на будущее. (Напомним, что для воспроизведения существующего уровня населения требуется уровень рождаемости в 2,1 ребенка; на современном Западе этот уровень составляет 1,4 ребенка — революция в демографии, резко ослабившая Запад.) На 2050 г. проецируется цифра в 10 процентов[1]; доля западного населения к концу текущего века снизится до *нескольких процентов* мирового населения.

Между 2000 и 2050 годами мировое население увеличится минимум на три миллиона человек. Но при этом население Азии, Африки и Латинской Америки увеличится на 50 процентов, а население Европы уменьшится как минимум на сто миллионов человек. Если в 1900 г. население Африки и Латинской Америки равнялось 13 процентам мирового, то в 2000 г. эта доля увеличилась до 21 процента, а в 2050 г. увеличится до 29 процентов. В 1900 г. «северяне» превосходили «южан» как 2,5 к 1; в 2050 г. соотношение между ними станет прямо противоположным.

История знает несколько подобных примеров. В классической «Истории цивилизации» американский историк У. Дюрант называет «биологические факторы» решающими в падении Рим-

[1] The World at Six Billions. Population Division, Department of Economic and Social Affairs, United Nations, 1999.

ской империи. «Серьезная нехватка населения обнаружилась на Западе после императора Адриана... Законы Септимия Севера говорят о penuria hominum — нехватке мужчин. В Греции депопуляция продолжалась уже на протяжении столетий. В Александрии население сократилось к 250 году вдвое... Только варвары и восточные народы увеличивали свою численность как за пределами империи, так и внутри»[1]. Это и погубило имперский Рим. По мнению историка У. Дюранта, «Рим был завоеван не варварскими нашествиями извне, а варварскими манипуляциями изнутри... Быстро растущие германские племена не имели представления о классической культуре, они ее не принимали и не передавали другим; быстро растущие восточные народы не имели других целей, кроме как уничтожить римскую культуру; владеющие этой культурой римляне пожертвовали ею ради стерильного комфорта»[2].

Увеличивающиеся общины христиан жили большими семьями и предупреждение рождаемости рассматривалось ими как грех, что, помимо прочего, принесло им историческую победу. Сегодня же христианский Запад убеждает развивающиеся страны (и в особенности мусульман) «использовать, подобно западным народам, контрацептивы, аборты и стерилизацию. Но почему незападные должны пойти на самоубийство вместе с нами именно в то время, когда после нас они наследуют планету?»[3]. Американский исследователь Дж. Бернхэм приходит к выводу, который приобретает такую актуальность: «Трудно определить причины чрезвычайно быстрого упадка Запада, который характеризуется потерей лидерами Запада веры в себя и утратой уникальных свойств их цивилизации... Причина в эксцессах материального процветания и усталости, изношенности, которых, увы, не избежать всему временному на Земле»[4],

Сказывается воздействие двух первых индустриальных революций. Как пишет американский политолог Дж. Курт, «величайшим движением населения XIX века явилось движение мужчин из деревень в города. Величайшим движением второй половины XX века явилась переориентация женщин с

домашней работы на службу в офисе... Воспитание в семья заменилось «несемейным»

[1] *Durant W.* Caesar and Christ. New York: Simon and Schuster, 1944, p. 666.

[2] Ibid., p. 666.

[3] *Buchanan P.* The Death of the West. N.Y.: Thomas Dunne Press 2002 p. 48.

[4] *Burnham W.* Suicide of the West. New York: The John Day Company 1964, p. 301.

691

образованием»[1]. В Соединенных Штатах 1950 г. 88 процентов женщин с детьми до шести лет оставались дома; уже через тридцать лет 64 процента американских женщин с детьми до шести лет работали на производстве или в офисе[2]. Поглощенные своей карьерой женщины не интересуются большими семьями, воспитанием детей, новым «бэби бумом». Цифра 1,4 ребенка на семью в современной Америке отражает состояние главной «ячейки общества», характеризующей крепость или уязвимость нации.

Во всей остроте встал вопрос, какова цена гедонизма для «золотого миллиарда», долговременен ли мир, ориентированный на массовое потребление? По мнению американского антрополога Дж. Анвина, «человеческое общество свободно в выборе либо великого проявления энергии, либо в пользовании сексуальной свободой. Невозможно иметь *и то и другое* на протяжении жизни более чем одного поколения»[3]. Вооруженные рычаги государства могут быть беспредельно могучими, но ослабление ткани общества не может быть компенсировано точным и «умным»

оружием.

Нельзя сказать, что западному миру катастрофически не везло. Напротив, Запад феноменальным образом избежал многих реальных и предрекаемых ему бед. Мальтузианская теория вымирания западного населения от голода оказалась ложной. Пролетарии, вопреки Марксу, не сомкнули руки против буржуазной цивилизации. Великая депрессия 1929—1933 гг., так или иначе, была преодолена. Алармистские доклады Римского клуба оказались не совсем точны в предсказании истощения природных ресурсов планеты. Не сгущают ли страхи современные демографы? Увы, привычный оптимизм на Западе в этом отношении уже не действует, хотя бы ввиду того, что фактическое сокращение и практическое исчезновение Запада *произойдет не когда-то — оно ускоренно происходит сегодня*. Сегодня незападный мир многочисленнее западного в пять раз; он будет в 2050 г. многочисленнее в *десять* раз. Из этого процесса Западу уже не вырваться — нет на то никаких указаний. Процесс потери Америкой и Европой своего населения только усугубляется, это население уменьшается не только относительно, но и *абсолютно*.

Американские идеологи задают вопрос, почему Клинтон, Шредер и Жоспэн принципиально не отвергали обвинений в ад-

[1] *Kurth J.* The American Way of Victory («National Interest», Summer 2000, p. 5).

[2] *Noebel D.* The Legacy of John Lennon: Charming or Harming a Generation? Nashville: Thomas Nelson, 1982, p. 11.

[3] Ibid., p. 53.

692

рес Запада? Да потому, что они «в глубине сердца верили, что обвинения справедливы и что Запад виновен. Если бы все было иначе, Клинтон не отправился бы в Африку просить прощения за рабство»[1]. *А победа в «холодной войне» лишила Запад очевидного объединяющего начала*. Сила Америки не может простираться на весь огромный мир. Во времена Великой французской революции англичанам хорошо было иметь философа Эдмунда Берка, дававшего интеллектуальную перспективу происходящего, но еще лучше было иметь Нельсона и Веллингтона, владевших контрольными военными рычагами. Где же военный дух Запада, полагающегося на наемную армию сегодня, в мире

недовольного мирового большинства?

Европейский новый мир

Среди двух главных бастионов Запада быстрее других падает демографическая значимость *Европы*. Европейский плавильный тигель перестал работать вопреки пышной фразеологии слепых поклонников западноевропейской интеграции в Западной Европе — второй основе Запада. Даже суверенные государства с тысячелетней историей подверглись сокрушительному удару — из двадцати наций мира, имеющих самый низкий уровень рождаемости в мире, *восемнадцать* находятся в Европе. В 2000 г. европейское население составило 728 млн. человек. Согласно прогнозам, между 2000 и 2050 годами население Европы сократится минимум на одну шестую часть; к 2050 г. европейское население максимально составит 600 млн. человек, а скорее всего опустится до отметки в 556 млн. человек[2]. Ныне только одна из пятидесяти североатлантических наций — мусульманская Албания — продолжает демографический подъем, обеспечивающий ее выживание. К 2050 г. Европа потеряет население, равное численности жителей современной Германии, Нидерландов, Бельгии, Швеции, Дании и Норвегии, вместе взятых. В Германии (уровень рождаемости которой равняется 1,3 ребенка на семью) к 2050 г. исчезнут 23 млн. немцев и современное население в 82 млн. человек опустится до уровня в 59 млн. (при этом треть населения будет старше 65 лет.) К 2100 г. население Германии низойдет до 38,5 млн. (сокращение на 53 процента.) В Италии (уровень ро-

[1] *Buchanan P.* The Death of the West. N.Y.: Thomas Dunne Press, 2002, p. 58.

[2] Population Division. Department of Economic and Social Affairs, United States. World Population prospects: The 2000 Revision, Highlights. February 28, 2001, p. l.

693

ждаемости 1,2 ребенка) население к 2050 г. составит 41 млн. человек; население Испании (1,07 ребенка) сократится на четверть.' Население Японии сократится до 104 млн. в 2050 г. Японская исследовательница Мицуко Симомура признает, что «если не будут созданы общественные условия, где женщина чувствует комфорт, растя детей, Япония будет уничтожена за 50 или 100 лет»[1].

Важны макропоказатели. При сохранении современных демографических процессов население Европы к концу XXI века составит треть нынешнего - 207 млн. человек. Европа пошла навстречу своей судьбе, возможно бессознательно — если говорить об отдельных людях, но *сознательно коллективной волей* народов. Многие прогнозы звучат уже как реквием: это «статистика исчезающей расы... Колыбель западной цивилизации становится ее могилой»[2].

Кто растет

По мере того как Запад вымирает, бурным темпом растет бедный мир Азии, Африки и Латинской Америки. Каждый год этот мир ныне прибавляет к своей численности численность населения весьма крупной страны — Мексики. К 2050 г. он прибавит более сорока таких Мексик. В 2000 г. население восьми «южных» стран - Нигерии, Эфиопии, Демократической Республики Конго, Южной Африки, Судана, Танзании, Кении и Уганды составляло 400 млн. человек, а к 2050 г. оно перевалит за *миллиард*. За это же время население восьми крупнейших стран Южной Америки увеличится более чем на 40 процентов. Самый быстрый рост населения наблюдается в африканских Уганде, на Мадагаскаре, в Демократической Республике Конго и в азиатских странах — Саудовской Аравии, Йемене, Кампучии. Самый большой прирост населения (показатель от 6,8 до 7,3 ребенка на семью) наблюдается в Йемене, Уганде, Афганистане, Анголе. За ними

следуют Чад, Ирак, Боливия[3].

В 1950 г. население Испании превосходило население Марокко в три раза; к 2050 г. население Марокко будет вдвое больше испанского. Население Филиппин, вчетверо меньшее японского в 1950 г., будет на 25 млн. больше в 2050 г. В Африке в 2050 г. будут жить полтора миллиарда человек. На современных пус-

1 «New York Times», Section 6, p. 31, January 24, 2000.

2 *Buchanan P.* The Death of the West. N.Y.: Thomas Dunne Press, 2002, p. 12.

[3] *MazarrM.* Global Trends 2005. New York: St.Martin's 1999, p. 25-33.

694

тынных пространствах между Марокко и Персидским заливом — полмиллиарда. В Южной Азии наряду с 1,5 млрд. индусов — 700 млн. мусульман Пакистана, Ирана, Афганистана, Бангладеш. Китайское население достигнет уровня полутора миллиардов человек.

Таблица №1. **Наиболее населенные нации мира в первой половине XXI в. (в млн. человек).**

Страна	2000	2025	2050
Индия	1014	1377	1620
Китай	1262	1464	1471
США	276	338	404
Индонезия	225	301	338
Нигерия	123	205	304
Пакистан	142	213	268
Бразилия	173	201	206
Бангладеш	129	178	205
Эфиопия	64	115	188
Конго (Киншаса)	52	105	182
Филиппины	81	122	154
Мексика	100	134	153
Вьетнам	79	106	119
Россия	146	136	118

Источник: *The World at Six Billions. Population Division, Department of Economic and Social Affairs, United Nations, 1999; Jenkins Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: Oxford University Press, 2002, p. 84.*

Традиционно воспринимаемый как «маленький» Вьетнам превзойдет по населению традиционно воспринимаемую как «большую» Россию. В грядущие двадцать пять лет население Израиля вырастет на 2,1 млн. За это же время население соседних арабских стран вырастет на 62 млн. человек. Шестнадцать миллионов палестинцев окружают сегодня государство Израиль. В 2050 г. рядом (и вместе) с 7 млн. израильтян будут жить 25 млн. палестинцев. Одновременно с резким уменьшением населения в

695

Европейском союзе население Марокко, Алжира, Туниса, Ливии и Египта увеличится в следующие двадцать пять лет на 73 млн. В 2025 г. население Египта достигнет отметки в 96 млн. человек. К 2050 г. численность африканцев превзойдет численность европейцев в три раза[1]. В результате «судьба может компенсировать китайцев, исламские и латинские народы за страдания и нищету в XX веке доминированием на нашей планете в XXI веке»[2].

Юг силой демографического преобладания превращается в основную силу,

меняющую мир. Точнее говоря, этой силой будет бедный горожанин Юга. Ныне примерно 45 процентов мирового населения живет в городах. Эта цифра увеличится до 60 процентов в 2025 г. и до 66 процентов в 2050 г. Главным источником перемен будет *молодое и обиженное* население колоссальных мегаполисов мира, расположенных (кроме большого Токио) преимущественно на Юге.

Таблица 3. **Крупнейшие городские конгломераты в 2025 г. (в млн. жителей).**

Город	Население
Мумбай	27,4
Лагос	24,4
Шанхай	23,4
Джакарта	21,2
Сан-Пауло	20,8
Карачи	20,6
Пекин	19,4
Дакка	19,0
Мехико-сити	18,8

Источник: Проекции ООН (http://www.sru.edu/depts/artsci/ges/disco-ver/ d-6-9b.htm).

Вашингтон, Париж и Лондон превзойдут доселе почти неведомые Кампала, Киншаса, Дар-эс-Салам, Сана.

[1] *Eberstadt N.* The Population Implosion («Wall Street Journal», October 16, 1997, p. 22).

[2] *Buchanan P.* The Death of the West. N.Y.: Thomas Dunne Press, 2002, p. 34.

696

Сепаратизм

И при этом уменьшающееся общее западное население, заглянув в пропасть исторического небытия, не консолидируется, а, напротив, погрязнет в межэтнических разногласиях. Не креативный плюрализм, пишет знаток западной культуры Ж. Борзун, а ослабляющий всех *сепаратизм* станет сильнейшей тенденцией текущего столетия. Идеал плюрализма дезинтегрировал, и сепаратизм занял его место; возобладала идея, что «салат лучше, чем плавильный тигель»[1]. Вполне возможно, что Калифорния превратится в американский Квебек со всем вытекающим сепаратизмом.

В Великобритании бывшие много столетий назад королевствами Шотландия и Уэллс довольно неожиданно обрели собственные парламенты. В собственно Англии традиционный «Юнион Джек» заменен флагом с крестом Святого Георгия. Во Франции бретонцы, баски и эльзасцы борются за региональное самоутверждение. Корсика желает независимости и введения собственного языка. В Италии Север рвется отделиться от Юга, а венецианцы борются за независимое существование. В Германии празднуют тысячелетие Пруссии. (Та же участь не миновала и Канаду. Не говоря уже о всемирно признанном феномене Квебека, в канадских провинциях Альберта, Саскачеван и Британская Колумбия создаются партии, борющиеся за региональную независимость.)

Помимо всего прочего, расширяющаяся иммиграция — поток рабочей силы прежде всего из исламского мира — безусловно подтолкнет уже обозначившийся сепаратизм в Италии, во Франции (прежде всего Корсика), в Испании (Баскония и Каталония), в Британии (Шотландия в первую очередь, но и Уэллс), в Германии (Бавария), в Швеции (Скания), в Бельгии (противостояние валлонов и фламандцев).

Получается так, что Североатлантический союз защищает блок стран, чей внутренний стимул, если свести сложное к простому, — максимум удовольствий

и минимум забот. Уже сейчас внешнеполитический активизм характерен, собственно, лишь для Соединенных Штатов. На них как на щит смотрит Западная" Европа (критичная, впрочем, относительно методов Америки). Вашингтон едва переносит эту критику, растет волна недовольства «самовлюбленной» Европой. Встает вопрос, будет ли американцам резон защищать Западную Европу как отрекшийся сам от

[1] *Barzun J.* From Down to Decadence: 500 Years of Western Cultural Life. N/Y.: Harper-Collins Publishers, 2000, p. 91.

697

себя, от дела самозащиты регион? Американские стратеги предлагают задуматься, оправданны ли жертвенные усилия Соединенных Штатов, продолжающих служить щитом для «морально расслабленных» европейцев. «Что предлагается американцам защищать в Европе? Христианство? Оно мертво в Европе. Западную цивилизацию? Но европейцы своими решениями сами обрекли себя на исчезновение к XXII веку»[1].

В свете этих оценок новый смысл приобретают следующие аналогии. Когда германский канцлер Бетман-Гольвег накануне Первой мировой войны прибыл из Австро-Венгрии в Берлин, его оценка Вены кайзеру была потрясенной. «Мы имеем в качестве союзника *труп*». Примерно это же говорят американцы сегодня о Европе, когда пытаются оценить бойцовские качества региона, номинально состоящего в военном союзе с США.

Американцы почти не скрывают своего скепсиса в отношении волевых и силовых возможностей своих европейских союзников сейчас и в будущем. Им — западноевропейцам — понадобится *несколько лет*, чтобы создать объединенные европейские вооруженные силы. И поможет ли это в регионе, питающем отвращение к силовым акциям?

Евроскепсис популярен в США. «Что-то жизненно важное ушло из Европы, — пишет американский автор. — Некогда западные нации были готовы приносить жертвы «за прах предков и за храмы своих богов». Но европейцы сегодня, более богатые и многочисленные, чем в 1914 или 1939 гг., не готовы приносить подобные жертвы. Время Европы ушло»[2].. Оно, полагают американские эксперты, уйдет еще быстрее, если страны — члены ЕС совершат каждая в отдельности культурное самоубийство, передав все права безликим наднациональным органам, не имеющим пафоса исторической самообороны.

Американский плавильный тигель

Главной западной страной, чье население в ближайшие полвека будет не уменьшаться, а *расти*, будут Соединенные Штаты. С нынешних 280 млн. американское население увеличится до 400 млн. в 2050 г. и до 570 млн. жителей в 2100 г. Америка будет продолжать быть огромной и могучей страной, но будет ли эта страна единой?

Около ста лет тому назад И. Зангал написал свою знамени-

[1] *Buchanan P.* The Death of the West. N.Y.: Thomas Dunne Press, 2002, p. 109.

[2] Ibid., p. 109.

698

тую пьесу «Плавильный тигель», и аллегория вошла во все учебники. Мир плавящихся в едином котле национальностей стал популярным символом Америки. Метафора оставалась релевантной еще долгое время, но постепенно ее фактическая точность стала ослабевать. Прежде всего, ослаб главный — европейский ингредиент «плавильного котла», что резко меняет лицо прежде единой американской нации.

В 1900 г. в США жили 77 млн. человек. Основой американского населения были 41 млн. «местного белого населения», потомки уже нескольких поколений, живших в Америке, потомки англосаксов. 26 млн. «нового белого» населения

были недавними пришельцами, из них 30 процентов — англосаксы, 31 процент — немцы, 4 процента — шведы, 4 процента — русские, 4 процента — австрийцы, 3 процента — итальянцы. В стране жил миллион евреев. 9 миллионов были потомками африканских рабов, 124 тысячи представляли монгольскую расу (90 тысяч китайцев и 24 тысячи японцев). Местных индейцев осталось 237 тысяч человек.

Президент Теодор Рузвельт подчинился растущему давлению и вынужден был поддерживать идеи национально значимой *Лиги сокращения иммиграции.* В дальнейшем он первым среди амери-. канских глав исполнительной власти выступил за радикальную реформу иммиграционных законов в сторону запретительности. Теперь, мол, *слишком много не-англосаксов* прибывает в Америку, «ухудшая» сложившуюся в стране этническую основу, грозя расколом общества, вплоть до социальной дезинтеграции.

Прибывающие национальности обратились к самозащите, в том числе идейной. В 1916 г. была опубликована работа Р. Бурна «Наднациональная Америка». Это была первая серьезная попытка разобраться в проблеме влияния этнических диаспор на внутри- и внешнеполитические проблемы Соединенных Штатов. Это была убедительная попытка оценить меняющееся представление об американской национальной идентичности в свете таких обстоятельств, как смещение центра «поставки» новых иммигрантов в Центральную и Восточную Европу, национальное испытание на лояльность в ходе войны, где Германия и Австро-Венгрия заняли противоположные американским позиции.

Это была обстоятельная и убедительная критика ассимиляции и концепции «плавильного тигля», предполагающей отказ от культурных связей с покинутой родиной. Р. Бурн призвал американских консерваторов признать те преимущества, которые получает Америка от новых волн иммиграции, от прибытия новых людей иных этнических корней, которые своим самоотверженным и упорным трудом способны не только спасти экономику страны от стагнации, но и многократно приумножить ее нацио-
699
нальное достояние. Обличение превратной роли иммигрантов, иделогические и практические атаки, направленные против новых иммигрантов — как часть более широких попыток сплотить американское общество разрушают важнейшее в американском политическом эксперименте: сам дух Америки, традиционно постоянно подпитывающийся новыми волнами иммигрантов.

Бурн защищал этническую культуру, что актуально и в современной Америке, продолжающей искать решение дилеммы: «хомо американус» или не потерявший связи со своей этнической общиной гражданин США. Критикуя ассимиляторскую традицию, Бурн обосновал ценность этнического элемента, он привел аргументы в пользу этнической укорененности. «Для Америки опасен не тот еврей, который придерживается веры отцов и гордится своей древней культурой, а тот еврей, который утратил свой еврейский очаг и превратился просто в жадное животное. Дурно влияет на окружающих не тот цыган, который поддерживает создание цыганских школ в Чикаго, а тот цыган, который заработал много денег и ушел в космополитизм. Совершенно ясно, что если мы стремимся разрушить ядра национальной культуры, то в результате мы плодим мужчин и женщин без духовности, без вкуса, без стандартов, просто толпу. Мы обрекаем их жить, руководствуясь самыми элементарными и примитивными понятиями... В центре этнического ядра господствуют центростремительные силы. Они формируют разумное начало и ценности, которые означают развитие жизни. И лишь постольку, поскольку уроженец другой страны сумеет сохранить эту эмоциональность, он сможет стать хорошим гражданином американского сообщества»[1].

Так идеологически обосновывается несогласие с теорией и практикой «плавильного тигля». Это несогласие ждало своего конкретного воплощения почти сто лет. Только в 1996 г. президент Клинтон с примерным душевным спокойствием оценил это качественно новое явление такими словами: «Сегодня благодаря, прежде всего, иммиграции уже не существует главенствующей расы на Гавайях, в Хьюстоне и в Нью-Йорке. В течение следующих пяти лет не станет главенствующей расы в самом большом штате — Калифорнии. Менее чем через пятьдесят лет в Соединенных Штатах не будет расового большинства. Ни одна нация в истории не подвергалась демографической перемене такого масштаба в столь короткое время»[2].

[1] Randolph Bourne, «Transnational America» in War and the Intellectuals? New York, 1964, 109.

[2] «The New York Times», June 15, 1998

700

Большинство становится меньшинством

Первой нацией Запада, сознательно согласившейся с превращением прежнего большинства в меньшинство, будут Соединенные Штаты Америки. И произойдет это еще до 2050 г., когда радикально изменится этнический характер страны.

А ведь совсем недавно преобладание белого населения виделось столь стабильным. Еще в 1930 г. на 110 млн. белых в США приходилось 12 млн. афроамериканцев и 600 тысяч «других» (азиаты и индейцы). В 2002 г. 37 млн. американцев определили себя как американцы испанского происхождения; 35 млн. — афроамериканцы; 12 млн. — выходцы из Азии. Азиаты и испаноязычные совместно составляют сегодня 15 процентов всего населения, а вместе с афроамериканцами — более четверти американского населения. В 3500 приходах сегодня в США молятся по-испански.

Для испаноязычного населения (которое само себя называет «бронзовой расой») это только начало их возвышения в общем спектре национальностей, составляющих американскую нацию. С наступлением ночи на трехтысячекилометровой границе между США и Мексикой начинается движение к северу, в котором принимает участие даже мексиканская армия. Растущее ежегодно на миллион жителей мексиканское население движется к более богатым землям севера. Защищающие границы Кореи, Кувейта и Косова американские войска не могут защитить собственную границу. За 1990-е годы численность американцев мексиканского происхождения увеличилась на 50 процентов — до 21 миллиона; еще шесть миллионов дают незаконные иммигранты. Мексиканцы, в отличие, скажем, от немцев, с трудом ассимилируются в США — сказываются глубокие различия в культуре, в менталитете. Они не желают изучать английский язык. Собственно, их родной дом не США, а Мексика. Они создают свои радиостанции, газеты, каналы телевидения.

Идея мексиканского президента В. Фокса о фактическом объединении США, Канады и Мексики получила весьма благожелательный отклик таких столпов общественного мнения, как «Уолл-Стрит Джорнэл». При этом мексиканский жизненный уровень (пять тысяч долларов в год) значительно ниже американского. Половина мексиканцев живет в невиданной бедности, восемнадцать миллионов жителей страны существуют на менее чем два доллара в день. В США же минимальная ежедневная заработная плата равна 50 долларам в день. Естественно предположить, что открытие границы вызовет неслыханный поток мексиканцев, направляющихся в США. В Калифорнии треть населения уже принадлежит к латинской расе, четверть населения родилась не в

701

США. В Техасе город Эль Сенизо объявил испанский язык официальным языком городских властей. Легислатура штата Нью-Мексико выдвинула предложение именовать штат Нуэво Мексико. Латинские студенческие организации

американских университетов выступают за *возвращение* юго-западных американских штатов Мексике. Столицей новой мексиканской провинции называют Лос-Анджелес. Президент Лиги объединенных граждан латиноамериканского происхождения М. Обледо указал, что «Калифорния станет мексиканским штатом». Мексиканский президент Э. Цедильо провозгласил, обращаясь к американцам мексиканского происхождения: «Вы — мексиканцы, живущие к северу от Мексики»[1].

На протяжении 1990-х годов бомба истории начала тикать в крупнейшем американском штате — Калифорнии. Население штата выросло за десятилетие на три миллиона, но численность англосаксов уменьшилась на полмиллиона. Графство Лос-Анджелес потеряло полмиллиона белых. Теряя сто тысяч англосаксов каждый год, увеличивая за десятилетие азиатское население на 42 процента, имея среди молодежи моложе 18 лет 43 процента испаноязычных, крупнейший штат Америки прямо движется к превращению в преимущественно испаноязычный регион.

К 2050 г. испаноязычные жители страны будут составлять 33 процента всего американского населения (100 млн. американцев). Американцы испаноязычного происхождения явятся третьей в мире латинской конгломерацией после Бразилии и Мексики.

Европа как «общая родина» американцев удаляется в историческую даль. И очень быстро. В 1960 г. только *шестнадцать* миллионов американцев вели свою родословную не от европейских предков. В 2002 г. таких американцев *восемьдесят* миллионов. Англосаксы стали меньшинством в Калифорнии в 2000 г. и станут таковым в Техасе в 2005 г. Америка более не является обществом 1960 г., имеющим две расы, с 90 процентами белых. Белое население составляло в США в 1960 г. 88,6 процента; в 1990 г. — 75,6 процента; к 2020 г. белые составят лишь 61 процент американского населения[2]. В стране 31 млн. родившихся за ее пределами, половина из которых пришла из Латинской Америки, а четверть — из Азии. Именно иммигранты на 100 процентов «ответственны» за родившихся в 1990-е годы новых американцев. При этом треть прибывших в США за последнее десятилетие легальных иммигрантов не имеет среднего образования. Треть прибыв-

[1] «The New York Times», December 10, 1995.

[2] «National Review», June 22, 1992.

702

ших живет за чертой бедности. У американцев уже нет прежней признанной череды героев — Вашингтона, Джефферсона, Джексона, Линкольна. Все эти личности подвергаются критическому переосмыслению. Половина нации в 2000 г. не удосужилась даже проголосовать.

Иммиграция как средство поддержания жизненного уровня

Самым населенным регионом Запада пока является Европа. Согласно статистическим данным ООН, в 2000 г. в Европе жили 494 млн. человек в возрасте от 15 до 65 лет. К 2050 г. численность европейцев «рабочего возраста» сократится до 365 млн. В то же время численность граждан старше 65 лег (их число ныне 107 млн.) превратится в еще более многочисленное сообщество — до 172 млн. человек — треть населения Европы. За ближайшие пятьдесят лет соотношение работающих и пенсионеров изменится с пяти к одному до двух к одному. Европа станет, по словам французского демографа А. Сови, «континентом старых людей, живущих со старыми идеями в старых домах»[1]. Рабочая сила, к примеру, Германии уменьшится за грядущие полвека с 41 до 27 млн. человек. Это создаст напряжение в реализации обширных социальных программ. Имея на четверть меньшее рабочее население и почти удвоение

численности пенсионеров, стареющая Европа задумается над привилегиями, от которых никто не собирается отказываться.

Чтобы сохранить общество «благоденствия», западные страны будут вынуждены повышать налоги. Это болезненно, особенно для «стран, где у работающих уже отнимаются не менее 40 процентов заработанного. Если же мы прибегнем к дефицитному финансированию, то быстро израсходуем все накопленное в развитом мире»[2]. Выбор невелик: огромные новые налоги плюс увеличение рождаемости. На увеличение рождаемости надежды невелики. Что более реалистично — импорт рабочих из-за пределов региона. Таков неизбежный выбор.

К 2050 г., если Европа пожелает сохранить свой нынешний уровень населения, она будет нуждаться в 169 млн. иммигрантов. Разведывательное сообщество США: «Европейская и японская популяции быстро стареют, что требует более 110 миллионов но-

[1] *Wattenberg B.* Counting Change in Euroland («Washington Times», January 28, 1999, p. A18). .

[2] *Peterson P.* Gray Down: How the Coming Age Wave Will Transform America and the World. New York: Times Books, 1999, p.18.

703

вых рабочих к 2015 г. для поддержания текущего уровня между работающими и пенсионерами». Цифры на 2050 г. будут, разумеется, значительно больше[1].

Недавно опубликованный секретный доклад французского правительства приводит весь набор аргументов относительно того, что у Европейского союза нет альтернативы призванию 75 млн. иммигрантов. Англичанин Дж. Стил пишет так: «Чтобы предотвратить падение жизненных стандартов, страны ЕС обязаны будут произвести 60-кратное увеличение потока иммигрантов»[2]. Если же Европа пожелает сохранить нынешнее *соотношение* работающих и пенсионеров, то она будет нуждаться в 1,4 млрд. иммигрантов. Для многих западных стран массовая миграция представляет собой единственное средство сохранить производительное общество[3]. (При этом французские эксперты признают, какие это породит проблемы в создаваемом расовом обществе-гибриде, но не видят иной дороги, подлинной альтернативы «взаимному культурному оплодотворению».)

Скорее всего, новые рабочие придут из Африки и с Ближнего Востока. Этот процесс идет по «накатанным рельсам». Он берет свое начало в 1960-х годах, когда ограниченные «холодной войной» западноевропейские страны не могли черпать рабочую силу из восточноевропейских источников. Британия обратилась к Ямайке и Пакистану, французы к Алжиру и Западной Африке, немцы к Турции. Между 1993 и 1999 годами численность одних только *незаконных* иммигрантов в ЕС увеличилась в десять раз. В одном только 2000 г. Британия приняла 185 тысяч иммигрантов. И ныне половина Лондона — небелые люди. К концу XXI века их в британской столице будет большинство. По минимальным оценкам, мусульмане составляют 3 млн. в Германии, 2 млн. во Франции, миллион в Британии и 750 тысяч в Италии.

В странах, никогда не бывших (в отличие от Соединенных Штатов) «плавильными тиглями», нашествие иностранцев может вызвать культурный и политический шок. Африканцы и азиаты стали частью западноевропейской структуры, базируясь прежде всего на крупных городах. Марсель, собственно, уже не французский город, а Франкфурт заметно теряет немецкие черты (30 процентов иммигрантов, 27 мечетей). Мусульмане составляют пятую

[1] *Jenkins Ph.* The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: Oxford University Press, 2002, p. 97.

[2] *Sleek J.* The New Migration: Affluent, Controversial («Guardian», October 30, 2000, p. 17).

[3] См.: *Jenkins Ph.* The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: Oxford University Press, 2002, p. 82.

704

часть населения Вены. В Лондоне прежнее белое большинство превратится в меньшинство уже к 2010 г. А по всей стране белое население станет меньшинством к 2100 г[1].

Этот поток неостановим хотя бы потому, что его фактически требуют предприниматели, им нужна рабочая сила. И прибывающие из Северной Африки и Ближнего Востока арабские иммигранты везут с собой в Европу свою собственную религию и политические взгляды; речь идет прежде всего об исламе. Массовая миграция из исламского мира настолько изменит этнический и конфессиональный состав Европы, что у европейцев уже никогда не будет волевых ресурсов вмешиваться в дела Северной Африки, Персидского залива, Ближнего Востока. (Показательно, что европейцы уже сегодня игнорируют американские санкции в отношении Ирана, Ирака, Ливии.)

Голоса против

Трудно не согласиться с утверждением, что «ни одна нация в истории не подвергалась таким гигантским переменам, оставаясь при этом самою собой — вое той же нацией»[2].

В Америке зазвучали голоса, что прежние герои сброшены с пьедесталов, что прежняя культура унижена, что ценности прежних лет осмеяны, что новое поколение повели вперед вовсе не представители традиционной культуры. «Не мы покинули Америку, Америка покинула нас». В последней трети двадцатого века «иудео-христианский моральный порядок оказался отвергнутым миллионами жителей Запада»[3]. На президентских выборах 2000 г. Буш и Гор представляли собой просто разные культуры. Произошла культурная революция. Доминирующие черты этой культуры могут быть названы, по мнению П. Бьюкенена, «постхристианскими или антихристианскими, ибо ценность этой новой культуры является антитезой всему тому, что является христианским»[4].

Известный американский политолог С. Хантингтон пишет: «Вторжение (ежегодно) более чем миллиона мексиканцев является угрозой безопасности американского общества... Это угроза нашей культурной цельности, нашей национальной идентично-

[1] *Browne A.* UK Whites Will be Minority by 2100 («Observer», September 3, 2000, p. 17).

[2] *Buchanan P.* The Death of the West. N.Y.: Thomas Dunne Press, 2002, p. 3.

[3] Ibid., p. 32.

[4] Ibid., p. 4.

705

сти и потенциально нашему будущему как страны»[1]. Ныне 72 процента американцев хотели бы сократить поток иммигрантов, а 89 процентов предпочли бы объявить английский язык официальным языком Соединенных Штатов. Хантингтон предупреждает: «Если ассимиляция не удастся, Соединенные Штаты окажутся разделенной страной, создающей все возможности для внутренней борьбы и последующего разъединения»[2].

Огромное значение имеет изменение отношения американцев к религии. В 1947 г. президент Трумэн в письме римскому папе имел основание заявить: «Мы — христианская нация»[3]. В 1992 г. все церковные церемонии при окончании средней школы были отменены. В 2000 г. запрещены молебны в средних школах при помощи громкоговорителей, особенно в случае спортивных состязаний. Рождественские хоралы и празднование пасхи ушли в прошлое. Конгресс не осмеливается противостоять судам в их наступлении на традиционные догмы.

Звучат предупреждения, что «дядя Сэм берет на себя адский риск, импортируя гигантскую диаспору в десятки миллионов граждан нации, столь радикально отличной от их собственной. Мы делаем фатальную ошибку... Наши дети пожнут последствия в виде балканизации страны и конца прежней

Америки»[4].

Европа, как известно, состоит из государств-наций, имеющих относительно гомогенное население и (в отличие от США) не имеющих традиции массового призвания иностранцев. Даже наиболее хладнокровные англичане признают, что «в Европе, в которой уже 40 тысяч лет живет белое население, возникновение небелого меньшинства может вызвать *неодобрение*»[5]. Это неодобрение уже стало знаменем Национального фронта во Франции (Ле Пен), Народной партии в Австрии (Йорг Хайдер), Народной партии в Швейцарии (Кристофер Блохер). Велико вероятие того, что и самые большие партии в европейских странах обратятся к проблеме иммиграции, что уже наблюдается частично в подходе Эдмунда Штойбеля, возглавившего христианских демократов в

[1] *Huntington S.* Reconsidering Immigration: Is Mexico a Special Case? Center for Immigration Studies Bacgrounder. November 2000, p. 5.

[2] *Huntington S.* The Clash of Civilizations. New York: Simon and Schuster, 1996, p. 305.

[3] *DeMar G.* Christian History: The Untold Story. Atlanta: American Vision, 1995, p. 2.

[4] *Buchanan P.* The Death of the West. N.Y.: Thomas Dunne Press, 2002, p. 127.

[5] *Steele J.* The New Migration: Affluent, Controversial («Guardian», October 30, 2000, p. 17).

706

Германии. Один из руководителей христианских демократов — Анжела Меркель пишет в «Нью-Йорк таймс»: «Идея объединенной Германии как мультикультурного общества с населением почти в 80 миллионов человек, принимающих более 7 миллионов иностранцев, порождает *беспокойство*»[1]. *Меркель возмущена давлением в пользу приема в Европейский союз Турции, что позволит миллионам турок свободно перемещаться по Европе. «Мы не требуем от них, чтобы они перестали быть мусульманами. Но мы страна с христианским прошлым, и турки должны понять это. Приглашение Турции в Европейский союз было ошибкой. Существуют различия в ценностях. Мы различно понимаем гражданские права. Попытайтесь открыть в Стамбуле христианскую церковь»*[2]. *В Германии уже полторы тысячи мечетей. В Европейском союзе уже пятнадцать миллионов мусульман.* Ислам потеснил иудаизм на третье место, став второй религией Европейского союза.

Новое христианство

На протяжении последних пяти столетий история христианства была неразрывным образом связана с западным миром, с Европой и Северной Америкой. До недавнего времени подавляющее большинство христиан приходилось на белые нации Запада, что позволяло говорить о «европейской христианской цивилизации». Собственно, *христианство было религией Запада* и идеологической основой западного империализма, религией богатых. Собственно, еще в 1970-х годах «христиане» в США обозначали не-черных, не-бедных и немолодых. Важно указать на перенос центра тяжести отдельных религий. Обратимся прежде всего к христианам.

Таблица 2. **Наибольшее число христиан по странам (в млн. человек).**

Страна	2000	2025	2050
США	225	270	330
Бразилия	164	190	195
Мексика	95	127	145
Филиппины	77	116	145

[1] «The New York Times», June 1, 2001.

[2] Ibid.

707

Нигерия	50	83	123
Конго (Киншаса)	34	70	121
Эфиопия	36	65	79
Россия	90	85	80
Китай	50	60	60
Германия	58	61	57

Источник: *Jenkins Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: Oxford University Press, 2002, p. 90.*

Кенийский исследователь Дж. Мбути приходит к выводу, что «университетские церковные центры располагаются уже не в Женеве, не в Риме, Афинах, Париже, Лондоне или Нью-Йорке, а в Киншасе, Буэнос-Айресе, Аддис-Абебе и Маниле»[1]. В 1950 г. в списке наиболее населенных христианских стран значились Британия, Франция, Испания, Италия. Ни одной из этих стран *не будет* в подобном же списке 2050 г.

В 2002 г. в мире живут около двух миллиардов христиан. Наибольшее их число сегодня — 560 млн. человек живут в Европе, 480 млн. человек — в Латинской Америке, 360 млн. в Африке и 260 млн. в Северной Америке. Но уже в 2025 г., когда в мире будет 2,6 млрд. христиан, 633 млн. из них будут жить в Африке, 640 млн. — в Латинской Америке, 460 млн. в Азии. Европа с 555 млн. опустится на третье место[2]. В 2050 г. белые (неиспанского происхождения) христиане составят только *одну пятую* общего числа в три миллиона христиан в мире. «Эра западного христианства прошла, и встает рассвет южного христианства. Факт этого изменения уже нельзя отрицать, это *уже* случилось»[3]. Когда в 1998 г. отмечалась пятидесятая годовщина создания Мирового совета церквей, то проведена всемирная конференция была в Зимбабве. Одним из главных (если не главным) христианских центров будет Бразилия. А 60 процентов католиков будут жить в Африке и Латинской Америке (66 процентов в 2050 г.).

[1] *Kwame Bediako.* Christianity in Africa. Edinburgh: University Press 1995, p. 154.

[2] *Barrett D., Kurian G, Johnson T.* World Christian Encyclopedia. N.Y.: Oxford University Press, 2001, p. 12—15.

[3] *Jenkins. Ph.* The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, p. 3.

708

Таблица 4. **Католики в мире 2025 г. в млн. верующих (прогноз).**

Континент	2000	2025
Латинская Америка	461	606
Европа	286	276
Африка	120	228
Северная Америка	71	81
Океания	8	11
Общая численность	1056	1362

Источник: *World Christian Encyclopedia. New York: Oxford University Press, 2001, p. 12.*

Американские футурологи еще привычно рисуют будущее как продолжение современного мира, но это все более оторванные от жизни мечтания. Отметим, что среди двадцати пяти наиболее крупных стран мира в 2050 г. в *двадцати* будет преобладать либо ислам, либо христианство.

Таблица 5. **Религиозный баланс между крупнейшими странами в XXI веке.**

Преимущественно мусульманские страны:	Пакистан	Бангладеш	Саудовская Аравия	Турция	Иран	Йемен
Преимущественно мусульманские страны с значительными христианскими меньшинствами:	Индонезия	Египет	Судан			
Преимущественно христианские страны:	США	Бразилия	Мексика			
Преимущественно христианские страны со значительными мусульманскими меньшинствами:	Россия	Филиппины	Конго (Киншаса)	Германия	Уганда	
Страны, где ни христианство, ни ислам не являются преобладающим большинством:	Нигерия	Эфиопия	Танзания			
Страны, где не преобладает ни христианство, ни ислам:	Индия	Китай	Вьетнам	Таиланд	Япония	

709

Источник: *Jenkins Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: Oxford University Press, 2002, p. 167.*

Два блока европейских держав покатились к катастрофе 1914 г., руководимые сведущими, образованными, блестящими людьми — и вовсе не фанатиками. Почему подобная судьба должна миновать мир, где гораздо меньше взаимопонимания, чем в софистичной Европе — не говоря уже об остальном мире — начала XX века?

Зоны конфликта

Относительно «спокойная» фаза, последовавшая за падением коммунизма, неизбежно окончится — и достаточно скоро. Да и эпоху 1990-х гг., характеризуемую кровавыми войнами на Балканах, где Запад, сравнивая сербов с нацистами, неожиданно выступил на стороне мусульманских сил, игнорируя (как пишет Ф. Дженкинс) «значительные масштабы агрессии и брутальности мусульманских сил, включающих в себя хорошо вооруженные интернациональные бригады фундаменталистов»[1], едва ли можно назвать спокойной.

Ислам. Чистым результатом натовского вторжения в югославские дела стало массивное наступление мусульманских сил, подъем их воинственности в юго-восточной Европе за счет древних христианских общин. В то же самое время «угнетаемые христиане Судана не получили никакой поддержки со стороны НАТО или любой западной христианской страны. Даже церкви на Западе не пожелали осудить эти преследования»[2]. Едва ли будет чистой фантазией представить себе противостояние *Рес-*

[1] *Jenkins. Ph.* The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press,

2002, p. 160.

[2] Ibid., p. 186.

710

публика Христиана против *Дар-аль-Ислама*, мусульманского мира, что низвело бы мир до жестокого четырнадцатого века с его черной чумой, ухудшившимся климатом и бесконечными войнами.

К 2050 г. население Центральной Азии увеличится до ста миллионов человек — бедное население, живущее рядом с незаселенной Сибирью. Чем это грозит? Разведывательные службы Соединенных Штатов определили Центрально-Азиатский регион как «зону, грозящую потенциальным конфликтом» на протяжении нескольких ближайших десятилетий[1]. На Ближнем Востоке усилится ярость столкновения ислама с иудаизмом, поскольку в 2000 г. 20 млн. евреев уже противостоял миллиард мусульман. В дальнейшем, к 2050 г. это соотношение увеличится до *одного к ста*. Логично предположить начало конфликтов в странах, где имеется уже сейчас весьма мощное противостояние между исламом и христианством. Мы уже достаточно хорошо знаем о боях межцивилизационнрй битвы, которая, если быть точными, уже началась. И трактователь «столкновения цивилизаций» С. Хантингтон приходит к выводу, что «в конечном счете победит Мохаммед».

Вдумаемся, арабы, которых сегодня 240 млн., в 2050 г. достигнут полумиллиарда. Будут ли они спокойно сидеть на двух третях мировой нефти? Соединение ислама и нефтяного богатства уже дало заметные результаты. И будет давать, ведь не видно дна главной энергетической кладовой мира. Иным будет мировидение таких стран, как Узбекистан, которые к 2050 г. удвоят свое население. В Китае ислам примет под свое крыло многие десятки миллионов новых верующих.

Обе великие религии пытаются войти в зону действия друг друга. И здесь действует значительное отличие. Христианские миссионеры говорят о 10—40 уязвимых местах, где христианское наступление считается возможным. С большими трудностями. Христиане — разумеется, эти случаи крайне редки — могут перейти в ислам, но обратное движение крайне трудно. Популярная поговорка гласит: «Ислам — это движение в *одном* направлении. Ты можешь войти в ислам, но ты не можешь из него выйти». Для мусульманина покинуть свою веру почти невозможно.

Фундаментальным по важности является вопрос, могут ли ислам и христианство мирно сосуществовать. И хотя историк может показать столетия относительно мирного сосуществования ислама и христианства, в западной мысли начинает преобладать точка зрения, что «долговременный прогноз относительно сосу-

[1] Global Trends 2015. (http://www.cia.gov/cia/publications/globaltrends2015).

711

ществования религий «нехорош... Две сестры слишком похожи друг на друга, чтобы жить вместе... За последние двадцать лет мусульманский мир пережил массовое религиозное возрождение»[1]. Фанатизм вспыхивает каждые полстолетия. На фоне процессов глобализации, действующих явно не в пользу мусульманских стран, мир ислама явственно ожесточился. Согласно выводам американской разведки, к 2015 г. «в значительной части Ближнего Востока население значительно вырастет, оно при этом станет беднее, живущим уже преимущественно в городах и все более теряющим иллюзии»[2]. Согласно американским прогнозам, ситуация усугубится к 2050 г. еще более. Мусульмане настаивают на том, что их вера требует создания мусульманского государства — вне зависимости от существования иных религиозных верований. Меньшинств, религий, сект. Вывод: неважно по каким причинам, но мусульманская

враждебность к христианам в грядущем возрастет[3].

Некоторые фронты уже сформировались. В Судане правительство объявило ислам господствующей религией, чему сопротивляются 2 млн. христиан и 8 млн. анимистов. Здесь уже погибли полтора миллиона человек. К 2050 г. население Судана составит вместо сегодняшних 25 млн. почти 84 млн. населения, и масштаб конфликта, нужно думать, вырастет соответствующе. Допустим, Судан слишком беден. Но в гораздо более богатой Саудовской Аравии христианство запрещено *полностью и абсолютно*. В соседнем несколько более богатом Египте идет организованное истребление христиан-коптов.

Колоссальный очаг насилия зреет в Нигерии, где мусульман и христиан примерно поровну, примерно по 45 процентов от общего населения. Север — мусульманский, восток — христианский. К 2001 г. шесть из 36 нигерийских штатов ввели шариат. К 2050 г. в Нигерии будут жить 300 млн. человек, а к концу века — полмиллиона. Американская стратегическая разведка обозначила Нигерию как первостепенный по важности источник конфликта в ближайшие 15 лет. И еще более важный и жестокий в дальнейшем. Начало взаимоубийства христиан и мусульман, скажем, в соседнем Камеруне, весьма легко может вызвать вмешательство мусульманской части Нигерии. Соседние страны с преобладающим христианством ответят на вмешательство ниге-

[1] *Jenkins. Ph.* The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, pp. 2, 169.

[2] Global Trends 2015. (http://www.cia.gov/cia/publications/globaltrends2015).

[3] *Jenkins. Ph.* The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, p. 171.

712

рийцев. Собственно, разделенная по религиозному признаку Нигерия быстро может (не без помощи Уганды) дойти до края ожесточения, и апокалиптическое видение происходящего превзойдет региональные границы и доведет дело до глобального уровня.

Нетрудно представить себе и битву христианских Филиппин с мусульманской Индонезией — обе страны могут прийти на помощь своим страждущим единоверцам, вначале не обязательно открыто, но постепенно втягиваясь все больше. В ближайшие десятилетия здесь, пожалуй, не избежать конфликта. Китай в будущем вполне способен взять на себя роль защитника китайских общин в этой части света, особенно по мере того как США, Британия и Австралия будут действовать здесь с вполне понятной осторожностью.

Трепещут три миллиона пакистанских христиан. За поминание всуе пророка Мохаммеда их может ждать смертная казнь. В Индонезии примерно в таком же положении находятся 21 млн. христиан. Через пятьдесят лет это будет гигантская страна, но острота конфликта в ней лишь усилится. Насилие нависло над собственно Западом. К 2050 г. мусульман во Франции будет не менее десяти процентов всего населения страны. Это не сможет не повлиять, в частности, на позицию Парижа, скажем, в ближневосточном конфликте. Это усилит значимость арабской нефти. В Австралии с ужасом воспринимают проекцию роста индонезийского населения к 2050 г. Индонезийцы будут превосходить австралийцев в соотношении четырнадцать к одному.

Ислам будет доминировать в бедном мире, но при этом он будет главенствовать в богатейших нефтеносных странах и будет иметь союзников в зависимых от потребления энергии странах. Хуже всего придется странам, где уже сейчас происходит схватка прозелитических религий. Речь идет прежде всего о колоссальных Бразилии, Индонезии, Нигерии, Филиппинах, но также и о странах вроде Судана и Гватемалы, характерных жестким религиозным расколом. Ислам может опираться в определенных вопросах на христианские движения

бедных стран.

Индуизм. Но *не только ислам* выступит на дорогу самоутверждения и противостояния другим религиям. Индуизм, его мощь и направленность особенно привлекают внимание, поскольку население Индии довольно скоро обойдет по численности население Китая и станет самым большим в мире государством (1,5 млрд. человек будут жить в Индии 2040 года, среди которых приверженцами индуизма будут не меньше 1,2 млрд.). Насилие индуистов в отношении христиан уже получило освещение на газетных полосах, но пока не подверглось подлинному анализу. Пока на Западе предпочитают видеть пример непротивленца Ганди, но, как показывает опыт, индуизм может иметь весьма воинст-

713

венные формы, что мы, собственно, видим сейчас в Кашмире и Пенджабе, в контактах индуистов с сикхами и мусульманами.

Подлинную катастрофу таит обращение высших каст с низшими, с так называемыми неприкасаемыми, которых в Индии от 150 до 250 млн. человек. Формально их религиозная эксплуатация отменена в 1950 г., но в реальности «неприкасаемые» подвергаются самым грубым и жестоким формам насилия. Западное христианство стремится оказать низшим сектам помощь. Неоспоримо то, что высшее духовенство — христианские священники в Индии вышли, преимущественно, из высших индийских сект, но подлинная благодарная паства — «неприкасаемые». Они уже начинают выдвигать вперед своих религиозных деятелей. Католическим архиепископом Хайдарабада уже является бывший «неприкасаемый». Стимулируя вступление многих «неприкасаемых» в лоно ислама, христианский Запад начинает попадать в зону противостояния с потенциально самой населенной страной мира. В настоящее время уже 23 млн. «неприкасаемых» приняли христианство и многие *десятки* миллионов готовы обратиться в него.

Заметим, что по индийским законам каждый житель страны считается *приверженцем индуистской религии* по вере, если он специально не оговорил свою иную религиозную принадлежность. Начиная с 1997 г. индуистские политические деятели в Индии находятся на подъеме и им совсем не безразлично, что христианские проповедники уводят у них паству. В 1999 г. австралийский миссионер и его двое сыновей были сожжены заживо. Особенно жестокие столкновения произошли в отличающемся своей бедностью штате Гуджарат. По крайней мере, в одном случае толпа превратила христианский храм в индуистский (как считается, с молчаливого одобрения фундаменталистской индуистской Джаната парти). Отдельные города и даже штаты уже приняли постановления и законы, запрещающие обращение индуистов в христианство. Следует полагать, что это только начало.

Буддизм в меньшей степени пока проявил себя боевой политической силой, что вызвало у некоторых исследователей предположение, что он прошел пик своего влияния и жесткости самозащиты. Некоторых наблюдателей «успокаивает» тот факт, что в 1900 г. буддисты составляли 20 процентов мирового населения, а в 2000 г. — только 5 процентов[1]. Такая оценка может быть самоутешительной и не соответствовать конфессионально-политической реальности. По мере роста — экономического и политического — таких стран, как Китай, Вьетнам и Таиланд, можно

[1] *Bruck von, M.* Christianity and Buddhism. Maryknol: Orbis, 2001.

714

предположить, что буддизм почти несомненно войдет в некое силовое противостояние с христианством и исламом. Приверженцы буддизма утверждают, что религия, провозглашающая мир и самопожертвование, не склонна приобретать воинственный характер. Но ведь сходные черты «в" теории»

проявляют и прочие основные мировые религии, что не мешает им периодически звать своих приверженцев в бой, к силовому противостоянию. Ничто не дает основания полагать, что буддизм ждет иная судьба и мы *не* увидим жесткого самоутверждения буддизма по мере роста значимости стран — его носителей, по мере «посягательств» основных прозелитических религий.

Христиане. В середине наступившего столетия христиане (благодаря в основном, их католическому ответвлению), возможно, еще будут первой по численности религией мира. Но центром (прежде всего, по численности) планетарного христианства будет *не европейская зона, а Экваториальная Африка.* Более ста миллионов христиан будут проживать в шести ведущих христианских странах — Бразилии, Мексике, Филиппинах, Нигерии, Конго и Соединенных Штатах. Среди католических стран будет первенствовать Бразилия с 150 миллионами католиков (в ней также будут жить 40 миллионов протестантов). Чрезвычайное распространение получит беднейшая ветвь христианства — пятидесятники.

На что следует обратить особое внимание: христианство и мусульманство выделятся «в своих лагерях». Первые будут преобладать в относительно уменьшившемся «золотом миллиарде», а вторые — в среде бедной части мирового населения. Практически несомненно произойдет поляризация. По мнению Ф. Дженкинса, в 2050 г. 20 из 25 крупнейших государств мира будут либо преимущественно христианскими, либо мусульманскими.

Относительно незаметно вызревает новый приход фундаментализма и экстремизма, в том числе и христианского. Ислам не будет единственным представителем религиозного экстремизма[1]. Как отмечает профессор истории в католическом университете Нотр Дам С. Эплби, «экстремисты обеих религий будут господствовать в обществах, лишенных базовых гражданских прав, угнетающих женщин и нетерпимых к иным вероучениям. Эти процессы будут проходить на фоне гонки вооружений в странах Азии и Африки, правительства которых одно за другим будут обзаводиться оружием массового поражения, в том числе химическим и биологическим. Грядущие бедствия приобретут такой масштаб,

[1] *Jenkins Ph.* New Christian Kingdom: Coming of Global Christianity. N.Y., 2001.

715

по сравнению с которым кровавые религиозные войны прошлого покажутся всего лишь утренней гимнастикой»[1].

Б. Барбер обращает внимание на южных христиан: новый мир придет не благодаря джихаду, а ввиду крестового похода южных христиан[2]. Эту точку зрения Не разделяет растущее число исследователей. Подлинной религией будущего (приходит к выводу известный американский историк религии Ф. Дженкинс) будет ислам и «международная политика грядущих десятилетий будет вращаться вокруг конфликта между христианством и исламом. Понимание этого с трудом проникает на Север, вытесняемый на обочину мировой истории. Северяне испытывают сложности в осознании религиозных процессов, определяющих возникающий новый мир, и в буквальном смысле слова неспособны к контактам с иными верованиями»[3].

Схватки вполне вероятны и между христианскими государствами по ряду причин. Скажем, практически лишенные будущего, африканские страны южнее Сахары имеют государственные границы, которые вовсе не совпадают с этническими границами. Унижение одного из племен легко может перекинуться через существующие государственные границы. Уничтожение относительно небольшой народности в Руанде в 1994 г. вызвало серию войн и интервенций, которые обрушились на гигантские территории Конго, Анголы, Зимбабве, Намибии, Уганды и Руанды. Погибло примерно два миллиона конголезцев. В

результате Конго стало чем-то вроде Германии после окончания Тридцатилетней войны, унесшей две трети германского населения.

Германия восстала из пепла Тридцатилетней войны — и то же может произойти с нынешними африканскими жертвами милитаризма, но не требуется особой фантазии, чтобы представить себе, что Нигерия, Уганда и Конго предстанут в не столь уж далеком будущем хорошо вооруженными державами.

На Западе не все осознали, что движение «простить долги» бедной части мира энергично поддерживается религиозными деятелями Юга, в том числе и христианами. Лидерами выступили кардинал Родригес из Гондураса и англиканский примат Ньонгулу Ндунгане (заменивший известного Десмонда Туту в Кейптауне). В то же время воинствующий консерватизм папы Иоанна Павла Второго объективно способствует религиозному противостоянию. Этот папа сформировал свою внешнеполитическую философию в процессе противостояния коммунизму, несколько

[1] «New York Times Book Review», June 1, 2002.

[2] *Barber B. Jihad Vs.* McWorld. N.Y.: Times Books, 1995.

[3] *Jenkins. Ph.* The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, pp. 2, 159.

716

абстрагируясь от реальных конфликтов современности и будущего. Ему пока еще не виден мир, где католиками будут прежде всего африканцы и латиноамериканцы. Где вместо Бельгийского Конго будет Конголезская Бельгия.

Как отнестись к изменению характера веры, владеющей им со времен императора Константина? Как отнестись к факту, что большинство христиан становится коричневым?

Начавшийся век

Совместное действие демографических и религиозных факторов определит мир XXI века. Отсутствие баланса между тем, где создаются богатства, и тем, где живут люди, — вот вопрос будущего. И встанет вопрос, как Западу отнестись к своему превращению в едва заметное меньшинство человечества.

В будущем революционные силы, скорее всего, завладеют глобальным Югом. Нет никакого сомнения в том, что это обстоятельство выйдет на первое место и будет самым главным спорным вопросом грядущих лет. Невероятно богатый материально и слабеющий по параметру своего населения Запад встретит страдающий от бедности и сверхнаселенный Юг, стремящийся к перераспределению мировых богатств. «Этот будущий Север войдет в противостояние с бедными и очень многочисленными глобальными массами, которые пойдут не под красными знаменами социальной революции, а под эмблемами нового Христианства и Ислама... Неимущие будут воодушевлены не текстами Маркса и Мао, а священными книгами и языком апокалипсиса. В этом мире мы, Запад, будем последним Вавилоном»[1].

Согласно оценке американского разведывательного сообщества, впереди штормовой межконфессиональный спор: «Христианство и ислам, две крупнейшие религиозные группы, растут самым значительным образом. Обе распространились на несколько континентов, обе используют современную информационную технологию для распространения своей веры, обе пытаются привлечь сторонников для финансирования многочисленных групп влияния и политических организаций. Наиболее активные компоненты этих и других религиозных групп будут все более усиливаться в спорах по таким вопросам, как генетическое манипулирование, права женщин, различие в доходах между бедными и богатыми»[2].

[1] *Jenkins Ph.* The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, p. 161.

[2] Global Trends 2015. (http://www.cia.gov/cia/publications/globaltrends2015).

717

Западный мир будет иметь дело с силами, природу которых он, судя по ведущейся на Западе дискуссии, не понимает. То, как Запад имел дело с Ираном, Ливаном, а сегодня с Ираком и Палестиной, говорит об ограниченности аналитических способностей правящей западной элиты. Западные политики никогда и не пытались понять суть и движущие силы ислама, действуя с примерной самоуверенностью, фактически отвергая концепцию религиозной мотивации. Представляется, что и растущее незападное христианство не будет встречено в западных столицах с подобающей серьезностью — как примитивный ориентализм, как жалкая потуга «третьего мира» породить *учение*. Как просто нечто чудовищное, породившее, скажем, массовые самоубийства в Уганде в 2000 г. Кровавое противостояние в Индонезии или Судане оценено Западом как просто зверство. До сих пор Запад был способен лишь *обличать* «шиитских монстров» и стереотипы примитивной Африки, явления из пустынь и джунглей. Если одиночное убийство на религиозной почве в странах Запада еще привлекает внимание, то многотысячные жертвы религиозных столкновений в незападном мире (скажем, Нигерия, Индонезия, Судан) подаются лишь как элементы сенсации. При этом «либеральные представители Запада неохотно обращаются к темам, которые могут показать их как противников мусульман или противников арабов; они вдвойне подозрительны по отношению к христианам из третьего мира»[1].

Между тем все главные конфликты наступившего третьего тысячелетия так или иначе связаны с различием в религиозной и культурной лояльности, что с трудом представлялось всего лишь десятилетие назад. Конкурирующие концепции бога заменили диалектический материализм. Как пишет Ф. Дженкинс, много насилия таит в себе представление, что «некоторые жизни более ценны, чем другие». Битвы, которые уже ведутся в Африке и Азии, определят лицо XXI века. В мире, где Запад будет секулярным, рациональным, а остальной мир — фундаменталистским, Запад может встретить, при всей своей мощи, тяжелые времена. Хватит ли у него силы? Готовы ли США поддерживать независимость Кувейта перед лицом стомиллионного Ирана и пятидесятимиллионного Ирака после 2025 г.? Создать вариант «регентства Макартура» над огромным арабским миром США уже не могут чисто физически. При этом следует учитывать, что, как минимум, у Ирана будет ядерное оружие и ракеты.

Отвечая на самим собой поставленный вопрос «Почему они

[1] *Jenkins Ph.* The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, p. 163.

718

нас ненавидят?», президент Буш указал на свободы, которыми пользуются американцы. «Тем самым, — полагает американский политолог Э. Басевич, — Буш избавил себя и своих соотечественников от любых попыток переосмыслить глобальное влияние воздействия на мир американской мощи — политической, экономической, культурной. Поступая так, президент оживил старую склонность пренебрегать мнениями о себе иных — включая союзников — тех, кто видит в американском влиянии на мир явление случайное, проблематичное и периодически ошибочное»[1]. В предстоящей борьбе противником Америки будет не традиционный военно-политический антагонист, а *иное видение места на планете человека и бога*. Исход грядущей битвы будет, прежде всего, зависеть от деятельности образовательных систем, от ориентации масс медиа, от преобладающего общественного мнения, от мировосприятии молодого поколения нашего мира, от доминирующей культуры и фактора решимости ее защищать. При определенном культурном повороте Запад может оказаться не в состоянии

выдвинуть политических деятелей, способных на выработку *стратегии*, а не суммы рефлекторных действий.

[1] *Bacevich A.* American Empire. The Realities and Consecuences of U.S. Diplomacy. Cambridge: Harvard university Press, 2002, pp. 229—230.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

> Единственные подлинно успешные национальные примеры капиталистической модернизации ограничены евро-атлантическим регионом и некоторыми колониями этого региона на тихоокеанском побережье.
>
> *А. Ливен, 2002*

Мир утратил баланс, в чем вторжение американо-британских войск в Ирак убедило даже самых скептиков. *Империя* или *не империя* — во многом сфоластический вопрос. Американский исследователь Майкл Игнатьев категорически не согласен характеризовать американскую глобальную зону влияния как *империю*. Имперская форма правления характеризуется, по его мнению, прежде всего наличием *колоний*. Американская демократическая форма политического устройства страны не позволит Вашингтону иметь подлинные колониальные владения. «Великая иллюзия» оказалась стойкой — Соединенные Штаты, с точки зрения многих американских граждан, *вели* за собой мир, а не *навязывали* этому миру свою волю. Ими владели благородные мотивы, а не жесткое желание навязать свою волю.

А вот историк Пол Кеннеди (как и многие, многие другие) не согласен. Признаком *имперского* характера правления, по его мнению, является то, что Соединенные Штаты открыто и широковещательно резервируют за собой права, которые они категорически отрицают за другими странами. К примеру, Вашингтон резервирует за собой право на *предупреждающий* удар; ни при каких обстоятельствах американцы не согласятся делегировать такое право, скажем, России или Китаю. Это и есть главный признак империи — той формы правления, когда наиболее сильный компонент мировой силовой констелляции провозглашает за собой права, категорически отрицаемые за другими.

Нравится это кому-то или нет, но «Америка сегодня *является* Римом, приверженным необратимо делу сохранения и, если это

720

оказывается возможным, расширения империи... Давайте не будем отрицать факты»[1]. Мифы об американской невинности может разделять сегодня лишь природно некритичный человек. Могущественное меньшинство (США сегодня — это менее 5 процентов мирового населения) уже не спрашивает санкции мирового сообщества для военных экспедиций. И по понятным причинам. Нет и не может быть собрана в обозримое время никакая коалиция, уравновешивающая колоссальную мощь Соединенных Штатов. Отныне и на десятилетия анализ понятия «Американская империя» будет главным занятием политологов.

Еще вчера весь западный мир во главе с США категорически отвергал возможность наказания *до* суда, а затем он стал бомбить Афганистан, основываясь на хорошо знакомых в России *косвенных* доказательствах. Еще вчера этот мир превозносил беспристрастные средства массовой информации, отстраненный объективный анализ, а затем он приступил к более понятным в незападном мире поискам справедливости *до* предъявления доказательств. *Имеет место кризис мирового общежития как системы*. Позволим себе напомнить, что и Лига Наций и ООН создавались с целью формирования организационной базы для *мировой солидарности* народов. А не для фиксации вопиющего материального и духовного разобщения на фоне односторонних действий лидера.

Нельзя сказать, что у стремления обеспечить абсолютную безопасность не было критиков в самой истории США. Именно это стремление Александр Гамильтон назвал «обманчивой мечтой», основанной на призрачной сверхуверенности в американской моральной исключительности и на преувеличенных страхах того, что Соединенные Штаты (ввиду демократического характера своего правительства и богатства своих естественных ресурсов) неизбежно послужат целью атак неких иностранных государств. Адъютант Вашингтона и первый министр финансов — Гамильтон справедливо полагал, что «несовершенство, слабость и пороки присущи *любому* правительству, любой форме правительства».

Прекрасные американские романисты Натаниэль Готорн и Герберт Мелвилл считали непростительным упрощенчеством безудержную идеализацию образа Америки. Один из героев Мелвилла — капитан Амаса Делано решает помочь тонущему испанскому кораблю, не зная, что рабы на этом корабле уже захватили своего капитана. Делано невольно попал на зыбкую почву грешного старого мира: кто прав, захваченный капитан или восстав-

[1] *Bacevich A.* American Empire. The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy. Cambridge: Harvard University Press, 2002, p. 244.

721

шие рабы? Натаниэль Готорн одержим идеей, что все в мире подвержено воздействию времени и, после пика роста, склоняется к упадку: «Мы можем не признавать несовершенство общественных форм, но мы не можем обеспечить их абсолютное совершенство и бессмертие». Лучшие умы Америки всегда предостерегали от самовнушения и преступной гордыни. Но предостережения великих знатоков человеческой природы либо забыты, либо самонадеянно отвергнуты. А идеи американской исключительности, идеи Америки как библейского города на холме стали национальной верой — прекрасной и ложной, источником идеализма и фанатизма. Оправданием нетерпимости и жертвенности, вызывающей спасительные порывы и способные завести в историческую западню.

Примером такой западни может служить рождающееся отношение единственной сверхдержавы к тому, что безусловно почиталось последние три с половиной века, когда Запад, овладев миром, решал свои противоречия «по правилам». В 1648 г. основные европейские страны договорились (по Вестфальскому соглашению, завершившему «тридцатилетнюю войну»), что не будут вторгаться во внутренние дела друг друга — не будут поддерживать внутренние религиозные силы, покушения, заговоры, подрывную деятельность на территории, находящейся под чужой юрисдикцией[1]. Это ограничение сделало войны XVIII века значительно более ограниченными по масштабу, чем Тридцатилетняя война. Эта относительная «умеренность» продолжалась до тех пор, пока Великая французская революция не ввела революционную идеологию в систему международных конфликтов и идеологическое ожесточение опять показало свою кровавую сторону. Робеспьер упорно улучшал окружающий мир, пока не перепугал его смертельно. Но определенное уважение национального суверенитета продолжало существовать до тех пор, пока не сформировалась сверхдержава такой мощи, что ее лидеры — сенаторы, идеологи, журналисты вознесли внутренние проблемы и ценности выше международных. В результате буквально на наших глазах начала крушиться Вестфальская система национального суверенитета.

Америка убедила своих союзников — те не подозревали, что открывают ящик Пандоры — что *гуманизм* требует наказания лиц, способных начать геноцид. Воздушный удар по суверенной Югославии, а затем и удар по Афганистану означал, что США предполагают в будущем активно участвовать в жестоких

мест-

[1] См: *Croxton D.* Peacemaking in early modern Europe: Cardinal Mazarin and the Congress of Westphalia, 1643—1648. Susquehanna University, 1999.

722

ных конфликтах, не заботясь о том, что нарушают суверенитет независимых стран[1]. Американская подготовка к войне против Ирака, очевидные формы враждебности по отношению к Ирану возбудили опасения многих стран относительно угрозы будущих американских интервенций на их собственной суверенной территории. Проблема поднялась и на еще более высокий уровень, встал вопрос относительно степени уважения Соединенными Штатами общего мирового порядка в целом. Широко распространилось предположение, что США стремятся заменить Вестфальскую систему системой контроля одной державы над другими. Империя предполагает *централизованное* определение справедливости в мировых делах.

Трудно скрыть то обстоятельство, что самые различные державы усомнились в мудрости перехода от уважения суверенности к ее попранию. Скажем, весной 2003 г. канцлер ФРГ Шредер публично отказался участвовать во вторжении в суверенный Ирак. Ощутимы опасения за собственную суверенность у Китая, Франции, Британии. Стало приобретать «реактивное» движение за восстановление трехсотлетнего *cuius regio, eius religio.*

Самым главным документом современности является «доктрина Буша» — выступление американского президента в сентябре 2002 г. на Ассамблее Организации Объединенных Наций и документ «Национальная стратегия США», выпущенный Белым домом в 2002 г., главной идеей которых является *обоснование* американского права «упреждающего удара», который Америка намерена легально и открыто наносить по всякому, кто покажется только лишь *потенциально* опасным для безусловного гегемона современности. Итак, есть несравненная мощь, есть желание эту мощь использовать, есть идеологическое обоснование использования этой мощи. Нет только противовеса. Насколько долго продлится этот «мертвый ход» однополярности в истории человечества?

Известный американский историк-еретик Уильям Уильяме предупреждал сограждан — легко впасть в то, что он и называл «великой иллюзией»: «Восхитительная вера в то, что Соединенные Штаты могут пожинать плоды империи, не платя цену за содержание империи и не признавая того, что владеемое ими является империей»[2]. Но содержание империи требует не только факта признания ее существования, но и решения множества самых

[1] *Lieven A.* The Secret Policemen's Ball: the United States, Russia and the international order after 11 September («International Affairs» №78, 2002, №2 p. 250).

[2] *Williams W. A.* Empire as a Way of Life. New York, 1980, p. 170.

723

серьезных и дорогостоящих вопросов относительно того, какой должна быть стратегия этой империи, выделение главного и отсечение второстепенного, соотнесение краткосрочных целей с долгосрочными, определение степени применимости военной силы, понимание опасности триумфализма. То есть уже вопрос *цены*, которую Америка готова заплатить за имперское всемогущество.

Встав на этот путь, Соединенные Штаты неизбежно приговорены историей разделить судьбу всех претендентов на имперское всевластие.

Во-первых, все империи, пытавшиеся демонстрировать готовность к активной самообороне на своей периферии, неизбежно были вынуждены переносить (в конечном счете) поле битвы на территорию метрополии. Технологически совершенная военная мощь Соединенных Штатов позволяет гегемону, метрополии многое. Однако ни для кого такая «проекция силы» еще не явилась панацеей в плане безопасности. Вьетнам был далеко, но реакция в метрополии на жертвы оказалась сокрушительной. Некий поворот в этом смысле способны

создать в американском обществе Ирак и Афганистан — бездонно далекие от любых американских идеалов, неподатливые для американских вариантов решений, готовые к своему варианту интифады.

Во-вторых, *предвосхищающие* удары становятся, в конечном счете, контрпродуктивными для имперской безопасности, когда их следствием становится бесконечная череда конфликтов на имперских окраинах, восстания в прежде покоренных регионах, растущее недовольство как сателлитов, так и зависимых стран.

В-третьих, даже в зоне испытанных привилегированных союзников использование вооруженной силы грозит крушением имперских основ, столпов имперского могущества. Номинально независимые страны неизбежно интенсифицируют свое сопротивление диктату. История говорит о стремлении суверенных стран к объединению против гегемона. Закон *гравитации* действует против возвышающихся пиков; сохранившие независимость страны так или иначе воссоздают *контрбаланс*.

В-четвертых, современная технология, *демократизируя средства терроризма*, не позволяет герметично закрыть границы метрополии, что так трагически и убедительно показал сентябрь 2001 г. Готовые к самоубийству террористы неподвластны технически совершенным средствам устрашения, *сдерживание* прежних лет в этом смысле «не работает».

В-пятых, метрополия с трудом находит общий язык даже с младшими партнерами. Один из либеральных идеологов Америки — Джон Айкенбери весьма убедителен в доказательстве того, что демократическая форма правления, с ее упором на транспа-

724

рентности, особенно требовательна к *союзам* с менее мощными странами[1].

В результате не нужно даже смотреть в магический кристалл, чтобы предсказать *увеличение* проблем национальной безопасности США, а не ожидаемое имперскими активистами уменьшение интенсивности и объема этих проблем. Бросим взгляд на не очень далекую историю. Как пишет Джек Снайдер (из Института войны и мира Колумбийского университета), «чтобы гарантировать свои европейские владения, Наполеон и Гитлер пошли маршем на Москву, чтобы быть поглощенными русской зимой. Германия кайзера Вильгельма попыталась предотвратить свое окружение союзниками посредством неограниченной подводной войны, что бросило против нее всю мощь Соединенных Штатов. Имперская Япония, завязнув в Китае и встретив нефтяное эмбарго Америки, попыталась пробиться к нефтяным месторождениям Индонезии через Пирл-Харбор. Все хотели обеспечить свою безопасность посредством экспансии, и все кончили имперским коллапсом»[2].

Будут ли США отчаянно стоять на имперских позициях или сумеют, подобно Британии в XX веке, мирно покинуть их, отказываясь от дорогостоящей миссии? Пример Британии изучается в современной Британии с удвоенным вниманием. Свежая работа Найэла Фергюссона о подъеме и спаде Британской империи[3] стала буквально *обязательным* чтением всех, кто *pro* и *contra*. Истратив непропорционально большие ресурсы в войне с бурами, видя одновременно подъем в Европе Германии, Британия в свое время отказалась от стратегии «блестящей изоляции» (что в применении к Соединенным Штатам является стратегией *односторонности.)* Это и повело Лондон к союзу равных с Францией и Россией, к Антант кордиаль, к коллективному противостоянию рвущейся вперед Германии.

История учит, что *односторонние действия* не спасли колоссальную Испанскую империю в XVII веке (герцог Альба в Нидерландах), не помогли Людовику Четырнадцатому сохранить французское преобладание в Европе в

начале XVIII века (маршалы Короля Солнца на Рейне), не укрепили мир Наполеона (москов-

[1] *Ikenberry J.* After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton: Princeton University Press, 2000, p. 146.

[2] *Snyder J.* Imperial Temptations («The National Interest», Spring 2003, P. 30).

[3] *Fergusson N.* Empire. The Rise and Demise of the British World Order and *the Lessons for Global Power*. London:Basic Books, 2002 (курсив мой. Фергюсон как бы дает совет Соединенным Штатам. — *А.У.).*

725

екая экспедиция Великой армии), не помогли кайзеру и фюреру («план Шлиффена» и «Барбаросса»).

Встает вопрос, доколе Америка будет руководствоваться доктринами односторонности в условиях общего изменения стратегической ситуации, демографического уменьшения Запада, растущего ожесточения за пределами «золотого миллиарда»? Надежду в данном случае дает критическое восприятие американским руководством своего афганского и иракского опыта (породившего столько новых проблем), а также резонный страх перед спровоцированием нежелаемого развития событий. Надежду дает хотя бы тот факт, что, вопреки постулатам «доктрины Буша», американское руководство отвергло *механический* подход к принципам превентивной войны по отношению к следующим из государств пресловутой «оси зла» — Северной Корее и Ирану. Команда Буша, чувствуя слабость общественной поддержки, специфически (в обнародованном документе) отказалась от направленного против Пхеньяна *предвосхищающего удара*[1].

Согласятся ли гордые державы на диктат сильнейшего? Будущее может быть для США более суровым. Уже сейчас, пишет Р. Хаас, «американское первенство, не говоря уже о гегемонии, далеко не всеми странами приветствуется — и среди противников столь разные государства, как Китай, Россия, Франция, Иран»[2]. Не нужно быть Кассандрой, чтобы предсказать следующее развитие событий: вовне Соединенных Штатов случится исторически обычное — в дальнейшем требования дисциплины и солидарности неизбежно ослабеют, антитеррористическая коалиция рассыплется и произойдет восстановление баланса в мире. Так было всегда. Антинаполеоновский союз, победоносный в 1815 г., развалился в 1822 г. Победоносная в 1918 г. Антанта распалась в начале 1920-х годов. Антигитлеровская коалиция 1945 г. к 1948 г. превратилась в противостояние антагонистов. До сих пор ни один союз в истории никогда не переживал своей победы.

Судьба лидера практически всегда одинакова: уступающие ей по мощи государства смыкают свои силы, противодействуя лидеру. И нынешний случай не будет исключением — природа человека и обществ в этом демонстрирует историческую неизменность. Или, как пишет Кеннет Уолте: «Облагодетельствованные чувствуют раздражение против своего благодетеля, что ведет их к мысли об исправлении нарушенного баланса силы... Особенно

[1] Office of the President. National Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction. December 2002.

[2] *Haass R.* The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. 41.

726

громкие жалобы слышны со стороны французских лидеров, страдающих из-за отсутствия многополярности и призывающих к росту мощи Европы»[1].

Есть все основания думать, что в дальнейшем, в условиях приобретения опыта жизни в централизованной системе однополярности, не сдаст, а укрепит свои позиции мнение о необходимости найти противовес современному Риму. Что сформировавшаяся на рубеже тысячелетий пирамидальная система с Вашингтоном как последней инстанцией и мировым арбитром, базирующаяся на

мощи единственной сверхдержавы, несет опасности, чревата необратимыми конфронтациями. Что мировая межгосударственная система станет стабильнее и благотворнее, если (и когда) будет заменена более стабильной, более традиционной системой *баланса сил*. На роль контрбаланса с наибольшими основаниями в недалеком будущем смогут претендовать как минимум Европейский союз и Китай. Но, оговоримся сразу, такая замена возможна лишь в неком будущем. Реалии же сегодняшнего дня — безусловное преобладание американской сверхдержавы на мировом горизонте.

К Соединенным Штатам обращаются за помощью и арбитражем члены «Антитеррористической» коалиции (видящие терроризм зачастую там, где его не усматривают американцы), удаленные страны и даже потенциальные антагонисты. Гегемону так или иначе приходится отвечать за сложившееся в мире положение вещей. И это при том, что большинство человечества живет в конвульсиях, и существующее в мире положение в той или иной степени это большинство не устраивает. Чем дальше, тем больше Америка будет ощущать, что быть мировым гегемоном непросто. Лидирующее положение в мировом сообществе предполагает как минимум последовательность и предсказуемость, а следовать этим принципам весьма трудно.

Скажем, Америка декларирует свою приверженность демократии, но так и не осмеливается осудить попытку путча в Венесуэле против президента Уго Чавеса в апреле 2002 г. Вашингтон многократно выступал — даже сделал символом своей веры — свободную торговлю, но без малейших колебаний ввел в 2002 г. тарифы на сталь (равно как и поддержал субсидии своему сельскому хозяйству). США подвергли осмеянию экономическую помощь развивающимся странам, а затем на встрече Север — Юг в мексиканском Монтеррее возвели ее в канон. Республиканская администрация настаивала на процедуре банкротства иностран-

[1] *Waltz K.* Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 54).

727

ных должников в процессе грянувших финансовых кризисов, а затем заняла диаметрально противоположную позицию. Подобные примеры говорит о том, что осуществлять имперский курс весьма сложно; что эволюция современного мира таит в себе непредсказуемые неожиданности; что Америке не хватает администраторов с глобальным видением проблем; что выработка стратегии вызывает к жизни противоборствующие интересы в самих Соединенных Штатах и сталкивается с немалыми трудностями.

В дестабилизации международной арены в наступившем веке есть значительная доля американской вины. Как формулирует У. Пфафф, «похоже, что многие в администрации Буша убеждены, что военной силой можно добиться желательного разрешения политических проблем. Они полагают, что Ариэль Шарон делает то, что нужно делать в его ситуации. Грубой силой можно решать политические проблемы, но этот метод обычно несет с собой новые проблемы... Эдмунд Берк однажды заметил, что для нации нет большего бедствия, чем порвать со своим прошлым... «Холодная война» оторвала США от прошлого. После окончания ее возврата к прошлому не произошло. Стратегам в Вашингтоне статус империи представляется удачным выбором. Считается, что таким образом удастся увеличить стабильность международного сообщества и решить проблему терроризма, государств-изгоев, оружия массового поражения и т. д. Но американское политическое, экономическое и культурное влияние не носит стабилизирующий характер. Оно опрокидывает прочные, структуры, преследуя добрые или дурные цели. Администрация Буша — это правительство крестоносцев»[1].

До сих пор ответ США на внешние вызовы сводился, если цитировать классика современной политологии Иммануила Уоллерстайна, «в основном к

высокомерному выкручиванию рук. Самонадеянность имеет свои негативные стороны. Расходование имеющегося кредита означает абсолютное уменьшение этого кредита и неизбежно порождает раздражение. На протяжении последних 200 лет Соединенные Штаты обрели значительный идеологический кредит. Однако в текущее время США исчерпывают свой кредит быстрее, чем когда-либо после золотых дней 1960-х годов... Вашингтон, что ни говори, остается политически изолированным; практически никто (за исключением Израиля) не считает благотворной занятую Америкой позицию ястреба. Многие страны боятся или не желают выступить против Вашингтона в лобовом противостоянии, но даже их своеобразный саботаж наносит вред позициям Америки. В ближайшие десять лет

[1] «International Herald Tribune», April 8, 2002.

728

перед Соединенными Штатами откроются две возможности: 1) идти по ястребиному пути со всеми вытекающими негативными последствиями для всех и не в последнюю очередь для себя. 2) Или прийти к выводу, что негативные последствия внешнеполитической активности слишком велики... Подлинный вопрос заключается не в том, увядает или нет американская гегемония, а в том, что США, видя неизбежность отхода, постараются обеспечить себе достойный путь отступления — с минимумом ущерба миру и себе»[1].

Кто-то уже говорит о сумерках цивилизации, напоминающих распад Римской империи при общем отступлении господствующих организованных религий и возникновении влиятельных сект. Сможет ли застратосферное могущество Соединенных Штатов в этих условиях проявить свою организующую силу? Ведь саму основу американского общества может захлестнуть некая христианская фундаменталистская волна — самой верующей стране Запада несложно поддаться ей в условиях враждебного окружения, проявлений повсюду комплекса 11 сентября, Палестины с востока, юга и запада.

Западноевропейский подъем правых (Ле Пен и др.) без особого труда сможет проникнуть в страну, капитально знакомую с «охотой на ведьм» и ку-клукс-кланом. На хаос «третьего мира» Америка может ответить внутренней *правой, неоконсервативной* мобилизацией, и тогда, в условиях практически неизбежной религиозной поляризации, в масштабах всего мира идея доброй и благосклонной империи отступит навсегда перед «неуловимым», не имеющим четких границ социальным хаосом огромного мира, не вошедшего в «золотой миллиард».

* * *

Региональные американские главнокомандующие на Ближнем Востоке, в Европе, на Тихом океане и в Латинской Америке являют собой современный вариант римских проконсулов с бюджетами вдвое большими, чем во времена «холодной войны»[2]. Их функцией будет, располагаясь на постоянной основе в 45 странах (Узбекистан, Киргизия и Грузия — последние по времени создания форпосты), ограждать дальние подступы к метрополии. Империя движется к пику своего могущества. Что впереди?

[1] *Wallerstein I.* The Eagle Has Crash Landed («Foreign Policy», July-August 2002, p. 29).

[2] *Kaplan R.* The World of Achilles. Ancient Soldiers, Modern Warners («National Interest», Winter 2001/02, p. 40).

729

Видимо, то же, что и позади — активное противодействие единственному распорядителю. Как величайшие угрозы миру были восприняты европейским большинством всяческие попытки имперского строительства, предпринятые, последовательно, императором Карлом V, королем Людовиком XIV, императором Наполеоном, стремившимися заменить систему независимых государств неким подобием Римской империи.

Имперская стратегия способна подорвать стабильность международного

сообщества именно в то время, когда международное сотрудничество и солидарность нужны более всего. Имперский подход несет с собой неисчислимые опасности. Имперский подход политически непродуктивен и не может быть реализуем в течение долгого времени; в дипломатическом отношении он в конечном счете ослабит позиции Америки.

Если история способна дать урок, то неизбежен вывод, что имперская политика станет «вызывать антагонизм и противодействие, которые вызовут окружение Америки разделенным и враждебным миром. Карл V, Людовик XIV, Наполеон и лидеры послебисмарковской Германии пытались расширить свои имперские владения и насильственно навязать свой порядок другим. Все типы их имперского порядка были сокрушены, когда другие страны пришли к выводу, что они не готовы жить в мире, где доминирует насильственное государство-надзиратель. Имперские цели Америки и их modus operandi в значительной мере более ограничены, чем у имперских держав прошлого. Жесткая имперская *великая стратегия* вызывает риск того, что история повторится»[1].

Восставали лучшие умы. В далеком XVII веке германский теоретик Пуффендорф указал европейским правителям на твердую «обязанность противостоять всеми возможными силами установлению *монархии над Европой, универсальной монополии;* такая попытка может воспламенить весь мир». Философ Монтескье привел множество аргументов в пользу противостояния «*универсальной монархии*» наподобие Римской империи. Находящийся на противоположной стороне Ла-Манша Дэвид Юм со всей страстью предостерег свою Англию от судьбы превратиться в простую провинцию некоего глобального монарха. Такова традиция противостояния; потенциал такого противостояния сохраняет свою силу. И современные американские идеологи признают, что «многие в мире смотрят на Новый Иерусалим с трепетом. Их страхи и

[1] *Ikenberry J.* America's Imperial Ambition («Foreign Affairs», September/October 2002, p. 59-60).

730

их сопротивление гарантируют, что легионы Нового Рима не будут долгое время сидеть без дела»[1].

Будущее описано в прошлом: в «Илиаде» Гомера Троя представляла собой предмет зависти всего мира. Цивилизованные горожане жили в превосходных городских зданиях или в цветущих сельских поместьях. Благоденствие троянцев было таково, что они мечтали лишь о том, чтобы остальной мир оставил их в покое. В случае внешних осложнений они полагались на свои богатства — они были уверены в том, что этих богатств достаточно для решения в их пользу любой проблемы. Ну а если военного конфликта избежать было невозможно, то троянцы предпочитали долговременные и дорогостоящие осады, позволявшие им минимизировать свои потери. Троянцы питали своего рода отвращение к потерям на поле боя. Их воины были одеты в громоздкие латы, шлемы, подлокотники и т. п. для сохранения того главного, что они ценили более всего — своей жизни.

Прибывшие на кораблях к малоазийской Трое греки, в отличие от троянцев, полагали, что безопасность трудно *купить*. Греков Гомера было много, и они были героически жертвенны. Им нечего было особенно терять, кроме своей жизни, а их родовая мораль *потерю жизни* делала почти обыденной. Первые битвы были не в пользу греков, но долгая война научила Одиссея и его товарищей хитрости и коварству, смелости и риску. Взгляд в прошлое напоминает современным американским идеологам, что «мы не первая империя, которая стремится избежать потерь»[2]. Современные троянцы хотели хотели бы зафиксировать столь благоприятный для них существующий порядок. Они желают вести войну с непокорными, с терроризмом, неся минимум потерь — полагаясь на свое лидерство на новом витке технологического прогресса в военной сфере, на свое богатство и на своих союзников.

Многое помогает гегемону. У противников Америки нет сопоставимого богатства и технического совершенства, и технология, кажется, дает Соединенным Штатам необходимый ответ — начиная с вакуумных бомб, коврового бомбометания с больших высот, приборов ночного видения, слежения со спутников. Система постоянного слежения фиксирует буквально каждого отдельно взятого воина противника, чувствительные приборы вскоре будут вести слежение посредством чтения нейробиологического почерка. Что и говорить, технологическому совершенству нет

[1] «Wilson Quarterly», Summer 2002, p. 62.

[2] *Luttwak E.* Toward Post-Heroic Warfare («Foreign Affairs», May/June 1995).

731

предела. Более всего ныне захватывает умы система перехвата ракет дальнего радиуса. На негостеприимной Аляске строится колоссальная радарная система, которая высветит *каждую* взметнувшуюся из Евразии ракету и, гипотетически, уничтожит ее.

Однако война технологически сложными средствами в странах с неразвитой инфраструктурой (вроде Афганистана и, в меньшей степени, Ирака) дает значительные результаты только на первом этапе: чувствительные сенсоры способны помочь разрушить нескольких подозрительных строений, полевых тентов, немногочисленные сотовые телефоны и компьютеры. Но плоды «высокой технологии» на следующей стадии становятся практически бессильными против примитивных методов ведения боевых действий противника. Как признают сами американцы, современные «варвары» едва ли рискнут высадиться близ благоденствующей современной Трои, достаточно отчетливо понимая, что в открытом, лобовом противостоянии им не одолеть электронно-ядерную мощь Соединенных Штатов. Но греки в свое время, не сумев прямым натиском одолеть стены Трои, обратились к коварному Одиссею.

Ныне сами американцы рассуждают, что «именно потому, что Соединенные Штаты настолько сильнее любой группы наций, мы должны ожидать нападения на наши слабые места». При всем общем отставании, современный противник все же не чужд доступа к сложным и по-своему эффективным технологиям. В послесентябрьских Соединенных Штатах признается, что «терроризм, проистекающий из возросшего экономического неравенства, питающийся социальными и культурными потрясениями, в будущем получит невиданный прежде доступ к технологическим ресурсам»[1]. Потенциальный противник, при всей своей бедности и меньшем интеллектуальном потенциале, все же *может* обратиться к средствам массового поражения («грязное» ядерное устройство, бактерии и бациллы, газы и прочие отравляющие вещества). Он в принципе *может* сковать жизненно важные коммуникации современного общества компьютерными вирусами, нанести чувствительные удары в уязвимые места сложной технически цивилизационной системы. При этом наука характерна периодическими «прорывами», бросками на отдельных направлениях. Очередной такой бросок может произойти *не* на благоденствующем Западе.

Второе (после технических возможностей) важнейшее обстоятельство — степень жертвенности. Как и всегда в истории,

[1] *Kaplan R.* The World of Achilles. Ancient Soldiers, Modern Warners («National Interest», Winter 2001/02, p. 39).

732

техническому умению и материальному процветанию лидера — ныне и в будущем — противостоит стойкое безразличие к потерям его противника. (Немало американцев уже сейчас признают, что в югославской эпопее 1999 г. американская решимость подошла к грани: «Если бы были сбиты *дюжина* натовских самолетов, президент Клинтон, возможно, вынужден был бы прекратить боевые действия»)[1]. Вездесущее телевидение выставляет напоказ

неизбежные боевые потери, ставя под вопрос возможность *стерильных* боевых операций. Погибшие в Сомали 1993 г. военно-морские пехотинцы отвратили американское общество от роли «созидателя новой сомалийской нации». Потери в забытых людьми и богом краях способны отвратить американское общество от роли мирового шерифа.

Указать на «ненависть» противника к американской свободе, как это сделал президент Джордж Буш-младший, недостаточно. В конечном счете, если Америка не найдет схему примирения *пяти* миллиардов мирового населения с фактом своей отсталости, бедности и бесперспективности, если тридцатикратное превосходство «золотого миллиарда» в доходах на душу населения над остальными пятью миллиардами не будет преодолено, если мир обездоленных не увидит перспективы прогресса, то мирной эволюции в XXI веке ожидать не приходится. Главенство гегемона будет шатким, а век очередной империи окажется коротким.

[1] «National Interest», Winter 2001/02, p. 41.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....5
Глава первая. ИМПЕРСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ..... 15
1. Имперские вожделения..... 15
2. Идеология империи..... 35
3. Компоненты гегемонии..... 57
4. Военный аспект..... . 64
5. Второй Буш 93
Глава вторая. ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОДЪЕМ..... 120
1. Традиция..... . 120
2. Контроль над зоной влияния.....141
3. Военное строительство.....172
4. Подход Кеннеди — Джонсона..... 191
5. Первая проигранная война..... 207
6. От Вьетнама до распада СССР.....214
7. Администрация Р. Рейгана:
возвращение к биполярности.....254
8. Редчайший шанс: добровольный уход
второй сверхдержавы.....282
Глава третья. КТО ПРОТИВ.....307
1. Неприятие однополюсной гегемонии.....309
2. США и Европейский союз.....315
3.Китай..... . 371
4. Хаос.....395
Глава четвертая. ИСЛАМ ПРОТИВ США..... 411
1. Ислам мстит Западу..... 412
2. Реакция Америки-..... 427
3. Проблема Север — Юг..... 440
4. Цивилизационные различия..... 449
5. Готовность не к той войне..... 455
6. Реакция Америки..... 457
7. Антитеррористическая коалиция..... 461
Глава пятая. ФАКТОР РОССИИ..... 487
1. США—РФ: появление общего врага..... 496
2. Значимость России..... 500

3. Россия в Антитеррористической коалиции..... 507
734
4. Возможности коалиционного перегруппирования ... 516
5. Реальность после эйфории..... 524
6. Споры по обе стороны Атлантики..... 531
7. Возможности России 549
Глава шестая. ПЕРСПЕКТИВЫ ГЕГЕМОНИИ.....576
Глава седьмая. КОНЕЦ ВЕСТФАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ . . . 597
1 .Что обещает новый мир..... 597
2. Шансы гегемонии..... 605
3. Лидерство в неудовлетворенном мире..... 610
4. Факторы, ослабляющие гегемонию..... 615
5. Переход от однополюсного мира 626
6. Как удержать доминирующие позиции..... 632
7. Американская гегемония извне..... 650
8. Субъективные факторы..... 673
Глава восьмая. БУДУЩИЙ МИР..... 680
1. Желаемое военно-стратегическое будущее..... 680
2. Продолжительность гегемонии 685
3. Революционная демография..... 689
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....720

Уткин Анатолий Иванович
АМЕРИКАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
Редактор *П. Ульяшов* (контактный тел. 929-93-02)
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Д. Мытников*
Корректор *В. Викулкина*

ООО «Издательство «Эксмо». 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.:411-68-86, 956-39-21.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru Электронная почта (E-mail) — info® eksmo.ru
По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.
Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095)745-89-16.
Многоканальный тел. 411 -50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru
Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095)411-50-76.
Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96. Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»), Тел. 751 -70-54. Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.
Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо». Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.
Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети: Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812)310-22-44.
Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.
Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва». ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».
Весь ассортимент продукции издательства «Эксмо»
в Нижнем Новгороде и Челябинске: ООО «Пароль НН», г. Н. Новгород, ул. Деревообделочная, д. 8. Тел. (8312) 77-87-95.
ООО «ИКЦ «ДИС», г. Челябинск, ул. Братская, д. 2а. Тел. (8512) 62-22-18. ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.
Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атланта. Тел. + 49 (О) 721-1831212.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 27.11.2003 Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 38,64. Уч.-изд. л. 46,1. Тираж 3000 экз. Заказ № 4302341.
Отпечатано с готовых монтажей
на ФГУИПП «Нижполиграф». 603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.